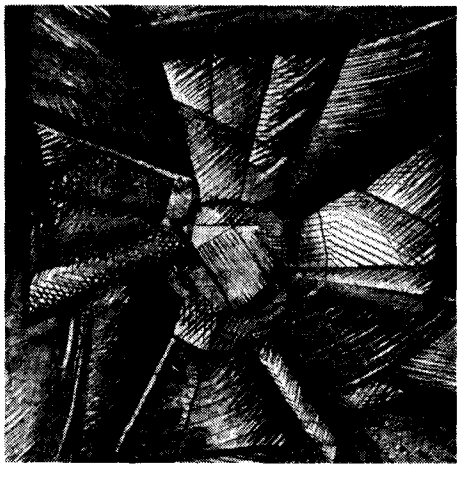
Димитрий ЛЕХОВИЧ

ДЕНИКИН.

ЖИЗНЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА



МОСКВА
«Евразия +»
2004

УДК 82/89
ББК 84
Л 52

Лехович Д.
Л 52 ДЕНИКИН. *Жизнь русского офицера*. — М.: «Евразия +», 2004. — 888 с., ил.

ISBN 5-93494-071-6

Димитрий Лехович — активный участник белого движения в России. Семнадцатилетним юношей он, оставив учебу в императорском Александровском лицее в Петербурге, вступил в армию генерала А. И. Деникина. После окончания Гражданской войны эмигрировал в США. Окончил Колумбийский университет в Нью-Йорке, прошел длинный путь бизнесмена, финансиста, банкира. Выйдя в отставку, занялся глубоким изданием пережитого, анализом истоков русской трагедии XX века. В 1992 году в издательстве «Воскресенье» вышел в свет его труд «Белые против красных. Судьба Антона Деникина». В настоящую книгу «Деникин. Жизнь русского офицера» благодаря усилиям семьи Димитрия Леховича — и прежде всего его сына Владимира, известного американского дипломата, — включено немало новых материалов, хранящихся в замечательной русско-американской семье, редких документов из зарубежных архивов. Перед читателями впервые как живые личности и символы эпохи предстанут А. Керенский и Л. Корнилов, вожди белого движения, о которых мало или недостаточно достоверно известно: Алексеев, Каледин, Марков и др. Развернуто — с детства и до конца жизненного пути — представлена крупная, неоднозначная, но глубоко патриотичная фигура генерала Деникина.

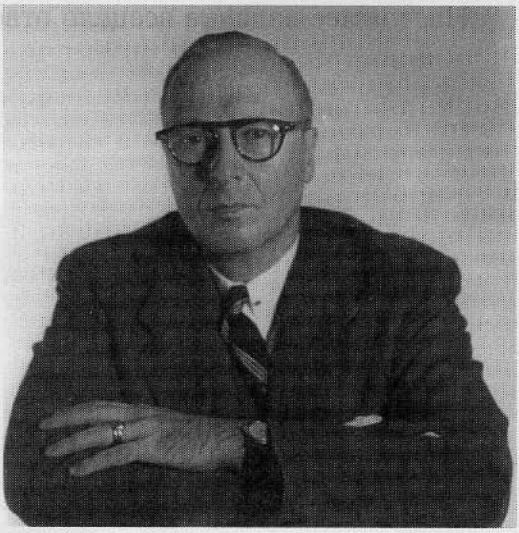
ISBN 5-93494-071-6 ББК 84

Л $\frac{4700000000\text{-}001}{56\text{М}(03)\text{-}2004}$

Copyright © 1973, 1974, 1992 by Dimitry V. Lehovich
Copyright © 2004 by Vladimir Lehovih
All Rights Reserved

© «Евразия +», оформление, 2004

ВВЕДЕНИЕ



До конца своей жизни Антон Деникин был русским патриотом. Последние его слова перед кончиной в 1947 году: «Вот не увижу, как Россия спасется». Он погребен в Америке, но последнее его желание было, чтобы гроб с его останками был перевезен в Россию со временем, когда обстановка на родине изменится.

Пятьдесят пять лет после кончины генерала Деникина... Место окончательного упокоения его праха является животрепещущим вопросом, обсуждаемым российскими властями с его потомками и с русской зарубежной общественностью. Естественно, что вновь возникший интерес к личности одного из самых выдающихся представителей России двадцатого века должен сопровождаться для читателя публикацией новых материалов.

На этом фоне выходит в свет книга «Деникин. Жизнь русского офицера», через десять лет после успешной публикации издательством «Воскресенье» сокращенного варианта книги «Белые против красных». Новое издание по объему раза в два больше первого. В него включены главы, ранее неизвестные российскому читателю, а также многочисленные заметки и примечания, содержащие материалы и источники, многие из которых существуют только на Западе, в том числе очевидцев. Это новое издание является ценным вкладом в историографию современной России. Российскому

читателю оно даст возможность подробно ознакомиться с объективной действительностью о Деникине и его эпохе, которая уже давно известна читателю на Западе.

Есть еще и другая важная причина для издания настоящей книги. По просьбе вдовы генерала Деникина мой отец в Америке написал эту книгу в двух версиях — русской и английской. Ксения Васильевна настояла на том, чтобы русская версия сохранилась до того времени, когда она станет доступной российскому читателю.

Настоящее издание всецело отвечает этому требованию.

Владимир ЛЕХОВИЧ,
Вашингтон, август 2002 года

ОТ АВТОРА

В бумагах вдовы генерала Деникина сохранилось любопытное письмо к ней от Вильгельма Генри Чемберлена. В начале 20-х годов он сочувствовал коммунистическому движению в России. Но, работая в Советском Союзе 12 лет (с 1922 по 1934 год) корреспондентом журнала «The Christian Science Monitor» и наблюдая, как применялась там на практике теория Карла Маркса, он изменил свое отношение к коммунизму. Его двухтомный труд «The Russian Revolution 1917—1921», опубликованный в 1935 году, был одной из первых серьезных попыток за границей дать продуманное и уравновешенное исследование той сложной эпохи.

Много лет спустя, в марте 1965 года, Чемберлен писал госпоже Деникиной, что, изучая труд ее мужа «Очерки русской смуты» и другие исторические источники, он проникся глубоким уважением к личности генерала Деникина и к его доблестной попытке отстоять подлинную ценность культуры и цивилизации от «надвигавшейся заразы коммунизма». Чемберлен выражал вдове генерала свое искреннее восхищение перед патриотизмом Деникина и свое сожаление, что белое движение потерпело неудачу; ибо, писал он, история не только России, но и Европы была бы гораздо счастливее, если бы поход Деникина увенчался успехом.

Деникин, противник самодержавия и убежденный сторонник конституционного строя типа британского, не искал власти, тяготился ею и смотрел на нее как на тяжкий крест, возложенный на него судьбой. Свою «диктатуру» периода гражданской войны он считал чисто временной — переходной фазой на пути к народовластию, то есть к подлинному демократическому строю государства, в возможность установления которого в России он искренно верил.

Белое движение генерала Деникина потерпело неудачу, а грандиозные события, происходившие после Второй мировой войны, совершенно затмили имя человека, на которого в свое время в России и вне ее одни смотрели с надеждой, другие — с ненавистью.

Вступив добровольцем в армию генерала Деникина семнадцатилетним юношей, я участвовал в наступлении с Юга на Север, а при отступлении с Севера на Юг был ранен, болел сыпным тифом. Одним словом, прошел все этапы, через которые пришлось пройти большинству участников гражданской войны в России. Конечно, видел я борьбу тогда только «снизу», под узким углом вольноопределяющегося, то есть фактически рядового солдата. Но все же видел я достаточно, чтобы на всю жизнь запомнить существовавшие тогда настроения, их колебания в зависимости от успеха или неудачи, поведение войск, отношение к ним населения, жертвенный подвиг одних и корыстный подход других к братоубийственной распре. Лишь значительно позже расширил я свои познания путем чтения всевозможных книг, статей, мемуаров, документов, печатавшихся как в Советском Союзе, так и русскими политическими эмигрантами и иностранными историками за рубежом. И чем глубже я вникал в прочитанное, тем больше меня интересовала биография и личность генерала Деникина.

Познакомиться с генералом и довольно близко узнать его мне довелось только в последние два года его жизни, когда после окончания Второй мировой войны он переехал из Франции в Соединенные Штаты. Беседы открыли мне эпизоды из его жизни, о которых я и не подозревал. А когда после его кончины вдова генерала Ксения Васильевна любезно разрешила мне ознакомиться с содержанием его архива, то у меня появилось твердое убеждение, что

биография генерала Деникина заслуживает самого серьезного внимания не только как глава из истории чрезвычайно важной эпохи, но и как описание яркой и в то же время трагической жизни незаурядного человека.

Все бумаги генерала после его смерти были переданы его вдовой на хранение в Русский архив Колумбийского университета с оговоркой, что пользование ими в полном объеме без особого на то разрешения предоставляется лишь начиная с 1980 года.

А потому я глубоко признателен Ксении Васильевне Деникиной за предоставленную мне возможность использовать весь архивный материал ее мужа, а также ее личный архив и впервые привести в печати не публиковавшиеся прежде исторически ценные бумаги генерала Деникина, его письма к жене, ее дневники, переписку Антона Ивановича с друзьями и знакомыми и целый ряд написанных им, но неопубликованных статей, памфлетов и исторических справок.

Моя книга предназначалась для англо-американского читателя и в конце сентября 1974 года была опубликована издательством W. W. Norton & Co., Inc., в Нью-Йорке под названием «White Against Red. The Life of General Anton Denikin».

Предоставив в мое полное распоряжение весь обширный и неопубликованный материал из биографии своего мужа, вдова генерала Деникина поставила мне одно лишь условие: она хотела, чтобы биография ее мужа была написана не только на английском, но на русском языках, чтобы показать российскому читателю личность человека, о котором во многих случаях создавалось неправильное представление.

Повинуясь желанию Ксении Васильевны Деникиной, я написал свою книгу и по-русски. В известной степени она расширяет и дополняет английский текст моей книги деталями и эпизодами, которые могут представлять больший интерес и иметь большее значение для русского читателя, чем для иностранцев.

В своей книге, опубликованной на английском, я привел с благодарностью длинный список лиц, которые так или иначе оказали мне любезное и очень ценное содействие в работе. Повторять этот список в данном случае я не буду. Хочу лишь подчеркнуть еще раз свою глубокую признательность Ксении Васильевне Деникиной (скончавшейся в марте 1973 года) за доверие, оказанное мне, а

также выразить сердечную благодарность покойному профессору Philli p E. Mosely,предоставившему мне возможность изучать без всякого ограничения различные документы периода нашей гражданской войны, хранящиеся в Русском архиве при Колумбийском университете в Нью-Йорке; дочери генерала Деникина Марине Антоновне Chiapre за то, что любезно поделилась со мной воспоминаниями о своем отце, связанными с ее детством и юностью.

Но русскому тексту биографии А. И. Деникина я больше всего обязан моей покойной жене и верному другу Евгении Сергеевне Лехович, урожденной княжне Урусовой, скончавшейся от рака 7 ноября 1975 года. Своими советами, критикой и неизменной моральной поддержкой она помогла мне довести начатое дело до конца. Даже в период самой мучительной фазы своей болезни, перед самым своим уходом из жизни, она торопила меня закончить обработку моей русской рукописи. А потому с величайшей признательностью за ее душевную щедрость и одновременно со жгучим чувством понесенной утраты я посвящаю русский текст моей книги ее светлой памяти.

Нью-Йорк, 1975 год

В книге все события и документы дореволюционной России и белого движения помечены юлианским календарем, а все советские документы и ссылки на западноевропейские источники датированы согласно григорианскому календарю. В тех случаях, где возможно недоразумение, дается ссылка на тот или иной календарь.

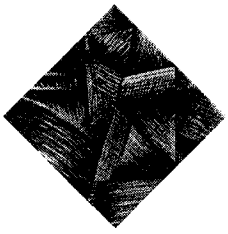
С момента приезда генерала Деникина в Англию в апреле 1920 года все даты указаны по григорианскому календарю.

ДЕНИКИН.

ЖИЗНЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА

Глава I

ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ



«Сим с приложением церковной печати свидетельствую, что в метрической книге Ловичской приходской Предтеченской церкви за 1872 год акт крещения младенца Антония, сына отставного майора Ивана Ефимова Деникина, православного исповедания, и законной жены его, Елисаветы Федоровой, римско-католического исповедания, записан так: в счете родившихся мужеска пола № 33-й, время рождения: Тысяча восемьсот семьдесят второго года, Декабря четвертого дня. Время крещения: того же года и месяца Декабря двадцать пятого дня.

На подлинном подписал: Настоятель Ловичской приходской Предтеченской церкви священник Веньямин Скворцов»[1].

Этим казенным языком отмечено было появление на свет и крещение в православную веру Антона Ивановича Деникина, будущего Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, чье имя неразрывно связано с началом борьбы против большевизма.

Хотя Деникина крестили в Ловиче, родился он во Влоцлавске, уездном городе Варшавской губернии, входившей в те времена в состав Российской империи.

Влоцлавск был тихим захолустным местом с польским и еврейским населением, не превышавшим 20 тысяч человек, без культурной и общественной жизни, даже без городской библиотеки. Но было там реальное училище, куда впоследствии и поместили молодого Деникина для обучения.

Детство Деникина прошло не только в бедности, но и в беспросветной нужде. Отец его, Иван Ефимович, из крепостных крестьян Саратовской губернии, родился в 1807 году, за пять лет до наполеоновского нашествия на Россию. В 27 лет он был сдан помещиком в рекруты.

В суровую эпоху императора Николая I солдаты служили 25 лет. За этот долгий срок, переменив много полков, Иван Ефимович потерял связь с родной деревней и со своей семьей. Родители его давно умерли. Были брат и сестра, но куда они девались, Иван Ефимович не знал. Лишь раз, будучи солдатом, попал он в город, где жил тогда брат. Иван Ефимович с радостью пошел его навестить, и тут случилось глубоко оскорбившее его событие: брат, оказывается, «вышел в люди» и давал в тот день званый обед. Ивана Ефимовича на этот обед не пригласили. Жена брата вынесла ему еду на кухню, но в покои не пустила. Иван Ефимович встал и не простившись ушел из негостеприимного дома своего брата. Больше он с ним никогда не встречался.

Поступив на военную службу лишь со знанием грамоты, Иван Ефимович — по словам своего сына — «кое-чему на службе подучился». Он участвовал в Венгерском походе (1849 года), в Крымской кампании (1854—1855 годов) и в усмирении Польского восстания (1863 года). В 1856 году он был произведен из фельдфебелей в прапорщики и назначен на службу в Польшу, в бригаду пограничной стражи. В 1869 году Иван Ефимович вышел в отставку в чине майора, а через два года, шестидесяти четырех лет от роду, женился вторым браком на польке-католичке Елисавете Федоровне (Францисковне) Вржесинской. От этого брака и родился в 1872 году сын Антон.[2]

Елисавета Федоровна происходила из семьи обедневших мелких землевладельцев, и ко времени своего знакомства с Иваном Ефимовичем единственным ее заработком на жизнь было шитье. Заработок приносил гроши, и на них она старалась содержать себя и своего старого отца.

«Помню нашу убогую квартирку во дворе на Пекарской улице» [Во Влоцлавске], — писал впоследствии Антон Иванович — две комнаты, темный чуланчик и кухня. Одна комната считалась «парадной» — для приема гостей; она же столовая, рабочая и

проч.; в другой, темной комнате — спальня для нас троих, в чуланчике спал дед [отец матери], а на кухне — нянька. Нянька моя Аполония, в просторечьи Полося, поступив к нам вначале в качестве платной прислуги, постепенно врастала в нашу семью, сосредоточила на нас все интересы своей одинокой жизни, свою любовь и преданность, и до смерти своей с нами не расставалась. Я похоронил ее в Житомире, где командовал полком».[3]

Семья Деникиных — пять человек, включая деда и няньку, — существовала на пенсию Ивана Ефимовича в 36 рублей в месяц. Пенсии, конечно, не хватало. Но отец ухитрялся раздавать кое-какие гроши еще более нуждающимся — в долг, но обыкновенно без отдачи... Это выводило из терпения мать, оберегающую свое убогое гнездо. Сыпались упреки: «Что же это такое, Ефимыч, ведь нам самим есть нечего...»[4]

И читая эти строки из незаконченной автобиографии А. И. Деникина «Путь русского офицера», диву даешься, что в 1966 году издательство Московского университета сочло возможным выпустить книгу «Крах деникинщины», где автор А. П. Алексашенко утверждает, что Деникин был «выходцем из курских помещиков». Факт в том, что Антон Иванович Деникин — один из вождей борьбы против коммунизма — был, несомненно, более «пролетарского происхождения», чем его будущие противники — Ленин, Троцкий и многие другие большевики.

Но вернемся к детству Деникина и к тем эпизодам его юности, которые сыграли важную роль в формировании характера и взглядов и так или иначе оказали влияние на дальнейший ход его жизни.

Несмотря на натянутые русско-польские отношения того времени, жизнь в семье Деникиных шла мирно и дружно. Отец всегда говорил дома по-русски, мать — по-польски. Не было недоразумений и в вопросе религии: отец ходил в православную церковь, мать — в костел. Сына воспитывали «в русскости и православии». Отец был глубоко верующим человеком, не пропускал церковных служб и сына всегда водил с собой в церковь. С детства Антон Иванович стал прислуживать в алтаре, петь на клиросе, бить в колокол, а впоследствии читать шестопсалмие и апостола. Но иногда, чтобы порадовать мать, ходил с ней в костел. В скромной полковой цер-

кви воспринимал он православное богослужение как «свое, родное, близкое», католическое же богослужение осталось у него в памяти лишь как интересное зрелище.

Бывали случаи, когда русско-польские трения[5] все же врывались в семью Деникиных. Однажды — и этот эпизод сильно запал в душу девятилетнего сына — мать его вернулась из костела чрезвычайно расстроенная, с заплаканными глазами. Отец допытывался, в чем дело, и под конец выяснил, что ксендз не допустил его жену к причастию, потребовав, чтобы впредь она тайно воспитывала сына в католичестве и польскости.

Узнав об этом, отец — человек прямой и горячий — «крепко выругался» и пошел к ксендзу. Произошло бурное объяснение, в результате которого напуганный ксендз просил отца «не губить его». Дело это, конечно, никаких последствий не имело, но «попытка к совращению» могла печально отразиться на жизни ксендза, ибо приемы власти в русской Польше в те годы были весьма крутые.

«Не знаю, — писал на старости лет Антон Иванович, — как происходили дальнейшие исповеди матери, ибо никогда более родители мои к этой теме не возвращались... С этого дня я, по какому-то внутреннему побуждению, больше в костел не ходил».[6]

Нет сомнения, что Антон Иванович искренно любил своего отца и глубоко был к нему привязан. Несомненно тоже, что от отца он унаследовал многие черты своего характера.

Вот как описывает он свои отношения с отцом: «Меня отец не поучал, не наставлял. Не в его характере это было. Но все, что отец рассказывал про себя и про людей, обнаруживало в нем такую душевную ясность, такую прямолинейную честность, такой яркий протест против всякой человеческой неправды и такое стоическое отношение ко всяким жизненным невзгодам, что все эти разговоры глубоко запали в мою душу».[7]

Мать часто жаловалась на судьбу, беспросветную нужду, а отец — никогда. В сундуке лежал его последний военный мундир, пересыпанный от моли нюхательным табаком. Хранил его отец как зеницу ока: «на предмет непостыдныя кончины — чтоб хоть в землю лечь солдатом».

И вот еще воспоминание сына об отце: «Когда происходила русско-турецкая война (1877—1878 годов) отцу шел уже семиде-

сятый год. Он заметно для окружающих заскучал. Становился все более молчаливым, угрюмым и прямо не находил себе места. Наконец втайне от жены подал прошение о поступлении вновь на действительную службу... Об этом мы узнали, когда много времени спустя начальник гарнизона прислал бумагу: майору Деникину отправиться в крепость Новогеоргиевск для формирования запасного батальона, с которым ему надлежало отправиться на театр войны.

Слезы и упреки матери:

— Как Ты мог, Ефимыч, не сказав ни слова... Боже мой, ну, куда Тебе, старику...

Плакал и я. Однако в глубине душонки гордился тем, что папа мой идет на войну.

Но на войну идти не пришлось. Война кончилась, и формирования прекратились.[8]

Молодой Деникин воспринимал бедность своей семьи как нечто вполне естественное. Один из немногих случаев, где подсознательно он ощутил «социальную» несправедливость, был, когда в шесть лет босым играл он с ребятишками на улице. Проходил мимо инспектор реального училища и увидел, как один из великовозрастных семиклассников дружески возился с Антоном и подбрасывал его в воздух, что доставляло ребенку большое удовольствие. Инспектор остановился и сделал семикласснику замечание:

— Как вам не стыдно возиться с уличными мальчишками!

«Я свету Божьего не взвидел от горькой обиды, — вспоминал этот эпизод Антон Иванович. — Побежал домой, со слезами рассказал отцу. Отец вспылил, схватил шапку и вышел из дому.

— Ах он, сукин сын! Гувернантки, видите ли, нет у нас. Я ему покажу!

Пошел к инспектору и разделал его такими крепкими словами, что тот не знал — куда деваться и как извиниться».[9]

Русской грамоте Антось, как молодого Деникина звали дома, выучился четырех лет. А в 1882 году, в возрасте девяти лет, он выдержал экзамен в первый класс Влоцлавского реального училища.

Это было важным событием и большой радостью для родителей. В первый раз в жизни повели они своего сына в кондитерскую и угостили его шоколадом и пирожными.

Реальные училища (Realschule), созданные в Германии в XVIII веке, начали создаваться в России в конце 30-х годов XIX столетия. В противовес классическим гимназиям, это были общеобразовательные учебные заведения, преследовавшие практические цели. Вместо глубокого изучения классицизма, древних языков и писаний латинских и греческих классиков реальное училище выпускало молодежь с хорошим знанием математики, физики, химии, космографии, естественной истории, рисования и черчения. Они готовили компетентные кадры к поступлению в высшие специальные учебные заведения, инженерные училища и т.д.

Всегда здоровый и крепкий, Иван Ефимович в последние годы жизни стал страдать болями в желудке. Оказалось — рак. К весне 1885 года он уже не покидал постели. В дни Великого поста, молясь вслух, он говорил:

— Господи, пошли умереть вместе с Тобой...

Молитва была услышана, желание исполнено: он умер в страстную пятницу и похоронен на третий день Пасхи. На могильной плите сослуживцы отца составили следующую надпись: «В простоте души своей он боялся Бога, любил людей и не помнил зла».

После смерти отца, пенсию сразу сократили. Мать стала получать лишь 20 рублей в месяц. Антону Ивановичу, 13-летнему ученику реального училища, пришлось подрабатывать, репетируя второклассников.

Через два года материальное положение стало настолько невыносимо, что на «семейном совете», состоящем из матери, сына и старой няньки, решено было просить директора реального училища разрешить держать «ученическую квартиру», то есть пансион для учеников. К великой радости Деникиных, директор дал разрешение на квартиру для восьми учеников с платой 20 рублей в месяц с человека за стол и помещение. К этому времени молодому Деникину было 15 лет. За ним установилась репутация хорошего ученика, и он был назначен «старшим» по квартире.

Переехали в новое помещение. Это было первым проблеском в беспросветной нужде.

Будучи сыном русского отца и польской матери, он рано почувствовал абсурдность «нелепой, тяжелой и обидной для поляков руссификации», проводимой русским правительством в Привисленском крае. Так, например, в русской Польше строжайше запрещалось говорить по-польски не только в школе, но даже в «ученических квартирах», то есть в пансионах. Виновные в нарушении этого правила подвергались наказаниям.

Невзирая на это, Антон со школьными товарищами-поляками говорил по-польски, с русскими — по-русски.

В седьмом классе, когда молодой Деникин учился уже вне дома, в Ловичском реальном училище,[10] его снова назначили старшим на ученической квартире. «Должность старшего, — пишет Антон Иванович, — предоставляла скидку — половину платы за содержание, что было весьма приятно; состояла она в надзоре за внутренним порядком, что было естественным, но требовало заполнения месячной отчетности, в одной из граф которой значилось: «уличенные в разговоре на польском языке». Это было совсем тягостно, ибо являлось попросту доносом. Рискуя быть смещенным с должности, что на нашем бюджете отразилось бы весьма печально, я всякий раз вносил в графу: «таких случаев не было».

Так длилось месяца три, но в один прекрасный день Антона Деникина вызвали к директору училища.

— Вы уже третий раз пишете в отчетности, что уличенных в разговоре на польском языке не было.

— Да, господин директор.

— Я знаю, что это неправда.

Молчу.

— Вы не хотите понять, что этой меры требуют русские государственные интересы: мы должны замирить и обрусить этот край...

Был ли директор твердо уверен в свей правоте и целесообразности такого метода «замирения», не знаю. Но до конца учебного года в моем отчете появлялась сакраментальная фраза — «таких случаев не было», а с должности меня не сместили».[11]

Этот малозначительный эпизод на «ученической квартире», свидетельствующий, казалось бы, лишь о том, что Деникин был хоро-

шим товарищем, приобретает более общий интерес ввиду последующих русско-польских отношений в период гражданской войны, когда генерал Деникин возглавлял белое движение на Юге России и когда глава Польского государства Пилсудский видел в нем врага Польши.

Это суждение повторяли потом многие историки, и оно было совершенно несправедливо.

О том, как Деникин относился к Польше, видно из его письма к одному из своих старых товарищей по реальному училищу во Влоцлавске. Письмо это написано было в 1937 году. В нем имеются следующие строки: «...и память моей покойной матери-польки, и детские и юношеские годы, проведенные на берегах Вислы, оставили во мне глубокий след и создали естественную близость, понимание и расположение к польскому народу».[12]

В те далекие времена русская молодежь в поисках «правды» часто отходила от церкви и искала разрешение недоуменного вопроса: в чем смысл жизни? — в учениях антирелигиозных.

Не избежал этих исканий и молодой Деникин. «Больше всего, — писал он на склоне лет, — страстнее всего занимал нас вопрос религиозный, не вероисповедный, а именно религиозный — о бытии Бога. Бессонные ночи, подлинные душевные муки, страстные споры, чтение Библии наряду с Ренаном и другой «безбожной» литературой... Я лично прошел все стадии колебаний и сомнений; и в одну ночь (в седьмом классе), буквально в одну ночь пришел к окончательному и бесповоротному решению:

Человек — существо трех измерений — не в силах сознать высшие законы бытия и творения. Отметаю звериную психологию Ветхого Завета, но всецело приемлю христианство и Православие.

Словно гора свалилась с плеч!

С этим жил, с этим и кончаю лета живота своего!»[13]

Несмотря на успешное окончание реального училища, выбор карьеры предопределился окружающей обстановкой. С раннего детства под влиянием рассказов своего отца Антон Деникин пристрастился к военной жизни. С местными уланами ездил он на водопой и купанье лошадей, ходил на стрельбища стрелковых рот,

за случайно перепавший пятак, покупал у солдат боевые патроны, сам их разряжал, а порох употреблял для закладывания и взрывания фугасов. Одним словом, военная служба стала его мечтой. Стал он также хорошим гимнастом и отличным пловцом, одним из лучших среди ребятишек, полоскавшихся в Висле.

За несколько лет до начала Первой мировой войны все военные училища в России были стандартизированы в смысле образовательного уровня и прав, которые они давали будущим офицерам. Но в то время, когда Деникин остановился на выборе военной карьеры, существовало несколько типов военных училищ.

На первом месте были военные училища, имевшие питомцами юношей, окончивших кадетские корпуса, то есть среднее образование с военным режимом. Состав молодежи был там однороден как по воспитанию, так и по образованию, и состоял главным образом из сыновей заслуженных офицеров и чиновников, принадлежавших к потомственному дворянству. Военные училища выпускали своих воспитанников со званием офицера во все роды оружия.

Затем были юнкерские училища. Они предназначались для молодых людей всех сословий; но для поступления в них образовательные требования были ниже, а потому по окончании их следовали известные ограничения.[14]

Наконец, в восьмидесятых годах прошлого века открылось еще два юнкерских училища: в Москве и в Киеве. Для поступления в них образовательный ценз был выше и права для оканчивающих — шире, чем в других юнкерских училищах. Принималась туда молодежь всех сословий, окончившая высшее или среднее образование в гражданских учебных заведениях и поступившая в армию «вольноопределяющимся», то есть в качестве рядового солдата, отбывающего воинскую повинность не по набору, а по собственному желанию, с правом выбора рода оружия и с сокращенным сроком действительной службы. Льготы давались вольноопределяющимся из-за образовательного ценза, с главной целью — подготовить их к офицерскому званию. Программа и права в Московском и Киевском юнкерских училищах были те же что и в

военных училищах, то есть окончивших выпускали офицерами во все роды оружия.

Предварительно записавшись вольноопределяющимся, то есть рядовым, в один из стрелковых полков, Антон Деникин поступил осенью 1890 года в незадолго до того открывшееся Киевское юнкерское училище (с военно-училищном курсом).

Началась для него суровая солдатская жизнь: еда — солдатская, казенное обмундирование и белье — солдатское, и получал он солдатское жалование в размере 22,5 копеек в месяц (!).

На подобное жалование раскутиться было трудно. Не хватало даже на табак... Из скудной пенсии и ничтожного заработка мелким вышиванием мать посылала сыну 5 рублей в месяц.

После окончания двухлетнего курса в училище А. И. Деникин в 1892 году был произведен в офицеры. Вышел он подпоручиком во 2-ю полевую артиллерийскую бригаду со стоянкой в городе Бела Седлецкой губернии, в 159 верстах от Варшавы.

Дворянский состав русского офицерства сохранился лишь в гвардии. В армии он быстро сходил на нет. Демократизация армии шла полным ходом.

«Выросло новое поколение людей, — писал А. И. Деникин, — обладавших менее блестящей внешностью и скромными требованиями жизни, но знающих, трудолюбивых, разделявших достоинства и недостатки русской интеллигенции».[15]

К этой категории он, несомненно, причислял самого себя.

Людям, не знакомым с русской военной историей, покажется почти невероятным, что в старой императорской русской армии к началу Первой мировой войны офицерство на 60% состояло из «разночинцев», то есть людей недворянского происхождения.[16]

И в то время как разночинцы в литературе и других свободных профессиях часто приносили с собой ненависть к существовавшему строю, разночинцы, попавшие в корпус офицеров, в большинстве своем явились оплотом русской государственности. Генералы Алексеев, Корнилов и Деникин первые подняли оружие против захвативших власть большевиков.

Город Бела, куда попал Деникин, в культурном отношении вряд ли многим отличался от Влоцлавска. Описание, данное ему энцик-

лопедическим словарем Брокгауза и Ефрона, звучит весьма уныло: «Число жителей 10 029 человек (в 1890 году), из коих православных 1013, католиков 2080, еврейского исповедания 6864, лютеран 65, и прочих вероисповеданий 7; мужская гимназия, учительская семинария, 2 детских приюта, 2 начальных училища, больница, мыловаренный завод, 2 кожевенных и пивоваренный. В городе бывают две ярмарки».

Вспоминая свое пребывание в городе Бела, А. И. Деникин говорил, что это была типичная стоянка для большинства войсковых частей, заброшенных в захолустья Варшавского, Виленского, отчасти Киевского военных округов.

В те времена на западе и юго-западе Российской империи евреи держали в своих руках всю городскую торговлю, были поставщиками, подрядчиками, мелкими комиссионерами («факторы»).

«Без фактора, — писал потом Деникин, — нельзя было ступить шагу. Они облегчали нам хозяйственное бремя жизни, доставали все — откуда угодно и что угодно; через них можно было обзаводиться обстановкой и одеваться в долгосрочный кредит, перехватить даже под вексель на покрытие нехватки в офицерском бюджете. Ибо бюджет был очень скромный: я, например, получал содержание 51 рубль в месяц.

...Связанный сотнями нитей с еврейским населением Белы в области хозяйственной, русский служилый элемент во всех прочих отношениях жил совершенно обособленно от него».[17]

Польское общество жило замкнуто и держалось в стороне от русских.

Русская интеллигенция Белы состояла исключительно из служилого люда — военного и гражданского. «В этом кругу, — пишет Деникин, — сосредоточивались все наши внешние интересы. Там «бывали», ссорились и мирились, дружили и расходились, ухаживали и женились. Из года в год все то же, все то же. Одни и те же разговоры и шутки... Ни один лектор, ни одна порядочная труппа не забрела в нашу глушь. Словом, серенькая жизнь, маленькие интересы — чеховские будни».

По своим духовным запросам и благодаря начитанности Деникин стоял выше рядового офицерства. Быть может, потому в компании своих сверстников он был не слишком разговорчив,

но пользовался среди них большим авторитетом и всеобщим уважением. К его мнению прислушивались, на него приглашали: «Приходите сегодня, посидим, поговорим — Деникин будет». Немало таких свидетельств дошло до нас от людей, знавших его в молодости.[18]

Была в нем содержательность, вдумчивость в явления окружающей жизни. Был и незаурядный ораторский талант. Тогда, в молодости, он выражался лишь в «застольных речах»: приветствия тем, кого чествовали, прощальных словах тем, кто уходил, а иногда и в речах на злободневные военные вопросы. После революции 1917 года имя Деникина, как яркого и бесстрашного оратора, стало широко известно в России.

Голос у него был низкий и звучно покрывал большое пространство. Роста он был ниже среднего, скорее низкого; крепкого, коренастого сложения, с наклонностью к полноте. Густые нависшие брови, умные проницательные глаза, открытое лицо, большие усы и клином подстриженная борода. Впоследствии, когда волосы стали редеть, Деникин начал брить свою голову наголо.

Осенью 1895 года, после нескольких лет подготовки, Антон Иванович выдержал конкурсный экзамен в Академию Генерального штаба, окончание которой — при наличии способностей и удачи — сулило офицеру возможность большой военной карьеры.

После детства и юности, проведенных в глухой провинции, жизнь в Петербурге столкнула Деникина со многими совершенно новыми для него явлениями. Впервые пришлось ему видеть императора Николая II, впервые быть на придворном балу в Зимнем дворце. Академия Генерального штаба получила туда 20 приглашений, и одно из них досталось Деникину. «Я и двое моих приятелей держались вместе, — описывает это событие Деникин. — На нас, провинциалов, вся обстановка бала произвела впечатление невиданной феерии по грандиозности и импозантности зала, по блеску военных и гражданских форм и дамских костюмов, по всему своеобразию придворного ритуала. И вместе с тем в публике, не исключая нас, как-то не чувствовалось никакого стеснения ни от ритуала, ни от неравенства положений».[19]

Впервые также столкнулся Деникин с петербургской интеллигенцией разных толков, со студентами и курсистками, с нелегальной литературой, печатавшейся левыми эмигрантами того времени за границей и переправлявшейся в Россию. Все это было ново, все интересно, обо всем хотелось составить свое собственное суждение.

Нелегко было молодому Деникину совместить весь наплыв новых впечатлений с академическими занятиями. Один из его товарищей по академии, знавший Деникина с его первого офицерского чина, оставил нам интересное на эту тему свидетельство: «В академии Антон Иванович учился плохо; он окончил ее последним из числа имеющих право на производство в Генеральный штаб. Не потому, конечно, что ему трудно было усвоение академического курса. Да и курс этот, вопреки существовавшему тогда в армии и обществе мнению, не был труден. Он был очень загроможден. Академия требовала от офицера, подвергнутого строгой учебной дисциплине, всего времени и ежедневной регулярности в работе. Для личной жизни, для участия в вопросах, которые ставила жизнь общественная и военная вне Академии, времени почти не оставалось. А по свойствам своей личности Антон Иванович не мог не урывать времени у Академии для внеакадемических интересов в ущерб занятиям. И если все же кончил ее, то лишь благодаря своим способностям».[20]

Однако в Генеральный штаб он попал не сразу, хотя имел на то полное право. Деникин и еще три офицера, одни из последних перед чертой, были отодвинуты за черту, и их место заняли другие.

Этот случай сыграл настолько важную роль в жизни Деникина, что следует на нем остановиться.

В Академии к моменту выпуска Деникина произошла большая перемена. Начальник Академии, генерал Леер, известный не только в русских, но и в европейских военных кругах как выдающийся лектор в области стратегии и философии войны, был смещен. На его место назначен был генерал Сухотин, человек, по-видимому, сумбурный, властный и грубый, но друг военного министра. Он открыто критиковал своего предшественника, его методы, систему обучения и сразу же начал их ломать.

Достаточно сказать, что список офицеров, предназначенных в Генеральный штаб, перед самым их выпуском из Академии менял-

ся Сухотиным совершенно произвольно четыре раза. В двух первых списках имя Деникина было включено, но в два последних не попало.

Это было нарушением всех правил. Вскоре выяснилось, что, минуя конференцию академии и свое непосредственное начальство, Сухотин пользовался близостью своей к военному министру Куропаткину: отвозил ему доклады об «академических реформах» и привозил их обратно с надписью: «Согласен».

Примириться с подобным произволом Деникин не мог. Годы лишений, упорного труда, приобретенные знания, расширенный кругозор, надежды на будущее — все это сразу сводилось на нет сумбурной волей одного человека. И он прибег к единственному законному способу, предусмотренному дисциплинарным уставом: к жалобе.

«Так как нарушение закона и наших прав, — писал он впоследствии, — совершено было по резолюции военного министра, то жалобу надлежало подать на него — его прямому начальству, то есть Государю Императору... Я написал жалобу на Высочайшее имя...»[21]

В военном быту, проникнутом насквозь идеей подчинения, такое восхождение к самому верху иерархической лестницы являлось фактом небывалым.

Деникин предложил своим товарищам по несчастью последовать этому примеру, но они уклонились.

В бюрократическом Петербурге этот эпизод быстро превратился в большое событие. О нем говорили, его обсуждали, делали догадки, чем «этот скандал» кончится. Казалось невероятным, что молодой человек, бог знает откуда взявшийся, без имени, без связей, без протекции, вдруг посмел ополчиться против всесильной бюрократии. Штабс-капитан — против военного министра! Педагогический персонал и все товарищи Деникина по Академии были на его стороне. Произошла большая несправедливость, и они всячески старались проявить к нему внимание и сочувствие. Начальник же академии, генерал Сухотин, хотел придать жалобе Деникина характер «крамолы». Военный министр приказал собрать академическую конференцию для обсуждения этого вопроса. Конференция вынесла решение, что действия начальника Академии были

незаконны. Но это решение положили под сукно. Военное начальство всеми способами пыталось замять дело, но так, чтобы не срамиться, чтобы не попасть в глупое положение. В результате Деникина и трех других неудачников вызвали в Академию, «поздравили» с вакансиями в Генеральный штаб. Однако Деникину сообщили, что он будет причислен к Генеральному штабу лишь в том случае, если возьмет обратно свою жалобу, подав заявление, что он, мол, хоть прав никаких на то не имеет, «но, принимая во внимание потраченные годы и понесенные труды, просит начальнической милости»...

В этом подходе к делу академическое начальство не учло одного простого факта — психологии Деникина. Он возмутился и вспылил:

— Я милости не прошу. Добиваюсь только того, что мне принадлежит по праву.

Здесь впервые открыто сказались две черты деникинского характера: гражданское мужество и твердость.

Но слишком много впутано было в эту историю бюрократического самолюбия. Деникина не причислили к Генеральному штабу за характер.

Через некоторое время пришел ответ из «Канцелярии прошений, на Высочайшее имя подаваемых». Жалобу Деникина решено было оставить без последствий.

Таким образом, поднятый шум пошел впрок лишь его трем товарищам, жалобы не подавшим; сам же Деникин остался в полном проигрыше.

Любопытное наблюдение по этому поводу записал один из близких к Деникину людей: «Обиду несправедливости молодой капитан Деникин переживал очень болезненно. По-видимому, след этого чувства сохранился до конца дней и у старого генерала Деникина. И обиду с лиц, непосредственно виновных, перенес он много резче, чем это следовало, на режим, на общий строй, до самой высочайшей, возглавляющей его вершины».[22]

Так или иначе, все происшедшее оставило в душе Деникина горький осадок и «разочарование в правде монаршей». «Каким непроходимым чертополохом, — думал он, — поросли пути к правде!» Это его собственные слова.[23]

Итак, все надежды рухнули, делать было нечего. Весной 1900 года Антон Иванович вернулся в свою артиллерийскую бригаду, в город Бела. Там снова начались томительные будни.

Два года спустя, когда страсти улеглись, написал он из своей трущобы личное письмо военному министру генералу Куропаткину и спокойно изложил ему «всю правду о том, что было».

Куропаткин, прежде смотревший на эту историю лишь глазами генерала Сухотина, на этот раз сам проверил все факты и убедился в своей неправоте. К чести Куропаткина, в ближайшей аудиенции у государя он «выразил сожаление, что поступил несправедливо и испросил повеления» на причисление Деникина к Генеральному штабу.

Пять лет (в общей сложности), проведенные Деникиным в городе Бела, не прошли для него бесследно. В свободное время стал он там заниматься писанием. Рассказы его из военного быта и статьи военно-политического содержания печатались в течение ряда лет, вплоть до Первой мировой войны. Печатались они под псевдонимом «И. Ночин» в журнале «Разведчик» и одно время, до 1904 года, в «Варшавском дневнике». В своих «Армейских заметках» Деникин умудрялся, в рамках дисциплины, хлестко обрисовывать отрицательные стороны армейского быта и отсталость командного состава. Это было началом его литературной деятельности.

Там же, в Беле, жил некий Василий Иванович Чиж. Недавно еще сам офицер-артиллерист, он был местным податным инспектором. С ним и его женой Антон Иванович очень подружился. В год производства Деникина в офицеры у супружества Чиж родилась дочь Ася. Три года спустя Антон Иванович подарил ей на Рождество куклу, у которой открывались и закрывались глаза. Девочка запомнила этот подарок на всю жизнь.

В январе 1918 года в Новочеркасске, перед уходом Добровольческой армии в свой знаменитый Первый поход, она стала женой генерала Деникина.

Потеряв после окончания академии два года, Деникин летом 1902 года был наконец переведен в Генеральный штаб. Служба его проходила сперва в штабе 2-й пехотной дивизии в Брест-Литовске; затем для ценза командовал он в Варшаве ротой 183-го пехотного Пултусского полка; а потом, осенью 1903 года, получил назначение

опять в Варшаве, в штаб 2-го кавалерийского корпуса на должность офицера Генерального штаба. Здесь в чине капитана застало его начало русско-японской войны.

Непродуманная и легкомысленная русская политика на Дальнем Востоке столкнулась в начале XX века с захватническими стремлениями Японии, где уже тогда зарождались грандиозные планы доминировать континент Азии. Япония, сама подготовившаяся к войне, знала, что Россия не готоова к вооруженному столкновению за тысячи километров от центра страны. В ночь на 27 января (старого стиля) 1904 года она внезапно, без объявления войны, напала на русскую эскадру в Порт-Артуре и крейсер и вывела из строя два русских броненосца «Ретвизан» и «Цесаревич» и крейсер «Палладу». Этот пиратский налет сразу дал японцам превосходство на море и возможность беспрепятственно переправлять войска на материк.

Русское общественное мнение мало интересовалось Дальним Востоком, и война с Японией явилась для него полной неожиданностью. Война была непопулярна. По мнению Деникина, единственным стимулом, оживившим чувство патриотизма и оскорбления национальной гордости, было предательское, без объявления войны нападение на Порт-Артур.

Деникин очень остро переживал это японское нападение и считал своим долгом скорее попасть на фронт.

Войска Варшавского военного округа, где он служил, не подлежали отправке на Дальний Восток. Они оставались заслоном на русской границе с Германией и Австро-Венгрией. Несмотря на болезнь (порванные связки на ноге в результате несчастного случая), Деникин сразу же подал рапорт об откомандировании его в действующую армию.

На японскую войну Деникин вышел в чине капитана. На фронте боевая деятельность быстро выдвинула его в ряду выдающихся офицеров Генерального штаба.

Попав сперва на должность начальника штаба одной из бригад Заамурского округа пограничной стражи, Деникин затем был начальником штаба Забайкальской казачьей дивизии под командой

генерала Ренненкампфа и закончил войну в конном отряде генерала Мищенко — начальником штаба Урало-Забайкальской дивизии.

По своей природе он не слишком любил штабную работу. Его всегда тянуло на более активную деятельность боевого участка на фронте. Эту роль он с отличием несколько раз совмещал с должностью начальника штаба.

Первый опыт боевого командования был в ноябре 1904 года во время Цинхеченского боя. Генерал Ренненкампф, по просьбе Деникина, послал его в авангард заместить командира одного из казачьих полков. Деникин блестяще выполнил свою миссию, штыками отбив японские атаки.

За отличия в боях Деникина быстро произвели в подполковники, затем в полковники. Производство в полковники на 13-м году службы в офицерских чинах в те времена было большим скачком в карьере русского офицера.

Сочетание боевых качеств Мищенко и Деникина создало большую известность отряду генерала Мищенко, особенно в мае 1905 года после конного набега в тыл противника. Этим набегом удалось истребить японские склады и транспаранты, испортить путь подвоза и телеграфных сообщений, захватить пленных. Но главным следствием этого рейда — был моральный подъем в армии, не слишком избалованной успехами.[24]

Деникин уважал и ценил генерала Мищенко. О совместной работе с ним, Деникин запомнил, между прочим, следующее: «Когда бой становился жарким, генерал Мищенко со своим штабом неизменно шел впереди с солдатами в стрелковой цепи:

— Я своих казаков знаю, — говаривал он — им, знаете ли, легче, когда они видят, что и начальству плохо приходится».

В историю русско-японской войны вошли названия нескольких сопок — уединенных гор, холмов и возвышенностей, — связанных с эпизодами русского мужества. Среди них имеется «Деникинская Сопка» близ позиций Цинхеченского сражения, прозванная в честь той схватки, где Деникин штыками отбил японское наступление.[25]

Еще до японской войны недовольство правительством среди левых кругов интеллигенции выявлялось в разных выступлениях и даже в политических убийствах. (Были убиты министр народно-

го просвещения Боголепов и министр внутренних дел Сипягин.) Эти военные неудачи дали повод пойти открыто на разрыв с непопулярным правительством.

Каждая новая неудача на фронте увеличивала раздражение и критику. Использованная в целях политической борьбы, критика перешла в беспорядки. Начались террористические акты, аграрные волнения, крестьяне сводили счеты с помещиками, жгли и громили их усадьбы. В Петербурге и других городах образовались Советы рабочих депутатов, предвестники Советов 1917 года. И впервые там промелькнула беспокойная фигура Льва Троцкого. Волна забастовок прокатилась по России, и в октябре 1905 года — всеобщая политическая забастовка, включая железные дороги, парализовала на время жизнь страны. Вспыхнул ряд военных бунтов; вспыхнуло вооруженное восстание в Москве. Хаос анархии охватил всю страну.

Начиналась первая русская революция — прелюдия к тому, что произошло в 1917 году.

В создавшихся еще летом условиях правительство не могло продолжать войну. В сентябре 1905 года был заключен Портсмутский мир.

С дальневосточной окраины по Сибирскому пути внутрь России двинулась волна демобилизуемых запасных солдат. В эту волну попал и Деникин.

В то время как действующая армия каким-то чудом сохранила свою дисциплину, солдаты «запаса» быстро разложились под влиянием антиправительственной пропаганды. Они буйствовали, бесчинствовали по всему армейскому тылу. Их лозунгом было — скорее добраться домой. Не считаясь ни с чем, они требовали немедленного возвращения по домам. Военное начальство растерялось. Не организовав ни продовольственных пунктов вдоль Сибирского пути, ни охрану этой бесконечно длинной дороги, командование приказало выдавать в Харбине кормовые деньги «запасным» сразу на все путешествие.[31] Затем их отпускали одних, без вооруженной охраны поездов. Результат легко можно было предвидеть: деньги пропивались тут же, а потом голодные толпы демобилизуемых солдат громили и грабили все, что было под рукой вдоль Сибирской магистрали. А вдоль магистрали тем временем,

как грибы после дождя, выросли вдруг различные «республики»: Иркутская, Красноярская, Читинская и т.д. В отличие от петербургского Совета рабочих депутатов, «советы» этих «республик» включали также группы «солдатских депутатов».

Впервые тогда пришлось Деникину близко наблюдать «выплеснутое из берегов солдатское море».

Самое бурное время первой революции провел он в поездке по Сибирской магистрали. Из-за забастовок газет в пути не было, достоверных сведений о том, что происходило в России, тоже не было.

А «запасные» продолжали бушевать, безобразничать и захватывать силой паровозы и поезда, чтобы вне очереди пробираться в европейскую Россию. Поезд, где ехали Деникин, — набитый солдатами, офицерами и железнодорожниками, — пытался идти легально, то есть по какому-то расписанию и соблюдая очередь. Но ничего из этого не получалось. Делали они не больше 150 километров в сутки, а иногда, проснувшись, видели, что поезд их стоит на том же полустанке, так как ночью «запасные» проезжавшего эшелона отцепляли и захватывали их паровоз. Наконец, потеряв терпение, Деникин и еще три полковника образовали небольшую вооруженную часть из офицеров и солдат. Комендантом поезда объявили старшего из четырех полковников, отобрали паровоз у одного из бунтующих эшелонов, назначили караул на паровоз и с вооруженной охраной двинулись в путь полным ходом. Сзади за ними гнались эшелоны взбунтовавшихся солдат, спереди их ждали другие, чтобы преградить дорогу; в любую минуту грозила им кровавая расправа. Но при виде организованной вооруженной команды напасть никто не решался. Ехали они большей частью без «путевок», передавая иногда с дороги «распоряжение» по телефону начальникам попутных станций — «чтоб путь был свободен».

Как ни странно, это фантастическое путешествие закончилось благополучно. Горсти людей, спаянных дисциплиной, удалось пробиться к намеченной цели среди анархии и озверелых толп. Деникин этот эпизод хорошо запомнил. Он понял, что при безвластии и государственной разрухе даже маленький кулак есть явление, с которым считаются.

До Петербурга он добрался в начале января 1906 года, проведя недели две в Харбине и свыше тридцати суток в дороге.

Правительство, вынужденное под давлением событий идти на уступки, формально признало конец неограниченной монархии. Манифестом 30 октября 1905 года оно обещало даровать населению конституцию, свободу слова, совести, собраний, союзов, неприкосновенность личности. Более правая часть оппозиции, умеренные либералы из имущих классов, уже достаточно напуганные эксцессами того, что происходило вокруг, — перешли тогда на сторону правительства.

Еще в августе 1905 года был издан Манифест об учреждении Государственной думы. Но этот манифест никого не удовлетворил, ибо Дума трактовалась там как учреждение «совещательного» характера при самодержавной власти. Манифест же 30 октября объявлял как «незыблемое правило», что никакой закон не может войти в силу без одобрения Государственной думы. Он тоже обещал, что народным избранникам будет дана возможность участвовать в контроле над закономерностью действий властей.

Новый русский парламент должен был состоять из двух палат: Государственной думы и Государственного совета.

Избирательное право в Думу давало преимущества цензовому элементу и имущим классам. Но даже в этом урезанном виде сам факт привлечения народных представителей к участию в государственном управлении был чрезвычайно важным шагом вперед.

Государственный совет, существовавший уже со времен императора Александра I (с 1801 года), был преобразован в «верхнюю палату» с половиной своих членов по выборам, а с другой половиной по высочайшему назначению.

Законы, принятые Думой, должны были идти на одобрение Государственного совета, и лишь затем утверждались государем.

Деникин, считавший что «самодержавно-бюрократический режим России являлся анахронизмом», приветствовал Манифест 30 октября 1905 года. Для него этот манифест, хотя и запоздалый, был событием огромной исторической важности, открывавшим новую эру в государственной жизни страны. «Пусть избирательное право, — говорил он, — основанное на цензовом начале и

многостепенных выборах, было несовершенным... Пусть в русской конституции не было парламентаризма западно-европейского типа... Пусть права Государственной думы были ограничены, в особенности бюджетные... Но со всем этим актом заложено было прочное начало правового порядка, политической и гражданской свободы и открыты пути для легальной борьбы за дальнейшее утверждение подлинного народоправства».[26]

В самом конце 1905 года правительство очнулось от состояния прострации и стало принимать меры к подавлению анархии. Были арестованы члены Совета рабочих депутатов, сурово подавлено восстание в Москве. Для восстановления порядка на Сибирской магистрали были двинуты два воинских отряда навстречу друг другу. Один шел из Харбина на запад, другой — из Москвы на восток. К середине февраля 1906 года движение на Сибирском пути постепенно восстановилось.

Но беспорядки «слева» вызвали беспорядки «справа». Возникла контрреволюционная деятельность среди монархистов крайне правого толка. С помощью тайной полиции она была направлена против революционной интеллигенции, евреев, а также против «конституции» 30 октября. Во многих городах и местечках произошли погромы.

Революционное движение 1905—1906 годов, широкое в смысле недовольства существующим строем, включило людей со слишком различным подходом к конечной цели. Не было ни ярко выраженного вождя, ни объединяющего начала, кроме разве общего желания свергнуть самодержавие. Политические партии, лишь недавно появившиеся на русском горизонте, не успели еще окончательно выработать свои программы, среди них были постоянные ссоры и раскол по вопросам тактики.

И хотя большевики приписывают себе теперь руководящую роль в событиях того времени — это неправда. Левые политические группировки являлись тогда скорее активными подстрекателями к народному мятежу, чем руководителями организованного движения.

Ввиду той роли, которую политические партии сыграли в событиях 1917 года и в период гражданской войны в России, следует

ознакомиться с их происхождением, программой, составом и методом действий и одновременно выяснить политические взгляды Антона Ивановича Деникина.

В XIX веке часть русской интеллигенции стала впитывать в себя, как губка, «передовые» идеи Запада. К концу века и к началу XX столетия эти идеи начали постепенно оформляться в определенные программы политических партий.

В 1898 году на нелегальном съезде в Минске, русскими последователями учения Карла Маркса была организована социал-демократическая рабочая партия. В 1903 году, как известно, эта партия раскололась на заграничном съезде в Брюсселе и Лондоне на большевиков и меньшевиков.

Меньшевики считали, что экономическая и индустриальная отсталость России, незначительный в ней процент рабочего класса, исключали возможность немедленно установить в стране социалистический строй. А потому они настаивали, что ближайшая революция должна иметь характер буржуазно-демократического переворота. Уничтожив самодержавие, водворив политическую и гражданскую свободу, этот новый буржуазный строй лишь со временем — при соответствующем развитии капитализма в России и при широкой поддержке рабочего класса — создаст подходящие условия для перехода к социализму. Процесс эволюции занимал в их учении весьма значительное место. Делая главное ударение на рабочих, меньшевики в своих теориях относились к роли крестьян скептически.

Руководители меньшевиков — Плеханов, Мартов, Аксельрод и другие — в большинстве были теоретиками западно-европейского склада ума.

Олицетворявший большевиков и мало тогда известный Ленин, соглашаясь с мыслью, что буржуазно-демократический переворот явится предшественником социалистической революции, резко расходился с меньшевиками во всех остальных взглядах. В меньшевиках он видел людей слова, а не дела. Когда нужно было, Ленин умел выжидать, но вообще считал необходимым действовать сообразно сложившимся обстоятельствам и идти к намеченной цели возможно кратчайшим путем. Он считал, что основой партии может быть лишь небольшая, но спаянная же-

лезной дисциплиной организация профессиональных революционеров, слепо повинующихся воле Центрального Комитета, то есть самого Ленина. Такой подход требовал, с одной стороны, конспирации, с другой — не вызывал необходимость иметь широкую базу в массе населения.

Меньшевики отрицали террор. Ленин считал террор, при известных условиях, необходимым орудием борьбы.

Крестьянские волнения 1905—1906 годов убедили его в том, что деревенская беднота может явиться полезным союзником рабочего пролетариата, потому в его дальнейших расчетах захвата власти крестьянство стало играть далеко не последнюю роль.

Среди марксистов того времени была еще одна небольшая фракция, державшаяся в стороне и от большевиков, и от меньшевиков. Представителем ее был Лев Троцкий. Он полемизировал и с теми, и с другими и уже тогда формулировал свою теорию непрерывной или «перманентной» революции.

Приблизительно одновременно с социал-демократами образовалась партия «социалистов-революционеров» (эсеры). Хотя ее первый партийный съезд для разработки программы и тактики состоялся лишь в 1905 году, революционная деятельность этой партии началась уже на рубеже XIX и XX веков. Свое начало партия эсеров вела от движения народников в семидесятых годах XIX века. В то время как внимание марксистов сосредоточивалось на рабочих, эсеры считали себя главным образом поборниками интересов крестьянства. В аграрном вопросе программа партии сводилась к социализации земли, к конфискации ее от прежних владельцев без вознаграждения. Партия стояла за изъятие земли из частной собственности и обращение ее в общенародное достояние. Пользоваться землей в определенной норме могли лишь те, кто ее обрабатывали собственным трудом.

Эсеры верили что террор, создавая растерянность в правительственных кругах, сможет подтолкнуть инертные массы населения на вооруженное восстание. А потому в своей политической борьбе они применяли террор в широком масштабе. С этой целью в 1902 году была основана законспирированная от рядовых членов партии боевая организация, подчиненная Централь-

ному Комитету партии. Ее жертвами стали генерал-губернатор Москвы, великий князь Сергей Александрович, министры внутренних дел Сипягин и Плеве и другие сановники, губернаторы, генералы и многочисленные правительственные чиновники и служащие, включая городовых, урядников и стражников. Во главе Боевой организации был сначала Григорий Гершуни, но после его ареста на смену ему пришел знаменитый впоследствии провокатор — агент департамента полиции Азеф. С 1903 по 1908 год он руководил убийством неугодных ему представителей царской власти (под его руководством были убиты великий князь Сергей Александрович и Плеве) и в то же время выдавал полиции неугодных ему революционеров. Любопытно, что эсерам, опытным в деле политических убийств, не удалось расправиться с Азефом, разоблаченным в 1909 году, бежавшим в Германию и умершим девять лет спустя.

Следует отметить, что среди эсеров никогда не было наемных убийц и что некоторые из тех, кто совершили политические убийства, были идеалистами-романтиками и людьми большой моральной чистоты.[27]

Видными руководителями партии эсеров были Виктор Чернов, «бабушка русской революции» Екатерина Брешко-Брешковская, Н. Авксентьев, В. Зензинов, террорист Борис Савинков и другие.

Среди социалистов-революционеров, как и среди марксистов, не было единства. Даже в разгаре первой революции разногласия привели их к расколу. Левое крыло партии откололось от более умеренного. Но несмотря на внутренние распри, и марксистам, и эсерам удалось привлечь в свои ряды значительное количество учащейся молодежи — студентов и курсисток, учителей, врачей и адвокатов. Кроме того, марксисты расширяли свою базу среди рабочих, эсеры — среди крестьян.

Эсеры были самой многочисленной из русских политических группировок и в 1917 году получили большинство крестьянских голосов в разогнанное большевиками Учредительное собрание.

Крестьяне тут, по-видимому, не слишком разобрались в одном весьма важном обстоятельстве, а именно, что «защитники их интересов» — эсеры — настаивали на социализации всей земли, включая земли крестьян. По-своему идеализируя крестьянскую общи-

ну и приписывая крестьянам инстинкт коммунизма, по традиции эсеры отметали факт, который очевиден был марксисту Плеханову, что по природе своей русский крестьянин (как и фермер в странах Запада) отнюдь не являлся социалистом.

Радуясь захвату и разделу чужих земель в свою пользу, крестьянин ни в коем случае не желал «социализации» в применении к самому себе. И когда пришедшие к власти большевики стали, наконец, применять эти меры в отношении к русской деревне, то крестьянин с некоторым опозданием понял, что социализм ему совсем не по вкусу.[28]

Политическая партия либерально настроенных кругов образовалась лишь после того, как были основаны партии социалистические. (Она была основана в Москве в октябре 1905 года.)

Получив двойное название Партии народной свободы, а также Конституционно-демократической партии» (К.-Д.), в разговорном обиходе она называлась кадетской партией, а члены ее получили прозвище «кадеты». В эту партию вошли либеральные элементы русской интеллигенции — профессора, адвокаты, врачи, деятели земского и городского самоуправления, либеральные помещики, — стремившиеся к уничтожению самодержавия, но не желавшие социальной революции. Их программа включала конституционную монархию с парламентарным строем, основанную на всеобщем и равном избирательном праве, с тайной и прямой подачей голосов; увеличение крестьянского землевладения путем принудительного отчуждения государственных, удельных и монастырских земель, а также путем выкупа по справедливой оценке частновладельческих земель; свободы личности, свободы слова, свободы рабочих союзов, свободы культурного самоопределения национальностей, населяющих Россию. Желания кадет сводились к установлению в России парламентарного строя по образу и подобию британского или французского.

Список членов кадетской партии включал культурный цвет Российской империи.

Как ни странно, подлинные представители русской буржуазии — богатые купцы, владельцы фабрик и заводов — остались в стороне и далеко не сразу примкнули к партии, которая, казалось бы, должна была отражать их интересы.

Кадеты не вели пропаганду своих идей среди рабоче-крестьянской массы. Они искали поддержку буржуазии и городской интеллигенции.

Были еще две политические группировки: трудовики и народные социалисты.

В общих своих политических предпосылках они находились левее кадет и правее «крайне-левых» партий, в аграрной же программе они до некоторой степени примыкали к партии социалистов-революционеров. Трудовики имели членами своей группы крестьян и представителей трудовой интеллигенции.

В эту группу потом вошел Керенский.

Партия народных социалистов, количественно очень небольшая, состояла в основном из представителей академических групп и профессиональных классов. Самыми видными ее членами были Мякотин, Пешехонов, Анненков, старый революционер Николай Чайковский, историк Сергей Мельгунов и писатель Марк Алданов. Идеологически они были республиканцами, но в своей программе не выдвигали требования республики, так как считали, что в то время подобное требование не соответствовало настроению народных масс. Они стремились быть легальной партией и действовать открыто. К насилию во всех его проявлениях, как справа так и слева, они относились отрицательно и на такую форму социалистической борьбы, как захват крестьянами помещичьих земель, смотрели неодобрительно.

В период гражданской войны все кадеты и многие «народные социалисты» открыто поддерживали белое движение; а народный социалист Н. Чайковский, сперва возглавлявший противобольшевистское правительство в Архангельске, был затем одно время членом кабинета в правительстве генерала Деникина на Юге России.

Правее кадет находилась группа октябристов, объединившихся на принципах провозглашенных Манифестом 30 октября 1905 года. Фактически эта группа состояла из консервативно настроенных людей, которые в период Столыпина явились правительственной партией в Государственной думе. Видными представителями октябристов были А. И. Гучков и М. В. Родзянко.

На самом правом фланге находились две бескомпромиссно-реакционные группы — Русская монархическая партия и Союз русского народа. Они стояли за царское самодержавие без всяких парламентарных ограничений и вмешательств.

Какие же политические взгляды исповедовал в то время Деникин? На этот вопрос он дал следующий ответ: «Я никогда не сочувствовал народничеству (преемники его — социал-революционеры) с его террором и ставкой на крестьянский бунт, ни марксизму, с его превалированием материалистических ценностей над духовными и уничтожением человеческой личности. Я приял российский либерализм в его идеологической сущности, без какого-либо партийного догматизма. В широком обобщении это приятие приводит меня к трем положениям: 1) конституционная монархия, 2) радикальные реформы, 3) мирные пути обновления страны.

Это мировоззрение я донес нерушимо до революции 1917 года, не принимая активного участия в политике и отдавая все свои силы на труд армии».[29]

Политические взгляды Деникина сложились в его академические годы в Петербурге.

Он действительно активного участия в политике до 1917 года не принимал; но в те годы (то есть после первой революции) уйти от политики было почти невозможно. Возникал ряд вопросов, о которых раньше он не задумывался, и пытливая мысль искала на них ответа. Для офицера того времени Антон Иванович, несомненно, был человеком с левым уклоном. Но революцию он категорически отрицал, так как на примере того, что видел в 1905—1906 годах, убедился, что победа революции выльется в уродливые и жуткие формы, где лозунг «Долой!» своей разрушительной силой подорвет все устои государства. Приняв «российский либерализм в его идеологической сущности», он хотел верить, что кадетская партия, ближе других отражавшая его мировоззрения, пойдет на сотрудничество с исторической властью, искавшей тогда поддержку в либеральной общественности, и что совместная работа сможет привести Россию путем серии назревших реформ к конституционной монархии британского типа. Но кадетская партия отвергла руку, протянутую правительством. К такой

партийной политике Деникин отнесся чрезвычайно отрицательно. Он чувствовал, что кадеты, не желавшие революции, своей обостренной оппозицией к правительству способствовали созданию в стране революционных настроений. Он ясно отдавал себе отчет в том, что близорукая политика кадетской партии объективно поддерживала стремление социалистов подготовить вторую революцию.

В 1905 году правительство проявило растерянность, и если русская монархия была спасена в момент кризиса, то это произошло в значительной степени благодаря усилиям двух незаурядных и ярких людей, обладавших инициативой, воображением и силой воли: С. Ю. Витте (1849—1915) и П. А. Столыпина (1826—1911).

Деникин отлично отдавал себе отчет в больших государственных заслугах Витте, в том, чего он добился в области экономического развития страны, в его способности, отделяя важное от второстепенного, находить прямой путь к достижению намеченной цели. Мы уже знаем, что Деникин горячо приветствовал разработанный Витте Манифест 30 октября 1905 года как первый шаг на пути крупных преобразований, направленных к утверждению в России подлинного конституционного строя.

И тем не менее в памяти и в чувствах Деникина Витте занимал несравненно меньшее место, чем Столыпин, вскоре после отставки Витте сменивший его на посту председателя Совета министров.[30]

В Столыпине Деникин видел одного из очень немногих государственных деятелей России за последний век императорского режима, сумевших властной рукой направить ход исторических событий в то русло, которое казалось ему желательным.

Петр Аркадьевич Столыпин получил высшее образование на физико-математическом факультете Петербургского университета. Он не принадлежал к петербургской бюрократии, а был пришельцем со стороны. Столыпин обладал широким кругозором и умением ярко выражать свои мысли с думской трибуны. Он видел неизбежность больших реформ, был убежденным монархистом и в то же время сторонником строя, обновленного Манифестом 30 октября. У него было ясное понимание прав и

обязанностей власти. Он хорошо знал экономическую и бытовую сторону русской деревни и считал необходимым провести радикальную реформу в области крестьянского землевладения.

С освобождением крестьян в 1861 году приблизительно половина всей земли, пригодной для сельскохозяйственной обработки, перешла к крестьянам, с выплатой за нее государству в течение 49 лет. Государство же взяло на себя выплату этих сумм прежним владельцам. Но земли, причитавшиеся крестьянам, не выдавались им в частную собственность. Они передавались в коммунальное владение крестьянским общинам, которые «уравнительно» затем распределяли эти земли для пользования и обработки между членами, приписанными к общине.

В результате реформы прошлого века крестьянин, освобожденный от власти помещика, оказался в большинстве случаев прикрепленным к общине, где круговая порука, связанная с распределением податей, рекрутской повинности, целым рядом других обязательств, тормозила выходу из общины, которой невыгодно было терять своих членов.

Задолго до своего вступления на пост председателя Совета министров Столыпин пришел к выводу, что крестьянская община, убивая в человеке инициативу, задерживает экономическое развитие сельского хозяйства и продолжает закрепощение личности. А потому целью своей деятельности он наметил завершить земельную реформу императора Александра II и дать крестьянам возможность свободного выхода из общин с правом распоряжаться землей как частной собственностью.

Крестьянские волнения и беспорядки 1905—1906 годов укрепили в Столыпине убеждение, что крестьянин в роли частного владельца явится консервативным элементом и поддержкой монархии в ее борьбе с социальной революцией.

Тем временем революционеры не складывали своего оружия. За 1906 год террор выбил из строя свыше 1500 представителей власти убитыми и ранеными. Было также совершено покушение на жизнь Столыпина. Взрывом бомбы на его даче на Аптекарском острове были убиты около тридцати человек и ранены приблизительно столько же. Столыпин остался невредим, но среди тяжело

раненных были его сын и дочь. Одновременно с террором начались так называемые экспроприации.

Среди разных способов пополнять тающие средства своей партии для продолжения революционной борьбы Ленин решил пользоваться старым, испытанным способом, который для благозвучия получил в те годы игривое название «эксов». Выражаясь языком обывателя, «эксами» или «экспроприациями» являлись грабежи банков, казначейств, сберегательных касс и почтовых отделений. Их с большим успехом производили партийные товарищи Ленина в течение 1906 и первой половины 1907 года. Ближайшим сотрудником Ленина в этих финансовых операциях был Иосиф Виссарионович Сталин-Джугашвили и помощник его, Семен Аршакович Тер-Петросян, более известный под партийной кличкой Камо. Мораль в общепринятом смысле была для Ленина лишь буржуазным предрассудком. Руководящим принципом его жизни был лозунг: «Цель оправдывает средства».[31]

В экспроприации с целью пополнять свои партийные кассы приняли также участие и социалисты-революционеры. Каждая группа, разумеется, действовала самостоятельно. Затем присоединились к этой выгодной партийной работе и простые грабители. «Высшие идеалы» ловко переплетались с личной корыстью.

И тут Столыпин решил начать, с одной стороны, твердую борьбу с революцией и террором, с другой — энергично проводить задуманную им земельную реформу и серию других мероприятий.

Он был сторонником Манифеста 30 октября и был готов сотрудничать с Государственной думой. Однако Дума не желала сотрудничать с правительством, резко его критиковала и требовала его отставки. Выборы в Думу дали огромное большинство партиям оппозиции, и они ставили всяческие препятствия на пути предлагаемых правительством реформ. Отношения между Думой и правительством дошли до точки крайнего раздражения и натянутости. Совместная работа была невозможна. Открывшись в апреле, первая Дума была распущена царским манифестом и указом в начале июля 1906 года, просуществовав менее трех месяцев. Судьба второй Думы была схожа с участью ее предшественницы. Ле-

вый элемент в ней значительно преобладал по сравнению с первой, и, начав функционировать в феврале 1907 года, она была распущена в самом начале июля того же года.

Трудно было ожидать, чтобы выборы в третью Думу дали более благоприятные для правительства результаты. А потому Столыпин решился на неконституционный шаг — на изменение избирательного закона. Новый закон, давая преимущества состоятельным классам, гарантировал выбор депутатов, склонных сотрудничать с правительством и его программой. Таким образом, третья Дума, открывшись в ноябре 1907 года, оказалась, как и ожидал Столыпин, более сговорчивой.

«Основные государственные законы», разработанные при Витте, вменяли правительству в обязанность предоставлять все новые законы на одобрение Государственной думы и Государственного совета. Но имелся там один параграф, очень благоприятный для Столыпина. Этот параграф, получивший широкую известность под названием «Статьи 87-й основных законов», давал правительству право — во время перерыва сессий законодательных палат — проводить в случае необходимости законы путем императорского указа. Такие экстренные меры должны были затем вноситься на одобрение палат после их открытия.

Перерывов в сессии Думы, как мы видели, было много. Перерывы были длительны, а обстоятельства требовали срочных мер, и Столыпин принялся энергично действовать путем императорских указов. В августе 1906 года, в порядке «Статьи 87-й», он учредил военно-полевые суды для борьбы с террором. Разбор дел там не затягивался, приговоры быстро приводились в исполнение. Хотя отмена этих судов последовала весной 1907 года, после созыва второй Государственной думы, они оправдали ожидания Столыпина: террор стал затихать.[32]

Путем той же «Статьи 87-й» Столыпин в конце 1906 года начал проводить свою знаменитую аграрную реформу.

Внимательно следя из Швейцарии за деятельностью Столыпина в те годы, Ленин все больше проникался уважением к этому твердому представителю ненавистного ему царского режима. С целью, диаметрально противоположной марксизму, Столыпин шел к ней путями, которые своей логикой восхищали Ленина:

1. Он разогнал первую и вторую Думу и указом провел закон, устранявший возможность выбора в будущем неугодного ему большинства депутатов.

2. Ломая коммунальную общину, своей аграрной реформой Столыпин дал крестьянам право выхода из нее, причем земли, бывшие их наделом, переходили к крестьянам в личную собственность. Он создал среди крестьянства новый класс мелких землевладельцев. Со временем этот класс мог и должен был, по его расчетам, явиться опорой существующего государственного строя. Он дал крестьянам юридические права, равные с остальной частью населения. Крестьяне могли теперь без согласия «общины» менять место жительства; вместо земледелия могли выбирать любую профессию. Были изданы законы, обеспечивающие крестьянам ссуды и кредит в связи с земельными операциями, были приняты меры к облегчению переселенчества крестьян в Сибирь и на Дальний Восток.

3. Крестьянство, поняв свою выгоду, в массе своей быстро и деловито откликнулось на реформы Столыпина. К началу 1915 года (начиная с 1907 года) приблизительно 2,5 миллиона крестьянских семейств вышло из общины и стали частными землевладельцами; около 6 миллионов семейств подали прошения о выходе из общины, а свыше 3,5 миллионов крестьян переселилось за Урал.[33]

Издали наблюдая за успехами Столыпинской реформы, Ленин приходил к мрачным для себя выводам. Он опасался, что через два десятилетия — если снова не произойдет волнений — землевладение в России приобретет вполне буржуазный характер и что на крестьянский элемент в таком случае деятелям революции рассчитывать будет трудно.

Исходя из противоположной точки зрения, Деникин приветствовал реформы Столыпина и меры его борьбы с беспорядками. Он видел их положительные стороны и радовался тому, что на правительственном горизонте появился наконец большой государственный человек, честный патриот, сторонник обновленного (Манифестом 30 октября) строя, точно знавший свою конечную цель: завершение неоконечной при Александре II крестьянской реформы. Кроме того, Деникин, сам хорошо владевший даром слова, це-

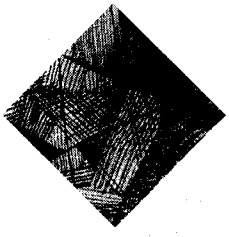
нил в Столыпине качества оратора, выражавшего свои мысли сжато, ясно и ярко, по силе красноречия не уступавшего в этом искусстве самым блестящим ораторам Думы. И когда в одной из думский речей, касаясь своих разногласий с революционными партиями, Столыпин сказал: «Им нужны великие потрясения — нам нужна великая Россия», то в сердце Деникина он нашел горячий отклик.

Много лет спустя видные представители либеральной оппозиции, попавшие после большевистской революции в эмиграцию, но в свое время всячески травившие Столыпина с думской трибуны, признали в печати свою ошибку и нежелание тогда откликнуться на его призыв сотрудничать с ним. За исключением П. Н. Милюкова, очень многие члены кадетской партии пришли к этому заключению.

Продолжая во многом критиковать деятельность Столыпина, бывшие члены кадетской партии в ретроспекте увидели в нем последнюю надежду конституционной монархии и государственного деятеля огромных дарований.

Глава II

МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ



Перед отъездом Деникина с Дальнего Бостона в Петербург Ставка Главнокомандующего телеграфировала из Манчжурии в Главное управление Генерального штаба о предоставлении ему должности начальника штаба дивизии. Однако вакансий не оказалось. Деникин согласился временно принять низшую должность штаб офицера при 2-м кавалерийском корпусе в Варшаве. Свободного времени там было достаточно, и он посвятил его чтению докладов о японской войне в различных гарнизонах Варшавского военного округа и печатанию в военных журналах статей военно-исторического и военно-бытового характера. Печатным словом старался он влить в военное дело живую струю новых военных знаний и методов, отвечающих требованиям времени. Воспользовался он также своей стоянкой в Варшаве, чтобы взять заграничный отпуск и побывать в Австрии, Германии, Франции, Италии и Швейцарии как турист. Это было его первым и единственным до эмиграции путешествием заграницу. Оно произвело на него большое впечатление.

Временное назначение в Варшаву длилось, однако, около года, и Деникин решил напомнить о себе управлению Генерального штаба. Напоминание, как признается Деникин, было сделано не в слишком корректной форме, и реакция на него была резкой: «Предложить полковнику Деникину штаб 8-й сибирской дивизии. В случае отказа он будет вычеркнут из кандидатского списка».

Принудительных назначений в Генеральном штабе никогда не было, и потому Деникина подобный подход взорвал. Он ответил рапортом в три слова: «Я не желаю».

Вместо дальнейших неприятностей, которых он ожидал, из Петербурга пришло ему предложение принять штаб 57-й резервной бригады в Саратове на Волге. Резервная бригада состояла из четырех полков, и потому служебное положение Деникина было такое же, как начальника штаба дивизии. Он это предложение принял.

В Саратове он пробыл с января 1907 года до июня 1910 года.

После столыпинских мер по борьбе с беспорядками жизнь в Саратове, как и в других городах, постепенно стала укладываться в старые нормы. Однако для военной среды «нормы» Казанского военного округа, куда входил гарнизон Саратова, были весьма различны от условий жизни в других военных округах империи.

Дело в том, что во время первой революции Поволжье оказалось наиболее беспокойным в смысле аграрных беспорядков. Для усмирения края правительство назначило туда командующим войсками некоего генерала Сандецкого, энергично подавившего в 1905 году восстание в Екатеринославле, где он тогда командовал пехотной дивизией. Человек грубый и некультурный, Сандецкий, по словам Деникина, «наложил свои тяжелые руки, одну — на революционное Поволжье, другую — на законопослушное воинство».

По своей несуразности, а иногда и глупости поступки Сандецкого имели порой анекдотический характер. Так, например, командир одного из местных полков дал своему ротному командиру отличную аттестацию, где говорилось, что «досуг свой он посвящает самообразованию». Аттестация, от которой зависело все дальнейшее служебное продвижение офицера, вернулась с резолюцией Сандецкого: «Объявить предостережение за то, что свой досуг не посвящает роте».

Другой офицер, отличившийся в японской войне, был аттестован своим командиром бригады вне очереди на командование полком. В рубрике относительно его моральных качеств, чтобы подчеркнуть воздержанность офицера, бригадный командир, между

прочим, написал: «Пьет мало». К изумлению всех, аттестация вернулась от Сандецкого с выговором и грозным предостережением, что уж если помечено о «питии», то значит офицер пьет здорово. Никакие доводы и аргументы не помогли. Злополучный офицер оказался отставленным от продвижения по службе на два года.

Не мудрено, что при таком начальнике Деникину пришлось натолкнуться на целый ряд неприятностей.

Петербург того времени благосклонно прислушивался к критике военной печати и даже поощрял ее. В своих статьях в военном журнале «Разведчик» (где они появлялись под общей рубрикой «Армейские заметки»), Деникин, касаясь самых разнообразных вопросов военного дела, затрагивал не раз авторитет высоких лиц и учреждений. Тем не менее со стороны высшего военного начальства в Петербурге он никогда не испытывал на себе цензурного гнета или давления. Но Сандецкий реагировал на критику по-иному, особенно когда увидел, что Деникин упорно продолжал вести в печати борьбу против порядков, установившихся в Казанском военном округе, и когда почувствовал, что в столице против него постепенно накоплялось неудовольствие и раздражение.

«Приехав однажды в Саратов, — рассказывал Деникин, — генерал Сандецкий после смотра отозвал меня в сторону и сказал:

— Вы совсем перестали стесняться последнее время — так и сыплете моими фразами... Ведь это вы пишете «Армейские заметки» — я знаю.

— Так точно, ваше превосходительство, я.

— Что же, у меня одна система управлять, у другого — другая. Я ничего не имею против критики. Но главный штаб очень недоволен вами, полагая, что вы подрываете мой авторитет. Охота вам меня трогать.

Я ничего не ответил».[1]

Ссылка на главный штаб была, конечно, импровизацией, придуманной тут же для пущего устрашения. Но Деникина трудно было запугать.

Тем временем военная мысль в России с невероятной напряженностью принялась искать и выяснять причины поражения на Дальнем Востоке.

Неудачи войны с Японией сильно ударили по национальному самолюбию корпуса русских офицеров. Стало очевидным, что высший командный состав жил преданием старины глубокой и что немедленно следовало произвести радикальную чистку в подходе к вопросам современной военной науки и тактики. Началась лихорадочная работа по реорганизации армии, по переводу иностранной военной литературы на русский язык. Изучение германской военно-морской программы определенно указывало на неизбежность большой европейской войны; русский диагноз того времени определил начало ее к 1915 году. Оставалось мало времени, надо было торопиться...

Деникин считал, что «никогда еще, вероятно, военная мысль не работала так интенсивно, как в годы после японской войны. О необходимости реорганизации армии говорили, писали, кричали. Усилилась потребность в самообразовании, значительно возрос интерес к военной печати».[2]

В армии и во флоте образовались полуофициальные кружки. Они состояли из энергичных и образованных молодых офицеров, целью которых было воссоздание разбитого в японскую войну флота и возрождение армии. За членами этих кружков, основанных в Петербурге, установилось шутливое прозвище «младотурок». Их деятельность нашла поддержку и в Военном, и в Морском министерствах, а также в третьей Государственной думе, вернее сказать, в ее комиссии по государственной обороне.

Деникин, служивший тогда в провинции, прямого участия в кружках не принимал, но искренно сочувствовал их деятельности. Обменом мнений, опытом, приобретенным в японской войне, своими статьями в военной печати, он всячески старался содействовать их успеху.

Начиная с 1906 года, были введены реформы по омоложению и улучшению командного состава и повышению его образовательного ценза. Все старшие начальники должны были пройти через проверку военных знаний. Это выразилось в принудительном увольнении многих и в добровольном уходе тех, кто боялся проявить свое невежество. «В течение 1906—1907 годов было уволено и заменено от 50 до 80% начальников, от командира полка до командующего войсками округа». Эти подсчеты были сделаны Деникиным.[3]

Среди моряков организатором и председателем военно-морского кружка в Петербурге был молодой капитан 2-го ранга, имевший уже тогда значительную известность как талантливый гидролог и специалист по магнитному делу, написавший несколько солидных научных трудов по океанографии и гидрологии. Это был Александр Васильевич Колчак, впоследствии адмирал, командующий Черноморским флотом, а во время гражданской войны — Верховный правитель белого стана.

В короткий срок между окончанием японской войны и началом мирового конфликта в 1914 году не удалось, конечно, пересоздать весь командный состав армии и флота. Много еще оставалось неудачного элемента среди старшего генералитета.

Но молодой кадр русского офицерства накануне Первой мировой войны стал на высоком уровне.

Это признали впоследствии и союзные с Россией державы во время войны, и советские военные писатели, не слишком щедрые на похвалу, когда дело касалось офицеров старой армии.[4]

Что касается Деникина, то он считал, что, несмотря на пассивное противодействие старой военной бюрократии, на ригористическое проведение линии старшинства, засорившее списки командующего генералитета негодным элементом, горечь поражения в войне с Японией и сознание своей ужасной военной отсталости толкнули русскую армию на чрезвычайно интенсивную и плодотворную реорганизацию. «Можно сказать с уверенностью, — писал генерал Деникин, — что не будь тяжелого манчжурского урока, Россия была бы раздавлена в первые же месяцы Первой мировой войны».[5]

В Саратове, как и в Варшаве, служба оставляла Деникину достаточно времени для досуга и размышления. Свое пребывание там он использовал для уяснения самому себе многих волновавших его вопросов из области чисто военной, чтобы затем всеми силами добиться тех перемен, которые отвечали бы требованиям времени.

Мало кто даже среди специалистов и военных историков так основательно изучил и продумал вопросы, касавшиеся быта русского солдата и офицера и их взаимоотношений, как это сделал А. И. Деникин. И потому его свидетельства по этим вопросам представляют значительный интерес не только избранной группе

военных читателей, но и людям, совершенно не посвященным в военное ремесло. Но следует отметить, что приводимые ниже размышления Деникина, хотя и основанные на наблюдениях, сделанных в первое десятилетие нынешнего века, все же были сформулированы им значительно позже и являются результатом тяжелого опыта, приобретенного русским офицером за время Первой мировой войны, революции 1917 года и гражданской смуты.

Сообразно распределению населения России, армия состояла на 80% из крестьян. Остальные 20% делились приблизительно поровну между рабочими и представителями других классов. Разнородные по национальностям элементы легко уживались в казарменном быту. Грехи русской казармы в этом отношении нельзя было сравнить с режимом старой Австрии, где господствовавшие швабо-мадьярские элементы смотрели на солдат-славян как на представителей низшей расы; или Германии, где, не говоря уже об издевательствах над поляками, прусские офицеры с нескрываемым презрением относились к солдатам из южных немцев. Русский солдат жил в обстановке суровой и бедной. Пища его отличалась необыкновенной скромностью, но по числу калорий и по вкусу была вполне удовлетворительна и, во всяком случае, питательнее, чем та, которую крестьянская масса имела дома.[6]

Злоупотреблений на этой почве почти не было. Солдатский желудок был предметом особой заботы начальников всех степеней. Проба солдатской пищи была традиционным обрядом.

Русское военное законодательство, карательная система и отношение к солдату были несравненно гуманнее, нежели в других первоклассных армиях «более культурных народов». В германской армии, например, царила исключительная жестокость. В австрийской армии существовали такие наказания, как подвешивание, когда солдата со связанными назад руками подвязывали к столбу так, что он мог касаться земли только кончиками больших пальцев ног; заковывание в кандалы, при котором цепью коротко прикручивали правую руку к левой ноге, и в согнутом таким образом положении выдерживали шесть часов. Такая система сохранялась до 1918 года, то есть до крушения Австрийской империи.

В России с 1863 года и до первой революции 1905 года телесные наказания допускались лишь в отношении солдат, состоявших по

приговору суда в «разряде штрафованных». С 1905 года телесные наказания были вообще окончательно отменены.[7]

С кафедры Академии Генерального штаба до всех армейских закоулков России доносились авторитетные слова известного военного мыслителя, профессора и генерала М. И. Драгомирова, что важнейший элемент на войне есть человек, с духовным обликом которого нужно считаться, что успех на войне зависит от сознательности и воспитания солдата в духе бесстрашия, инициативы и уверенности в себе в том что, «с ним на службе поступят по правде, а не по капризу или раздражению».[8]

«Не скрою, — добавляет Деникин, — бывали и в нашей армии грубость, ругня, самодурство, случалось и рукоприкладство, но с конца 80-х годов в особенности — только как изнанка казарменного быта, скрываемая, осуждаемая и преследуемая».

Перед Первой мировой войной призывы давали до 40% безграмотности. И армия, в которой с 1902 года введено было всеобщее обучение грамоте, сама должна была восполнять этот пробел, выпуская ежегодно до 200 тысяч запасных, научившихся грамоте на службе.

Солдат старой армии был храбр, сметлив, чрезвычайно вынослив, крайне неприхотлив и вполне дисциплинирован.[9]

В то время как солдатский быт повсюду был весьма однообразен, быт офицера отличался значительным разнообразием.

Вот как описывает его А. И. Деникин:

«Во флоте, в гвардии, и в армии жили по-разному. Отличалась жизнь и в зависимости от рода оружия. В столицах, в больших городах офицерство приобщалось так или иначе к общественной жизни, к культурным запросам. Но как беспросветно, как бессодержательно и засасывающе текла жизнь из года в год во множестве таких географических пунктов, которые не на всякой карте сыщешь: в захолустьях Западного края, в разных «штабах» военных поселков, построенных среди чистого поля... в окраинных трущобах, в медвежьих углах далекой Сибири и т.д. Сколько молодых жизней калечилось там зря, сколько талантливых людей опускалось, спивалось и сколько могильных холмов вырастало за оградой кладбищ, покрывая самовольно ушедших из жизни.[10]

Духовные запросы офицерской среды вообще не привлекали должного внимания власти, что же говорить о солдатской. Недо-

статочно было обращено внимания и на ту трещину в отношениях между офицером и солдатом, которую, как выяснилось, с особой силой на всенародном экзамене (революция 1917 года) таил замкнутый в себе военный быт. Начиналась она с первых же шагов службы. Военная школа в этом отношении не помогала офицеру. Давая профессиональные знания и воспитывая юношей в сознании долга и дисциплины, она не знакомила их нимало с тем живым материалом, с которым предстояло тесное общение их, которым они должны были управлять; не давала хотя бы самых элементарных начал подготовки и военной психологии выпускным офицерам — будущим учителям и воспитателям солдатской массы. И военная и общая печать поднимали неоднократно вопрос о необходимости для молодых людей, перед выпуском в офицеры, практического прохождения службы в войсках, но тщетно. И молодые офицеры на первых порах производили иной раз комическое впечатление своей неопытностью, подрывая в глазах солдат престиж начальника.

Как всегда и во всем лучшая школа — жизнь. Она их учила взаимному пониманию и нормальному общению, но путем ряда ошибок и ложных шагов. Научила многих, но далеко не всех. И в жизни казармы переплетались близость и отчуждение.

...Не только устав и обычай ставили солдату в повседневной жизни ненужные ограничения, а и общественность... Не анекдоты, а подлинные факты — надписи над входом в некоторые публичные места: «собакам и нижним чинам вход строго воспрещается...» И вспомнил же солдат в 1917 году «собачьи» сравнения! Вспомнил так, что в течение многих месяцев по лицу страны общественные места стали неудобопосещаемые, улицы непроходимыми, дороги непроезжими.

Итак, в отношениях между офицерами и солдатами была трещина. Но когда ей и только ей многие склонны приписывать крушение русской армии, такой вывод слишком поспешен и необоснован.

Грубость, ругань, самодурство, заушение — да, все это бывало. Но ведь было, и гораздо чаще, другое: сердечное попечение, заботливость о нуждах солдат, близость, простота и доступность. Война сближала офицера с солдатом в особенности. Равенство перед смертью, вернее даже первенство перед лицом ее — так как процент потерь в офицерском составе всегда был выше, чем в солдат-

ском, — не могло не оказать морального влияния. Так было и в японскую, и в мировую войну.

...Для меня не представляет сомнений, что в ряду многообразных причин, приведших в 1917 году к полному разрыву между солдатом и офицером, самой серьезной является одна... Наша казарма не восполняла огромный пробел гражданской школы: она «не делала ничего или почти ничего для познания солдатом своей Родины и своих сыновних обязанностей в отношении ее; не воспитывала в чувстве здорового патриотизма и даже накануне войны не разъясняла ее смысла. «Прикажут — пойдем» — эта формула бессознательного, безоговорочного повиновения годилась еще, пока власть стояла крепко. Когда же власть пошатнулась, то ясного военной мысли стимула для самопожертвования не оказалось. И в результате — инстинкт самосохранения заглушил все другие чувства, все моральные побуждения.

Между тем, офицерство в массе своей осталось верным долгу перед родиной, и никакие пороки и прегрешения его не заслонят этого факта перед лицом истории!

[В 1917 году] офицерство звало солдат на бой и на смерть... большевики... призывали воткнуть штыки в землю и разойтись по домам.

Солдат послушался большевиков.

Почему? Не нужно ли отнести большую часть вины солдата на тех, кто мог и должен был воспитывать в нем национальное самосознание: на государство, общество, школу, печать и литературу?»[11]

Несмотря на указанное Деникиным разнообразие офицерского быта, общей характеристикой его в большинстве случаев была бедность: русское офицерство на 90% не имело никаких посторонних средств к существованию. Оно получало очень скудное содержание, и стандарт офицерской жизни всегда стоял на весьма низком уровне.

«И потому, — говорил Деникин, — когда время революции митинговые ораторы большевистского лагеря причисляли офицерство к буржуазии, ими ненавидимой и истребляемой, это была неправда: русский офицерский корпус в главной массе своей принадлежал к категории трудового интеллигентного пролетариата».[12]

К 1914 году он состоял (как уже было сказано раньше) на 60% из «разночинцев», то есть людей не дворянского происхождения. Таким образом, он не представлял из себя закрытой касты, и в основе своей был весьма демократичен. Тем не менее большинство офицеров были лояльны режиму и активной политикой не занималось. Несмотря на неизбежную критику, а иногда и осуждения некоторых явлений военной и общегосударственной жизни, корпус офицеров сохранил характер государственно-охранительной силы, в то время как солдатская масса после революции 1917 года под влиянием пропаганды примкнула к силам, направленным к разрушению существовавшего государственного строя.

Большевики, играя на низменных инстинктах необразованной толпы, обещали все, заранее зная, что обещания их — сплошной обман. Но солдаты этим обещаниям поверили.

А офицерство, плохо осведомленное в вопросах общественных и социальных, было совершенно не подготовлено к методам политической борьбы.

Это роковым образом отразилось на исходе исторической драмы — революции и гражданской войны, — где русский офицер очутился с глазу на глаз в борьбе с величайшей в мире разрушительной демагогией большевизма.

Но в годы своей службы в Саратове ни Деникин, ни кто иной не могли предвидеть всю разновидность причин, ошибок и случайностей, которые в общей сложности привели Россию несколько лет спустя к катастрофе. Даже Ленин в те годы думал, что окончит свой век политическим эмигрантом, так и не дождавшись настоящей революции.

В июне 1910 года полковника Деникина назначили командиром 17-го пехотного архангельского полка со стоянкой в Житомире, входившей в Киевский военный округ.

К тому времени условия службы в Саратове настолько ему приелись, что он с радостью принял новое назначение. Да и Архангелогородский полк, основанный Петром Великим, имел прекрасную боевую историю, включая переход через Альпы с Суворовым у Сент-Готарда, когда великий русский полководец, командуя в 1799 году союзными русско-австрийскими войсками, столкнулся в

легендарном швейцарском походе с французской армией генерала Массена.

С увлечением отдался Деникин работе по воспитанию полка в тех новых понятиях тактики, которые сам усвоил по время японской войны. Отбросив в сторону парады, он уделял главное внимание тренировке своих людей в практических занятиях: в стрельбе, маневрах, в ускоренных переходах, в переправах через полноводные реки без мостов и понтонов. Такие переправы обычно являлись неожиданностью для большинства участников, а потом, никаких заранее заготовленных средств под рукой не бывало. Приходилось проявлять инициативу и пользоваться тем, что можно было найти на месте. Через эти преграды Деникин двигал весь полк около трех тысяч солдат, не считая офицеров.[13]

Со своими сослуживцами Антон Иванович общался в офицерском собрании. У себя же на квартире сборищ он не устраивал и вообще избегал принимать гостей. Мать его и старая нянька следовали за Деникиным с одного места его стоянки на другое. Обе понимали по-русски, но говорили лишь по-польски, и все попытки Деникина научить их премудрости русского языка не увенчались успехом. Мать стеснялась принимать гостей в роли хозяйки, не имея возможности говорить с ними по-русски. Оберегая ее, сын вел чрезвычайно замкнутый образ жизни. Бывало у него дома лишь два-три близких ему человека. Мать сына обожала, и он с ней всегда был во всем предупредителен и трогательно заботлив. В Житомире скончалась нянька Полося. После ее смерти единственным на свете человеком, с кем мать могла говорить и отводить душу, был сын.

Если и случались тогда у Антона Ивановича увлечения, то боязнь ввести в свою семью чужого для матери человека, не говорившего и не понимавшего по-польски, являлась для него основательным препятствием к мысли о женитьбе.

В начале сентября 1911 года в Киеве было торжественное открытие памятника императору Александру II. На эти торжества прибыл из Петербурга государь с императрицей и великими княжнами Ольгой и Татьяной. Приехали также председатель Совета министров Столыпин, многие другие министры и видные государственные и общественные деятели.

Программа празднеств кроме концертов, оперы включала «царские маневры», то есть маневры в присутствии императора, и «царский смотр» под Киевом, где среди войск принимал участие и полк под командой Деникина.

«Я был свидетелем, — вспоминал потом Антон Иванович, — того энтузиазма, почти мистического, который повсюду вызывало появление царя. Он проявлялся и в громких безостановочных криках «ура», и в лихорадочном блеске глаз, и в дрожании ружей, взятых на «караул», и в каких-то необъяснимых флюидах, пронизывавших офицеров, генералов и солдат — народ в шинелях... Тот самый народ, который через несколько лет с непостижимой жестокостью обрушился на все имеющее отношение к царской семье и допустивший ее страшное убийство...»

Но тогда, в сентябре 1911 года, судьба была милостива к государю. Однако беда стояла рядом. Убит был Столыпин.

Произошло убийство в киевском театре на оперном спектакле «Царя Салтана». Во время второго антракта, когда Столыпин стоял у своего кресла в первом ряду спиной к барьеру оркестра, обернувшись лицом к залу, к нему из прохода быстро направился высокий человек в черном фраке и на расстоянии нескольких шагов в упор два раза выстрелил из браунинга в Столыпина. Одна пуля, попав в правую сторону груди, пробила как раз в середине орден Св. Владимира, висевший на петлице форменного белого кителя. Другая пуля прострелила кисть правой руки.

«Медленными и уверенными движениями, — рассказывал один из свидетелей, — он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидев жилет густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желал сказать: все кончено. Затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом, слышным всем, кто находился недалеко от него, произнес:

— Счастлив умереть за Царя.

Увидев государя, вышедшего в ложу и ставшего впереди, он поднял левую руку и стал делать знаки, чтобы государь отошел. Но государь не двигался и продолжал стоять на том же месте, и Столыпин на виду у всех благословил его широким крестом».

Возмущенная публика в театре чуть не убила злоумышленника на месте. Он оказался Дмитрием Богровым, бывшим социали-

стом-революционером, затем анархистом и в то же время агентом тайной полиции, которая и выдала ему театральный билет для охраны высоких гостей. Подробности того, как подготовлялось покушение, не были опубликованы. Однако служба Богрова агентом тайной полиции и общая небрежность в охране Столыпина в Киеве вызвали толки о попустительстве департамента полиции в этом преступлении.

Столыпин умер в 49 лет, в конце четвертых суток после ранения.

Перед смертью в разговоре с профессором медицины Г. Е. Рейн, он сказал, что на лице приближавшегося к нему убийцы — Богрова, он заметил быструю смену выражений — и страха, и волнения, и вместе с тем как бы сознания исполняемого долга.[14]

Смерть Столыпина вызвала радость у тех, кто, мечтали о «великих потрясениях». Она глубоко опечалила Антона Ивановича Деникина. В Столыпине он видел большого патриота, умного и сильного человека, который без потрясения государственных основ ликвидировал первую революцию и водворил в стране спокойствие. Его аграрная реформа продолжала успешно развиваться и после его смерти. Она была тем шагом, который, по мнению Деникина, направил старую Россию к возможности разрешить самый больной ее и самый острый вопрос крестьянского землевладения.

Не только либералы типа Деникина придерживались такого взгляда. В сороковую годовщину февральской революции известный марксист Борис Николаевский, всю жизнь находившийся в противоположном от Столыпина политическом лагере, писал: «Реформа, проведенная Столыпиным, в сильной мере изменила лицо русской деревни. Она уже во многом стала иной, чем была в 1905—1906 годах и, если бы не было войны, Россия, возможно, пошла бы путем, на котором не было бы места для аграрной революции типа «Черного передела». Но война пришла и на буксире притащила за собой революцию. Эта революция «тотально» уничтожила старый аппарат управления, в несколько дней разбила всю огромную машину управления, которую старая Россия строила столетиями».[15]

Слева Столыпина считали реакционером, справа — опасным революционером.

Ирония судьбы заключалась в том, что Столыпин, так много сделавший для укрепления трона, к моменту своего убийства попал в немилость при дворе и что вопрос об его отставке тогда уже был предрешен.

По свойствам своего характера монарх не ценил в министрах твердой воли, ярко выраженных независимых взглядов и ясно намеченной программы реформ.

В период гражданской войны многие из боровшихся с большевизмом искренно жалели, что не было в их рядах человека столыпинского калибра.

Аграрная реформа Столыпина играла далеко не последнюю роль в расчетах германского Генерального штаба.

Готовясь к войне, немцы уделяли одинаковое внимание как стратегическим соображениям, так и расчетам на внутреннюю неустойчивость России. К своему неудовольствию, они могли констатировать факт, что за период столыпинского правления основательный процент крестьянских семей, выйдя из общины, обзавелся частной земельной собственностью. Это укрепляло социальную базу государства. Из крестьянского пролетариата, в прошлом всегда готового участвовать в аграрных беспорядках, крестьяне-собственники постепенно превращались в тех «кулаков», с которыми так беспощадно расправлялась в начале тридцатых годов коммунистическая власть.

Экономическое и индустриальное развитие России двигалось вперед с чрезвычайной быстротой.

Несмотря на еще основательное количество безграмотных, образовательный уровень тоже быстро поднимался, а на верхах не уступал лучшему, что тогда давали Европа и Америка.

Становилось очевидным, что через каких-нибудь 10 или 15 лет расчет на возможность революции в России мог не оправдаться.

В международном отношении ослабление России после японской войны способствовало сближению между Россией и Англией. Одной из причин этого сближения было взаимное опасение агрессивной немецкой политики и угрозы ее военных и морских сил. Военно-оборонительный союз между Россией и Францией был заключен еще в августе 1892 года.

Немецкие правящие круги и германский Генеральный штаб давно уже приняли решение выдвинуть Германию на первое и доминирующее место в Европе. Задолго до появления Гитлера они убедили себя в превосходительстве германской расы над всеми другими. Они считали своей исторической миссией перекроить в свою пользу карту мира, намечали пути германской экспансии, о чем откровенно писал один из известных немецких военных писателей Генерального штаба генерал Бернгарди. Его писания впоследствии имели сильное влияние на мышление Гитлера. На Деникина в свое время они тоже произвели большое впечатление. Он увидел в них угрозу России и Франции и в своей книге «Путь русского офицера» (с. 296) привел следующую цитату из «Военных заповедей» Бернгарди: «С Францией необходима война не на жизнь, а на смерть, война, которая уничтожила бы навсегда ее роль как великой державы и повела бы к ее окончательному падению. Но главное наше внимание должно быть обращено на борьбу со славянством, этим нашим историческим врагом».

Добиться желанной цели можно было лишь войной. К ней немцы были теперь готовы. Оставалось выбрать подходящий момент и соответствующий предлог.

В июне 1914 года Деникин был произведен в генерал-майоры и утвержден в должности генерала для поручений при командующем войсками Киевского округа. Через месяц вышел указ об общей мобилизации Вооруженных сил России.

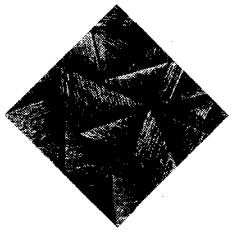
Предшествовали ему отчаянные попытки государя предотвратить войну и оградить свою страну от этого несчастья. Попытки, как известно, не увенчались успехом.

1 августа (нового стиля) Германия объявила войну России; 3 августа — Франции, заняв накануне своими войсками Люксембург. 4 августа немцы вторглись в Бельгию; днем позже Англия объявила войну Германии.

Началась Первая мировая война, принесшая России грандиозную революцию, в корне изменившую весь социальный, политический и экономический облик страны.

Глава III

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА



Франко-русский план войны зависел от того, на кого, на Россию или на Францию, нападет Германия сначала своими главными силами, то есть было два варианта совместных действий, которые всецело зависели от немецкой инициативы. Время шло. Грандиозный размер германской военной программы волновал и Париж и Петербург. Разгром французской армии в 1870—1871 годах был очень свеж в памяти у французов. Возможность главного немецкого удара против Франции их очень пугала. Они всячески принуждали русских дать обещание, что наступление начнется возможно скорее, настаивали, чтобы срок начала решительных действий был бы заранее предрешен и указан.

И под давлением французов русский Генеральный штаб обещал от имени России начать наступление против Германии почти одновременно с французами: французы — на десятый день, а русские — на пятнадцатый день своей мобилизации.

Подобное обещание шло вразрез со всеми возможностями. Из-за огромных расстояний и недостаточной сети железных дорог Россия могла закончить свои военные приготовления, подвоз и сосредоточение войск к западным границам и быть в полной боевой готовности лишь на двадцать девятый день после объявления общей мобилизации. Решение начать крупные операции на пятнадцатый день мобилизации являлось в лучшем случае авантюрой.[1]

Русская граница с Германией и Австро-Венгрией — от Балтийского моря до Румынской границы — превышала своей дли-

ной 2000 километров. В области русской Польши, она вдавалась широким клином во владения центральных держав: с севера ей угрожала Восточная Пруссия, на западе она упиралась в Силезию, а с юга ее охватывала австрийская Галиция. Движение неприятеля крупными силами навстречу друг другу с юга на север или с севера на юг, грозило немедленной потерей большей части русской Польши.

Главные силы немцев, как известно, были направлены на Запад. Когда под давление германского напора Франция стала требовать, чтобы Россия выполнила данное обязательство, обе армии Русского и Северо-Западного фронта были немедленно брошены против Восточной Пруссии на пятнадцатый день мобилизации.

Эти обстоятельства, пишет историк генерал Головин, «принудили Россию начинать решительные действия тогда, когда только одна треть ее вооруженных сил могла быть развернута. Это представляло собой крупнейшую стратегическую ошибку, заставившую дорого оплатить себя кровью войск».[2] В русском плане войны Головин видел еще одну, не менее крупную, ошибку. «Вместо того, — писал он, — чтобы сосредоточить все свои усилия против одного из наших врагов с тем, чтобы, разбив его, перебросить главную массу войск для одержания победы над другим, Сухомлинов[3] и его сотрудники задаются целью сразу же наносить решительные удары по австро-венгерским армиям сосредоточившимся в Галиции, и по немецким силам, оставленным в Восточной Пруссии, то есть по двум расходящимся операционным линиям... Эта разброска сил привела к катастрофе в Восточной Пруссии и уменьшению стратегического результата нашей победы в Галиции... Такая переоценка своих сил русским генеральным штабом привела к естественному следствию: наши союзники французы сразу же стали предъявлять России совершенно непосильные требования».[4]

Наступление в Восточную Пруссию закончилось для русских катастрофой под Танненбергом. Но слово было сдержано, и русская жертва спасла французскую армию от разгрома. Немцы перебросили два армейских корпуса на русский фронт, и это дало возможность французам одержать победу на Марне.

Опрокинув все планы и первоначальные расчеты стратегов всех воюющих стран, масштаб Первой мировой войны быстро унес на-

дежду на скорое ее окончание. Из маневренной она превратилась в позиционную, и окопы вдоль линии различных фронтов растянулись на много тысяч километров. Стало очевидным, что, растягиваясь во времени, война потребует таких усилий индустриального производства, которых Россия того времени дать не могла.

В то время как драма в Восточной Пруссии завершалась немецкой победой, действия русских армий на Юго-Западном фронте дали России большое моральное удовлетворение: четыре австро-венгерские армии были разбиты в Галиции. Русские заняли Львов и почти всю восточную Галицию, захватили сотни тысяч пленных, множество орудий и боевых припасов; австро-венгерские войска катились к Кракову и к Карпатам. Из четырех русских армий Юго-Западного фронта, одной из самых активных была 8-я армия. Ею командовал генерал Брусилов. Деникин был у него в штабе генерал-квартирмейстером. Но штабная работа его не удовлетворяла и, узнав в самом начале военных действий, что открылась вакансия на должность начальника 4-й стрелковой бригады, Деникин упросил, чтобы его туда перевели. 6 сентября 1914 года генерал Деникин был назначен начальником этой бригады, входившей в состав 8-й армии. Еще со времени русско-турецкой кампании она заслужила прозвище «Железной бригады».

Под командованием Деникина Железная бригада, развернутая в 1915 году в дивизию, приобрела широкую известность и славу, как одна из лучших и самых доблестных дивизий русской армии.

«В течение двух лет, — писал Деникин, — шла она со мной по полям кровавых сражений, вписав немало славных страниц в летопись великой войны. Увы, их нет в официальной истории. Ибо большевистская цензура, получившая доступ ко всем архивам и историческим материалам, препарировала их по-своему и тщательно вытравила все эпизоды боевой деятельности бригады, связанные с моим именем».[5]

Репутация, приобретенная Деникиным в боях, высшие награды, полученные им, — Георгиевское оружие, затем два Георгиевских креста четвертой и третьей степени, и, наконец, «Георгиевское оружие бриллиантами украшенное» — выдвинули его в ближайшие годы на верхушку военной иерархии.[6]

Среди офицеров 8-й армии оказались те, вокруг которых впоследствии образовалось белое движение: Каледин, Корнилов, Деникин, Марков.

Генерал Алексеев, чье имя тоже нераздельно связано с началом белой борьбы, был в то время начальником штаба Юго-Западного фронта.

Одно из первых больших сражений, в которых генерал Деникин участвовал в 1914 году, началось 6 сентября, в день, когда он принял бригаду. Австро-венгерский главнокомандующий пытался тогда окружить тремя своими армиями (одна из них была переброшена с Сербского фронта) — две русские армии — третью и восьмую — около города Гроддек в Галиции. Главный удар неприятеля пришелся по 8-й армии. Она была почти окружена, атаки следовали одна за другой, и положение казалось критическим. Но на помощь пришли две соседние русские армии — 4-я и 5-я. Совместными силами они опрокинули австрийцев. Неприятель стал отходить, преследуемый по пятам русскими. Отступление скоро превратилось в паническое бегство. Сражение кончилось большой русской победой. Австрийцы потеряли 326 тысяч человек и 400 орудий. В этом бою отличились своей храбростью и инициативой: начальник 12-й кавалерийской дивизии генерал Каледин (впоследствии командующий 8-й армией, а после революции атаман Войска Донского), начальник 48-й пехотной дивизии генерал Корнилов (впоследствии Верховный Главнокомандующий и инициатор белого движения) и начальник Железной бригады генерал Деникин.

А. И. Деникин был награжден Георгиевским оружием.

В октябре 1914 года, когда война приняла позиционный характер, австрийские войска, приведенные в порядок и подкрепленные свежими частями, перешли в наступление. Русский фронт в Галиции был сильно растянут, и 8-й армии пришлось ввести в бой все свои резервы. И тут снова генерал Деникин проявил талантливую инициативу. За смелый маневр своей бригады он получил Георгиевский крест 4-й степени. Вот как он описывает этот случай: «24-го октября я заметил некое ослабление в боевой линии противника, отстоявшей от наших окопов всего на 500—600 шагов. Поднял бригаду и без всякой артиллерийской подготовки бросил полки на

вражеские окопы. Налет был так неожидан, что вызвал у австрийцев панику. Наскоро набросав краткую телеграмму в штаб корпуса («Бьем и гоним австрийцев») я пошел со стрелками полным ходом в глубокий тыл противника, преодолевая его беспорядочное сопротивление. Взяли селение Горный, Лужек где, как оказалось, находился штаб группы эрцгерцога Иосифа. Когда я ворвался с передовыми частями в село и донес об этом в штаб корпуса, там не поверили, потребовали повторить — «не произошло ли ошибки в названии».

Не поверил сразу и эрцгерцог. Он был так уверен в своей безопасности, что спешно бежал со своим штабом только тогда, когда услышал на улицах села русские пулеметы. Заняв бывшее помещение его, мы нашли нетронутым накрытый стол с кофейным прибором, на котором были вензеля эрцгерцога, и выпили еще горячее австрийское кофе...»[7]

В течение ноября 1914 года на фронте 8-й армии шли непрерывные бои. Цель русских заключалась в захвате горных перевалов через Карпаты; австрийцы же стремились добиться деблокады Перемышля, осажденного русскими войсками. Генерал Брусилов приказал двум корпусам своей армии перейти в наступление, чтобы овладеть Бескидским хребтом Карпатских гор от перевала у Лупкова до перевала у Ростока. В состав войск, предназначенных для этой операции, входила дивизия генерала Корнилова и бригада генерала Деникина. Погода в те дни стояла жуткая: сильный мороз, леденящий, пронизывающий ветер и снежная вьюга. На участке Железной бригады дорог через горы не было. Чтобы облегчить положение соседних войск и дать им доступ к шоссейной дороге, Деникин решился на весьма рискованный шаг. Оставив свою артиллерию и обоз под прикрытием одного батальона, он двинул всю остальную часть бригады по склонам гор, по крутым, обледенелым, скользким тропинкам, где лишь дикие козы бродили по скалам. За людьми шли лошади, навьюченные мешками с патронами и сухарями. И, несмотря на все препятствия и трудности, бригада Деникина перевалила через Карпаты, вторглась в Венгрию, в тыл австрийских войск, захватив город Мезо Лаборч, 3 730 пленных, 9 орудий, много оружия и других трофей.

Этот эпизод произвел большое впечатление. Генерала Деникина засыпали телеграммами, приветствиями, благодарностями, а также поздравлением от Верховного Главнокомандующего и от генерала Брусилова.

«Молодецкой бригаде за лихие действия, за блестящее выполнение поставленной ей задачи, шлю свой низкий поклон, — телеграфировал Брусилов Деникину, — и от всего сердца благодарю вас, командиров и героев стрелков. Перенесенные бригадой труды и лишения: и славные дела свидетельствуют, что традиции старой Железной бригады живут в героических полках и впредь поведут их к победе и славе».[8]

В начале февраля 1915 года Железная бригада была переброшена на помощь сводному отряду под командой генерала Каледина. Было это у местечка Лутовиско в направлении на Ужгород.

«Это был один из самых тяжелых наших боев, — вспоминал о нем генерал Деникин. Сильный мороз, снег — по грудь; уже введен в дело последний резерв Каледина — спешенная кавалерийская бригада.

Не забыть никогда этого жуткого поля сражения... Весь путь, пройденный моими стрелками, обозначался торчащими из снега неподвижными человеческими фигурами с зажатыми в руках ружьями. Они — мертвые — застыли в тех позах, в которых их застала вражеская пуля во время перебежки. А между ними, утопая в снегу, смешиваясь с мертвыми, прикрываясь их телами, пробирались живые навстречу смерти. Бригада таяла... Рядом с железными стрелками под жестоким огнем однорукий герой полковник Носков лично вел свой полк в атаку прямо на отвесные ледяные скалы высоты 804...

Во время этих же февральских боев к нам неожиданно подъехал Каледин. Генерал взобрался на утес и сел рядом со мной; это место было под жесточайшим обстрелом. Каледин спокойно беседовал с офицерами и стрелками, интересуясь нашими действиями и потерями. И это простое появление командира ободрило всех и возбудило наше доверие и уважение к нему».[9]

Так же, как Каледин, и по тем же причинам Деникин пользовался уважением и доверием своих офицеров и солдат. Они знали, что их командир строг, требователен и скуп на слова. Но они также

знали, что в минуту опасности он всегда с ними, на первой линии огня, подставляя свою голову, наравне с другими, под вражескую пулю.

— Полководчество без честолюбия — немыслимо, — говаривал Деникин.

Но честолюбие, свойственное всякому военачальнику, никогда не переходило у него в погоню за славой. И что особенно ценилось в армейской среде — генерал Деникин был безупречен в соблюдении военной этики. Всякий солдат, как бы он ни был безграмотен, чутьем своим понимал, что сумрачный на вид и угрюмый начальник в случае нужды станет за него горой.

Однако это доверие появилось не сразу. Вначале Железная бригада отнеслась к своему новому командиру скорее с чувством неприязни. Дело в том, что предшественник Деникина генерал Боуфал с ранней молодости провел всю свою служебную жизнь в бригаде. Для офицеров и солдат он был во всех отношениях «своим» человеком. И когда на смену ему пришел генерал со стороны, да еще из офицеров Генерального штаба, которым в строю дали тогда насмешливое прозвище — «момент», то офицеры бригады решили между собой, что этот «момент» проскользнет на их горизонте как метеор, растреплет бригаду и уйдет, сделав себе карьеру и нахватав за их счет боевые отличия.[10]

Однако когда с первых же боев стрелки увидели генерала Деникина в передовых цепях, то лед стал быстро таять. Когда же они узнали, что в начале 1915 года Деникину было предложено повышение — принять в командование дивизию и что он отказался, не желая расставаться с Железной бригадой, то, по свидетельству одного из старших офицеров бригады: «Антон Иванович стал наш. Наш железный стрелок, и точка».[11]

Любопытная подробность: в то время, как в русской офицерской среде вообще легко переходили на «ты» с сослуживцами, Деникин был на «ты» лишь с друзьями детства и со своими товарищами ранней молодости по 2-й артиллерийской бригаде. Ни в Академии Генерального штаба, ни в дальнейшем продвижении по службе он эту невидимую грань между «вы» и «ты» не переходил. Даже с людьми, к которым впоследствии он был безгранично привязан (генералы Марков и Романовский), даже с

ними, при большей душевной близости, оставалась та же наружная отдаленность.

За февральские бои генерал Деникин был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

То, что произошло на русском фронте в 1915 году, отразилось на жизни и психологии всей страны. И чтобы понять дальнейший ход событий, с которыми через два года окончательно переплелась судьба генерала Деникина, необходимо отметить и запомнить наиболее значительные происшествия этого тяжелого года.

К концу 1914 года русская армия начала испытывать острый недостаток артиллерийских снарядов, винтовок и патронов. Запасы, наивно рассчитанные на непродолжительную войну, были израсходованы, а производство внутри страны не могло удовлетворить огромные требования фронта. Наступил кризис в боевом снабжении, осложнившийся тем, что с объявлением войны Турцией закрылась возможность подвоза заграничного вооружения через Черное море. Россия оказалась отрезанной от своих союзников. Заказы вооружения, помещенные за границей, выполнялись медленно, и снабжение могло доставляться лишь через Владивосток и через Архангельск на Белом море, куда доступ в зимние месяцы был закрыт. Только много позже часть военного груза пошла через незамерзающий Мурманск, где железная дорога, соединяющая порт с Петербургом (с начала войны переименованным в Петроград), была закончена к концу 1916 года.

И тем не менее в начале 1915 года воинский дух русской армии продолжал еще находиться на высоком уровне. В марте 1915 года пал Перемышль, и русские захватили там 9 генералов, 2500 офицеров, 120 000 солдат, 900 орудий и огромное количество других военных трофей. Победа была велика, но большой расход артиллерийских снарядов при осаде Перемышля приблизил надвигавшийся кризис. И тут германское командование, хорошо осведомленное о нуждах русской армии, к лету 1915 года решило сделать попытку вывести Россию из строя. Центр немецких военных действий был перенесен с запада на восток. Уже в мае германская армия генерала Макензена была переброшена на помощь австрийцам против русского Юго-Западного фронта. Борьба с техничес-

ким превосходством противника была не под силу. Вскоре началось «великое отступление 1915 года», чтобы — путем уступки территории — спасти русскую армии от окружения и разгрома. К концу лета 1915 года неприятельские войска заняли всю русскую Польшу, Литву, Белоруссию и часть Волыни. Пользуясь большим превосходством в артиллерии, немцы не пускали в дело свои пехотные массы. Они поражали русских одним артиллерийским огнем. Потери немцев были ничтожны; русские же потери за это лето были грандиозны: около 1 400 000 человек убитыми и ранеными и 976 000 — пленными.[12]

Моральный удар был чрезвычайно велик. Пошли слухи об измене, стали искать виновников. В июне сменили военного министра Сухомлинова. Недовольство против него в армии и в общественном мнении достигло крайних пределов. Среди офицеров особенно негодовало поколение Деникина, вложившее всю свою душу в реорганизацию армии после неудач японской войны. Через некоторое время образовалась особая комиссия для выяснения виновников недостатка в снабжении армии для предания их суду. Имя Верховного Главнокомандующего всеми русскими армиями великого князя Николая Николаевича не было затронуто происшедшим и продолжало быть популярным в войсках и в народе. В неудачах на фронте и в «превышении власти» винили генерала Янушкевича, начальника штаба Верховного Главнокомандующего, а также генерала Данилова, генерала-квартирмейстера Ставки. Причина «превышения власти» Ставкой крылась в высочайше утвержденном 29 июля 1914 года «Положении о полевом управлении войска в военное время». Согласно этому Положению Верховному командованию давались диктаторские полномочия на огромной территории, прилегавшей к фронту. Площадь империи, подчиненная военным властям, включала тогда Польшу, Финляндию, Прибалтийский край, Кавказ, а кроме того, Архангельск и Владивосток (порты, откуда могли поступать в Россию заграничные заказы) и даже столица государства — Петроград.

В 1915 году, когда фронт покатился назад, диктаторская власть Ставки стала распространяться с невероятной быстротой на обширные области внутри России. Все правительственные учреждения, находившиеся там, автоматически должны были подчиняться

военным властям. О своих решениях и действиях в области гражданского управления Ставка сплошь и рядом не уведомляла правительство. Получалась полная неразбериха, часто двоевластие, и главным образом произвол местного военного начальства. Правительство теряло престиж.

Главное командование стремилось опустошить оставленные неприятелю земли. То, что проделал с Россией Сталин при отступлении во время Второй мировой войны, не было новинкой. Поджоги и разрушения в подобных случаях практиковались с давних времен.

Военное начальство силком гнало от наступающего врага миллионы людей внутрь России, с запада на восток. Эти беженцы, голодные, оборванные, измученные, озлобленные, шли со своим скарбом толпами куда глаза глядят, топча на пути своем посевы, луга, опустошая от продовольствия не только ближний, но и глубокий тыл армии. Часть этой людской массы бежала добровольно, опасаясь немецких зверств. Но большинство людей насильственно выселялось по приказу военных властей. На глазах у них поджигали их жилища, остающиеся запасы и имущество. Среди этих беженцев — поляков, русских, белорусов, украинцев — было множество евреев. Их доля была чрезвычайно печальна: в начале войны немецкие сионисты с одобрения германского министерства иностранных дел образовали «Комитет для освобождения русских евреев». Немецкий Генеральный штаб тоже хотел использовать евреев в своих целях, а именно для восстания в тылу русских армий.[13] И хотя ничего, конечно, из этого не получилось, и хотя еврейская беднота в Галиции и в русском юго-западном крае мечтала лишь о том чтоб ее оставили в покое, чтобы война возможно меньше ее коснулась, яд сомнения был посеян в умах русского командования. Весьма вероятно, что это была умышленная провокация со стороны немцев, чтобы вызвать осложнения в русской прифронтовой полосе, но русские военные власти попались на немецкую удочку. Они насторожились, и в евреях заподозрили пособников неприятеля. Тут патриотическое рвение с примесью юдофобства дошло до абсурда: началось выселение внутрь России не только своих, но также австрийских евреев из Галиции. Тысячи этих несчастных, попав в чужую страну, двигались на восток с волной беженцев,

встречая на своем пути недоброжелательство и злобу местного населения. Приток беженцев создавал повсюду продовольственные кризисы, увеличивал дороговизну жизни, нес с собой эпидемии заразных болезней, возбуждал против пришельцев и без того повышенное настроение на местах. В среде же беженцев, и особенно среди еврейской массы, озлобление против власти и революционное настроение росло с неудержимой быстротой.

Трагедия людей переплеталась с экономической катастрофой для государства. Куда их девать? Чем кормить? Где поселить?

В августе 1915 года на заседании Совета министров, где обсуждался вопрос об экстренном кредите на нужды беженцев, главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин с возмущением говорил, что устраиваемое Ставкой «великое переселение народов влечет Россию в бездну, к революции и к гибели».[14]

Критикуя Ставку, Совет министров добивался увольнения генералов Янушкевича и Данилова. Сменивший Сухомлинова новый военный министр генерал Поливанов, обрисовав безотрадное положение на фронте, вкрадчиво добавил: «Уповаю на пространства непроходимые, на грязь невылазную и на милость угодника Николая Мирликийского, покровителя Святой Руси».[15]

Поливанов любил, по-видимому, употреблять образные выражения. Но положение, несомненно, было грозное.

Блеснув красноречием и колкостями по адресу Ставки, члены правительства неожиданно для себя добились того, чего совершенно не ожидали. Их критика приблизила не только отставку генерала Янушкевича, но и удаление великого князя Николая Николаевича с поста Верховного Главнокомандующего. Несмотря на военные неудачи, великого князя продолжали ценить на фронте и в тылу. Никто из министров не желал его отставки.

Однако к тому времени императрица Александра Федоровна под влиянием своего окружения и главным образом Распутина без всякого к тому основания заподозрила великого князя в желании узурпировать царскую власть. С болезненной и страстной настойчивостью добивалась она в серии писем к мужу отставки Николая Николаевича, с тем чтобы государь сам принял на себя Верховное командование армиями. В сентябре 1915 года неожиданно для своего правительства государь объявил себя Верховным Главно-

командующим, а великого князя назначил наместником и главнокомандующим на Кавказ.

Тогда эта неожиданная перемена приписывалась исключительно интригам при дворе. Впоследствии стало известно, что посторонние влияния лишь укрепили царя в собственном решении. Он считал своим долгом, своей «священной обязанностью» быть в момент опасности с войсками и с ними либо победить, либо погибнуть. При таком чисто мистическом настроении и понимании «царского служения» никакие доводы не могли изменить задуманного царем шага.

Как только решение императора стало известно, все министры, за исключением двух, послали коллективное «всеподданнейшее» письмо государю, умоляя его изменить свое решение, которое, писали они, «грозит, по нашему крайнему разумению, России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями».[16]

Подобное письмо было явлением совершенно небывалым. Это был жест отчаяния. Тут перемешались различные мотивы, но главным был страх за будущее: страх, что отсутствие военной подготовки у государя плачевно отразится на работе Ставки; страх, что Ставка превратится в центр придворных интриг; страх, что дальнейшие неудачи на фронте окончательно подорвут авторитет монарха; страх, что Государь не сможет совместить военное командование с управлением государства; опасение реакции в народе, где давно уже появилось суеверие, что царь незадачлив, что его преследует несчастье: Ходынка, японская война, первая революция, неизлечимая болезнь единственного сына... Наконец, были тоже опасения, что увольнение великого князя произведет крайне неблагоприятное впечатление на союзников, которые в него верили и не верили в твердость характера государя и боялись влияния его окружения.

Мало кому приходила тогда в голову такая возможная ситуация: отсутствие государя в столице толкнет его настойчивую, мистически настроенную супругу на еще более упорное вмешательство в дела государственного управления; что она будет руководить мужем в выборе разных, случайных и часто недостойных людей, для назначения их на высшие должности в империи. Эта непредвиденная возможность — при полном отсутствии какой-

либо правительственной программы — способствовала быстрому падению царского престижа и приблизила конец монархии.

В то время как общественное мнение отнеслось резко отрицательно к перемене в Верховном командовании, армия в своей массе, судя по словам генерала Деникина, приняла его скорее философски.

«Этот значительный по существу акт, — писал Деникин, — не произвел в армии большого впечатления. Генералитет и офицерство отдавали себе отчет в том, что личное участие Государя в командовании будет лишь внешнее, и потому всех интересовал более вопрос: кто будет начальником штаба?

Назначение генерала Алексеева успокоило офицерство. Что касается солдатской массы, то она не вникала в технику управления, для нее царь и раньше был верховным вождем армии, и ее несколько смущало одно лишь обстоятельство: издавна в народе укоренилось убеждение, что царь несчастлив...

Фактически в командование Вооруженными силами России вступил генерал Михаил Васильевич Алексеев».[17]

Как мы знаем, генерал Алексеев выступил на войну начальником штаба Юго-Западного фронта. Затем был командующим Северо-Западным фронтом. Летом 1915 года на него выпал главный удар германских войск. Трудную задачу отступления при отсутствии боевых припасов он провел с большим умением, заслужив общее уважение не только в военных, но и в думских кругах. В нем видели умного, опытного и образованного генерала. Кроме того, знали, что Алексеев — человек исключительно работоспособный, спокойный, независимый и упорный в достижении поставленных целей. Много лет спустя в одной из своих книг Черчиль приравнял генерала Алексеева по стратегическим дарованиям с маршалом Фошем и с Людендорфом.[18]

Но как бы ни был одарен генерал Алексеев, вопрос успеха на фронте зависел, в конечном счете, от боеспособности армии. В войсках же к тому времени, то есть к осени 1915 года, огромный процент старого кадра офицеров и солдат был уничтожен в боях. За год войны русская армия превратилась в вооруженный народ, переодетый в серые военные шинели. Там замечался призрак наступающей деморализации. Войска устали от отступления. В них

росло возмущение недостатком боевых припасов. Только большой приток военного снабжения и большая победа над врагом могли бы вселить в эту массу серых шинелей подлинный воинский дух.

Но Железная дивизия воинский дух сохранила. Несмотря на огромную убыль офицеров и солдат, пример начальника создал из деникинской бригады (в апреле 1915 года переформированной в дивизию) твердый кулак, который приобрел большую известность. В тяжелый момент на фронте Железная дивизия всегда выручала. Заслужив почетное звание «пожарной команды» 8-й армии, она все время перебрасывалась с одного участка на другой, туда, где плохо, где прорыв, где угроза окружения. Как только кончалось какое-нибудь задание, дивизию отзывали в «резерв командующего армией», а через день или два снова бросали ее, как говорил генерал Деникин, «на чью-либо выручку в самое пекло боя».

Много сохранилось свидетельств об этих эпизодах. Все они говорят о высоких боевых заслугах и чрезвычайной выносливости как начальника, так и его офицеров и бойцов. Деникин с честью выполнял директивы штаба генерала Брусилова. Но какой ценой!

«Весна 1915 года останется у меня навсегда в памяти, — писал генерал Деникин. — Великая трагедия русской армии — отступление из Галиции. Ни патронов, ни снарядов. Изо дня в день кровавые бои, изо дня в день тяжелые переходы, бесконечная усталость — физическая и моральная, то робкие надежды, то беспросветная жуть.

Помню сражение под Перемышлем в середине мая. Одиннадцать дней жестокого боя 4-й стрелковой дивизии... одиннадцать дней страшного гула немецкой артиллерии, буквально срывающей целые ряды окопов вместе с защитниками их. Мы почти не отвечали — не́чем. Полки, истощенные до последней степени, отбивали одну атаку за другой — штыками или стрельбой в упор; лилась кровь, ряды редели, росли могильные холмы... два полка почти уничтожены одним огнем... Когда после трехдневного молчания нашей единственной шестидюймовой батареи ей подвезли 50 снарядов, об этом сообщено было по телефону немедленно всем полкам, всем ротам; и все стрелки вздохнули с радостью и облегчением...»[19]

Даже при отступлении и при отсутствии снарядов дивизия Деникина умудрялась наносить неприятелю весьма болезненные удары.

В середине сентября 1915 года, когда русская армия несла тяжелые потери убитыми и ранеными, на линии Луцк — Ровно противник превосходил своими силами русских почти в три раза. Вводя в бой все новые войска, неприятель старался охватить правый фланг 8-й армии. Чтобы облегчить положение соседнего с Железной дивизией корпуса, штаб Брусилова приказал генералу Деникину отвлечь на себя неприятельский огонь и в течение ночи вести стрельбу всеми батареями Железной дивизии. Деникин не одобрял этого решения. С чувством досады за подобный расход драгоценных снарядов он выполнил приказание, заранее зная, что оно обнаружит противнику расположение скрытых Деникинских батарей. К утру положение могло стать трагичным. Спасая других, Деникин — распоряжением начальства — навлекал на себя всю силу удара. Ночью он вызвал командиров своих полков и, очертив обстановку, сказал:

— Наше положение пиковое. Ничего нам не остается, как атаковать! — и тут же приказал своей дивизии с рассветом атаковать город Луцк...

Атака была полной неожиданностью для неприятеля. Железная дивизия захватила в плен 158 офицеров и 9 773 солдат. По словам Деникина, это количество равнялось составу всей его дивизии.

«Деникин, — писал генерал Брусилов в своих воспоминаниях, — не отговариваясь никакими трудностями, бросился на Луцк, одним махом взял его, во время боя въехал сам на автомобиле в город и оттуда прислал мне телеграмму, что 4-я стрелковая дивизия взяла Луцк».[20]

За это лихое дело Деникин был произведен в генерал-лейтенанты.

Не менее лихой эпизод имел место в середине октября того же года. Немецкие войска, пришедшие на помощь австрийцам, заняли древнее местечко Чарторыйск. Это угрожало 8-й армии быть отрезанной от остальных частей русского Юго-Западного фронта, и Брусилов возложил на Деникина задачу — выбить противника из

Чарторыйска. 16 октября Железная дивизия развернулась против Чарторыйска и Новосёлок. В ту же ночь переправилась через реку Стырь и через три дня завершила прорыв неприятельского фронта: 18 километров в длину и 20 километров в глубину. Приходилось драться дивизии на три, а иногда и на все четыре направления. С. Л. Марков, впоследствии герой Белой армии, командовал тогда одним из полков Железной дивизии, и полк его в этой операции оказался на самом выдвинутом пункте.

— Очень оригинальное положение, — доносил он по телефону генералу Деникину, — Веду бой на все четыре стороны. Так трудно, что даже весело!

Чарторыйск был взять дивизией Деникина. Железная Дивизия двинулась дальше, чтобы очистить от противника окрестные деревни и хутора.

«Неприятно было пробуждение австрийцев, заночевавших в злополучных хуторах, — рассказывает очевидец этого боя полковник Генерального штаба Б. Н. Сергеевский. — Только начинало светать, как леса кругом них ожили. И ожили каким-то невероятным для войны XX века образом.

С севера гремел, надвигаясь все ближе и ближе, русский военный оркестр. На западе и юге ему вторили полковые трубачи. И когда на опушку с трех сторон одновременно стали выходить русские колонны — австрийская бригада стояла в строю впереди деревенских домишек, — подняв вверх руки. Военный оркестр прошел, продолжая играть, вдоль фронта врага, поворачивая на восток по дороге в Чарторыйск.

На австрийское начальство наскочил полковник С. Л. Марков:

— Церемоньялмарш! — скомандовал он австрийцам. — Нах Чарторыйск!»[21]

В этом сражении, как и в других своих боевых эпизодах, генерал Деникин проявил отличное понимание военной психологии. Прорвав неприятельский фронт, он рисковал в любой момент быть отрезанным от своих. В такой критический момент нужна была большая военная смекалка, чтобы использовать в тылу у неприятеля психологический эффект полковых трубачей и военного оркестра. Обнадеживая своих, спокойно-уверенный грохот барабанов и

русской военной музыки сбивал с толку противника и сеял растерянность в его рядах.

В самом начале 1916 года мать генерала Деникина, Елизавета Федоровна, тяжело заболела воспалением легких, осложнившимся плевритом. От болезни своей она так и не оправилась. Жизнь ее медленно угасала. В течение восьми месяцев она лежала, не вставая с постели, часто бывала в беспамятстве и скончалась в октябре 1916 года семидесяти трех лет от роду. Ее длительная болезнь и смерть были большим горем для сына. Он был далеко от нее, на фронте, и только дважды до ее смерти по телеграфному вызову врача приезжал к ней и неотлучно проводил свой печальный отпуск у кровати умирающей. Осенью, когда снова по вызову врача он приехал к своей «старушке», она была уже мертвой. С ее уходом из жизни рвалась последняя связь с детством и юностью, хотя тяжелыми и убогими, но близкими и дорогими по воспоминаниям. Жила Елизавета Федоровна в Киеве в квартире сына на Большой Житомирской улице № 40. Он нанял эту квартиру весной 1914 года, перевез туда свою мать из Житомира, где командовал полком. С любовью и заботой обставил он ее надвигавшуюся старость всеми возможными удобствами. Натерпевшись в свое время вдоволь горя и нужды, она провела свои последние годы в покое и уюте. Перспектива смерти матери пугала сына полным одиночеством. Да и возраст его — 43-летнего мужчины — казался препятствием, которое трудно преодолеть, для того чтобы жениться и начать новую личную жизнь. Впереди мерещилось беспросветное одиночество.

Была у него, правда, еще одна привязанность в жизни, но о ней Антон Иванович боялся тогда даже мечтать. Это была Ася Чиж. Из ребенка маленькая Ася превратилась во взрослую женщину, Ксению Васильевну. Окончив незадолго до войны Институт благородных девиц в Варшаве, она училась в Петрограде на курсах профессора Платонова. На курсах этих готовили преподавательниц русской истории для женских учебных заведений. Был у нее жених, молодой офицер одного из гусарских полков, но его убили на войне. Родители ее развелись: мать вторично вышла замуж, отец вторично женился; родной город — Бела — был в руках неприятеля. Она чувствовала себя так же одиноко, как Антон Иванович. Он

знал ее с момента рождения. Видал ее ребенком, затем — подростком; навещал потом в институте, стыдил тогда за пальцы, вымазанные чернилами. Он видел, как постепенно она превращалась в привлекательную девицу, и... решил просить ее руки.

Неизбежно надвигавшаяся кончина матери устраняла боязнь ввести в свой дом чужого для нее человека. Но, прежде чем решиться на такой ответственный шаг, следовало прозондировать почву, установить контакт путем переписки, чтобы понять, имеется ли хоть маленькая надежда на взаимность той, которая все больше и больше захватывала его воображение.

Письма генерала Деникина с фронта с описанием окружающей его обстановки, собственных мыслей и переживаний, к счастью, не потеряны. 96 таких писем, никогда еще не публиковавшихся, аккуратно пронумерованных, начиная с 15 октября (старого стиля) 1915 года до конца августа 1917 (то есть до момента ареста генерала Деникина Временным правительством и заключения его в Бердичевскую тюрьму по обвинению в участии в «мятеже генерала Корнилова») сохранились в семейных архивах его вдовы, Ксении Васильевны. Приведенные ниже с ее разрешения выдержки из писем Антона Ивановича освещают духовный облик замкнутого человека, не любившего включать посторонних в свой внутренний мир.[22]

Письмо от 15 октября 1915 года

Жизнь моя так полна впечатлениями, что их хватит на всю жизнь. Горишь, как в огне без отдыха, без минуты покоя, испытывая острое ощущение боли, скорби, радости и внутреннего удовлетворения.

Славная дивизия, которой — судьба улыбнулась — я командую 14 месяцев, создала себе исключительное положение: неся огромные потери, исколесив всю Галицию, побывав за Карпатами — везде желанная — то растаявшая, то вновь возрожденная пополнениями, исполняет свой долг с высоким самоотвержением... Здоровье — лучше, чем в мирное время. Самочувствие — отлично. Но нервы истрепаны. И не раз в редкие минуты затишья в тесной и грязной полесской лачуге мечтаешь о тех благодатных днях, когда кончится война (победоносно, конечно, не раньше) и получишь

нравственное право на отдых. Только отдых полный, ничем не омраченный: море, солнце, покой — как хорошо! Счастье? Его почти не было. И будет ли? Но на покой я, кажется, имею право.

13 ноября 1915 года

Распутица на время приостановила наши действия. Живем среди сплошных болот, среди обугленных развалин, в скучном пустынном районе. Вместо смелых набегов, кровавых боев — нудная позиционная война с ее неизбежными атрибутами для стрелков: заплывшие водой окопы и сырые холодные землянки. Не надолго, впрочем. Последний успех в ряду непрерывных боев моей дивизии — прорыв неприятельской линии и разгром австро-германцев... Непосредственно чувствуя пульс боя, мы видим, что в рядах противника нет и тени той нравственной силы, с которой он (германец) начал кампанию: бегство, сдача в плен — явления заурядные; вместо гордой осанки — обтрепанный вид, утомленные физиономии пожилых бюргеров. В отобранных дневниках — апатия, усталость и желание конца. Он не близок, он далек еще; но ясно чувствуется фатальная неизбежность поражения австро-германцев. И настанет новая светлая эра, если только... кормчие сумеют уберечь страну нашу от внутренних потрясений.

16 декабря 1915 года

Вот уже месяца четыре не имею своего угла. В одной комнате 3—4 человека. Конечно, пользуясь привилегиями начальническими, мог бы устроиться лучше, но зато стеснил бы до крайности других. А тут хочется побыть одному и нельзя. Сосредоточиться, подумать, наконец, просто ни о чем не думать... Кругом кричат телефонисты; шум, смех, говор моей штабной молодежи, всегда веселой и жизнерадостной. Впрочем, меня это стесняет лишь в дни безделья-затишья, когда становишься сердитым и ворчливым. Когда же начинаются бои, все эти мелочи жизни совершенно бледнеют, и весь, с головой и сердцем, уходишь в дело.

Пишу ужасно нескладно. Потому что шесть глаз смотрит под руку и три головы не без ехидства думают: что это генерал, письма которого отличаются телеграфической краткостью, пишет уже четвертую страницу?

6 февраля 1916 года

10-го (января) заболела тяжело моя мать воспалением легких. 24-го удалось вырваться в отпуск. До 5 февраля просидел возле нее. Устал нравственно и физически. Исход неопределенный. Иногда надежда, иногда нет. Впереди жуткая пустота и подлинное одиночество. У меня ведь никого нет, кроме нее.

12 февраля 1916 года

Мечтал об отпуске. Пришел раньше времени, но не на радость: 2 недели у постели больной матери безвыходно, неделя в командировке. Был второй кризис, почти агония; длилось так дня четыре. И пошло на улучшение. Правда, появилось осложнение — плеврит. Возраст почтенный — 73 года, все это тяжело очень переносится.

Чувствуя себя совершенно разбитым физически и уставшим нравственно. Еду в великолепную санаторию — свою дивизию. Там все пройдет быстро.

4 марта 1916 года

2 марта ранен на вылет легко в левую руку осколком шрапнели; кость не задета; сосуд пробит, но, молодчина, сам закрылся. Даже температура не подымается выше 37,4. Ложиться не надо. Продолжаю командовать.

27 марта 1916 года

Доктор вызвал меня телеграммой в Киев, считая положение матери безнадежным. По-видимому, он ошибся во времени. Идет медленное умирание, но определить конец нельзя. Мне не придется закрыть глаза бедной старушке, так как через 4—5 дней возвращаюсь в дивизию. В исходе третий месяц тяжелого, беспомощного положения ее. А кругом кипит жизнь, светит яркое солнце и надвигается, радостный праздник. Никакое неверие не может развенчать обаяния этого праздника весны, Воскресения, возрождения. Встретим Пасху на позиции, в маленькой церковке, укрытой в лощине, но привлекающей изрядно внимание австрийцев.

А мысль будет далеко, далеко, разделенная между двумя дорогими образами — догорающим и тем, другим, который так близко вошел в мою жизнь.

В письмах той, о ком он все больше и больше думал, с кем все чаще и чаще переписывался, кто «так близко вошел в его жизнь», Антон Иванович искал ответа на вопросы незаданные и думы невысказанные.

«Я не хочу врываться непрошеным в Ваш внутренний мир», — говорил он ей в одном из своих писем в марте. Но полупризнаниями, как бы ясно они ни передавали на бумаге его чувства, добиться письменного ответа на мучивший его вопрос было невозможно. Он это отлично сознавал и хотел лишь уловить в ее письмах те оттенки мыслей, которые дали бы ему мужество письменно просить ее руки.

4 апреля он решился на этот шаг и затронул наконец «тот невысказанный, но давно уже назревший вопрос». Опасался он двух возможных препятствий: — своего холостого прошлого, в котором считал нужным покаяться, но которое доверить бумаге казалось ему трудным. «Затем, — писал он ей, — Вы большая фантазерка. Я иногда думаю: а что, если те славные, ласковые, нежные строчки, которые зачитаю, относятся к созданному Вашим воображением идеализированному лицу, а не ко мне, которого Вы не видели шесть лет, и на внутренний и внешний облик которого время наложило свою печать. Разочарование? Для Вас оно будет неприятным эпизодом. Для меня — крушением... Письмо придет к Пасхе», — заканчивал он. — «Христос Воскресе! Я хотел бы, чтобы Ваш ответ был не только символом христианского праздника, но и доброй вестью для меня».

Казалось бы, что вся предыдущая переписка с Антоном Ивановичем должна была подготовить Ксению Васильевну не только к возможности, но даже к неизбежности того, что произошло. И тем не менее «предложение» для нее явилось неожиданностью.

Генерал Деникин был другом семьи почти поколения ее родителей; все это как-то не вязалось с романтической натурой Ксении Васильевны. Она глубоко ценила его как верного друга, как человека безупречной честности. Она гордилась расположением к себе боевого генерала, доблесть которого стала широко известна, знала, что на него можно положиться во всем. Но подобные чувства были далеки от влюбленности.

Получив письмо, она не отказала, но просила повременить, чтобы, свыкнувшись с мыслью о возможности брака, лучше узнать

Антона Ивановича и только тогда прийти к окончательному решению.

«То, что я написал 4-го, я не говорил еще никому ни разу в жизни, — писал он ей в ответ. — Вы поймете мое нетерпение, с каким я ждал ответа, хотя и условного, мое волнение, с каким я вскрывал Ваше письмо. Письмо от 12-го... такое осторожное и такое рассудочное. Быть может, так и надо. Я же, обычно замкнутый, недоверчивый, немножко отравленный анализом, я изменил себе, открыв Вам душу».

Потребовалось несколько недель упорных письменных уговоров, чтобы склонить Ксению Васильевну дать свое согласие стать невестой, а затем связать раз и навсегда свою жизнь с судьбой генерала Деникина. Но пока этот вопрос решался, генерал переживал «такое напряженное настроение, как во время боя, исход которого колеблется».[23]

Потом было решено факта жениховства «пока что» не оглашать; временно даже скрыть его от ее родных. Однако к лету 1916 года жениховство от семьи уже не было секретом. Тогда же решили — по настоянию Антона Ивановича — венчаться не сразу, а лишь по окончании войны. Нелегко далось ему решение «откладывать», но, думая прежде всего о своей невесте, он считал, что в ее интересах иной подход к данному вопросу был бы неблагоразумен.

С конца апреля 1916 года письма генерала Деникина к своей невесте полны надежд на яркое и радостное будущее. Моментами появляется сомнение, но оно быстро рассеивается.

«Пробивая себе дорогу в жизни, — писал он ей 24 апреля, — я испытал и неудачи, разочарования, и успех, большой успех. Одного только не было — счастья. И как-то даже приучил себя к мысли, что счастье — это нечто нереальное, призрак. И вот вдали мелькнуло. Если только Бог даст дней. Надеюсь... Думаю о будущем. Теперь мысли эти связнее, систематичное, а главное — радостней. Теперь я уже желаю скорого окончания войны (прежде об этом не думал), но, конечно, постольку, поскольку в кратчайший срок можно разбить до основания австро-германцев. Иначе не представляю себе конца. В одном только вопросе проявляю недостаточно патриотизма, каюсь: когда думаю об отдыхе после войны,

тянет к лазурному небу и морю Адриатики, к ласкающим волнам и красочной жизни Венеции, к красотам Вечного города. Когда-то, 10 лет тому назад, я молчаливо и одиноко любовался ими — тогда, когда мой маленький друг Ася была с бабушкой на Рейне. Вы помните? Вы одобряете мои планы?»

Вот еще выдержки на эту тему из последующих писем к невесте:

«Никогда еще жизнь не была так заполнена. Кроме дела, у меня появилась личная жизнь. Иногда я задумываюсь над неразрешенным еще вопросом наших отношений (собственно один остался) и гложет меня сомнение. Все о том же. Мне ли Ваша ласка, или тому неведомому, которого создало Ваше воображение?»[24]

«Если в нашей жизни счастье в очень большой степени будет зависеть от меня, то оно почти обеспечено. Ни перевоспитывать, ни переделывать Вас, моя голубка, я не собираюсь. Сумею ли подойти не знаю, но кажется мне, что сумею, потому что, потому что я люблю Вас. И в думах одиноких, острых и радостных я вижу Асю женой и другом. Сомнения уходят, и будущее светлеет».[25]

«Вся моя жизнь полна Вами. Получила новый смысл и богатое содержание. Успех для нас. Честолюбие (без него полководчество немыслимо) — не бесцельно. Радости и горе — общие. Я верю в будущее. И живу им. Совершенно сознательно».[26]

Но одновременно с радостью почти во всех письмах Антона Ивановича к своей невесте за летний период 1916 года видна глубокая грусть по поводу состояния здоровья матери.

И наконец 27 октября 1916 года, уже после смерти матери, на похороны которой приехала и Ксения Васильевна, Антон Иванович, уезжая обратно из Киева на фронт, писал с дороги своей невесте: «Последние недели имели огромное значение в моей жизни, положив резкую грань между прошлым и будущим. Горе и радость. Смерть и жизнь. Конец и начало. И не удивительно, что я вышел несколько из равновесия, выбился из колеи».[27]

Попутно, касаясь своих личных чувств и мыслей, генерал Деникин дает интересное описание окружающей его жизни на фронте: «Пасху встретили неожиданно торжественно. Приехал архиерей с духовенством. И среди чистого поля в огромном, созданном из ничего — прекрасном и величественном зеленом храме (ель и сосна), среди

полной тишины словно замершего боевого поля, среди многих тысяч стрелков вооруженных, сосредоточенных и верующих — началось торжественное пасхальное архиерейское служение. Обстановка весьма необычная для него и для нас. Впечатление большое.

Между делом читаю, и довольно много. Без системы, без выбора, что случайно привезут отпускные. Такая масса расплодилась литературного хламу. Прочтешь, и ничего не останется ни в уме, ни в памяти».[28]

С осени 1915 года на русском фронте против австро-германцев наступило затишье. Войска с обеих сторон фронта зарылись на зимние месяцы в окопы. Газетные бюллетени Ставки, за редким исключением боев в декабре и марте, сводились к лаконической фразе: «Перестрелка и поиски разведчиков». Это затишье было использовано Россией для накопления военного снабжения и для пополнения людским составом огромных потерь предыдущего лета. Произошли большие перемены в Военном министерстве. Новые люди, не в пример Сухомлинову, искали сотрудничества с общественными организациями, земскими и городскими союзами, чтобы совместными усилиями расширить и увеличить внутри страны производство припасов для нужд армии.[29] Сотрудничество оказалось плодотворным. Проведена была мобилизация промышленности для военных нужд. Было образовано «Особое Совещание для объединения мероприятий по обороне Государства», возник Военно-промышленный комитет.[30]

С помощью крупных правительственных субсидий и при поддержке военного министерства, частная инициатива энергичных деловых людей добилась весьма значительных успехов. Повысилось производство артиллерийского снабжения, а также патронов и ружей. Военные и дипломатические представители союзных стран с радостным удовлетворением сообщали своим правительствам о неожиданных и больших достижениях русской промышленности в области боевого снабжения. Начался также давно жданный и быстро возраставший приток снабжения из-за границы. Наступил перелом. Появилась надежда.

В этом переломе большую роль сыграла частная инициатива группы русских деловых людей и общественных деятелей

(А. И. Гучков, князь Г. Е. Львов, А. И. Коновалов, М. В. Челноков, М. И. Терещенко и другие). Но беспокойная инициатива тех же деловых и общественных группировок сыграла, пожалуй, еще большую роль в систематическом подрыве авторитета монарха. К этому вопросу мы вернемся позже.

Тем временем в декабре 1915 года на междусоюзной конференции в Шантильи было решено начать наступление против Германии и с запада, и с востока в середине июня 1916 года. Главный удар должен был наноситься союзниками в районе Соммы. Но планы быстро изменились: неожиданно для союзников, в феврале немцы перешли в наступление — для прорыва фронта у Вердена. Вместо помощи России союзники стали требовать помощь от России. В ответ на это требование, невзирая на весеннюю распутицу и бездорожье тающих снегов, русские войска Северного и Западного фронтов сразу (в марте месяце) были брошены против немцев.

Деникин со своей дивизией по-прежнему находился на Юго-Западном фронте и в этом наступлении не участвовал. Он кратко суммировал то, что там произошло, следующей фразой: «Операция эта, наспех организованная, плохо проведенная... буквально захлебнулась в грязи и окончилась полной неудачей».[31]

Тем не менее атаки на Верден временно прекратились. Но вскоре настал другой критический момент для союзников, и снова посыпались настойчивые требования русской помощи. На этот раз не только призыв, но крик отчаяния шел из Рима.

Италия вступила в войну против своей вчерашней союзницы Австрии в мае 1915 года. Вена горела желанием отомстить. Весной 1916 года австрийцы перебросили крупные силы с русского фронта на свой фронт против Италии. Разбив итальянцев в середине мая у Трентино, они двинулись в общем направлении на Верону. Предвидя катастрофу, итальянское командование при поддержке генерала Жоффра стало требовать, а затем умолять Ставку немедленно начать наступление против Австро-Венгрии, чтобы отвлечь на себя австрийские силы с итальянского фронта.

И снова, как писал потом Черчилль, «в соревновании боевого товарищества, которое было отличительной чертой царской армии»,

русские предприняли новый и на этот раз грандиозный удар против неприятеля.[32]

С рассветом 22 мая (4-го июня нового стиля) вся линия русского Юго-Западного фронта ожила сильнейшим артиллерийским огнем. Снаряды были подвезены, и их не жалели. После артиллерийской подготовки русские части по всему фронту длиной в 350 километров перешли в наступление против австрийцев. Атака была настолько неожиданна для неприятеля что, несмотря на мощные укрепления, воздвигнутые в период зимних месяцев, австрийцы не выдержали. Их опрокинули, и фронт был прорван. Операция эта была поручена генералу Брусилову, незадолго до того принявшего пост командующего Юго-Западным фронтом. В состав фронта входили четыре армии. С севера на юг они шли в следующем порядке: 8-я, 11-я, 7-я и 9-я.[33]

8-я армия, которой раньше командовал Брусилов, перешла к генералу Каледину. В ее состав по-прежнему входила Железная дивизия под начальством Деникина. Оба генерала хорошо друг друга знали, и у Каледина не было сомнений насчет стойкости Железной дивизии. Он знал, что Деникин не подведет.

Все четыре армии Юго-Западного фронта ударили по неприятелю одновременно. В этом заключался новый, до тех пор нигде, ни в одной армии, еще не испробованный стратегический прием генерала Брусилова. Вместо того чтобы сконцентрировать свою атаку на одном участке и дать возможность неприятелю направить туда свои резервы на выручку, Брусилов — одновременным ударом по широкому фронту — добился прорыва неприятельской линии обороны в нескольких местах. «Эта форма прорыва, — по словам одного из его участников, — имела то преимущество, что лишала противника возможности определить место главного удара и маневрировать резервами; поэтому наступающая сторона могла полностью применить внезапность удара, скрыв свои намерения, и держать скованными силы противника на всем фронте все время операции».[34]

Нанести главный удар выпало на армию генерала Каледина, а в его армии — на дивизию генерала Деникина. Удар был направлен на город Луцк. Деникин хорошо знал этот город: в сентябре 1915 года, как мы уже знаем со слов генерала Брусилова, Деникин

«бросился на Луцк и одним махом взял его». С тех пор Луцк снова перешел в руки неприятеля, и здесь Деникину пришлось вторично брать Луцк, сильно за это время укрепленный противником.

Еще в марте генерал Деникин был ранен осколком шрапнели в левую руку, но остался в строю. И несмотря на не совсем зажившую рану, руководя атакой, шел со своими войсками в передовых цепях.

15 лет спустя он написал для издававшейся тогда в Париже и выходившей два раза в месяц военной газеты «Русский инвалид» (№ 20 от 7 июля 1931 года) статью под заглавием «Железная дивизия в Луцком прорыве».

«4-я стрелковая Железная дивизия, — писал он, — входила в состав 40-го корпуса... Подготовка к атаке велась с апреля с величайшей тщательностью... Никогда за всю войну Железная дивизия не обладала такой мощной техникой, и нам казалось, что в условиях русского фронта мы достаточно сильны для прорыва и победы. Перед наступлением позицию посетил... Командующий армией генерал Каледин. Каледин приехал, как всегда, угрюмый, тщательно осмотрел боевую линию, не похвалил и не побранил, а уезжая, сказал:

— Верю, что стрелки прорвут позицию.

В 4 часа утра 22 мая (4 июня нового стиля), по всему ударному фронту 8-й армии началась артиллерийская канонада. С моего наблюдательного пункта видны были как на ладони все линии окопов дивизии и вражеские. Никогда еще такого огня стрелки не слышали. Временами орудийный грохот сливался в протяжный рев, словно разверзлись бездны и выносили в мир хаос звуков, сотрясающих землю. Тысячью фонтанов в окопах австрийских вздымалась кверху черная земля, с обломками бревен, со спутанными копьями колючей проволоки... В течение 36 часов 22 и 23 мая батареи дивизии выпустили 27 700 снарядов. Эта цифра невелика по сравнению с протяженностью европейского фронта, где, например, в бою у Вими (апрель 1917 года) англичане на фронте в 20 километров сосредоточили 4000 орудий, выпустивших в первые десять дней наступления 4 миллиона снарядов. Но и такое напряжение для нас было внове. Первый

раз наша артиллерия получила возможность выполнить основательно ту задачу, которая до тех пор достигалась ценою лишней крови. В результате на намеченных для атаки участках расчищено было 22 прохода в проволочных заграждениях, от 8 до 12 сажен шириной каждый, а обнаруженные фланкирующие постройки и блиндированные гнезда для траншейных орудий и пулеметов разрушены.

23 мая генерал Каледин сделал общее распоряжение начать прорыв в 9 часов утра. Я отдал краткий приказ:

— В 9 часов приказываю войскам дивизии атаковать, и да поможет нам Бог!

...Картина небывалая. В мгновение ожило поле. Тысячи людей высыпали на брустверы и стремительно ринулись вперед: рассыпались по полю, собираясь кучками в проходах проволочных заграждений и... скрылись. Опять поле пусто. Идет невидимая штыковая работа в двух линиях окопов, в ходах сообщений, в убежищах первой полосы... Прошло часа два. Вдруг далеко впереди, за первой полосой, показались редкие цепи наших стрелков — такие, казалось, одинокие и затерянные... Под сильным огнем австрийской артиллерии они шли на вторую полосу (укреплений); вел их подполковник 13-го полка Тимановский — один из храбрейших железных стрелков, знаменитый «Степаныч», впоследствии начальник марковской дивизии. Шел в открытую, опираясь на палку — в атаку он всегда ходил без оружия — не спеша, останавливаясь, подзывая кого-то рукой. Появление этого батальона произвело большое впечатление на «гостей» наблюдательного пункта. (Союзные военные агенты получили разрешение от Ставки присутствовать при начале наступления Железной дивизии.) Они высыпали на открытый холм, чтобы лучше видеть, а наиболее экспансивный из них, итальянский военный агент подполковник Марсенго, хлопал в ладоши, надрывая грудь, кричал:

— Браво! Браво!

...В 9 часов вечера 16-й полк со штабом дивизии, предшествуемые автомобильно-пулеметным взводом, вошли в город Луцк...»

Характерно для генерала Деникина, что, описывая один из блестящих боевых успехов своей дивизии, он о себе лично ничего не

упомянул. Однако показания участников говорят и о действиях самого генерала. «Деникин, — писал один из них, — с марша штурмует укрепленную позицию Луцка и первым, обгоняя бегущих австрийцев на легковой машине, врывается в Луцк, на площади которого встречает своих стрелков и роты соседнего корпуса».[35]

В первые три дня с момента наступления 8-я армия Каледина прорвалась на 50 километров в глубь австро-венгерских расположений на фронте шириной в 80 километров.

Своей невесте генерал Деникин писал: «Об огромном успехе всего Юго-Западного фронта Вы знаете из газет. Но маленькая деталь: боевое счастье неизменно сопутствует моей дивизии... От бессонных ночей и нравственного напряжения — голова тяжелая, ноги словно налиты свинцом и клонит ко сну. А в сердце большая радость. Среди воинства подъем необыкновенный... Порадуйтесь со мной!»[36]

«Успех Юго-Западного фронта, несомненно, повлечет за собой и более широкое наступление; быть может, и союзники встрепенутся».[37]

«Теперь упорнейший бой с выручающими австрийцев германцами. Мои полки расхвалены, обласканы вниманием всех. Уже нет честолюбия; есть внутреннее удовлетворение. Полное».[38]

А вот другое его письмо от 27 июля:

«По-прежнему живу в дремучем лесу, в землянке высотой в 3 аршина, чрезвычайно уютной. По-прежнему льет дождь изо дня в день, но на темечко не капает: предусмотрительные австрийцы оставили нам большие запасы толя; приспособили и найденную в окопах печку. Теперь совсем хорошо и грибов, к которым я весьма неравнодушен, много.

«Бои продолжаются и отличаются большим упорством, чем раньше. Немцы употребляют все усилия, чтобы поддержать австрийцев и сдержать наш напор. Вчера был у меня большой бой. Вничью. В нашей лесной прогалине и справа, и слева штабной городок окружают наши батареи. Идет неумолчный гул. И так это стало обычно, что когда тихо — это кажется странным».

За доблесть, проявленную при захвате Луцка в мае 1916 года, генерал Деникин получил весьма редкую награду — «Георгиевс-

кое оружие бриллиантами украшенное». Награда эта давалась только тогда, когда подвиг был не только личным, но и большого общего значения.

Брусиловское наступление 1916 года, получившее также название Луцкого прорыва, продолжалось около четырех месяцев. «Тактические результаты этой битвы, — писал историк Головин, — были громадными. Взято было в плен 8924 офицеров, 408 000 нижних чинов, захвачено 581 орудий, 1 795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов. Отнята у противника территория более чем в 25 000 квадратных километров. Таких результатов не достигла ни одна наступательная операция наших союзников в 1915, 1916, и 1917 годах».[39]

Последствия брусиловского успеха превзошли все ожидания. Италия была спасена. Австро-венгерские войска трещали по всем швам. Чтобы выручить своего союзника и спасти его от окончательного разгрома, немцы перебросили из Франции 18 дивизий на русский фронт. Кроме Франции, союзники получили облегчение на своем фронте у Салоник, откуда 3,5 германских дивизий и две наиболее стойкие турецкие дивизии тоже были переброшены против России. Румыния, долго выжидавшая возможность определить, куда ветер дует, чтобы присоединиться к победителям, вдруг и неожиданно решила что немцев бьют, и 27 августа объявила войну центральным державам. Переполох в Германии был велик. Если даже расчетливая Румыния отважилась начать войну с Германией, то это означало, что немецкие акции на международном рынке пали невероятно низко. А главное Россия, которую германский Генеральный штаб после лета 1915 года включил в категорию полной инвалидности... И вдруг такая боевая инициатива! Кто-то, несомненно, в расчетах сильно ошибся! В высшем немецком командовании сменили генерала фон Фалькенхайн. Его заменил фельдмаршал фон Гинденбург. Фактическим распорядителем на всех немецких фронтах стал его начальник штаба Людендорф.

Эти события отразились и на судьбе генерала Деникина. В начале сентября 1916 года он был назначен командующим 8-м армей-

ским корпусом и вскоре после этого отправлен на помощь румынам.

Многие в России были против вступления Румынии в лагерь стран, воюющих с центральными державами. Среди них был и генерал Деникин. Он считал, что в роли нейтральной державы Румыния более полезна Антанте, чем в роли союзницы, и оказался прав. Немцы, решив дать румынам хороший урон и доказать сомневающимся, что германская карта далеко еще не бита, заняли к концу декабря 1916 года бóльшую часть румынской территории, включая Бухарест. А России, чтобы помочь новой союзнице, пришлось перебросить на румынский фронт 20 дивизий.

Несмотря на повышение по службе, Деникин с большой и искренней грустью расставался со своей Железной дивизией. В течение двух лет он жил лишь интересами своих стрелков. Его личная судьба переплелась с судьбой Железной дивизии. Его водительство, ее победы, все это связывалось в одно чувство дружного боевого товарищества, глубокой взаимной привязанности и гордости совместным успехом. На склоне лет, вспоминая свое длинное боевое прошлое, генерал Деникин говорил, что два года, проведенные с «железными» стрелками, были самыми лучшими днями его жизни.

Генерал Брусилов, после Октябрьской революции перешедший на службу к большевикам и с тех пор враждебно относившийся к генералу Деникину, в своих воспоминаниях, написанных в Советском Союзе, все же воздал ему должное.

«4-я стрелковая дивизия (железная), — писал он, — всегда выручала меня в критический момент, и я низменно возлагал на нее самые трудные задачи, которые она каждый раз честно выполняла».[40]

«Деникин, который играл такую большую роль впоследствии, был хороший боевой генерал, очень сообразительный и решительный».[41]

Но затем, в угоду советскому правительству и чтобы застраховать себя с точки зрения политической благонадежности, Брусилов счел нужным значительно разбавить свою похвалу генералу Деникину. Неверной и сознательно ложной оценкой Деникина он

пытался набросить тень на моральный облик безупречно честного человека, выставив его в роли якобы карьериста, склонного приписывать себе чужие боевые отличия. Характерной чертой Деникина было полное отсутствие какой-либо склонности к интриге и чувство справедливости в отношении к военным успехам и достижениям своих собратьев по ратному делу.[42]

Характеристику Антона Ивановича Деникина как боевому генералу живо дал один из офицеров, близко знавших его по совместной работе в 8-й армии: «Не было ни одной операции, которой он (Деникин) не выполнил бы блестяще, не было ни одного боя, которого он не выиграл бы. Я в то время был начальником оперативного отделения и генерал-квартирмейстером в штабе Брусилова. Мне часто приходилось говорить с Деникиным по аппарату, когда нужно было согласовать действия генерала Деникина с соседями и особенно выручать их в тяжелом положении. Не было случая, чтобы генерал Деникин сказал, что его войска устали, или чтобы он просил помочь ему резервами.

«Перед войсками он держал себя просто, без всякой театральности. Его приказы были кратки, лишенные «огненных» слов, но сильные и ясные для исполнения. Он был всегда спокоен во время боев и всегда лично был там, где обстановка требовала его присутствия. Его любили и офицеры, и солдаты... Он никогда не ездил на поклон к начальству. Если его вызывали в высокий штаб по делам службы, то он держал себя со своими высшими командирами корректно, но свободно и независимо. Он не стеснялся в критике отдававшихся ему распоряжений, если они были нецелесообразны, но делал это мягко, никого не задевая и не обижая... Деникин всегда расценивал обстановку трезво, на мелочи не обращал внимания и никогда не терял духа в тревожную минуту, а немедленно принимал меры для парирования угрозы со стороны противника. При самой дурной обстановке он не только был спокоен, но готов был пошутить, заражая других своей бодростью. В работе он не любил суеты и бессмысленной спешки... В частной жизни был очень скромен, никогда не позволял себе никаких излишеств, жил просто, пил мало — рюмку-две водки да стакан вина. Единственным его баловством было покурить хоро-

шую сигару, в чем он понимал толк... В товарищеском кругу он был центром внимания... так как подмечал в жизни самое существенное, верное и интересное, и многое умел представить в юмористической форме.

Со своим 8-м армейским корпусом Деникин попал на Румынский фронт, когда две немецкие армии, одна под командой Макензена, другая под начальством Фалькенхайна, одновременным наступлением с разных сторон резали Румынию на части.

Директива, данная генералу Деникину, предписывала ему двигаться по Бухарестскому направлению до встречи с противником и затем прикрыть это направление, привлекая к обороне отступающие румынские части».

В течение нескольких месяцев, ведя бои у Бузео, Рымника, Фокшан, имея в своем подчинении разновременно два румынских корпуса, А. И. Деникин так впоследствии формулировал свое впечатление о румынских войсках: «Полное игнорирование румынской армией опыта протекавшей перед ее глазами мировой войны; легкомысленное до преступности снаряжение и снабжение армии; наличие нескольких хороших генералов, изнеженного... корпуса офицеров и отличных солдат».[44]

Несмотря на суровую жизнь последних двух лет, тяжелые условия на Румынском фронте превзошли все опасения генерала Деникина. То, что осталось от Румынии, было в состоянии полной прострации; подвоз снабжения и продуктов из России затруднялся не только расстройством русских железных дорог, но и хаотическим состоянием румынских путей сообщения. Лошади дохли от бескормицы, люди мерзли без сапог, без теплого белья и заболевали тысячами. Не мудрено, что при создавшемся положении Румыния не очаровала Деникина.

«Неприветливая страна, неприветливые люди и порядочный хаос, — писал он своей невесте, — общее убеждение: ругали свои порядки, но чужие многим хуже».[45]

Но в конце декабря 1916 года настало несколько дней затишья, и, пользуясь тем, что в Россию отправлялся в командировку верный боевой спутник и денщик Николай, генерал Деникин отправил с ним длинное письмо своей невесте. Письмо шло с верной «оказией», а потому, не стесняясь ограничениями воен-

ной цензуры, можно было обрисовать в нем общую картину положения в Румынии откровенно, так как его понимал и видел генерал Деникин.

«Немцы сосредоточили против Румынии большие силы, — писал он 22 декабря 1916 года, — и операция начала развиваться с необыкновенной быстротой. Наши войска прибывали поздно. Маленькая страна при полном напряжении своих железных дорог не могла справиться со своей задачей, и наши эшелоны ползли черепашьим шагом, по суткам простаивая на маленьких станциях. К тому же хаотический беспорядок, бездеятельность, иногда вероятно продажность румынской администрации. Бухареста дни были уже сочтены. В числе войск, брошенных на помощь, были и мои. Но мы опоздали. Я встретил уже разбитые румынские армии. И вкрапленные между ними, в постоянной опасности неустойки с их стороны, задерживали сколько было возможно немцев, отходя к северу. Шли жестокие бои. Много, очень много легло моих. Но успех немцев несомненный. И, между прочим, в занятой стране они захватили огромные запасы продовольствия, большое облегчение для их несытых желудков. А нам при отходе, по причинам политическим, запрещали жечь запасы... Теперь главнокомандующий соединенными армиями король Фердинанд (в том числе нашей), а ответственным помощником его генерал Сахаров.[46]

Король, дрожа за судьбу династии, готов на всякие компромиссы. Правительство упорствует. А между тем единственный выход из положения — милитаризация страны (дорог и т.д.), вывод армии, обучение ее русскими инструкторами и, вообще, передача власти в русские руки... В общем, узнали-таки страну, где беспорядок государственный и социальный больше нашего... Приехала наконец комиссия из английских офицеров, которая уничтожает в ближайшей к противнику полосе запасы керосина, бензина, зерна, которые нельзя вывозить. Румыны уверенно высчитывают стоимость убытков от каждого разрушенного завода, моста, здания. Говорят:

— За все заплатят англичане!

Оптимисты. Быть может, заплатят, но... учтя цену присоединяемой Трансильвании».

Генерал Деникин не упомянул в своем письме о том, что в Румынии до ее вступления в лагерь Антанты была весьма сильная прогерманская группировка и что территориальные аппетиты румын включали не только австро-венгерскую Трансильванию, но и русскую Бессарабию. Военные неудачи, вполне естественно, были на руку тем, кто рассчитывал на победу Германии и кто критически относился к России. А потому вопрос о «передаче власти в русские руки», с точки зрения румын, являлся совершенно недопустимым.

В одном из своих писем, касаясь успеха Юго-Западного фронта, Деникин выражал надежду, что этот успех повлечет за собой более широкое наступление и что, быть может, и союзники «встрепенутся».

В общественном мнении России отношение к союзникам за годы войны прошло через разные фазы. Вначале был восторг и готовность жертвовать собой для достижения общей цели. Затем восторг охладел, но сохранилось твердое решение безоговорочно выполнять свои союзные обязательства, не считаясь ни с трудностями, ни с риском. И наконец, — как отметил Головин, видя, что союзники не проявляют такого же жертвенного порыва, чтоб оттянуть на себя германские силы, как это делала русская армия, в русских умах постепенно стало закрадываться сомнение. Оно перешло в недоверие.

Когда австрийцам приходилось плохо, немцы всегда шли к ним на выручку. Когда того требовали союзники, русские войска всегда оттягивали на себя силы неприятеля. Однако в критические моменты на русском фронте союзники ни разу не проявили должной военной инициативы. Неудачная их попытка в Галлиполи в расчет не принималась. Их начали винить в эгоизме, а среди солдат на фронте (возможно, что не без участия германской пропаганды) все сильнее слышался ропот: союзники, мол, решили вести войну до последней капли крови русского солдата. В солдатской массе это притупляло желание продолжать борьбу.

Следует отметить, что генерал Деникин, хоть и искренне желавший более деятельной стратегической помощи от союзников, никог-

да не бросал обвинения в том, что русскими руками они хотели ослабить Германию. Наоборот, до самого конца, даже в период русской междоусобной смуты, когда Россия вышла из войны, а Германия еще продолжала воевать на западе, он неизменно оставался верен идее союза.

Но еще серьезнее недоверия к союзникам было недоверие к собственной власти. Осенью 1915 года, после отъезда государя из столицы в Ставку, императрица с невероятной настойчивостью стала вмешиваться в дела государственного управления. По совету своих приближенных, она выставляла кандидатов на министерские посты, и за редким исключением, государь одобрял ее выбор. Кандидаты — люди бесцветные, не подготовленные к ответственной работе, часто недостойные — вызывали резкое неодобрение в общественном мнении и в Думе, где с осени 1916 года начались бурные выпады не только против членов правительства, но и против личности императрицы и «темных сил» вокруг трона. Авторитет власти и династии падал с невероятной быстротой. От патриотического единения между правительством и законодательными палатами периода начала войны не осталось и следа. Постоянная смена состава министров ослабляла и без того непопулярное и беспрограммное правительство.

Прогрессивный блок, образованный в 1915 году из представителей кадетской партии, октябристов и даже консервативных элементов Думы и Государственного совета, настаивал на министерстве общественного доверия, готового сотрудничать с законодательными палатами в проведении определенно разработанной программы деятельности. К этим требованиям все больше и больше склонялись умеренно-консервативные круги и члены императорского дома. Многие из великих князей, видя угрозу династии и родине, откровенно и настойчиво высказывали государю свои взгляды на необходимость перемен. Но царь упорно отклонял все подобные советы. Имя Распутина с его влиянием при дворе стало объектом ненависти, особенно тех, кто не желал свержения монархии. С думской трибуны Милюков винил правительство и императрицу в «глупости или измене», представитель монархистов Пуришкевич требо-

вал устранения Распутина. Его убийство с участием великого князя Димитрия Павловича Юсупова, женатого на племяннице государя, и монархиста Пуришкевича окончательно изолировало царскую семью. Государь и императрица остались в полном одиночестве.

Тем временем Гучков, князь Львов и другие представители земских и городских союзов, Военно-промышленного комитета и так далее, сыгравшие большую роль в мобилизации русской промышленности для нужд войны, настаивали не только на министерстве общественного доверия, ответственном перед Думой. Потеряв надежду на возможность сотрудничать с царем, они решили от него избавиться и широко пользовались своими обширными связями в армии и общественных кругах в целях антиправительственной пропаганды. Думские выпады против режима, цензурой запрещенные в печати, распространялись ими по всей стране в виде литографированных оттисков.

Распространялись также заведомо ложные слухи об императрице, о ее требованиях сепаратного мира, о ее предательстве в отношении британского фельдмаршала Китченера, о поездке которого в начале июня 1916 года в Россию на крейсере «Hampshire» она якобы сообщила немцам. В армии эти слухи, увы, принимались на веру и, по словам генерала Деникина, «не стесняясь ни местом, ни временем», среди офицеров шли возмущенные толки на эту тему. Деникин считал, что слух об измене императрицы сыграл впоследствии «огромную роль в настроении армии, в отношении ее к династии, и к революции».[47]

После революции, несмотря на желание найти подтверждение подобному обвинению, особая комиссия, назначенная Временным правительством для расследования этого дела, установила полную необоснованность этих слухов. Они оказались злостной клеветой. Императрица — немка по рождению — была верна России и не допускала мысли о сепаратном мире.

Тем не менее влияние ее на ход событий, предшествовавших революции, было несомненно отрицательным и пагубным.

Брусиловское наступление, не поддержанное русским Западным и Северо-Западным фронтами, не поддержанное и союзниками, выветрилось к сентябрю месяцу 1916 года. Оно принесло боль-

ше пользы союзникам, чем России. Разгром немцами Румынии потребовал от России значительного удлинения своего фронта против австро-германцев.

Воинский дух благодаря большой победе и притоку артиллерийского снабжения был силен на Юго-Западном фронте. Нет сомнения, что и боевые качества командного состава сыграли там первенствующую роль. Но после нескольких месяцев беспрерывных боев, огромных потерь, большой физической усталости и постоянного напряжения нервной системы, победный дух постепенно стал притупляться и угасать. Особенно когда войска поняли, что их успех не использован соседними русскими фронтами. А там, к северу, попытки прорвать германские укрепления кончились неудачей. И эти неудачи в общественном мнении русского тыла затмили грандиозный успех Луцкого прорыва.

«И в армии, и в стране, — писал историк Головин, — ощущались потери, понесенные в 1916 году, которые достигли 2 060 000 убитых и раненых и 344 000 пленных. Эти потери были тем более чувствительны, чем слабее было сознание в необходимости их для России; последнее же явилось непосредственным следствием того, что в народных массах доверие к правительству и вера в союзников были окончательно подорваны».[48]

Антиправительственные речи, рассылавшиеся Гучковым и его сотрудниками во все концы страны и армии, доходили и до генерала Деникина в далекой Румынии. В одном из своих писем к невесте он кратко, без комментариев, отметил факт их получения: «Думские речи (боевые) читаю в литографированных оттисках» (письмо от 27 декабря 1916 года).

«На родине, — писал он в другом письме, — стало из рук вон худо. Своеручно рубят сук, на котором сидят испокон века» (письмо от 12 января 1917 года).

«Какие же нравственные силы будет черпать армия в этой разрухе? Нужен подъем. Уверенность...» (письмо от 7 января 1917 года).

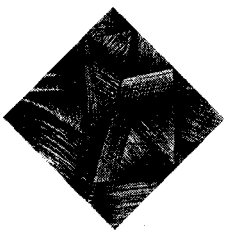
Строго держась вне политики, не принимая участия в закулисных интригах против правительства, Деникин болел душой за то,

что происходило внутри страны. Он видел, что царский режим стоял на краю пропасти, что — как бы назло самому себе — этот режим «своеручно рубил сук, на котором сидел испокон века». И, опасаясь потрясения государственных устоев во время войны, генерал Деникин с волнением думал о тех последствиях, которые развал в тылу мог вызвать в армии.

Наступал 1917 год, год страшной расплаты за прошлые грехи, ошибки и неудачи; год, который выдвинул генерала Деникина к той роли, которую ему пришлось затем играть в период гражданской войны.

Глава IV

ГОД РАСПЛАТЫ



Несмотря на грозные тучи на горизонте, начало 1917 года не предвещало ни быстроты темпа, ни грандиозного размаха надвигавшихся событий.

Жизнь генерала Деникина на Румынском фронте шла своим обычным военно-походным порядком, понять ее помогут письма Антона Ивановича к Ксении Васильевне:

2 января 1917 года

Вот и праздники прошли. Вяло, скучно, тоскливо. Как будто их и не было. В особенности великолепна (была) встреча Нового года: продукты, выписанные к праздникам, не поспели, встречать было нечем, и часов в 11 — по-военному в 23 часа — залег в постель, вооружившись «Историей Востока» (читаю систематически историю). Не правда ли, оригинально! Встреча Нового и история Востока и Ассирии! Да здравствует чистая наука и да накажет небо румынских железнодорожников!

7 января 1917 года

Напоминает доброе старое время кавказских войн, когда с Россией сносились только «оказиями». Русские армии защищают остатки державной Румынии, но подлые бюрократы ведут спор о какой-то почтовой конвенции, и наша почта ходит с оказией или «нарочным».

12 января 1917 года

Отношения с союзниками налаживаются плохо. Друг другу не слишком верим. И нет в нас той немецкой самонадеянности, с которой они наложили свой тяжелый кулак на политику, экономическую жизнь и стратегию своих слабейших союзников.

К концу 1916 года жених и невеста в своей корреспонденции перешли на «ты». Однако в большинстве случаев, и тогда, и во все последующие годы своей семейной жизни, Ксения Васильевна продолжала обращаться к Антону Ивановичу на «вы», и называть его по имени-отчеству, а иногда — в зависимости от настроения — просто: Иванович.

17 февраля 1917 года

Ты недовольна, что мало пишу об окружающей обстановке. Это верно. Но в отношении большинства вопросов действий, жизни армии и даже страны вопросов, которые могли бы иметь интерес, мы связаны «соблюдением военной тайны». И не столько сущностью и пользой дела, сколько усмотрением господ цензоров, из которых много людей невежественных. Я раньше получал много задержанных писем по причинам самым нелепым. Так, например, когда мы стояли в болотах Полесья, часто присылали мне «для соответствующего распоряжения» солдатские письма, в которых встречались такие «преступные» фразы: «В окопах вода! Кровь стынет в жилах, когда подумаешь, что об этом узнал бы немец, сам в воде плавающий. По тем же причинам чужого любопытства избегаю характеристик. Потому письма мои больны и мало содержательны. И в отношении вопросов совершенно нейтральных — сердца и души — не слишком приятно, когда в них копается чужая и не всегда чистая рука.

Военная цензура, как бы необходима ни была бы она во время войны, никогда и нигде не пользовалась популярностью.

Наконец грянул гром, и раскаты его из столицы разнеслись по всей России: в Петрограде произошла революция!

«События развернулись с неожиданной быстротой и с грозной силой, — писал Деникин 4 марта, — Дай Бог счастья России!»

«Перевернулась страница истории, — писал он четыре дня спустя. — Первое впечатление ошеломляющее благодаря своей полной неожиданности и грандиозности. Но в общем войска отнеслись ко всем событиям совершенно спокойно. Высказываются осторожно, но в настроении массы можно уловить совершенно определенные течения:

1) возврат к прежнему немыслим;

2) страна получит государственное устройство, достойное великого народа: вероятно, конституционную ограниченную монархию;

3) конец немецкому засилию и победное продолжение войны.

Моим всегдашним искренним желанием было, чтобы Россия дошла до этого путем эволюции, а не революции. Надежды не оправдались. Темные силы, старавшиеся в безумии своем «повернуть к обдорам», ускорили развязку.[1]

Теперь только одного нужно бояться, чтобы под флагом освободительного движения грязная накипь его не помешала наступающему успокоению страны... Какое счастье было бы для России, если б «круг времен» замкнулся происшедшей в столице трагедией и к новому строю страна перешла бы без дальнейших потрясений».[2]

Здесь, в частном письме генерала Деникина, отразилась та неосведомленность в быстро менявшихся настроениях Петрограда, в котором очутился оторванный от столицы командный состав армии. Политические события в центре, как снимки на экране кинематографа, мелькали перед глазами с невероятной поспешностью, и 8 марта, когда Деникин писал свое письмо, настроения в столице настолько изменились, что вопрос о возможности в России конституционной монархии рухнул навсегда.

Ставка в Могилеве старалась держать старших начальников в курсе того, что происходило в Петрограде. Но сведения, поступавшие в Ставку из столицы, как мы увидим дальше, далеко не всегда правильно отражали подлинную картину событий, и на фронте циркулировали противоречивые и фантастические слухи. В грандиозных переменах, происшедших в стране, постепенно — с печальной очевидностью для корпуса офицеров — намечался развал армии.

Разбору сложных и многообразных событий 1917 года в России посвящено много различной литературы. В этой книге — для последовательности изложения — мы ограничимся краткой хронологией февральских событий и остановимся на той фазе их дальнейшего развития, которая непосредственно касалась армии и генерала Деникина.

Забастовки, охватившие Петроград в двадцатых числах февраля, толкнули рабочих на улицы города. Толпами собирались они в разных частях столицы. Начались демонстрации, появились красные флаги, стали петь революционные песни. Порядок в городе должен был поддерживаться полицией и воинскими частями. Петроградский гарнизон состоял тогда из запасных батальонов гвардейских полков. Гвардия, понеся большие потери в начале войны, продолжала доблестно драться с неприятелем на Юго-Западном фронте. Но запасные ее части, как и большинство запасных частей, находившихся в тылу, подверглись моральному разложению и утеряли дисциплину. Расчет на их стойкость для водворения порядка был примером той необдуманности, с которой царское правительство скользило навстречу надвигавшейся революции.

26 февраля, вечером, был издан царский указ о перерыве заседаний Государственной думы. В этот день запасные части, по инерции повинуясь начальству, продолжали еще сдерживать демонстрантов, а временами даже стрелять в толпу. Однако к вечеру появились тревожные признаки неповиновения: часть солдат лейб-гвардии Павловского полка, покинув казарму, присоединилась к толпе. Но эту вспышку удалось тут же ликвидировать.

27 февраля уличные беспорядки приняли угрожающий характер. Произошла серия чрезвычайно важных событий: вспыхнуло восстание Волынского полка, и к этому мятежу присоединились другие части Петроградского гарнизона; были случаи убийства офицеров.[3] Правительство и военное начальство Петрограда проявили полную растерянность. Толпы громили полицейские участки, беспощадно расправлялись с городовыми, выпустили из тюрем не только политических, но и уголовных преступников, подожгли Окружной суд. Город охватила анархия. Не было вождей, торжествовала толпа. Солдатский бунт стал началом революции. Она

пришла неожиданно для всех, и в частности для профессиональных революционеров.

Под давлением событий, робко и нерешительно, со страхом за свои головы в случае торжества реакции образовался Временный комитет Государственной думы. Он обратился к населению со следующим воззванием: «Временный комитет членов Государственной думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового Правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться доверием».[4]

В Комитет вошли некоторые представители Прогрессивного блока — из думских октябристов и кадет, а также трудовик Керенский и меньшевик Чхеидзе.

Речь о создании нового правительства без санкций еще не отрекшегося монарха была актом неповиновения царской власти. С этого момента Временный комитет Думы связал судьбу своих членов с движением, не по их воле возникшим.

Но параллельно с Временным комитетом Думы (и до появления на свет Временного правительства), 27 февраля, возник Совет рабочих депутатов, вскоре переименованный в Совет рабочих и солдатских депутатов. Обосновался он в Таврическом дворце, то есть в помещении Государственной думы. Никем не избранный, возник он — по трафарету 1905 года — по инициативе социалистических группировок с преобладанием меньшевиков и социалистов революционеров. Радикально настроенные интеллигенты, люди без мандатов и чьих-либо полномочий, случайно оказавшиеся на первом собрании Совета, избрали президиум. В президиум попали три члена Думы: меньшевики Чхеидзе и Скобелев, а также трудовик Керенский. Чхеидзе предпочел деятельность в Совете и отказался от своей скромной роли во Временном комитете Думы. Керенский же явился связующим звеном между этими двумя учреждениями. Сразу стало очевидным, что — возникшие в тот же день, в том же помещении, но с различными целями — Совет и Комитет Думы не смогут существовать под той же крышей в мире и дружбе.

Совет, орган неофициальный, систематически стал узурпировать функции правительства, сформированного через несколько дней по инициативе Временного комитета Думы.

Совет сознательно толкал к социальной революции. Временное правительство в начальном своем составе стремилось задержаться на гранях буржуазного переворота. Правительство пыталось говорить об обязанностях, Совет же говорил о правах. Рожденный из бунта и подполья, Совет, по выражению Деникина, являлся полным отрицанием всего старого строя.

Керенский, став членом нового правительства, продолжал оставаться членом Совета. Как акробат на натянутом канате в цирке, пытался он жонглировать и держать равновесие, быть посредником между двумя тянувшими в разные стороны силами. Из трудовиков он быстро переключился в более мощную партию социалистов-революционеров и, как ядовито выразился о нем Милюков, «готовился на роль заложника революционной демократии в стане буржуазии». Совет был против того, чтобы его представители входили в правительство. Но Керенскому, во что бы то ни стало желавшему добиться согласия Совета на свое вхождение во Временное правительство, удалось настоять на своем. По словам того же Милюкова, который заимствовал свои сведения из воспоминаний Суханова, Мстиславского и других лиц, присутствовавших на заседании Совета, Керенский «то замиравшим топотом, то захватывающими нотами, с дрожью в голосе» просил о доверии и поддержке. «Я не могу жить без народа, — взывал он, — и в тот момент, когда вы усомнитесь во мне, убейте меня!..»[5]

Это был медовый месяц эмоциональных словоизлияний. Люди, долго молчавшие, заговорили, и говорили они без конца... и с восторгом сами себя слушали.

28 февраля большинство царских министров были уже арестованы.

Тем временем государь, находившийся в Ставке, беспокоясь за императрицу и детей, решил ехать в Царское Село. Но поезд его, по указанию из Петрограда, в столицу не был пропущен. Вместо того чтобы вернуться в Ставку, он направился в Псков, где находился штаб Северного фронта. Фронтом командовал генерал Рузский. Он оказался участником разыгравшейся там драмы и свиде-

телем последних дней царствования императора Николая II. Но до отъезда в Псков, 28 февраля, государь назначил генерала Н. Иванова главнокомандующим Петроградским военным округом с «чрезвычайными полномочиями» для подавления мятежа. Иванова сопровождал из Ставки Георгиевский батальон. Кроме того, на помощь Иванову командующие Северным и Западным фронтами должны были отправить в Петроград с каждого из этих фронтов по два кавалерийских и по два пехотных полка с энергичными генералами во главе бригад. Однако по прибытии в Псков государь отменил на следующий день свое распоряжение войскам двигаться на Петроград. Он такие телеграфно приказал генералу Иванову ничего не предпринимать в столице до своего (государя) возвращения в Царское Село.

Когда в Петрограде узнали, что отменена посылка войск с фронта для подавления столичного мятежа, требования революционных элементов сразу возросли. Разговор шел уже не об учреждении ответственного перед палатами министерства с поручением председателю Государственной думы образовать кабинет, а об отречении царя от престола в пользу сына при регентстве брата, великого князя Михаила Александровича.

Под давлением событий и по настоянию генерала Рузского начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Алексеев решился на чрезвычайно ответственный шаг. Он запросил телеграфно командующих всеми фронтами высказаться по этому вопросу. Вот текст его телеграммы, отправленной 2 марта: «Его Величество находится в Пскове, где изъявил свое согласие объявить манифест идти навстречу народному желанию учредить ответственное перед палатами министерство, поручив председателю Государственной думы образовать кабинет.

По сообщении этого решения командующим Северным фронтом председателю Государственной думы последний в разговоре по аппарату в три с половиной часа второго сего марта ответил, что появление такого манифеста было бы своевременно 27 февраля; в настоящее же время этот акт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшных революций; сдержать народные страсти трудно; войска деморализованы. Председателю Государственной думы хотя пока и верят, но он опасается, что сдержать народ-

ные страсти будет невозможно. Что теперь династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армии и работа железных дорог находится фактически в руках Петроградского Временного правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно поставить на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу Его Величеству через командующего Северным фронтом, известив меня.

Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками действующей армии нужно установить единство мысли и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, а решение относительно внутренних дел должно избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху».[6]

Ни генерал Алексеев, ни тем более главнокомандующие, которым он послал эту телеграмму, не имели ясного представления о том, что происходило в столице. Главным осведомителем Алексеева был председатель Государственной думы М. В. Родзянко. (В большинстве случаев при посредстве генерала Рузского в Пскове, где находился тогда государь.)

В прошлом гвардейский офицер и монархист по убеждению, Родзянко искренно старался вначале спасти трон от падения, но против собственного желания был вовлечен событиями в движение явно революционное. Под напором социалистов из Совета рабочих депутатов, почва ускользала у него из-под ног. Он чувствовал, что не сможет справиться с задачей — направить движение в русло конституционной монархии. Родзянко видел угрозу надвигавшегося хаоса и в то же время боялся, что подавление

военного мятежа в Петрограде войсками, присланными с фронта, приведет не только к реакции, но и к репрессиям в отношении всех тех, кто так или иначе примкнули к восстанию. Видя опасность со всех сторон, он растерялся. И тем не менее в своих сношениях со Ставкой, нейтралитет которой Петрограду в тот момент был необходим, он рисовал генералу Алексееву заведомо неверную картину создавшейся политической обстановки. Со слов Родзянко, у Алексеева создалось впечатление, что Прогрессивному блоку во главе с Родзянко удалось каким-то образом заручиться доверием народного движения, но что в этот критический момент ему грозила опасность слева. Чтобы удержать руководство движением в руках умеренных элементов, сдержать «народные страсти», и, наконец, чтобы продолжать войну «до победного конца», неизбежны были радикальные перемены: отречение императора от престола в пользу сына при регентстве брата.

На основании этого ошибочного убеждения, что развалившаяся старая власть перешла к Родзянко и к Прогрессивному блоку, генерал Алексеев и послал свою телеграмму командующим фронтами; и они, в свою очередь, высказались за отречение в пользу сына с регентством Михаила Александровича.

Их мнения, как и мнение генерала Алексеева, были доложены государю генералом Рузским 2 марта. Видя, что даже высший командный состав потерял веру в императора, Государь приказал в тот же день составить манифест о своем отречении. Но, узнав, что Временный комитет Думы отправил в Псков двух представителей — Гучкова и Шульгина, — он задержал опубликование манифеста впредь до разговора с ними. А в разговоре с ними неожиданно для всех сказал, что, хотя сперва и хотел отречься от престола в пользу сына, но, обдумав положение и, поняв, что с сыном расстаться превыше его сил, он решил отречься и за себя, и за сына в пользу брата.

Это заявление ошеломило всех присутствующих. Однако члены Думы, преклонившись перед чувствами отца, не возражали против последней воли монарха и увезли с собой обратно в Петроград переделанный и подписанный государем манифест, передававший престол великому князю Михаилу Александровичу. Чтобы легализировать преемственность происшедших перемен, император до

подписания акта об отречении назначил, согласно желаниям Временного комитета Думы, не Родзянко, а князя Г. Е. Львова председателем Совета министров. Великого князя Николая Николаевича он назначил Верховным Главнокомандующим. Все эти документы были помечены 2-м марта.

Никому из присутствующих не пришла тогда мысль, что по закону о престолонаследии царь мог отречься только за себя, но не имел права отрекаться за сына. Таким образом, самый акт отречения был незаконен и наносил фатальный удар династии.

Текст государственных документов был немедленно разослан Ставкой телеграфно командующим всеми фронтами.

Но тем временем генерал Алексеев понял, что призрачная власть, так манившая умеренных либералов в Думе, ускользала у них из рук, что они фактически висели на волоске и не в силах были бороться с напором левых партий из Совета рабочих и солдатских депутатов.

В его телеграмме от 3 марта на имя командующих фронтами ясно сквозила тревога по поводу политических колебаний в столице: «Председатель Государственной Думы, вызвав меня по аппарату, сообщил, что события в Петрограде далеко не улеглись, положение тревожно, неясно, почему настойчиво просит не пускать в обращение манифест, подписанный 2 марта, сообщенного уже Главнокомандующим, и задержать обнародование манифеста. Причина такого настояния более ясно и определенно изложена председателем Думы в разговоре по аппарату с Главнокомандующим Северного фронта [генералом Рузским]; копия этого разговора только что сообщена мне. С регентством Великого Князя и воцарением Наследника Цесаревича, говорит Родзянко, быть может, помирились бы, но кандидатура Великого Князя, как Императора, ни для кого не приемлема и вероятна гражданская война».

Выражая затем изумление, что депутаты — Гучков и Шульгин, — присланные Думой в Псков специально для решения именно этого вопроса, не были достаточно инструктированы и безоговорочно приняли царское решение, оказавшееся неприемлемым для новой власти, Алексеев подчеркивал, что на основании своих сношений с председателем Государственной думы он пришел к выводу, что во

Временном комитете Думы нет единодушия, что левые партии, усиленные Советом рабочих депутатов, приобрели там сильное влияние, что они «оказывают мощное давление» на Родзянко, председателя Думы и Временного комитета, в сообщениях которого «нет откровенности и искренности»; что это «положение создает грозную опасность более всего для действующей армии, ибо неизвестность, колебания, отмена уже объявленного манифеста могут повлечь шатание умов в войсковых частях и тем расстроить способность к борьбе с внешним врагом».

Генерал Алексеев увидел, что престиж его имени и положения был использован в чуждых ему политических целях; особенно когда Прогрессивный блок, близкий ему по взглядам, начал — к ужасу Алексеева — сдавать все свои позиции под натиском социалистов.

По свидетельству его ближайшего сотрудника в Ставке — генерала Лукомского, «передав для отправки эту телеграмму, генерал Алексеев, проходя к себе в кабинет сказал:

— Никогда себе не прощу, что поверил в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграмму главнокомандующим по вопросу об отречении государя от престола».[8]

Тут впервые наметилось взаимное недоверие между нарождавшейся новой властью и командованием армии. Это недоверие из трещины скоро превратилось в бездонную пропасть.

Решившись на посылку телеграммы 2 марта, генерал Алексеев брал на свою ответственность посредничество в споре между взбунтовавшейся столицей и монархом. Монарху он ставил условия, мятежной же столице он требований не предъявлял.

У Ставки, глубоко встревоженной непорядками старого строя, не было реставрационных целей, но у главного командования в то время был и авторитет, и вооруженная сила действующей армии, не утратившей еще дисциплину, и требования в тот момент предъявить было возможно. Одной из причин бездействия генерала Алексеева было опасение гражданской войны и ослабления фронта против врага внешнего. Но и то и другое принес со временем стихийный хаос, охвативший всю страну. И на долю того же генерала Алексеева в конце 1917 года и в условиях несравненно менее благоприятных выпала роль организовать из

обломков корпуса офицеров, из гимназистов, кадет, юнкеров и из патриотически настроенной интеллигенции — Добровольческую армию для борьбы за русскую государственность. А упущенная тогда возможность локализировать междоусобный конфликт, наложив твердую руку на безответственные действия Петроградского Совета и на разнузданный гарнизон столицы, поставила авторитет командования под знак вопроса, ответ на который несколько месяцев спустя тщетно пытался найти генерал Корнилов.

С того момента Ставка, по мнению генерала Деникина, выпустила из своих рук управление армией».[9]

3 марта, в день, когда Алексеев отправил телеграмму командующим фронтами, отражавшую его тревогу и пессимизм, в Петрограде опускался занавес над последним актом царствования в России дома Романовых: великий князь Михаил Александрович отказался принять престол.

В тот же день было обнародовано заявление Михаила Александровича, что он воспримет верховную власть лишь в том случае, если она предложена будет ему Учредительным собранием. Великий князь призывал «всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству».[10]

Еще за сутки до отречения Николая II от престола Советом рабочих и солдатских депутатов в Петрограде был опубликован 1 марта и разослан в воинские части фронта и тыла Приказ № 1 «для немедленного и точного исполнения».

«Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1) Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2) Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра, 2-го сего марта.

3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4) Приказы военной комиссии Государственной думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5) Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в каком случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6) В строю и при выполнении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется.

7) Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т.п., и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т.д. Грубое обращение с солдатами всяких чинов и в частности обращение к ним на «ты», воспрещается и во всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов».

Хотя Приказ № 1 относился только к войскам Петроградского гарнизона, он разнесся с молниеносной быстротой по всем войсковым частям России.

Этот приказ, получивший печальную известность своим разлагающим влиянием на дисциплину армии, привел к переходу фактической военной власти к солдатским комитетам, к выборному началу и смене солдатами начальников. По выражению Деникина, он дал «первый и главный толчок к развалу армии».

В то время как царское правительство отказывалось понять уроки прошлого, Совет рабочих и солдатских депутатов понял, что неудача революции 1905 года в значительной степени обусловливалась верностью войск своей присяге. В разных частях империи были тогда военные бунты, но в массе своей армия осталась государственно-охранительной силой.

Усвоив это обстоятельство, Совет, не теряя времени, сразу же приступил к подрыву авторитета командного состава и офицерства вообще, к проведению в жизнь тех идей, которые долго созре-

вали в политическом подполье России. Опасаясь контрреволюции, Совет направил в армию вскоре после Приказа № 1 целый поток агитаторов-социалистов из уклонявшихся от службы на фронте интеллигентов и полуинтеллигентов. Они возбуждали солдат против офицеров, и результат их работы стал сказываться очень быстро.

Под давлением Петроградского Совета Временное правительство сразу же отстранило великого князя Николая Николаевича с поста Верховного Главнокомандующего, хотя назначение его на этот пост, всего несколько дней назад, было сделано с полного одобрения большинства членов Временного комитета Думы.

В новой России представителю старой династии не было места.

Под давлением того же Совета Временное правительство согласилось оставить в столице для «защиты революции» и не посылать на фронт запасные войска Петроградского гарнизона.

Это было наградой солдатам, утратившим дисциплину, за их «участие в революционном движении», то есть за участие в военном мятеже. В момент Октябрьской революции Петроградский гарнизон в знак признательности с такой же легкостью перешел на сторону большевиков.

Но вернемся к первым дням после свержения монархии, когда деморализующая деятельность Советов еще не коснулась армии, и проследим, как войска на фронте отнеслись к перевороту. Эту картину очень живо обрисовал генерал Деникин:

«Войска были ошеломлены — трудно определить другим словом первое впечатление, которое произвело опубликование манифестов. Ни радости, ни горя. Тихое, сосредоточенное молчание. Так встретили полки 14-й и 15-й дивизий весть об отречении своего императора. И только местами в строю непроизвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слезы...

...Многим кажется удивительным и непонятным тот факт, что крушение векового монархического строя не вызвало среди армии, воспитанной в его традициях, не только борьбы, но даже отдельных вспышек. Что армия не создала своей Вандеи.

Мне известны три эпизода резкого протеста: движение отряда генерала Иванова на Царское Село, организованное Ставкой в первые дни волнений в Петрограде, выполненное весьма неумело и вскоре отмененное, и две телеграммы, посланные государю командирами 3-го конного и гвардейского конного корпусов графом Келлером и ханом Нахичеванским. Оба они предлагали себя и свои войска в распоряжение государя для подавления «мятежа». Было бы ошибочно думать, что армия являлась вполне подготовленной для восприятия временной «демократической республики», что в ней не было «верных частей» и «верных начальников», которые решились бы вступить в борьбу. Несомненно, были.

Но сдерживающим началом для всех их явились два обстоятельства: первое — видимая легальность обоих актов отречения, причем второй из них, призывая подчиниться Временному правительству, «облеченному всей полнотой власти», выбивал из рук монархистов всякое оружие; и второе — боязнь междоусобной войной открыть фронт. Армия тогда была послушна своим вождям. А они — генерал Алексеев, все главнокомандующие — признали новую власть. Вновь назначенный Верховный Главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, в первом приказе своем говорил: «Установлена власть в лице нового правительства. Для пользы нашей родины я, Верховный Главнокомандующий, признал ее, показав тем пример нашего воинского долга. Повелеваю всем чинам славной нашей армии и флота неуклонно повиноваться установленному правительству через своих прямых начальников. Только тогда Бог нам даст победу».[11]

Настроения, описанные генералом Деникиным, преобладали главным образом среди офицеров и известного процента старых, кадровых солдат. Настроение же солдатской массы, массы — по мнению Деникина — «слишком темной чтобы разобраться в событиях и слишком инертной, чтобы тотчас реагировать на них тогда не вполне еще определилась».

Но социалистическая пропаганда весьма успешно раскачала эту темную и инертную массу и через несколько месяцев превратила ее в многомиллионную орду озверелых людей.

Из писем генерала Деникина, цитированных в начале этой главы, мы знаем, как он воспринял переворот.

Он не был поклонником старого строя, отлично отдавал себе отчет в его ошибках и бездарности. Считая необходимым создание во время войны сильной национальной власти, опирающейся на доверие широких кругов населения, он с беспокойством и растущим возмущением наблюдал, как царское правительство своими неразумными поступками и отсутствием творческой мысли настраивало против себя даже «законопослушных».

«Безудержная вакханалия, — писал он, — какой-то садизм власти, который проявляли сменявшиеся один за другим правители распутинского назначения, к началу 1917 года привели к тому, что в государстве не было ни одной политической партии, ни одного сословия, ни одного класса, на которое могло бы опереться царское правительство. Врагом народа его считали все: Пуришкевич и Чхеидзе, объединенное дворянство и рабочие группы, великие князья и сколько-нибудь образованные солдаты».[12]

И тем не менее до самого момента переворота он считал желательным устранить все отжившие принципы и методы управления постепенным путем эволюции, а не революции. Хорошо изучив историю своего народа и близко столкнувшись с анархией 1905 года, генерал Деникин понимал невозможность немедленно провести в отсталой России все наиболее прогрессивные формы демократии и политических свобод. А потому он знал цену мечтаниям умеренных социалистов, наивно веривших, что падение царского режима чуть ли не сразу водворит эру неограниченной свободы в стране почти на три четверти темной и необразованной. И немудрено, что его первая реакция на события в Петрограде сводилась к опасению, «чтобы под флагом освободительного движения грязная накипь его не помешала наступающему успокоению страны». Он хотел бы видеть в России конституционную монархию британского склада, но форма правления не играла в его мышлении доминирующей роли. На первом месте стояла *Родина*, которой грозила смертельная опасность от внешнего врага — германского империализма. А потому он считал необходимым продолжать войну. Временное правительство придерживалось того же взгляда, и Деникин безропотно и чистосердечно подчинился происшедшей в

стране перемене. Как и весь командующий генералитет, он проявил полную лояльность в отношении нового правительства.

Но вскоре он увидел, что в столице параллельно с официальной властью появилась новая, неофициальная, но напористая власть Совета рабочих и солдатских депутатов, взгляды и стремления которого в корне расходились с его личными убеждениями. Он понял, что революция, уничтожив весь огромный правительственный и административный аппарат старой России, поставила Временное правительство в беспомощное положение, без исполнительного аппарата на местах; и что там, в провинции, на всем огромном пространстве страны, образовавшаяся пустота быстро заполнялась влиянием Советов.[13]

Наконец с возмущением и болью в сердце, ощутив ущерб, который Совет нанес армии своим Приказом № 1 и последующими действиями, генерал Деникин готовился вступить в открытую борьбу с развалом Вооруженных сил России.

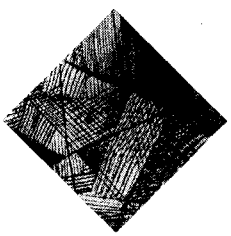
Не сразу пришел он к этим заключениям. Но время шло, и он все отчетливее сознавал, что на своем пути Россия дошла до одного из тех редких исторических перекрестков, где привычные понятия морали, закона и порядка неизбежно и со страшной силой столкнутся с несущимся вперед хаосом новых утопических идей, и что никому не удастся избежать последствий этого жуткого столкновения.

Нутром своим он чувствовал, что февральская революция, которую с гордостью тогда называли великой и бескровной, «родила бурю и вызвала злых духов из бездны».[14]

В таких вопросах характер Деникина не допускал колебаний и оппортунизма. Гражданский долг указывал ему лишь на один выход. И, приняв свое решение, генерал с твердостью держался его до конца.

Глава V

НОВЫЕ ВЕЯНИЯ



18 марта Деникин получил телеграмму с вызовом немедленно приехать в Петроград для переговоров с военным министром Временного правительства. Причина вызова и цель переговоров не были указаны. Предположения, догадки и неизвестность волновали Антона Ивановича. Он выехал в столицу в ту же ночь. По дороге, проезжая Киев, он с изумлением услышал на железнодорожной станции выкрики газетчика: «Последние новости... Назначение генерала Деникина начальником штаба Верховного Главнокомандующего».

Приехав в Петроград, генерал Деникин сразу же отправился к новому военному министру А. И. Гучкову, с которым он не был знаком и прежде никогда не встречался. В разговоре Гучков сообщил ему, что среди членов Временного правительства и Временного комитета Государственной думы были разногласия по вопросу о выборе кандидата на пост Верховного Главнокомандующего. Одни предлагали генерала Алексеева, другие — генерала Брусилова. «Родзянко и другие» были против Алексеева. Однако вопрос был решен в пользу генерала Алексеева. Тем не менее, считая Алексеева «человеком мягкого характера», новое правительство решило «подпереть Верховного Главнокомандующего боевым генералом в роли начальника штаба», и выбор на этот пост пал на генерала Деникина.

«Несколько подготовленный к такому предложению отделом «Вести и слухи» киевской газетки, — рассказывал генерал Дени-

кин о своем свидании с Гучковым, — я все же был и взволнован и несколько даже подавлен теми широчайшими перспективами работы, которые открылись так неожиданно, и той огромной нравственной ответственностью, которая была сопряжена с назначением. Долго и искренно я отказывался от него, приводя достаточно серьезные мотивы: вся служба моя прошла в строю и в строевых штабах; всю войну я командовал дивизией и корпусом и к этой боевой и строевой деятельности чувствовал призвание и большое влечение. С вопросами политики, государственной обороны и администрации — в таком огромном, государственном масштабе — не сталкивался никогда...»

В разговоре выяснилось, что Гучков высказал генералу Алексееву мотивы назначения Деникина и что он поставил вопрос об этом назначении довольно ультимативно. Это ставило генерала Деникина в весьма щекотливое положение в отношении к его будущему начальнику, и он выговорил себе право, прежде чем принять окончательное решение, поговорить с генералом Алексеевым. Разговор этот произошел в Ставке 25 марта.

Алексеев принял своего будущего начальника штаба вежливо, но в разговоре чувствовалась натянутость и обида. Генерал Деникин повторил все доводы, приведенные им Гучкову против своего назначения; просил генерала Алексеева, как своего старого профессора по академии Генерального штаба, откровенно высказаться по этому вопросу, ибо без его чистосердечного согласия и одобрения, он — Деникин — считал невозможным для себя принять новую должность.

Алексеев отвечал уклончиво и сухо:

— Ну что же, раз приказано...

Характер Деникина не допускал такой постановки вопроса. Он сказал Алексееву, что отказывается принять назначение, но, чтобы оградить Верховного Главнокомандующего от дальнейших трений с Петроградом, сообщил Гучкову, что отказ от должности явился его самоличным решением. И тут генерал Алексеев, переменив тон, искренно на этот раз просил Антона Ивановича не отказываться.

— Будем работать вместе, — говорил он, — я помогу вам; наконец, ничто не помешает месяца через два, если почувствуете, что дело не нравится, уйти в первую открывающуюся армию.

Генерал Деникин согласился. Началась совместная работа. И тем не менее в отношениях между двумя генералами легла некоторая тень. В полупринудительном назначении себе ближайшего помощника Алексеев вполне естественно почувствовал опеку правительства. Но, ближе узнав Деникина, он увидел, что новый начальник штаба всячески оберегал его от столкновений и неприятностей. Понял, что генерал Деникин, чуждый интригам, прямо и открыто шел на борьбу с разлагающими армию действиями новой власти. В своем новом помощнике генерал Алексеев нашел верного сотрудника и единомышленника, перед гражданским мужеством которого он вскоре глубоко преклонился. «Со временем, — вспоминал потом Деникин, — я установил с генералом Алексеевым отношения, полные внутренней теплоты и доверия, которые не порывались до самой его смерти».[1]

Какие же причины так неожиданно выдвинули генерала Деникина на одну из высших должностей в военной иерархии?

Причин, по-видимому, было несколько.

Несомненно, главную роль играла его блестящая репутация боевого генерала, его доблесть, твердость, находчивость. Даже в период отступления, когда армия страдала от недостатка снарядов и патронов, деникинские удары по неприятелю были весьма чувствительны и получили широкое признание не только в России, но и в лагере противника. Известны тоже были лихие эпизоды, связанные с его двукратной победой у Луцка. Как мы уже знаем, не любивший его генерал Брусилов в своих воспоминаниях, написанных в Советской России, должен был признать впоследствии, что «Деникин был хороший боевой генерал, очень сообразительный и решительный».

Но политический элемент в расчетах Временного правительства тоже играл не последнюю роль. Генерала Деникина считали человеком левых взглядов. Новый военный министр Гучков, хотя лично и не встречал Деникина, но по своей прошлой деятельности в Государственной думе, связанной с вопросами обороны страны, был в курсе того, что писалось в военной печати, и хорошо знал имя Деникина как критика военной бюрократии и устаревших устоев. Оглядываясь на Совет рабочих и солдатских депутатов, новые правители рассчитывали найти в Деникине не только приятие

революции, но даже некоторую ее идеализацию и готовность следовать по пути демократизации армии. Да и крестьянское происхождение отца генерала, выдвигаемого на верхушку служебной пирамиды, не могло служить препятствием буржуазному Временному правительству в его заискиваниях перед растущим влиянием Советов.

Не знали они тогда, что, осуждая во многом старый режим и приняв февральскую революцию «всецело и безоговорочно», Антон Иванович в то же время не допускал и мысли о революционировании вооруженных сил и считал, что попытка к их демократизации внесет в армию демагогию и развал. Таким образом, с самого начала намечался конфликт между политикой, принятой новым военным министром под давлением Советов, и взглядами Ставки, где генерал Деникин действительно оказался «подпорой» Верховного Главнокомандующего, но в области, совершенно неожиданной для Петрограда. Если правительство и имело мысль в лице Деникина учредить нечто вроде политической опеки над Ставкой, то расчет этот оказался неудачным.

Михаил Васильевич Алексеев (1857—1918) оставил большой след в жизни генерала Деникина. Он сыграл чрезвычайно важную роль в истории Первой мировой войны, в отречении последнего императора, в возникновении белого движения на Юге России. Памяти Алексеева посвящено много статей, памфлетов и кратких жизнеописаний. Но, к сожалению, нет пока подробного исследования его жизни и деятельности, вызвавших к себе различное отношение, и положительное и отрицательное. Эту двойственность в оценке его деятельности должен был признать искренно расположенный к Алексееву Антон Иванович Деникин.

Со слов тех, кто, мало зная генерала Алексеева, записали первое о нем впечатление, ясно обрисовывается фигура человека невысокого роста, плотного сложения, в круглых очках, с небольшими глазами, один из которых сильно косил, скромного, очень умного, ученого специалиста своего ремесла. В наружности Алексеева было мало военного. При первой встрече с ним располагала к нему большая простота и доступность в обращении с людьми.[2]

Генерал Алексеев, как и генерал Деникин, был человеком очень скромного происхождения. Оба они росли в большой бедности и

пробили себе дорогу упорным трудом и природными дарованиями. Без малейшей протекции на верхах они получили заслуженное признание, никогда ни перед кем не заискивая и всегда сохраняя собственное достоинство. Ни тот, ни другой не способны были к интригам, и оба отличались глубокой внутренней порядочностью. У обоих было искреннее уважение к личности человека, что особенно ценилось подчиненными. В беседах с посторонними оба генерала были немногоречивы. Эти черты взаимного сходства располагали их друг к другу.

Старше Деникина на 15 лет, Алексеев выдвинулся на руководящие посты при царском режиме. Участник русско-турецкой кампании, войны с Японией, профессор академии Генерального штаба (которую сам в 1890 году окончил первым), начальник штаба Киевского военного округа, командир 13-го армейского корпуса, генерал Алексеев на войну 1914 года вышел начальником штаба Юго-Западного фронта. Успехи этого фронта в Галиции приписывались стратегии Алексеева. В марте 1915 года он был назначен командующим Северо-Западным фронтом, где в тяжелых условиях отступления с честью вывел свои войска из «польского мешка» и окружения, которое готовил ему Людендорф. С момента, когда император принял на себя Верховное командование, генерал Алексеев оказался его ближайшим сотрудником. В то время как Деникин далеко еще стоял от вершины военной иерархии и кругозор его ограничивался командованием дивизии, Алексеев — уже фактический руководитель Вооруженными силами России — постоянно соприкасался с вопросами государственного значения и размаха. Он не мог отгородиться от внутренней политики. Помимо его желания, она вторгалась с разных сторон в круг его деятельности.

Алексеев, несомненно, был сложной натурой, и, возможно, именно в этом отсутствии цельности, которой отличался Антон Иванович Деникин, крылась причина его колебаний и не всегда твердого проявления настойчивой воли. А это, как мы уже знаем, сразу после февральской революции отразилось на положении Ставки в ее взаимоотношениях со столицей.

Но гражданским мужеством Алексеев обладал. С его слов Антон Иванович записал несколько любопытных этому примеров.

Вскоре после того, как государь принял Верховное командование, в Ставку приехала императрица Александра Федоровна. Гуляя по саду с Алексеевым, она взяла его под руку и стала говорить о Распутине. «Несколько волнуясь, — описывал этот эпизод генерал Деникин, — она горячо убеждала Михаила Васильевича, что он не прав в своих отношениях к Распутину, что «старец — чудный и святой человек», что на него клевещут, что он горячо привязан к их семье, а главное, что его посещение Ставки принесет счастье... Алексеев ответил, что для него это вопрос давно решенный. И что если Распутин появится в Ставке, он немедленно оставит пост начальника штаба.

— Это ваше окончательное решение?

— Да, несомненно.

Императрица резко оборвала разговор и ушла, не простившись с Алексеевым. Этот разговор, по словам Михаила Васильевича, повлиял на ухудшение отношений к нему государя. Вопреки установившемуся мнению, отношения эти, по внешним проявлениям не оставлявшие желать ничего лучшего, не носили характера ни интимной близости, ни дружбы, ни даже исключительного доверия.[3]

Несколько раз, — писал далее Деникин, — когда Михаил Васильевич, удрученный нараставшим народным неудовольствием против режима и трона, пытался выйти из рамок военного доклада и представить царю истинное освещение событий, когда касался вопроса о Распутине и об ответственном министерстве, он встречал хорошо знаком многим непроницаемый взгляд и сухой ответ.

— Я это знаю.

Больше ни слова.

Но в вопросах управления армией государь всецело доверял Алексееву».[4]

Во время своей совместной службы с Алексеевым в Ставке А. И. Деникин также узнал кое-какие подробности о подпольных шагах, которые осенью 1916 года предпринимались некоторыми общественными группировками с целью устроить в «безболезненной для государства форме» дворцовый переворот сверху и таким образом избежать ужасных последствий революции снизу. Мысль заговорщиков (а конспиративных ячеек, не связанных друг

с другом, было несколько) сводилась к простой формуле: тот, кто совершит переворот, получит власть и силу.

Во время длительной и серьезной болезни генерала Алексеева (с начала ноября 1916 года до середины февраля 1917 года) приехали к нему в Крым, где он тогда находился, представители некоторых думских и общественных кругов. «Они совершенно откровенно заявили, — пересказывал это событие генерал Деникин, — что назревает переворот. Как отнесется к этому страна, они знают. Но какое впечатление произведет переворот на фронте, они учесть не могут. Просили совета. Алексеев в самой категорической форме указал на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны, на смертельную угрозу фронту, который, по его пессимистическому определению, и так не слишком твердо держится, и просил во имя сохранения армии не делать этого шага. Представители уехали, обещав принять меры к предотвращению готовившегося переворота.

Не знаю, какие данные имел Михаил Васильевич, но он уверял впоследствии, что те же представители вслед за ним посетили Брусилова и Рузского и, получив ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение: подготовка переворота продолжалась».[5]

Имена общественных деятелей не были упомянуты Деникиным. Но на основании того, что со временем всплыло на поверхность, стало очевидным, что замешаны здесь были и Гучков, и князь Львов, на которого определенно указывает историк русской революции С. П. Мельгунов, то есть люди, многого достигнувшие в области снабжения армии необходимыми припасами.[6]

Тот факт, что генерал Алексеев не донес о заговоре государю — как того требовал долг присяги, — свидетельствует о степени недоверия к старой власти, возможности сдвинуть ее с мертвой точки. Эта глубокая тревога коснулась даже высшего командования, даже ближайшего помощника императора в Ставке. Вопрос в конце концов ставился ребром: что выше — верность престолу или родине? Алексеев служил не той или иной форме правления — он служил родине. Руки, по-видимому, опускались у Алексеева от сознания безнадежности вырвать царя из вредного окружения и изолировать его от пагубного влияния императрицы.

Получался какой-то заколдованный круг, из которого, казалось, не было выхода.

Возможно, что Алексеев, утратив веру в старое правительство, решил молчать, опасаясь пагубных последствий, которыми разгром организаций Гучкова и князя Львова грозил снабжению армии. В случае разоблачения подпольной работы руководителей Военно-промышленного комитета, земских и городских союзов, разгром этих организаций был неизбежен. При всей своей слабости царское правительство не могло не реагировать на такой заговор.

Но это лишь догадки и предположения.

Осторожный генерал Алексеев не оставил истории ключа к тайне своих мыслей и переживаний. Однако нет сомнения, что внутренняя борьба сложных чувств, принципов и понятий глубоко потрясла душу старого солдата. И, быть может, последний этап жизни генерала Алексеева — когда после захвата власти большевиками он решил зажечь светоч сопротивления, «чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившего Россию мрака», — явился тем путем, который сознательно он избрал для искупления ошибок вольных и невольных, ибо сказано в Писания: «Кому много дано, с того много взыщется», а Алексеев был человеком глубоко верующим и религиозным.

Когда отрекшийся царь вернулся на несколько дней из Пскова в Могилев, чтобы проститься с чинами Ставки, генерал Алексеев встретил его с уважением и вниманием, подобающим бывшему Императору. Он отдал распоряжение, чтобы в эти дни вся рутина жизни в Ставке шла по-прежнему, чтобы царские портреты остались на прежних местах. В почтительном обращении с бывшим императором не промелькнула ни разу тень малейшего заискивания, перед новой революционной властью в столице.

Во время прощального приезда государя в Ставку произошел чрезвычайно любопытный случай, который А. И. Деникин записал со слов генерала Алексеева: «Никто никогда не узнает, какие чувства боролись в душе Николая II — отца, монарха и просто человека, когда в Могилеве при свидании с Алексеевым он, глядя на него усталыми ласковыми глазами, как-то нерешительно сказал:

— Я передумал. Прошу вас послать эту телеграмму в Петроград.

На листке бумаги отчетливым почерком государь писал собственноручно о своем согласии на вступление на престол сына своего Алексея...

Алексеев унес телеграмму и... не послал. Было слишком поздно: стране и армии объявили уже два манифеста.

Телеграмму эту Алексеев, чтобы не смущать умы, никому не показывал, держал в своем бумажнике и передал мне в конце мая, оставляя Верховное командование. Этот интересный для будущих биографов Николая II документ хранился затем в секретном пакете в генерал-квартирмейстерской части Ставки».[7]

У некоторых историков в среде русской эмиграции сообщение это вызвало недоумение. Высказывались предположения, что свидетельство генерала Деникина было основано на недоразумении или ошибке, что, быть может, документ, который он видел и о котором говорил ему Алексеев, являлся бумагой, подписанной государем еще 2 марта во Пскове и не отправленной в Петроград, когда еще до отречения за себя и за сына в пользу брата Михаила Александровича Николай II сперва составил свое отречение в пользу сына Алексея.[8]

Однако этим догадкам противоречат очень веские соображения.

Генерал Деникин обладал отличной памятью. Он отчетливо запомнил поразившую его здесь нерешительно-изменчивую черту в характере бывшего монарха, в характере, так трагично отразившемся на судьбах России. Бумагу, написанную государем, он видел лично и сам передал ее бывшему генерал-квартирмейстеру Ставки генералу Юзефовичу на хранение в пакете секретных бумаг Ставки. В передаче сведений, сообщенных ему Алексеевым, особенно ввиду их исторического интереса, Антон Иванович действовал с щепетильной точностью и с полным сознанием своей ответственности перед историей. Наконец, что очень важно, свидетельство генерала Деникина подтвердил потом совершенно посторонний человек, полковник Д. Н. Тихобразов, бывший тогда помощником начальника оперативного отделения Ставки и случайно оказавшийся свидетелем этого происшествия. Неопубликованные воспо-

минания его в форме рукописи находятся в архиве Колумбийского университета. В них Тихобразов не только подробно описывает разговор Николая II с Алексеевым, но и определенно указывает, что разговор этот имел место в Могилеве 4 марта, то есть двумя днями позже, чем документы об отречении, подписанные в Пскове.

Неотправленная телеграмма последнего императора никогда и нигде в печати не цитировалась.

Исчезла ли она? Была ли уничтожена? Так или иначе, дальнейшая судьба этого таинственного документа неизвестна.

Генерал Алексеев не оставил записок, разъясняющих свои отношения с теми, кто готовил дворцовый переворот. Но и они, участники подпольной работы, предпочли обойти этот вопрос молчанием. Почему?

Ответ на этот вопрос кроется в той резкой перемене, которая произошла в психологии многих участников и свидетелей февральской революции. Сперва революцию широко приветствовали, на участии в ней многие пытались делать свою политическую и административную карьеру. Но когда осенью 1917 года надежды февраля завершились катастрофой и провалом, то среди русских либералов началась переоценка ценностей. О своей деятельности, направленной когда-то свержение царского режима, люди стали замалчивать. В своих воспоминаниях, написанных в изгнании, многие политические эмигранты умышленно заметали следы того, чем когда-то гордились и хвастались. Оглядываясь на прошлое, историческую правду очень часто обходили молчанием.

Могилев, где находилась Ставка, был небольшим, тихим, но живописным губернским городом, расположенным по обоим холмистым берегам Днепра. Название свое, по преданию, он получил от множества окружавших его могил и курганов, раскопки которых обнаружили древние и весьма редкие арабские монеты. До того, как Ставка обосновалась в Могилеве, военная история этого города включала пребывание в нем в 1707 году шведского короля Карла XII, наложившего на Могилев основательную контрибуцию: около десяти пудов церковного серебра для чеканки шведской монеты. В 1812 году, во время нашествия Наполеона, Могилев был занят корпусом маршала Даву. До революции, после

переезда Ставки в Могилев, небольшой и скромно обставленный дом местного губернатора был резиденцией государя. После отречения императора в этот дом переехали генералы Алексеев, Деникин, их адъютанты и секретарь. По словам Антона Ивановича, водворилась там патриархальная простота без веяного церемониала. Место жительства Верховного командования отличалось от других домов города лишь тем, что у входа в него стояло двое часовых.[9]

В Могилеве генерал Деникин прослужил всего два месяца. Но здесь обозначилась та историческая роль, которую впоследствии ему пришлось играть.

Приняв новую должность, он всецело погрузился в сложную и кропотливую работу начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Огромный размах новой деятельности вначале ошеломил его. Приходилось изучать историю множества возникавших военных, политических и экономических вопросов, обдумывать текущие дела, разрабатывать планы военных действий, слушать чужие доклады и готовить свои, принимать важные решения, участвовать в различных приемах; самому принимать в своем кабинете несметное число людей: военных, штатских, делегатов вновь народившихся революционных учреждений, уволенных или смещенных новой властью, всяких дельцов и вообще самого разнообразного элемента честных, а порой и не совсем честных посетителей Ставки.

Несмотря на добрые отношения, установившиеся между генералами Алексеевым и Деникиным, Антона Ивановича сильно нервировала одна черта в характере Алексеева: он не умел или не желал распределять среди своих главных сотрудников оперативную работу Ставки. Фактически он делал эту работу сам. Стратегические директивы и другие решения принимались единолично генералом Алексеевым. Он сам приготовлял и писал их своим мелким бисерным почерком, старался держать в своих руках все отрасли управления, что — при грандиозных масштабах работы — было невыполнимо.

Деникин, привыкший к самостоятельной работе и ответственности, имел со своим начальником откровенную беседу по этому поводу.

Генерал Алексеев искренно удивился упреку:

— Разве я не предоставляю вам самого широкого участия в работе, что вы, Антон Иванович!

Результат беседы генерал Деникин суммировал следующим образом: «Оба взволновались, расстались друзьями, но вопроса не решили».[10]

Работать приходилось Антону Ивановичу по 17 часов в сутки. Несмотря на невероятную нагрузку работы, на нервный темп ее, трудоспособный Деникин быстро освоился с непривычной деятельностью. Но он не мог освоиться и примириться с тем, что стало тогда известным под названием «демократизация армии». Ему претили военные реформы, как из рога изобилия сыпавшиеся из революционной столицы. Решения, необдуманные и подрывавшие устои воинской дисциплины, принимались в Петрограде без согласия Ставки и даже без предварительного с ней совещания.

Ставка царского времени занимала доминирующее положение во всех вопросах, касавшихся военного дела. Но к моменту вступления генерала Деникина в исполнение своих новых обязанностей обстановка радикально изменилась. За первые три недели после революции Ставка потеряла свою силу и власть. Она превратилась в орган, подчиненный военному министру.

Новый военный министр Александр Иванович Гучков (1862 – 1936) был первым штатским человеком, занимавшим этот пост. Монархист по убеждению, один из основателей партии октябристов, Гучков тем не менее презирал династию, а затем возненавидел личность монарха. Как мы уже знаем, во время войны он направил кипучую деятельность к снабжению фронта. Такую же кипучую работу проявил он в подрыве авторитета трона. В огромных по тем временам масштабах распространял он по всей стране антиправительственную пропаганду, одновременно готовя в столице дворцовый переворот. Не только в кругах старого правительства, но и в Думе Гучкова считали авантюристической натурой и человеком с непомерным самолюбием. В молодости он пошел добровольцем сражаться против англичан в Бурской кампании, где был ранен. Затем был замешан в Македонском восстании в 1903 году, а до этого, в момент армянского погрома турками, оказался в Малой Азии. С началом

японской войны он проявил незаурядную способность организатора, возглавляя русский Красный Крест на театре военных действий. Человек, несомненно, храбрый, он как будто нарочно — так говорили о нем современники — искал случая придраться к людям для ссоры, а иногда и для вызова их на поединок. Вздорный характер Гучкова создал ему репутацию бретера. Один из тех, кому он послал вызов на дуэль, был лидер кадетской партии Милюков, но дуэль не состоялась.

В 1908 году Гучков был избран председателем Государственной думы третьего созыва, поддерживал политику Столыпина, но затем с ним разошелся и в 1911 году отказался от председательского кресла в Думе. Там же, в Думе, начались его выпады против лиц царского дома. Репутация энергичного и решительного организатора с крупными связями в военных кругах, с обширным знанием нужд армии давала, казалось бы, основания предполагать, что этот человек — по примеру французской революции и Карно с его комитетом общественного спасения — проявит полезную деятельность в области обороны и организации вооруженных сил. Но деятельность Гучкова в роли военного министра не оказалась конструктивной. Он не оправдал возлагавшихся на него надежд, и офицерство и либеральная общественность в нем глубоко разочаровались. Не в силах бороться со стихийным движением слева, вместо мер к поддержанию дисциплины в армии он начал сдавать одну позицию за другой и, поплыв по течению, стал подлаживаться к солдатской массе. Наконец, поняв свою беспомощность, усталый и разбитый, он ушел со сцены в начале мая 1917 года, оставив по себе горькую и недобрую память в офицерской среде.

Под лозунгом «Дорогу талантам!» демократизация армии началась с чистки ее командного состава. Военный министр Гучков сразу после революции забрал в свои руки назначения и смену старшего генералитета. Делал он это без ведома и одобрения Ставки, что шло вразрез со здравым смыслом и установившимся обычаем. По словам генерала Деникина, в течение нескольких недель после февральского переворота было уволено в резерв до полутораста старших начальников, в том числе 70 начальников пехотных и кавалерийских дивизий.

В этом вопросе Гучков руководствовался списком, составленным группой доверенных лиц из своего окружения. Лица эти, в свою очередь, не всегда брали в расчет наличие военных способностей у тех или иных генералов. Преобладали личные и политические мотивы. Деникин считал, что многие из уволенных вряд ли представляли особенную ценность для армии. Тем не менее Гучков в боевой пригодности старшего генералитета видел много ошибок, в результате которых некоторые хорошие и достойные, но политически негибкие генералы были убраны, а на их место выдвинуты оппортунисты.

Гучковым была образована особая комиссия для разработки реформ в военном ведомстве, соответствующих новому строю. Председателем комиссии назначен был бывший военный министр царского правительства генерал Поливанов, сменивший Сухомлинова. Из верноподданного Поливанов сразу же перекрасился в соответствующий моменту политический оттенок и закончил свою карьеру в 1920 году военным экспертом Советского правительства при заключении мира с Польшей в Риге. Генерал Деникин считал, что Поливанов и его сотрудники «соперничали друг перед другом в смысле раболепного угождения новым повелителям».

Для демократизации армии они одобрили учреждение выборных комитетов во всех воинских частях, ввели институт комиссаров, и, наконец, провозгласили «Декларацию прав солдата». 12 марта правительство отменило смертную казнь, были упразднены военно-полевые суды, и смертный приговор уже не угрожал за тяжкие преступления, в том числе связанные со шпионажем и изменой.

К началу апреля комитеты, советы и всякого рода солдатские организации охватили широкой сетью все части вооруженных сил страны. Бывали, конечно, исключения, но в большинстве случаев комитеты вмешивались во все детали армейской жизни, создавая полный сумбур в отношениях между офицером и солдатом. Поливановская комиссия заявила, что в число задач комитетов входило «принятие законных мер против злоупотреблений и превышения власти должностных лиц своей части».

Это сразу же дало повод солдатам не только следить за действиями своих офицеров, но и вторгаться порой в их боевые распоряжения.

Согласно решению комиссии Поливанова комитеты обязаны были держать связь со всеми политическими партиями для посылки в войсковые части ораторов и партийной литературы. Это должно было разъяснять солдатам различные партийные программы в связи с предстоящими выборами в Учредительное собрание.

И Деникин был прав, когда с возмущением указывал на факт, что правительство, невзирая на войну, давало свою санкцию на превращение армии в арену политической борьбы.

Комитеты вскоре добились права смещать офицеров и выбирать на их место угодных себе людей.

Весь принцип воинской организации был разрушен. Армия разлагалась: в ней наступал хаос и произвол толпы.

Страх перед контрреволюцией и недоверие членов Совета к политической благонадежности командного состава выразились в учреждении института комиссаров при крупных войсковых соединениях. Комиссар армии назначался по соглашению между правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов. Он являлся ответственным перед обеими инстанциями, но обычно держал «равнение налево» по линии Советов.

Обязанности и права комиссаров не были сформулированы.[11] Имелись туманно выраженные пожелания новой власти, чтобы комиссары явились посредниками между командованием и войсками, чтобы они сглаживали трения, возникавшие между ними, руководили политической жизнью войск и так далее. Негласная же функция комиссаров заключалась в слежке и наблюдении за старшими начальниками и их штабами. При такой постановке дела трудно было ожидать дружной совместной работы. Кроме того, многие комиссары стали вмешиваться во все служебные вопросы армии, включая оперативные дела.

«Итак, — писал генерал Деникин, — в русской армии вместо одной появились три разнородных, взаимно исключающих друг друга власти: командир, комитет, комиссар. Три власти призрачные. А над ними тяготела, на них духовно давила своей безумной, мрачной тяжестью власть толпы».[12]

Но это было не все. 9 мая появился приказ по армии и флоту, известный под названием «Декларация прав солдата».

Даже Гучков, заискивавший перед солдатами, отказался его подписать. Всего два месяца прошло с начала февральских событий, но Гучков, обычно самоуверенный, потерял веру в себя, в свои возможности и, по мнению близко знавших его людей, в глубине души считал все дело буржуазной революции проигранным. Он предпочел выйти в отставку, не желая — как сам выразился — дальше разделять ответственность за тот тяжелый грех, который творился в отношении Родины.[13] Однако не может быть сомнения, что и сам Гучков принял в этом «грехе» немалое участие.

Армия на фронте, подорванная Приказам № 1 и демократизацией, шедшей из Петрограда, все же как-то еще держалась. Но разложение ее пошло ускоренным темпом под напором двух сил: внешней и внутренней.

Германский Генеральный штаб за время войны потратил немало усилий и средств на русскую революцию. О ней особенно мечтал генерал Людендорф, и, когда революция наступила, «огромная тяжесть свалилась у меня с плеч», — писал он в своих воспоминаниях.

И вот еще выдержки из писаний Людендорфа:

«Посредством пропаганды надо было развить в русской армии тяготение к миру в непосредственной и резкой форме».

«Нашей первой задачей являлось внимательно следить за процессом разложения России, содействовать ему и идти навстречу ее попыткам найти почву для заключения мира».

«Мы с уверенностью учитывали, что революция понизит боеспособность русской армии, наши предположения осуществились».

«На всем огромном протяжении фронта постепенно установились оживленные сношения между неприятельскими и нашими окопами. Мы продолжали укреплять в русской армии жажду мира».[14]

С момента переворота германский Генеральный штаб систематически проводил политику братания на русском фронте. Методичные немцы выработали соответствующие инструкции для своего командного состава, посылали в русские окопы политически надежный для себя элемент, знавший русский язык. Пропаганда

мира шла по определенному трафарету — говорилось о бесцельности войны, пораженческая литература, изготовленная в Германии сотнями тысяч экземпляров, распространялась по русским окопам. Немцы утверждали, что война выгодна лишь Временному правительству и генералам. А потому, чтобы ликвидировать войну, следовало ликвидировать и правительство, и русский корпус офицеров. Одним словом, проповедовался мир на фронте и война в тылу. Одновременно происходила тщательная разведка русских сил и позиций.

Ту же идею — прекращения внешней войны и замену ее классовой борьбой внутри России — проводил с невероятной энергией приехавший из Швейцарии через Германию в «запломбированном вагоне» Ленин.

«Отправлением в Россию Ленина, — писал генерал Людендорф, — наше правительство возложило на себя огромную ответственность. С военной точки зрения его проезд через Германию имел свое оправдание: «Россия должна была пасть!»[15]

Перед отъездом из Швейцарии Ленин произнес в Цюрихе прощальную речь, назвал Керенского предателем революции, а меньшевика Чхеидзе, председателя Петроградского Совета, изобразил как человека, вступившего на путь предательства. Тем не менее Чхеидзе от имени Совета приветствовал Ленина 3 апреля на Финляндском вокзале, где под звуки Марсельезы выставлен был ему почетный караул и собралась большая толпа единомышленников, сочувствовавших и просто любопытных.

В медовый месяц русской свободы Временное правительство не противилось приезду человека, целью которого было его уничтожить.

На следующий день, 4 апреля, Ленин выступил со своими знаменитыми «Апрельскими тезисами». Вкратце содержание их сводилось к следующему: республика, появившаяся в результате февральской революции, — не наша республика; война — не наша война. Цель большевиков — свергнуть империалистическое правительство и, начав классовую борьбу, превратить мировую войну в мировую революцию и добиться диктатуры пролетариата. Конфисковать земли частных владельцев, провозгласить национализацию всех земель в стране и так далее.

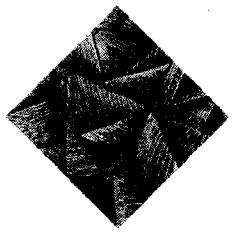
То, что сказал Ленин, ошарашило не только умеренных социалистов, но сконфузило даже его единомышленников. Противники Ленина с удовольствием потирали руки. Считая «Апрельсие тезисы» нереальными, они думали, что он себя окончательно скомпрометировал.

Среди офицеров приезд Ленина вызвал возмущение. Возмущались, собственно, не Лениным с его выпадами против правительства, с его предательским поведением во время войны и призывом к гражданской распре. Возмущались правительством, давшим Ленину право вернуться в Россию. На Ленина в те апрельские дни одни смотрели как на платного немецкого агента, другие — как на, марксистского начетчика. Никто не понял опасность угрозы, исходившей от него.

А то, что говорил Ленин, не было гласом вопиющего в пустыне. Он оказался глашатаем и неоспоримым вождем движения, которое ложными и несбыточными обещаниями гальванизировало доверчивых людей до предельной глубины. Как ураган, ворвалось оно в мировую историю, направив ход ее в новое русло и оставив неизгладимый отпечаток на дальнейшем ее развитии.

Глава VI

РАЗЛОЖЕНИЕ



Почти одновременно с уходом Гучкова распался первый состав Временного правительства. Вышел из него министр иностранных дел П. Н. Милюков, самый крепкий и упорный представитель его буржуазной части, лидер кадетской партии и известный историк.

В области внешней политики и целей войны Милюков не мог мириться с социалистической формулой мира без аннексий и контрибуций. Против него началась травля Совета, и он вынужден был подать в отставку.

Князь Георгий Евгеньевич Львов, бывший председатель Всероссийского земского союза, который, как и Гучков, приобрел во время войны репутацию дельного организатора, временно остался на посту председателя Совета министров и министра внутренних дел. Как и Гучков, после революции он оказался не на высоте положения.

В 1920 году, когда А. И. Деникин, покинув Россию, жил несколько месяцев в Англии, в разговоре с Милюковым, принимавшим деятельное участие в формировании Временного правительства, он спросил его, почему, собственно, безличный князь Львов очутился премьером. На что Милюков откровенно ему ответил: «Выдвигалось два кандидата: один — заведомая жопа, а другого хорошо еще не знали».[1]

Этим не совсем научным, но зато образным определением качеств первого премьера Временного правительства (записанным в

неопубликованной рукописи А. И. Деникина) профессор Милюков осветил любопытную историческую подробность.

Как мы знаем, февральская революция явилась неожиданностью для всех. Однако еще с начала 1916 года и Милюков, и другие члены прогрессивного блока намечали состав министерства общественного доверия, которое, по их расчетам, должно было без революции сменить отжившее и негодное старое правительство. Список кандидатов, как писал историк С. П. Мельгунов, «не был устойчивым и твердым — он зависел от конъюнктуры дня». Но когда 1 марта под давлением событий пришлось наконец всерьез задуматься над составом Временного правительства, то на помощь пришли заранее составленные списки кандидатов, где князь Львов намечался на пост председателя Совета министров. И здесь, на примере князя Львова, становится очевидной та необдуманная беспечность, с которой русские либералы подошли к кардинальному для них вопросу о выборе подходящих членов нового правительства.

Павел Николаевич Милюков (1859—1943) — ученый историк, свидетель и участник больших событий — внес своими многочисленными печатными трудами чрезвычайно ценный вклад в русскую историческую и мемуарную литературу.

Но Милюков в роли политика проявил весьма мало дальновидности. Не желая падения монархии, а стремясь лишь к ее изменению в строго конституционном направлении, своими думскими речами в 1916 году Милюков больше, чем другие, способствовал подрыву авторитета трона. А когда расшатанный трон наконец повалился, он бросился поддерживать его и уговаривать брата отрекшегося царя не отказываться от престола.

Заранее обдумывая и намечая преемников старой власти, он выставил на роль председателя Совета министров и министра внутренних дел кандидатуру почти неизвестного ему князя Львова, которого сам Милюков впоследствии обозвал человеком «гамлетовской нерешительности, прямо противоположным тому, что требовалось от революционного премьера».

Когда давление слева и надвигавшаяся волна анархии стали размывать шаткие устои буржуазного Временного правительства, то, несмотря на все происшедшие в стране перемены и на начав-

шийся развал Российской империи, Милюков, предаваясь нереальным мечтаниям, упрямо продолжал настаивать на Константинополе и проливах, на том, чтобы они отошли после войны к России согласно секретным договорам между союзниками и царским правительством.

В 1918 году, за несколько месяцев до полного крушения центральных держав, Милюков, решив, что Германия выйдет из войны победительницей, явился проповедником германской ориентации.

Такие же неожиданные политические изгибы проделал Милюков в период своей долгой жизни в эмиграции.

До самого конца он мнил себя опытным политиком и реалистом-практиком. На самом же деле в этой области он оказался не профессионалом, а наивным любителем. И нашумевший на всю Россию вопрос, брошенный им с укором царскому правительству в Думе осенью 1916 года: «глупость или измена?» — с ударением на слово глупость, — в конечном счете обернулся бумерангом против политической репутации того, кто эту крылатую фразу пустил в ход.

А потому неудивительно, что непродуманная акция Милюкова и других русских либералов — людей благих намерений, но без практического опыта в государственных делах — свелась к молниеносной сдаче всех позиций напористому давлению Совета рабочих и солдатских депутатов.[2]

Оглядываясь на прошлое и думая, по-видимому, о близких себе по духу либеральных кругах, Антон Иванович Деникин высказал в своих «Очерках русской смуты» (последняя глава первого тома, стр. 235) очень верную мысль: «Революцию ждали, ее готовили, *но к ней не подготовился никто*, ни одна из политических группировок. И революция пришла в нощи, застав их всех, как евангельских дев, со светильниками погашенными. Одной стихийностью событий нельзя все объяснить, все оправдать. Никто не создал заблаговременно общего плана каналов и шлюзов для того, чтобы наводнение не превратилось в потоп».

После ухода Гучкова и Милюкова в начале мая образовалась первая правительственная коалиция с социалистами. В правительство вошло шесть социалистов (три социалиста-революционера, два меньшевика и один народный социалист).

Самым видным из министров социалистов был Александр Федорович Керенский. В марте 1917 года, когда он стал министром юстиции, ему еще не было 36 лет. Молодой адвокат, получивший некоторую известность благодаря своим выступлениям в роли защитника в политических процессах и в делах, связанных с рабочими и крестьянскими беспорядками, он был избран в 1912 году в Государственную думу от партии трудовиков.

В момент февральских событий Керенский вошел во Временный комитет Государственной думы; одновременно стал товарищем председателя. Петроградского Совета рабочих депутатов, а сразу после образования Временного правительства принял пост министра юстиции. Благодаря участию в Совете он очень ловко сумел расширить свое влияние в правительстве. И влияние это приобрело доминирующее значение, когда с первых же дней революции его незаурядные ораторские дарования завоевали Керенскому громкое имя по всей России. Он говорил без устали повсюду, на всевозможных собраниях и митингах, и речи его захватывали людей не столько сутью сказанного, сколько своим эмоционально-истерическим характером и несомненным актерским талантом самого Керенского. Он как бы заворожил на время русскую толпу и с гордостью сам себя возомнил ее кумиром.

Александр Федорович Керенский имел самое поверхностное представление об армии. Никогда не соприкасался с военным бытом, никогда даже не отбывал воинской повинности. И вдруг — с уходом Гучкова — он очутился в роли военного и морского министра. Революционная интеллигенция, к которой он принадлежал, относилась к военной службе отрицательно: в офицерах она видела преторианцев и вообще считала армию орудием буржуазно-помещичьего государства и оплотом ненавистной ей формы правления. Знала, что где-то в воинском уставе имелся параграф, согласно которому солдат обязан был защищать престол и отечество не только от врага внешнего, но и от врага внутреннего. К этому-то внутреннему врагу революционная интеллигенция себя всегда и причисляла.

А потому неудивительно, что напуганные в прошлом казачьей нагайкой радикальные интеллигенты с приходом к власти видели в офицерской среде призрак контрреволюции и в своем подходе к

офицерам проявляли нескрываемые чувства подозрительности и недоверия.

И тем не менее выбор Керенского на пост военного министра имел в тот момент значительное оправдание. Пропагандой Совета рабочих и солдатских депутатов генералы были дискредитированы в глазах солдат. При всеобщем сдвиге «налево», политические деятели либеральных партий (кадеты, октябристы) потеряли всякое влияние. Они были деморализованы. Керенский же, упоенный своим успехом, приобрел огромную самоуверенность, которая импонировала в то время даже самым ярым его противникам справа. Они стояли за выполнение дореволюционных обязательств перед союзниками. Ту же точку зрения отстаивал Керенский, и пальма первенства перешла к нему в руки.

Генерал Деникин, издали наблюдавший перемены в Петрограде, отметил, что в Ставке к назначению Керенского на пост военного министра отнеслись без предубеждения. «Керенский, — писал Деникин, — совершенно чужд военному делу и военной жизни, но может иметь хорошее окружение; то, что сейчас творится в армии — просто безумие, понять это нетрудно и невоенному человеку. Гучков — представитель буржуазии, правый, ему не верили; быть может, теперь министру-социалисту, баловню демократии, удастся рассеять тот густой туман, которым заволокло сознание солдата...»[3]

Керенский считал необходимым начать наступление. Но при развале армии это могло осуществиться лишь путем возбуждения в солдатах «революционного патриотизма». И Керенский взял на себя возбудить это чувство в разлагавшихся войсках. Начались бесконечные его поездки по линии фронта и ближайшего тыла.

«Он говаривал, — писал о Керенском Милюков, — что массы не умеют признавать власть «в пиджаке». Он облекся во френч и очень быстро усвоил себе наполеоновские позы, повелительный тон, не допускающий возражений, гремящий голос, переходивший в нервический крик при попытке сопротивления, отрывистую рубленую речь в распоряжениях и торжественные карамзинские периоды в декларациях».[4]

Милюков, редко упускавший случай, чтобы не съязвить по адресу Керенского, дал фактически правдивое описание наружности Керенского и его выступлений весной и ранним летом 1917 года:

«В общественных зданиях и перед фронтом, в заседаниях разных организаций и на торжественных приемах сотни тысяч солдат и граждан видели стройную фигуру молодого человека в помятом френче без украшений и отличий, с больной рукой, согнутой в локте и спрятанной за борт, с болезненным бледным лицом, носящим следы нервности и крайнего утомления, слышали его пламенную речь, составленную из коротких, отрывистых фраз, говоривших о свободе, о свете, о правде, и ежеминутно прерывавшуюся бурными взрывами аплодисментов и восторженными обетами верить, слушать, пойти за министром-социалистом вперед, за республику, за мир».[5]

Вот выдержки из газетных отчетов того времени о выступлениях Керенского перед войсками:

Одесса, 16 мая

Товарищи, в нашей встрече я вижу тот великий энтузиазм, который объял всю страну, и чувствую великий подъем, который мир переживает раз в столетие. Нечасты такие чудеса, как русская революция, которая из рабов делает свободных людей... нам суждено повторить сказку французской революции. Бросимся же вперед за мир всего мира с верой в счастье и величие народа.

Каменец-Подольск, 15 мая

Мы создаем не какой-нибудь английский или немецкий строй, а демократическую республику в полном смысле этого слова (бурные аплодисменты и крики: «Верно!»). Вы самые свободные солдаты мира. Разве вы не должны доказать миру, что та система, на которой строится сейчас армия, — лучшая система? Разве вы не докажите другим монархам, что не кулак, а советы есть лучшая сила армии? (возбужденные возгласы: «Докажем!»)... наша армия при монархе совершала подвиги. Неужели при республике она окажется стадом баранов? (бурные аплодисменты, крики: «Нет, никогда!»).

Каменец-Подольск, 14 мая

Если вам предстоит почетная смерть на глазах всего мира, позовите меня: я пойду с ружьем в руках впереди вас» (гром аплодисментов)... Вперед, на борьбу за свободу, не на пир, а на смерть я зову вас.

Многие военные, изучавшие военное дело десятилетиями, отказались взять пост военного министра; я, не военный человек, я взял его! (рукоплескания)[6]

И в потоке слов, подмешивая демагогию к патриотизму и патриотизм к демагогии, Керенский призывал армию к наступлению и не колеблясь подписал «Декларацию прав солдата». А для устрашения старших начальников, не согласных с его действиями, тут же запретил всем лицам командного состава подавать в отставку.

Декларация давала право каждому военнослужащему быть членом любой политической организации и вне службы свободно высказывать свои взгляды. Она гарантировала беспрепятственную доставку солдатам всех без исключения печатных изданий, отменяла обязательное отдание чести офицерам, заменив его добровольным приветствием, лишила офицеров права налагать на солдата дисциплинарные взыскания, давала солдатам право «внутреннего самоуправления» через выборные войсковые организации.[7]

Еще до своего выхода из правительства Гучков прислал в конце апреля в Ставку «на заключение» проект декларации. Реакцию Ставки генерал Деникин описал следующим образом: «Мы дали горячую отповедь, в которой излили все свои душевные муки — и Верховный Главнокомандующий, и я, — всю скорбь за беспросветное будущее армии. Декларация — последний гвоздь, вбиваемый в гроб, уготованный для русской армии. Таков был окончательный наш вывод».[8]

Мнение о ней в широких офицерских кругах суммировал генерал Головин: «Эта декларация, — писал он, — говорившая только о «правах солдата», воспринималась солдатской массой как отрицание каких-либо «обязанностей». Она лишала офицерский состав всякой дисциплинарной власти, подорвала его командный авторитет, узаконила полную распущенность находившихся в тылу запасных войск и открыла неограниченные возможности для дальнейшего революционирования солдатских масс действующей армии».[9]

В этот сложный период, когда множество людей, выбитых революцией из привычной колеи жизни, кривили душой, подлаживаясь к новым политическим настроениям, Антон Иванович Деникин сохранил полное душевное равновесие. В его цельной натуре мысль не шла в разрез со словом и делом. Без прикрас говорил он то, о чем думал. В его письмах к невесте мы находим те же размышления и взгляды, которые он открыто высказывал строителям новой государственной жизни в Петрограде. Выдержки из этих писем печатаются здесь впервые.

5 апреля 1917 года

Политическая конъюнктура изменчива. Возможны всякие гримасы судьбы. Я лично смотрю на свой необычайный «подъем» не с точки зрения честолюбия, а как на исполнение тяжелого и в высшей степени ответственного долга. Могу сказать одно: постараюсь сохранить доброе имя, которое создали мне железные стрелки, и не сделаю ни одного шага против своих убеждений для устойчивости своего положения.

Говоря затем об утомительной и нервной рутине своей жизни в Ставке, Антон Иванович заканчивал письмо следующей фразой: «Все это пустяки. Если... только волна анархии не зальет армии».

3 мая 1917 года

Безропотно несу крест. Иногда тяжко. И не столько от боевой обстановки, сколько от пошлости и подлости людской. Политика всегда нечестна. Пришлось окунуться в нее и нужно выйти незапачканным.

14 мая 1917 года

Медленно, но верно идет разложение. Борюсь всеми силами. Ясно и определенно опорачиваю всякую меру, вредную для армии и в докладах и не посредственно в столицу. Результаты малые. Одно нравственное удовлетворение в том, что не пришлось ни разу поступиться своими убеждениями, но создал себе определенную репутацию. В служебном отношении это плохо (мне по существу безразлично). А в отношении совести — спокойно. Ежедневно передо мной проходит галерея типов. ...Редкие люди сохранили прямоту и

достоинство. Во множество — хамелеоны и приспособляющиеся. От них скверно. Много искреннего горя, от них жутко.[10]

В Ставке нарастало раздражение против новой власти, но еще не было чувства безнадежности, охватившее Гучкова, и генерал Алексеев решил ехать в Петроград вместе с командующими фронтами, чтобы предостеречь правительство, остановить вредный для армии поток законодательства и добиться отмены еще не опубликованной тогда декларации прав солдата.

Оставив Деникина в Могилеве руководить делами Ставки, главнокомандующие во главе с генералом Алексеевым приняли участие 4 мая в совместном заседании Временного правительства и Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. Они обрисовали мрачную картину разложения армии, подробно объяснили причины своего отрицательного отношения к демократизации вооруженных сил, указали на то, что если «декларация» будет издана, то оставшаяся еще маленькая надежда на оздоровление армии рухнут окончательно.

В ответ на соображения генералов, член Исполнительного комитета Петроградского Совета Скобелев заявил, что он и его коллеги пришли на заседание «не для того, чтобы слушать упреки». «Я считаю необходимым, — говорил он, — разъяснить ту обстановку, при которой был издан Приказ № 1. В войсковых частях, которые свергли старый режим, командный состав не присоединился к восставшим и чтобы лишить его значения, мы были вынуждены издать Приказ № 1. У нас была скрытая тревога, как отнесется к революции фронт... Сегодня мы убедились, что основания для этого были».

Заявление Скобелева ставило печать одобрения Петроградского Совета на подрыв офицерского авторитета в армии.

Кроме Скобелева многие другие члены Петроградского Совета, не стесняясь, высказывали в разное время и при различных обстоятельствах свое враждебное отношение к офицерству. Так, например, некий Иосиф Гольденберг прямо сказал французскому публицисту Клоду Анэ, что «приказ номер первый не был ошибкой: это была необходимость. В тот день, когда мы сделали революцию, мы поняли, что если мы не разрушим старой армии, то она подавит

революцию. Нам приходилось выбирать между армией и революцией. Мы не колебались. Мы выбрали революцию и пустили в ход — я смею сказать — гениально необходимые средства».[11]

Заседание 4 мая убедило главнокомандующих в том, что в смысле морального воздействия на власть их карта бита, что Временное правительство в своих действиях парализовано волей Совета.

Независимо от других генерал Деникин уже некоторое время назад пришел к такому заключению. В течение всего апреля месяца он искренно пытался разъяснить новой власти — путем доверительных бесед, предостережений, увещеваний — всю пагубность военных мер, ею проводимых. Но, убедившись в том, что голос командования не принимался во внимание, что решения военного министра зависели от политики и одобрения Совета, тон его докладов в отношении правительства постепенно становился резче.

Первым этапом были две речи генерала Деникина 7 и 22 мая в Ставке на съезде представителей Союза офицеров армии и флота.[12]

Свыше трехсот представителей офицерского союза съехалось в Могилев с фронта и из тыла. Открыл съезд генерал Алексеев.

«В этот день впервые, — вспоминал Деникин, — не в секретных заседаниях, не в доверительном письме, а открыто, на всю страну, Верховное командование сказало: Россия погибает».[13]

«...Она стоит на краю пропасти, — говорил генерал Алексеев. — Еще несколько толчков вперед, и она всей тяжестью рухнет в эту пропасть...»

Генерал Алексеев призывал к единению офицерства, чтобы сперва совместными усилиями устранить ту рознь, которая искусственно и извне была посеяна в военной семье, а затем вдохнуть в армию порыв, без которого не может быть победы.

Вслед за Алексеевым выступил с краткой речью генерал Деникин.

«В силу неизбежных исторических законов, — говорил он, — пало самодержавие и страна наша перешла к народовластию. Мы стоим на грани новой жизни, страстной и долгожданной, за которую несли голову на плаху, томились в рудниках, чахли в тундрах многие тысячи идеалистов.

Но глядим в будущее с тревогой и недоумением. Ибо нет свободы в революционном застенке! Нет правды в подделке народного голоса! Нет равенства в травле классов! И нет силы той безумной вакханалии, где кругом стремятся урвать все, что возможно, за счет истерзанной Родины, где тысячи жадных рук тянутся к власти, расшатывая ее устои.[14]

Выступление Деникина, более резкое по форме, чем речь Алексеева, не вызвала в тот момент травли со стороны Советов. На Алексеева же с шумным негодованием обрушилась вся левая печать. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов требовал его немедленной отставки. Кампания против него, по словам Деникина, «имела тем больше значения, что в данном вопросе военный министр Керенский был на стороне Совета».

Ко дню окончания съезда офицеров в Могилеве генерал Алексеев был уже уволен со своего поста. 22 мая, при закрытии съезда, генерал Деникин, как старший начальник, произнес прощальное слово. Вот текст его речи:

«Верховный главнокомандующий, покидающий свой пост, поручил мне передать вам, господа, свой искренний привет и сказать, что его старое солдатское сердце бьется в унисон с вашими, что оно болеет той же болью и живет той же надеждой на возрождение истерзанной, но великой русской армии. Позвольте и мне от себя сказать несколько слов.

С далеких рубежей земли нашей, забрызганных кровью, собрались вы сюда и принесли нам свою скорбь безысходную, свою душевную печаль.

Как живая, развернулась перед нами тяжелая картина жизни и работы офицерства среди взбаламученного армейского моря...

...Проживши с вами три года войны одной жизнью, одной мыслью, деливши с вами и яркую радость победы и жгучую боль отступления, я имею право бросить тем господам, которые плюнули нам в душу, которые с первых же дней революции свершили свое Каиново дело над офицерским корпусом... Я имею право бросить им:

— Вы лжете! Русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником.

Забитый, загнанный, обездоленный не менее, чем вы, условиями старого режима, влача полунищенское существование, наш армей-

ский офицер сквозь бедную трудовую жизнь свою донес, однако, до отечественной войны, как яркий светильник, жажду подвига. Подвига для счастья Родины.

Пусть же сквозь эти стены услышат мой призыв и строители новой государственной жизни. Берегите офицера! Ибо от века и доныне он стоит верно и бессменно на страже русской государственности. Сменить его может только смерть».[15]

Среди затянувшегося перезвона февральских колоколов, радостно твердивших бог весть в который раз о свободе и завоеваниях революции, Антон Иванович Деникин был одним из первых, кто на всю Россию ударил в набат.

Деникин явился рупором, через который пасынок революции — русский офицер — полностью наконец излил свою скорбную душу. Многие нашли моральную опору в твердом человеке, имевшим гражданское мужество называть вещи своими именами. А гражданское мужество в те дни сопряжено было с немалым риском. При бессилии власти свобода слова приняла своеобразный характер: открыто давалась возможность бросать в народ демагогические лозунги; а малейшая критика действия Совета «справа» тотчас вызывала обвинение в контрреволюции, что грозило расправой со стороны разнузданной толпы.

Но Деникина эта угроза пока миновала.

Уход Алексеева с поста Верховного Главнокомандующего предрешил судьбу генерала Деникина в Ставке. В Петрограде косо смотрели на его явное несочувствие демократизации армии. Прямота, с которой Деникин высказывал взгляды, не нравилась левым кругам. Его присутствие в Ставке мозолило глаза Исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов. Назначение же генерала Брусилова на смену Алексееву устраняло возможность каких-либо колебаний: с Брусиловым Антон Иванович работать не желал. Слишком широка была пропасть, разделявшая их взгляды и принципы.

Генерал Алексей Алексеевич Брусилов (1853 – 1926) оказался одним из немногих старших начальников, сразу после революции перекрасившихся в республиканца.

Бывший паж, воспитанный в традициях старой императорской армии, начальник офицерской кавалерийской школы, начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, генерал-адъютант последнего царя, талантливый, строгий и требовательный военачальник, прославленный успехами Юго-Западного фронта, Брусилов шестидесяти четырех лет от роду решил делать революционную карьеру. Подлаживаясь к солдатским комитетам и советам, он проявил себя после переворота крайним оппортунистом. Между Деникиным и Брусиловым не могло быть общего языка. Оглядываясь на прошлое генерала Брусилова, на его политический пируэт после февраля 1917 года, Антон Иванович — не без чувства брезгливости — высказал свое мнение: нельзя всю долгую жизнь так лгать себе и другим».[16]

Назначение Брусилова Верховным Главнокомандующим и приезд его в Ставку живо описаны генералом Деникиным. Этот эпизод, сам по себе быть может, незначительный, интересен, однако, как картинка из жизни того времени, как характеристика двух выдающихся русских генералов, пути которых так резко разошлись.

«Назначение генерала Брусилова, — писал А. И. Деникин, — знаменовало сбой окончательное обезличение Ставки и перемену ее направления: безудержный и ничем не объяснимый оппортунизм Брусилова, его погоня за революционной репутацией лишали командный состав армии даже той, хотя бы чисто моральной, опоры, которую он видел в прежней Ставке.

Могилев принял нового Верховного Главнокомандующего необычайно сухо и холодно. Вместо обычных восторженных оваций, так привычных «революционному генералу», которого толпа носила по Каменец-Подольску в красном кресле, — пустынный вокзал и строго уставная церемония. Хмурые лица, казенные фразы. Первые же шаги генерала Брусилова, мелкие, но характерные эпизоды еще более омрачили наше настроение. Обходя почетный караул георгиевцев, он не поздоровался с доблестным израненным командиром их, полковником Тимановским[17] и офицерами и долго жал руки солдат — посыльного и ординарца, у которых от неожиданности и неудобства такого

приветствия в строю выпали из рук ружья, взятые на караул... Передал мне написанный им собственноручно приветственный приказ армиям для посылки... на предварительное одобрение Керенскому...

...Мой образ действий так же, как и генерала Алексеева, не соответствовал видам Временного правительства, да и совместная работа с генералом Брусиловым, вследствие полного расхождения во взглядах, была немыслима. Я предполагаю, что еще на Юго-Западном фронте Брусилов дал согласие Керенскому, предложившему на должность начальника штаба генерала Лукомского. И поэтому меня удивил тот диалог, который произошел между мною и Брусиловым в первый день его приезда:

— Что же это, Антон Иванович! Я думал, что встречу в вас своего боевого товарища, что будем вместе работать и в Ставке, а вы смотрите на меня волком...

— Это не совсем так: мое дальнейшее пребывание во главе Ставки невозможно, да, кроме того, известно, что на мою должность предназначен уже Лукомский.

— Что? Как же они смели назначить без моего ведома?!..

Больше ни я, ни он к этому вопросу не возвращались. Я в ожидании заместителя продолжал работать с Брусиловым дней десять. Признаюсь, мне была тяжела в нравственном отношении эта работа. С Брусиловым меня связывала боевая служба с первого же дня войны. Первый месяц в должности генерал-квартирмейстера штаба его 8-й армии, потом два года в качестве начальника 4-й стрелковой дивизии (вначале бригады) в той же славной армии и командиром 8-го корпуса на его фронте. Железная дивизия шла от одной победы к другой и вызывала к себе трогательное отношение со стороны Брусилова и постоянное высокое признание ее заслуг. Вместе с Брусиловым я пережил много тяжелых, но еще более радостных дней боевого счастья, никогда не забываемых. И теперь мне было тяжело говорить с ним, с другим Брусиловым, который так нерасчетливо не только для себя — это не важно, — но и для армии терял все обаяние своего имени. Во время докладов каждый вопрос, в котором отстаивание здравых начал военного строя могло быть сочтено за недостаток демократичности, получал заведомо отрицательное решение. Было беспо-

лезно оспаривать и доказывать. Иногда Брусилов прерывал текущий доклад и взволнованно говорил:

— Антон Иванович! Вы думаете, мне не противно махать постоянно красной тряпкой? Но что же делать? Россия больна, армия больна. Ее надо лечить. А другого лекарства я не знаю.

Вопрос о моем назначении его занимал более, чем меня. Я отказался высказывать свои пожелания, заявив, что пойду туда, куда назначат. Шли какие-то переговоры с Керенским. Брусилов мне раз сказал: они боятся, что, если вас назначить на фронт, вы начнете разгонять комитеты.

Я улыбнулся:

— Нет, я не буду прибегать к помощи комитетов, но и трогать их не стану!

Я не придавал никакого значения этому полушутливому разговору, но в тот же день через секретаря прошла телеграмма Керенскому приблизительно такого содержания: переговорил с Деникиным. Препятствия устранены. Прошу о назначении его главнокомандующим Западным фронтом.[18]

В очередном письме к невесте генерал Деникин коснулся этого вопроса следующим образом: «Ныне отпущаеши... хоть и не совсем. Временное правительство, отнесясь отрицательно к направлению Ставки, пожелало переменить состав ее. Ухожу я, вероятно, и оба генерал-квартирмейстра. Как странно: я горжусь этим. Считаю, что хорошо. Мало гибкости! Гибкостью у них называется приспособляемость и ползанье на брюхе перед новыми кумирами. Много резкой правды приходилось им выслушивать от меня. Так будет и впредь. Всеми силами буду бороться против развала армии».[19]

Тем не менее назначение генерала Деникина все же состоялось. Он стал командующим Западным фронтом.

Хотя политические акции непокорного генерала, упрямо шедшего против течения, стояли чрезвычайно низко, военные дарования твердого и настойчивого Деникина выдвигали его на первый план. Кроме того, Брусилову, а через него Керенскому (который с Брусиловым тогда советовался и с мнением его считался), известно было, что А. И. Деникин, несмотря на свое резко отрицательное отношение к тому, что творилось в армии, не вычеркнул еще воз-

можности начать наступление. Керенский в эту возможность верил. Верил в нее и генерал Деникин.

Он отдавал себе отчет, что в армии идея наступления не могла быть популярна, что при создавшихся обстоятельствах отсутствовала даже уверенность, исполнят ли войска приказ, сдвинутся ли с места. Он отлично сознавал, что русский фронт держался по инерции и, быть может, продержался бы еще некоторое время при пассивной обороне. Опасался, что в случае неудачи наступления с жуткой очевидностью обнаружится полнейшее бессилие армии.

Но, взвешивая различные возможности, он пришел тогда к заключению, что «слишком много более веских причин повелительно требовали иного решения. Центральные державы дошли до полного истощения своих людских, материальных и моральных сил.

«Если осенью 1916 года, — писал генерал Деникин, — наступление наше, не увенчавшееся решительным стратегическим успехом, поставило враждебные армии в критическое положение, то что было бы теперь, когда силы и техника наши возросли, соотношение их изменилось значительно в нашу пользу, а союзники к весне 1917 года заносили громовой удар над головою врагов.

...Мы не могли не наступать... Наше решение не наступать стало бы, несомненно, известным противнику, который немедленно начал бы переброску своих сил на запад. Это было бы равносильно прямому предательству в отношении союзных народов...

...Наконец, Ставка учитывала еще одно обстоятельство: в пассивном состоянии, лишенная импульса и побудительных причин к боевой работе, русская армия, несомненно, и быстро догнила бы окончательно, в то время как наступление, сопровождаемое удачей, могло бы поднять и оздоровить настроение если не взрывом патриотизма, то пьянящим, увлекающим чувством большой победы. Это чувство могло разрушить все интернациональные догмы, посеянные врагом на благодарной почве пораженческих настроений социалистических партий. Победа давала мир внешний и некоторую возможность внутреннего. Поражение открывало перед государством бездонную пропасть. Риск был неизбежен и оправдывался целью — спасением Родины.

Верховный главнокомандующий [ген. Алексеев], я и генерал, квартирмейстер совершенно единомышленно считали необходи-

мым *наступление*. Старший командный состав принципиально разделял этот взгляд. Колебания, и довольно большие, при этом на разных фронтах были лишь в определении степени боеспособности войск и их готовности».

Оглядываясь через несколько лет на прошлое и на решение тогда наступать, А. И. Деникин писал: «Я утверждаю убежденно, *что одно это решение*, даже независимо от приведения его в исполнение, оказало союзникам несомненную пользу, удерживая силы средства и внимание врагов на русском фронте. Этот фронт, потеряв свою былую грозную мощь, все же оставался для врагов неразгаданным сфинксом».[20]

Много лет спустя в пятом томе своего труда «Мировой кризис» Черчилль с восхищением и благодарностью признал ту огромную помощь, которую Россия даже после падения монархи рыцарским образом оказала союзникам в их борьбе с Германией во время Первой мировой войны.[21]

Можно было соглашаться с генералом Деникиным или оспаривать его мнение — наступление завершилось катастрофой, и критиков впоследствии нашлось достаточно, — но для биографа Антона Ивановича Деникина интересно то, что в приведенных выше мыслях генерала сказались главные черты его духовного облика, наложившие свой отпечаток на дальнейшей его деятельности.

Верность долгу и чести.

Голос совести, превалирующий над другими мотивами и при разборе сложных вопросов руководящий в выборе окончательного решения.

Готовность идти на большой риск, не поддаваясь соблазну плыть по течению или сидеть сложа руки.

Кроме вопроса о наступлении или отсиживании в окопах была еще одна мучительная проблема: соблазн начать переговоры с неприятелем помимо союзников, чтобы ликвидировать войну возможно безболезненней и заключить между Россией и центральными державами сепаратный мир. Пропаганда идеи сепаратного мира шла пока из небольшого круга большевиков и других крайне левых группировок.

И тем не менее к людям, которых нельзя было упрекнуть в отсутствии патриотизма, приходила мысль, «что сколько-нибудь

успешное ведение войны было просто несовместимо с теми задачами, которые революция поставила внутри страны, и с теми условиями, в которых эти задачи приходилось осуществлять».[22]

Эти люди думали, и не без основания, что одной из причин революции было утомление от войны и нежелание ее продолжать.

Но для Деникина одна мысль о сепаратном мире была предательством. «Такой мир, — говорил он, — дал бы временное облегчение истерзанной стране нашей. Но проклятие предательства не дает счастья. В конце этого пути — политическое, моральное и экономическое рабство».

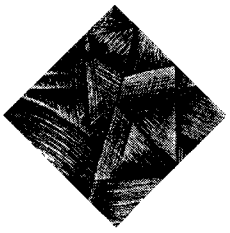
«Я знаю, — писал он, — что в некоторых русских кругах такое прямолинейное исповедование моральных принципов в политике впоследствии встречало осуждение. Там говорили, что подобный идеализм неуместен и вреден, что интересы России должны быть поставлены превыше всякой «условной политической морали»... Но ведь народ живет не годами, а столетиями!.. Да и психология русских военных вождей не допускала таких сделок с совестью... Донкихотство? Может быть. Но другую политику надо было делать другими руками... менее чистыми.[23]

И вопрос о донкихотстве, промелькнувший у него в голове, явился неслучайной и пустой фразой.

Бессознательно, не отдавая себе в этом отчета, Антон Иванович Деникин в дальнейшем нередко шел по стопам того рыцаря, который не мог мириться с людской неправдой и готов был упорно и бескорыстно жертвовать всем на свете в борьбе с окружавшим его злом.

Глава VII

БОРЬБА С РАЗВАЛОМ



Деникин, принявший Западный фронт с тем, чтобы подготовить его к наступлению, сразу же наткнулся на почти непреодолимые препятствия. Комитет фронта, комитет одной из армий, Совет рабочих и солдатских депутатов города Минска, где находился штаб Деникина, — все эти революционные учреждения голосовали против наступления. Минский совет даже выразил недоверие Временному правительству, заявив, что наступление следует считать «изменой революции». Правда, некоторые из этих комитетов затем меняли свое решение и допускали мысль о наступлении, но при создавшихся условиях трудно было ожидать удачи. Деникин, не крививший душой, тут же заявил, что между ним и фронтовым комитетом не может быть ничего общего. Отношения обострялись, Деникина винили в контреволюционности, комитеты относились к нему с озлоблением. И все же он продолжал объезжать все части своего фронта, призывая солдат исполнять долг перед родиной, знакомился с офицерами и командным составом, и с болью в сердце убеждался в моральном разложении войск. Он чувствовал, что каждый шаг его встречал препятствие, что борьба с темнотой, невежеством и шкурными инстинктами ему не по плечу. Он мог приказывать, стыдить, призывать к патриотизму, но подлаживаться к толпе солдат он органически не мог.

А встречаться приходилось с обстоятельствами, никогда прежде небывалыми.

«В одном из корпусов, — рассказывал Антон Иванович, — приказал показать мне худшую часть. Повезли в 703-й Сурам-

ский полк. Мы подъехали к огромной толпе безоружных людей, стоявших, сидевших, бродивших на поляне за деревней. Одетые в рваное тряпье (одежда была продана и пропита), босые, обросшие, нечесаные, они, казалось, дошли до последней степени физического огрубения... Никто не скомандовал «смирно», никто из солдат не встал, ближайшие ряды пододвинулись к автомобилям. Первым движением моим было выругать полк и повернуть назад. Но это могли счесть за трусость. И я вошел в толпу.

Пробыл в толпе около часу. Боже мой, что сделалось с людьми, с разумной Божьей тварью, с русским пахарем! Одержимые или бесноватые, с помутневшим разумом, с упрямой, лишенной всякой логики и здравого смысла речью, с истерическими криками, изрыгающие хулу и тяжелые, гнусные ругательства. Мы все говорили, нам отвечали — со злобой и тупым упорством. Помню, что во мне малопомалу возмущенное чувство старого солдата уходило куда-то на задний план, и становилось только бесконечно жаль этих грязных, темных русских людей, которым слишком мало было дано и мало поэтому с них взыщется. Хотелось, чтобы здесь, на этом поле, были, видели и слышали все происходящее верхи революционной демократии. Хотелось сказать им:

— Кто виноват, теперь не время разбирать. Мы, вы, буржуазия, самодержавие — это всё равно. Дайте народу грамоту и облик человеческий, а потом социализируйте, национализируйте, коммунизируйте, если... если тогда народ пойдет за вами».[1]

С целью «поднять дух войск» приехал к Деникину на фронт и генерал Брусилов. И тут произошло недоразумение. Солдатам, оказывается, сообщили, что их посетит «товарищ» Керенский. Когда вместо него появился Брусилов, солдаты возмутились. Они заявили, что их обманывают и что они никуда не двинутся, пока сам Керенский лично не скажет им — наступать. Выхода не было. Деникину пришлось пригласить Керенского.

«Керенский приехал с неохотой, — описывал этот случай Антон Иванович, уже разочарованный неудачным опытом словесной кампании на Юго-Западном фронте, несколько дней объезжал он войска, говорил, пожинал восторги, иногда испытывал неожиданные

реприманды... Но, окончив объезд фронта и вернувшись в Ставку, решительно заявил Брусилову:

— Ни в какой успех наступления не верю».

Не отрицая этой фразы, вернее сказать, умалчивая о ней, Керенский в своих воспоминаниях говорил, однако, что вынес от поездки на Западный фронт впечатление гораздо более благоприятное, чем вынес о ней генерал Деникин. Керенский писал, что был обеспокоен резким тоном Деникина в обращении с членами различных комитетов, в то время как Деникин якобы был шокирован некоторыми выражениям и «истерикой» Керенского.[3]

Антон Иванович действительно был шокирован Керенским.

С самого начала февральских событий он не слишком высоко его расценивал. Считал, что капризом судьбы вскинут был на неподходящую высоту ничтожный человек, которому ораторский успех вскружил голову. За фасадом трескучих фраз Деникин видел в Керенском пустого, неуравновешенного человека с манией величия и несомненной наклонностью к истерике, от которого можно было ожидать множество неуместных слов и поступков.

Однако в момент совместного с Керенским объезда своего фронта генерал Деникин все же рассчитывал извлечь из этой экскурсии известную пользу для дела: «Сегодня, — сообщал он в частном письме от 28 июня, — вернулся с фронта, где был с Керенским. Он произнес поистине вдохновенную речь комитетам. В газетах она переврана и бледна. Впечатление, несомненно, произведено.»[4]

И даже несколько лет спустя Деникин отметил эти чувства следующими словами: «Был несомненно такой краткий, но довольно яркий период в жизни Керенского — военного министра — я его отношу приблизительно к июню, — когда не только широкие круги населения, но и русское офицерство подчинилось обаянию его экзальтированной фразы, его истерического пафоса. Русское офицерство, преданное на заклание, тогда все забыло, все простило и мучительно ждало от него спасения армии. И уже не фразой звучало их обещание — умереть в первых рядах.

И больно становилось много раз во время объездов Керенского, когда у этих обреченных разгорались глаза, а в сердце светлая надежда — скоро, очень скоро безжалостно и грубо растоптанная.[5]

По приглашению поехал генерал Деникин как-то на съезд делегатов одного из подчиненных ему армейских корпусов. И там, среди выборных делегатов, вспоминал эту поездку Антон Иванович, «шла беседа о том, что здесь вот главнокомандующий, командующий, корпусный, штабы и все начальство; хорошо бы прикончить их тут же всех разом, вот и конец наступлению...»[6]

Деникин терял веру в возможность успеха. Надежда оставалась лишь на какое-то чудо. Но все же с упорством отчаяния, заранее предвидя, что дело обречено на неудачу, он добивался того, чтобы сковать возможно больше вражеских войск на своем фронте и таким образом оттянуть неприятельские силы с русского Юго-Западного фронта, где наступление уже началось.

18 июня генерал Деникин отдал приказ войскам своего фронта, призывая напрячь все силы и скорее подготовиться к наступлению, чтобы поддержать соседний Юго-Западный фронт. Приказ свой, наперекор всем правилам соблюдения тайны военных планов, он умышленно поместил в газетах.

«Не знаю, — писал он потом, — поняли ли всю внутреннюю драму русской армии те, кто читал этот приказ, опубликованный в газетах в полное нарушение элементарных условий скрытности операции. Все стратегия перевернулась вверх дном. Русский главнокомандующий, бессильный двинуть свои войска в наступление и тем облегчить положение соседнего фронта, хотел хотя бы ценой обнаружения своих намерений удержать против себя немецкие дивизии, снимаемые с его фронта и отправляемые против Юго-Западного и против союзников».[7]

7 июля на фронте Деникина началась артиллерийская подготовка; 9-го началось наступление, «а через три дня, — вспоминал Антон Иванович, — я возвращался из 10-й армии в Минск с отчаянием в душе и с явным сознанием полнейшего крушения последней тлевшей еще надежды на... чудо».

Генерал М. В. Алексеев, бывший тогда «не у дел», внимательно следил за тем, что происходило на фронте генерала Деникина. В дневнике Алексеева от 10 июля встречается следующая запись: «На Западном фронте у Деникина после усиленной артиллерийской подготовки первая линия неприятельских укреплений взята,

почти без боя захвачена тысяча пленных. Но после этого негодяи-«товарищи» вернулись в свои окопы, отказавшись от новых трудов по укреплению и оборудовании новой позиции».

В записи того же дня у Алексеева имеется другая мрачная заметка: «Развал в наших войсках развивается; имеются сведения, что в некоторых частях офицеры перебиты руками своих же мерзавцев солдат. Сегодня получено донесение, что в одной из дивизий убит своими начальник штаба дивизии».[8]

Февральский переворот коренным образом нарушил все планы военных действий. Первоначально наступление русских армий было намечено на май. Психологически выполнить эту задачу оказалось невозможным. Тогда, отбросив планомерный подход к стратегии, Ставка решила предоставить инициативу отдельным фронтам по мере их готовности. По существу план войны сводился тогда к импровизации. Руководящей мыслью русского командования была все та же идея верности союзникам — удержать вражеские войска на своем фронте, не дать возможности немцам получить перевес против французов, англичан, итальянцев и недавно вступивших в войну американцев.

Русское наступление летом 1917 года началось на Юго-Западном фронте 16 июня. Затем, 7 июля, зашевелился Западный фронт, 8 июля — Северный фронт, и 9 июля — Румынский.

Промежуток времени между 16 июня и 7 июля дал возможность германцам, сосредоточив свои войска, нанести удар по русскому Юго-Западному фронту. Удар этот опрокинул все надежды на возможность вернуть армии воинский дух.

Летом 1917 года при попытке к наступлению события на различных фронтах разворачивались более или менее по тому же печальному шаблону:

Начиналось наступление офицерами во главе небольшого отряда. Сначала оно приводило к успеху. Но затем, когда требовалась поддержка, части, оставшиеся позади, сзывали солдатские сходки. Эти митинги выясняли полное нежелание подчиняться начальникам и рисковать собственной жизнью. А затем, когда неприятель, оправившись от неожиданности, коротким ударом парировал русское наступление, разнузданная масса солдат, без сопротивления самовольно бросая позиции и окопы, волной катилась в тыл, творя на пути своем всякие бесчинства и безобразия.

Особенно жутко это отразилось на Юго-Западном фронте, где намечался главный удар.

Там после артиллерийской канонады в масштабе, не слыханном в России, были разрушены неприятельские укрепления. Ударные части, прорвав фронт противника, за два дня боя захватили в плен 300 австрийских офицеров, 18 000 солдат, 29 орудий и много других трофей. Но когда на помощь дрогнувшим австро-венграм пришли немцы, картина сразу изменилась. Толпы озверелых русских солдат, развращенных пропагандой большевиков, ринулись из окопов по всем дорогам в тыл, убивая своих офицеров, грабя население, насилуя женщин.

Ужас происшедшего передавала телеграмма, которую комиссары одной из армий Юго-Западного фронта отправили 9 июля Временному правительству: «Начавшееся 6 июля немецкое наступление на фронте 11-й армии разрастается в неимоверное бедствие, угрожающее, быть может, гибелью революционной России... Большинство частей находится в состоянии все возрастающего разложения. О власти и повиновении нет уже и речи, уговоры и убеждения потеряли силу... На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов с ружьями и без них — здоровых, бодрых, чувствующих себя совершенно безнаказанными. Иногда так отходят целые части... Положение требует самых крайних мер. Сегодня главнокомандующим с согласия комиссаров и комитетов отдан приказ о стрельбе по бегущим. Пусть вся страна узнает правду... содрогнется и найдет в себе решимость беспощадно обрушиться на всех, кто малодушием губит и продает Россию и революцию».[9]

Моральный разгром русского фронта открылся во всем своем потрясающем размере.

То, что произошло на Юго-Западном фронте, повторилось в слегка смягченном виде на Западном, Северном и даже на Румынском фронтах. Русские войска в Румынии, благодаря оторванности от главного очага заразы — Петрограда, дольше сохранили воинский дух. Но зараза проникла и туда.

Ирония судьбы заключалась в том, что к моменту своего морального разложения русская армия оказалась обильно снабженной артиллерией, снарядами, ружьями и патронами. Боевой запас снаряжения, накопленный во время войны невероятными усилия-

ми русского артиллерийского ведомства, достался затем советской власти. Этот запас хватил большевикам на ведение гражданской войны в течение трех лет! Те пополнения, которые советская власть с трудом выкачивала из попавших к ней в руки военных заводов — в условиях смуты и разрухи — были буквально ничтожны. Дрались большевики против Деникина, Колчака, Юденича, Миллера и Врангеля, а потом также против Польши, почти исключительно военным снаряжением, которое заготовлялось к весне 1917 года для других целей, для того чтобы совместно с союзниками разбить германскую армию.

16 июля по инициативе Керенского в Ставке был созвано совещание главнокомандующих и министров, чтобы, выяснив состояние фронта после разгрома, формулировать направление новой военной политики.

Кабинет министров фактически был представлен лишь двумя лицами: Керенским и министром иностранных дел Терещенко. Но к моменту совещания Керенский занимал уже три министерских поста. С уходом князя Львова он только что стал премьером, сохранив за собой должность военного и морского министров. Присутствовал также комиссар Юго-Западного фронта Борис Савинков, уже намеченный тогда на подчиненный Керенскому пост управляющего военным министерством.

Из старшего генералитета в совещании принимали участие Верховный главнокомандующий генерал Брусилов, командующий Западным фронтом генерал Деникин, командующий Северным фронтом генерал Клембовский, генерал Алексеев и Рузский — оба «не у дел», генерал Лукомский. Генерал Корнилов, о котором речь будет впереди, только что принял командование Юго-Западным фронтом и ввиду разразившейся там катастрофы приехать не мог. Он прислал в Ставку на совещание свои письменные соображения.[10]

Настроение у собравшихся было нервное и напряженное. Первое слово предоставлено было генералу Деникину.

Не считаясь с условностями, он развернул на совещании «истинную картину состояния армии во всей ее неприглядной наготе»:

— Я говорил прямо и открыто при самодержавии царском, таким же будет мое слово теперь при самодержавии революционном.

Отбросив карьерные соображения, он смело, с огромным гражданским мужеством произнес длинную, умно построенную и волнующую речь. Доклад его, касаясь мероприятий, приведших армию к развалу, острием своим направлен был против новой власти и нового премьера. Если в двух майских речах Деникина на съезде Союза офицеров в Могилеве звучала нота враждебности, то доклад его в Ставке 16 июля далеко перевалил за эту черту. В нем слышался не только укор, но и вызов.

Генерал Деникин дал картину того, как готовилось наступление на его фронте. Войска при его вступлении в командование оказались совершенно уже развалившимися. В частях царил хаос: солдаты почти в каждом полку обзавелись самогонными спиртными заводами. Пьянство, картежная игра, буйство, грабеж, а иногда убийства стали нормальными явлениями. Когда пришла пора исполнить долг и занять исходное положение для наступления, повсюду заговорил шкурный инстинкт. До десяти дивизий отказались стать в исходное положение. Решившись на крайнюю меру, Деникин увел в тыл и расформировал целый армейский корпус плюс еще одну пехотную дивизию. Таким образом, до начала операции он лишился около 30 тысяч штыков. На смену их он двинул то, что считалось лучшим на всем фронте: две пехотные дивизии. И что же? Одна, дойдя до исходного пункта наступления, на следующий день самовольно ушла обратно. Другая, выставив на позицию один лишь полк, постановила на солдатской сходке — не наступать.

Никогда еще за всю войну не было такого технического и численного преимущества над неприятелем.И что из этого получилось? С болью в сердце описал это Антон Иванович: «В течение трех дней наша артиллерия разгромила вражеские окопы, произвела в них невероятные разрушения, нанесла немцам тяжелые потери и расчистила путь своей пехоте... Прорыв обещал разрастись в большую, так долго жданную победу.

...Но пришла ночь... Тотчас стали поступать... тревожные заявления начальников боевых участков о массовом, толпами и целыми ротами, самовольном уходе солдат с неатакованной первой линии. Некоторые из них доносили, что в полках боевая линия занята лишь командиром полка со своим штабом и несколькими солдатами...

...Никогда еще мне не приходилось драться при таком превосходстве в числе штыков и материальных средств. Никогда еще обстановка не сулила таких блестящих перспектив. На девятнадцативерстном фронте у меня было 184 батальона против 29 вражеских, 900 орудий против 300 немецких...

И все пошло прахом!..

...Третьего дня я собрал командующих армиями и задал им вопрос, могут ли их армии противостоять серьезному наступлению немцев. Получил ответ: нет! Общий голос: у нас нет пехоты.

Я скажу более: *У нас нет армии. И необходимо немедленно во что бы то ни стало создать ее».*

Речь Деникина становилась все сильнее и сильнее. Она обращалась уже лично к новому министру, председателю и военному министру. Нервное напряжение среди присутствовавших достигло своего апогея. Керенский не мог уже смотреть Деникину в глаза. Склонившись над столом, он опустил голову на лежавшие на столе руки. В таком положении оставался он до конца деникинского доклада.

Эти минуты душевного смятения живо описал полковник Генерального штаба Д. Н. Тихобразов, обязанностью которого было вести дословную запись доклада, чтобы составить затем журнал заседания.

«Не удивительно, что нервы Керенского не выдержали. От волнения, моя рука тряслась настолько, что я ни одной буквы больше вывести не мог, как будто сильный электрический ток, проходя по руке, заставил мои мускулы содрогаться. У министра иностранных дел М. И. Терещенко из глаз катились слезы.

А Деникин все громил и громил».[11]

Глядя на Керенского, генерал Деникин продолжал:

«Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это не верно. Армию развалили другие, а большевики — лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках армейского организма. Развалило армию военное законодательство последних четырех месяцев. Развалили лица, по обидной иронии судьбы быть может честные и идейные, но совершенно не понимающие жизни, быта армии, не знающие исторических законов ее существования...

Вскоре после своего нового назначения военный министр сказал мне:

— Революционизирование страны и армии окончено. Теперь должна идти лишь созидательная работа!

...Я позволил себе доложить:

— Окончено, но несколько поздно».

На этом месте генерал Брусилов прервал докладчика:

— Будьте добры, Антон Иванович, сократите ваш доклад, иначе слишком затянется совещание.

Генерал Деникин понял, «что дело не в пространности доклада, а в его рискованной сущности», и ответил:

— Я считаю, что поднятый вопрос — вопрос колоссальной важности. Поэтому прошу дать мне возможность высказаться полностью, иначе я буду вынужден прекратить вовсе доклад.

Наступившее молчание он счел за разрешение и продолжал:

«Объявлена декларация прав военнослужащих. Все до одного военные начальники заявили, что в ней гибель армии... Но нас никто не слушал.

...В результате целого ряда законодательных мер упразднена власть и дисциплина, оплеван офицерский состав, которому ясно выражено недоверие и неуважение. Высшие военачальники, не исключая главнокомандующих, выгоняются, как домашняя прислуга.

...В одной из своих речей на Северном фронте военный министр, подчеркивая свою власть, обмолвился знаменательной фразой:

— Я могу в 24 часа разогнать весь высший командный состав, и армия мне ничего не скажет.

В речах, обращенных к войскам Западного фронта, говорилось: «В царской армии вас гнали в бой кнутом и пулеметами... Царские начальники водили вас на убой, но теперь драгоценна каждая капля вашей крови».

Я, главнокомандующий, стоял у пьедестала, воздвигнутого для военного министра, и сердце мое больно сжималось. А совесть моя говорила: это неправда! Мои железные стрелки, будучи в составе всего лишь восьми батальонов, потом — двенадцати, взяли более 60 тысяч пленных, 43 орудия... и я никогда не гнал их в бой пулеметами. Я не водил на убой войска под Мезо-Лаборчем, Луто-

виско, Луцком, Чарторыйском. Эти имени хорошо известны бывшему главнокомандующему Юго-Западным фронтом [генералу Брусилову].

Я позволю себе одну параллель...»

И тут генерал Деникин описал случай, когда член Петроградского Совета Соколов, один из составителей знаменитого Приказа № 1, приехал с другими делегатами в один из наиболее разложившихся полков Западного фронта, чтобы поднять воинский дух этой части. Солдаты, не желавшие наступать, Соколова нещадно избили. Военный министр Керенский «в грозных речах и приказах осудил позорное поведение» этого полка и послал сочувственную телеграмму Соколову.

А вот другая картина.

«Я помню, — с укором глядя на Керенского, гремел Деникин, — я помню хорошо январь 1915 года под Лутовиско. В жестокий мороз, по пояс в снегу, однорукий бесстрашный герой полковник Носков рядом с моими стрелками под жестоким огнем вел свой полк в атаку на отвесные неприступные скаты высоты 804... Тогда смерть пощадила его. И вот теперь пришли две роты, вызвали генерала Носкова, окружили его, убили и ушли.

Я спрашиваю господина военного министра: обрушился ли он всей силой своего пламенного красноречия, обрушился ли он всей силой гнева и тяжестью власти на негодных убийц, послал ли он сочувственную телеграмму несчастной семье павшего героя?

И когда у нас отняли всякую власть, всякий авторитет, когда обездушили, обескровили понятие «начальник», вновь хлестнули нас больно телеграммой из Ставки: начальников, которые будут проявлять слабость перед применением оружия, смещать и предавать суду...

Нет, господа! Тех, которые в бескорыстном служении Родине полагают за нее жизнь, вы этим не испугаете!

В конечном результате старшие начальники разделились на три категории: одни, невзирая на тяжелые условия жизни и службы, скрепя сердце до конца дней своих исполняют честно свой долг; другие опустили руки и поплыли по течению; а третьи, — тут Деникин перевел свои глаза на Брусилова, — неистово машут красным флагом и по привычке, унаследованной со времен татар-

ского ига, ползают на брюхе перед новыми богами революции так же, как ползали перед царями.

Офицерский состав... мне страшно тяжело говорить об этом кошмарном вопросе. Я буду краток. Соколов, окунувшийся в войсковую жизнь, сказал:

— Я не мог и представить себе, какие мученики ваши офицеры... Я преклоняюсь перед ними.

...Армия развалилась. Необходимы героические меры, чтобы вывести ее на истинный путь».

В этом месте своего доклада генерал Деникин изложил те меры, которые он считал необходимыми для оздоровления армии.

1) Сознание своей ошибки и вины Временным правительством, не понявшим и не оценившим благородного и искреннего порыва офицерства, радостно принявшего весть о перевороте и отдающего несчетное число жизней за Родину.

2) Петрограду, совершенно чуждому армии, не знающему ее быта, жизни и исторических основ ее существования, прекратить всякое военное законодательство. Полная власть Верховному Главнокомандующему, ответственному лишь перед Временным правительством.

3) Изъять политику из армии.

4) Отменить «декларацию» в основной ее части. Упразднить комиссаров и комитеты, постепенно изменяя функции последних.

5) Вернуть власть начальникам. Восстановить дисциплину и внешние формы порядка и приличия.

6) Делать назначения на высшие должности не только по признакам молодости и решимости, но вместе с тем по боевому и служебному опыту.

7) Создать в резерве начальников отборные, законопослушные части трех родов оружия, как опору против военного бунта и ужасов предстоящей демобилизации.

8) Ввести военно-революционные суды и смертную казнь для тыла — войск и гражданских лиц, совершающих тождественные преступления».

Перечислив эти пункты, генерал откровенно заявил, что меры, им предложенные, далеко не сразу принесут желаемые результаты, но что они дадут основание и опору для создания сильной армии, от которой зависит судьба страны.

В заключение, обратившись к присутствовавшим на Совещании министрам и в их лице к Временному правительству, Деникин с нескрываемым волнением закончил свою речь следующими словами:

«Ведите русскую жизнь к правде и свету под знаменем свободы! Но дайте и нам реальную возможность за эту свободу вести в бой войска под старыми нашими боевыми знаменами, с которых — не бойтесь! — стерто имя самодержца, стерто прочно и в сердцах наших. Его нет больше. Но есть Родина. Есть море пролитой крови. Есть слава былых побед.

Но вы — вы втоптали наши знамена в грязь. Теперь пришло время: поднимите их и преклонитесь перед ними, если в вас есть совесть!»

Доклад был окончен. Он захватил слушателей глубиной душевной драмы оратора, его искренностью и честностью, трагизмом картины, которую так живо и ярко он передал. Среди присутствовавших нервность и возбужденность достигли крайних пределов. Все сидели в зачарованном оцепенении. Первым очнулся Керенский. Он встал и с протянутой рукой подошел к Деникину:

— Благодарю вас, генерал, за ваше смелое и искреннее слово.

Сам Деникин настолько был взволнован, что просил на четверть часа оставить совещание, чтобы привести свои нервы в порядок.

В своем дневнике генерал Алексеев записал: «Если можно так выразиться, Деникин был героем дня». В том же дневнике имеется следующая заметка: «Керенский в конце первой части совещания... коснулся вскользь упрека, столь откровенно брошенного ему в лицо Деникиным. За массою дела я сочувственной телеграммы семье генерала Носкова действительно не послал, но, относясь строго беспристрастно к офицерскому составу армии, я отдал распоряжение об обеспечении семьи убитого».[12]

Впоследствии Керенский объяснял свой жест пожатия руки Деникина желанием избежать скандала и в то же время как подчеркнутый знак уважения ко всякому независимому взгляду, хотя бы идущему вразрез с точкой зрения правительства. Керенский говорил потом, что «генерал Деникин впервые начертал программу реванша — эту музыку будущей военной реакции».[13]

В целях сохранения «военной тайны», речь генерала Деникина не была приведена в газетах. Но содержание ее не могло остаться в секрете. Слишком большое впечатление произвела она на тех, кто ее слышали.

Гражданское мужество Деникина, не боявшегося резать правду в глаза, выдвигало его в первые ряды открытой оппозиции к безответственным действиям Временного правительства и главы его — Керенского. Но в речи Деникина не было и тени каких-либо реставрационных вожделений или «будущей военной реакции». Был лишь протест против отсутствия борьбы с разрушительными силами надвигавшейся анархии; давалась также суровая формула тех мер, которые, в понятии Деникина, могли вернуть армии ее боеспособность.

Какой же результат дала конференция в Ставке?

После Деникина говорили на ту же тему, но в более сдержанной форме, генералы Клембовский, Алексеев и Рузский.

Потом прочли письменные соображения отсутствовавшего генерала Корнилова. Он указывал на необходимость ввести смертную казнь в тылу, чтобы обуздать разнузданные части тыловых войск. В остальном программа Корнилова вполне совпадала с пожеланиями, высказанными генералом Деникиным. Было в ней, однако, два существенных пункта, которые у Деникина отсутствовали: Корнилов предлагал: 1) усилить роль комиссаров, дав им право утверждать приговоры военно-революционных судов; 2) произвести в армии генеральную чистку командного состава.

Совершенно того не желая, генерал Корнилов своей программой создал ложное впечатление у Керенского. Керенский решил, что, не в пример другим, появился наконец на горизонте генерал, взгляды которого своей широтой и глубиной, соответствовали требованиям момента. Корнилов отсутствовал и не мог лично разъяснить, что предлагавшаяся им «чистка» острием своим направлялась против «наемников революции», то есть оппортунистов, плывших по течению, а не против офицеров старых военных традиций, которых Керенский ошибочно склонен был отождествлять с монархистами и реакционерами.

Таким образом, заочно и невольно — в недоговоренных намерениях каждой из сторон — началось то недоразумение, которое в течение ближайшего месяца завершилось фатальным разрывом между Керенским и Корниловым.

Затем говорил Борис Савинков, бывший террорист, человек решительный и волевой, уже разочарованный в ходе революции, но еще не вышедший из партии социалистов-революционеров, уже скептически относившийся к двойственной политике Керенского, но по партийным соображениям еще готовый его поддержать.

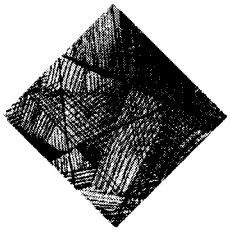
Речь Деникина он считал убедительной и сильной, но, видя в ней критику Временного правительства, отказывался ее приветствовать.[14] Он был комиссаром Юго-Западного фронта, видел ужас Тарнопольского разгрома, понимал, что «русская армия погибает», и выдвигал идею твердой революционной власти.

Заключительное слово произнес Керенский. Речь Керенского генерал Деникин описал следующим образом: «Он оправдывался, указывал на неизбежность и стихийность демократизации армии, обвинял нас, видевших, по его словам, источник июльского поражения исключительно в революции и ее влиянии на русского солдата, жестоко обвинял старый режим и в конце концов не дал нам никаких отправных точек для дальнейшей совместной работы».

«Все участники совещания, — говорил Деникин, — разошлись с тяжелым чувством взаимного непонимания. И я — с не меньшим. Но в душе осталось — увы, оказавшееся ошибочным — сознание, что голос наш все-таки услышан».[15]

Глава VIII

СТАВКА НАМЕЧАЕТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ



Совещанию в Ставке предшествовало несколько важных событий.

Начиная с июня месяца обстановка в столице изменилась настолько, что конфликт между буржуазно-либеральными кругами и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов перекинулся, по выражению Милюкова, «на одну степень дальше». Нарастал конфликт между умеренными социалистами, руководителями Петроградского Совета, и численно ничтожной, но крепко организованной партией большевиков. Ленин уже в июне на съезде Советов заявил, что его партия готова взять власть в свои руки. В распоряжении Ленина тогда еще не было вооруженной силы; и естественно, что внимание свое он обратил на гарнизон Петрограда и на столичных рабочих, вполне готовых к действию.

Вооруженное выступление началось 3 июля. Произошло оно, по-видимому, само по себе, даже отчасти помимо большевиков. Но, чтобы овладеть движением и направить его в желанное русло, большевики сразу же решили стать во главе восстания. Курьез заключался в том, что в толпу был брошен лозунг — «Вся власть Советам!». Этот лозунг шел вразрез с действительностью: членами Петроградского Совета были, в основном, меньшевики и представители правого крыла социалистов-революционеров, враждебно настроенных к большевикам, желавших ликвидировать их восстание и совершенно не желав-

ших брать власть в свои руки. Так или иначе, она — эта власть — уже находилась в их полном подчинении. Министры-социалисты фактически были ответственны в своих действиях перед Петроградским Советом. Совет принимал решения, а социалисты, входившие в правительство, являлись лишь исполнителями его воли. Члены Совета из партии меньшевиков, следуя научным тезисам марксизма, продолжали считать, что при существовавших условиях экономического развития России, при ее отсталом производстве возможна лишь буржуазная революция и что общее положение в стране не созрело для перехода к социализму. Но толпа, высыпавшая на улицы Петрограда, не вникала в тонкости доктринерских предпосылок. Она нетерпеливо хотела тут же преобразить русскую революцию из политической в социальную. А так как лозунг большевиков ясно гласил: «Вся Власть Советам!» — то толпа желала сразу провести этот лозунг в жизнь. Окружив Таврический дворец, где заседал Совет, она бурно требовала, чтобы Совет немедленно забрал всю власть в свои руки.

Среди видных участников заседания в Совете был Виктор Чернов, социалист-революционер, и министр земледелия Временного правительства. Когда он вышел на улицу из Таврического дворца, чтобы успокоить толпу, то какой-то рыжий детина подступил к нему и, поднеся кулак к носу Чернова, истошным голосом завопил: «Принимай, сукин сын, власть, коли дают!»[1]

Этот символический жест довольно верно отражал сумбурное настроение толпы.

Мы упомянули здесь имя Виктора Чернова, так как в дальнейшем нам придется еще несколько раз с ним бегло встретиться. До 1917 года он был одни из левых политических эмигрантов царской России и принадлежал к лагерю «пораженцев». Ходили слухи о причастности Чернова к знаменитым экспроприациям 1906—1907 годов.

Говорили об участии его в событии Фонарного переулка в Петербурге, где в октябре 1960 года левое крыло социалистов-революционеров для пополнения своей кассы с оружием в руках, со взрывом и убийством захватило в Банке взаимного кредита 400 000 рублей, предназначавшихся для пересылки в Государственный банк.[2]

После февральской революции, опасаясь его демагогического влияния, союзники пытались не пропустить Чернова из-за границы обратно в Россию, так же, как они пытались не пропустить в

Россию Троцкого. Действовали союзники на основании «контрольных списков», где числились лица, заподозренные в сношениях с неприятелем. Но Временное правительство признало возможным возвращение в Россию всех политических эмигрантов без различия их взглядов на войну.

В роли министра Временного правительства «селянского» министра — как его тогда называли — Чернов, не дожидаясь Учредительного собрания, начал проводить земельную программу партии эсеров вразрез со всеми принципами частной собственности.

Еще в апреле месяце член французского правительства социалист Альбер Томб привез в Петроград информацию союзной разведки, где указывалось на связь между германским Генеральным штабом и Лениным. В мае такие же сведения пришли в столицу из Ставки от генерала Деникина. В июле, в момент восстания, министр юстиции Временного правительства социалист-революционер П. М. Переверзев, боясь, что повстанцы смогут одержать верх и решив, что настало время открыто дискредитировать большевиков, заявил представителям печати о связи между большевиками и немцами.

Нет сомнения, что большевики получали от германского правительства различными окольными и засекреченными путями крупные денежные субсидии для своей подрывной работы в России. Но, оправдывая кличку «предателей», они все же не заслуживали прозвища «платных немецких агентов».

Деньги они от немцев получали, но и на германское золото большевики проводили свою собственную программу мировой революции.

Разоблачения Переверзева подействовали на некоторые войсковые части Петроградского гарнизона. Отбросив нейтралитет, они пошли против большевиков.

С их помощью, но главным образом с помощью надежного казачьего полка и юнкеров, удалось справиться с восстанием. Вождей большевистской партии предполагалось арестовать. Но пока эти шаги предпринимались, прокурор Петроградской судебной палаты Н. С. Каринский по телефону предупредил своего приятеля, большевика Бонч-Бруевича, о том, что Ленину грозит арест и следствие.[3]

Разумеется, Ленин немедленно скрылся. Скрылся с ним и Зиновьев. Правительству все же удалось арестовать Троцкого, Каменева, Луначарского.

Через несколько дней после июльского восстания по всей России пронеслась страшная весть, что наступление на фронте закончилось ужасающей катастрофой. В этой трагедии большевики также сыграли далеко не последнюю роль.

Шок от большевистской попытки захватить власть, шок от разгрома на фронте больно ударили по оскорбленному национальному самолюбию. Одновременно всплыли на поверхность сепаратистские стремления некоторых национальностей, входивших в состав Российской империи, и в первую очередь, Финляндии и Украины.

Реакция против предательской деятельности большевиков давала надежду на установление в стране твердой национальной власти. Открыто говорили о желательности диктатуры. Отсутствие других кандидатов выдвигало на первый план Керенского, который продолжал лавировать между двумя враждующими лагерями — буржуазным и социалистическим. В провинции его популярность стояла еще высоко.

Умеренные социалисты в Совете верили, что Керенский не даст «завоеваний революции». Исполнительный комитет Совета даже одобрил, чтобы правительство, возглавляемое Керенским, называлось «правительством спасения революции». Либеральные же круги не имели еще своего кандидата на роль диктатора. Они скептически относились к Керенскому. Но готовы были поддержать его, предполагая, что печальный опыт последних дней толкнет Керенского к переходу от бесконечных слов к делу. Без особенной в этом уверенности они все же надеялись, что, благодаря сложившимся обстоятельствам, Керенский должен будет проявить хоть какой-то признак государственного мышления и стать на широкую национальную платформу, отбросив в сторону зависимость от всяких Советов и комитетов.

И действительно, первые его шаги на посту премьера, казалось, подтверждали эту надежду. Керенский добился от Совета рабочих и солдатских депутатов «неограниченных полномочий для восстановления организации и дисциплины в армии, решительной борьбы со всякими проявлениями контрреволюции и анархии». Уступка

эта была сделана Советом не столько из любви к Керенскому, сколько от страха, что разгром на фронте может вызвать диктатуру, которая выйдет из армии и займется ликвидацией всяких революционных учреждений.

Были закрыты большевистские газеты, введена цензура, на фронте восстановлена смертная казнь («на время войны для военнослужащих за некоторые тягчайшие преступления»).

Симптоматична была маленькая деталь: став премьером, Керенский переехал на жительство в Зимний дворец, путешествовать начал в бывшем императорском поезде, с подчиненными стал обращаться пренебрежительно и высокомерно. Молниеносная карьера Керенского вскружила ему голову. Честолюбие и тщеславие в их мелочной непривлекательности всплыли у этого человека на поверхность.

Первым примером этому был приезд его в Ставку на уже известное нам совещание 16 июля.

Подавленный разыгравшейся на фронте драмой, занятый разбором груды текущих дел и подготовкой к совещанию, Брусилов не встретил Керенского на станции в Могилеве. Он послал своего генерала для поручений, чтобы доложить министру-председателю, что у генерала Брусилова срочная работа и что он просит Керенского приехать прямо на заседание. Керенского это взорвало.

Отсутствие на вокзале торжественной встречи, почетного караула и Верховного Главнокомандующего он счел за демонстрацию. С вокзала в Ставку по телефону пришло приказание премьера, чтобы Брусилов немедленно явился к нему в поезд с докладом. Бывшему с ним в вагоне Терещенко Керенский бросил фразу, что при царе, мол, эти генералы не посмели бы себя так нагло держать. А теперь позволяет себе игнорировать председателя правительства.

Свое неудовольствие Керенский проявил надменной позой, небрежно развалившись на диване в своем салон-вагоне и едва приподнявшись, чтобы с ним поздороваться.[4]

Ставя свое личное самолюбие на первый план, Керенский заставил всех генералов, приехавших в Могилев на срочное совещание, ждать себя почти целый час.

Двумя днями позже Брусилов был смещен с поста Верховного Главнокомандующего. Его преемником стал генерал Лавр Георгиевич Корнилов.

Деникин был прав, когда в своей речи 16 июля бросил упрек Керенскому, что «высшие начальники, не исключая главнокомандующих, выгоняются как домашняя прислуга».[5]

В жизни Антона Ивановича никто не сыграл такой огромной и захватывающей роли, как генерал Корнилов. Обаяние его суровой личности с невероятной силой ворвалось в душу Деникина — обычно уравновешенную, а тогда измученную, оскорбленную и метущуюся — и, найдя в ней горячий отклик, связало судьбу двух выдающихся русских людей в одном порыве: бороться за возрождение России.

На первый взгляд наружность Корнилова не привлекала к себе внимания. В ней не было ничего величественного, ничего героического. Просто небольшого роста генерал, худощавый, с немного кривыми ногами. В чертах лица явно монгольский тип, особенно в глазах, скулах, в желтоватом оттенке кожи, в усах и жидкой бороде, едва прикрывавшей подбородок. Руки маленькие, с худыми, нервными и длинными пальцами, голос с резкими нотками. Но в некрасивом лице его была какая-то оригинальность. Не проблеском мысли поражал он случайного посетителя, а каким-то внутренним зарядом энергии и силы воли, скрытыми за фасадом сухой и хмурой фигуры. Говорил он мало. Беседа его, всегда простая, без лишних слов, сразу располагала к нему слушателя своей искренностью и честностью. Чувствовался бесхитростный и горячий патриот, человек исключительно прямой и решительный, волевой и твердый. По натуре своей Корнилов, несомненно, был вождем, в присутствии которого люди весьма не робкого десятка как-то стушевывались и отходили на задний план. Прекрасный боевой генерал, Корнилов в делах политики был чрезвычайно неискушенным и наивным. С доверием подходил он к окружающим, плохо разбирался в людях.

В нем было честолюбие, была и властность, а со славой появилось и убеждение, что именно ему — генералу Корнилову — суждено вывести Россию из революционного тупика на путь возрождения. Но вера в собственную судьбу не исходила из мелочных побужде-

ний. Любовь к родине стояла у него на первом месте, и миссию свою он видел лишь как служение ей, как жертвенный подвиг.

В глазах буржуазно-либеральных кругов и значительной части офицерства колоритная фигура Корнилова преломлялась в облик одного из тех революционных генералов, которые, обуздав эксцессы революции, закрепляли ее положительные достижения. Было известно, что к старому строю в России Корнилов относился отрицательно и о реставрации не помышлял.

С Деникиным его связывали воспоминания первых месяцев войны. Дивизия Корнилова и бригада Деникина входили тогда в состав того же 24-го армейского корпуса. В течение четырех месяцев их части действовали рука об руку, и совместная работа сблизила обоих генералов.

Новый Верховный Главнокомандующий, как и генерал Деникин, был сыном простого крестьянина, дослужившегося в армии до офицерского чина. На два года старше Деникина, он был из сибирских казаков, родился в Усть-Каменогорске, уездном городе Семипалатинской области, при впадении реки Ульбы в Иртыш. Так же, как у Деникина, детство Корнилова прошло в большой бедности. Оба они вышли из «армейских низов». Деникин был единственным ребенком в семье; у Корнилова же были младшие братья и сестры. С детских лет ему пришлось ходить и присматривать за ними, помогая в то же время матери по хозяйству. Но затем наступил просвет: в 1883 году его приняли в Омский кадетский корпус, а по окончании корпуса — в Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. И корпус, и училище он окончил первым и вышел офицером в одну из артиллерийских бригад со стоянкой в Туркестане. Как и Деникин, он делился своим скудным жалованием с семьей, в свободное время готовился к поступлению в Академию Генерального штаба. Кроме того, Корнилов занялся изучением туркменского языка, что впоследствии принесло ему большую пользу. Окончив Академию, Корнилов — офицер Генерального штаба — в 1898 году вернулся на службу в Туркестанский военный округ. И тут началась та серия блестящих военных разведок-приключений, которые вскоре принесли молодому офицеру большую известность.

Однажды, переодевшись туземцем, рискуя быть пойманным, а потому рискуя жизнью, Корнилов верхом отправился через афганскую

границу раздобыть сведения о вновь построенной афганской крепости на реке Аму-Дарья. Через три дня капитан Корнилов, проделав 400 верст, доставил своему начальству фотографии крепости, составив подробное описание дороги и кроки всей местности.

Изучая области, прилегавшие к азиатской границе России: район Кушки, китайский Туркестан, восточную часть Персии и Белуджистан — Корнилов приобрел известность как путешественник-исследователь, прошедший в своих скитаниях невероятно трудные препятствия, безводные пустыни, и как автор научного труда «Кашгария и Восточный Туркестан».

Война с Японией принесла Корнилову боевой почет и Георгиевский крест 4-й степени. Вскоре после японской войны его назначили военным агентом в Китай. И там, по старой привычке, Корнилов объездил верхом всю Монголию и большую часть Китая. Во всех его скитаниях по Азии монгольские черты лица и знание туркменского языка давали ему возможность не обращать на себя излишнего внимания местного населения.

На войну 1914 года Л. Г. Корнилов вышел командиром бригады и через месяц получил в командование 48-ю пехотную дивизию. В апреле 1915 года, прикрывая брусиловское отступление из-за Карпат, дивизия генерала Корнилова была окружена. Благодаря геройским усилиям своего начальника она задерживала противника, пытаясь в то же время прорваться к своим, но огнем неприятеля была почти уничтожена. Сам Корнилов был тяжело ранен и с остатком своего войска взят в плен австрийцами.

Оправившись от ранения, Корнилов составил план бегства. При помощи сообщников ему посчастливилось раздобыть одежду и шинель австрийского солдата и фальшивые документы. Ему удалось затеряться в набитом солдатами поезде, шедшем на восток. Но, боясь быть опознанным (телеграммы о его побеге были разосланы по всей Австро-Венгрии), решил оставить поезд и пробираться дальше пешком.

Румыния еще не вступила в войну, и Корнилов хотел продвигаться к румынской границе. Днем он скрывался в полях и лесах, питаясь чем попало, а ночью по звездам двигался на восток. Наконец, уже вблизи границы, Корнилов наткнулся на пастухов со стадом. Эта встреча могла для него кончиться катастрофой.

Но, к счастью Корнилова, пастухи оказались не австрийцами и не венграми. он рассказал им придуманную историю, что якобы он дезертир, бежит из Австрии и пробирается в Румынию, и пастухи показали, как лучше пробраться через границу, избежав встречи с пограничными войсками.

Фантастический план побега удался. Генерал Корнилов вернулся в Россию в июле 1916 года. Он стал не только знаменитостью, но и народным героем. За доблесть получил орден Св. Георгия 3-й степени и вскоре был назначен командиром 25-го армейского корпуса.[6]

Сразу после революции ему было предложено стать во главе Петроградского военного округа. 2 марта, минуя Ставку и генерала Алексеева, М. В. Родзянко послал телеграмму непосредственно Корнилову: «Необходимо... для спасения столицы от анархии, — писал Родзянко, — назначить на должность главнокомандующего Петроградским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения. Комитет Государственной думы признает таким лицом Ваше Превосходительство, как известного всей России героя. Временный Комитет просит вас во имя спасения родины не отказаться принять на себя должность главнокомандующего в Петрограде...»

Корнилов предложение принял. Но небывалый факт назначения на высокий военный пост, минуя верховное командование, оскорбил генерала Алексеева. Покоробило его также то, что Корнилов без разрешения Ставки дал свое согласие. Не желая вступать в пререкания, но считая нужным подчеркнуть свое неодобрение, Алексеев, отдал приказ: «Допускаю ко временному главнокомандованию войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенанта Корнилова».

А. И. Деникин, близко знавший обоих генералов, отметил, что этот случай был первым из целого ряда эпизодов, повлиявших впоследствии на взаимоотношения между Алексеевым и Корниловым.[7]

Генерал Корнилов приступил к исполнению новых обязанностей. Но гарантии, данные Временным правительством разнузданному гарнизону Петрограда не посылать его на фронт, оставить в столице для «защиты революции», препятствовали Корнилову на-

вести там порядок. Разогнать гарнизон он не имел права, а привлечь его к себе мог только демагогическим приемом, что шло вразрез с его натурой. Боевому генералу, не искушенному в политике, была чужда разлагающая атмосфера столицы. Ему претило растущее влияние Совета на аморфное правительство. И когда в конце апреля Петроградский Совет постановил, что воинские части не могут выходить из казарм с оружием без разрешения Совета, Корнилов решил распрощаться со столицей. Подчиняться такому постановлению он не желал.

Перед уходом с поста военного министра А. И. Гучков пытался устроить Корнилову назначение на должность командующего Северным фронтом на место уволенного со службы генерала Рузского. Гучков считал желательным, как говорил потом генерал Деникин (бывший тогда начальником штаба Верховного Главнокомандующего), — «оставить Корнилова в непосредственной близости к Петрограду ввиду всяких политических возможностей в будущем». Однако этому категорически воспротивился генерал Алексеев. Он указывал «на неудобство обходить старших начальников и на недостаточный командный опыт Корнилова».

Этот эпизод явился вторым из серии других, наложивший отпечаток на чувства Корнилова к Алексееву.

В начале мая генерал Корнилов получил в командование знаменитую 8-ю армию, которая за время войны создала громкие имена Брусилову, Каледину, Деникину и самому Корнилову. Но зараза, шедшая из Петрограда, коснулась к тому времени и 8-й армии. Тем не менее в конце июня Корнилов повел эту армию в наступление. 28 июня прорвал австрийский фронт, захватив в плен 150 офицеров, 10 тысяч солдат и около 100 орудий.

Через несколько дней произошла катастрофа. В ночь на 8 июля Корнилов был срочно назначен вместо уволенного командующего Юго-Западным фронтом. Вступив в новую должность, Корнилов немедленно потребовал восстановление смертной казни на фронте. 11 июля он телеграфировал правительству: «Армия обезумевших темных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражения, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская

армия еще не знала с самого начала своего существования... Меры правительственной кротости расшатали дисциплину, они вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдерживаемых масс. Эта стихия проявляется в насилиях, грабежах и убийствах... Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценой гибели немногих изменников, предателей и трусов».

В этой же телеграмме Корнилов требовал немедленного прекращения наступления на всех фронтах «для сохранения и спасения армии и для ее реорганизации на началах старой дисциплины».

Не дожидаясь ответа, Корнилов отдал приказ расстреливать дезертиров и грабителей. Одновременно он сформировал ударные батальоны из добровольцев и юнкеров. Их целью была борьба с безобразиями на фронте. В районе военных действий он запретил митинги и начал разгонять их силой оружия.

Только что переживший ужас разгрома на своем фронте, генерал Деникин с чувством глубокого одобрения следил за действиями Корнилова. «Мероприятия, — писал он, — введенные генералом Корниловым самочинно, его мужественное прямое слово, твердый язык, которым он, в нарушение дисциплины, стал говорить с правительством, а больше всего решительные действия — все это чрезвычайно подняло его авторитет в глазах широких кругов либеральной демократии и офицерства; даже революционная демократия армии, оглушенная и подавленная трагическим оборотом событий, в первое время после разгрома увидела в Корнилове последнее средство, единственный выход из создавшегося отчаянного положения».

Два сильных человека — Деникин и Корнилов, — хорошо знавшие друг друга, в эти жуткие дни почувствовали, что волею судьбы их дальнейшие усилия неизбежно направятся к совместному подвигу служения Родине и к тяжелому крестному пути. В офицерской среде Деникин фактически был «предтечей» Корнилова. Первым поднял он голос протеста против развала армии, первым формулировал военные требования, которые — выражаясь его же словами — были высказаны правительству «твердым языком в нарушение дисциплины». К требованиям Деникина Корнилов отнесся с восторгом: «С искренним и глубоким удоволь-

ствием, — писал он, — я прочел ваш доклад, сделанный на совещании в Ставке 16 июля. Под таким докладом я подписываюсь обеими руками, низко вам за него кланяюсь и восхищаюсь вашей твердостью и мужеством. Твердо верю, что с Божьей помощью нам удастся довести до конца дело воссоздания родной армии и восстановить ее боеспособность».

В служении родине личные мотивы у Деникина всегда уходили на задний план. Добровольно и безоговорочно уступил он первенство Корнилову. С чувством долга старого солдата подчинился ему; с верностью и любовью шел за ним; и сменил его лишь тогда, когда вражеская граната в начале гражданской войны унесла жизнь Корнилова.

12 июля, на следующий день после телеграммы Корнилова, правительство восстановило смертную казнь на фронте.

16 июля было совещание в Ставке. В ту же ночь, возвращаясь из Могилева в Петроград, Керенский решил сменить Брусилова. В поезде с Керенским ехал Борис Савинков, комиссар Юго-Западного фронта, уже намеченный на должность управляющего Военным министерством.

Бывший террорист присмотрелся к Корнилову на фронте. Он пришел к заключению, что «именно Корнилов и может быть, единственно он, был способен в этот период времени возродить боевую способность армии».[8]

Имя Корнилова было известно Керенскому с юных лет. Ребенком он переехал из Симбирска, где родился, в Ташкент, куда отец его, Федор Михайлович Керенский, назначен был в 1889 году главным инспектором школ Туркестанского учебного округа. Керенскому было 17 лет, когда весь русский Туркестан заговорил о Корнилове и об его отважных разведках и приключениях. Затем война, доблесть на фронте, легендарный побег из австрийского плена. Все это создало ореол героя вокруг имени Корнилова. Потом энергичные меры на Юго-Западном фронте по борьбе с анархией. Наконец, корниловская программа оздоровления армии, прочитанная в отсутствии Корнилова на совещании в Ставке. Она говорила, между прочим, об усилении роли комиссаров и о «чистке» командного состава. Темы эти приятно звучали в ушах Керенского.

Правда, Корнилов не слишком ласково (то есть попросту очень холодно) принял Керенского, когда тот перед наступлением объезжал с восторженными речами войска 8-й армии. Но настойчивое давление Савинкова все же решило вопрос в пользу Корнилова. Положение на фронте было катастрофическое. Во главе войск надо было немедленно поставить человека решительного и смелого. По командному стажу и широкому опыту в Ставке генерал Деникин больше других подходил к этой роли. Но его резкая прямолинейность настроила против него Петроградский Совет, а также министров-социалистов. Речи Деникина, несомненно, задели и щекотливое самолюбие главы правительства. Характер же Корнилова в его полном объеме (а именно то, что «он готов идти напролом») был тогда Керенскому еще неизвестен.

Возможно, что Керенский надеялся использовать Корнилова как рычаг, для того чтобы остановить разложение армии, тем самым укрепить свое собственное положение, а затем спокойно отделаться от этого генерала, как удалось избавиться от его предшественников. Но такая иллюзия, если она действительно была (как это многие предполагали), рассеялась в тот самый момент, как Корнилов вступил в Верховное командование.

Даже до принятия этой должности Корнилов послал ультимативную телеграмму правительству, где докладывал, что примет командование лишь при следующих условиях:

1. Ответственности перед собственной совестью и всем народом.
2. Полного невмешательства в его оперативные распоряжения и поэтому в назначение высшего командного состава.
3. Распространения принятых за последнее время мер на фронте и на все местности тыла, где расположены пополнения армии.
4. Принятие его предложений, переданных телеграфно на совещание в Ставку 16 июля.[9]

«Прочтя в свое время в газетах эту телеграмму, — писал генерал Деникин, — я был немало удивлен содержанием первого пункта требований, устанавливавшего весьма оригинальную государственно-правовую форму суверенитета Верховного командования вплоть до Учредительного собрания. И ждал с нетерпением официального ответа».[10]

Нетерпение генерала Деникина, находившегося тогда со своим штабом в Минске, разделяла вся читающая газеты публика. Все насторожились и ждали реакцию правительства, чтобы понять, готово ли оно идти в ногу с Верховным командованием к твердой власти, или — по примеру прошлого — следовать по стопам Петроградского Совета.

Происходила сложная закулисная игра, но по всем признакам можно было заключить, что в отношениях между правительством и Корниловым не все обстояло благополучно. А на самом деле произошло следующее.

Получив первое требование Корнилова, Керенский пришел в бешенство. Он хотел тут же отрешить его от командования. Но этому воспротивился Борис Савинков и некоторые другие члены правительства.

Следует отметить, что Савинков импонировал Керенскому своими революционными заслугами. В партии эсеров Керенский был новичком. Савинков же — старый ветеран — считал свои политические аресты, ссылки и бегства из царских тюрем, начиная с конца девяностых годов прошлого века. Террористической деятельностью он занимался с 1903 года, и — по собственному признанию — «принимал участие в убийстве министра внутренних дел Плеве, в убийстве великого князя Сергея Александровича, в подготовке покушения на адмирала Дубасова и во многих других террористических актах, в том числе в нескольких неудачных покушениях на Николая II».[11]

При назначении Савинкова на пост управляющего Военным министерством Керенским, несомненно, руководило желание застраховаться. С одной стороны, Военное министерство было в твердых «революционных» руках; с другой в случае надобности независимый Савинков не постеснялся бы принять решительные меры против контрреволюции, откуда бы она ни исходила. Левое крыло Петроградского Совета это отлично понимало. Оно не любило Савинкова, не слишком ему доверяло, но тем не менее относилось к нему с почтительной опаской. Таким образом, участие Савинкова в правительстве должно было служить — по крайней мере в теории — сдерживающим началом для беспокойных элементов как справа, так и слева.

По настоянию Савинкова, Керенский частично уступил Корнилову. Умалчивая о других пунктах корниловских требований, он телеграфно признал за генералом право выбора высшего командного состава. Но в тоже время Корнилов узнал, что без его ведома заместителем ему на Юго-Западном фронте назначен был Керенским генерал Черемисов.

На этот раз возмутился Корнилов. Он увидел прямое нарушение только что закрепленных за ним прерогатив и потребовал немедленного удаления Черемисова, грозя в противном случае не принять пост Верховного. В принципе, он был, конечно, прав, забыв, очевидно, что в марте месяце сам он получил свое назначение в Петроград без ведома генерала Алексеева.

Чтобы уладить конфликт, к Корнилову был послан один из крупных военных комиссаров, Филоненко. Он объяснил, что назначение Черемисова произошло одновременно с назначением Корнилова, но пожелания генерала Корнилова приняты, Черемисов будет отчислен в распоряжение Временного правительства, остальные пункты корниловской программы будут подробно рассмотрены в ближайшее время.

На вопрос, что именно Корнилов подразумевал под «ответственностью перед собственной совестью и народом», он ответил, что имел в виду ответственность пред Временным правительством, облеченным доверием народа. Это туманное объяснение не вызвало возражений и дальнейших вопросов. Однако оно ясно намекало на то, что генерал Корнилов не считал правительство в тогдашнем его составе истинным выразителем народной воли.

Тем не менее правительство заявило печати, что соглашение с генералом Корниловым достигнуто.

Компромисс, основанный на взаимной недоговоренности, не сулил прочного сотрудничества.

24 июля генерал Корнилов принял наконец Верховное командование.

В конце июля пост командующего Юго-Западным фронтом был предложен Ставкой генералу Деникину. Для Антона Ивановича это явилось полной неожиданностью. Он хотел знать причину своего перемещения с одного фронта на другой. Начальник штаба генерала Корнилова заверил Деникина, что назначение его

связано исключительно с новой стратегической операцией, предполагавшейся на Юго-Западном фронте.

По дороге на свой командный пост Антон Иванович остановился в Могилеве. Сопутствовал Деникину его верный друг и ближайший помощник генерал Сергей Леонидович Марков. Следуя по пятам за Деникиным, этот блестящий офицер Железной дивизии сначала был в Ставке на должности второго генерал-квартирмейстера. С Деникиным он перешел на Западный фронт, где был его начальником штаба, а теперь перебирался вслед за Деникиным, на ту же должность в Бердичев, уездный городок Киевской губернии, где находился штаб командующего Юго-Западным фронтом.

Поглощенный работой по организации обороны на своем фронте, Антон Иванович не был в курсе того, что происходило в Ставке. А потому интересно отметить его впечатление о переменах, происшедших в Могилеве с 16 июля, то есть со дня, когда последний раз был там генерал Деникин: «Настроение в Ставке было сильно приподнятое, — писал он, — у всех появилось оживление и надежда».

За сутки своего пребывания в Могилеве у Деникина создалось впечатление, что «Верховное командование выходило на правильный путь», что «поддержка корниловских мероприятий Военным министерством Савинкова давала надежду, что колебания и нерешительность Керенского будут наконец преодолены».

Произошла встреча с генералом Корниловым. О разговоре с ним Антон Иванович оставил интересную запись: «...Корнилов... тихим голосом, почти шепотом, сказал мне следующее:

— Нужно бороться, иначе страна погибнет. Ко мне на фронт приезжал Н. Он все носится со своей идеей переворота и возведения на престол князя Дмитрия Павловича, что-то организует и предложил совместную работу. Я ему заявил категорически, что ни на какую авантюру с Романовым не пойду. В правительстве сами понимают, что совершенно бессильны что-либо сделать. Они предлагают мне войти в состав правительства... Ну, нет! Эти господа слишком связаны с Советом и ни на что решиться не могут. Я им говорю: предоставьте мне власть, тогда я поведу решительную борьбу. Нам нужно довести Россию до Учредительного со-

брания, а там — пусть делают, что хотят: я устранюсь и ничему препятствовать не буду. Так вот, Антон Иванович, могу ли я рассчитывать на вашу поддержку?

— В полной мере.

...Мы сердечно обняли друг друга и расстались, чтобы встретиться вновь... только в Быховской тюрьме».[12]

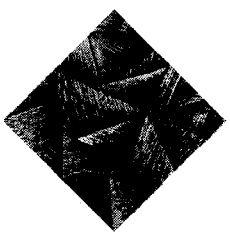
В неопубликованной рукописи «Заметки, дополнения и разъяснения» к никогда не появившемуся на свет второму изданию своих «Очерков русской смуты» генерал Деникин расшифровал лицо, скрытое им под инициалом Н. Это был Александр Иванович Гучков, первый военный министр Временного правительства. По старому навыку, Гучков замышлял новый переворот, и в данном случае — свержение революционной власти и восстановление монархии.[13]

У Корнилова же не было и мысли о реставрации. Тем не менее с конца июля он принял решение водворить в стране порядок, а в армии — дисциплину. Корнилов понимал, что Временное правительство при всей своей беспомощности все же являлось единственным символом власти. А потому он желал свергать его, хотел сильно его расчистить и преобразовать. Освободив правительство от давления революционных учреждений, возникших в самочинном порядке, преследовавших узкоклассовые интересы, Корнилов ставил себе целью довести страну до Учредительного собрания, а там, как он говорил, «пусть делают, что хотят». В первую очередь он стремился перевешать большевистских вождей, а затем разогнать Петроградский Совет и, конечно, не без применения вооруженной силы.

Задуманные перемены он хотел провести по возможности «легальным» путем, с согласия и с участием Керенского и Савинкова, то есть в сотрудничестве между командованием и некоторыми представителями гражданской власти. В низменном составе правительства — будь то директория или единоличная диктатура — он считал желательным сохранить (хотя бы временно) как Керенского, так и Савинкова.

Глава IX

ПЕРЕХОДНАЯ ФАЗА



Деникинское командование Юго-Западным фронтом длилось меньше месяца. Масштаб событий, разыгравшихся в конце августа, заслонил в памяти Антона Ивановича рутину его жизни за это время. И тем не менее среди его неопубликованных бумаг сохранилась одна запись о занятном происшествии: «Однажды в большой праздник я пошел к обедне в городской собор (в Бердичеве). Полно молящихся, яблоку упасть, как говорится, некуда. Я с адъютантом — в самой гуще. Появление главнокомандующего произвело среди причта впечатление. Из алтаря выходит староста и, расталкивая народ, несет... коврик под ноги. Это в разгар революции и демократизации! Два слова адъютанту — коврик уносят. Через несколько минут опять протискивается староста, что-то шепчет адъютанту.

— В чем дело?

— Имя узнавал.

— Скажите ему, чтобы оставил меня в покое.

Опять просит пройти на клирос — тесно уж очень. Ну, это действительно удобнее. Стал на правом клиросе. Большой выход... После «Державы Российской и благоверного правительства ее» один из священников, повернувшись лицом к правому клиросу и сделав поклон, против устава обычая возглашает:

— Господина командующего Юго-Западным фронтом, раба Божия Антония, да помянет Господь Бог во царствии своем ныне и присно и во веки веков.

Переконфузило (меня) совсем».[1]

В делах службы картина не давала повода оптимизму. Антон Иванович нашел там «те же тяжелые отношения между офицерами и солдатами, то же скверное несение службы, дезертирство и неприкрытое нежелание воевать, не имевшее резких активных проявлений лишь ввиду боевого затишья. Наконец, та же, но возросшая еще более большевистская агитация».[2]

В Петрограде после июльских дней большевики временно притихли. Но на Юго-Западном фронте, особенно в Бердичеве, они безнаказанно вели свою пропаганду. Большевистская газета «Свободная мысль», печатавшаяся в Бердичеве, недвусмысленно, по словам Деникина, угрожала офицерам варфоломеевской ночью.

С комитетами и комиссарами отношения генерала не налаживались. Наоборот, они обострялись.

Пришло письмо от генерала Алексеева. «Мыслью моей сопутствую вам в новом назначении, — писал он Антону Ивановичу. — Расцениваю его так, что вас отправляют на подвиг... Ничего не сделано и после 16 июля главным болтуном России. Власть начальников сокращают...»[3]

Письмо, пропитанное пессимизмом, находило отклик в мыслях генерала Деникина, но в душе он продолжал надеяться. Он ждал, что правительство примет наконец корниловскую программу оздоровления армии. Но правительство, одобрив лишь один ее пункт — о невмешательстве назначения высшего командного состава, об остальных пунктах упорно молчало.

Молчала и Ставка. Сведения из внешнего мира доходили до Деникина из газет. Среди офицерства — благодаря слухам и сплетням — нарастало возбужденное ожидание.

В эти напряженные дни Антон Иванович жил догадками.

«Корниловская программа все не объявляется. Несомненно, идет борьба. Есть еще надежда на благоприятный исход в Петрограде. Но как пойдет проведение ее в жизнь? Какое противодействие встретит она на фронте — в войсках, в комитетах?». Эти мысли не давали ему покоя.

Единственный человек, с которым Антон Иванович делился своими сомнениями, надеждами, тревогой, был его друг и начальник штаба — Сергей Леонидович Марков. От Маркова не было

тайн. Вместе обсуждали они фатальную неизбежность кризиса, неминуемое столкновение с Петроградским Советом.

А тем временем события назревали с невероятной быстротой.

Деникин знал, что Корнилов ездил в Петроград, сперва 3-го, а затем 10 августа. Но сведения, доходившие до Бердичева об этих поездках, были отрывочны и туманны. Тем не менее становилось ясно, что вопрос, интересовавший Антона Ивановича, натолкнулся на упорное сопротивление, а что сопротивление исходило от Керенского, в этом у Деникина не было сомнения.

Антон Иванович не знал тогда, что в первый приезд Корнилова в столицу его доклад, приготовленный в Ставке, не был представлен правительству на рассмотрение. Савинков, Филоненко, а затем и Керенский, просмотрев доклад, нашли, что редакция его и аргументация составлены в форме, слишком резкой для социалистов, входивших в правительство. С согласия Корнилова решено было приготовить аналогичную записку в Военном министерстве в форме, приемлемой для всех заинтересованных сторон. Таким образом, рассмотрение мер, предложенных генералом Корниловым, снова откладывалось. Но, пользуясь присутствием Верховного Главнокомандующего в Петрограде, Керенский предложил ему, не затрагивая «программ», сообщить правительству о положении на фронте.

И тут произошел инцидент, имевший серьезные последствия. Он определил дальнейшее отношение Корнилова к составу Временного правительства.

«Когда он (Корнилов), — свидетельствовал потом Борис Викторович Савинков, — коснулся (на заседании правительства) наших и союзных стратегических планов, я написал Керенскому записку приблизительно следующего содержания: «Уверен ли министр председателя в том, что сообщаемые здесь Верховным Главнокомандующим государственные и союзные тайны не станут известны противнику в товарищеском порядке?» Я написал эту записку, — продолжал Савинков, — потому что мне было известно, что в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов находились лица, состоявшие в сношениях с противником и что некоторые из членов Временного правительства общаются с ними как с товарищами. Керенский прочел мою записку и передал ее генералу Кор-

нилову. Генерал Корнилов сократил свое сообщение, а после заседания обратился ко мне с вопросом, не имел ли я в виду министра земледелия Чернова».[4]

Свой ответ на этот вопрос Савинков не привел. Но Корнилов вынес определенное впечатление, что и Керенский и Савинков подразумевали именно Чернова, того самого Виктора Чернова, который до революции был политическим эмигрантом и пораженцем.

Корнилов был ошеломлен. Его глубоко возмутил факт, что среди министров Временного правительства мог находиться человек, в лояльности которого сомневались и премьер, и управляющий Военным министерством, оба товарищи Виктора Чернова по партии социалистов-революционеров.

В ту же ночь генерал Корнилов выехал обратно в Ставку, с тем чтобы вернуться в Петроград через неделю, когда доклад, приготовленный Военным министерством, будет представлен правительству на обсуждение.

Но чья-то таинственная рука, имевшая доступ к секретным бумагам правительства, не теряла времени. Уже 4 августа доклад генерала Корнилова, не сообщенный даже членам кабинета, очутился в редакции советского официоза «Известия». А днем позже в «Известиях» появились выдержки из корниловского доклада с ушатами грязи по адресу Верховного командования, с требованием убрать Корнилова.

Таким образом, меры по оздоровлению армии (не без чьего-то умысла) были брошены на улицу на обсуждение толпы.

Травля Корнилова, слухи о его удалении из Ставки вызвали сильное волнение среди дружественных ему организаций. Союз офицеров, Союз георгиевских кавалеров, Совет Союза казачьих войск — все эти военные организации требовали в печати, чтобы генерал Корнилов остался на своем посту. Они протестовали против травли Корнилова «безответственными людьми».

Все эти известия глубоко волновали Антона Ивановича. Ему непонятна была роль Савинкова. Он не мог тогда знать, что за кулисами возникли серьезные трения между Савинковым и Керенским. Савинков быстро убедился, что «военный министр Керенский руководствовался не только интересами армии, но и настроениями и резолюциями Петроградского Совета, состоявшего в

значительной степени из людей большевистского и циммервальдовского образа мыслей, чуждых идее родины, любви к отечеству и заботе о сохранении фронта».[5]

В течение нескольких дней Савинков тщетно пытался добиться от Керенского подписи под докладом, приготовленным военным министерством. Подпись Керенского была нужна, так как он являлся военным министром, а Савинков был лишь управляющим Военным министерством». Главным пунктом доклада был законопроект о смертной казни в тылу за военные преступления. Керенский всячески тормозил этот вопрос и оттягивал его обсуждение.

«Вообще, — писал Савинков, — с первого же дня моего вступления в должность между мной и Керенским установилось явное разномыслие. Оно касалось не только принципиальных вопросов. Достаточно сказать, что почти ежедневно Керенский возвращался к вопросу о смещении генерала Корнилова, причем предполагалось, что Верховным Главнокомандующим будет назначен сам Керенский, и почти ежедневно мне приходилось доказывать, что генерал Корнилов — единственный человек в России, способный возродить боевую мощь армии.

«8 (августа) ночью... я попросил разрешения поговорить с Керенским наедине. Я сказал ему, что докладная записка уже изготовлена Филоненкой, и спросил, подпишет ли он ее. Он ответил, что никогда и ни при каких обстоятельствах не подпишет законопроекта о смертной казни в тылу. Тогда я сказал, что этот его ответ, а также отказ его и Авксеньтьева (член партии эсеров, министр внутренних дел Временного правительства) подписать составленный Военным министерством список подлежащих аресту большевиков, убеждает меня, что разногласие между мною и Временным правительством так велико, что я вынужден просить об отставке... Керенский моей отставки не принял».[6]

И как бы угадывая мысли Керенского о смертной казни в тылу, Петроградский Совет начал требовать отмены смертной казни и на фронте, как меры «преследующей явно контрреволюционные цели».

Вторично Корнилов поехал в Петроград 10 августа.

Из газетных сообщений было видно, насколько Верховный Главнокомандующий не доверял ни правительству, ни тем более Совету.

В Ставке опасались покушения на его жизнь, и генерал Корнилов отправился в столицу с вооруженным конвоем. Сопровождал его отряд верных ему текинцев — уроженцев Туркестана.

В Зимнем дворце, где происходило свидание между Верховным и премьером, текинцы на всякий случай расставили свои пулеметы в вестибюле. Судя по газетным описаниям чисто внешней стороны корниловской поездки в Петроград, можно было предполагать, что и переговоры между главными действующими лицами не отличались излишним дружелюбием.

Программа Корнилова продолжала висеть в воздухе.

Третья и последняя встреча Корнилова с Керенским произошла 14 августа на Государственном совещании в Москве.

Керенский, задумавший это совещание, хотел созвать на него представителей всех классов и политических группировок, чтобы «проверить пульс страны». Совещание должно было дать правительству возможность объяснить свои стремления и задачи.[7]

Совещание происходило в Большом театре. Правую половину этого обширного красно-золотого зрительного зала занимали несоциалистические круги. Там были представители торгово-промышленников, профессорской и писательской интеллигенции, бывшие члены Государственной думы, представители казачества, выдающиеся военачальники авторитеты. Социалистическое крыло расположилось в левой части театра.

Судя по свидетельству очевидцев, когда хлопала ораторам одна половина театра, другая или молчала, или свистела.[8]

Отсутствовали представители крайне правых. Не было и большевиков. Но большевики, присмиревшие после неудачного восстания в начале июля, быстро сообразили, что правительство Керенского продолжало топтаться на месте. Вместо того чтобы избавиться от влияния Совета на правительство, сговориться с военными кругами, найти в них опору против угрозы слева, как того ожидали логично мыслившие большевики, Керенский по-прежнему проявлял свое пристрастие к словам и фразам. К моменту начала Совещания в Москве большевики открыто призывали рабочее население Москвы к уличным выступлениям и к забастовке протеста.

По мнению представителя кадетской партии, на московском совещании «правительство делало смотр силам, противопоставляя левым правых и видя в этом средство — самому удержаться посередине», а Керенский «продолжал балансировать между обеими сторонами для сохранения собственной власти».[9]

Керенский знал, что в военных кругах настроение против него быстро накалялось, и с нескрываемой опаской оглядывался на Корнилова, которого буржуазные круги и офицерство выдвигали на роль диктатора.

Чувство страха и в то же время желание казаться сильным, вылились у Керенского в истерическую риторику и в угрозы.

Милюков, присутствовавший в Большом театре и принимавший участие в Совещании, описал поведение Керенского следующим образом: «Выражением глаз... напряженной игрой рук, интонацией голоса, который то и дело целыми периодами повышался до крика и падал до трагического шепота, размеренностью фраз и рассчитанными паузами этот человек как будто хотел кого-то устрашить и на всех произвести впечатление силы и власти в старом стиле. В действительности он возбуждал только жалость...»[10]

— Пусть знает каждый, — выкрикивал Керенский, — пусть знают все, кто уже пытался поднять вооруженную руку на власть народную, что эта попытка прекращена железом и кровью!.. И какие бы и кто бы ультиматумы ни предъявлял, я сумею подчинить его воле верховной власти и мне, верховному главе ее.[11]

Кроме железа и крови он угрожал стать твердым и неумолимым, вырвать из души своей цветы и растоптать их, а сердце свое превратить в камень.

И на кликушество Керенского откликнулся в театре истерический вопль какой-то женщины:

— Нет, Александр Федорович, вы этого не сделаете!

А оратор, охваченный порывом страсти — или душевным припадком, — говорил, говорил и не мог кончить речи».[12]

На сцене Большого театра происходило странное зрелище. На виду у всех главный актер и режиссер спектакля, потеряв душевное равновесие, терял то, чего он больше всего добивался, а именно — поддержку как правого, так и левого крыла собравшейся публики.

Приезд генерала Корнилова в Москву на Государственное совещание был обставлен торжественно. Его приветствовали речами, встречали восторженными криками. В этом порыве, казалось, объединились все несоциалистические группировки. Появление его в Большом театре вызвало шумную овацию. Речь генерала, сухая, но сильная, оказалась очень сдержанной. В ней не было резких выпадов против правительства.

«С глубокой скорбью я должен открыто заявить, — говорил Корнилов, — что у меня нет уверенности, чтобы русская армия исполнила без колебаний свой долг перед родиной... Враг уже стучится в ворота Риги, и, если только неустойчивость нашей армии не даст нам возможности удержаться на побережье Рижского залива, дорога в Петроград будет открыта». Он изложил сущность своей программы, подчеркнув, что ее необходимо провести безотлагательно. «Невозможно допустить, чтобы решимость... каждый раз появлялась под давлением поражений и уступок отечественной территории. Если решительные меры для поднятия дисциплины на фронте последовали как результат Тарнопольского разгрома и утраты Галиции и Буковицы, то нельзя допустить, чтобы порядок в тылу был последствием потери нами Риги...»[13]

И действительно, 20 августа Рига была занята германскими войсками.

Левая печать, и прежде требовавшая смещения Корнилова, выдвинула против него обвинение в предательстве. «Ставка, — писали «Известия», — старается запугать грозными событиями на фронте, терроризировать Временное правительство и заставить его принять ряд мер, направленных прямо и косвенно против революционной демократии и ее организаций».[14]

В своей «Истории второй русской революции» П. Н. Милюков обратил особое внимание на ту часть доклада генерала Корнилова, где он касался Риги.

«Это — то место речи Корнилова, — писал он, — из которого большевики впоследствии вывели нелепое обвинение, что Корнилов намеренно сдал Ригу немцам, а Керенский хочет сдать Петроград».[15]

К тому, что написал Милюков, нужно добавить следующее: «Большевики, конечно, сознательно лгали, чтобы очернить полити-

ческого врага. Но и Керенский не удержался впоследствии от нелепого обвинения Корнилова в намеренной сдаче Риги. Факт в том, что ни Керенский, ни тем паче Корнилов не могли желать неудачи русскому оружию». Но к разбору этого вопроса мы подойдем в другом месте.

Касаясь происшествий августа месяца 1917 года в той последовательности, в которой они непосредственно затронули генерала Деникина, он отметил следующие факты.

7 августа к нему пришло из Ставки распоряжение направить с его фронта на север Кавказскую туземную дивизию, более известную под названием Дикой дивизии. Она состояла из северо-кавказских горцев — черкесов, чеченцев, ингушей, дагестанцев. По мнению Деникина, «храбрость ее всадников совмещалась с их первобытными нравами и с крайне растяжимым понятием о военной добыче».

12 августа генералу Деникину приказано было перебросить на север находившийся в его резерве 3-й конный корпус. Несколько дней спустя то же распоряжение коснулось Корниловского ударного полка.

«Назначение их, — писал Антон Иванович, — как всегда, не указывалось. Направление же одинаково соответствовало и Северному фронту, в то время весьма угрожаемому, и... Петроградскому».

Командир 3-го конного корпуса генерал Крымов по дороге явился к Деникину. Оба генерала хорошо друг друга знали. Крымов был известен как храбрый и решительный человек. Взглядов своих на современное положение он не скрывал. Считал, что страну можно спасти только «оглушительным ударом по Советам». Насчет своих заданий Крымов с Деникиным не говорил.

«Но ни я, ни он, — писал Антон Иванович, — не сомневались, что поручение находится в связи с ожидаемым поворотом военной политики...

...Наконец в двадцатых числах обстановка несколько более разъяснилась. Приехал ко мне в Бердичев офицер и вручил собственноручно письмо Корнилова, в котором мне предлагалось выслушать личный доклад офицера. Он доложил:

— В конце августа, по достоверным сведениям, в Петрограде произойдет восстание большевиков. К этому времени к столице

будет подведен конный корпус во главе с Крымовым, который подавит большевистское восстание и заодно покончит с Советами. Одновременно в Петрограде будет объявлено военное положение и опубликованы законы, вытекающие из «корниловской программы». Вас Верховный Главнокомандующий просит только командировать в Ставку несколько десятков надежных офицеров — официально для изучения бомбометного и минометного дела; фактически они будут отправлены в Петроград в офицерский отряд. В дальнейшем разговоре он передавал различные новости Ставки, рисуя настроение ее в бодрых тонах. Передавал, между прочим, слухи о предстоящих новых назначениях командующих войсками в Киев, Одессу, Москву, о предложенном новом составе правительства, среди которого назывались имена и нынешних министров, и совершенно неизвестные мне. Во всем этом вопросе была несколько неясна роль Временного правительства и в частности Керенского. Решится ли он на крутой поворот военной политики, уйдет или будет сметен событиями, ход и последствия которых при создавшихся условиях не могут предрешить ни чистая логика, ни прозорливый разум».[16]

Несмотря на бодрое настроение корниловского посланца, Антона Ивановича преследовала мысль: есть ли там, в Ставке, реальная возможность или только... мужество холодного отчаяния?..

Душевное состояние генерала Деникина отражалось в письмах к невесте:

17 августа 1917 года

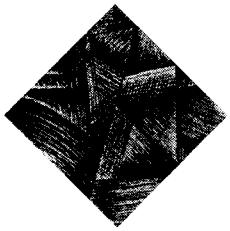
Борьба продолжается... нервы напрягаются до последней... крайности и чувствуется страшная усталость. А правительство все медлит, не вводит нового устройства в армии. Мне тяжело. В особенности теперь, когда чувствую себя почти одиноким...

23 августа

...Теперь время полной напряженности, неограниченных возможностей, тревожное очень.[17]

Глава X

«НАСТУПИЛА ДОЛГАЯ НОЧЬ БЕЗ СНА»



Через несколько дней произошло событие, имевшее многочисленные последствия.

«27 августа вечером, — вспоминал о нем Антон Иванович, — я был как громом поражен полученным из Ставки сообщением об отчислении от должности Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова.

Телеграммой без номера и за подписью «Керенский» предлагалось генералу Корнилову сдать временно должность Верховного Главнокомандующего генералу Лукомскому [начальнику штаба] и, не ожидая прибытия нового Верховного Главнокомандующего, выехать в Петроград. Такое распоряжение было совершенно незаконным и необязательным для исполнения, так как Верховный Главнокомандующий ни военному министру, ни министр — председателю, ни тем более товарищу Керенскому ни в какой мере подчинен не был».

И действительно, сместить Верховного Главнокомандующего по закону имело право только Временное правительство. Но, как ни странно, на эти детали никто в Ставке не обратил внимания.

Вслед за тем генерал Деникин получил копию телеграммы, отправленной генералом Лукомским министру-председателю Керенскому. В ней Лукомский отказывался принять должность Верховного.

«Ради спасения России, — заканчивал он телеграмму, — Вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его.

Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала. Я лично не могу принять на себя ответственность за армию, хотя бы на короткое время, и не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова, ибо за этим последует взрыв в армии, который погубит Россию».

Антон Иванович не делал себе иллюзий по поводу происшедшего разрыва между Корниловым и Керенским, «разве только что корпус Крымова спасет положение».

— Вместе с тем, — говорил он, — я ни одного дня, ни одного часа не считал возможным отожествлять себя идейно с Временным правительством, которое признавал преступным, и поэтому тотчас же послал ему телеграмму следующего содержания: «Я солдат и не привык играть в прятки. 16 июля на совещании с членами Временного правительства я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши боевые знамена. Оставление свое на посту Главнокомандующего я понял тогда, как сознание Временным правительством своего тяжелого греха перед Родиной и желание исправить содеянное зло. Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования [«корниловская программа»], могущие еще спасти страну и армию, смещается с поста Верховного Главнокомандующего. Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду. Деникин».

Подлинник этой телеграммы, вернее сказать черновик ее, написанный рукой генерала Деникина, находится в Русском архиве Колумбийского университета.

Копия этой телеграммы, согласно распоряжению генерала Деникина, была разослана всем главнокомандующим, Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта, а также главному начальнику снабжения. Одновременно были приняты меры, «чтобы изолировать фронт от проникновения туда без ведома штаба каких-либо сведений о совершившихся событиях до ликвидации столкновения». Но в условиях того времени никакие меры предосторожности не могли скрыть от фронта происшедшего разрыва между правительством и командованием армии.

Антон Иванович запросил Ставку, может ли он чем-нибудь помочь генералу Корнилову. «Он знал, — с грустью отметил Деникин, — что кроме нравственного содействия в моем распоряжении нет никаких реальных возможностей, и поэтому, поблагодарив за это содействие, ничего более не требовал».[1]

В ночь на 28 августа в штабе генерала Деникина стали известны два документа: радиограмма Керенского ко всем начальствующим лицам, комиссарам, войсковым и общественным организациям для немедленного оповещения армии и населения; а в ответ на нее — обращение генерала Корнилова к населению.

Керенский объявлял, что 26 августа Корнилов прислал к нему бывшего члена Государственной думы Владимира Николаевича Львова с требованием передачи Временным правительством генералу Корнилову всей полноты гражданской и военной власти с тем, что им (Корниловым) по личному усмотрению будет составлено новое правительство, что действительность полномочий Львова сделать такое предложение была подтверждена затем генералом Корниловым при разговоре с Керенским по прямому проводу, что, усмотрев в требовании Корнилова желание установить в стране государственный порядок, противоречащий завоеваниям революции, Временное правительство уполномочило Керенского для спасения родины, свободы и республиканского строя принять решительные меры, дабы в корне пресечь все попытки посягнуть на верховную власть в государстве, на завоевание революцией права граждан.

Генералу Корнилову приказывалось сдать должность генералу Клембовскому, командующему армиями Северного фронта. Петроград объявлялся на военном положении.

В ответ генерал Корнилов сообщал: «Телеграмма министра-председателя за № 4163 во всей своей первой части является сплошной ложью. Не я послал члена Государственной думы Владимира Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне как посланец министра-председателя. Тому свидетель член первой Государственной думы Алексей Аладьин.

Таким образом, совершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу отечества.

Русские люди, великая родина наша умирает!

Близок час кончины!

Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского штаба и одновременно предстоящей высадкой вражеских сил в Рижском побережье убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, в храмы, — молите Господа Бога о явлении величайшего чуда, чуда спасения родимой земли.

Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что лично мне ничего не надо, кроме сохранения великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни.

Предать же Россию в руки ее исконного врага — германского племени, и сделать русский народ рабами немцев я не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли.

Русский народ, в твоих руках жизнь твоей родины.

27 августа 1917 года

Ставка *Генерал Корнилов»*[2]

Прочтя воззвание Корнилова, Антон Иванович понял, что это был голос отчаяния.

«Наступила ночь, долгая ночь без сна, полная тревожного ожидания и тяжких дум. Никогда еще, — вспоминал эту жуткую ночь Деникин, — будущее страны не казалось таким темным, наше бессилие таким обидным и угнетающим. Разыгравшаяся далеко от нас историческая драма, словно отдаленная гроза, кровавыми зарницами бороздила темные тучи, нависшие над Россией. И мы ждали... Эта ночь не забудется никогда».[3]

Было ясно, что произошло что-то непоправимое, что случилось ужасное несчастье. Но разве глава правительства не искал в военных кругах опору против большевиков? Разве между заинтересованными сторонами не шли при посредстве Савинкова какие-то

переговоры? Корнилов не бросил бы на ветер обвинения в «великой провокации!» Кто такой Владимир Львов? Какие полномочия и от кого имел он на роль посредника между Керенским и Корниловым? Антон Иванович понимал, что свойства характера главных действующих лиц были несовместимы. Но ведь и они должны были это отлично сознавать! Так что же толкнуло их на разрыв? Недоразумение ли, или чей-то злой умысел, личные честолюбие, непродуманность, легкомысленность, легковерие?.. Но на эти вопросы ответа пока не было.

На следующий день связь между штабом генерала Деникина и внешним миром оборвалась.

А воинские комитеты Юго-Западного фронта с лихорадочной поспешностью подогревали и без того возбужденное настроение солдатской массы. Они выносили резолюции, обвиняя генерала Деникина в измене, в готовности открыть немцам фронт, в желании восстановить на престоле Николая II. Печатались прокламации с призывом арестовать Деникина и его штаб. Они расклеивались на стенах, разбрасывались по городу. Под влиянием пропаганды толпы солдат на митингах требовали расправы с Главнокомандующим.

Из окон своего дома Антон Иванович наблюдал, как в предместье города, на Лысой Горе, собирались огромная толпа вооруженных солдат, как она «митинговала», и наконец, как с красными флагами и двумя броневыми автомобилями двинулась в направлении штаба и дома Главнокомандующего.

Дом окружили революционные часовые а от фронтового комитета в Петроград отправлена была телеграмма: «Генерал Деникин и весь штаб подвергнуты в его ставке личному задержанию».

Сопротивляться было бессмысленно.

Днем позже, 29 августа, Антону Ивановичу удалось отправить через надежного человека письмо своей невесте в Киев: «Дорогая моя, новый катастрофический период русской истории. Бедная страна, опутанная ложью, провокаторством и бессилием.

О настроении своем не стоит говорить. Главнокомандование мое фиктивно, так как находится под контролем комиссаров и комитетов.

Невзирая на такие невероятные условия, на посту своем останусь до конца, предписал то же сделать подчиненным начальникам.

Спасают революцию, а армию разрушают, страну губят!

Я вновь совершенно открыто заявил Временному правительству, что путь его считаю гибельным для страны и армии. Я не понимаю психологии этих людей. Знают совершенно определенно мой взгляд — не устраняют и вместе с тем не дают работать, как велит долг.

Физически здоров. Сердце болит. Душа страдает.

Конечно, такое неопределенное положение длиться не может. Боже спаси Россию от новых страшных потрясений!

Обо мне не беспокойся, родная, мой путь совершено прям и открыт.

Деникин».[4]

В тот же день в Петрограде вышел указ Временного правительства правительствующему Сенату: «Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, генерал-лейтенант Деникин, отчисляется от должности Главнокомандующего с преданием суду за мятеж». Подписан указ был министром-председателем Керенским и управляющим Военным министерством Савинковым.

А затем, уже в Бердичеве, приказом комиссара Юго-Западного фронта Иорданского, генерал Деникин, его начальник штаба генерал Марков и генерал-квартирмейстер Орлов были арестованы «за попытку вооруженного восстания против Временного правительства».

Их перевезли на автомобиле в сопровождении броневиков на гауптвахту и разместили по отдельным карцерам. У гауптвахты ждала их с ненавистью и бранью толпа человек в сто.

Началось гнетущее сидение в тюрьме. Длилось оно почти месяц. Каждый день грозил самосудом, расправой озверелой толпы. Об этом тяжелом испытании Антон Иванович оставил отчет — жуткий по содержанию и замечательный по своей простоте и силе:

«Камера № 1. Десять квадратных аршин пола. Окошко с железной решеткой. В двери небольшой глазок. Нары, стол и табурет. Дышать тяжело — рядом зловонное место. По другую сторону — № 2, там — Марков; ходит крупными нервными шагами. Я почему-то помню до сих пор, что он делает по карцеру три шага, я ухитряюсь по кривой делать семь. Тюрьма полна неясных зву-

ков. Напряженный слух разбирается в них и мало-помалу начинает улавливать ход жизни, даже настроения. Караул — кажется, охранной роты — люди грубые, мстительные.

Раннее утро. Гудит чей-то голос. Откуда? За окном, уцепившись за решетку, висят два солдата. Они глядят жестокими глазами и истерическим голосом произносят тяжелые ругательства. Бросили в открытое окно какую-то гадость. От этих взглядов некуда уйти. Отворачиваюсь к двери — там в глазок смотрит другая пара ненавидящих глаз, оттуда также сыплется отборная брань. Я ложусь на нары и закрываю голову шинелью. Лежу так часами. Весь день, один, другой — сменяются «общественные деятели» у окна и у дверей. Стража свободно допускает всех. И в тесную душную конуру льется непрерывным потоком зловонная струя слов, криков, ругательств, рожденных великой темнотой, слепой ненавистью и бездонной грубостью... Словно пьяной блевотиной облита вся душа, и нет спасения, нет выхода из этого нравственного застенка. О чем они? «Хотел открыть фронт»... «продался немцам»... Приводили и цифру — за двадцать тысяч рублей... «хотел лишить земли и воли»... Это — не свое, это — комитетское. Главнокомандующий, генерал, барин — вот это свое! «Попил нашей кровушки, покомандовал, гноил нас в тюрьме; теперь наша воля — сам посиди за решеткой... Барствовал, раскатывал в автомобилях — теперь попробуй полежать на нарах, сукин сын. Недолго тебе осталось... Не будем ждать, пока сбежишь, — сами своими руками задушим».

Я лежал закрытый с головой шинелью и под градом ругательств старался дать себе ясный отчет: за что?»

Мысленно Антон Иванович проследил всю свою прошлую жизнь: отец — крепостной крестьянин, солдат суровых времен Николая I, выслужившийся до офицерского чина. Его ничтожная пенсия. Детство — тяжелое, безотрадное. Смерть отца, нищета семьи. Юность в учении и работе на хлеб насущный. Вольноопределяющийся в казарме на солдатском котле. Офицерство, Академия, жалоба государю на военного министра. Возвращение во 2-ю артиллерийскую бригаду. Генеральный штаб. Японская война. Борьба в печати с отжившими военными взглядами и произволом. Забота об улучшении солдатского быта, об уважении человеческого досто-

инства в солдате. Война 1914 года. Железная дивизия. Всегда в передовых линиях, разделяя с солдатами опасность, радость и горе; большая близость к стрелку.

«Нет, — решил Деникин, — я не был никогда врагом солдату. Я бросил с себя шинель и, вскочив с нар, подошел к окну, у которого на решетке повисла солдатская фигура, изрыгавшая ругательства.

— Ты лжешь, солдат! Ты не свое говоришь. Если ты не трус, укрывшийся в тылу, если ты был в боях, ты видел, как умели умирать твои офицеры. Ты видел, что они...

Руки разжались, и фигура исчезла. Я думаю — просто от сурового окрика, который, невзирая на беспомощность узника, оказывал свое атавистическое действие.

В окне и в дверном глазке появились новые лица...

Впрочем, не всегда мы встречали одну наглость. Иногда сквозь напускную грубость наших тюремщиков видно было чувство неловкости, смущение и даже жалость... В случайных заметках Маркова есть такие строки: «Нас обслуживают два пленных австрийца... Кроме них нашим метрдотелем служит солдат, бывший финляндский стрелок (русский) очень добрый и заботливый человек... заботы его о нашем питании прямо трогательны... Вчера он заявил мне, что будет скучать, когда нас увезут. Я его успокоил тем, что скоро на наше место посадят новых генералов — ведь еще не всех извели...

Тяжко на душе. Чувство как-то раздваивается. Я ненавижу и презираю толпу — дикую, жестокую, бессмысленную, но к солдату чувствую все же жалость: темный, безграмотный, сбитый с толку человек, способный на гнусное преступление и на высокий подвиг!..

Скоро несение караульной службы поручили юнкерам 2-й Житомирской школы прапорщиков. Стало значительно легче в моральном отношении. Не только сторожили узников, но и охраняли их от толпы. А толпа не раз по разным поводам собиралась возле гауптвахты и дико ревела, угрожая самосудом. В доме наискось спешно собиралась в таких случаях дежурная рота, караульные юнкера готовили пулеметы. Помню, что в спокойном и ясном сознании опасности, когда толпа особенно бушевала, я придумал и свой способ самозащиты: на столике стоял тяжелый графин с водой; им можно проломить череп первому ворвавшемуся в камеру;

кровь ожесточит и опьянит «товарищей», и они убьют меня немедленно, не предавая мучениям...

Впрочем, за исключением таких неприятных часов, жизнь в тюрьме шла размеренно, методично... физические стеснения тюремного режима, — после тягот наших походов и в сравнении с перенесенными нравственными испытаниями — сущие пустяки.

...Две недели я не выходил из камеры на прогулку, не желая стать предметом любопытства «товарищей», окружавших площадку перед гауптвахтой и рассматривавших арестованных генералов как экспонаты в зверинце... Никакого общения с соседями. Много времени для самоуглубления и размышления.

А из дома напротив каждый день, когда я открываю окно — не знаю, друг или враг — выводит высоким тенором песню:

Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я друзья...»[5]

Вслед за Деникиным, Марковым и Орловым перевезли в Бердичевскую тюрьму и других генералов: Эрдели, Ванновского и Селивачева. Каждый из них был командующим одной из армий Юго-Западного фронта. Арестовал также генерала Эльснера, главного начальника снабжения фронта, и еще нескольких генералов и офицеров, вскоре затем отпущенных. Старших генералов обвинили в том, что они выразили солидарность с телеграммой, которую генерал Деникин отправил правительству.

Через некоторое время до заключенных в Бердичеве стали доходить газеты. Они узнали об аресте и о заключении в тюрьму в Быхове, уездном городе Могилевской губернии, генерала Корнилова, его начальника штаба генерала А. С. Лукомского, генерал-квартирмейстера И. П. Романовского и других офицеров при Ставке.

Но еще до получения этих сведений началось следствие по делу заключенных в Бердичеве. Арестованных допрашивала следственная комиссия Юго-Западного фронта.

«Мое показание, — вспоминал генерал Деникин — в силу фактических обстоятельств дела было совершенно кратко и сводилось к следующим положениям: 1) все лица, арестованные вместе со

мной, ни в каких активных действиях против правительства не участвовали; 2) все распоряжения, отдававшиеся по штабу в последние дни в связи с выступлениями генерала Корнилова, исходили от меня; 3) я считал и считаю сейчас, что деятельность Временного правительства преступна и гибельна для России; но тем не менее восстания против него не подымал, а, послав свою телеграмму № 145, предоставил Временному правительству поступить со мной, как ему заблагорассудится».[6]

Комиссар Юго-Западного фронта Иорданский торопил это дело. Иорданский участвовал в революционном движении с конца прошлого века. В 1905 году был членом Петербургского Совета от меньшевиков, а к осени 1917 года уже готовился перейти в партию большевиков. В начале двадцатых годов занимал ответственный пост советского полпреда в Италии. Ему хотелось отличиться в ликвидации контрреволюционного заговора и предать арестованных генералов военно-революционному суду.

1 сентября Иорданский запросил правительство, следует ему в данном случае руководствоваться политическими соображениями или руководствоваться законом сообразно с местными обстоятельствами. Он говорил, что им обнаружены документы, доказывавшие наличие заговора. В ответ он получил распоряжение правительства — действовать только по закону... принимая во внимание обстоятельства на местах.

Подход Иорданского к этому делу и казуистика в ответе правительства: «действовать по закону принимая во внимание обстоятельства на местах» — фактически являлось бессовестным издевательством над правосудием. В условиях того времени фраза: «действовать сообразно с местными обстоятельствами» — могла иметь лишь один смысл, а именно — дать возможность толпе вмешаться в судебный процесс и предрешить его исход.

И нет сомнения, что намерения Иорданского сводились именно к такому исходу дела. Но помешала ему «Чрезвычайная следственная комиссия по делу генерала Л. Г. Корнилова», спешно образованная в Петрограде в ночь на 30 августа.

Председателем Чрезвычайной следственной комиссии назначен был И. С. Шабловский, главный военно-морской прокурор. До революции он занимался адвокатурой в Риге и после 1905 года

выступал защитником по политическим делам в судах Прибалтийского края. Там он познакомился и сошелся с Керенским, тоже выступавшим в роли политического защитника. В марте 1917 года личное знакомство с Керенским привело гражданского юриста Шабловского к неожиданному назначению на высшую должность в военно-морском судебном ведомстве.

Членами комиссии назначены были военный юрист полковник Раупах; военный юрист полковник Н. П. Украинцев, гражданский адвокат Н. Л. Колоколов. И наконец, по требованию Петроградского Совета, в состав комиссии вошли меньшевики Либер и Крохмаль.

Комиссия, чрезвычайно пестрая по своему составу, благодаря счастливой случайности, образовалась из людей высокого морального калибра. Несмотря на сильное политическое давление слева, все ее члены, включая Либера и Крохмаля, отнеслись к делу с полнейшей объективностью и вынесли заключения, весьма неожиданные для Временного правительства и его главы.

В первых числах сентября Керенский известил членов комиссии, что комиссар Иорданский просил его согласия на предание военному суду в Бердичеве генерала Деникина и членов его штаба, как соучастников преступления генерала Корнилова. Керенский предлагал комиссии разрешить этот вопрос. Комиссия ответила отказом Иорданскому. Причина отказа была логичной: с точки зрения права, судить второстепенных преступников раньше главных виновников было недопустимо, тем более что виновность их еще не была доказана, так как следствие только начиналось. Кроме того, удовлетворение требования Иорданского влекло за собой, на первый взгляд, мало заметное, но чрезвычайно важное последствие: военно-революционный суд мог вынести лишь один приговор — смертную казнь.

Прошло меньше суток. Керенский снова вызвал Шабловского и сообщил, что комиссар Иорданский настаивает на своем требовании предать Деникина и других генералов Юго-Западного фронта военному суду и притом немедленно, «иначе он не отвечает за фронт ни на один день». Эта фраза с угрозой — указывали потом члены комиссии — повторялась затем несколько раз, когда вопрос о жизни и смерти арестованных висел буквально на волоске.

Керенский, по их мнению, несомненно, «пробовал оказать давление на Шабловского, чтобы изменить решение комиссии в духе Иорданского».

Вот выдержки из малоизвестного, но очень ценного свидетельства члена комиссии военного юриста полковника Николая Петровича Украинцева:[7]

«Не сумев переубедить Шабловского, Керенский предложил комиссии обсудить этот вопрос совместно с Иорданским, встреча с которым должна произойти в Могилеве на другой день.

Встреча состоялась на вокзале в Могилеве, в вагоне Керенского. Иорданский повторил, «что он не может взять на себя ответственность за фронт ни на один день, если не будет удовлетворено требование всего фронта о предании военно-революционному суду преступных генералов. Он делал определенное ударение на том, что он лишь выражает волю всего фронта. В словах Иорданского обращало на себя внимание то, что о сущности преступления командования фронтом почти ничего не было сказано, а и то, что говорилось, было облечено в очень туманную форму...

Выступление Иорданского вызвало со стороны каждого из нас ряд возражений. Шабловский выразил сомнение в том, чтобы тактаки весь фронт требовал предания генералов суду...

Возник спор. «Но чем настойчивее был комиссар Иорданский, тем тверже становились мы, и выступление его свелось к тому, что — дескать я исполнил свой долг, указал вам на опасность, угрожающую фронту и если вы (обращение к Керенскому) можете эту ответственность взять на себя, то я умываю руки. В общем Иорданский изобразил дело так, что напрашивался следующий вывод: для фронта, то есть для солдатской массы, самым важным является, чтобы военные суды и смертная казнь, которые только что были введены, были применены к тем самым, которые их ввели. Фронт должен получить доказательство политической честности законодателей.

Керенский с одинаковым вниманием относился к высказываниям обоих сторон... однако чувствовалась его определенная тенденция в пользу Иорданского... что он и сделал, обращаясь непосредственно к Шабловскому, приблизительно в таких выражениях:

— Вы хорошо знаете, Иосиф Сигизмундович, что я противник и военно-полевых судов, и смертной казни, и потому вам должно

быть понятно, как мне неприятна вся эта история и как мне трудно согласиться с Николаем Ивановичем [Иорданским]. Но поймите, могу ли я рисковать стойкостью целого фронта, быть может, судьбой всей страны. Суровая государственная необходимость заставляет нас принять тяжелое решение. Согласитесь на требование Иорданского, и я вам обещаю, что я не утвержу смертного приговора, если он будет вынесен.

Повторяю, — утверждал Н. П. Украинцев, — я точно передаю смысл речи Керенского и тон ее, но конечно не дословный текст ее.

Шабловский, как и все мы, сидевший вовремя конференции, тут встал и голосом твердым, несколько даже театральным, обратился к Керенскому:

— Александр Федорович, сколько раз мы с вами, выступая на судах, непоколебимо требовали права и отвергали всякие соображения целесообразности и тактики. Неужели сейчас, когда решение находится в наших руках, мы станем на путь, который всегда осуждали? Я не верю, чтобы действительно весь Юго-Западный фронт требовал военного суда для своих командующих, но даже если бы это было так, то долг комиссара правительства не идти навстречу несознательной и возбужденной массе, а разъяснить ей необходимость подчиниться закону. На военно-революционный суд над генералами Юго-Западного фронта я не согласен.

Слова Шабловского сильно смутили Керенского. После продолжительного молчания он предложил нам немедленно выехать в Бердичев и на месте выяснить действительную обстановку и в зависимости от нее вынести решение. Мы на это согласились. Принял предложение и Иорданский.

...Уступку, которую министр-председатель готов был сделать Иорданскому, мы расценивали по-разному, но в одном мы были вполне единомысленны: верить обещанию Керенского не утверждать смертного приговора — нельзя. А в том, что таковой приговор военно-революционным судом под влиянием комиссара Иорданского будет вынесен, сомневаться не приходилось. Даже если бы Керенский захотел не утверждать приговор, нашлись бы силы, которые заставили бы его это сделать. То, что в этом процессе дело шло о жизни и смерти многочисленных арестованных, на которых сосредоточилось внимание всей страны, было абсолютно ясно».

Члены комиссии выехали в Бердичев. Там Иорданский сказал им, чтобы они ждали, пока за ними не приедет автомобиль, и чтобы сами по себе в тюрьму не ездили. Время шло. Иорданский несколько раз звонил по телефону, прося ни в коем случае без автомобиля не двигаться. Прошло около пяти часов, пока не появилась наконец обещанная машина. Члены комиссии были в бешенстве. Они хотели знать причину возмутительной задержки. Но, подъехав к тюрьме, они все поняли. Желая инсценировать «народный гнев», Иорданский использовал это время, чтобы согнать многотысячную толпу солдат к месту заключения генерала Деникина. Толпа со всех стороны окружила здание. Трудно было пробиться через нее. Угрожающий гул не давал возможности говорить внутри с заключенными. Приходилось кричать, чтобы слышать собственный голос. Положение становилось опасным. Единственное, что сдерживало толпу от штурма гауптвахты, — пулемет. Из входа в тюремное здание он был направлен на улицу, а караул держали юнкера. О допросе арестованных не приходилось и думать. Надо было отложить его на другой день. Но члены комиссии не хотели уйти, не повидав генерала Деникина. Вот их впечатление о встрече с ним:

«Мы зашли к генералу Деникину. Он находился в одиночной камере. У стены стояла железная кровать, аккуратно заправленная, в изголовье висела маленькая иконка. Генерал встретил нас стоя, вся его внешность одновременно говорила о хорошей воинской выправке и чувстве собственного достоинства. Держался он совершенно спокойно.

Шабловский сказал генералу, что у нас было намерение допросить его, но что при данных условиях, создавшихся вокруг тюрьмы, мы не считаем это возможным. Спросил он затем, имеются ли у генерала Деникина какие-нибудь жалобы и пожелания, на что он ответил отрицательно. На нас произвело впечатление полное спокойствие Деникина, так как он отлично слышал рев голосов извне и знал по целому ряду печальных примеров, что может ожидать офицер от возбужденной революцией солдатской толпы.

Пробираться из тюрьмы к автомобилю было еще трудней. Среди солдат распространяли слух о злостных замыслах комиссии. Толпа так плотно обступила нас, что мы могли только

время от времени делать небольшой шаг, и очень скоро оказались разделенными друг от друга. Этот многоголовый зверь что-то рычал, ревел, угрожал. Оборачиваясь, я мог видеть бледное лицо Шабловского, пытавшегося улыбаться. Спокойствие — внушал я сам себе — или мы пропали. Десятки раз как можно более спокойным голосом я повторял облепившим меня возбужденным солдатам, что мы приехали специально затем, чтобы узнать, чего хочет фронт и что мы просим всех здесь собравшихся явиться завтра на заседание Совета, куда явимся и мы и выслушаем требования фронта...

Нужно ли подчеркивать, что вся эта сцена была делом рук комиссара Иорданского? Это была бессовестнейшая провокация и притом самой грубой, топорной работы».

На следующий день вокруг тюрьмы была полная тишина. Толпа отсутствовала, и допрос арестованных генералов прошел совершенно спокойно.

Прокурор Шабловский объяснил Антону Ивановичу, что для его комиссии нет никаких сомнений в необходимости единого общего суда над всеми соучастниками корниловского выступления и в недопустимости отдельного суда над Деникиным и подчиненными ему генералами. Он сказал, что цель комиссии — перевести всех арестованных из Бердичева в Быхов; что настроение толпы в Бердичеве исключает возможность правосудия и угрожает лишь дикой расправой. Шабловский указал, что Иорданский и местные комитеты всячески противятся желаниям его комиссии. А потому он предложил генералу дополнить показания, данные им следственной комиссии Юго-Западного фронта какими-нибудь фактами, которые еще более очевидно связали бы дело Деникина с делом Корнилова.

Антон Иванович повторил все, что уже прежде сообщил на местном допросе. «Что я мог сказать им нового? — вспоминал он потом. — Только разве о той ориентировке, которую мне дал Корнилов в Могилеве через посланца. Но это было сделано в порядке исключительного доверия Верховного Главнокомандующего, которое я ни в каком случае не позволил бы себе нарушить. Поэтому некоторые детали, которые на другой день я добавил к прежним показаниям, не утешили комиссию».[8]

Затем было заседание в местном Совете. Выяснилось, что в распоряжении Иорданского никаких действительных доказательств «преступления» не оказалось. Были не доказательства, а лишь предположения. Шабловскому с большим трудом удалось убедить Бердичевский Совет в необходимости перенести разбор дела в последнюю апелляционную инстанцию: в военный отдел Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов в Петрограде.

Там предстоял последний и самый важный ход по шахматной доске советской бюрократии. От него зависела участь заключенных в Бердичеве.

С самого начала своего существования Совет был враждебно настроен к офицерам. И вопрос о генералах, обвиняемых в контрреволюции, вряд ли мог вызвать объективный разбор дела.

14 сентября вопрос этот обсуждался в военном отделе Центрального исполнительного комитета в Смольном, куда после июльских дней Совет перебрался из Таврического дворца. В военный отдел входило лишь около десяти человек, и это дало возможность Шабловскому и его сотрудникам установить с ними какой-то элемент личного человеческого отношения. Изложив суть дела, осветив его с юридической стороны, спокойной логикой они добились желаемого. Большинством голосов военная комиссия Петроградского Совета постановила — суд над генералом Деникиным отложить до окончания следствия над генералом Корниловым, а арестованных перевести из Бердичева в Быхов.

Суд в Бердичеве был отменен. Комиссар Иорданский проиграл. Но за свою неудачу он жестоко отомстил арестованным.

«Итак, — писал Антон Иванович, — организованный суд был устранен. Но в руках революционных учреждений Бердичева был еще другой способ ликвидации бердичевской группы, способ легкий и безответственный — «в порядке народного гнева».

Отъезд в Быхов назначен был на 27 сентября в 5 часов дня с Бердичевского вокзала. И здесь мы предоставим генералу Деникину самому рассказать о том, что произошло:

«Вывести арестованных без огласки не представляло никакого труда... Но такой способ переезда не соответствовал намерениям

комиссариата и комитетов... Вокруг этого вопроса искусственно создавался большой шум и нездоровая атмосфера ожидания и любопытств... С утра комиссариат устроил объезд всех частей гарнизона, чтобы получить согласие на наш перевод. Распоряжением комитета был назначен митинг всего гарнизона на 2 часа дня, то есть за три часа до нашего отправления, притом на поляне, непосредственно возле нашей тюрьмы. Грандиозный митинг действительно состоялся; на нем представители комиссариата и фронтового комитета объявили распоряжение о нашем переводе в Быхов, предусмотрительно сообщили о часе отъезда и призывали гарнизон... к благоразумию. Митинг затянулся надолго и, конечно, не расходился. К пяти часам тысячная возбужденная толпа окружила гауптвахту, и глухой ропот ее врывался внутрь здания.

Среди офицеров юнкерского батальона 2-й Житомирской школы прапорщиков, несших в этот день караульную службу, был израненный в боях штабс-капитан Бетлинг, служивший до войны в 17-м пехотном Архангельском полку, которым я командовал. Бетлинг попросил начальство школы заменить своей полуротой команду, назначенную для сопровождения арестованных на вокзал. Мы все оделись и вышли в коридор. Ждали. Час, два...

Митинг продолжался. Многотысячные ораторы призывали к немедленному самосуду... Истерически кричал солдат, раненный поручиком Клецандо и требовал его головы...[9] С крыльца гауптвахты уговаривали толпу помощники комиссара Костицын и Григорьев. Говорил и милый Бетлинг — несколько раз, горячо и страстно. О чем он говорил, нам не было слышно.

Наконец, бледные и взволнованные Бетлинг и Костицын пришли ко мне.

— Как прикажете? Толпа дала слово не трогать никого, только потребовала, чтобы до вокзала вас вели пешком. Но ручаться ни за что нельзя.

Я ответил:

— Пойдем.

Снял шапку, перекрестился: «Господи, благослови!»

В неопубликованной рукописи Ксении Васильевны Деникиной имеется следующая запись: «Антон Иванович был убежден, что их никуда не повезут и растерзают по дороге. И в застывшей душе

было только одно желание: чтобы добили скорей, не мучая, не издеваясь долго. И знал, что сил хватит не дрогнуть перед смертью».[10]

«Толпа неистовствовала, — продолжал свой рассказ генерал, — мы, семь человек, окруженные кучкой юнкеров во главе с Бетлингом, шедшим рядом с обнаженной шашкой в руке, вошли в тесный коридор среди живого человеческого моря, сдавившего нас со всех сторон. Впереди — Костицын и делегаты (12—15), выбранные от гарнизона для конвоирования нас. Надвигалась ночь. И в ее жуткой тьме, прорезываемой иногда лучами прожектора с броневика, двигалась обезумевшая толпа. Она росла и катилась, как горящая лавина. Воздух наполняли оглушительный рев, истерические крики и смрадные ругательства... Временами их покрывал громкий, тревожный голос Бетлинга:

— Товарищи, слово дали!.. Товарищи, слово дали!..

Юнкера, славные юноши, сдавленные со всех сторон, своею грудью отстраняют напирающую толпу, сбивающую их жидкую цепь. Проходя по лужам, оставшимися от вчерашнего дождя, солдаты набирали полные горсти грязи и ею забрасывали нас. Лицо, глаза, уши заволокло зловонной липкой жижицей. Посыпались булыжники. Бедному калеке генералу Орлову разбили сильно лицо, получил удар Эрдели, и я — в спину и голову.

По пути обменивались односложными замечаниями. Обращаюсь к Маркову:

— Что, милый профессор[11], конец?!

— По-видимому...

Пройти прямым путем к вокзалу толпа не позволила. Повели кружным путем, в общем верст пять, по главным улицам города. Толпа растет. Балконы бердичевских домов полны любопытными, женщины машут платками. Слышатся сверху веселые гортанные голоса:

— Да здравствует свобода!

Вокзал залит светом. Там новая громадная толпа в несколько тысяч человек. И все слилось в общем море — бушующем, ревущем. С огромным трудом провели сквозь него под градом ненавистных взглядов и ругательств. Вагон. Рыдающий в истерике и посылающий толпе бессильные угрозы офицер — сын Эльснера,

и любовно успокаивающий его солдат-денщик, отнимающий револьвер; онемевшие от ужаса две женщины — сестра и жена Клецандо, вздумавшие проводить его... Ждем час, другой. Поезд не пускают — потребовали арестантский вагон. Его на станции не оказалось. Угрожают расправиться с комиссарами. Костицына слегка помяли. Подали товарный вагон, весь загаженный конским пометом. Какие пустяки! Переходим в него без помоста. Несчастного Орлова с трудом подсаживают в вагон. Сотни рук сквозь плотную и стойкую юнкерскую цепь тянутся к нам... Уже десять часов вечера... Паровоз рванул. Толпа загудела еще громче. Два выстрела. Поезд двинулся.

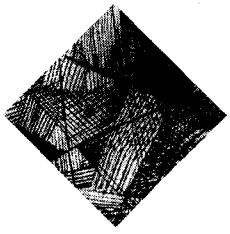
Шум все глуше, тусклые огни. Прощай Бердичев!

Керенский пролил слезу умиления над самоотвержением «наших спасителей» — так он назвал не юнкеров, а комиссаров и комитетчиков: «Какая ирония судьбы! Генерал Деникин, арестованный как сообщник Корнилова, был спасен от ярости обезумевший солдат членами Исполнительного комитета Юго-Западного фронта и комиссарами Временного правительства».[12]

Эту цитату Антон Иванович привел из книги Керенского «Дело Корнилова».

Глава XI

ДЕЛО КОРНИЛОВА 1



В чем же заключалось корниловское выступление, так отразившееся на судьбе генерала Деникина?

Антон Иванович лишь в общих чертах знал о планах Верховного Главнокомандующего и не был в курсе деталей. Он добровольно подчинился героическому обаянию начальника с полным сознанием риска, связанного с их общим начинанием, но с уверенностью, что разработка планов, направленных на оздоровление армии и страны, находится в надежных руках. В военной среде другого подхода к такому вопросу и не могло быть. Да и Ставка Деникина слишком далеко находилась от ставки Корнилова. Детали, связанные с предполагаемым делом, не допускали ни телеграфных, ни даже письменных сношений. Нормальные способы осведомления легко могли стать достоянием комиссаров и комитетов, следивших за каждым шагом командования, особенно за его политической благонадежностью.

Однако предположение генерала Деникина, что дело находилось в надежных руках, не оправдалось.

Антон Иванович оставил интересную характеристику Корнилова, которая в некоторой степени дает ключ к пониманию того, что произошло: «Корнилов был солдат и полководец. Этим званием своим он гордился и ставил его всегда на первый план. Мы не можем читать в душах. Но делом и словом, подчас откровенным, не предназначавшимся для чужого слуха, он в достаточной степени определил свои взгляды на предстоящую ему роль: не претендуя

на политическую непогрешимость, он смотрел на себя как на могучий таран, который должен был пробить брешь в заколдованном круге сил, облепивших власть, обезличивших и обескровивших ее. Он должен был очистить эту власть от элементов негосударственных и ненациональных... провести эту власть до изъявления подлинной народной воли.

Но слишком, быть может, терпимый, доверчивый и плохо разбиравшийся в людях, он не заметил, как уже с самого зарождения его идеи ее также облепили со всех сторон элементы малогосударственные, а иногда просто беспринципные. В этом был глубокий трагизм деятельности Корнилова.

Политический облик Корнилова остался для многих неясным. Вокруг этого вопроса плетутся легенды, черпающие свое обоснование в характере того окружения, которое не раз творило его именем свою волю.

...Верно одно: Корнилов не был ни социалистом, ни реакционером. Но напрасно было бы в пределах этих широких рамок искать какого-либо партийного штампа. Подобно преобладающей массе офицерства и командного состава, он был далек и чужд всякого партийного догматизма; по взглядам и убеждениям примыкал к широким слоям либеральной демократии.

...Никогда, ни до выступления, ни во время его, ни официально, ни в порядке частной информации, Корнилов не выдвигал определенной политической программы. Он ее не имел... Несколько неожиданно отсутствие яркой политической физиономии у вождя, который должен был взять временно в свои руки руль русского государственного корабля. Но при создавшемся к осени 1917 года распаде русской общественности и разброде политических течений казалось, что только такого рода нейтральная сила при наличии некоторых благоприятных условий могла иметь шансы на успех в огромном численно, но рыхлом интеллектуально сочетании народных слоев, стоявших вне рамок «революционной демократии».[1]

Так говорил самый близкий в духовном отношении сподвижник генерала Корнилова.

Искать у Деникина резкого осуждения личности Корнилова было бы напрасным занятием. Доверив генералу Корнилову раз и навсегда свою судьбу, Антон Иванович до конца жизни говорил,

писал и думал о нем с чувством глубокой любви и преданности. Не в характере Деникина было действовать по-иному. Но недочетов корниловского движения Антон Иванович не отрицал и не скрывал, а ошибок не оправдывал. За время своего заключения в Быхове из разговоров с генералами Корниловым, Лукомским, Романовским, а в последующие месяцы узнав подноготную дела от генерала Алексеева и многих других, он увидел всю безнадежно-непродуманную цепь ошибок, не имевших никакого оправдания.

Генерал Корнилов, отличный боевой генерал, человек героического характера, был совершенным ребенком в делах политических. Упрощенным способом, напрямик, как солдат, искал он выхода из того лабиринта сложных вопросов, в котором после революции очутилась Россия.

С присущим ему чувством ответственности перед историей генерал Деникин оставил свое правдивое свидетельство об этой важной странице революционного периода, послужившей прологом к захвату власти большевиками.

Как мы уже знаем, предполагаемый удар Корнилова одновременно намечался по трем направлениям, сходившимся в Петрограде: ликвидация большевиков, разгон Советов и преобразование Временного правительства в сильную национальную власть.

В то время как по вопросу о первых двух пунктах он мог надеяться на возможность какого-то сговора с главой правительства Керенским, третий пункт возбуждал основательные сомнения, и не только из-за взаимного отталкивания главных действующих лиц. Участие Корнилова в «сильном» правительстве, опиравшемся на офицерство и на несоциалистические круги, неизбежно привело бы к тому, что голос Верховного Главнокомандующего приобрел бы решающее значение. Это грозило Керенскому самоупразднением или, в лучшем случае, второстепенным министерским портфелем. Такая перспектива ему не нравилась. Керенский с невероятным упорством цеплялся за власть и с ревнивым недоброжелательством смотрел на своего потенциального конкурента. Даже полвека спустя одна мысль, что В. Н. Львов от имени Корнилова посмел предложить ему пост министра юстиции, приводила восьмидесятишестилетнего Керенского в полную ярость.[2]

Мы уже видели серию недоразумений, инцидентов и столкновений между Керенским и Корниловым.

Но еще до того, как Корнилов принял верховное командование и стал, по выражению А. И. Деникина, «знаменем движения», некоторые лица и общественные круги образовали сеть тогда еще разрозненных, но впоследствии подчиненных Корнилову конспиративных кружков. Лица, входившие в эти кружки, были различных политических взглядов, но с несомненным несогласием с социализмом. Их целью в большинстве случаев было установление военной диктатуры. Вопрос о возможности реставрации никогда открыто не поднимался.

Одним из первых начинаний подпольного движения была офицерская организация на Юго-Западном фронте, основанная генералом Крымовым, тем самым, которому Корнилов в первой половине августа предназначил двигаться во главе 3-го конного корпуса к Петрограду. По своим политическим взглядам генерал Крымов вряд ли был монархистом. С Гучковым он участвовал в заговоре против последнего императора и хотел произвести дворцовый переворот, намечавшийся на 1 марта. Его замыслам помешала происшедшая за два дня до этого февральская революция. В данном же случае после ликвидации Советов, Крымов, по-видимому, не предрешал формы правления. «Это вопрос будущего, — говорил он одному из своих сообщников, — но лично я никакой нежности к династии не питаю».

В свою организацию генерал Крымов привлек главным образом офицеров 3-го конного корпуса, которым он командовал, некоторых офицеров гвардейской кавалерии, находившейся тогда на Юго-Западном фронте, а также гарнизон Киева, вернее сказать, его офицерский состав и военные училища.

Мыслью Крымова было создать в Киеве центр будущей военной борьбы. «Генерал Крымов, — писал А. И. Деникин, — считал фронт конченым... План его заключался в том, чтобы в случае падения фронта идти со своим корпусом форсированным маршем в Киев, занять город и, утвердившись в нем, кликнуть клич».[3]

Одновременно в Петрограде возникло несколько кружков, враждебно относившихся и к Совету, и к правительству. Без определенной программы, без средств и без руководящего центра эти ячейки,

по словам генерала Деникина, «представляли из себя скорее кружки фрондирующих молодых людей, играющих в заговор».

Со временем эти столичные кружки вошли в одну организацию, которая пыталась, объединив в своих рядах деятельность различных ячеек, направить их к определенной цели. Этой организацией был «Республиканский центр». Образовался он в Петрограде еще в мае месяце 1917 года с целью оградить страну от большевизма. Будущая форма правления не обсуждалась. Даже название «Республиканский центр» явилось как бы случайно. Монархия была свергнута, а потому казалось естественным, что Россия превратилась в республику. Никто против названия не протестовал.

Сущность этой организации генерал Деникин описал следующим образом: «Первоначально руководители «Республиканского центра» ставили своей целью помощь Временному правительству; потом, убедившись в его бессилии, приступили к борьбе с ним, участвуя в подготовке переворота... Интеллектуальные силы и влияние группы были невелики, но она имела одно большое преимущество перед всеми другими: обладала некоторыми денежными средствами. Их давала крупная денежная буржуазия — небольшая по числу, но очень влиятельная, довольно замкнутая и крайне эгоистичная в своих действиях и аппетитах. Буржуазия эта подняла тревогу в июльские дни, когда обнаружилась слабость Временного правительства, и предложила «Республиканскому центру» первую денежную помощь... от надвигавшейся опасности большевизма. Лично представители этой банковской и торгово-промышленной знати стояли вне организации, опасаясь скомпрометировать себя в случае неудачи.

Отсутствие партийной нетерпимости, деловая программа и в особенности олученные средства дали возможность «Республиканскому центру» объединить много мелких, главным образом военных петроградских организаций. Они вошли в состав военной секции «Республиканского центра»... К концу августа активных участников военной секции числилось до четырех тысяч человек... Внутренняя организация этих отделов оставалась чрезвычайно слабой. Тем не менее значение их сильно переоценивалось как участниками, так и теми, кто предполагали воспользоваться их силами.[4]

Не последнюю роль в конспиративной работе играл главный комитет офицерского союза. Хотя задачей его являлось спасение армии от окончательного развала, но члены союза во главе с полковником Новосильцевым отлично понимали, что добиться этого можно было лишь путем установления в стране твердой власти. Они и занялись подготовкой почвы для введения военной диктатуры.

Кто же были эти представители крупной денежной буржуазии, которые, боясь себя скомпрометировать и держась в стороне от «Республиканского центра», все же его субсидировали?

Или оказались имена, широко известные в русских деловых кругах: А. И. Путилов (Русско-Азиатский банк). А. Липский и В. В. Тарновский (Сибирский банк), А. И. Вышнеградский (Международный банк), К. В. Николаевский, П. Н. Финисов и другие.

Контора «Республиканского центра» помещалась в большом особняке в Петрограде на Невском проспекте, 104, где также находились правления разных банков, страховых и коммерческих обществ, в которых Липский, Николаевский и Финисов состояли директорами.

В начале мая, сложив с себя обязанности военного министра Временного правительства, А. И. Гучков сразу же окунулся в привычную ему подпольную работу. Он снова занял должность председателя Военно-промышленного комитета. Снова, как и до революции, старался наладить конспиративные контакты со старшими военачальниками на фронте. К этому времени относится его затея, о которой мы уже знаем, — устроить переворот и возвести на престол великого князя Дмитрия Павловича, одного из участников убийства Распутина. Однако, не встретив в этом начинании сочувствия среди хорошо знакомых ему генералов (Корнилова и Крымова), Гучков согласился возглавить «Общество экономического возрождения России» (ОЭВР), уже организованное А. И. Путиловым и другими представителями банковской и торгово-промышленной знати. Еще до того, как Гучков стал председателем, инициаторы этого общества, по словам А. И. Путилова, в апреле 1917 года «собрали на первых порах четыре миллиона (рублей), а что делать с ними, не знали».[5] На этот вопрос изворотливый Гучков быстро нашел подходящий ответ. Он решил использовать сред-

ства, собранные «Обществом экономического возрождения России» для организации противодействия влиянию социалистов и для борьбы против Совета рабочих и солдатских депутатов.

Одно время «Республиканский центр» обхаживал адмирала Колчака, стараясь поставить его во главе движения. В принципе сочувствуя его целям, адмирал тем не менее остался в стороне, так как пробыл в Петрограде лишь короткий срок: вскоре после своего ухода с поста командующего Черноморским флотом он был командирован в Америку.

Но с момента, как генерал Корнилов вступил в Верховное командование, поиски будущего диктатора прекратились.

Особое внимание «Республиканского центра» было обращено на организацию военного отдела.

«В начале августа, — писал генерал Деникин, — для объединения военной секции «Республиканского центра» был командирован член комитета офицерского союза полковник Сидорин, который получил в свои руки все дела финансирования и полную свободу действия, без вмешательства комитета «Республиканского центра». В половине августа при посредстве членов офицерского союза началась тайная переброска офицеров из армии — из киевской организации — в Петроград. Одни направлялись туда непосредственно по двум конспиративным адресам; другие через Ставку, имея официальным назначением обучение бомбометанию. Вследствие крайне легкомысленной организации дела эти офицеры попали в весьма двусмысленное и тяжелое положение. Тогда же, на секретном заседании в Могилеве под председательством Крымова, выяснялся вопрос о вооруженном занятии Петрограда, составлялся план и распределялись роли между участниками. Полковник Сидорин уверенно заявил, что у него решительно все готово... Киевской организации было указано по частям перебрасываться в Петроград, куда должны были собираться и могилевские «бомбометчики». По отношению ко всем им Сидорин также успокоил совещание. Впоследствии оказалось, что для приезжих не было ни указаний, ни квартир, ни достаточных средств, и вся организация понемногу распылялась и расстраивалась. Позднее в Петрограде руководители организации устраивали непрестанные

заседания, но так как местом для них в видах вящей конспирации избирались обыкновенно наиболее посещаемые рестораны (Аквариум, Вилла Родэ), то эти заседания мало-помалу утрачивали деловой характер, обращаясь в товарищеские пирушки... Таким образом, вся техническая подготовка носила характер крайне несерьезный».[6]

Вначале, может быть, Корнилов и не знал всего, что творилось в Петрограде, но с момента, как он принял Верховное командование, все эти разрозненные организации потянулись к нему, как к признанному вождю.

Занятый множеством чисто военных вопросов и грандиозной проблемой удержать фронт от окончательного развала, генерал Корнилов, очутившись в непривычном для себя деле конспирации, доверил его своему окружению. А окружение это оказалось гибельным для всего движения, которое Корнилов решился возглавлять. И здесь опять мы обратимся за справкой к генералу Деникину.

«Наиболее странным и необъяснимым, — писал он, — является то влияние, которое имели на ход событий окружавшие Корнилова (малоизвестные и не внушавшие доверия) политические деятели в лице Завойко (прапорщик, ординарец Корнилова), Филоненко, Аладьина, Добрынского и так далее... Появление всех их вокруг Корнилова внесло элемент некоторого авантюризма и несерьезности, отражавшихся на всем движении, связанном с его именем. Один из членов Временного правительства говорил мне, что когда 27-го (августа) на заседании правительства был прочитан список министров с именами Филоненко, Аладьина, Завойко, то даже у лиц, искренно расположенных к Корнилову, опустились руки. Стоит прочесть повествование Владимира Львова, изображающего сцены и разговоры за кулисами корниловского выступления, и если даже одну половину отнести на долю своеобразного восприятия автора, то другая в достаточной степени рисует хлестаковщину и легкомыслие «политического окружения».

...Корнилов плохо разбирался в людях. Но это не все. Однажды, впоследствии, на мой вопрос по поводу бывшего своего окружения он ответил:

— У меня никого не было. Этих людей я знал очень мало. Но они по крайней мере хотели и не боялись работать.

И при этом расценивали свою работу не меньше как министерскими портфелями. С большою легкостью Филоненко брал на себя внешние сношения русского государства и только после решительного протеста генерала Лукомского соглашался на портфель внутренних дел. Без колебаний Завойко принимал бремя русских финансов.

У Корнилова действительно никого не было. Все те общественные и политические деятели, которые если не вдохновляли, то во всяком случае всецело стояли на его стороне, предпочитали оставаться в тени в ожидании результатов борьбы.

Что касается Савинкова, то Корнилов никогда в точности не знал, кому Савинков собирается «воткнуть нож в спину» — ему или Керенскому.[7]

Если правая сторона корниловского окружения пестрила именами никому неизвестных мелких и ничтожных лиц, то на левой стороне, кроме беспринципного комиссара при Ставке Филоненко, выдвигалась стоявшая на голову выше других таинственная и незаурядная фигура Бориса Викторовича Савинкова.

Более, чем другие, этот врожденный конспиратор сыграл действительно роковую роль в том, что случилось.

О Савинкове много писалось, но до сих пор никто не разобрался в полном объеме в сложной жизни, в психологии, в характере и замыслах этого странного человека. Любопытную запись о нем оставил Черчилль в своей книге «Great Contemporaries».[8]

Черчилль познакомился с Савинковым в 1919 году в Лондоне. Эта встреча произвела на него очень сильное впечатление. Романтик в душе, с несомненной жилкой авантюриста, но в лучшем и возвышенном смысле этого понятия, Черчилль подсознательно увлекся Савинковым, который, по-видимому, напоминал ему героя древних английских баллад Робин Гуда, народного борца с произволом и деспотизмом.

«Вся жизнь Савинкова, — писал Черчилль, — прошла в конспирации. Без религии, как ее учит церковь; без морали, как ее предписывают люди без дома и страны; без друзей, без страха; охотник и преследуемый; непреклонный, непобедимый, один...»

Фраза Черчилля с особенной меткостью подчеркнула суть дела: «Он был необычайным явлением — террорист с умеренными целями. И действительно, в целях Савинкова не было и намека на утопию. То, чего он добивался динамитом, убийством и кровью сводилось в конце концов к скромным требованиям свободы и терпимости в той форме, в которой они существовали на западе. Любопытен также разговор его с Ллойд-Джорджем, главой тогда британского правительства. Свидание это устроил Черчилль. «В беседе с Савинковым, — рассказывал Черчилль, — Ллойд-Джордж развивал теорию, что революции, как болезни, проходят через известные фазы, что худшее в России уже позади [это в самый разгар ужасов гражданской войны!], и что после очередных конвульсий появится более сносный политический строй.

— Господин председатель Совета министров, — ответил Савинков, — позвольте мне заметить, что после падения Римской империи наступило мрачное средневековье».

Этот ответ очень типичен для Савинкова: уже к началу июля 1917 года он глубоко разочаровался в ходе русской революции.

Не менее интересные страницы посвятил Савинкову — особенно в связи с делом Корнилова — профессор Федор Августович Степун во втором томе своих воспоминаний «Бывшее и несбывшееся».

(Ф. А. Степун, окончив Гейдельбергский университет, занимался в России академической работой в области философии. Отбыв в свое время воинскую повинность и выйдя в запас с чином прапорщика, он был призван в армию с начала Первой мировой войны и служил в одной из сибирских артиллерийских бригад на Юго-Западном фронте. После революции на том же фронте он начал работать с Савинковым. С ним он перебрался в Петроград, где под начальством того же Савинкова занимал ответственный пост начальника политического отделения Военного министерства.)

Федор Степун писал о Савинкове, что «ни демократа в русском смысле этого слова, ни народника, ни тем более партийного социалиста я... никогда в нем не замечал. Впоследствии же окончательно убедился в том, что ко времени нашей встречи он был скорее фашистом типа Пилсудского, чем русским социалистом народником».[9]

На Керенского Савинков смотрел с недоумением. Называл его «самовлюбленным жен-премьер от революции». С нескрываемым отвращением рассказывал он Ф. А. Степуну, как летом 1917 года Керенский показывал «представителям западноевропейских демократий» одну из резиденций бывшего императора и во время разговора со своими гостями небрежно теребил пуговицу царского мундира.

«Отвратительно, доложу я вам, — закончил свой рассказ Савинков. — Царей можно убивать, но даже с мундиром мертвых царей нельзя фамильярничать!»[10]

Для русского революционера, да еще со стажем Савинкова, такая фраза звучала совершенно необычайно! Весьма возможно, что в своей неоформленной политической философии социалист Савинков действительно оказался предшественником других бывших социалистов, которые через несколько лет основали движение, вошедшее в историю под названием фашизма.

В беседе с близкими людьми Савинков говорил о Совете и о «товарищах с таким отвращением, как будто бы глотал какую-то кислую мерзость», а Центральный исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов называл не иначе, как «Советом рачьих, собачьих и курячьих депутатов».[11]

И в этом месте мы предоставим слово Ф. А. Степуну: «Одинокий эгоцентрик, политик громадной, но не гибкой воли, привыкший в качестве главы террористической организации брать всю ответственность на себя, прирожденный заговорщик и диктатор, склонный к преувеличению своей власти над людьми, Савинков не столько стремился к внутреннему сближению Корнилова, которого он любил, с Керенским, которого он презирал, сколько к их использованию в задуманной им политической игре, дабы не сказать интриге».[12]

С этой оценкой Савинкова сходится и мнение генерала Деникина. За тридцать лет до Степуна он дал Савинкову следующую характеристику: «Сильный, жестокий, чуждый каких бы то ни было сдерживающих начал «условной морали», презиравшей и Временное правительство, и Керенского; в интересах целесообразности, по-своему понимаемых, поддерживающий правительство, но готовый каждую минуту смести его — он видел в Корнилове лишь орудие

борьбы для достижения сильной революционной власти, в которой ему должно было принадлежать первенствующее значение».[13]

Нет сомнения, что Савинков наметил Корнилова именно на роль «могучего тарана», чтобы пробить брешь в заколдованном круге всяких Советов и комитетов, облепивших правительство. А чтобы провести эту операцию по-возможности безболезненно, он хотел ввести Корнилова во Временное правительство, затем образовать директорию из Керенского, Корнилова и самого себя.

В разговорах со Степуном он говорил, «что обойтись без Керенского нельзя, не скрывая, однако, своей боязни, что Керенский при новом положении будет большой помехой энергичному и последовательному проведению необходимых мероприятий».[14]

Чего Савинков не говорил, но можно предполагать, что он это обдумал: при первой возможности сократить число участников директории путем устранения Керенского и, предоставив генералу Корнилову чисто военную сферу, самому стать во главе руководства всей жизни страны.

«Для меня не подлежит сомнению, — писал Степун, — что, ведя с Главнокомандующим переговоры о преобразовании власти, Савинков превышал свои полномочия как заместителя Керенского по военному министерству и тем вводил Корнилова в заблуждение в отношении истинных намерений и настроений Керенского». По мнению Ф. А. Степуна, интрига Савинкова заключалась не в совместном с Корниловым заговоре против Керенского, но в смысле насильнической попытки во что бы то ни стало своею волею и по своему плану связать Керенского с Корниловым.[15]

Савинков вел очень сложную игру, и как бы осторожно ни относился к нему Верховный Главнокомандующий, он все же создал у Корнилова уверенность, что его планы о переменах в Петрограде имеют полное сочувствие и одобрение Керенского.

20 августа Савинков добился согласия Керенского на посылку в Петроград 3-го конного корпуса, с прибытием которого в столицу связывалось объявление Петрограда и окрестностей на военном положении. Конечной целью этого шага была борьба с большевиками.

24 августа Савинков приехал в Ставку вместе с полковником Барановским, братом жены Керенского и начальником его военно-

го кабинета. Поездка была связана с окончательным оформлением намеченной задачи.

Протокол переговоров управляющего Военным министерством Савинкова с Верховным Главнокомандующим генералом Корниловым был составлен тогда же в Ставке. Копия его находится в архиве Колумбийского университета. Вот выдержки из этого протокола:

«Разговор Савинкова с генералом Корниловым касался установления тесных отношений между ген. Корниловым и министром-председателем Керенским, т.к. Савинков считал, что оба эти лица, будучи вождями различных партий, должны работать рука об руку... Сначала обсуждался вопрос о комитетах и комиссарах, причем Савинков и Филоненко [комиссар при Верховном Главнокомандующем] высказывались против Главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Деникина, который не может наладить отношения с комиссарами и комитетами, и высказывали опасение, что если во главе фронтов будут стоять такие генералы, то трудно установить дружную работу и это будет отражаться на состоянии войск.

...Генерал Корнилов и генерал Лукомский [начальник штаба Верховного Главнокомандующего] горячо восстали против возможности легко убирать отличных боевых генералов из-за того, что у них являются иногда шероховатости в работе с комитетами и комиссарами...

...Савинков, обращаясь к генералу Корнилову, почти дословно сказал следующее:

— Таким образом, Лавр Георгиевич, ваши требования будут удовлетворены Временным правительством в ближайшие дни; но при этом правительство опасается, что в Петрограде могут возникнуть серьезные осложнения. Вам, конечно, известно, что примерно 28 или 29 августа в Петрограде ожидается серьезное выступление большевиков. Опубликование ваших требований, проводимых через Временное правительство, конечно, послужит толчком для выступления большевиков, если последнее почему-либо задержалось. Хотя в нашем распоряжении и достаточно войск, но на них мы вполне рассчитывать не можем. Тем более что еще неизвестно, как к новому закону отнесется Совет рабо-

чих и солдатских депутатов. Последний также может оказаться против правительства, и тогда мы рассчитывать на наши войска не сможем. Поэтому прошу вас отдать распоряжение о том, чтобы 3-й конный корпус был к концу августа подтянут к Петрограду и был предоставлен в распоряжение Временного правительства.

В случае, если кроме большевиков выступят и члены Совета рабочих и солдатских депутатов, то нам придется действовать и против них. Я только прошу вас во главе 3-го конного корпуса не присылать генерала Крымова, который для нас не особенно желателен. Он очень хороший боевой генерал, но вряд ли пригоден для таких операций...

...Затем Савинков вновь вернулся к вопросу о возможном подавлении при участии 3-го конного корпуса выступления в Петрограде большевиков и Совета рабочих и солдатских депутатов, если последний пойдет против Временного правительства. При этом Савинков сказал, что действия должны быть самые решительные и беспощадные.

На это генерал Корнилов ответил, что он иных действий и не понимает, что инструкции будут даны соответственные и что он вообще к вопросу употребления войск при подавлении беспорядков относится серьезно, и уже им отдавалось приказание о предании суду тех начальников, которые допускают стрельбу в воздух. Что и в данном случае, раз будет выступление большевиков и Совета рабочих и солдатских депутатов, то таковое же будет подавлено со всей энергией.

Полковник Барановский, стоявший около стола, со своей стороны прибавил:

— Конечно, необходимо действовать самым решительным образом и ударить так, чтобы это почувствовала вся Россия.

После этого Савинков, обращаясь к генералу Корнилову, сказал, что необходимо, дабы не вышло недоразумения и чтобы не вызвать выступления большевиков раньше времени, предварительно сосредоточить к Петрограду конный корпус, затем к этому времени объявить Петроградское военное губернаторство на военном положении и — объявить новый закон, устанавливающий целый ряд ограничений.

...Дабы Временное правительство точно знало, когда надо объявить Петроградское военное губернаторство на военном положении и когда опубликовать новый закон, надо, чтобы генерал Корнилов почтой протелеграфировал ему, Савинкову, о времени, когда корпус подойдет к Петрограду.[16]

Подлинник протокола был подписан генералами Корниловым, Лукомским и Романовским.

Любопытны некоторые подробности. В то время как чины и звания генералов точно упоминались в изложении этого документа, имя Савинкова приводилось там без указания его должности, без упоминания слова «господин», даже без инициалов его имени и отчества (Борис Викторович). Но это, конечно, мелочи. Важнее следующее. В разговоре с Савинковым генерал Корнилов не обмолвился ни словом о том, что 3-й конный корпус уже был предназначен им для движения к столице, что во главе его стоял неугодный правительству генерал Крымов и что войска под его командованием включали Туземную (или Дикую) дивизию, тоже не угодную правительству.

После визита Савинкова у генерала Корнилова появилось чувство большого облегчения. Шаги, предпринятые Ставкой без ведома правительства, вдруг так удачно получили не только санкцию, но и живейшее одобрение министра председателя и управляющего Военным министерством. Вопрос о «легальности» корниловских действий казался почти урегулированным.

Но тут произошло событие, спутавшее все карты.

22 августа в Зимний дворец к Керенскому явился дружески расположенный к нему Владимир Николаевич Львов. Ни родства, ни свойства у него с князем Г. Е. Львовым не было. Не было и княжеского титула. Член Государственной думы, обер-прокурор Святейшего Синода в первом и втором составе Временного правительства, человек честный, морально чистый, идеалист, но фантазер с репутацией большого путаника, с умом очень ограниченным и сумбурным, он чувствовал, как и большинство русских либералов того времени, необходимость установить в стране твердую власть. С этой целью он и хотел сделать все возможное, чтобы впрячь «слабого» Керенского и «твердого» Корнилова в одну колесницу,

которая совместными усилиями этих двух людей вывезла бы Россию из революционных ухабов на прочную дорогу государственного строительства.[17]

При появлении В. Н. Львова в личной императорской библиотеке Зимнего дворца, где А. Ф. Керенский принимал посетителей, произошел забавный случай. Керенский сидел за большим письменным столом, за огромным «пюпитром», как его описывал Львов. Его лица посетителю не было видно.

— Александр Федорович, — сказал ему Львов, — что за странным образом вы сидите, я вас не вижу и потому мне неудобно с вами разговаривать. Пересядем на другое место.

— Нет, нет, — отвечал Керенский, — ничего, ничего, — бормотал он.

— Так тогда я встану, — сказал Львов и встал.

— Керенский моментально ко мне подскочил, — продолжал свой рассказ Львов, — и провел обеими руками по моим карманам, одной рукой по одному карману, другой рукой по другому карману разом. Затем Керенский успокоился. Что за притча, подумал я, неужели он думает, что я пришел его застрелить? Керенский обратился ко мне со словами:

— Всех ли вы распутинцев повыгоняли из церковных кафедр?!

— Я не на эту тему пришел с вами разговаривать, — ответил я Керенскому. — Оставимте это. Я пришел к вам говорить по очень важному вопросу.[18]

По-видимому, в двадцатых числах августа слухи о заговоре против него так волновали Керенского, что он не удержался и обыскал своего «друга», совершенно безобидного Львова, проведя своими руками вдоль по карманам.

В разговоре с Керенским, таинственно указывая, что он пришел к нему «по поручению», но без права сказать «от кого», Львов в туманно-путаных выражениях умолял Керенского протянуть руку тем, кого он отталкивал, реорганизовать правительство, включив в него представителей правее кадет, оставив в правительстве социалистов-государственников, а не исключительно представителей Совета.

— Скажите, пожалуйста, на кого вы опираетесь, — спрашивал Львов. И, не дожидаясь ответа, продолжал говорить, что Керенский опирается лишь на Петроградский совет, уже состоящий из боль-

шевиков, что общественное негодование на Совет растет и выразится в резне.

— Вот и отлично! — воскликнул Керенский, вскочив и потирая руки. — Мы скажем тогда, что не могли сдержать общественного негодования, умоем руки и снимем с себя ответственность.[19]

«Обнаружение обстоятельств этого «грехопадения» Керенского», — писал А. И. Деникин, — произвело впоследствии большое впечатление на советские круги, а член следственной комиссии Либер, ознакомившись с ними во время допроса Корнилова в Быхове, схватив себя руками за голову, патетически воскликнул:

— Боже мой, ведь это чистая провокация!»[20]

(Михаил Исаакович Либер, он же Гольдман, меньшевик, член Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, член еврейского «Бунда», избранный от Совета, быть членом «Чрезвычайной следственной комиссии по делу генерала Л. Г. Корнилова», во главе которой стоял Шабловский.)[21]

Но вернемся к свиданию Львова с Керенским.

Заинтригованный визитом Львова, который намекнул, что у его друзей имеется реальная сила, напуганный слухами о заговоре, ожидая чьего-то выступления против себя, подозревая Союз офицеров и Ставку (имя которой в разговоре не упоминалось), но не генерала Корнилова, Керенский решил использовать простодушного Львова в своих личных целях как разведчика.

— Хорошо, я согласен, — сказал он. — Если даже требуется моя отставка, я согласен уйти, но поймите же, что я не могу бросить власть: я должен передать ее из рук в руки.[22]

И, конечно, прав был П. Н. Милюков, когда писал, что «добродушный Львов принял это заявление за чистую монету... Думая, что речь идет о действительной готовности уступить, он тогда перешел к настоящей цели своего посещения.

— Дайте мне поручение войти в переговоры от вашего имени со всеми теми элементами, которые я сочту необходимыми».[23]

И нет сомнения, что Керенский хотя и в туманной форме, но все же дал Львову какие-то полномочия.

— Куда вы едете? — как будто невзначай спросил он на прощание Львова. Но «природный конспиратор» не открыл ему своих карт.

— Я еду туда, откуда я приехал, — сказал Львов, улыбаясь.

«Керенский провожал меня, — описывал он сцену прощания, — и вышедши за двери кабинета, долго махал мне рукой».[24]

Так или иначе, В. Н. Львов поверил, что может от имени Керенского вести переговоры с не названными им друзьями, под которыми он подразумевал генерала Корнилова и Ставку. И в роли посредника, приписывая Керенскому собственные мысли и окончательно перепутав смысл своего разговора с Корниловым, он закончил свою «миссию» грандиозным скандалом.

Явившись к генералу Корнилову, Львов сообщил, что приехал по поручению Керенского, что Керенский не дорожит властью и готов уйти в отставку. Если же в дальнейшем он может рассчитывать на поддержку Корнилова, то готов продолжать работу. Затем Львов изложил три возможных варианта будущего правительства:

1) Руководящая роль в реорганизованном правительстве остается в руках А. Ф. Керенского.

2) Правительство, где все члены кабинета имеют одинаковую власть.

3) Правительство с доминирующим в нем положением Верховного Главнокомандующего.

Очертив общее положение в стране и армии, генерал Корнилов сказал в ответ что, по его мнению, единственным выходом из создавшегося положения является диктатура и что если обязанности диктатора будут предложены ему, то он от такого предложения не откажется. На вопрос Львова, считал ли бы Корнилов желательным, чтобы Керенский и Савинков вошли в случае военной диктатуры в состав кабинета, Верховный Главнокомандующий — относясь и к тому и к другому отрицательно — все же без колебаний признал их участие в правительстве необходимым. В предполагаемом кабинете он наметил Керенского на пост министра юстиции, а Савинкова — на должность военного министра.

В разговоре 25 августа Корнилов сказал Львову, что настрой против Керенского среди офицерства достиг таких размеров, что ручаться за его безопасность он может лишь в Могилеве. Ввиду ожидавшегося выступления большевиков в Петрограде, он, Корнилов, считал опасным пребывание правительства в столице, а потому

поручал Львову передать Керенскому, а также Савинкову настоятельную просьбу приехать в Ставку, где он готов был гарантировать, что ничего с ними не случится.

Львова Корнилов знал очень поверхностно. Слышал, что он пользовался репутацией неумного, но вполне честного человека. Корнилов знал, что Львов был в Государственной думе вместе с Керенским, что оба они входили в состав Временного правительства. И генералу не могло прийти в голову, что все сказанное Львовым от имени Керенского в такой определенной форме, не допускавшей искажения, фактически являлось фантазией самого Львова. Львов задал ему определенные вопросы, на которые Верховный Главнокомандующий дал свои ответы. Никаких условий Корнилов не ставил, никакого ультиматума не предъявлял.

В. Н. Львов окончательно запутался в том, что ему говорил генерал Корнилов и что он слышал от безответственно-хвастливых лиц, облепивших Ставку.

И когда 26 августа в 6 часов вечера он вторично появился в Зимнем дворце у министра-председателя, то вместо того чтобы точно передать Керенскому свой разговор с Корниловым, подчеркнув, что посредничество между ними он сам взвалил на свои плечи по собственной инициативе, Львов приписал Корнилову слова, слышанные им от Завойко.

На этот раз, выступая как «посланец» Корнилова, он от имени генерала предъявил Керенскому известные «требования». Выслушав их, озадаченный Керенский решил, что или Львов сошел с ума, или случилось действительно что-то очень серьезное.

Корниловские предложения, которые В. Н. Львов передал Керенскому (фактически бывшие лишь закулисной болтовней Завойко), сводились к трем пунктам:

1) Объявить в Петрограде военное положение.

2) Вся военная и гражданская власть должна быть передана в руки Верховного Главнокомандующего.

3) Все министры, не исключая министра-председателя, должны подать в отставку, временно исполнительная власть должна быть передана товарищам министров впредь до сформирования правительства Верховным Главнокомандующим.

При этом, по свидетельству Керенского, В. Н. Львов от имени Корнилова требовал, чтобы условия его были переданы Временному правительству немедленно и чтобы Керенский и Савинков, намеченные на посты министра юстиции и военного министра, в ту же ночь выехали в Ставку.

«Считая заявление, сделанное мне В. Н. Львовым, прямо невероятным», — свидетельствовал Керенский, — я ответил ему, что не считаю для себя возможным передавать такое требование генерала Корнилова Временному правительству голословно. На это В. Н. Львов выразил готовность переданные им мне пункты... изложить письменно и записал их собственноручно на куске бумаги... Приняв это письменное заявление от В. Н. Львова, я все-таки не мог побороть в себе сомнений и уже сам предложил В. Н. Львову вызвать генерала Корнилова к прямому проводу и совместно с ним, Львовым, переговорить с генералом Корниловым с тем, чтобы получить возможное (при переговорах в присутствии третьего лица) подтверждение полномочий Львова. И на это мое предложение Львов согласился».[25]

«Действуя так, — писал Ф. А. Степун, — он [Керенский] не знал, что Львов предлагал ему не с неба свалившийся ультиматум Корнилова, а лишь согласие Верховного Главнокомандующего на те решительные меры, которые Львов, явившийся в Ставку в качестве посланца от Керенского, самовольно предлагал Корнилову от лица министра-председателя, будто бы готового подать в отставку.[26]

Во время пребывания в Могилеве Львов вынес впечатление, что, хотя генерал Корнилов лично и желал спасти Керенского от возможного на него покушения, окружение же в Ставке, и особенно офицерство, искало случая расправиться с министром-председателем.

«Это последнее обстоятельство, — писал А. И. Деникин, — по-видимому, окончательно нарушило душевное равновесие Львова и отразилось на всем характере второго разговора его с Керенским, и в значительной мере повлияло на решение последнего. Маленькая житейская подробность, вероятно небезынтересная для бывшего премьера, который в своей книге не раз останавливается на грозившей ему смертельной опасности, очень туманно касаясь

источников ее: 26-го для него в Могилеве, в губернаторском доме, приготовили комнату рядом со спальней Корнилова, выселив для этой цели одного из членов его семьи... Верховный не играл своим словом.[27]

В течение уже нескольких недель слухи о конспирации тревожили Керенского, но точно он ничего не знал. Распустив еще в марте старую полицию и органы государственной охраны, Временное правительство по собственной вине очутилось в беспомощном состоянии в смысле ограждения себя политическим сыском от опасности возможных заговоров.

«Вы знаете положение наше теперешнее, — говорил тогда Керенский, — без настоящих органов розыска мы совершенно как слепые щенята. Нас можно обходить со всех сторон, и мы ни черта не видим».[28]

Насчет генерала Корнилова его успокаивал Савинков, накануне вернувшийся из Ставки, заверив в полной лояльности Верховного. И как раз в момент, когда, с точки зрения Корнилова, серьезные препятствия сами собой устранились, в душу Керенского с невероятной силой ворвались сомнения и страх за свое будущее.

Неужели вероломный Савинков умышленно старался усыпить его бдительность?

«Насколько я был взволнован, — писал Керенский, — это могут подтвердить все меня окружающие. Я бегал взад и вперед [пока Львов говорил] по огромному кабинету, стараясь разобраться, почувствовать, в чем дело, почему Львов и т.д. Вспомнил его заявление в первый приезд о «реальной силе», сопоставил настроения против меня в Ставке и со всеми сведениями о назревшей заговорческой попытке, несомненно со Ставкой связанной, и как только прошло первое изумление, скорее даже потрясение, я решил еще раз испытать и проверить Львова, а затем действовать. Действовать немедленно и решительно. Голова уже работала, ни минуты не было колебаний, как действовать. Я не столько сознавал, сколько чувствовал всю исключительную серьезность положения. Как только он стал писать, исчезли у меня последние сомнения! Было только одно желание, одно стремление пресечь безумие в самом начале... Все предыдущее... все, все осветилось сразу таким ярким светом, слилось в одну такую цельную картину. Двойная

игра сделалась очевидной. Конечно, тогда я бы не мог все доказать по пунктам, но сознавал я все это с поразительной ясностью. Мгновения, пока Львов писал, мысль напряженно работала. Нужно было сейчас же установить формальную связь В. Львова с Корниловым, достаточную для того, чтобы Временное правительство этим же вечером могло принять решительные меры.[29]

Разговор со Львовым настолько его взволновал и встревожил, что инстинкт самосохранения и желание тут же собрать улики против Корнилова, чтобы бесспорно установить его виновность, арестовать Верховного Главнокомандующего и судить его за «военный мятеж», заслонили в министре-председателе все остальные соображения.

Отобрав от Львова «кусок бумаги» с «требованиями» Корнилова, Керенский, перевоплотившись в судебного следователя и сыщика, приступил к следующей фазе своего розыска. По аппарату ЮЗА он вызвал генерала Корнилова, чтобы «в присутствии третьего лица» получить от Верховного подтверждение полномочий Львова, а затем принять решительные меры против Корнилова.

Третьим лицом оказался близко стоявший к Керенскому Вырубов. Второе же лицо, причем лицо самое заинтересованное и ответственное за всю катавасию, В. Н. Львов, в разговоре не участвовал. Он отлучился из Зимнего дворца на час и когда вернулся туда с запозданием, то выяснил, что беседа по прямому проводу со Ставкой уже состоялась. В его отсутствие и от его имени, претендуя, что он — В. Н. Львов — говорил с генералом Корниловым сам Керенский. Вот текст ленты этого странного разговора:

Керенский. Министр-председатель Керенский. Ждем генерала Корнилова.

Корнилов. У аппарата генерал Корнилов.

Керенский. Здравствуйте, генерал. У телефона Владимир Николаевич Львов и Керенский. Просим подтвердить, что Керенский может действовать согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем.

Корнилов. Здравствуйте, Александр Федорович, здравствуйте, Владимир Николаевич. Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк, сделанный мною Владимиру Николаевичу с просьбой доложить

вам, я вновь заявляю, что события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок.

Керенский. Я — Владимир Николаевич, вас спрашиваю — то определенное решение нужно исполнить, о котором вы просили известить меня Александра Федоровича только совершенно лично? Без этого подтверждения лично от вас Александр Федорович колеблется мне вполне доверить.

Корнилов. Да, подтверждаю, что я просил вас передать Александру Федоровичу мою настойчивую просьбу приехать в Могилев.

Керенский. Я — Александр Федорович. Понимаю ваш ответ как подтверждение слов, переданных мне Владимиром Николаевичем. Сегодня это сделать и выехать нельзя. Надеюсь выехать завтра. Нужен ли Савинков?

Корнилов. Настоятельно прошу, чтобы Борис Викторович приехал вместе с вами. Сказанное мною Владимиру Николаевичу в одинаковой степени относится и к Борису Викторовичу. Очень прошу не откладывать вашего выезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить вас.

Керенский. Приезжать ли только в случае выступлений, о которых идут слухи, или во всяком случае?

Корнилов. Во всяком случае.

Керенский. До свидания, скоро увидимся.

Корнилов. До свидания».[30]

Комиссар при Ставке, М. М. Филоненко, невероятно изумился, когда на следующее утро прочел текст ленты этого разговора. Он не мог понять, каким образом Корнилов так легкомысленно мог подтвердить слова Львова, содержание которых было ему неизвестно. Филоненко считал, что «...и форма вопроса А. Ф. Керенского, и ответ генерала Корнилова абсолютно недопустимы в каких-либо серьезных деловых сношениях, а тем более при решении дела громадной государственной важности, так как А. Ф. Керенский не обозначил, что же он спрашивает, а генерал Корнилов не знал, на что собственно он отвечает».[31]

Суждение генерала Деникина было не менее строго: «Этот разговор изобличает в полной мере нравственную физиономию Керенского, необычайную неосмотрительность Корнилова и сомнительную роль «благородного свидетеля» Вырубова».[32]

Но Керенский придерживался иной точки зрения. О своем разговоре с генералом Корниловым по прямому проводу он писал: «Это классический образец условного разговора, где отвечающий с полуслова понимает спрашивающего, так как им обоим известен один и тот же предмет разговора... Этот разговор дал больше, чем можно было ожидать: он подтвердил не только полномочия В. Львова говорить от имени Корнилова, но и удостоверил и точность передачи слов последнего первым.[33]

Своим комментарием А. Ф. Керенский дал «классический образец» казуистики.

С юридической точки зрения, для Керенского-юриста, участника политических процессов, разговор его с Корниловым не имел никакого оправдания. Он ничего не доказал, ничего не подтвердил, даже не проверил сведений о якобы «ультимативных требованиях» Корнилова. Вся беседа и с той, и с другой стороны могла толковаться как угодно в зависимости от желания. Но, основываясь на догадках, Керенский пожелал тут же использовать ленту своего разговора с Корниловым как доказательство его вероломства.

Недоразумение и путаница, возникшие в силу несуразного вмешательства Львова не в свое дело, принимали угрожающие для государства формы.

Чтобы окончательно закончить работу сыщика и «закрепить в свидетельском показании третьего лица разговор, который происходил у него со Львовым с глазу на глаз, Керенский спрятал в своем кабинете за портьерой помощника начальника милиции С. А. Балавинского. Ничего не подозревавший Львов добродушно во второй раз отвечал Керенскому на те же вопросы, которые всего лишь два часа назад обсуждались им в том же кабинете.

Цель была достигнута. Балавинский все записал, и на следующий день показания его находились уже в руках судебного следователя.

Впоследствии Львов отрицал версию Керенского о том, что предъявил ему ультимативные требования от имени Корнилова.

«Никакого ультимативного требования, — писал Львов, — ему [Керенскому] я не предъявлял и не мог предъявлять, а он потребовал, чтобы я изложил свои мысли на бумаге. Я это сделал, а он меня арестовал. Я не успел даже прочесть написанную мною бумагу, как он, Керенский, вырвал ее у меня и положил в карман».[34]

Вдобавок к своим злоключениям В. Н. Львов, посаженный под арест в Зимнем дворце и охраняемый двумя часовыми, «с негодованием слушал, как за стеной, в соседней комнате Императора Александра III, торжествующий Керенский, довольный успешным ходом своего дела, распевал без конца рулады из опер и... не давал ему спать».[35]

С этого момента, по мнению Милюкова, поступками Керенского руководила не логика, не государственные мотивы, а неудержимый личный порыв страстного борца за собственную власть.

Кроме других побуждений играло роль и мстительное желание унизить Корнилова, посмевшего предложить ему пост министра юстиции. «Неужели вы думаете, что я могу быть министром юстиции у Корнилова? — высокомерно бросил он Львову, предварительно использовав его как свидетеля против Корнилова».

«Я революции им не отдам», — заявил он своему ближайшему сотруднику, товарищу министра-председателя и министру финансов Н. В. Некрасову и, заручившись его согласием «идти до конца» против Корнилова, Керенский (после бурного заседания Временного правительства) послал уже известную нам телеграмму Верховному Главнокомандующему, отрешая его от должности, вызывая немедленно выехать в Петроград, с приказанием временно передать верховное командование начальнику штаба генералу Лукомскому. Как мы знаем, Лукомский отказался принять пост и указал на недопустимость устранять генерала Корнилова.

Появился первый признак отказа Ставки подчиняться правительству.

Не доверяя Савинкову, Керенский дал ему знать о происшедшем лишь после того, как принял с Некрасовым решение идти «до конца» против Корнилова и отрешить его от должности.[36]

Савинков, пораженный неожиданностью всего случившегося, сразу же начал доказывать, что в основе инцидента крылось недоразумение. Но наперекор его настойчивым советам сделать по-

пытку исчерпать дело Корнилова путем мирных переговоров, без огласки, Керенский отметал возможность переговоров с «преступным генералом». Он даже мысли о них не допускал, а требовал немедленного и беспрекословного подчинения себе генерала Корнилова.

Тем не менее на следующий день, то есть 27 августа, министр-председатель изменил свое первоначальное решение. Он разрешил Савинкову соединиться с генералом Корниловым по прямому проводу и согласился задержать опубликование уже заготовленных бумаг, направленных против Верховного Главнокомандующего, впредь до выяснения результатов переговоров.

Но, не дождавшись конца этих переговоров (которые могли локализировать конфликт) и таким образом нарушив данное слово, Н. В. Некрасов отправил радиограмму Керенского, текст которой был уже заранее составлен, и передал ее для оглашения в печать.

Из предыдущей главы мы знаем что в этой радиограмме Керенский оповещал «всех», что 26 августа генерал Корнилов прислал к нему бывшего члена Государственной думы В. Н. Львова «с требованием передачи Временным правительством генералу Корнилову всей полноты гражданской и военной власти»; что действиями Корнилова руководило желание установить в стране государственный строй, противоречащий завоеваниям революции; что для спасения родины, свободы и республиканского строя Временное правительство уполномочило его, Керенского, принять решительные меры против генерала Корнилова и так далее.

Одновременно за подписью Керенского был разослан призыв к железнодорожникам приостановить движение к столице корниловских войск, а в случае надобности разбирать железнодорожные пути и устраивать крушение поездов.

А войскам Петроградского гарнизона был отдан приказ, где говорилось, что «генерал Корнилов, заявлявший о своем патриотизме, теперь на деле показал свое вероломство. Он взял полки с фронта, ослабив его сопротивление нещадному врагу-германцу, и все эти полки отправил против Петрограда».

На эту тему удачно съязвил Лев Троцкий. «Керенский, — писал он, — благоразумно умолчал о том, что войска были сняты

с фронта не только с его ведома, но и по его непосредственному приказанию, чтобы расчистить тот самый гарнизон, которому он теперь сообщал о предательстве Корнилова».[37]

Керенский призывал войска доказать верность «свободе и революции» и проявить стойкость в защите «правительства революции».[38]

Курьез положения заключался в том, что, отрешив генерала Корнилова от должности, провозгласив его мятежником, изменником, открывшим фронт немцам, Керенский оставил в руках этого «предателя» оперативное руководство всеми армиями.

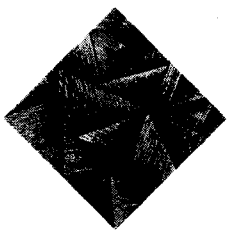
Подозревая во враждебных к себе отношениях все несоциалистические круги, Керенский открыто пошел за поддержкой и помощью к Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов.

Через несколько дней из тюрьмы был выпущен Троцкий.

«Понимал ли Керенский в эту минуту, — писал Милюков, — что, объявляя себя противником Корнилова, он выдавал себя и Россию с руками Ленину? Понимал ли он, что данный момент — последний, когда схватка с большевиками могла быть выиграна для правительства? Чтобы понять это, нужно было слишком от многого отказаться. Трагизм Керенского, особенно ярко очертившийся в эту минуту решения, состоял в том, что хотя он уже многое понял, но отказаться ни от чего не мог... Если можно сосредоточить в одной хронологической точке то «преступление» Керенского перед Россией, о котором так много говорили, то это «преступление» было совершено в эту минуту, вечером 26 августа».[39]

Глава XII

ДЕЛО КОРНИЛОВА 2



В Ставке Верховного Главнокомандующего ночь с 26 на 27 августа прошла спокойно, в полной уверенности, что перемены в Петрограде, в той форме, как их хотел генерал Корнилов, получили наконец полное одобрение главы правительства. И согласно с решением, принятым в Ставке во время переговоров с Савинковым, Корнилов телеграфировал ему, указав день, когда 3-й конный корпус сосредоточится у Петрограда, чтобы Временное правительство, объявив столицу на военном положении, могло опубликовать корниловскую программу в виде нового закона.

Какие же могли оставаться сомнения у Корнилова после переговоров с Савинковым, со Львовым и с самим Керенским, который всего несколько часов назад обещал по прямому проводу приехать в Могилев, сказав на прощание: «До свидания, скоро увидимся»?

Но кроме этих существенных доказательств были и другие причины, обнадеживавшие Корнилова в мысли, что именно в тот момент сотрудничество с Керенским в принципе было возможно, хотя бы в первой фазе задуманного дела.

14 августа произошел грандиозный взрыв пороховых и артиллерийских складов в Казани. Было уничтожено до миллиона снарядов и до 12 тысяч пулеметов. Почти одновременно произошли поджоги и взрывы нескольких заводов в Петрограде: на Малой Охте был взорван большой запас снарядов, сгорел также завод «Вестингауз». Это не было несчастным случаем. Там были замешаны немецкие агенты, и успех злого умысла в таком масштабе

оказался возможным лишь благодаря полной распущенности воинских частей, охранявших склады и заводы. Необходимо было их подтянуть и навести порядок в тылу.

20 августа немцы захватили Ригу, и надо было принимать героические меры по воссозданию армии.

Керенский это отлично понимал и принужден был согласиться с Савинковым, что при создавшихся обстоятельствах лишь генерал Корнилов мог добиться желаемых результатов.

Кроме того, в разногласиях между Корниловым и Керенским отсутствовал разлад в отношении к прошлому. Ни тот, ни другой не хотели реставрации и восстановления монархии. Оба стремились осуществить строго демократическую программу.

Таким образом, несмотря на разницу в темпераментах, характерах и взглядах, все же было возможно — при доброй воле с обеих сторон — преодолеть барьер разногласий, по крайней мере на первых порах.

И не удивительно, что телеграмма Керенского генералу Корнилову, отрешавшая его от должности Верховного Главнокомандующего, ошеломила Ставку.

А когда до Ставки дошли воззвания, приказы и прокламации Керенского, то сомнения в искренности главы правительства сменились уверенностью, что разговоры Львова и обещание Керенского приехать в Могилев были ничем иным, как явной провокацией. И на резкие и незаслуженные обвинения в вероломстве, отсутствии патриотизма, в посягательстве на свободу и республиканский строй, в умышленном ослаблении фронта при посылке войск против Петрограда (когда эти меры были санкционированы самим Керенским!), генерал Корнилов возмущенно ответил не менее резким и уже известным нам призывом к населению, где отказывался подчиниться Временному правительству: «Телеграмма министра-председателя № 4163 во всей своей первой части является сплошной ложью: не я послал члена Государственной думы Владимира Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне как посланец министра-председателя... Таким образом совершилась великая провокация».

В своем обращении генерал Корнилов не остался в долгу у Керенского. Он припечатал его соответствующей фразой: «Временное пра-

вительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского штаба»...

Как бы несправедливо ни было это обвинение, оно все же не могло сравниться с потоком явной демагогии всех правительственных воззваний, радиограмм и приказов, из которых для обывателя следовал лишь один вывод: покушаясь на «завоевания революции», Корнилов стремился к возврату старого строя. А в понятиях толпы, с подозрением относившейся ко всем генералам, это клеймило имя Корнилова штампом «врага народа».

Но кроме понятного при разногласиях задора спорящих сторон у генерала Корнилова были и более веские соображения, когда он бросил Керенскому приведенное выше обвинение и отказался сдавать свою должность.

Днем, 27 августа, в разговоре по прямому проводу с Савинковым он говорил:

— Сегодня я получил телеграмму о моем отзыве. Я вновь повторяю, что мне интересы моей родины, сохранение мощи армии дороже всего. Свою любовь к родине я доказал, рискуя много раз собственной жизнью, и ни вам, ни остальным министрам правительства не приходится напоминать мне о долге перед родиной.

Я глубоко убежден, что совершенно неожиданное для меня решение правительства принято под давлением Совета рабочих и солдатских депутатов, в составе которого много людей, запятнавших себя изменой и предательством. Уходить под давлением этих людей со своего поста я считаю равносильным уходу в угоду врагу, уходу с поля битвы. Поэтому в полном сознании своей ответственности перед страной, перед историей и перед своей совестью я твердо заявляю, что в грозный час, переживаемый нашей родиной, я со своего поста не уйду».[1]

Говорить о примирении не приходилось. Трещина между правительством и Ставкой превратилась в непроходимую пропасть.

Заговор, с полной возможностью сговора, благодаря ряду случайностей вылился в открытое вооруженное выступление против правительства.

В конспирации участвовали различные элементы. Были среди них и реакционно настроенные лица. Но движение генерала Корнилова не преследовало реставрационных целей. Устранив экс-

цессы февральской революции, оно искренно хотело закрепить ее положительные достижения.

Лучше других знал об этом Савинков. А потому бессовестным лицемерием звучала его прокламация от 28 августа: «Граждане, в грозный для отечества час, когда противник прорвал наш фронт и пала Рига, генерал Корнилов поднял мятеж против Временного правительства и революции и стал в ряды ее врагов... Со всяким посягающим на завоевания революции, кто бы он ни был, будет поступлено как с изменником».[2]

Как могла гордая душа нигилиста Савинкова так унизиться и поддаться соблазну заискивать перед Керенским и «революционной демократией», которых он презирал?

Как мог он назвать «изменником» Корнилова, которого и после смерти генерала он продолжал считать человеком безупречно честным и любящим Россию, «как немногие ее любят»? И с подчеркнутым уважением к Корнилову писать о нем, что он «имел высокую честь знать его лично» и «целиком разделял корниловскую программу»?

Эти непостижимые противоречия Савинков унес с собой в могилу.

Тем не менее можно указать на некоторые причины, которые, быть может, руководили тогда его поступком.

Он сразу понял, и в этом нет сомнения, что при сложившихся обстоятельствах карта Корнилова была бита! «В успех его выступления я не верил», — писал он. Савинков знал, что моральная зараза столицы неизбежно коснется корниловских войск, как только они увидят, что пришли в Петроград не для подавления большевистского восстания, благоразумно отмененного его лидерами, а для открытой борьбы с правительством, которое отказалось сотрудничать с Корниловым. И Савинков не хотел быть на стороне неудачника.

Есть и другое объяснение: возможно, что его тогда еще не покидала мысль о судьбе, сулившей ему стать во главе революции. И когда надежда на соглашение между Верховным и министром-председателем рухнула, то, зная, что без Керенского он Корнилову будет не нужен, Савинков цинично выбирал сторону, где, ему казалось, его честолюбивые замыслы еще имели какой-то шанс на успех. Нет сомнения, что генерал Деникин был прав, когда

говорил, что Савинков холодно взвешивал соотношения сил и степень их соответствия той личной цели, которую он преследовал.

Все дальнейшие рассуждения Савинкова, что он не мог мириться с мыслью о единоличной диктатуре, не выдерживают критики. Слишком был он своеволен и властолюбив, чтобы в принципе отрицать сильную власть, сосредоточенную в одних руках. Вопрос был лишь — в чьих руках?..

В своем прогнозе Савинков оказался прав. По мере приближения к столице корниловские войска с невероятной быстротой морально разлагались и таяли.

Все солдатские комитеты, Советы, железнодорожники, рабочие и главным образом большевики, поняв опасность, грозившую им в случае успеха Корнилова, с упорством борьбы за собственную жизнь набросились на солдат 3-го конного корпуса не с оружием в руках, а с пропагандой и прокламациями: Корнилов шел с помещиками и капиталистами, чтобы вернуть царя, чтобы закабалить крестьян и рабочих.

Своей лапидарной простотой пропаганда, направленная против Корнилова, становилась сразу понятной даже малограмотному солдату. Среди полков, шедших на Петроград, шныряли какие-то юркие личности, одетые в солдатские шинели, оглядываясь кругом, чтобы не нарваться на офицера, говорили:

— Товарищи! Керенский вас из-под офицерской палки вывел, свободу вам дал, а вы опять захотели тянуться перед офицером. Керенский за свободу и счастье народа, а генерал Корнилов за дисциплину и смертную казнь. Ужели вы за Корниловым? Корнилов — изменник России и идет вести вас на бой на защиту иностранного капитала. Он большие деньги на то получил, а Керенский хочет мира!..[3]

Даже горцев Железной дивизии, почти не говоривших по-русски, встретили распропагандированные представители Мусульманского съезда. На местных наречиях народностей Кавказа они разложили их воинский дух в два счета.

В Петрограде лица, стоявшие во главе конспиративных офицерских ячеек, проявили полную растерянность и отсутствие инициативы. Часть из них скрылась, часть была арестована.

Много было офицерских арестов и среди рядовых участников конспирации. Военное выступление в столице не состоялось.

А генерал Крымов, на энергию и твердость которого возлагалось столько надежд, затягивал отъезд из Ставки к своим войскам, разбросанным на огромном пространстве вдоль железнодорожных путей, ведущих к Петрограду.

В нем произошла большая перемена. По-видимому, Крымова сильно беспокоило влияние на генерала Корнилова всех штатских и полуштатских людей, облепивших Ставку.

«Конечно, — говорил он одному из своих друзей, — надо идти до конца. Я отдаю делу свою голову. Но 90 процентов за неудачу. Мне необходимо ехать к корпусу, но я боюсь, что, когда я оставлю Могилев, здесь начнут творить несообразное...»[4]

Пессимизм не покидал Крымова и по приезде его к войскам. Поняв безнадежность своего задания, отрезанный от Корнилова, он принял предложение одного из знакомых ему офицеров, посланного к нему Керенским, приехать в Петроград для переговоров. Генералу Крымову гарантировалась неприкосновенность личности. В Петрограде он виделся с генералом Алексеевым, а затем отправился к Керенскому. После бурного разговора с министром-председателем генерал Крымов в тот же день, 31 августа, покончил жизнь выстрелом в грудь из револьвера. Перед смертью он написал письмо Корнилову и отправил его в Ставку со своим адъютантом. Содержание письма осталось неизвестным. Генерал Корнилов его уничтожил.

На вопрос начальника штаба, генерала Лукомского, Корнилов коротко ответил: «Я письмо порвал. Ничего особенного он не пишет. Одно ясно и верно — это то, что он застрелился сам, а никто его не убивал».[5]

Выступление генерала Корнилова вызвало панику в кругах, близких к Петроградскому Совету и среди некоторых приближенных Керенского. Мысль о Дикой дивизии не давала им покоя. Пока ведутся переговоры, думали они, черкесы, ингуши и осетины начнут резать кого попало. Более робкие элементы выправляли себе заграничные паспорта и готовы были бежать без оглядки через границу с Финляндией.

Так было в первые два дня. Но потом волна покатила в обратную сторону. И именно тогда с оглушительной силой и бесспорной

очевидностью пропаганда выдвинулась на первый план как орудие классовой борьбы.

На чью поддержку мог рассчитывать генерал Корнилов?

Его изолированное положение в Ставке давало ложную картину возможностей. К нему отовсюду шли восторженные письма и телеграммы, заверявшие в лояльности и поддержке. Источником их были буржуазно-либеральные круги, представители кадетской партии, торгово-промышленники, корпус офицеров, казачьи организации, командный состав. От союзных представителей он знал, что союзники потеряли веру в Керенского, и с надеждой смотрели на него, генерала Корнилова, как на единственного человека, который мог остановить армию и страну от окончательного развала.

Прием, оказанный ему в Москве, казалось, обнадеживал, что общественное мнение всех несоциалистических группировок находится на его стороне: триумфальная встреча, когда он приехал в Москву на Государственное совещание; огромные, восторженные толпы; речь знаменитого оратора Государственной думы Ф. И. Родичева: «Вы теперь символ нашего единства. На вере в вас мы сходимся все, вся Москва!..»; телеграмма за подписью М. В. Родзянко: «Совещание общественных деятелей приветствует вас, верховного вождя русской армии. Совещание заявляет, что всякие покушения на подрыв вашего авторитета в армии и России считает преступным... в грозный час тяжелого испытания вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой и верой...».

И среди всего этого хора, певшего ему «Осанну» и обещавшего поддержку, нашелся лишь один человек, член кадетской партии В. А. Маклаков, который имел честность и мужество высказать председателю союза офицеров полковнику Новосильцеву предостережение: «Передайте генералу Корнилову, что мы его провоцируем, а особенно Милюков. Ведь Корнилова никто не поддержит, все спрячутся...»[6]

Так и случилось: Корнилов остался в одиночестве. Не отвернулись от него лишь верные ему генералы и офицеры. Многие из них, как и Корнилов, подверглись тогда аресту и заключению.

В желании отгородиться от генерала Корнилова особенно отличился комиссар при Ставке, штабс-капитан Максимилиан Максимилианович Филоненко.

Первый эсер, близкий сотрудник Савинкова, он сочувствовал программе Корнилова и даже выговорил себе важный пост в правительстве, которое должно было возникнуть после ликвидации большевиков и Петроградского совета, и тут, когда грянул гром, он — представитель Временного правительства при Ставке — увидел себя в незавидном положении. Чтобы сухим выйти из воды, Филоненко просил себя арестовать... В Ставке его просьбу исполнили и сделали ему это одолжение, фиктивно взяв с него устное обязательство не выезжать из Могилева. Это благоприятное для Филоненко обстоятельство дало ему возможность через две недели в беседе в журналистами сказать, что открытое неповиновение генерала Корнилова началось именно с того момента, когда он арестовал комиссара Временного правительства. Моральный облик Филоненко особенно ярко сказался в конце этой беседы.

— Я люблю и уважаю генерала Корнилова, — говорил он, — ...но его нужно расстрелять, и я сниму шляпу перед его могилой.[7]

Много лет спустя имя Филоненко снова появилось в газетах, но на этот раз в роли французского адвоката, защитника Надежды Плевицкой, которую Парижский суд приговорил к 20 годам тюремного заключения и каторжных работ за участие в похищении большевистскими агентами в Париже генерала Миллера.

В Петрограде с отчаянием в душе от всего происшедшего находился генерал Михаил Васильевич Алексеев. Он сочувствовал Корнилову, был в курсе общих замыслов, но многих подробностей не знал и не держал в своих руках нитей заговора, как впоследствии утверждал Керенский.

И когда корниловское движение сорвалось, М. В. Алексеев, пытаясь распутать клубок недоразумений, тщетно настаивал на мирном разрешении возникшего конфликта. Некоторые умеренные круги, желая найти безболезненный выход из политического тупика, высказывали мысль — удалить и Керенского и Корнилова, поставив на первенствующий пост в государстве генерала Алексеева. Но Керенский о таком предложении не желал и слышать. Тем не менее он сознавал, что авторитет Алексеева в военных кругах стоял высоко; что никто, кроме Алексеева, не смог бы, вступив в тот момент в переговоры от имени правительства с Корниловым, добиться от него передачи Верховного командования в новые руки

без сопротивления. Со стороны Керенского началось сильное давление на генерала Алексеева, чтобы он взял на себя тяжелое бремя посредника. В течение двух дней Керенский, по собственному признанию, упорно настаивал, чтобы Алексеев принял на себя это задание, чтобы согласился принять пост начальника штаба у него, Керенского, решившего усилить титул своей власти новым для себя званием Верховного Главнокомандующего.

Не обошлось и без элемента шантажа.

Со слов ротмистра Шапрон дю Ларрэ (впоследствии — уже в эмиграции — женившегося на дочери генерала Корнилова Наталье Лавровне) Антон Иванович Деникин записал разговор между Шапроном и генералом Алексеевым. Шапрон состоял в тайной офицерской организации в Петрограде, и 29 августа был у генерала Алексеева. Он застал его «в крайне угнетенном состоянии. Старый генерал сидел в глубоком раздумье, и из глаз его текли крупные слезы. Он сказал:

— Только что был Терещенко. Уговаривал меня принять должность начальника штаба при Верховном — Керенском... Если не соглашусь, будет назначен Черемисов... Вы понимаете, что это значит? На другой же день корниловцев расстреляют!.. Мне противна предстоящая роль до глубины души, но что же делать? Неужели нельзя связаться с Крымовым и вызвать сюда хоть один полк? Ведь у вас тут есть организация... Отчего она бездействует?»

Черемисов, пользовавшийся симпатией Петроградского Совета, был тем генералом, который, по настоянию Корнилова, не был допущен к командованию Юго-Западным фронтом, поэтому он ненавидел Корнилова.

«29 августа, — продолжал свой рассказ генерал Деникин, — Керенский отдал указ об отчислении от должностей и предании суду «за мятеж» генерала Корнилова и старших его сподвижников.

Ночь на 30 августа послужила решительным поворотным пунктом в ходе событий: генерал Алексеев ради спасения жизни корниловцев решил принять на свою седую голову бесчестие — стать начальником штаба у «главковерха» Керенского. Само назначение Керенского на этот пост вносило в дело обороны страны элемент какой-то злой и глупой шутки. Об этом кратком, всего не-

сколько-дневном периоде своей жизни Алексеев говорил впоследствии всегда с глубоким волнением и скорбью».

30 августа, днем, генерал Алексеев связался по телеграфу со Ставкой, довел до сведения генерала Корнилова, что «после тяжкой внутренней борьбы» принял назначение, чтобы ликвидировать все происшедшее без кровопролития. Он сообщал, что приедет в Могилев лишь в том случае, если от имени генерала Корнилова ему будет дано обещание, что верховное командование подчинится его решению и передаст ему свои функции.

Условия генерала Алексеева были приняты. Ставка ему подчинилась. Но, дав Алексееву «carte blanche», чтобы бескровно покончить с возможным сопротивлением Ставки, Керенский тем не менее за его спиной и без его ведома вел интригу с двумя революционно настроенными авантюристами полковниками Верховским и Коротковым — двигать на Могилев карательные отряды для подавления и разгрома «контрреволюции». Узнав об этом по дороге в Могилев, Алексеев с глубоким возмущением потребовал по прямому проводу немедленной отмены этих мер, грозясь, в противном случае сложить с себя обязанность миротворца.

Оправдываясь и стараясь замять следы двуличия, Керенский говорил Алексееву, что распорядился посылкой войск лишь для того, чтобы не подвергать возможному риску генерала Алексеева, а также членов чрезвычайной следственной комиссии, тоже направленных в Могилев для допроса генералов и офицеров Ставки.

Впоследствии он писал, что и Верховскому, и Короткову он «неизменно отвечал предложением готовиться», не давая, однако, своего согласия выступать без его — Керенского — на то особого разрешения.[9]

И не удивительно, что при первом свидании с генералом Алексеевым в Могилеве, генерал Корнилов позволил себе бросить ему упрек: «Вам трудно будет выйти с честью из создавшегося положения. Вам придется идти по грани, которая отделяет честного человека от бесчестного...»[10]

Упрек был тяжелым и незаслуженным: генерал Алексеев с болью в душе, сознательно жертвовал своим именем и самолюбием,

чтобы спасти корниловцев и сохранить аппарат верховного руководства армиями.

Он приехал в Могилев 1 сентября. Долго говорил с Корниловым и его начальником штаба. А вечером вызвал к себе в штаб по срочному делу генерала Лукомского. Из Петрограда от Керенского пришло требование немедленно арестовать генералов Корнилова, Лукомского, Романовского и других участников выступления, чтобы успокоить революционную демократию.

Сообщая в Петроград по прямому проводу, что и это требование им выполнено, генерал Алексеев закончил ленту разговора словами: «Вижу, что мы окончательно попали... в цепкие лапы Советов».[11]

В эти тяжелые минуты, когда генерал Корнилов пришел к заключению, что все пошло прахом, мысль о самоубийстве не могла не прийти ему в голову. Ведь и мужественный Крымов при схожих обстоятельствах сознательно оборвал свою жизнь.

Кроме других причин на душевное состояние генерала Корнилова должна была давить с невероятной тяжестью и опрометчивая фраза в одном из его воззваний, составленных Завойко. Там черным по белому говорилось: «Я заявляю всему народу русскому, что предпочитаю смерть устранению меня от должности Верховного».

Эта фраза исключала возможность выбора, она проводила черту.

«Его мысли, — писал А. И. Деникин, — разгадала друг-жена, делившая с ним 22 года его трудную беспокойную жизнь... В той самой комнате, где некогда томился духом свергаемый император, происходила новая мистерия, в которой шла борьба между холодным отчаянием и беспредельной преданной любовью.

Выйдя из комнаты, мать сказала дочери:

— Отец не имеет права бросить тысячи офицеров, которые шли за ним. Он решил испить чашу до дна».[12]

Сперва всех арестованных поместили в могилевской гостинице «Метрополь», а 11 сентября, ночью, их перевезли за 50 верст от Ставки в Быхов, уездный город Могилевской губернии.

Во время сидения в гостинице «Метрополь» к генералу Лукомскому пришел только что произведенный в генерал-майоры

брат жены А. Ф. Керенского В. Л. Барановский. Одно время он был начальником штаба у Лукомского, когда тот командовал дивизией.

На сухой вопрос Лукомского: «Что можете сказать?» — Барановский ответил: «Только то, что уже сказано генералом Корниловым, то есть что все произошло вследствие провокации Керенского.[13]

В наступившей смуте Ленин сразу увидел тот исключительный случай, который открывал перед ними неограниченные возможности. Ленин скрывался тогда в Финляндии.

В его письме от 30 августа в Центральный Комитет партии большевиков с поразительной ясностью бросается в глаза то огромное дарование, которым он обладал в области революционной стратегии и тактики.

Вот некоторые выдержки из этого нескладного по стилю, но важного по содержанию документа:

«Возможно, что эти строки опоздают, ибо события развиваются с быстротой, иногда прямо головокружительной... Восстание Корнилова есть крайне неожиданный и прямо-таки невероятно крутой поворот событий.

Как всякий крутой поворот, он требует пересмотра и изменения тактики. И, как со всяким пересмотром, надо быть архиосторожным, чтобы не впасть в беспринципность. По моему убеждению, в беспринципность впадают те, кто... скатывается до оборончества или... до блока с эсерами, до поддержки Временного правительства.

И поддерживать правительство Керенского мы *даже* теперь не должны. Это беспринципность. Спросят: неужели не биться против Корнилова? Конечно, да! Но это не одно и то же: тут есть грань... Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная, и забывать ее нельзя.

В чем же изменение нашей тактики после восстания Корнилова?

В том, что мы видоизменяем *форму* нашей борьбы с Керенским. Ни на йоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова,

сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо учесть момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы *иначе* теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснять народу (борющемуся против Корнилова) слабость и *шатания* Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это самое *главное*: в этом видоизменение.

Далее видоизменения в том, что теперь главным стало усиление агитации за своего рода «частичные требования» к Керенскому — арестуй Милюкова, вооружи питерских рабочих, позови кронштадские, выборгские и гельсингфорские войска в Питер, разгони Государственную думу, арестуй Родзянку, узаконь передачу помещичьих земель крестьянам... И не столько... к Керенскому должны мы предъявлять эти требования, сколько к рабочим, солдатам и крестьянам, *увлеченным* ходом борьбы против Корнилова. *Увлекать* их дальше, поощрять их избивать генералов и офицеров, высказавшихся за Корнилова...

...И агитировать надо сию минуту не столько прямо против Керенского, сколько косвенно, против него же, но *косвенно*, именно: требуя активной и активнейшей, истинно-революционной войны с Корниловым. Развитие этой войны одно только может *нас* привести к власти и *говорить* в агитации об этом поменьше надо (твердо памятуя, что завтра же события могут нас поставить у власти и тогда мы ее не выпустим).

...Теперь время *дела*, войну против Корнилова надо вести революционно, втягивая массы, поднимая их, разжигая их... [Курсив Ленина].[14]

Никто не умел так пользоваться разрушительным инстинктом толпы!

О Ленине кто-то сказал, что он словно топором обтесывал свои мысли и преподносил их в лубочно упрощенном виде. Но именно в этой топорной работе, в умении упрощать свою мысль заключалась его невероятная сила. Его лозунги были понятны народным массам. Он умел ими руководить.

А министр-президент, не считаясь со стихией, которая уже помимо него вступила в борьбу с Корниловым, приписывал лично себе успех в разгроме своего оппонента. И, потирая руки, он с удовольствием думал: пусть знают теперь все как «безвольный» Керенский расправился с «сильным» Корниловым.

В этом смысле типичен его разговор с Савинковым. В разгар корниловского движения Савинков спросил Керенского, понимает ли он, что армия после удара, нанесенного ей, погибнет. «Керенский мне ответил, — писал Савинков, — что армия не погибнет, и что напротив, воодушевленная победой над контрреволюцией, она ринется на германцев и победит».[15]

Керенский не понимал, что своей победой над Корниловым он раз и навсегда подрубил тот сук, на котором сам едва держался.

Тем временем «Чрезвычайная следственная комиссия по делу генерала Корнилова» методически собирала огромный материал: протоколы допросов свидетелей и обвиняемых, письма, телеграммы, ленты разговоров по прямому проводу, приказы, воззвания. К концу октября 1917 года она почти уже закончила свое расследование. Оставалось лишь допросить А. Ф. Керенского.

27 августа, чтобы установить виновность Корнилова, он дал свои показания судебному следователю Петроградского окружного суда, но комиссией еще ни разу не был допрошен.

И вот наконец настал день допроса. Этот эпизод — совершенно неизвестный иностранному читателю — представляет значительный интерес. «Допрос Керенского, — свидетельствовал бывший член этой Комиссии Николай Петрович Украинцев, — состоялся во второй половине октября. Готовясь к этому допросу, мы отдавали себе отчет в том, с какими трудностями он связан: ведь нам предстояло допросить как-никак главу правительства и предлагать ему вопросы, в которых он может усмотреть недоверие или сомнение комиссии к его словам. Поэтому было решено приготовить вопросник, в котором бы вопросы были сформулированы так, чтобы исключить возможность Керенскому уклониться от точного ответа на вопрос, но вместе с тем чтобы формулировка вопросов включала в себя элемент особого уважения к высокому положению свидетеля. Вопросы, которые могли бы быть особенно неприятны председателю Совета министров, должны были быть помещены в конце.

...Благодаря нескромности или неосторожности одного из членов комиссии некоторые сведения, касавшиеся следствия, попали в печать. Петроградские газеты использовали эти сведения против

Керенского, то, что, конечно, не могло... не вызвать его неудовольствия...

...Мы не ожидали любезного приема со стороны Керенского, но чтобы прием мог кончиться катастрофой, как это вышло на самом деле, к этому мы не были подготовлены...

...Керенский принял нас в Зимнем дворце, в царской библиотеке. В промежутке между двумя громадными окнами, выходящими на Неву, стояло большое деревянное резное кресло, напоминавшее трон. Против трона был расположен довольно длинный стол. Мы сели за этот стол. Керенский занял место на троне. Если бы я захотел охарактеризовать позу Керенского на троне, то я должен был бы употребить слово «развалился на троне». Это конечно мелочь, но по ней мы сразу почувствовали, что это неспроста, что таким способом нам дается понять, какая дистанция отделяет нас от оказавшего нам честь столь важного свидетеля. Шабловский в знак уважения вел допрос стоя. Приглашенная нами стенографистка, многолетня стенографистка Государственной думы Туманова, вела запись.

Первые же ответы Керенского последовали в такой резкой форме, в таком повышенном тоне, что Шабловский растерялся... Первым не выдержал Раупах, он встал и попросил уточнить ответ, за ним последовал Либер. Тут Керенский окончательно утратил самообладание. Он вскочил и буквально стал кричать на нас. Мы молча переглянулись с Шабловским, и он решительно объявил перерыв. В этот момент встала Туманова и громким голосом сказала, обращаясь к Керенскому:

— Мне стыдно за вас, Александр Федорович, мне стыдно за то, как вы позволяете себе обращаться с комиссией, исполняющей свой долг.

Это был последний акт нашей комиссии... Единодушно, как и во всех актах, мы пришли к заключению, что объяснения Керенского... необходимы, но, охраняя независимость нашу как органа судебно-следственной власти, обращаться с нами так, как это позволил себе Керенский, мы больше не допустим... На этом мы разошлись, и спустя несколько дней наступило 25 октября».[16]

После захвата власти большевиками комиссия Шабловского прекратила свое существование, так и не добившись от Керенского

ответов на многие щекотливые для него вопросы. Таким образом, комиссия была лишена возможности составить официальное заключение о результатах своей работы и подвести итоги расследования.

И эти итоги пытался подвести А. Ф. Керенский: стенограмма его допроса каким-то образом попала в руки Керенского после того, как он бежал из Петрограда в момент восстания большевиков. Текст этой стенограммы был переработан самим Керенским, с его добавлениями, сокращениями, исправлениями с комментарием, и выпущен в 1918 году издательством «Задруга» в Москве, при большевиках, под заглавием «Дело Корнилова».

За свою долгую жизнь в эмиграции в многочисленных писаниях Керенский возвращался к этому больному для него вопросу, проявляя при том — как выразился С. П. Мельгунов — «поразительную неточность в изложении фактов» и «представляя их всегда односторонне, под углом зрения самооправдывающегося мемуариста».

В своей первой книге он подчеркивал, что никогда не сомневался в любви генерала Корнилова к родине. «Я видел, — писал он, — что не в злой воле, а в малом знании и великой политической неопытности причина его поступков».

Но чем старше становился Керенский, тем нетерпимее был его тон в отношении всех своих прежних политических недругов. В особенности доставалось генералу Корнилову. В книгах и статьях повторялись запальчивые фразы демагогических воззваний и приказов конца августа 1917 года: Корнилов сознательно сдал Ригу немцам, оттянув с Северного фронта свои войска для их применения против Петрограда, а затем свалил всю вину на распущенность солдат для того, чтобы ввести в армии суровую дисциплину. Поступкам Корнилова приписывалась уже не только политическая неопытность, но и сознательно-коварная злая воля.

Как нам известно, 3-й конный корпус не был на Северном фронте, а находился в резерве Юго-Западного фронта у генерала Деникина.

Да и не сам ли Керенский (не зная, что Корнилов по собственной инициативе принял те же меры) вызвал этот корпус для защиты Временного правительства в Петроград?

Одним словом, чтобы оправдаться в глазах истории, Керенский расточительно пользовался подбором явно негодных обвинений, умалчивая в то же время о собственных ошибках.

В провале февраля, по его мнению, оказались виновными все, кроме самого Керенского.

Через полвека — на основании обильного материала, — суть корниловского «дела» рисуется в совершенно ином освещении, чем его старался изобразить А. Ф. Керенский.

И Корнилов, и Керенский видели зло в двоевластии. Оба сознавали, что слабость правительства и сила безответственного Совета рабочих и солдатских депутатов толкали страну к анархии.

Корнилов хотел решительными мерами уничтожить большевистскую заразу, разогнать Советы и установить в стране твердую власть, чтобы, продолжая войну, довести Россию до Учредительного собрания. Он шел к своей цели прямо, скрывая, однако, от Керенского (в искренности которого он сомневался) ряд конспиративных шагов, предпринятых им в этом направлении.

Того же хотел Керенский, но не имел мужества признаться в своих желаниях.

С тех пор как стал главой правительства с решающим в нем голосом, он тоже желал сильной власти, сосредоточенной именно в его руках. Своим постоянным вмешательством в вопросы государственного управления Советы его раздражали. Сохраняя за собой звание товарища-председателя Совета, Керенский в заседаниях этого учреждения участия больше не принимал. А потому, ничего не имея против расправы с Советами, при условии, чтобы она произошла бы помимо него, как бы даже наперекор его желанию, он предпочитал оставаться в стороне от возможного применения оружия и силы.

С этой целью и состоялся сговор между министром-председателем и Верховным Главнокомандующим — при содействии Савинкова — о посылке в Петроград 3-го конного корпуса. Эти войска должны были, кстати, разоружить и обуздать развращенный гарнизон столицы, а также кронштадских матросов.

На этом сговор кончался. Как и вся краткая история взаимоотношений Керенского с Корниловым, сговор между ними базировался на недоговоренности и взаимном недоверии. Таким образом, открывалось широкое поле для недоразумений.

А одним из главных источников недоразумений оказался Савинков. В личных целях, стараясь захватить руководство революцией в свои руки, он в роли посредника пытался путем сложной интриги объединить для совместной работы в правительстве Керенского и Корнилова, сознательно вводя в заблуждение и того, и другого об истинных намерениях каждого из них. Он действовал как азартный игрок. А проиграв игру, он не только цинично умыл руки, но и бросил заведомо ложное обвинение тому, кого по своему любил и уважал.

«Были моменты, — писал в своих воспоминаниях В. Б. Станкевич, близкий сотрудник и Керенского и Савинкова, — когда все действующие лица верили в то, что они действуют не только в одном направлении, но одинаково рисуют себе самый ход события.[17]

Но, несмотря на эти моменты иллюзий, и Керенский, и Корнилов, и Савинков, каждый из них в отдельности желал, добившись своей цели, отделаться от своих сотрудников или беспрекословно подчинить их своей воле.

Керенский, несомненно, мечтал скорее избавиться от Корнилова, предварительно использовав его для укрепления собственного положения.

И когда он вдруг узнал, что строптивый партнер не только нарушил соглашение, поставив во главе войск неугодного генерала Крымова, включив в них Дикую дивизию, но и возымел намерение взять управление страной в свои руки, предоставив ему, Керенскому, второстепенный пост в своем кабинете, то Керенского это открытие ошеломило до потери душевного равновесия. Ревнивое охранение своего первенства, страх за собственное будущее; одним словом, личные чувства и мотивы затмили все остальное.

Отрешив Корнилова от командования на основании непроверенных и ложных сведений об «ультимативных требованиях», поставив его в положение мятежника, когда он таковым еще не был и мог им не быть, Керенский спровоцировал корниловское выступление. А воззвания его о том, что Корнилов по собственному почину снял войска с фронта, чтобы послать их против Петрограда, были лицемерием и грубым искажением истины. Своим демагогическим тоном они вызвали на помощь тех «злых духов из бездны», с которыми Керенский справиться был не в силах.

В глазах солдат он окончательно скомпрометировал весь корпус офицеров, а среди либеральной и несоциалистической интеллигенции подорвал то небольшое чувство доверия к правительству, которое все же кое-где существовало.

Несмотря на надменный тон обвинителя, Керенский — по существу дела — являлся не только заинтересованным свидетелем, но перед лицом истории он был и остался таким же подсудимым, как и генерал Корнилов.

В противоречивых обвинениях и самооправданиях, в личном соперничестве и вражде друг к другу, всплыло на поверхность немало горечи. Но в конечном счете личный элемент конфликта заслоняется теми грандиозными последствиями, которые он вызвал.

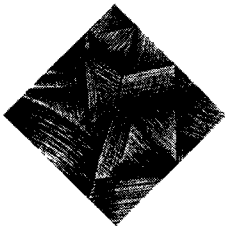
И тут возникает вопрос: кто же из двух оппонентов несет перед историей главную ответственность за то, что дверь к захвату власти большевиками распахнулась настежь?

Своими непродуманными, импульсивными поступками оба повинны в происшедшей трагедии. Но из этого не следует, что и Керенский, и Корнилов — оба виноваты одной виной.

Несмотря на все ошибки генерала Корнилова, история не может принять утверждение А. Ф. Керенского, что именно Корнилов открыл дверь большевикам. Разбираясь во всей сложной совокупности противоречий этого конфликта, тщательно взвешивая показания его участников, свидетелей и современников, приходится согласиться с заключением, к которому пришли в свое время историки русской революции П. Н. Милюков и С. П. Мельгунов. Они считали, что непоправимой катастрофой было не само по себе выступление Корнилова, а правительственные меры, принятые для его ликвидации.

Глава XIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ В БЫХОВЕ



Закончив свое задание по мирной ликвидации корниловского выступления, генерал Алексеев не желал продолжать оставаться на должности начальника штаба у Керенского, которому он не верил. 10 сентября правительство освободило его от этих обязанностей.

Попытки генерала Алексеева облегчить судьбу заключенных, добившись от правительства их «помилования» вместо одобрения, вызвали резкое осуждение со стороны Корнилова. Он желал реабилитации, но отнюдь не «амнистии».

«Считая себя — если не юридически, то морально — правыми перед страной, — писал генерал Деникин, — мы хотели и ждали суда».[1]

И тут в полной мере выявился духовный облик генерала Алексеева. Он далеко перешагнул через ту человеческую грань мелких самолюбий, где личные выпады и колкости, направленные по его адресу, могли вызвать соответствующие реакции и поступки. Он сознательно жертвовал своей репутацией, своим именем для достижения определенной цели: во что бы то ни стало сохранить жизнь заключенных генералов для борьбы с надвигавшейся анархией.

Корнилова он уважал, но не любил. Тем не менее Корнилов был знаменит, и это знамя нужно было хранить. Оно со временем могло привлечь и сплотить вокруг себя русских патриотов. За Корниловым шло офицерство. Множество офицеров было арестовано и, по постановлению Керенского, лишено жалования. Семьи их бедствовали и голодали. Чтобы облегчить их участь, а главное, чтобы спа-

сти жизнь Деникина, находившегося тогда под арестом в Бердичеве, генерал Алексеев 12 сентября обратился к П. Н. Милюкову с призывом о помощи.

Он написал ему письмо на второй день после своего ухода с поста начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Письмо это представляет большой исторический интерес, и потому, за исключением нескольких менее значительных фраз, ниже цитируется текст почти полностью.

«Основная причина моего ухода — коренное несогласие с направлением дела Корнилова и особенно Деникина, и лиц, с ними привлеченных к ответу.

Усилия лиц, составляющих правительство, сводятся к тому, чтобы убедить всю Россию, что события 27—31 августа являются мятежом и авантюрой кучки мятежных генералов и офицеров, стремившихся свергнуть существующий государственный строй и стать во главе управления. Стараться убедить в том, что дело это простое, несложное; что кучка мятежников, не опиравшаяся на сочувствие и помощь каких-либо кругов, проявила измену родине и мятеж, а потому кучка эта подлежит быстрому преданию, самому примитивному из судов — суду военно-революционному и заслуженной смертной казни.

В этой быстроте суда и в этих могилах должна быть скрыта вся истина, действительные цели движения, участие в деле членов правительства, чтобы легче достигнуть этой цели, прибегают к недостойному приему, хотят выделить дело арестованных в Бердичеве восьми лиц: Деникина, Маркова, Эльснера, Эрдели, Ванновского и еще трех; хотят, опираясь на законченность расследования, судить их на месте, в военно-революционном суде.

Страсти в Бердичеве комиссаром Иорданским, его помощником и армейским комитетом приподняты до наивысшего градуса. Откровенно требуют казни. Правительство якобы бессильно извлечь из Бердичева обвиняемых, соединить все дело в одно общее (в Бердичеве второстепенные участники) и судить там, где суд будет свободен от влияний возбужденной грубой черни и ее вдохновителей.

...Совершается возмутительное дело, а общественная совесть спит, честная печать эту совесть не будит, она молчит. Неужели она будет только оплакивать могилы честных русских людей, искус-

ных и доблестных генералов, любящих Россию и только ради нее поставивших на карту свое доброе имя и свою жизнь!

Дело Корнилова не было делом кучки авантюристов. Оно опиралось на сочувствие и помощь широких кругов нашей интеллигенции, для которой слишком тяжелы были страдания родины, доведенной до гибели неудачным подбором правителей-министров.

Никто не мог доказать, что движение направлено было против существовавшего 27—31 августа государственного строя. Оно было направлено исключительно против последовательно вступающих в состав министерства и быстро уходящих из него лиц, не могущих составить прочной, твердой власти и ведущих государство к конечной гибели. Цель движения — не изменять существующий государственный строй, а переменить только людей, найти таких, которые могли бы спасти Россию.

Выступление Корнилова не было тайной от членов правительства, вопрос этот обсуждался с Савинковым, Филоненко и через них — с Керенским. Только примитивный военно-революционный суд может скрыть участие этих лиц в предварительных переговорах и соглашении. Савинков уже должен был сознаться печатно в этом. Филоненко будет выведен на чистую воду. Он в будущем министерстве претендовал на пост министра иностранных дел, великодушно на другой день соглашаясь на пост министра внутренних дел.

Участие Керенского бесспорно. Почему все эти люди отступили, когда началось движение, почему отказались они от своих слов, я сказать не умею.

...Участники видимые объявлены авантюристами, изменниками и мятежниками. Участники невидимые или явились вершителями судеб и руководителями следствия, или отстранились от всего, отдав около тридцати человек на позор, суд и казнь.

Вы знаете до известной степени, что некоторые круги нашего общества не только знали обо всем, не только сочувствовали идейно, но, как могли, помогали генералу Корнилову.

Корнилов не искал власти для себя, цель его была — создание власти твердой, прочной, из людей, могущих более надежно вести Россию к спасению. Но ведь это — желание и стремление всего честного и любящего свою родину!

Почему же ответить должны только 30 генералов и офицеров, большая часть которых и совсем не может быть ответственною. Неужели в угоду всесильной демократии и для спасения участников, которые хотят спрятать свое участие?

Корнилов не покушался на государственный строй. Он стремился при содействии членов правительства изменить состав последнего, подобрать людей деятельных и энергичных.

Это — не измена, не мятеж. Здесь нет признаков преступления, предусмотренного статьей 110-й устава о наказаниях воинских. Едва ли можно подвести даже под статью 100-ю... Эта статья не влечет предания военно-революционному суду.

Такого суда быть не может. Суд должен быть обычный, где участие прокурора, председателя-юриста, защитников обеспечит широту расследования. Для господ Филоненко тогда будет иная работа, кроме снимания шляпы перед могилой Корнилова; им придется занять место рядом с генералом Корниловым...

Генерал Деникин и прочие, находящиеся во власти Иорданского и фронтового комитета Юго-Западного фронта, виновны: 1) в выражении телеграммою, что они солидарны с идеями генерала Корнилова; 2) в рассылке воззваний генерала Корнилова.

Пусть юристы определят, по какой статье можно предъявить обвинение этим генералам, пусть скажут они свое слово громко и авторитетно: а) можно ли судить этих 8 лиц отдельно от ген. Корнилова судом неправым и поспешным; б) компетентен ли комиссар Юго-Западного фронта и Главнокомандующий предать суду этих второстепенных участников, когда главные будут преданы суду властью правительства.

Я уверяю, что страсти, доведенные до ненависти грубой толпы и солдат в Бердичеве, созданы искусственно нечестным, дрянненьким составом комитета, проявляющим демагогические стремления. Комитет имел счеты с Деникиным и Марковым, поставившими предел запусканию лапы комитета в казенный денежный мешок, а Иорданский — мелко мстительный и ничтожный духовно — имел несколько столкновений с Деникиным и Марковым.

Неужели Россия не должна знать и не узнает этого? Неужели нельзя заставить правительство голосами честной России извлечь 8 генералов из Бердичева и присоединить их дело к общему?..

У меня есть еще просьба. Я не знаю адресов гг. Вышнеградского, Путилова и других. Семьи заключенных офицеров начинают голодать. Для спасения их нужно собрать и дать комитету Союза офицеров до 300 000 рублей. Я настойчиво прошу их прийти на помощь. Не бросят же они на произвол судьбы и голодание семьи тех, с которыми они были связаны общностью идей и подготовки! Я очень прошу вас взять на себя этот труд и известить меня о результатах. В этом мы, офицеры, более чем заинтересованы.

Нужно сказать, что если честная печать не начнет немедленно энергичного расследования дела, настойчивого требования правды и справедливости, то через 5—7 дней наши деятели доведут дело до военно-революционного суда, с тем чтобы в несовершенных формах его утопить истину и скрыть весь ход этого дела. Тогда генерал Корнилов вынужден будет широко развить перед судом всю подготовку, все переговоры с лицами и кругами, их участие, чтобы показать русскому народу, с кем он шел, какие истинные цели он преследовал и как в тяжелую минуту он, покинутый всеми, с малым числом офицеров предстал перед спешным судом, чтобы заплатить своею судьбою за гибнущую родину.

Вот суть моей мольбы к вам. Помогите и поддержите.

Михаил Алексеев».[2]

После захвата власти большевиками письмо генерала Алексеева было найдено ими во время обыска среди бумаг Милюкова и напечатано в газете «Известия» в декабре 1917 года.

Ни Милюков, ни тем более Алексеев никогда, конечно, не предполагали, что это письмо будет опубликовано. И именно поэтому содержание его приобретает особый интерес как доверительный документ, не рассчитанный на постороннего читателя и выражающий ничем не прикрытые взгляды на корниловское выступление. Генерал, близко стоявший к движению, обращался с призывом о помощи к общественному деятелю, тоже бывшему в курсе корниловских планов и хорошо знавшему то, что Корнилов хотел осуществить. В этом вопросе и Алексеев и Милюков были в тот момент единомышленниками, и у генерала Алексеева не было причин кривить душой и придавать целям Корнилова иной оттенок, чем тот, который они на самом деле преследовали. И в данном случае Алексеев определенно утверждал, что корниловское движение не

было направлено против государственного строя, существовавшего 27—31 августа 1917 года, и что цель его заключалась лишь в перемене неудачного правительственного состава, чтобы найти таких людей, которые могли бы спасти Россию.

Таким образом, по авторитетному и искреннему убеждению генерала Алексеева, корниловское выступление не было «движением против февральской революции», как это тогда и впоследствии утверждал Керенский.

Мы расстались с генералом Деникиным в тот момент, когда его и подчиненных ему офицеров, арестованных в Бердичеве, доставили в загаженный конским навозом товарный вагон для препровождения в Быхов — для общего суда над всеми участниками корниловского выступления.

Заключенные в Быхове находились в старом, угрюмом двухэтажном здании, когда-то католическом монастыре, потом женской гимназии, превращенной в тюрьму. Забор и железные ворота рядом со старым костелом отделяли внешний мир от теремного двора. По краям его был деревянный тротуар. Он был необходим, так как в дождливые дни грязь во дворе стояла непролазная. Дальше — окна в глубоких впадинах с решетками; тяжелая деревянная дверь, темная лестница; низкие комнаты со сводчатым потолком. И в этой неприветливой обстановке те арестованные, которых уже несколько недель назад перевезли сюда из Ставки, ждали с тревогой и волнением приезда генерала Деникина и его сослуживцев. Они знали, что творилось в Бердичеве, и мысль о возможном самосуде над Деникиным не давала им покоя. При свидании вздох облегчения вырвался у всех: слава Богу, уцелел!

— Очень сердитесь на меня за то, что я вас так подвел? — обнимая Антона Ивановича, говорил ему генерал Корнилов.

— Полноте, Лавр Георгиевич, в таком деле личные невзгоды ни при чем.

Весь мучительный период бердичевского заключения генерал Деникин перенес с поразительной стойкостью. Но после приезда в Быхов из-за всего пережитого наступила сильная депрессия. Однако он скоро ее преодолел. Его же начальник штаба и верный друг Сергей Леонидович Марков, самый молодой из арестованных

генералов, — как ни в чем не бывало проявлял необычайную бодрость: «Нет, жизнь хороша, — писал он, — и хороша во всех своих проявлениях».

В первый раз с середины августа увидел Антон Иванович свою невесту. Она стремилась к нему в Бердичев. Но, ограждая ее от опасности, он строго запретил ей туда появляться. Жила она в Киеве, на квартире покойной Елизаветы Федоровны Деникиной, матери генерала. В ужасе от того, что случилось с Антоном Ивановичем, она помимо него очень толково и дельно организовала в Киеве защиту. Привлечен был В. А. Маклаков, известный юрист и оратор, член Государственной думы, защитник в процессе Бейлиса. Но Маклаков был в Москве, и ввиду той поспешности, которую проявлял комиссар Юго-Западного фронта Иорданский, судить генерала Деникина военно-революционным судом — Ксения Васильевна привлекла группу известных киевских адвокатов, которые взяли на себя защиту генерала Деникина, образовав коллегию. Состояла она из присяжных, поверенных разных политических партий. Входили в нее Григорович-Барский, Калачевский и Лещ. Последнему были переданы Ксенией Васильевной отобранные из архива Антона Ивановича письма, рукописи, печатные статьи, дававшие характеристику его общественно-политических взглядов. Кроме того, в Киеве наготове находился автомобиль: коллегия опасалась, что «суд» и расстрел могут произойти слишком скоропалительно. Нужно было не опоздать с юридическим вмешательством. К счастью, эти предосторожности оказались излишними.

И вот настал день встречи.

— Вошла в камеру и... смутилась, — рассказывала Ксения. Васильевна. — Там много народу и все на меня смотрят. Улыбается своей милой, смущенной улыбкой мой генерал. А мне хочется целовать его руки и плакать...[3]

Условия заключения в Быхове во многом отличались от тюремной жизни в Бердичеве.

В пределах здания арестованные в Быхове пользовались полной свободой. Внутри здания их охраняли преданные и верные генералу Корнилову текинцы. Наружную охрану несла рота Георгиевского полка.

«Официально, — писал генерал А. С. Лукомский, — мы все время, кроме необходимого на пищу и предоставляемого для про-

гулки, должны были сидеть по своим комнатам; но в действительности внутри здания мы пользовались полной свободой и ходили, когда хотели, один к другому. Денежного содержания мы были лишены; но пищу нам разрешено было готовить на казенный счет такую же, как давали в офицерских собраниях. Из Ставки в Быхов был прислан повар, и нас кормили вполне удовлетворительно...

Прогулка нам разрешалась два раза в день во дворе, вокруг костела. Впоследствии для наших прогулок отвели большой сад, примыкавший к дому, в котором мы помещались».[4]

Женам заключенных дали разрешение поселиться в Быхове. Они посещали тюрьму ежедневно. Приемные часы были с 10 часов утра до 6 часов вечера. Одним словом, после тюремного режима в Бердичеве ограничения в Быхове казались чистой формальностью».

— Создалось такое впечатление, — говорил Антон Иванович, — будто всем было очень неловко играть роль наших тюремщиков».[5]

Генералов Деникина и Маркова вселили в комнату, где уже находился Иван Павлович Романовский, бывший генерал-квартирмейстер Ставки. Дружба между ним и Деникиным, начавшаяся в Быхове, прошла через весь период гражданской войны и оборвалась лишь с убийством генерала Романовского неопознанным злоумышленником 5 апреля 1920 года в бильярдной комнате русского посольства в Константинополе.

Комнату трех генералов, а также некоторых из обитателей Быховской тюрьмы описала в своей неопубликованной рукописи Ксения Васильевна: «Два окна. Между ними единственный столик; на нем маленькая, корявая, закоптелая керосиновая лампа. Два стула. Так что все сидят на своих кроватях. Я сажусь рядом с Антоном Ивановичем на жесткую кровать, прикрытую солдатским одеялом, и мы потихоньку начинаем разговор под шум голосов. С тех пор больше месяца я каждый день по два раза приходила в тюрьму. В сущности, проводила в ней весь день.

Утром после чая шла туда, возвращалась к обеду, после обеда опять и приходила (домой) к ужину. Познакомилась и присмотрелась ко всем быховцам... Рядом с нашей камерой жил генерал Корнилов... Против Корнилова через коридор помещались

Лукомский и Эрдели, рядом с ними Эльснер и Ванновский, дальше Кисляков и Орлов. Потом молодые офицеры, часть которых помещалась в нижнем этаже, где была столовая. Все генералы собирались всегда в нашей комнате, отчасти потому что она была больше других и «женский элемент» вносил оживление. Особенно жена генерала Романовского, Елена Михайловна, очень оживленная и остроумная. Из дам была еще жена генерала Лукомского. Сидели на кроватях, на сундучках и чемоданах, выдвинутых из-под кровати.

Сергей Леонидович Марков обыкновенно шагал из угла в угол, на ходу споря и разговаривая, или клал пасьянс на колченогом столике. Иногда к нему подсаживался Орлов и давал советы. И если пасьянс не выходил, Марков посылал его к черту, бросал карты и вскакивал. Первое время меня немного пугал Сергей Леонидович своей шумной резкостью. Зато с первого же дня удивительно понравился И. П. Романовский. Фигура у него несколько массивная, широкоплечая, хотя без всякой полноты. Одет как-то изысканнее других. Говорит немного. Как будто не любит двигаться, все больше сидит на своей кровати, слушает постоянные споры. Лицо умное, а улыбка очень добрая. Наблюдая их всех изо дня в день, я заметила, что он часто знает больше других. И, вступая в разговор, он старался так деликатно вести его, чтобы не дать почувствовать, что он сведущее своего собеседника. Тогда еще он не был так близок с Антоном Ивановичем. Они присматривались друг к другу, чувствуя взаимную большую симпатию, но оба не обладали ни экспансивным нравом, ни разговорчивостью. Связующим звеном служил Марков. Он был дружен и с Иваном Павловичем с ранней юности, а за войну очень привязался к Антону Ивановичу.

Удивлял меня немножко А. С. Лукомский своим самоуверенным тоном. Говорил он резко, отчетливо, внушительно... Меня он подкупил тем, что искренне любил покушать и делал это как-то особенно аппетитно и вкусно. Жена его, дочь знаменитого генерала Драгомилова, прямо очаровала меня. Представительная, умная, тактичная, она умела всякого подкупить. Подмечала замечательно чутко слабые и чувствительные места и говорила каждому, что ему приятно.

...В первый раз я увидела Корнилова во дворе. Мы возвращались после прогулки с Антоном Ивановичем, и почти у дверей

мимо нас прошел небольшого роста генерал, с желтым лицом и немного кривыми ногами, помахивая палкой или хлыстиком. Антон Иванович сжал мне руку и показал глазами ему вслед:

— Корнилов.

— Неужели?!

В этом слове было разочарование. Я себе его представляла совершенно иначе, хотя и видела его портреты в газетах и журналах. Ничего величественного, ничего такого героического...

В тот же день после обеда Корнилов пришел в нашу камеру. При его входе все встали и вытянулись. Здесь, в Быхове, или как его шутя называли «Под-Ставке», он был по-прежнему Верховным, так его и звали за глаза, так к нему и относились.

...Корнилов принимал участие в разговоре с большим интересом и искренно смеялся над тихими замечаниями Кислякова и громкими Маркова. Вообще он приходил в нашу камеру не очень часто. Ко мне он относился хорошо, но говорил со мной таким слегка шутливым, слегка покровительственным тоном, как говорят с детьми. Может быть, потому что я была самая молодая в их обществе. Раз я взбегала быстро по темной лестница тюрьмы и вынимала по дороге из муфты бутылку водки, которую я почти ежедневно приносила. На площадке натыкаюсь на Корнилова.

— А ну, что это у вас, покажите.

Он взял бутылку, посмотрел и, улыбаясь, возвратил мне.

— Вот попадетесь когда-нибудь, профессиональная спиртоноша...

Я вообще не особенно робкая, но перед Корниловым всегда както робела. А с водкой действительно мог быть скандал...

...По субботам местный батюшка приходил служить всенощную в тюрьму. Служил внизу в столовой. Составили свой хор, и Антон Иванович очень гордился, что пел в нем. Это его старое «ремесло». Еще в реальном училище во Влацлавске он пел мальчиком в хоре все шесть лет и носил батюшке кадило.

Я стояла у стены. Как раз передо мной стоял Корнилов. Меня удивлял он и восхищал. Как станет, заложив руку за кушак и выставив слегка одну ногу, так и стоит целый час, не шелохнется. С ноги на ногу не переступит, не повернется. А у него рана в ноге была и иногда так болела, что он не мог из своей комнаты выходить».[6]

Генерал Деникин составил список офицеров, находившихся в Быховской тюрьме ко 2 октября. Всего было 24 человека. Все они, как говорил Антон Иванович, были «люди самых разнообразных взглядов, в преобладающем большинстве совершенно чуждые политике и объединенные только большим и меньшим соучастием в корниловском выступлении и безусловным сочувствием ему».[7]

Если до выступления Корнилова можно было говорить о какой-то надежде водворить в стране порядок, то эта надежда (и та довольно призрачная) к началу сентября окончательно исчезла.

Брожения среди воинских частей, отказ повиноваться «начальству», насилия над офицерами — все эти явления вскоре приняли массовый и бурный характер. Дезертирство в грандиозном масштабе охватило большинство воинских частей. Нагло и безнаказанно солдаты бросали свои части и двигались всеми возможными способами и путями в тыл, к тем деревням и селениям на необъятных просторах России, откуда их оторвала война. Торопились они, чтобы «не опоздать» к разделу помещичьих земель. А по дороге происходил огульный разгром и грабеж не только дворянских поместий, но и крестьянских поселков и хуторов. Уничтожали посевы, скот, птицу. Громили казенные склады спирта. Поезда до предела заполнялись разнузданными, пьяными толпами солдат. Не попавшие внутрь лезли на крыши вагонов и располагались там цыганским табором. Грязь, площадная брань, дикая грубость и насилие сопутствовали этому стремлению попасть домой. Всю страну захлестнула небывалая хаотическая волна дезертиров из многомиллионной орды мобилизованных солдат.

На смену генералу Алексееву начальником штаба Верховного Главнокомандующего был назначен генерал Н. Н. Духонин. Честный и благородный человек, он так же, как Алексеев, готов был жертвовать своим именем, чтобы сохранить аппарат военного руководства. Заключенные в Быхове перенесли на него свое критическое отношение ко всем, кто тогда продолжал сотрудничать с Керенским. И, невзирая на это, Духонин сделал все от себя зависевшее, чтобы облегчить их участь, чтобы окружить их воинскими частями, которые оградили бы их от возможного самосуда.

С этой целью Ставка расквартировала в Быхове (кроме роты Георгиевского полка и текинцев) польские воинские части, входив-

шие в состав недавно образованного Польского корпуса под начальством генерала Довбор-Мусницкого. И генерал, и все офицеры, и солдаты были уроженцами той части Польши, которая входила в состав Российской империи.

«Отношение поляков к быховским узникам, — писал А. И. Деникин в одной из своих неопубликованных рукописей, — было поистине рыцарское. Фамилию начальника польской дивизии я забыл, а бригадным был Желиговский».[8]

Подчиняясь распоряжениям Ставки, но считая свои войска на положении иностранных, генерал Довбор-Мусницкий отдал приказ польским частям, расположенным в Быхове, не вмешиваться во внутренние распри России, но в то же время не допускать насилия над арестованными русскими генералами, защищать их, а в случае надобности вступить в бой.

«Действительно, — писал генерал Деникин, — два, три раза ввиду выступления проходивших (воинских) эшелонов, поляки выставляли сильные дежурные части с пулеметами, начальник дивизии и командир бригады приходили к нам уславливаться с Корниловым относительно порядка обороны».[9]

Трудно представить себе глубину душевной драмы и чувства одиночества этой кучки русских патриотов, которых от угрозы своих же разнузданных солдат должны были охранять инородные воинские части — поляки и текинцы.

Связь Быхова со Ставкой регулярно поддерживали два офицера, в разное время служившие под началом генерала Деникина и глубоко ему преданные. Это были полковник Квашнин-Самарин и полковник Тимановский. Первый занимал должность коменданта Ставки, а до войны был адъютантом Ахрангелогородского полка, которым тогда командовал Антон Иванович. Второй был командиром Георгиевского батальона, а перед тем доблестно сражался в рядах Железной дивизии. Имя полковника Тимановского уже упоминалось в связи с вторичным взятием русскими войсками города Луцка в мае 1916 года, когда, опираясь на палку, он вел свой батальон в атаку на укрепленные позиции австрийцев и когда итальянский военный агент, наблюдавший это зрелище, в восторге кричал: браво! браво!..

Эти офицеры держали быховских генералов в курсе того, что происходило в Ставке и в стране. А события в стране шли из рук вон

плохо. Уже с начала сентября руководство Советами перешло к большевикам. Троцкий возглавлял Петроградский Совет и призывал пролетарские и солдатские организации «к сплочению своих рядов». Вдобавок ко всем прочим учреждениям появились по всей России новые «комитеты спасения и охраны революции». Призрачная власть правительства окончательно испарялась. Газеты того времени пестрели жуткими заголовками: беспорядки, самосуды, погромы, анархия...

В середине октября только слепые и глухие могли не замечать, что большевики готовятся к захвату власти. Да они этого и не скрывали. 16 октября Троцкий организовал Военно-революционный комитет. Ближайшей его целью было подчинить себе через полковые комитеты Петроградский гарнизон. Днем позже, распоряжением Военно-революционного комитета произошла раздача оружия и патронов рабочим Путиловского завода, Охты и Выборгской стороны. Процедура была простая: казенным складам предъявлялся ордер комитета, и служащие складов без протеста сопротивления выдавали рабочим требуемые винтовки и патроны. На глазах у всех пролетариат явно и открыто вооружался.

На этот раз тот же лозунг «Вся власть Советам!» имел гораздо более определенный смысл, чем во время восстания в июле, так как Советы были уже в цепких лапах большевиков.

И во всей столице был лишь один человек, который не сознавал надвигавшейся опасности. Это был Керенский. Насколько в те дни он жил в каком-то непонятном мире иллюзий, свидетельствует рассказ Владимира Дмитриевича Набокова.

«За четыре-пять дней до октябрьского большевистского восстания, — писал он, — в одном из наших заседаний в Зимнем дворце, я его (Керенского) прямо спросил, как он относится к возможности большевистского выступления, о котором тогда все говорили.

— Я был бы готов отслужить молебен, чтобы такое выступление произошло! — ответил он мне.

— А уверены ли вы, что сможете с ним справиться?

— У меня больше сил, чем нужно. Они будут раздавлены окончательно.[10]

Но сил, которых было больше, чем нужно, вообще не оказалось. И члены Временного правительства, за исключением министра-председателя, это отлично понимали.

25 октября, в день большевистского восстания, сознавая свою беспомощность, Временное правительство обратилось к населению с воззванием. Оно возвещало, что Петроградский Совет потребовал передачу ему власти под угрозой бомбардировки Зимнего дворца из пушек Петропавловской крепости и крейсера «Аврора», стоявшего на Неве. «Правительство, — гласило воззвание, — может передать власть лишь Учредительному собранию, и потому постановило не сдаваться и отдать себя под защиту народа и армии...»

Это было откровенным признанием безнадежности положения.

Тем временем город наводнялся слухами. Стало известно, что Керенский на автомобиле промчался к Воскресенскому проспекту, а затем двинулся в направлении Гатчины. Одни говорили, что, не доверяя местному гарнизону, он поехал собирать «верные правительству» войска, чтобы вести их на Петроград против восставших большевиков. Другие цинично вспоминали крыс, удиравших с тонущего корабля. Генерал Черемисов, которого Керенский назначил на пост командующего Северным фронтом, прилегавшим к столице, не двинул пальцем, чтобы оказать помощь. А 3-й конный корпус смог выделить всего лишь около 700 всадников-казаков под начальством генерала П. Н. Краснова.

По мере их приближения к столице — так же, как и в дни корниловского выступления, — они теряли желание проливать кровь. Через Лугу и Гатчину они дошли до Царского Села, а там решили не принимать участия в «братоубийственной войне». Настала очередь Керенского испытать на себе пропаганду лжи, точь-в-точь такую, которая подорвала дело Корнилова. Большевики утверждали что он, Керенский, хотел «удушить революцию» и с этой целью готовился сдать немцам Петроград. Но, разгадав его коварные замыслы, партия большевиков решила защищать столицу. И тут же, не стесняясь противоречий, говорилось, что Керенский гонит солдат на империалистическую бойню, в то время как большевики обещают стране заключить мир, крестьянам передать землю и так далее.

Чувствуя недоброжелательство к себе со стороны и офицеров, и казаков в отряде генерала Краснова, боясь быть выданным большевикам, Керенский бежал. Он бесследно пропал, как в воду ка-

нул... И в течение восьми месяцев скрывался в России. С этого момента имя его исчезает с дальнейших страниц истории.

А в столице тем временем лишь несколько юнкерских училищ и женский батальон пытались оказать сопротивление надвигавшейся волне большевизма. Главными руководителями восстания в Петрограде были Антонов-Овсеенко и Подвойский.

26 октября, вскоре после двух часов утра, все министры Временного правительства (за исключением Керенского и министра продовольствия Прокоповича) были арестованы в Зимнем дворце и под охраной красногвардейцев препровождены в Петропавловскую крепость, где еще с конца февраля месяца томились в заточении министры царского правительства. По сравнению с февральской революцией и восстанием 3—5 июля захват власти большевиками был относительно бескровным.

Ночь с 25 на 26 октября Ленин и Троцкий провели без сна в маленькой комнате Смольного института. Узнав об удачном ходе восстания, Ленин сказал Троцкому, что такой неожиданный переход от положения нелегальности к власти его совершенно огорошил и, к немалому изумлению Троцкого, он с чувством облегчения вдруг перекрестился.[11]

Ввиду безвестного отсутствия Керенского генерал Деникин принял на себя Верховное командование. «Сегодня, 1 ноября, — писал он в приказе, напечатанном в бюллетенях общеармейского комитета, — войсками генерала Краснова, собранными под Гатчиной, было заключено с гарнизоном Петрограда перемирие, дабы остановить кровопролитие гражданской войны. По донесениям генерала Краснова, Главковерх Керенский оставил отряд, и место пребывания его не установлено. Вследствие чего, на основании положения о полевом управлении войск, я вступил во временное исполнение должности Верховного Главнокомандующего и приказал остановить дальнейшую отправку войск в Петроград...»[12]

Неделей позже Совет народных комиссаров — орган новой большевистской власти — послал распоряжение генералу Духонину снестись с командованием неприятельской армии о прекращении военных действий «в целях открытия мирных переговоров». Духонин ответил, что такое решение может исходить лишь от «центральной правительственной власти, поддержанной армией и стра-

ной». В тот же день за «неповиновение» он был отрешен от должности с предписанием «продолжать ведение дела» до приезда в Ставку нового большевистского Главковерха — Крыленко.

Предвидя падение Временного правительства и неминуемый самосуд, быховские узники обдумывали и обсуждали план действий. Дон и казачество казались им единственным убежищем, сулившим возможность начать там борьбу с надвигавшейся анархией.

Побег из тюрьмы не представлял больших препятствий. На этот случай заготовлены были револьверы и фальшивые документы. Вопрос бегства облегчался тем, что комиссия Шабловского и Ставка добились постепенного освобождения из-под ареста большинства заключенных. К концу октября в Быхове оставались лишь пять генералов: Корнилов, Деникин, Лукомский, Романовский и Марков.

С момента захвата власти большевиками всякое промедление было бессмысленно и опасно. Крыленко с эшелоном матросов двигался к Могилеву.

«Утром 19-го [ноября], — вспоминал генерал Деникин, — в тюрьму явился [из Ставки] полковник Генерального штаба Кусонский и доложил генералу Корнилову:

— Через четыре часа Крыленко приедет в Могилев, который будет сдан Ставкой без боя. Генерал Духонин приказал вам доложить, что всем заключенным необходимо тотчас же покинуть Быхов».[13]

Послав полковника Кусонского к Корнилову, генерал Духонин отлично отдавал себе отчет в том, что распоряжением освободить быховцев он подписал себе смертный приговор.

Духонин имел все возможности скрыться. Но он этого не сделал. «Я знаю, — говорил он своим приближенным, — что меня арестует Крыленко, а может быть, меня даже расстреляют. Но это смерть солдатская».

По старой традиции, как капитан тонущего корабля, он считал долгом разделить с ним свою участь.

«На другой день, — писал А. И. Деникин, — толпа матросов, диких и озлобленных, на глазах Главковерха Крыленко растерзала генерала Духонина и над трупом его жестоко надругалась.

...А бюрократическая Ставка, — с укором продолжал Деникин, — верная своей традиции «аполитичности»... в тот день, когда чернь терзала Верховного Главнокомандующего, в лице своих старших представителей приветствовала нового Главковерха!..»[14]

Духонинское «непротивление злу» не могло найти отклика в душе Деникина. Он эту черту не понимал и осуждал: считал, что генерал Духонин безнадежно запутался «в пучине всех противоречий, брошенных в жизнь революцией». И тем не менее на Духонина он всегда смотрел как на человека безупречно честного и к памяти его относился с глубоким уважением.

Выслушав доклад полковника Кусонского, генерал Корнилов тут же распорядился, чтобы верный ему текинский конный полк был готов к выступлению из Быхова в полночь с 19 на 20 ноября. Он решил идти с полком. Корнилову было проще и безопаснее, переодевшись и изменив свою наружность, двигаться на юг в одиночку. Но он был привязан к текинцам и считал своей обязанностью разделить их участь. Это обстоятельство, как отметил потом Деникин, чуть не стоило ему жизни.

Рота Георгиевского полка приняла известие об освобождении генералов без вопросов и протеста. Наоборот, при прощании солдаты провожали их добрым словом: дай вам Бог, не поминайте лихом...

Остальные генералы, кроме Корнилова, сговорившись между собой встретиться в Новочеркасске, на Дону, переоделись и, как говорил Антон Иванович, «изменили свой внешний облик». Это было необходимо: их наружность слишком хорошо была известна в армии, и по дороге их легко могли опознать. Каждый из них сам по себе, в одиночку, должен был двигаться в далекий и опасный путь. Лишь Романовский и Марков решили перебраться на Дон вместе. Они воспользовались предложением полковника Кусонского ехать с ним на паровозе до Киева, куда он направлялся по особому поручению. Романовский остался в своей офицерской форме, заменив лишь погоны генерала погонами прапорщика. Марков же переоделся рядовым солдатом. Играя роль денщика Романовского, он удачно подражал распущенной манере «товарищей».

Генерал Лукомский превратился в немецкого колониста. А генерал Деникин получил удостоверение от начальника штаба польской стрелко-

вой дивизии, что он «есть действительно помощник заведующего 73-м перевязочным польским отрядом Александр Домбровский».

Под видом польского буржуя Александра Домбровского Антон Иванович отправился на быховскую станцию; выяснил, что ближайший поезд, шедший в Ростов-на-Дону, отходил через 5 часов, купил билет и, чтобы не обращать на себя внимания на вокзале в Быхове, решил переждать в штабе польской дивизии.

На счастье Деникина, в польском штабе оказался молодой польский офицер Любоконский, который с тем же поездом собирался ехать в отпуск к своим родным. «Этот молодой офицер, — вспоминал Антон Иванович, — оказал мне огромную услугу и своим милым обществом, облегчавшим мое самочувствие, и своими заботами обо мне во все время пути.

Поезд опоздал на шесть часов, — продолжал свой рассказ А. И. Деникин, — после томительного ожидания в 10 с половиной часов (вечера) мы наконец выехали.

Первый раз в жизни — в конспирации, в несвойственном виде и с фальшивым паспортом. Убеждаюсь, что положительно не годился для конспиративной работы. Самочувствие подавленное, мнительность, никакой игры воображения. Фамилия польская, разговариваю с Любоконским по-польски, а на вопрос товарища-солдата: вы какой губернии будете? — отвечаю машинально: Саратовской. Приходится давать потом сбивчивые объяснения, как поляк попал в Саратовскую губернию».

Здесь следует напомнить, что, хотя Антон Иванович и родился в русской Польше, отец его, Иван Ефимович, был уроженцем Саратовской губернии. Отсюда у Деникина и вошло в привычку с детства считать себя «саратовским».

На следующий день Антон Иванович увидел, что на всех железнодорожных станциях появились огромные объявления о бегстве Корнилова, Деникина и других быховских генералов. Военно-революционный комитет призывал к беспощадному подавлению всякой контрреволюционной попытки, к задержанию и аресту этих генералов. В афише говорилось о том, что Корнилов бежал с отрядом текинцев в 400 человек.

В поезде, набитом солдатами, красногвардейские патрули несколько раз в пути тщательно проверяли бумаги пассажиров. Они

«кого-то» искали. И каждый раз рука Деникина сжимала в кармане рукоятку револьвера. Много позже генерал обнаружил, что револьвер никуда не годился.

Чтобы не вступать в разговоры и не быть случайно опознанным кем-нибудь из солдат, Антон Иванович забрался на верхнюю полку в купе и, повернувшись лицом к стенке, делал вид, что спит.

«Мое долгое лежание на верхней полке, — рассказывал он, — показалось подозрительным, и внизу заговорили:

— Полдня лежит, морды не кажет. Может быть, сам Керенский?.. Поверни-ка ему шею!

Кто-то дернул меня за рукав, я повернулся и свесил голову вниз. По-видимому, сходства не было никакого. Солдаты рассмеялись, за беспокойство угостили меня чаем».

За несколько дней своего путешествия (а шло оно медленно, с бесконечными стоянками на каждой станции) Деникин окунулся в самую гущу революционного народа и солдатской толпы.

«Я увидел яснее, — писал он, — подлинную жизнь и ужаснулся. Прежде всего, разлитая повсюду безбрежная ненависть — и к людям, и к идеям. Ко всему, что было социально и умственно выше толпы, что носило малейший след достатка, даже к неодушевленным предметам, признакам некоторой культуры, чуждой или недоступной толпе. В этом чувстве слышалось... веками накопившееся озлобление, ожесточение тремя годами войны и воспринятая через революционных вождей истерика. Ненависть с одинаковой последовательностью и безотчетным чувством рушила государственные устои, выбрасывала в окно вагона «буржуя», разбивала череп начальнику станции и рвала в клочья бархатную обшивку вагонных скамеек. Психология толпы не обнаруживала никакого стремления подняться до более высоких форм жизни; царило одно желание — захватить или уничтожить. Не подняться, а принизить до себя все, что так или иначе выделялось».[15]

Антон Иванович отдавал себе отчет в том, что ошибки прошлого, и главным образом Первая мировая война, породили эпоху массового насилия и беззакония. Что они до предела обострили зависть неимущего к имущему, необразованного к образованному, возбудили дикую злобу против существовавших порядков и за-

конов. И что рано или поздно это стихийное желание темных масс разрушать — во имя разрушения, — подстрекаемое небольшой, но хорошо организованной кучкой профессиональных революционеров, перекинется из одной страны в другую, уничтожая на своем пути культурные и духовные ценности, накопленные веками.

Деникин отказывался быть безучастным зрителем происходившего. И чем больше он думал на эту мучительную тему, тем тверже становилось его решение во что бы то ни стало и возможно скорее начать борьбу с охватившей его родину безумной вакханалией. То, что большевики называли зарей новой жизни, в представлении генерала Деникина являлось издевательством над здравым смыслом и над достоинством человека.

По дороге, в Харькове, пришлось менять поезд. На Харьковском вокзале Антон Иванович увидел в толпе хорошо знакомые ему силуэты Романовского и Маркова. Попали они в тот же поезд, но в разные вагоны. С трудом и опаской шагая через груду спавших и сидевших на полу солдат, Деникин перебрался наконец к своим друзьям. Хотелось о многом говорить, но приходилось соблюдать конспирацию. Марков, как исправный денщик, бегал на остановках за кипятком для чая. Какой-то поручик, ехавший в Тифлис, все старался припомнить обстоятельства, при которых в конце 1916 года он мог встретить на Румынском фронте Александра Домбровского. «Ваше лицо мне знакомо», — говорил он Антону Ивановичу. Но польский гражданин Домбровский упорно отрицал возможность такой встречи. И только при прощании на Ростовском вокзале он признался, что действительно хорошо знал 2-ю дивизию, в которой служил поручик, и вместе с ней дрался под Рымником. И тут, поняв наконец, что его собеседник не кто иной, как генерал Деникин, которого, как и Корнилова, повсюду искали большевики, поручик застыл от изумления.

Тем временем в час ночи 20 ноября текинский полк во главе с генералом Корниловым вышел из Быхова и направился на юго-восток. Быстрыми переходами, стараясь возможно скорее оторваться от района Ставки, повсюду ожидая погоню и нападение, полк в течение первой недели прошел около 350 верст.

Наступили сильные морозы. Приходилось держаться вдали от железных дорог, двигаться ночью, идти лесом, подмерзшими болотами, пересекать занесенные сугробами поля. Всадники страдали от холода, лошади стали выбиваться из сил. В попутных селениях жители, напуганные солдатскими грабежами, со страхом встречали отряд неведомых инородцев и с изумлением провожали этих текинцев, которые за все платили и никого не обижали.

Со слов участников этой эпопеи, генерал Деникин описал ее следующим образом:

«На седьмой день похода, 26-го [ноября]... явившийся добровольно крестьянин-проводник навел текинцев на большевистскую засаду: поравнявшись с опушкой леса, они были встречены почти в упор ружейным огнем... Около 2 часов дня подошли к линии Московско-Брестской железной дороги около станции Песчаники. Неожиданно из-за поворота появился поезд и из приспособленных площадок ударил по колонне огнем пулеметов и орудия. Головной эскадрон повернул круто в сторону и ускакал; несколько всадников свалилось, под Корниловым убита лошадь, полк рассыпался...

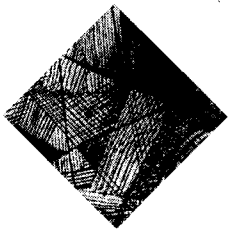
Генерал Корнилов понял, что с полком ему до Дона не добраться и что текинцам без него будет легче и безопаснее. Расставшись с полком, он решил пробираться на юг в одиночку. По дороге, на перроне станции Конотоп, какой-то офицер наткнулся в толпе на хромого старика в старой заношенной одежде и в стоптанных валенках. В этом старике он признал Корнилова.

6 декабря старик, по паспорту Ларион Иванов, беженец из Румынии, прибыл в город Новочеркасск, где его ждали с тревожным нетерпением семья и соратники».[16]

Кружным путем, с подложными документами, в чужой одежде, с измененной наружностью будущие руководители белым движением пробирались на Дон.

Глава XIV

НАЧАЛО БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ



Обширный район, впоследствии получивший название области Войска Донского, был местом, где в древние времена кочевали скифы, сарматы, гунны, авары, а затем хазары, печенеги, половцы и татары. С конца XV века туда стали перебираться свободолюбивые элементы из Московского государства. Бежали они в дикую степь от податного бремени все усилявшейся центральной власти, от начинавшегося закрепощения крестьян, от всякой несправедливости и потери политических прав. Крепкие и предприимчивые люди, вырвавшись из-под зависимости правящих классов, вкусив свободу, постепенно создали свой собственный «казачий» уклад жизни на строго демократических началах, с равенством всех членов общины, с управлением, сосредоточенным в руках атамана, избранного на известный срок Кругом, то есть общим собранием казаков. Впоследствии Круг превратился в казачий парламент. Попав на южные границы Московского государства, где еще кочевали инородные племена и где была угроза от могущественных соседей и иноверцев — турок и татар, казачьи общины принимали все более и более характер военного сословия, или рыцарского ордена. Этому «ордену» суждено было стать колонизатором пограничных с Московским государством областей, а затем и защитником русских границ от вражеских набегов.

С усилением донского казачества расширялась борьба его с «неверными». Не довольствуясь военным промыслом и военной добычей в степи, казаки выходили на своих челнах из Дона в море

и опустошали крымские и турецкие владения вдоль берегов Азовского и Черного морей. Казачьи набеги вызывали трения и конфликты между турецким правительством и Московским государством. Москва отговаривалась тем, что казаки, мол, не подданные царя, а лишь беглые воры, и в то же время поддерживала казаков материальной помощью. Во многом опасаясь донского казачества, Москва ценила его конницу как защитницу своей важной границы. В смутное время перед избранием на престол Михаила Федоровича Романова донские казаки приняли деятельное участие в русских раздорах и поддерживали движение самозванцев. Начиная с 1623 года донское казачество уже числилось в ведении посольского приказа, и Москва ежегодно посылала на Дон жалование. Оно платилось деньгами, хлебом, сукном и боевыми припасами. Центральная власть тогда не слишком еще вмешивалась во внутренние дела казачества. Дон продолжал пользоваться правами автономной области. Однако со временем, особенно с преобразованием Московского царства в Российскую империю, правительство стало натягивать вожжи управления. Оно стремилось прибрать к рукам вольное казачество, пресечь некоторые его привилегии — заменить выборных атаманов, начальниками назначенными центральной властью и так далее. Со времен царя Алексея Михайловича донское казачество начало присягать на верность русским государям (начиная с 1671 года).

Среди донских казаков был свой беспокойный анархический элемент. Им руководила неприязнь к Московскому правительству, особенно в связи с ухудшением положения русских крестьян и с большим притоком беглецов на Дон. Раздражение против царской власти выражалось в грабежах, убийствах и разбоях. Жертвами были русские купеческие караваны и приволжские города. Отсюда впоследствии пошли грандиозные бунты, охватившие значительную часть крестьянского населения России в XVII и XVIII веках.

Но постепенно на Дону укреплялся и расширялся более зажиточный класс «домовитых» казаков, имевших прочные хозяйственные интересы. А благополучие способствовало созданию более консервативных настроений и взглядов. Появилось желание более тесного союза с царским правительством, чтобы иметь от него

— в случае надобности — не только материальную поддержку, но и помощь вооруженной силой.

Со своей стороны, Донское Войско — в силу своего географического расположения — с древнейших времен следовало принципу всеобщей воинской повинности.

В период Первой мировой войны донское казачество дало русской армии 60 конных полков и, не в пример другим частям, оно не знало дезертирства. Отличительный чертой военной службы каждого донского казака являлась его обязанность иметь собственную лошадь, собственное обмундирование, снаряжение и амуницию. От русской казны он получал лишь огнестрельное оружие.

Донское казачество ко времени последнего царствования в России приобрело репутацию опоры существовавшего тогда государственного строя. Подавление аграрных и политических беспорядков революции 1905—1906 годов в значительной степени было обязано участию казачьих воинских частей. И когда после февральской революции новые революционные учреждения принялись настаивать на уравнении земельных наделов между казаками и крестьянами, то казачество насторожилось. С тревогой стало оно приглядываться к тому, что творилось по всей стране. Причин чисто местного характера было для этого достаточно: в области Войска Донского с населением свыше четырех миллионов человек ко времени революции кроме казаков поселилось множество пришлого крестьянского элемента, численно превосходившего казаков. Иногородние представляли из себя земельный пролетариат. Они с завистью глядели на зажиточные казачьи угодья. На них-то и опирались всякие советы и комитеты. Они же — иногородние — явились злейшим врагом донского казачества в период гражданской войны.

На подозрительное к себе отношение казачества Временное правительство периода Керенского отвечало тем же. В личных целях, желая опереться на казаков для укрепления собственного положения, Керенский время от времени оказывал казачеству благожелательное внимание. Но в душе он ему не доверял, и это недоверие укрепилось с избранием генерала Каледина Донским атаманом.

Как и большинство вождей зарождавшегося поздней осенью 1917 года белого движения, генерал Алексей Максимович Каледин участвовал в Первой мировой войне в составе войск Юго-Западного фронта. А. И. Деникин знал его еще до начала войны. Они оба тогда служили в Киевском военном округе. Сумрачный на вид, умный и глубоко честный человек, генерал Каледин, как и Деникин, не отличался многоречивостью. Но когда ему приходилось выступать с речами, то по форме своей и содержанию они всегда производили на слушателей сильное впечатление.

Мы уже видели генерала Каледина в начале 1915 года, когда, будучи начальником 12-й кавалерийской дивизии, он наблюдал ход боя, спокойно сидя вместе с Деникиным на горном утесе в Карпатах под сильнейшим обстрелом австрийцев. Каледин сменил Брусилова на посту командующего 8-й армией. Во главе ее он проделал знаменитое русское наступление весной и летом 1916 года. С его именем и с именем Деникина связан блестящий прорыв неприятельского фронта у Луцка. Брусилов относился к нему недоброжелательно и, вступив в Верховное командование армиями, он добился устранения Каледина с должности командующего 8-й армией. Возможно, что кроме различия в характерах играло здесь роль ревнивое отношение к тому, кто заменил его на посту, создавшем Брусилову боевую славу. В июне 1917 года Донской войсковой круг избрал Каледина атаманом. В середине августа на заседании московского Государственного совещания атаман Каледин вслед за Корниловым произнес большую речь от имени всех казачьих войск России. Она создала ему широкую известность по всей стране. С глубокой скорбью отметил он, что во внутренней политике преобладал резкий перевес частных, классовых и партийных интересов над общегосударственными. Он желал, чтобы Временное правительство освободилось от этих нездоровых влияний. В своей речи он шел значительно дальше Корнилова и призывал к упразднению всех советов и комитетов. Он сказал: «Страну может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть, находящаяся в опытных, умелых руках лиц, не связанных узкопартийными групповыми программами, свободных от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные советы и комитеты, и отдающая себе ясный отчет, что источником суверенной

государственной власти является воля всего народа, а не отдельных партий и групп».[1]

Речь Каледина ударила Керенского по больному месту. Он почувствовал в твердом казаке опасного для себя критика. И когда в конце августа вспыхнуло корниловское восстание, то Керенский, не потрудившись проверить вздорные слухи, попавшие в газеты, о том, что Каледин присоединился к Корнилову и грозил прервать сообщения между Москвой и Югом России, объявил атамана Каледина мятежником. Слухи эти были ложными. Каледин сочувствовал Корнилову, но в заговоре не участвовал. В день корниловского выступления он мирно объезжал серию глухих казачьих станиц Донской области, находившихся вдали от железных дорог. Тем временем Керенский разослал по всей стране телеграммы. В них объявлялось, что мятежник Каледин отрешается от должности, что он вызывается в Ставку для дачи показаний следственной комиссии по делу генерала Корнилова. Новый же военный министр, революционно настроенный полковник Верховский (тут же произведенный в генералы), требовал немедленного ареста Каледина.

Донское казачество взволновалось. Все лица, близко стоявшие к Каледину, знали, что обвинение было сплошной выдумкой. Донской войсковой круг срочно собрался для расследования этого дела. Строгий к другим, но еще более строгий к себе Каледин, действуя в духе демократической традиции Дона, явился на заседание Круга как частное лицо, сложив с себя звание атамана до выяснения своего положения. Следствие началось 5 сентября и длилось неделю. По истечении ее Круг, принявший на себя судебные обязанности, установил полную необоснованность и ложность обвинений, направленных против генерала Каледина. Не скрывая своего возмущения, Круг заявил: «Донскому Войску, а вместе с ним всему казачеству нанесено тяжкое оскорбление. Правительство, имевшее возможность проверить нелепые слухи о Каледине, вместо этого предъявило ему обвинение в мятеже, мобилизовало два военных округа, Московский и Казанский, объявило на военном положении города, отстоящие на сотни верст от Дона, отрешило от должности и приказало арестовать избранника Войска на его собственной территории, при посредстве вооруженных солдат-

ских команд». Круг признал действия правительства «грубым нарушением начал народоправства», требовал немедленного восстановления атамана во всех его правах, срочного опровержения всех сообщений о мятеже на Дону и «немедленного расследования виновников ложных сообщений и поспешных мероприятий, на них основанных». Дело о мятеже было объявлено провокацией или плодом расстроенного воображения. Более того, Круг утверждал, что Временное правительство не имело возможности гарантировать безопасность Каледину от самосудов, разнузданной черни; а потому Круг воспрещал своему выборному Атаману ехать в Могилев для дачи показаний. Круг считал, что если следственная комиссия по делу генерала Корнилова действительно нуждалась в допросе Каледина, то она могла для этого приехать в Новочеркасск.

Получился грандиозный скандал. В путаных выражениях, изъявляя радость, что «недоразумения рассеяны», Временное правительство всячески пыталось замять это дело и вывернуться из глупейшего положения, в которое его поставили Керенский, Верховский и другие министры-социалисты. Керенский высказал глубокое сожаление «о создавшемся недоразумении между ним и казачеством».[2]

В глазах донского казачества акции правительства пали до предельной точки. И лишь общим хаосом, охватившим к тому времени всю страну, и отсутствием в тот момент подлинного общественного мнения, можно объяснить себе факт, что глава правительства и другие виновники происшествия не понесли заслуженной ответственности за клевету, которая генералу Каледину могла стоить жизни. Нет сомнения, что подобное событие — случись оно с кем-нибудь из представителей левого лагеря — вызвало бы невероятный шум в кругах близких к Совету. Но недопустимая выходка в отношении Каледина, генерала, публично требовавшего на Московском совещании упразднения советов и комитетов, была лишь выражением революционной бдительности. Такая бдительность в те дни была похвальным явлением. Она ограждала страну от возможной контрреволюции.

Зная генерала Каледина и рисуя себе донское казачество в красках, не допускавших большевизма, генерал Алексеев перебрался из Петрограда в Новочеркасск 2 ноября и сразу приступил к

организации того ядра вооруженного сопротивления большевиками, которому суждено было занять первое место среди белых армий гражданской войны.

К тому времени анархия захлестнула всю страну. Инородные окраины Российского государства, стараясь оградить себя от большевизма, самоопределялись. Алексееву и его будущим сподвижникам — Корнилову и Деникину — Дон казался единственной точкой опоры, откуда можно было начать действовать. Генерал Алексеев верил, что от начатого им дела, «как от масляной капли, начнет распространяться пятно желаемого содержания и ценности».

Генералы сознавали, что казачество вряд ли желало идти вперед. Но они надеялись «что собственное свое достояние и территорию казаки защищать будут».[3]

Будущие вожди белого движения переоценивали те возможности, которые, казалось им, давала область Войска Донского. Их присутствие на Дону и тяга на Дон офицерства возбуждали в казачьей среде страх неминуемого вмешательства и нашествия большевистских войск. Матросы Черноморского флота угрожали Каледину враждебными действиями. Рабочий класс громко и настойчиво требовал ликвидации контрреволюции. Быстро и резко обострялись отношения между казачеством и иногородними, впитавшими в себя большевистскую пропаганду. Разложение, охватившее всю русскую армию, коснулось и казачества.

«Никакими мерами, — писал генерал Деникин, — нельзя было оградить казачьи войска от той участи, которая постигла армию, ибо вся психологическая обстановка и все внутренние и внешние факторы разложения, быть может, менее интенсивно, но в общем одинаково воспринимались и казачьей массой.

...С возвращением казачьих войск в родные края наступило полное разочарование: они... принесли с собой с фронта самый подлинный большевизм, чуждый, конечно, какой-либо идеологии, но со всеми знакомыми нам явлениями полного разложения. Это разложение назревало постепенно, проявлялось позже, но сразу ознаменовалось отрицанием авторитета стариков, отрицанием всякой власти, бунтом, насилиями, преследованием и выдачей офицеров, а главное, полным отказом от всякой борьбы с советской властью, обманно обещавшей неприкосновенность казачьих прав, и

уклада... Началась трагедия казачьей жизни и казачьей семьи, где выросла непреодолимая стена между стариками и фронтовиками, разрушая жизнь и подымая детей против отцов».[4]

Положение атамана Каледина становилось чрезвычайно тяжелым. Еще тяжелее становилось положение его непрошеных гостей.

Каледин знал, что генералам и съехавшимся на Дон офицерам грозила повсюду в России смертельная опасность. Он не мог отказать им в приюте и из своих личных средств сам помогал беженцам. На упреки критиков атаман указывал на старый казачий обычай: «С Дона выдачи нет!» Но в то же время под давлением все обострявшихся местных событий он просил генерала Алексеева обставить вербовку добровольцев возможно конспиративнее и советовал перевести алексеевскую организацию куда-нибудь за пределы области — в Ставрополь или в Камышин, то есть в пункты, находившиеся вне области Войска Донского, но в то же время прикрытые ею от центра европейской России. Камышинский уезд Саратовской губернии, расположенный на правом берегу Волги, мог привлечь в ряды формируемой генералом Алексеевым Добровольческой армии мелких землевладельцев из среды многочисленных немцев-колонистов. Они эмигрировали из Германии в Россию в конце XVIII века в царствование Екатерины Великой и поселились вдоль Нижнего Поволжья. Их фермы, носившие название колоний, отличались благоустройством и зажиточностью, а владельцы — все до единого — были настроены против большевиков.

Генерал Алексеев не последовал совету Каледина. Он не перевел свою деятельность ни к Ставрополю, ни к Камышину. По многим причинам он этого сделать не желал, да и не мог.

А добровольцы пробирались на Дон и одиночно, и целыми группами. Влекли их туда имена признанных вождей. Двое из них — Алексеев и Корнилов — были Верховными Главнокомандующими; Деникин был командующим сначала Западного, затем Юго-Западного фронта; а Каледин заслужил всеобщее уважение как командующий 8-й армией, а потом как атаман Войска Донского. Кроме того, по своему происхождению и Алексеев, и Корнилов, и Деникин в прямом смысле вышли из народа. С риском быть опознанными по дороге, с опасностью быть расстрелянными на месте или замученными большевистскими патрулями двигались туда

офицеры, юнкера, кадеты, студенты. Были и старые солдаты. Старшее поколение интеллигенции выжидало. Но молодежь, глубоко оскорбленная в своем чувстве патриотизма, готова была идти на любые лишения и жертвы. И она сознательно и бескорыстно шла на подвиг. Ее вера в Россию и подвиг ради нее, как яркий факел во мраке, осветил первую фазу белой борьбы.

Несколько лет спустя этому героическому порыву генерал Деникин подвел итог следующей фразой: «Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступлений большевистской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую родину, это был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей старого континента, обреченных на колонизацию пришельцев с Запада и Востока.

К счастью, мы принадлежим к замученному, но великому русскому народу».[5]

В начале ноября из Киева прибыл небольшой отряд Георгиевского полка. В декабре добрался до Новочеркасска с большими трудностями и приключениями эшелон ударного полка, созданного летом на Юго-Западном фронте и названного в честь генерала Корнилова Корниловским полком.

У генерала Алексеева не было денежных средств для его организации. И человек, когда-то распоряжавшийся миллиардным военным бюджетом, теперь — по словам Деникина — «бегал, хлопотал, волновался, чтобы достать десяток кроватей, несколько пудов сахару и хоть какую-нибудь ничтожную сумму денег, чтобы приютить, обогреть и накормить бездомных, гонимых людей... Алексеев выбивался из сил, взывал к глухим, будил спящих, требовал, отдавая всю свою энергию и силы своему последнему делу на земле».

Поддержка Алексеева вскоре понадобилась атаману Каледину: большевики захватили два важных города — Ростов и Таганрог, а казаки отказывались подчиниться распоряжению своего атамана идти против Советов. 26 ноября Каледин пришел к Алексееву, прося помощи. Он ее тотчас же получил. Отряд офицеров и юнкеров алексеевской организации, всего около 500 штыков, двинулся на Ростов. К отряду присоединилась местная учащаяся моло-

дежь — гимназисты и кадеты. Затем присоединилось к нему несколько «одумавшихся» казачьих частей. Город был взят.

«С этого дня, — писал Антон Иванович, — алексеевская организация получила право на легальное существование».

Тем не менее отношение к ней в казачьих массах было враждебным.

В конце ноября, когда генерал Деникин добрался наконец до Новочеркасска, он сразу отправился к атаману Каледину. Каледин обрадовался своему старому боевому товарищу. На просьбу Антона Ивановича откровенно высказаться, не осложнит ли его приезд и ожидаемый приезд Корнилова и без того сложные отношения между атаманом и революционными учреждениями, Каледин ответил: «На Дону приют вам обеспечен. Но, по правде сказать, лучше было бы вам, пока не разъяснится обстановка, переждать где-нибудь на Кавказе или в кубанских станицах...»[6] Он обрисовал Деникину обстановку и настроения на Дону. Ничего хорошего они не предвещали. Гость был поражен наружной переменой в своем хозяине. Он увидел в Каледине человека осунувшегося, «как будто бы придавленного неизбежным горем», с печальными, усталыми глазами, удрученного катастрофой, случившейся в России и надвигавшейся на Дон.

Без колебаний и без малейшей обиды на Каледина Деникин решил последовать его совету. Чтобы никому не мозолить глаза, он временно, до приезда в Новочеркасск Корнилова, перебрался с Марковым на Кубань. Там под именем польского гражданина Александра Домбровского он скрывался около двух недель в станице Славянской, а затем в Екатеринодаре.

6 декабря, как только появился в Новочеркасске с тревогой ожидавшийся Корнилов, алексеевская организация через своих агентов оповестила генералов, скрывавшихся на Кубани и на Кавказе. Они сразу вернулись на Дон. К тому времени туда же съехались представители «Московского центра». Эту организацию для борьбы с большевиками образовали осенью 1917 года несоциалистические группировки: члены кадетской партии, представители торгово-промышленников, а также других буржуазно-либеральных общественных кругов. Из более известных имен на горизонте Новочеркасска появились переодетые и загримированные П. Н. Милюков,

П. Б. Струве, член кадетской партии М. Федоров, князь Г. Н. Трубецкой, бывший председатель Государственной думы М. В. Родзянко.

От левого лагеря неожиданно появился там Борис Савинков. Его приезд в Новочеркасск сильно озадачил генералов. Савинкову они вообще не доверяли, а поведение после корниловского выступления ставило его в глазах офицерства в категорию «нерукопожатных» людей.

Странным было поведение Савинкова и в момент захвата власти большевиками: 26 октября он явился на конспиративную квартиру в Петрограде, где скрывался генерал Алексеев. Скрестив руки на груди и став перед Алексеевым в театральную позу, Савинков призывал генерала «исполнить свой долг перед родиной»: вести донских казаков, входивших в состав 3-го конного корпуса на столицу, чтобы спасать Временное правительство. Алексеев сознавал безнадежность такой попытки, и Савинков получил отказ. В ответ на это Савинков с пафосом воскликнул: «Если русский генерал не исполняет своего долга, то я, штатский человек, его исполню!»

На следующий день Савинков очутился в Гатчине у Керенского, который бежал из Петрограда, ища защиты и помощи у генерала Краснова. Керенский встретил его с изумлением и опаской. Опасения бывшего министра-председателя имели основания: Савинков предлагал Краснову убрать Керенского и, арестовав его, самому стать во главе движения».[7]

Приехав в Новочеркасск, Савинков направился к Каледину и Алексееву. С настойчивой убедительностью он доказывал им, что возглавление борьбы с большевиками одними только генералами являлось большой ошибкой. Такая борьба, говорил он, была обречена на неудачу, так как в глазах народа, зараженного большевизмом, она казалась бы контрреволюцией, стремящейся восстановить прошлое. Участие же старого революционера Савинкова в создании Добровольческой армии, его участие в политическом совещании при Алексееве, а затем возможность совместной работы с Корниловым — все это создало бы картину широко задуманного демократического движения, без малейшего оттенка контрреволюции.

Морально-политические изгибы в карьере Савинкова отталкивали генералов, но в данном случае его рассуждения поколебали и Алексеева, и Каледина. В принципе они считали полезным привлечь к своей работе людей слева. А Каледину казалось, что участие Савинкова в работе оградит его от давления социалистов и революционных учреждений на Дону, воинственно настроенных к Добровольческой армии. Оба генерала обратились по этому вопросу к Корнилову. Сперва он наотрез отказался иметь Савинкова в своем окружении. Потом, передумав, дал согласие. Причиной, побудившей Корнилова изменить свое первоначальное решение, было желание избежать упрека в том, что он ставит личные мотивы выше интересов общего дела.

В эпизоде с Савинковым Антон Иванович оказался единственным из старших генералов, который не пожелал кривить душой. Считая Савинкова совершенно аморальным человеком, он определенно заявил, что ничего общего с ним не будет иметь, а при встрече с Савинковым не подаст ему руки. Потребовался дипломатический талант генерала Алексеева, чтобы избежать встречи между Деникиным и Савинковым. Однако натянутая атмосфера вскоре разрядилась. В начале января 1918 года Савинков конспиративным образом отправился из Новочеркасска в Москву, чтобы вести там подпольную работу против большевиков. Действуя именем генерала Алексеева, Савинков пытался создать подпольные офицерские организации. С помощью офицеров ему удалось поднять несколько восстаний, но они быстро и жестоко были подавлены большевиками.

Оглядываясь на кратковременное пребывание Савинкова на Юге России, генерал Деникин впоследствии писал: «Участие Савинкова и его группы не дало армии ни одного солдата, ни одного рубля и не вернуло на стезю государственности ни одного донского казака, вызвало лишь недоумение в офицерской среде».[8]

Ходили упорные слухи о том, что и Керенский приезжал на Дон, чтобы при личном свидании с Калединым добиться с ним примирения и совместной работы.

Генерал Деникин был убежден в правдивости этих слухов. В «Очерках русской смуты» (том 2, стр. 147) он писал: «По горькой иронии судьбы в одно время с мятежниками прибыл в Ростов

бывший диктатор России, бывший Верховный Главнокомандующий ее армии и флота Керенский, переодетый и загримированный, прячась и спасаясь от той толпы, которая не так давно еще носила его на руках и величала своим избранником».

Впоследствии Керенский факт своего приезда на Дон отрицал. В одной из неопубликованных рукописей Антона Ивановича находится следующая любопытная заметка по этому поводу: «Вопрос о посещении Керенским Каледина в Новочеркасске для меня был бесспорен. Между тем в 1929 году Керенский печатно категорически опровергнул этот факт. Не понимаю!

В ноябре 1917 года в Новочеркасск приехал генерал (Дмитрий Николаевич) Потоцкий (бывший военный губернатор Ростова) и на квартире Марины Павловны Марковой [жена генерала С. Л. Маркова и жена Потоцкого были родные сестры, рожденные княжны Путятины], в присутствии моей жены рассказывал, что он только что привез Керенского, который поехал к Каледину. За обедом у Каледина я лично слышал разговор его приближенных такого рода: приехал Керенский, зашел сначала к М. Богаевскому (внизу), там его не приняли. Он пошел наверх к Каледину, который тоже его не принял. Деталь: жена М. Богаевского якобы, приоткрыв дверь, поглядывала, вернется Керенский или останется у атамана... Я так был уверен в истине этого факта, что и в голову не пришло спросить самого Каледина».[9]

Возможно, что будущему биографу А. Ф. Керенского удастся проследить шаг за шагом маршрут скитаний бывшего министра-председателя за время тех восьми месяцев, что он скрывался в России от большевиков, и таким образом окончательно установить правдивость или ложь этого спорного эпизода из его подпольной жизни. В своих писаниях Керенский касался этого периода очень мало и туманно.

С приездом Корнилова обнаружилось одно обстоятельство: его взаимоотношения с генералом Алексеевым настолько обострилось, что совместная работа представляла большие затруднения. «О чем они говорили [при встрече], — писал Деникин, — я не знаю, но приближенные вынесли впечатление, что расстались они темнее тучи».

Вскоре состоялось совещание старших генералов и общественных деятелей, приехавших из Москвы. «По существу, — говорил Антон Иванович, — весь вопрос сводился к определению роли и взаимоотношений двух генералов — Алексеева и Корнилова. И общественные деятели, и мы были заинтересованы в сохранении их обоих в интересах армии. Ее хрупкий еще организм не выдержал бы удаления кого-нибудь из них: в первом случае (уход Алексеева) армия раскололась бы, во втором — она бы развалилась. Между тем обоим в узких рамках только что начавшегося дела было, очевидно, слишком тесно.

Произошла тяжелая сцена. Корнилов требовал полной власти над армией, не считая возможным иначе управлять ею, и заявил, что в противном случае он оставит Дон и переедет в Сибирь. Алексееву, по-видимому, трудно было отказаться от прямого участия в деле, созданном его руками. Краткие нервные реплики их перемешивались с речами общественных деятелей, которые говорили о самопожертвовании и о государственной необходимости соглашения...»[10]

Чтобы покончить с трениями, колебаниями и создать обстановку, при которой дальнейшая работа была бы возможна, генерал Деникин предложил компромиссное решение: военная власть должна была перейти к генералу Корнилову, гражданская власть и внешние сношения — к генералу Алексееву, все вопросы, связанные с управлением Донской областью, — к генералу Каледину.

Схема Деникина была одобрена и принята. Таким образом, на первых порах белого движения образовался триумвират, представлявший из себя, как говорил Антон Иванович, «в эмбриональном состоянии» первое противобольшевистское правительство.

В день Рождества 1917 года генерал Корнилов вступил в командование Добровольческой армией.

Эта армия страдала тогда не только от ничтожного количества бойцов, но и от отсутствия вооружения, и от полного отсутствия денежных средств.

Первое пожертвование на алексеевскую организацию в ноябре было в размере 400 рублей! Затем от денежной буржуазии из Москвы было получено около 800 000 рублей. С укреплением советской власти приток средств совершенно прекра-

тился. Пришлось оказывать сильное давление на денежные круги Ростова и Новочеркасска. По подписке все же удалось собрать от них несколько миллионов рублей.

Наконец, по соглашению с Донским правительством решено было разделить поровну между Донской и Добровольческой армиями сумму российской казны, находившейся в Донской области. Каждая из армий получила от местного отделения Государственного банка и казначейства около 15 миллионов рублей.[11]

А тем временем стоимость продуктов росла с невероятной быстротой. Деньги на глазах теряли цену. Инфляция шла полным ходом.

В конце декабря переехали в Новочеркасск из Москвы представители британской и французской военных миссий. Они собирали сведения о том, что происходило на Дону, обещали генералу Алексееву денежную помощь в размере ста миллионов рублей, по десять миллионов в месяц. Но резкие перемены в хаотической обстановке временно отрезали бывших союзников от Юга России. Их помощь стала поступать значительно позже.

Что касается состава армии, то ее боевая численность к началу февраля 1918 года не превышала 3—4 тысяч человек. Она пополнялась, писал А. И. Деникин, «на добровольческих началах, причем каждый доброволец давал подписку прослужить четыре месяца и обещал беспрекословное повиновение командованию».

В ноябре 1917 года никто из добровольцев жалования не получал. В казне не было денег. Жили они на паек. Паек заключался в скудном питании и еще более скудном общежитии. В январе 1918 года офицерам установили оклад в 150 рублей в месяц, солдатам — в 50 рублей. По тем временем, с обесцененной стоимостью рубля, это являлось буквально нищенским содержанием.

«В офицерских батальона, отчасти в батареях, — рассказывал Деникин, — офицеры несли службу рядовых в условиях крайней материальной необеспеченности. В донских войсковых складах хранились огромные запасы, но мы не могли получать оттуда ничего, иначе как путем кражи или подкупа. И войска испытывали острую нужду решительно во всем: не хватало вооружения и боевых припасов, не было обоза, кухонь, теплых вещей, сапог...

И не было достаточно денег, чтобы удовлетворить казачьи комитеты, распродававшие на сторону все, до совести включительно...»[12]

Добровольческая артиллерия создавалась весьма своеобразным способом: два трехдюймовых орудия украли в одной из дивизий, самовольно бросивших Кавказский фронт против турок. Отряд добровольцев ночью произвел набег на расположение этой дивизии, грабившей местное население в Ставропольской губернии, верст за полтораста от Новочеркасска, и отбил у солдат их артиллерию.

Два орудия украли на донском складе. Одну батарею купили у вернувшихся с фронта казаков-артиллеристов. Эту выгодную сделку произвел известный нам бывший «железный» стрелок, а потом командир Георгиевского батальона в Ставке полковник Тимановский. Он хорошенько угостил солдат водкой и впридачу заплатил им около пяти тысяч рублей.

Таким образом создались части, явившиеся впоследствии кадром для дальнейших формирований. Носили они тогда название Корниловского ударного полка и Георгиевского полка. Были также три офицерских батальона, юнкерский батальон (из юнкеров столичных училищ и кадет), Ростовский добровольческий полк (из учащихся молодежи Ростова), два кавалерийских дивизиона, две артиллерийских батареи (преимущественно из офицеров и юнкеров артиллерийских училищ), и несколько мелких частей, включавших чехословацкий инженерный батальон.[13]

Сперва генерал Деникин был назначен начальником Добровольческой дивизии, а генерал Марков — начальником его штаба. Но вскоре произошли перестановки в верхах командования. Ко времени выступления в Первый поход Антон Иванович стал помощником командующего Добровольческой армией. На должность начальника штаба Корнилова, вместо генерала Лукомского был назначен генерал И. П. Романовский. Генерал Марков вступил в командование 1-м офицерским полком.

В конце декабря были объявлены цели, преследуемые Добровольческой армией. Воззвание оповещало о том, что создана военная сила, которая могла бы быть противопоставлена надвигающейся анархии и немецко-большевистскому нашествию. Наряду с этим, став на стражу гражданской свободы, Добровольческая армия

должна была дать всему народу возможность изъявить свою волю через Учредительное собрание. Этой воле и избранной ею конституции и власти обязаны были подчиниться все классы, партии и отдельные группы населения.

Цели, которые ставила себе зарождавшаяся армия, исключали возможность какого-либо комиссариата с центральными державами. Большевики и немцы совместно разрушали Россию, а потому рассматривались под тем же углом зрения. И те, и другие были врагами национальной России. Борьба с большевиками являлась продолжением борьбы с германским империализмом. А в героическом порыве и добровольцев, и их вождей идея верности союзникам приобрела характер символа веры. Союзников слепо идеализировали. Им приписывали высокие моральные принципы и рыцарские побуждения. В атмосфере полной оторванности от внешнего мира у добровольческого командования создавались известные настроения и убеждения, которые не соответствовали действительности. И необоснованные надежды на благородство бывших союзников привели в итоге к глубокому разочарованию.

Конечно, горсти почти безоружных людей нельзя было и думать о столкновении с немецкой армией, в силу чего поведение добровольческого командования в отношении к австро-германцам носило характер вооруженного нейтралитета и желания избежать физического соприкосновения с немцами.

Взгляды добровольцев, открыто высказанные, не могли не отразиться впоследствии на отношении к ним германского командования, которое в ближайшие месяцы на правах оккупационной власти стало полным хозяином Украины и Крыма.

Ксения Васильевна Чиж приехала в Новочеркасск до своего жениха. О ее намерении ехать на Дон Антон Иванович еще из Быхова известил атамана Каледина, дав ей также письмо к генералу Алексееву. Он сообщил им, что она его невеста, просил не отказать ей в содействии и помощи. Оба генерала отнеслись к Ксении Васильевне с трогательным вниманием, а Каледин поселил ее в доме своих друзей.

Откладывать свадьбу до лучших дней не было смысла. В беспросветной обстановке декабря 1917 года этих «лучших дней» не было видно. Решено было венчаться. Но пришлось ждать конца

Рождественского поста и праздников Рождества Христова, то есть конца одного из периодов православного календаря, когда церковь не совершает обряда венчания. Наконец 7 января 1918 года Ксения Васильевна стала женой генерала Деникина. День был холодный и сумрачный. В Новочеркасске было неспокойно: в городе шла стрельба. Решено было венчаться не в соборе, а в одной из городских церквей. Чтобы избежать огласки и (из-за уличных беспорядков) не привлекать внимания нежелательных элементов, священник уговорил не зажигать паникадила. Внутри церкви тускло мерцали огоньки восковых свечей. Приглашенных не было. Не было и хора. Кроме священника и венчавшихся присутствовали на бракосочетании лишь четверо свидетелей-шаферов: генерал Марков, полковник Тимановский, адъютант генерала Деникина и адъютант Маркова.

Атаман Каледин хотел отметить событие маленьким приемом у себя в честь молодых, но Антон Иванович с благодарностью отклонил это предложение ввиду тревожного настроения в городе.[14]

Так началась семейная жизнь генерала Деникина. Как и убогая свадьба его, она прошла в бедности.

Несмотря на оторванность Донской области от внешнего мира, сведения о том, что творилось советской властью внутри России, доходили до Новочеркасска и Ростова сравнительно регулярно главным образом через пробиравшихся на Дон офицеров и представителей интеллигенции.

С момента захвата власти большевики с невероятной быстротой принялись издавать один за другим всевозможные декреты, в основе ломавшие устои всей прежней жизни страны. И среди бесконечных советских импровизаций особое внимание генерала Деникина к началу февраля 1918 года обратили на себя следующие явления. В середине ноября 1917 года были выборы в Учредительное собрание. Выборы дали большевикам меньше четверти голосов. (Из голосовавших по всей стране около 41 700 000 человек большевики, уже захватившие власть, получили 9 800 000 голосов.) В день своего открытия, 5 января 1918 года, Учредительное собрание было разогнано большевиками. Предварительно они объявили партию кадет «врагами народа», арестовали некоторых ее представителей, оказавшихся в Петрограде, а затем зверски уби-

ли двоих из них: Кокошкина и Шингарева, избранных в Учредительное собрание.

В декабре была организована чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, получившая затем мировую известность под сокращенным названием ЧК. Беспощадная борьба с инакомыслящими и с классовыми врагами принимала организованную форму.

В декабре 1917 года советское правительство начало мирные переговоры с центральными державами в Брест-Литовске. Им суждено было длиться около трех месяцев. Но уже в январе Деникину было ясно, что большевики пойдут на любые уступки, лишь бы удержаться у власти, и что их переговоры с немцами принесут России позор, экономическое рабство и потерю огромной территории.

Наконец в половине января 1918 года большевики объявили декрет о формировании рабоче-крестьянской армии из «наиболее сознательных и организованных элементов трудящегося класса».

Деникин, конечно, не знал тогда, что 22 января 1918 года было экстренное заседание военного совета красных. Но секретный протокол этого заседания впоследствии попал к нему в руки. Там говорилось: «Старую армию расформировать до последнего человека, чтобы от крестьянской рухляди не осталось и следов, чтобы сама идея старой армии была растоптана и раздавлена... Новая социалистическая армия... будет стоять на страже советской власти как основа ее существования и, вместе с тем, главнейшая задача армии будет заключаться еще в том, чтобы раздавить нашу буржуазию».

В том же протоколе приводилась речь большевистского главковерха Н. В. Крыленко о переговорах с немцами в Брест-Литовске.

«Какое нам дело, — говорил он, — будет или не будет урезана Россия? И какое, наконец, нам дело — будет или не будет существовать сама Россия в том виде, как это доступно пониманию буржуев? Наплевать нам на территорию! Это плоскость мышления буржуазии, которая раз и навсегда безвозвратно должна погибнуть... Войну нужно окончить теперь же».[15]

Заявление Крыленко с полной откровенностью отражало безграничный цинизм Крыленко, которому с высокого дерева было

«наплевать» и на Россию, и на русский народ, и вообще на все, кроме проведения в жизнь своего утопического эксперимента.

Ядром Красной армии явились отряды красногвардейцев, сформированные большевиками еще в период их борьбы с Временным правительством. В Красную армию пошли также революционно настроенные рабочие Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, Харькова и Донецкого каменноугольного бассейна. Затем вошли распропагандированные большевиками солдаты как действующей армии, так и запасных частей.

Как белые, так и красные, первоначально создавали свою армию на добровольных принципах. Со временем, окрепнув, и те и другие перешли к системе комплектования своих войск путем мобилизации.

«Создавая армию пролетарского государства, — говорится в изданной большевиками «Истории гражданской войны», — коммунистическая партия первостепенное значение придавала политическому просвещению ее воинов. Политическое воспитание должно было помочь советским бойцам глубоко понять историческое назначение армии победившего пролетариата, сознать свой высокий долг перед Советской родиной, поднявшей знамя освобождения всех трудящихся».[16]

Политическое воспитание (иначе говоря, пропаганда большевистских идей среди солдат) действительно сыграло роль в формировании Красной армии, но без того пафоса и без той казенно-самодовольной окраски, которые старается придать ему официальная советская история. Политическое воспитание не отличалось избытком возвышенных идей. Основное внимание уделялось классовой борьбе. Принимали в Красную армию не только пролетариев, но и бывших заключенных, выпущенных советской властью из тюрем.

Были среди них, конечно, люди, шедшие в Красную армию по убеждению. Таких людей, притом очень одаренных и честных, было немало. Но в первый период гражданской войны героический элемент у красных оказался сильно разбавленным всяким сбродом.

Какой же моральный облик имела Белая армия в те первые месяцы своего существования?

Ответ на этот вопрос, глубоко продуманный и по существу справедливый, дал генерал Деникин: «Много уже написано, еще больше напишут о духовном облике Добровольческой армии. Те, кто видел в ней осиянный страданием и мученичеством подвиг, правы. И те, кто видел грязь, пятнавшую чистое знамя, во многих случаях искренни. Весь вопрос в правильном синтезе ряда сложных явлений в жизни армии — явлений, рожденных войной и революцией... В нашу своеобразную Запорожскую сечь шли все, кто действительно сочувствовал идее борьбы и был в состоянии вынести ее тяготы. Шли и хорошие, и плохие. Но четыре года войны и кошмар революции не прошли бесследно. Они обнажили людей от внешних культурных покровов и довели до высокого напряжения все их сильные и все их низменные стороны... Был подвиг, была и грязь. Героизм и жестокость. Сострадание и ненависть. Социальная терпимость и инстинкт классовой розни. Первые явления возносили, со вторыми боролись. Но вторые не были отнюдь преобладающими...

Добровольцы были чужды политике, верны идее спасения страны, храбры в боях и преданны Корнилову. Впереди их ждало увечье, скитание, многих — смерть; победа представлялась тогда в далеком будущем. Они дрались на подступах к Ростову, зная, что сотни тысяч казаков и ростовской буржуазии за их спиной живут легко и привольно. Они были оборваны, мерзли и голодали, видя, как беснуется и веселится богатейший Ростов, финансовая знать которого с большим трудом «пожертвовала» на армию два миллиона рублей, растворившихся быстро в бездонной ее нужде. Они встречали в обществе равнодушие, в народе — вражду, в резолюциях революционных учреждений и социалистической печати злобу, клевету и поношение...

Гражданская война довершила тот психологический процесс, который только наметила война на фронте.

Сомнений в этом не было. Не раз на местах, переходивших из рук в руки, добровольцы находили изуродованные трупы своих соратников, слышали леденящую душу повесть свидетелей этих убийств, спасшихся чудом из рук большевиков. Помню, какою жутью повеяло на меня, когда первый раз привезли восемь заму-

ченных добровольцев из Батайска — изрубленных, исколотых, с обезображенными лицами, в которых подавленные горем близкие едва могли различить родные черты... Поздно вечером где-то далеко на заднем дворе товарной станции среди массы составов я нашел вагон с трупами, загнанный туда по распоряжению ростовских властей, «чтобы не вызвать эксцессов». И когда при тусклом мерцании восковых свечек священник, робко озираясь, возглашал «вечную память убиенным», сердце сжималось от боли, и не было прощения мучителям...

Помню свою поездку на Таганрогский фронт в середине января. На одной из станций возле Матвеева Кургана, на платформе, лежало тело, прикрытое рогожей. Это был труп начальника станции, убитого большевиками, узнавшими, что его сыновья служат в Добровольческой армии. Отцу порубили руки и ноги, вскрыли брюшную полость и закопали еще живым в землю. По искривленным членам и окровавленным израненным пальцам видно было, какие усилия употреблял несчастный, чтобы выбраться из могилы. Здесь же были два его сына — офицеры, приехавшие из резерва, чтобы взять тело отца и отвести его в Ростов. Вагон с покойником прицепили к поезду, в котором я ехал. На какой-то попутной станции один из сыновей, увидев вагон с захваченными в плен большевиками, пришел в исступление, ворвался в вагон и, пока караул опомнился, застрелил несколько человек.

И много было таких людей, исковерканных, изломанных жизнью, потерявших близких или оставивших семью без куска хлеба там, где-то далеко — на произвол бушующего красного безумия. Не они создавали основной облик армии, но их психология должна быть учтена теми в особенности, кто на крестном дуги добровольцев склонны видеть только мрачные тени.

Большевики с самого начала определили характер гражданской войны — истребление.

Советская опричнина убивала и мучила всех не столько в силу звериного ожесточения, непосредственно появившегося во время боя, сколько под влиянием направляющей сверху руки, возводившей террор в систему и видевшей в нем единственное средство сохранить свое существование и власть над страной. Террор у них

не прятался стыдливо за стихию, народный гнев и прочие безответственные элементы психологии масс. Он шествовал нагло и беззастенчиво...

Выбора в средствах противодействия при такой системе ведения войны не было. В той обстановке, в которой действовала Добровольческая армия, находившаяся почти всегда в тактическом окружении, без своей территории, без тыла, без баз, представлялось только два выхода: отпускать на волю захваченных большевиков или не брать пленных. Я читал где-то, что приказ в последнем духе отдал Корнилов. Это неверно: без всяких приказов жизнь приводила во многих случаях к тому ужасному способу войны, «на истребление», который до из известной степени напоминал мрачные страницы русской пугачевщины и французской Вандеи.

Корнилов... приказывал ставить караулы к захваченным большевистским лазаретам. Милосердие к раненым — вот все, что мог внушать он в ту грозную пору. Только много времени спустя, когда советское правительство, кроме своей прежней опричнины, привлекло к борьбе путем насильственной мобилизации подлинный народ, организовав Красную армию, когда Добровольческая армия стала приобретать формы государственного учреждения с известной территорией и гражданской властью, удалось мало-помалу установить более гуманные и человечные обычаи, поскольку это вообще возможно в развращенной атмосфере гражданской войны.

Она калечила жестоко не только тело, но и душу».[17]

К концу января 1918 года моральное разложение донского казачества достигло таких размеров, что атаман Каледин почувствовал полную беспомощность и полное одиночество. Надежда, которая теплилась у него в душе, что каким-то чудом удастся оградить Дон от общерусской участи, окончательно исчезла. Анархия охватила всю область Войска Донского. Призывы и увещевания потеряли силу. Промелькнула на горизонте героическая фигура есаула Чернецова. Его партизанский отряд, сплотив вокруг себя учащуюся молодежь, с успехом дрался во всех направлениях. Большевики дорого оценивали его голову. Но в одном из боев Чернецов был захвачен большевиками в плен и зверски ими замучен. С его смертью последняя искра сопротивления угасла. Повсюду вспыхивали солдатские мятежи. Офицеров убивали

и, по словам Каледина, «в некоторых полках Донецкого округа, удостоверены были факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение».[18] Трагедия Каледина заключалась в том, что Дон за ним не пошел. Он оказался безвластным и бессильным.

Ввиду нежелания казаков драться с наступавшими бандами красногвардейцев генерал Корнилов в середине января 1918 года решил перевести все добровольческие части из Новочеркасска в Ростов.

Однако Ростов не оправдал расчетов Корнилова. Его многочисленное рабочее население враждебно встретило корниловские части. А буржуазия не откликнулась на призыв посылать в армию пополнения. Откликнулись только дети!

Случайно Антон Иванович оказался свидетелем того, как некоторые из них в Ростове пытались записаться добровольцами.

«В батальоне генерала Боровского, — рассказывал он, — можно было наблюдать комические и вместе с тем глубоко трогательные сцены, как юный воин с громким плачем доказывал, что ему уже 16 лет (минимальный возраст для приема), или как другой прятался под кровать от явившихся на розыски родителей, от имени которых было им предъявлено подложное разрешение на поступление в батальон...»[19]

И эти дети шли, и в батальоне того же генерала Боровского они стойко дрались и жертвенно гибли, как взрослые.

Тем временем генерал Корнилов принял решение окончательно оторваться от области Войска Донского.

Антон Иванович описал это решение и связанное с ним трагическое событие в Новочеркасске следующим образом: «В конце января генерал Корнилов, придя к окончательному убеждению о невозможности дальнейшего пребывания Добровольческой армии на Дону, где ей при полном отсутствии помощи со стороны казачества грозила гибель, решил уходить на Кубань... 28-го послана (была) об этом решении телеграмма генералу Каледину.

29-го Каледин собрал правительство, прочитал телеграммы, полученные им от генералов Алексеева и Корнилова, сообщил, что для защиты Донецкой области нашлось на фронте всего лишь 147 штыков, и предложил правительству уйти.

— Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития, предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия войскового атамана я с себя слагаю.

И во время обсуждения вопроса добавил:

— Господа, короче говорите. Время не ждет. Ведь от болтовни Россия погибла!

В тот же день генерал Каледин выстрелом в сердце покончил жизнь.

Калединский выстрел произвел потрясающее впечатление на всех. Явилась надежда, что Дон опомнится после такой тяжелой искупительной жертвы...»[20]

Душевная драма Каледина принесла временную и очень краткую вспышку надежды. Подъема, как говорил Антон Иванович, хватило лишь на несколько дней.

Корнилов временно задержал уход своей армии. Но 9 февраля он отдал приказ отходить за Дон в станицу Ольгинскую. Не был решен вопрос о дальнейших планах. Неизвестно, на Кубань двинутся добровольцы или в донские зимовники — степные хутора, разбросанные по юго-восточной части Донской области, куда коннозаводчики загоняли табуны своих лошадей, чтобы в зимнюю стужу дать им корм и убежище.

А большевистские войска под командой В. А. Антилопа-Овсеенко двигались на Дон. Входившие в них отряды под начальством Р. Ф. Сиверса постепенно охватывали Ростов. В предместье города рабочие подняли восстание.

«Мерцали огни брошенного негостеприимного города, — вспоминал Деникин свой уход из Ростова, — слышались одиночные выстрелы. Мы шли молча, каждый замкнувшись в свои тяжелые думы. Куда мы идем? Что ждет нас впереди?

Корнилов как будто предвидел ожидавшую его участь. В письме, посланном друзьям накануне похода, он говорил с тревожным беспокойством о своей семье, оставленной без средств на произвол судьбы среди чужих людей, и о том, что больше, вероятно, встретиться не придется...»[21]

Не менее мрачные думы должны были тревожить Антона Ивановича. Скрытный человек в вопросах личной жизни, он счел излишним посвящать посторонних людей в те острые и болезненные чувства, которые тогда переживал, оставляя позади молодую жену. Что будет с ней? Увидятся ли они когда-нибудь? Не выдаст ли ее какой-нибудь негодяй большевикам на позор и смерть? Ведь никто за нее не заступится! Он не мог не мучиться этими жуткими вопросами. Однако мыслей своих он бумаге не доверил.

Ксения Васильевна поделилась своими воспоминаниями: перед уходом добровольцев она умоляла мужа взять ее с собой. Он наотрез отказался. В тот же день она где-то случайно встретила генерала Корнилова. Видя ее расстроенной, в слезах, он спросил Ксению Васильевну: «В чем дело?» — и, получив ответ, сказал, что переговорит с Деникиным. Но Антон Иванович был тверд в своем решении, что присутствие жены в обозе с постоянным риском окружения армии большевиками свяжет его по рукам и ногам как раз в то время, когда все его мысли и силы должны быть направлены к одной цели: борьбе с противником.

Корнилов понял и не возражал.

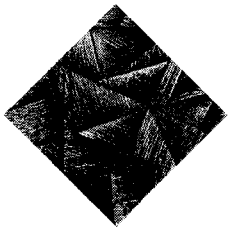
Под девичьей фамилией Ксения Васильевна поселилась в меблированной комнате ростовского дома, принадлежавшего богатой армянской семье. Она была в полном одиночестве. В Ростове она никого не знала. И, на ее счастье, никто не знал, что она жена генерала Деникина.[22]

Из Ростова генерал Алексеев написал письмо своим близким. В этом письме есть несколько строк, которые с глубокой проницательностью выразили весь смысл начатого Алексеевым дела: «Мы уходим в степь. Можем вернуться, только если будет милость Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы...»[23]

Начинался первый поход — героический этап белого движения.

Глава XV

ПЕРВЫЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД



Добровольцы покинули Ростов в ночь с 9-го на 10 февраля. Начинался жуткий путь в неизвестность.

«Мы уходили, — оглядываясь на прошлое, писал Деникин, — за нами следом шло безумие. Оно вторгалось в оставленные города бесшабашным разгулом, ненавистью, грабежами и убийствами. Там остались наши раненые, которых вытаскивали из лазаретов на улицу и убивали. Там брошены наши семьи, обреченные на существование, полное вечного страха перед большевистской расправой, если какой-нибудь непредвиденный случай раскроет их имя... Мы начинали поход в условиях необычайных: кучка людей, затерянных в широкой донской степи посреди бушующего моря, затопившего родную землю; среди них два Верховных Главнокомандующих русской армией, командующий фронтом, начальники высоких штабов, корпусные командиры, старые полковники... С винтовкой, с вещевым мешком через плечо, заключавшим скудные пожитки, шли они в длинной колонне, утопая в глубоком снегу... Уходили от темной ночи и духовного рабства в безвестные скитания... За синей птицей.

Пока есть жизнь, пока есть силы, не все потеряно. Увидят «светоч», слабо мерцающий, услышат голос, зовущий к борьбе, те, кто пока не проснулись... В этом был весь глубокий смысл Первого кубанского похода. Не стоит подходить с холодной аргументацией политики и стратегии к тому явлению, в котором все в области

духа и творимого подвига. По привольным степям Дона и Кубани ходила Добровольческая армия — малая числом, оборванная, затравленная, окруженная — как символ гонимой России и русской государственности.

На всем необъятном просторе страны оставалось только одно место, где открыто развевался трехцветный национальный флаг — это ставка Корнилова».[1]

В первый день похода все старшие начальники шли пешком. Один из проезжавших мимо всадников конного дивизиона остановился и предложил генералу Корнилову свою лошадь.

— Спасибо, не надо, — этим отказом Корнилов подчеркнул трудности похода со всеми его участниками, с молодежью и с заслуженными генералами и полковниками, шедшими рядовыми солдатами в глубоком снегу.

С палкой в руке, в высокой папахе и полушубке с белым воротником Корнилов шел впереди колонны. Все, кого он вел тогда, внимательно всматривались в его наружность, стараясь разгадать мучительный вопрос, сможет ли он вывести их из того тупика, в который загнала их жизнь.

Деникин тоже внимательно всматривался в Корнилова. Он видел, что за спокойным хмурым выражением лица крылось «внутреннее бурное горение с печатью того присущего ему во всем — в фигуре, взгляде, речи — достоинства, которое не покидало его в самые тяжкие дни его жизни».

Рядом с Корниловым шел помощник командующего армией, а в случае несчастья с командующим — его преемник, Деникин. Там же был начальник штаба Романовский.

У Антона Ивановича пропал чемодан с военным платьем и всей его теплой одеждой. С карабином через плечо, в сапогах с дырявыми подошвами, в черной шапке, в легком, очень потрепанном штатском городском костюме мрачно шагал он по снегу. Костюм был все тот же, в котором он бежал из Быхова. В первый же день Деникин сильно простудился. Простуда вскоре приняла форму тяжелого бронхита. На некоторое время ему пришлось слечь в повозку, тащившуюся где-то в хвосте обоза.

Уступив первое место Корнилову, организатор белого движения генерал Алексеев ехал в тележке. В той же тележке в чемодане

находилась вся скудная казна армии — около шести миллионов рублей кредитными билетами и казначейскими обязательствами.

— Не знаю, дотянем ли до конца похода, — с тревогой говорил Алексеев Деникину.

Все сильнее и сильнее мучила генерала Алексеева болезнь, впервые давшая о себе знать осенью 1916 года, когда, будучи начальником штаба Верховного Главнокомандующего при последнем императоре, он принужден был уехать из Могилева на лечение в Крым. Припадки уремии доводили генерала иногда до бессознательного состояния. Через несколько месяцев, в сентябре 1918 года, эта болезнь свела его в могилу.

А дальше, длинной лентой, растянувшейся на несколько километров, ехали повозки с военными припасами, фуражом, с походным лазаретом, сестрами милосердия, с беженцами, жизни которых грозила опасность от большевиков. И вперемежку с ними шли войсковые колонны. Пестрели они убожеством и разношерстностью потрепанной одежды и обуви: штатские пальто, офицерские шинели, гимназические фуражки, валенки, сапоги, обмотки... Но шли добровольцы бодро и стройно, с крепкой верой в своего вождя. Общая численность их не превышала трех с половиной тысяч человек. Она равнялась всего лишь численности пехотного полка боевого состава. Но с ними шло еще около тысячи человек в обозе: раненых, беженцев, стариков, женщин и подводчиков. Ружейных патронов было очень мало, и всего лишь каких-то 600—700 артиллерийских снарядов на всю армию!

— Для этого рода снабжения, — говорил потом генерал Деникин, — у нас оставался только один способ — брать с боя у большевиков ценою крови.

Лошадей для конницы также не хватало. С большим трудом и за высокую цену их по дороге покупали у казаков. Реквизицией тогда Добровольческая армия еще не занималась.

Первый привал намечался в станице Аксайской. Но оттуда вернулся квартирьер с известием, что казаки станицы, напуганные большевиками, боясь их мести, отказываются предоставить у себя ночлег добровольцам.

Корнилов считал, что казачество вскоре одумается, что, испытав предварительно на своей шкуре «прелести» большевизма, окажет-

ся опорой его армии. Потому отношение Корнилова к казачьим станицам было осторожное. Он не хотел их антагонизировать. И в данном случае он попросил Деникина и Романовского вместе отправиться в станицу для переговоров. После долгих споров представители генерала Корнилова добились наконец желаемых результатов. И только впоследствии Антон Иванович узнал, что вопрос этот решен был благодаря непредвиденной случайности: сопровождавшему его офицеру-ординарцу надоели разговоры. Он отвел в сторону самого задирчивого из казаков и намекнул ему, что Корнилов шутить не любит, что лучше дело решить поскорее, а то Корнилов кое-кого повесит, а станицу уничтожит...

Из-за частых переходов различных поселков из рук в руки — от красных к белым, — крестьяне осторожно и подозрительно относилось и к тем, и к другим. Они придерживались нейтралитета до выяснения, чья сторона возьмет верх.. Типичен в этом отношении эпизод, описанный участником Первого похода генералом А. П. Богаевским:

«В бедной хате, где я остановился, суетился вдовец старик-крестьянин, принося нам молоко и хлеб. Один из моих офицеров спросил его:

— А что, дед, ты за кого — за нас, кадет, или за большевиков?

Старик хитро улыбнулся и сказал:

— Что же вы меня спрашиваете... Кто из вас победит за того и будем!»[2]

Крестьянские настроения того периода сильно тревожили генерала Деникина.

«Мы помимо своей воли, — писал он, — попали просто в заколдованный круг общей социальной борьбы. И здесь, и потом всюду, где ни проходила Добровольческая армия, часть населения, более обеспеченная, зажиточная, заинтересованная в восстановлении порядка и нормальных условиях жизни, тайно или явно сочувствовала ей; другая, строившая свое благополучие — заслуженное или незаслуженное — на безвременье и безвластии, была ей враждебна, и не было возможности вырваться из этого круга, внушить им истинные цели армии. Делом? Но что может дать краю проходящая армия, вынужденная вести кровавые бои даже за право своего существования. Словом? Когда слово

упирается в непроницаемую стену недоверия страха и раболепства».[3]

Добровольческому командованию с его устаревшими понятиями буржуазной морали не под силу было бороться словом с пропагандой большевиков. Она сознательно извращала факты и умышленно давала населению ложные и всегда заманчивые обещания.

Вторая остановка армии была в станице Ольгинской. Большевистские войска не преследовали добровольцев, и Корнилов дал им отдых, длившийся четверо суток. За эти дни он подвел итог своего военного инвентаря и реорганизовал свой отряд, сведя мелкие части в более крупные.

Получился следующий состав Добровольческой армии: первый офицерский полк под командой генерала Маркова, Корниловский ударный полк (командир — полковник Неженцев), Партизанский полк (командир — генерал Богаевский); юнкерский батальон (командир — генерал Боровский), артиллерийский дивизион из четырех батарей по два трехдюймовых орудия в каждой), чехословацкий инженерный батальон (командир — капитан Неметчик). Кроме того — три небольших конных отряда. Численность конницы не превышала 600 всадников. В дальнейшем походе генерал Марков со своим полком обычно шел в авангарде; в хвосте колонны, прикрывая ее, шел партизанский полк.

Там же, в станице Ольгинской, решен был вопрос о плане дальнейшего движения армии. На военном совете, созванном Корниловым, этот вопрос вызвал разногласия, и окончательное решение принято было далеко не единодушно. Обсуждалось два предложения.

Первое — двигаться на восток, в район зимовников. Цель плана сводилась к тому, чтобы, оторвавшись от железных дорог, по которым двигались войсковые части большевиков, дать людям отдохнуть, переменить лошадей, пополнить обоз. Иначе говоря, предлагалось занять выжидательную позицию, чтобы месяца через два, в зависимости от обстановки, принять то или иное решение.

Другой план предлагал движение на Кубань, к ее столице — Екатеринодару, тогда еще не захваченному большевиками. На Кубани были обильные запасы продовольствия, а население,

по слухам настроенное против советской власти, могло дать значительный приток добровольцев.

Генералы Корнилов и Лукомский стояли за первый план. Они только что узнали, что в задонскую степь к зимовникам (после захвата большевиками Новочеркасска) двинулось около 1500 всадников, не пожелавших остаться под Советами. Во главе отряда стал донской казак генерал Попов. Его всадникам удалось захватить 5 орудий и 40 пулеметов. Эта неожиданная вспышка протеста среди казаков, в свое время не поддержавших атамана Каледина, давала надежду, что отряд Попова сможет стать ядром нового сопротивления большевизму на Дону.

Кроме того, по мнению генерала Лукомского, полная неосведомленность о том, что происходило на Кубани, могла привести к ошибочному расчету на восстание кубанских казаков. Главная же критика плана — движения на Екатеринодар — заключалась в неизбежном пересечении железной дороги в двух пунктах, куда большевики без труда могли подтянуть свои войска с бронированными поездами и таким образом преградить добровольцам дальнейший путь.[4]

За Кубань стояли генералы Алексеев и Деникин, а также большинство генералов, собравшихся на военный совет.

Свои возражения против мысли идти в донские степи генерал Алексеев изложил в записке, посланной им генералу Корнилову. Из-за натянутых отношений с Корниловым он предпочитал во многих случаях общаться с ним письменно. «В зимовниках, — писал Алексеев, — отряд будет очень скоро сжат с одной стороны распустившейся рекой Доном, и с другой — железной дорогой Царицын — Торговая — Тихорецкая — Батайск, причем все железнодорожные узлы и выходы грунтовых дорог будут заняты большевиками, что лишит нас совершенно возможности получать пополнения людьми и предметами снабжения, не говоря уже о том, что пребывание в степи поставит нас в сторону от общего хода событий в России».[5]

Свое мнение по этому вопросу генерал Деникин суммировал впоследствии следующим образом:

«Степной район, пригодный для мелких партизанских отрядов, представлял большие затруднения для жизни Добровольческой

армии с ее пятью тысячами ртов. Зимовники, значительно отдаленные друг от друга, не обладали ни достаточным числом жилых помещений, ни топливом. Располагаться в них можно было лишь мелкими частями, разбросанно, что при отсутствии технических средств связи до крайности затрудняло бы управление. Степной район, кроме зерна (немолотого), сена и скота не давал ничего для удовлетворения потребностей армии. Наконец, трудно было рассчитывать, чтобы большевики оставили нас в покое и не постарались уничтожить по частям распыленные отряды.

На Кубани, наоборот, мы ожидали встретить не только богато обеспеченный край, но и, в противоположность Дону, сочувственное настроение, борющуюся власть и добровольческие силы, которые значительно преувеличивались молвой. Наконец, уцелевший от захвата большевиками центр власти Екатеринодар давал, казалось, возможность начать новую большую организационную работу».[6]

Доводы Алексеева и Деникина убедили Корнилова. Он решил идти на Кубань.

Планы, обсуждавшиеся на военном совете, основывались лишь на теоретических предположениях, на догадках. У генералов не было сведений о фактическом положении вещей за пределами своего крошечного армейского района. Технические средства разведки отсутствовали. Ничтожный состав конницы не давал возможности производить дальних разведок. Тайные агенты, посылавшиеся штабом Корнилова на разведку, редко возвращались обратно. Большевики их ловили и уничтожали. Приходилось руководствоваться интуитивным чувством, а оно далеко не всегда подсказывало правильное решение.

Генералу Попову предложили присоединить свой отряд к Добровольческой армии, но он ответил отказом, мотивируя его нежеланием донских казаков уходить с Дона. Отказ Попова лишил добровольцев нужной им конницы.

Многое решало время, и к Екатеринодару отряд Корнилова шел форсированным маршем, стараясь избегать вооруженных столкновений. Первый бой произошел 27 февраля у большого села Лежанка уже после того, как армия перешла с Дона в Ставропольскую губернию. Там корниловцы, по выражению Деникина, «попали в сплошное осиное гнездо».

Добровольцы очутились на пути многотысячной орды солдат, бросившей кавказский фронт против турок и двигавшейся по домам к северу, в глубь России. Солдаты кавказского фронта везли с собой несметное количество награбленного казенного добра. В большинстве случаев шли они не одиночными группами, а в составе своих революционно настроенных воинских частей, руководство которыми перешло в руки большевиков. Шли они с обильными боевыми припасами, с ружьями, патронами, орудиями, снарядами, захватив в придачу целые вагоны различных продуктов. Были там сахар, соль и всякая мануфактура, награбленная из разных складов.

По дороге «добро» продавалось или менялось на съестные продукты. А когда не находилось покупателей, то солдаты грабили местное население. В первую очередь доставалось, конечно, «буржуям», как заведомым врагам революции. Их не только грабили, но и уничтожали. Затем шла очередь зажиточных казаков. С ними жестоко расправлялись иногородние.

Двигалась эта масса солдатской саранчи по железным дорогам, и большевики решили использовать ее для борьбы с корниловской контрреволюцией.

У села Лежанки, части 39-й пехотной дивизии, ушедшей с турецкого фронта, преградили дорогу добровольцам.

«Был ясный, слегка морозный день, — вспоминал этот эпизод генерал Деникин. — Офицерский полк шел в авангарде. Старые и молодые полковники на взводах. Никогда еще не было такой армии. Впереди помощник командира полка полковник Тимановский шел широким шагом, опираясь на палку, с неизменной трубкой в руках, израненный много раз, с сильно поврежденными позвонками спинного хребта... Одну из рот ведет полковник Кутепов, бывший командир Преображенского полка. Сухой, крепкий, с откинутой на затылок фуражкой, подтянутый с краткими отрывистыми фразами отдает приказания. В рядах много безусой молодежи — беспечной и жизнерадостной. Вдоль колонны проскакал Марков, повернул голову к нам, что-то сказал, чего мы не расслышали, на ходу «разнес» кого-то из своих офицеров и полетел к головному отряду.

Глухой выстрел, высокий-высокий разрыв шрапнели. Началось. Офицерский полк развернулся и пошел в наступление: спокойно,

не останавливаясь, прямо на деревню. Скрылся за гребнем. Подъезжает Алексеев. Пошли с ним вперед. С гребня открывается обширная панорама. Раскинувшееся широко село опоясано линиями окопов. У самой церкви стоит большевистская батарея и беспорядочно разбрасывает снаряды вдоль дороги. Ружейный и пулеметный огонь все чаще. Наши цепи остановились и залегли: вдоль фронта болотистая, незамерзшая речка. Придется обходить. Вправо, в обход двинулся Корниловский полк. Вслед за ним поскакала группа всадников с развернутым трехцветным флагом... Корнилов!

В рядах — волнение. Все взоры обращены туда, где видится фигура командующего. А вдоль большой дороги совершенно открыто юнкера подполковника Миончинского подводят орудия прямо в цепи под огнем неприятельских пулеметов. Скоро огонь батареи вызвал заметное движение в рядах противника. Наступление, однако, задерживается.

Офицерский полк не выдержал долго томления: одна из рот бросилась в холодную, липкую грязь речки и переходит вброд на другой берег. Там — смятение, и скоро все поле уже усеяно бегущими в панике людьми, мечутся повозки, скачет батарея. Офицерский полк и Корниловский, вышедший к селу с запада через плотину, преследуют.

Мы входим в село, словно вымершее. По улицам валяются трупы. Жуткая тишина. И долго еще ее безмолвие нарушает сухой треск ружейных выстрелов: «ликвидируют» большевиков... Много их...»

Война «на истребление» идейных противников принимала систематический характер не только у красных.

Первый поход длился 80 дней. Пройдя за это время расстояние в 1200 километров, добровольцы, покинув Ростов 9 февраля, вернулись 30 апреля обратно на Дон, в станицу Мечетинскую и Егорлыцкую, к местам, неподалеку расположенным от исходного пункта. Длинной петлей обогнули они степную равнину Кубанской области, проникнув даже в горные аулы Северного Кавказа. Из 80 дней похода 44 дня они провели в жестоких боях, похоронили на

Кубани до 400 воинов, ввезли более 1500 раненых. Выйдя в составе около 3,5 тысячи человек, Добровольческая армия вернулась в составе 5 тысяч, пополнив свои ряды кубанскими казаками. Снаряды, патроны и другие припасы добровольцы захватывали у большевиков. Без отдыха, без передышки, в постоянном окружении неприятельскими войсками, в дождь и снег, проводя иногда ночи без крова в пронизывающей от холода степи, пересекая по пояс вброд реки с ледяной водой, добровольцы перенесли физические и моральные испытания, редко в таком изобилии выпадающие на долю солдата. Поход отличался «смелостью почти безрассудной». Так выразился о нем генерал Деникин. Добровольцы тогда пробивались через любое окружение во много раз превосходивших их численно большевиков. Но задерживаться на одном месте больше, чем на несколько дней, они не могли, и, как только уходили, красная волна снова заливала пройденный добровольцами путь. Политических и стратегических целей поход не достиг: среди кубанского казачества он не вызвал серьезных восстаний против советской власти. Добровольцам не удалось освободить от большевиков столицу Кубани Екатеринодар. Но первый поход сохранил от распыления и от уничтожения кадры твердых людей, вокруг которых в недалеком будущем образовалось самое сильное из противобольшевистских движений. Подвиг похода заключался в «победе духа над плотью», и победа эта была возможна лишь потому, что вожди добровольцев знали, на кого они опираются, а войска с верой шли за своими вождями.

Неправы те, кто необдуманно утверждали, что подвига, в сущности, не было, что всякий человек, как и затравленный зверь, предвидя неминуемую гибель, защищается из последних сил; что в данном случае у добровольцев другого выбора и не было. Это неверно. Выбор был. Как сотни тысяч других людей, ненавидящих большевизм, но дороживших своей жизнью, они могли не откликнуться на призыв Алексеева и Корнилова и выжидать исхода борьбы, временно где-то скрываясь. Но они сознательно этого не сделали.

Добровольческой армии приходилось сражаться в условиях совершенно своеобразных. Технические средства отсутствовали. Ее борьба носила характер партизанского похода. И доброволь-

ческое командование, применившись к непривычной обстановке, быстро выработало новую тактику. Она сводилась к удару в лоб противника, к фронтальной атаке густыми цепями при слабой артиллерийской поддержке (из-за недостатка орудий и снарядов). И красные войска, тогда еще плохо организованные, не выдерживали ударной тактики в лоб, а их открытые фланги и тыл давали возможность сперва Корнилову, а потом Деникину, лично руководившими боем, применять маневр в широком масштабе.

Эта ударная тактика прорывала неприятельское окружение, открывала дорогу добровольцам к дальнейшему движению.

Среди добровольческих вождей появились новые имена: генерал Марков захватил воображение добровольцев обаянием своего мужества. Полковник Неженцев бесстрашно вел свой полк в лобовые атаки. Соперничали друг с другом в доблести также генералы Боровский, Казанович, Богаевский, полковники Кутепов и Тимановский. Те, кого они вели в бой, беззаветно им верили.

Сергей Леонидович Марков был среднего роста, сухой, поджарый, с темными волосами, острыми усами и маленькой бородкой клином. Его оживленное лицо постоянно менялось в зависимости от настроения, от какой-нибудь новой мысли, пришедшей ему в голову. А мыслей у него всегда был избыток. Больше всего обращали на себя внимание его темные, почти черные, глаза. В них свойственные Маркову доброта и веселость быстро сменялись насмешливым выражением, раздражением, иногда гневом, твердой решимостью человека, готового идти напролом. Голос у него был резкий, резкими и порывистыми были и все его движения.

Марков родился 7 июля 1878 года. Окончив 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, он вышел офицером в лейб-гвардии 2-ю артиллерийскую бригаду. Затем Академия Генерального штаба, которую он блестяще окончил, потом война с Японией. В 1911 году Марков был назначен штатным преподавателем в Академию Генерального штаба. Одновременно он читал лекции в Михайловском артиллерийском и в Павловском военном училищах. Курс его предметов включал историю военного дела времен Петра Великого, а также тактику и военную географию. В его лекциях слыша-

лись нотки, непривычные старшему поколению: «Не придерживайтесь устава как слепой стены», «Дело — военное, дело — практическое, никаких трафаретов, никаких шаблонов». Он проповедовал, что дух возбуждает идеи, что ум их творит, что воля их осуществляет и что от хорошего офицера требуется гармония этих трех элементов — духа, ума и воли. Он настаивал, что дух должен быть свободным от теорий, но тут же добавлял, что все же «книги надо читать».[7]

Марков связал свою судьбу с Деникиным с первого года мировой войны. Знакомство их произошло в декабре 1914-го при курьезных обстоятельствах. Из преподавателей академии Марков был тогда назначен к Деникину в Железную бригаду в качестве начальника штаба.

«Приехал он к нам тогда в бригаду, — вспоминал Антон Иванович, — никому неизвестный и нежданный: я просил штаб армии о назначении другого. Приехал и с места заявил, что только что перенес небольшую операцию, пока нездоров, ездить верхом не может, и поэтому на позицию не поедет. Я поморщился, штабные переглянулись. К нашей «запорожской сечи» очевидно не подойдет — «профессор»...

Выехал я со штабом к стрелкам, которые вели горячий бой впереди города Фриштака. Сближение с противником большое, сильный огонь. Вдруг нас покрыло несколько очередей шрапнели. Что такое? К цепи совершенно открыто подъезжает в огромной колымаге, запряженной парой лошадей, Марков, веселый, задорно смеющийся.

— Скучно стало дома. Приехал посмотреть, что тут делается...

С этого дня лед растаял, и Марков занял настоящее место в семье Железной дивизии».[8]

А вот еще оценка Маркова Деникиным: «Мне редко приходилось встречать человека, с таким увлечением и любовью относившегося к военному делу. Молодой, увлекающийся, общительный, обладавший даром слова, он умел подойти близко ко всякой среде — офицерской, солдатской, к толпе, иногда далеко не расположенной, — и внушить им свой воинский символ веры: прямой, ясный и неоспоримый. Он прекрасно разбирался в боевой обстановке и облегчал мне очень работу.

У Маркова была одна особенность — прямота, откровенность и резкость в обращении, с которыми он обрушивался на тех, кто, по его мнению, не проявлял достаточного знания, энергии или мужества. Отсюда — двойственность отношений: пока он был в штабе, войска относились к нему или сдержанно, или даже нетерпимо. Но стоило Маркову уйти в строй, отношение к нему становилось любовным (стрелки) и даже восторженным (добровольцы). Войска обладали своей особенной психологией: они не допускали резкости и осуждения со стороны Маркова — штабного офицера; но *свой* Марков — в обычной короткой меховой куртке, с закинутой на затылок фуражкой, помахивающий неизменной нагайкой, в стрелковой цепи, под жарким огнем противника — мог быть сколько угодно резким, мог кричать, ругать, его слова возбуждали в одних радость, в других горечь, но всегда искреннее желание быть достойным признания своего начальника».[9]

В феврале 1915 года, когда Железная бригада с трех сторон была окружена противником и когда командир 13-го стрелкового полка, входившего в бригаду, тяжело был ранен, Марков предложил взять на себя командование полком. Деникин согласился. «У меня самого мелькнула эта мысль, — говорил генерал Деникин, — но стеснялся предложить Маркову, чтобы он не подумал, что я хочу устранить его от штаба. С тех пор со своим славным полком Марков шел от одной победы к другой. Заслужил уже и Георгиевский крест, и Георгиевской оружие, а Ставка 9 месяцев не утверждала его в должности — не подошла мертвая линия старшинства».[10]

Осенью 1915 года Деникин представил Маркова к чину генерала, и тут получилась та же бюрократическая задержка: начальство считало, что Марков слишком молод!

В 1916 году его перевели на Кавказский фронт против турок, затем снова назначили лектором в Академию Генерального штаба. Он томился кабинетной работой, стремился попасть обратно на фронт. Когда в марте 1917 года Деникина назначили начальником штаба Верховного Главнокомандующего, он предложил Маркову только что созданную при Ставке должность второго генерал-квартирмейстера. С тех пор оба генерала были всегда вместе.

Марков следовал за Деникиным, как начальник его штаба, с Западного на Юго-Западный фронт, оба были арестованы по приказу Керенского, оба сидели в тюрьме в Бердичеве, потом в Быхове, оба с головой ушли в формирование на Дону Добровольческой армии.

Люди столь различного темперамента, один — горячий, экспансивный, несдержанный на язык; другой — с виду всегда уравновешенный, выдержанный, немногоречивый, Марков и Деникин стали неразлучными друзьями. Они делились всеми своими мыслями; друг от друга у них не было тайн. И, быть может, главным связующим звеном между ними было духовное стремление к подвигу во имя родины. Только у Маркова оно бурно прорывалось наружу, а у Деникина оно было скрыто под кровом невозмутимого спокойствия.

Марков внес свою пылкую энергию во все боевые действия первого похода. Будучи обычно в авангарде, на него ложилась ответственность за первые шаги в наступлении, в атаке, в прорыве неприятельского кольца, окружавшего армию. И он всегда блестяще выполнял эту задачу.

Ненавидел Марков те редкие случаи, когда его офицерский полк оставляли в хвосте колонны, чтобы прикрывать обоз.

— Черт знает что! — ругался он тогда. — Меня вместо инвалидной команды к обозу пришили!

Меховая куртка и фуражка, закинутая на затылок, сменились в Добровольческой армии белой папахой и кожаной курткой, но нагайка, как и прежде, оставалась у него в руке.

— Друзья, в атаку, вперед! — обычно кричал он и, приправляя иногда свою команду крепким словом, вел свой пехотный полк во весь рост, широким шагом или бегом, в атаку на силы, иногда в десять раз превосходящие его отряд. И бесстрашная удаль Маркова и его офицеров психологически действовала на противника. Он не выдерживал атаки. А марковские офицеры готовы были идти за ним в огонь и в воду.

Самым ярким примером этому был бой 15 марта у станицы Ново-Димитриевской.

«Всю ночь накануне лил дождь, не прекратившийся и утром, — описывал этот день Антон Иванович. — Армия шла по сплошным пространствам воды и жидкой грязи, по дорогам и без дорог.

Холодная вода пропитывала насквозь все платье, текла острыми, пронизывающими струйками за воротник. Люди шли медленно, вздрагивая от холода и тяжело волоча ноги в разбухших, налитых водою сапогах. К полудню пошли густые хлопья липкого снега и подул ветер. Застилает глаза, нос, уши, захватывает дыхание, и лицо колет словно острыми иглами».[11]

Войска наконец подошли к небольшой речке, протекавшей приблизительно в трех километрах от станицы Ново-Димитриевской. От дождя речка раздулась в бурный поток шириной шагов в пятьдесят. На противоположном берегу его оказались большевистские аванпосты. Их отбросили огнем передовые части добровольцев. Началась перестрелка. Мост через речку снесло водой. Послали разведчиков искать брод. Вместе с ними Марков перебрался через ледяной поток. Мелькнула его белая папаха, и с того берега донесся его голос с приказанием подвести лошадей, и на их крупах переправлять весь состав офицерского полка. Началась переправа, навсегда запомнившаяся участникам этого похода.

Глубина реки была в полкорпуса лошади. Лошадей мало. Кроме того, одновременно вброд могло пройти не более двух коней. И они, измученные и обмерзшие, отказывались идти в ледяную воду. Приходилось насильно вести их в поводу, а потом в поводу же поворачивать их обратно за новой очередью пехоты. Люди и лошади окоченели, выбивались из последних сил.

«Между тем, погода вновь переменилась, — вспоминал Деникин, — неожиданно грянул мороз, ветер усилился, началась снежная пурга. Казалось, все промерзло до самых костей. Покоробившаяся, будто деревянная одежда сковала тело; трудно повернуть голову, трудно поднять ногу в стремя».[12]

Марков перевел свой офицерский полк через реку. Наступила полная темнота. Остальные части всю ночь, кто как мог, перебирались через ледяной поток.

Марков понял, что ждать помощи ему не от кого.

— Не подыхать же нам здесь в такую погоду! — сказал он своим офицерам — Идем в станицу!

И приказал не стрелять, а идти в штыковую атаку. Полузамерзшие люди, с винтовками в окоченевших руках, бросились бегом за своим командиром, ворвались в станицу и вступили в рукопашный

бой с большевиками. Те, полагаясь на убийственную погоду, не ожидали ночной атаки. В одиночку и толпами бросились они к противоположной окраине селения, но красным не удалось привести в порядок свои войска. А за ними, едва держась на ногах, проваливаясь по колено в жидкую массу снега, льда и грязи, с криками «ура!» шли марковские офицеры.

Тем временем вся остальная часть армии вытаскивала из непролазной грязи свою артиллерию и обоз. Утром большевики перешли в контратаку, но были отброшены с большими потерями.

Передавали потом рассказ, что якобы на следующее утро одна из сестер милосердия, встретив Маркова на улице, сказала ему:

— Это был настоящий ледяной поход!

— Да, да. Вы правы! — ответил Марков.

Так или иначе, название «ледяной» с тех пор закрепилось не только за боем под станицей Ново-Димитриевской, но и за всем восьмидесятидневном Первым походом Добровольческой армии.[13]

Несмотря на любовь и даже восторг, которые отдельные начальники вызывали своею отвагою у добровольцев, ничто не могло сравниться с тем чувством, которое они испытывали к Корнилову. Он стоял выше всех и был их бесспорным вождем. В тревожные моменты, под жестоким огнем, с полным пренебрежением к опасности, он всегда выделялся где-нибудь на пригорке, на полном виду у неприятеля, с биноклем в руке, руководя боем и наблюдая за его ходом. Из обоза не раз доносили ему, что патроны и снаряды на исходе, спрашивали, отдавать ли последнее? И Корнилов всегда приказывал их выдавать, тут же добавляя, что добровольцы скоро захватят обильные запасы у большевиков. И войска действительно с боем захватывали то 400, то 500, а иногда и 700 артиллерийских снарядов, много винтовок, патронов и разных припасов.

Вскоре Корнилову стало известно, что всему плану движения на Кубань нанесен был жестокий удар: 1 марта Екатеринодар захвачен большевиками. Оттуда бежал в горы Северного Кавказа отряд кубанских добровольцев под командой полковника Покровского, а также кубанский атаман Филимонов и члены Рады (парламента кубанского казачества). Ввиду падения Екатеринодара, из-

за сильных потерь в своих частях и крайнего их утомления, генерал Корнилов решил отложить первоначальный план движения на кубанскую столицу до более благоприятных обстоятельств. Вместо этого, перейдя реку Кубань, он обошел Екатеринодар и двинул свой отряд к югу, в горные черкесские аулы. Там была надежда соединиться с добровольцами Покровского, а также надежда на отдых от постоянных боев и окружения. Первой надежде суждено было вскоре осуществиться, но расчет на отдых оказался ошибочным. Северный Кавказ кишел войсками, бросившими турецкий фронт. Они разграбили и разгромили черкесские аулы; и добровольцы, придя туда, нашли полное запустение. «Бедные черкесские аулы, — говорил Деникин, — встречали нас как избавителей, окружали вниманием, провожали с тревогой. Их элементарный разум воспринимал все внешние события просто: не стало начальства — пришли разбойники (большевики) и грабят аулы, убивают людей. В их настроениях нельзя было уловить никаких отзвуков революционной бури».[14]

Наконец 14 марта состоялось свидание добровольческого командования с Покровским, накануне произведенным Кубанской радой в генералы. Кроме Корнилова присутствовали генералы Алексеев, Деникин, Эрдели и Романовский.

Родом не казак, по прошлой службе летчик, капитан и Георгиевский кавалер, Покровский был молод и никому неизвестен. «Он проявлял, — как выразился о нем Антон Иванович, — кипучую энергию, был смел, жесток, властолюбив и не очень считался с «моральными предрассудками». Одна из тех характерных фигур, которые в мирное время засасываются тиной уездного захолустья и армейского быта, в смутные дни вырываются кратковременно, но бурно на поверхность жизни. Как бы то ни было, — продолжал Деникин, — он сделал то, чего не сумели сделать более солидные и чиновные люди: собрал отряд, который один только [на Кубани] представлял из себя фактическую силу, способную бороться и бить большевиков».[15]

На собравшихся генералов Покровский, по-видимому, произвел то же впечатление, что и на генерала Деникина. Отнеслись они к нему более чем сдержанно, сухо, особенно после того, как Покровский под предлогом, что всякие перемены могут вызвать брожение

в его войсках, настаивал на автономии кубанского отряда и лишь на оперативном подчинении его генералу Корнилову. Даже всегда выдержанный генерал Алексеев потерял терпение. «Полноте, полковник, — вспылил он, — извините, не знаю, как вас и величать. Войска тут ни при чем — мы знаем хорошо, как относятся они к этому вопросу. Просто вам не хочется поступиться своим самолюбием.

— Одна армия и один командующий, — резко оборвал дальнейшие переговоры генерал Корнилов, — иного положения я не допускаю. Так и передайте своему правительству».[16]

Через несколько дней на совещание со старшими начальниками Добровольческой армии снова приехал Покровский. Его сопровождали кубанский атаман полковник Филимонов, председатель кубанского правительства и представители законодательной Рады. После долгих переговоров кубанские представители согласились наконец на полное подчинение своего отряда генералу Корнилову. Ему предоставлялось право реорганизовать отряд по личному усмотрению. Кубанские представители дали обязательство всемерно содействовать военным мероприятиям армии; начальник же войск кубанского края (Покровский) отзывался в состав своего правительства для дальнейшего формирования кубанской армии.

Не теряя времени, генерал Корнилов сразу влил кубанские части (около 2,5 тысячи человек) в состав своего отряда, основательно перемешав кубанцев с добровольцами. Общая численность его, по подсчетам генерала Деникина, возросла до 6 тысяч бойцов. К тому времени армия с обозом и беженцами равнялась приблизительно 9 тысячам человек. Было в ней около 4 тысяч лошадей и до 660 повозок.

Среди людей, бежавших с отрядом Покровского из Екатеринодара, был М. В. Родзянко, бывший председатель Государственной думы. В дальнейшем он находился в обозе корниловского отряда.

В обозе хранились все боевые припасы странствующей армии, все ее материальное снабжение. Там же, в повозках, лежали раненые, количество которых росло с каждым днем. Положение их было катастрофично. Без медикаментов, перевязочного материала, без антисептических средств, они переносили невероятные страдания и даже в случаях легкого ранения часто умирали от зараже-

ния крови. Самоотверженный уход врачей и сестер мог облегчить лишь морально подавленное состояние раненых.

При постоянном окружении корниловцев большевиками и риске попасть в плен командование армии не отнимало у раненых оружия. «Возможность распорядиться своею жизнью в последний роковой момент, — говорил Деникин, — была неотъемлемым правом добровольцев».

Добровольческая казна была на исходе, походных кухонь было мало, и отряду пришлось питаться за счет местного населения. В обстановке гражданской войны многие из раздетых, разутых и голодных людей теряли уважение к частной собственности.

В одном из переходов изумленные добровольцы увидели какого-то кавказского человека в черкеске, который, задыхаясь, бежал во всю прыть вдоль колонны офицерского полка. «За ним бежал генерал Марков и нагайкой хлестал его по спине:

— Не воруй, сукин сын. Вот тебе! Вот тебе!

И удары нещадно сыпались один за другим».[17]

С воровством боролись, но искоренить его было невозможно.

После включения отряда Покровского в состав Добровольческой армии кубанская столица Екатеринодар снова заняла первое место в планах Корнилова. Снова она стала целью похода.

Добровольческие войска находились тогда южнее города, на левом берегу реки Кубани. Минуя посты, Корнилов наметил неожиданные для противника переправы на паромах у станицы Елисаветинской, к западу от города; и оттуда — атаку на Екатеринодар.

Переправа через реку прошла благополучно. 28 марта генерал Корнилов со своим штабом расположился на образцовой ферме Екатеринодарского сельскохозяйственного общества, километрах в трех-четырех от города. С ее высокого отвесного берега над рекой открывался вид на кубанскую столицу. Отчетливо виднелись контуры домов, вокзал, кладбище; а впереди, ближе к ферме, видны были ряды большевистских окопов.

Ферма с ее небольшим белым домиком в четыре комнаты была ясно видна неприятелю. Она неизбежно должна была привлечь его внимание и огонь. Кроме Корнилова там расположились Дени-

кин, Романовский со штабом, команда связи и перевязочный пункт, откуда непрерывно доносились стоны раненых.

На следующее утро неприятель избрал ферму своей мишенью и три дня подряд осыпал ее снарядами. Тем временем началось наступление на город. Добровольцы захватили предместья его, потом черноморский вокзал и артиллерийские казармы; один из отрядов прорвался даже к центру города, но, не поддержанный другими, должен был пробиваться обратно. И тут почувствовался численный и технический перевес противника. По словам генерала Деникина, разведка корниловского штаба «определила в боевой линии до 18 тысяч бойцов, при 2—3 бронепоездах, 2—4 гаубицах и 8—10 легких орудиях».[18]

Советское командование стягивало к Екатеринодару подкрепление со всех сторон. Их силы увеличивались, и они проявляли большое упорство. Потери добровольцев росли с невероятной быстротой: раненых в лазаретах переваливало за полторы тысячи, убиты было несколько выдающихся офицеров, в том числе командир Корниловского полка полковник Неженцев. Полковник Кутепов вступил в командование полком. На Корнилова смерть Неженцева сильно подействовала.

Военное счастье ему изменяло: припасы истощались, после упорных боев войска едва держались на ногах. А вражеский запас снарядов и патронов казался неиссякаемым.

Впервые после станицы Ольгинской Корнилов собрал военный совет. Кроме командующего армией присутствовали генералы Алексеев, Деникин, Романовский, Марков, Богаевский и кубанский атаман полковник Филимонов. Стол, кровать и деревянная скамейка были единственной мебелью, а потому некоторые сели на разбросанной по полу соломе.

— Положение действительно тяжелое, — сказал Корнилов собравшимся, — и я не вижу другого выхода, как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил завтра на рассвете атаковать по всему фронту. Как ваше мнение, господа?

По тону Корнилова все поняли, что для него этот вопрос решенный. Тем не менее, кроме Алексеева, все генералы возражали против атаки. Они говорили, что настал предел человеческих сил, что армия разобьется об Екатеринодар, что неудача штурма вызовет

катастрофу, и, наконец, что даже взятие города — с неизбежными потерями — привело бы войска к полному распылению, так как слабым численно частям не под силу было бы охранять и защищать только что захваченный ими большой город.[19]

Стараясь найти компромисс, генерал Алексеев советовал отложить штурм на сутки. Корнилов это предложение принял. В остальном его решение осталось неизменным.

Генерал Марков, не спавший двое суток, заснул на совещании, но проснулся вовремя, чтобы слышать окончательное решение.

— Наденьте чистое белье, у кого есть, — сказал он, вернувшись, своему помощнику полковнику Тимановскому и еще нескольким офицерам. — Будем штурмовать Екатеринодар. Екатеринодар не возьмем, а если и возьмем, то погибнем.

После совещания Антон Иванович остался вдвоем с Корниловым.

— Лавр Георгиевич, — сказал он, — почему вы так непреклонны в этом вопросе?

— Нет другого выхода, Антон Иванович. Если не возьмем Екатеринодар, то мне останется пустить себе пулю в лоб.

— Этого вы не можете сделать. Ведь тогда остались бы брошенными тысячи жизней. Отчего же нам не оторваться от Екатеринодара, чтобы действительно отдохнуть, устроиться и скомбинировать новую операцию? Ведь в случае неудачи штурма отступить нам едва ли удастся.

— Вы выведете...

Я встал и взволнованно проговорил:

— Ваше превосходительство! Если генерал Корнилов покончит с собой, то никто не выведет армию — она вся погибнет![20]

Ввиду сильного обстрела фермы приближенные Корнилова упорно настаивали на том, чтобы он и его штаб перебрались в другое место. Но генерал это предложение категорически отклонил.

На следующее утро, 31 марта, взрывом неприятельской гранаты Корнилов был убит. Граната пробила в доме на ферме стену, где за столом возле окна сидел генерал. Было семь с половиной часов утра.

В это время Антон Иванович с обрыва на берегу реки возле фермы в тяжелом раздумье наблюдал за ходом боя. Гранаты со свистом проносились над головой. Одна ударила в рощу около

дома; другая... и тут через несколько минут с искаженным лицом прибежал к Деникину адъютант командующего:

— Ваше превосходительство! Генерал Корнилов...

Деникин все понял. Хотел броситься к дому, но увидел, что навстречу к нему быстро шли генерал Романовский и несколько офицеров. Они несли носилки и поставили их возле Антона Ивановича. На них недвижимо лежал генерал Корнилов. Кровь сочилась из небольшой раны на виске и текла из пробитого правого бедра. Он еще дышал, но дыхание его становилось все тише и тише. В отчаянии Деникин опустился на колени и, с трудом сдерживая рыдания, приник лицом к холодеющей руке погибшего вождя.

— Вы примите командование армией? — обратился к нему начальник штаба.

— Да.

В ответе не было и не могло быть колебаний. Как помощник командующего, генерал Деникин обязан был заменить убитого. Он не имел морального права уклониться от тяжелой ответственности, особенно в момент, когда армии грозила гибель. И тем не менее из уважения к основателю движения Антон Иванович искренно считал, что берет на себя бремя командования «только временно — здесь, на поле боя...». «Поэтому, — рассказывал он, — когда мне дали на подпись краткое сообщение о событии, адресованное в [станицу] Елисаветинскую генералу Алексееву с приглашением прибыть на ферму, я придал записке форму рапорта, предпослав фразу: «Доношу, что...». Этим я признавал за Алексеевым естественное право его на возглавление организации и, следовательно, на назначение постоянного заместителя павшему командующему».[21]

Когда Алексеев приехал, он обратился к Деникину со словами:

— Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помоги вам Бог!

Возник вопрос о том, как оформить переход командования к генералу Деникину, от чьего имени отдавать приказ по армии. Как официально определить положение Алексеева? В Добровольческой армии все приказы и распоряжения исходили только от командующего. Об этот тут же тихо совещались между собой генералы Алексеев и Романовский. После некоторого размышления Романовский нашел выход:

— Подпишите «генерал-от-инфантерии» и больше ничего. Армия знает, кто такой генерал Алексеев».[22]

Известие о смерти генерала Корнилова разнеслось по армии с молниеносной быстротой. «Скоро узнали все. Впечатление потрясающее. Люди плакали навзрыд, говорили между собой шепотом, как будто между ними незримо присутствовал властитель их дум. В нем, как в фокусе, сосредоточилось ведь все: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение. И когда его не стало, в сердце храбрых начали закрадываться страх и мучительное сомнение. Ползли слухи, один другого тревожнее, о новых большевистских силах, окружающих армию со всех сторон, о неизбежности плена и гибели. Конец всему...»[23]

Даже среди самых стойких элементов в офицерском полку появилось сомнение, сможет ли Деникин вывести армию. Им хотелось видеть своего командира Маркова командующим.

— Марков, — говорили они, — был правой рукой Корнилова, его шпагой, его мечом... Только он должен стать во главе армии...

«И как бы угадывая настроение своих офицеров, генерал Марков подъехал к ним и твердо сказал:

— Армию принял генерал Деникин. Беспокоиться за ее судьбу не приходится. Этому человеку я верю больше, чем самому себе!»[24]

Все разговоры на эту тему сразу прекратились.

В тот же день решилась участь предстоящего штурма Екатеринодара. Новый командующий его отменил. Чтобы спасти армию, он решил с наступлением темноты быстрым маршем, большими переходами оторваться от противника и вывести свои войска к северо-востоку из-под удара екатеринодарской группы большевиков.

«План предстоящего похода, — писал потом генерал Деникин, — заключался в том, чтобы, двигаясь на восток, вырваться из густой сети железных дорог. Во исполнение этого плана нам предстояло прорваться через линию Черноморской железной дороги. Я наметил для этого станцию Медведовскую».[25]

Когда генерал Алексеев, узнав о несчастии, случившемся на ферме, мчался туда в экипаже, то по дороге встретил конвой текинцев, сопровождавших повозку с телом генерала Корнилова. Алексеев остановился, слез со своей тележки, очень долго в глубокой задум-

чивости смотрел в лицо покойного, отдал ему земной поклон и поцеловал в лоб.

Какие бы ни были причины разлада между этими двумя людьми, во всем так мало схожими, их соединила «в последнем деле на земле» одинаково сильная любовь к родине, чувство долга перед ней, решимость жертвовать жизнью для ее освобождения. Прощаясь с Корниловым, Алексеев позабыл прошлые обиды и кланялся в землю большому русскому патриоту и бесстрашному солдату. Быть может, в лице Корнилова он клал земной поклон и страданию, выпавшему на долю всей страны.

Тело генерала Корнилова отвезли в станицу Елисаветинскую, положили в сосновый гроб, местный священник, волнуясь, отслужил панихиду по убиенному воину Лавре. (У священника были основания волноваться: весной 1918 года в Кубанской области большевики замучили на смерть свыше двадцати священников лишь за то, что они исполняли требы для проходивших добровольцев.) А ночью, в накрытой сеном повозке, гроб двинулся в путь с уходящей армией. Куда? Никто не знал, но Корнилова хотели похоронить тайно, чтобы окружавшие добровольцев большевики не обнаружили место погребения. 2 апреля в немецкой колонии Гначбау, где остановилась гонимая армия, гроб был зарыт несколькими людьми из корниловского конвоя, и могилу сровняли с землей. Чтобы не привлекать ничьего внимания, никто из начальства не присутствовал при погребении. И лишь генерал Деникин «стороной, незаметно прошел мимо, чтобы бросить прощальный взгляд на могилу».[26]

На следующий день большевики заняли селение Гначбау. Они еще не знали о смерти Корнилова, но слышали, что добровольцы что-то зарывали в землю. Решив, что это деньги и ценности, они начали искать клад и обнаружили свежую могилу.

Труп генерала Корнилова они перевезли в Екатеринодар. На соборной площади сбросили тело с повозки на мостовую. Пьяная солдатская толпа била и топтала его ногами. С трупа сорвали одежду, голое тело покойника повесили на дереве. Веревка оборвалась, и толпа снова глумилась над уже бесформенной массой. Наконец труп перевезли на городскую бойню, где сожгли останки, обложив их соломой.

Войска с обозом растянулись в широкой степи на 10 километров. Со смертью Корнилова обычная бодрость духа сменилась тревогой, а красные войска продолжали решительное преследование. Чтобы спасти свой отряд, генерал Деникин решился на суровые меры. Он приказал сократить обоз до минимума: беженцев поместили по 6 человек в телеге, около 200 подвод было уничтожено, ненужный груз — ликвидирован. В армии оставалось лишь 30 снарядов! С болью в сердце решено было сохранить лишь 4 орудия, и бросить остальные 4 или 5, предварительно приведя их в полную негодность. Положение осложнялось тем, что предстоял переход через железную дорогу. Такие переходы для Добровольческой армии всегда являлись большой проблемой. Железные дороги были в руках большевиков. Они давали им возможность быстро сосредоточивать свои войска в известных пунктах и готовить окружение скитающейся армии. Даже сам по себе несложный вопрос перехода через рельсы требовал железнодорожного переезда для переброски артиллерии и обоза, а обоз, растянутый на 8—10 километров, в свою очередь, требовал нескольких часов для переправы.

Там, на станции Медведовской, ожидались сильные эшелоны красных войск и бронепоезда противника.

Удастся ли прорваться?

Утром, 3 апреля, в полной еще темноте, генерал Марков, шедший во главе колонны, заметил отдаленный огонек в степи. Он оказался светом из железнодорожной будки. Марков поскакал туда с конными разведчиками. Не доезжая до будки, он слез с лошади и в сопровождении трех разведчиков быстро направился в помещение. Там было два человека. Узнав от них, что на станции два эшелона красногвардейцев с бронированным поездом, Марков арестовал дорожного сторожа и от его имени вступил в телефонный разговор с большевиками, дежурившими на станции Медведовской. Станция находилась на расстоянии километра от будки. Генерал заверил своих собеседников, что на посту все спокойно. Тем не менее красные решили для верности послать к переезду бронепоезд. Марков им не противоречил:

— Пошлите, товарищи. Оно будет вернее.

И в то же время он отправил одного из разведчиков с донесением к генералу Деникину и с просьбой, чтобы колонны полным ходом, соблюдая тишину, двигалась к железной дороге и остановилась в двухстах шагах от переезда.

Деникин поскакал к Маркову. За ним Романовский со штабом. Генерал Алексеев (всегда тактичный, подчеркнуто не желавший вмешиваться в боевые распоряжения по армии) прислал спросить разрешения приехать в будку.

— Пожалуйста. Милости просим, — ответил Антон Иванович.

План действий, накануне намеченный в общих чертах новым командующим, был разработан здесь — на месте — во всех деталях с невероятной быстротой. Выполнением плана занялся генерал Марков, украсив его совершенно блестящими импровизациями.

Предоставим генералу Деникину рассказать о том, как разворачивались события этой ночи: «Через несколько минут со стороны станции показалась какая-то движущаяся громада: бронированный поезд.

Медленно, с закрытыми огнями, надвигается на нас; только свет от открытой топки скользит по полотну и заставляет бесшумно отбегать в сторону залегших возле полотна людей. Поезд уже в нескольких шагах от переезда. У будки все: генерал Алексеев, командующий армией со штабом и генерал Марков. Одна граната, несколько лент пулемета и... в командном составе армии произошли бы серьезные перемены.

Марков с нагайкой в руке бросился к паровозу.

— Поезд, стой! Раздавишь, сукин сын! Разве не видишь, что свои?!!

Поезд остановился. И пока ошалевший машинист пришел в себя, Марков выхватил у кого-то из стрелков ручную гранату и бросил ее в машину. Мгновенно из всех вагонов открыли по нам сильнейший огонь из ружей и пулеметов. Только с открытых орудийных площадок не успели дать ни одного выстрела.

Между тем Миончинский [молодой полковник, блестящий офицер-артиллерист] продвинул к углу будки орудие, и под градом пуль почти в упор навел его по поезду.

— Отходи в сторону от поезда, ложись! — раздался громкий голос Маркова.

Грянул выстрел, граната ударила в паровоз, и он с треском повалился передней частью на полотно. Другая, третья по блиндированным вагонам... И тогда со всех сторон бросились к поезду марковцы. С ними их генерал. Стреляли в стенки вагонов, взбирались на крышу, рубили топорами отверстия и сквозь них бросали бомбы; принесли из будки смоляной пакли, и скоро запылали два вагона. Большевики проявили большое мужество и не сдавались: из вагонов шла беспрерывная стрельба. Отдельные фигуры выскакивали на полотно и тут же попадали на штыки. Было видно, как из горящих вагонов, наполненных удушливым дымом, сквозь пробитый пол обгорелые люди выбрасывались вниз и ползли по полотну.

Скоро все кончилось. Слышался еще только треск горящих патронов.

Горячо обнимаю виновника этого беспримерного дела. Не задет?

— От большевиков Бог миловал, — улыбается Марков, — а вот свои палят, как оглашенные. Один выстрел над самым моим ухом — до сих пор ничего не слышу».[27]

Этот выдающийся командир даже в самый разгар жестокого боя оставался человечным и справедливым. Гарнизон бронепоезда состоял из матросов Черноморского флота, зверства которых в отношении офицеров были хорошо известны. Они идейно вступили в ряды советских войск и геройски защищали свой бронепоезд. Такое чувство долга Марков ценил даже в большевиках. И когда из горевшего вагона в тлеющей на нем одежде выскочил на Маркова матрос, то первым порывом генерала было оказать ему помощь. Неоднократно впоследствии генерал Марков отпускал на волю захваченных им в плен большевиков.[28]

Около никому прежде не известной железнодорожной будки произошел один из замечательных эпизодов в военной истории. И пока он разыгрывался, батальон офицерского полка был направлен к станции; инженерной роте приказано было взорвать

полотно железной дороги южнее будки, чтобы оградить себя от возможного нападения бронепоездом со стороны Екатеринодара; а конные части были двинуты для захваты станицы, расположенной неподалеку от переезда.

В этот день захвачено было у большевиков более 400 артиллерийских снарядов и около ста тысяч патронов!

Добровольцы ликовали. А генерал Деникин, впервые после гибели Корнилова, увидел вокруг себя «подчеркнутую исполнительность и дисциплину».

В расстегнутом штатском пальто, откуда виделась защитного цвета гимнастерка с двумя Георгиевскими крестами — на шее и на груди, — он объезжал верхом войска и благодарил их за доблесть и мужество. И, глядя на своего нового командующего, войска чувствовали к нему прилив доверия. Они поняли, что бой, так блестяще выигранный Марковым, был задумал Деникиным. Они верили, что сделан был первый шаг к намеченной цели: вывести их из вражеского окружения.

От станции Медведовской генерал Деникин двинул свой отряд сперва на восток, а затем на север. Он видел необходимость увеличить переходы своей армии, довести их до 55 или 65 километров в сутки, чтобы быстротой своего передвижения с места на место спутать предположения большевиков и выйти из их окружения.

Для этого нужно было посадить пехоту на повозки, но большинство повозок было занято тяжелоранеными...

Антон Иванович собрал совещание, чтобы обсудить мучительный вопрос: брать с собой всех раненых или оставить тяжелых в станице, приняв меры, до известной степени гарантирующие их безопасность.

Генералы Алексеев, Романовский, Марков и большинство старших начальников высказались за оставление. Среди добровольцев такое решение не могло вызвать восторга. Оно произвело гнетущее впечатление. Добровольцы всячески старались вывести своих тяжелораненых однополчан, но большинство из них не выдерживали условий быстрых передвижений и погибли по дороге. Тем не менее добровольцы не осуждали Деники-

на. Их отношение к этому вопросу выразил участник похода генерал А. П. Богаевский: «Тяжело было генералу Деникину решиться на такую страшную меру, но другого выхода у нас не было».[29]

Медицинский персонал (у которого к тому времени совершенно иссякли лечебные и перевязочные средства) составил список тех раненых, которые в условиях обозной жизни Добровольческой армии обречены были на гибель. В станице Дядьковской станичный сбор согласился принять их на свое попечение. Было оставлено там 119 человек, с ними врач и сестры милосердия. Им выдали на руки известную сумму денег. С ними же оставили несколько влиятельных заложников-большевиков, захваченных добровольцами в Екатеринодаре. Самый видный из них, большевик Лиманский, дал слово оберегать раненых. Потом выяснилось, что он честно исполнил свое обещание.

Но Деникина этот случай мучил до конца жизни. «Переживая мысленно минувшее, — говорил он, — я живо помню свои душевные терзания, и, делясь тогда впечатлениями с Романовским, мы оба пришли к одинаковому заключению: подписать приказ заставлял тяжелый долг начальника; но если бы пришлось оставаться самим, мы предпочли бы пустить себе пулю в лоб».[30]

В середине апреля дошли до Антона Ивановича сведения о крупных восстаниях против большевиков в Донской области. Правдивость этих известий была проверена, и генерал решил вести Добровольческую армию на Дон. Но вскоре дошли и другие сведения, которые поразили его своей неожиданностью: советские войска в Донской области стали проявлять «странную нервность». Причину почти панического бегства красных эшелонов через Ростов на юг трудно было объяснить одним только фактом восстаний. Большевики двигались «под давлением какой-то неведомой силы».

Этой неведомой для Деникина силой оказалась германская армия.

Оторванный от внешнего мира около двух с половиной месяцев, он не знал, что после заключения Брест-Литовского договора с большевиками, немцы — с целью захвата русского сырья — заняли Украину и Крым и вплотную подошли к Донской области.

Трудно представить себе ту степень оторванности от внешнего мира, которая охватила тогда большую часть России. В стране царил хаос. Расстройство транспорта, почты и телеграфных сообщений, отсутствие газет, закрытых большевиками, начавшаяся гражданская война, — все это откинуло жизнь обывателя в те далекие времена, когда сведения о том, что творилось на белом свете доставлялась лишь «очевидцами» и большей частью и в извращенном виде. Были большевистские листовки, но кроме торжества и победы пролетариата, они мало о чем говорили. Даже крупные города жили исключительно слухами.

А потому не удивительно, что отряд добровольцев, затерянный в кубанской степи и окруженный большевиками, оказался почти герметически изолированным от общего хода событий.

Известие о продвижении германских войск в глубь страны ошеломило Деникина: «Малочисленная армия, почти лишенная боевых припасов, становилась лицом к лицу одновременно с двумя враждующими факторами — советской властью и немецким нашествием, многочисленной красной гвардией и корпусами первоклассной европейской армии».[31]

Хаотическое движение советских эшелонов с огромным количеством боевых припасов закупорило узловые станции вдоль линии Ростов — Тихорецкая.

Представлялись как будто бы две возможности: попытка их уничтожить; или ограничиться лишь налетом на близлежащие станции, чтобы захватить там нужные добровольцам военные припасы.

Для плохо вооруженного и измученного длинным походом отряда первое решение грозило риском неисчислимых потерь. Но были и другие причины, побудившие генерала Деникина не идти на этот риск: «Должен сказать откровенно, — признался он потом, — что нанесение более серьезного удара в тыл большевистскими войсками, которые преграждали путь нашествию немцев на Кавказ, не входило тогда в мои намерения: извращенная донельзя русская действительность рядила иной раз разбойников и предателей в покровы русской национальной идеи...»[32]

Деникин ограничился налетом на несколько железнодорожных станций и захватом большой военной добычи. Много поездов с

военными припасами попали в его руки (ружья, пулеметы, солдатское обмундирование).

В конце апреля загипнотизированные германским продвижением большевики не слишком тревожили Добровольческую армию.

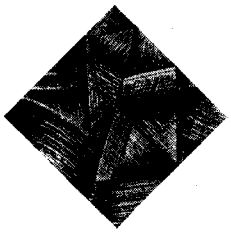
Генерал Деникин осуществил свое намерение: прорвавшись через неприятельское кольцо, сохранив кадр добровольцев, он мог дать своей армии временный отдых и, разобравшись в создавшейся обстановке, принять решение о дальнейших действиях.

30 апреля войска расположились в двух больших станицах Донской области — в Мечетенской и Егорлыцкой, к юго-востоку от Ростова.

Первая фаза добровольческого движения была закончена. Она создала славы и надежды вокруг участников легендарного похода.

Глава XVI

ПОСЛЕ ПЕРВОГО ПОХОДА



Положение, с которым столкнулся генерал Деникин после конца Первого похода, оказалось чрезвычайно сложным и запутанным. С жадностью набросился Антон Иванович на сведения о событиях, которые произошли за время, что его армия была оторвана от внешнего мира. То, что он узнал о Брест-Литовском договоре и его следствиях, ударило с невероятной силой по национальному самолюбию генерала.

На западе и на юге Россия теряла все, что приобрела со времен Петра Великого. Кроме Польши и Финляндии, занимавших особое положение, росчерком пера от нее отобрали Украину, Крым, Прибалтийский край, Литву, Грузию, Батум, Карс. Что касалось Украины, то немцы, ведя переговоры с большевиками, — за их спиной и тайно от них, — умудрились подписать договор с группой украинских сепаратистов. Признав Украину самостоятельным государством, немцы двинули туда свои войска, чтобы изгнать уже захвативших там власть большевиков и поставить в Киеве послушное покорное Германии правительство. Признанная немцами Украинская рада, состоявшая из социалистов, вскоре оказалась им неугодной. Без всякой церемонии они разогнали в середине апреля Раду и заменили ее консервативным правительством гетмана Скоропадского, бывшего генерала русской службы.

Россия дробилась на части, и части эти превращались в главную экономическую и военную базу центральных держав. Для продолжения борьбы с союзниками немцы могли выкачивать из

России не только хлеб, сырье и богатые запасы снабжения, но и сотни тысяч хорошо обученных солдат из числа военнопленных, захваченных русской армией во время войны. По подсчетам русского военного министерства, общее их число к началу сентября 1917 года превышало цифру в два миллиона. Эта цифра была во много раз больше, чем количество военнопленных, взятых всеми союзниками за время войны.

К началу 1917 года свыше полутора миллиона военнопленных работало в различных отраслях русской промышленности, строительства и сельского хозяйства. Многие оказались в зонах, оккупированных центральными державами. Но в Поволжье, в Сибири и Средней Азии — вне досягаемости немцев — находилось главное ядро военнопленных. Германское правительство оказывало сильное давление на большевиков, чтобы заполучить их к себе.[1]

Деникину было очевидно, что союзники должны будут предпринять энергичные шаги к недопущению этого людского притока на Западный фронт против себя.

Кроме того, в Мурманске, в Архангельске и во Владивостоке находились огромные запасы военного имущества, присланного союзниками. После захвата власти большевиками эти грузы застряли в портах. В любой момент немцы могли пожелать наложить на них свою руку. С другой стороны, не было сомнения, что союзники примут свои контрмеры, чтобы не дать Германии обогатиться за их счет военными припасами. Да и Мурманск находился слишком близко от Финляндии, куда германцы уже высадили войска для поддержки белых финских сил во главе с генералом Маннергеймом.

Одним словом, Антон Иванович ясно видел, что при создавшихся условиях Россия стала ареной грандиозной борьбы между интересами германцев и союзников. Он мучился сознанием собственной беспомощности и в то же время знал, что кроме горсти добровольцев, возглавляемых генералом Алексеевым и им самим, не было иной силы, которая могла бы встать на защиту чести и национальных интересов России.

В эти мучительные минуты раздумья самым радостным событием для Антона Ивановича было известие, что из далекой Румынии, из разложившихся там русских войск выделился сильный

духом и крепко спаянный дисциплиной отряд добровольцев и что он пришел на Дон с артиллерией, пулеметами, броневиками и даже с радиостанцией. Состоял он из 667 офицеров, 370 солдат, с врачами и сестрами милосердия. Пройдя походом в два месяца расстояние свыше тысячи километров, ведя бои с большевистскими отрядами, захватившими южнорусские губернии вдоль Черного и Азовского морей, заняв сперва (но затем покинув) Ростов, двинулся к Новочеркасску и помог донским казакам освободить их столицу от большевиков.

25 апреля начальник отряда полковник Михаил Гордеевич Дроздовский отправил генералу Деникину в станицу Мечетинскую донесение: «Отряд... прибыл в Ваше распоряжение... Отряд утомлен непрерывным походом... но в случае необходимости готов к бою сейчас. Ожидаю приказаний».[2]

С глубоким волнением читал Антон Иванович эту бумагу, это свидетельство о «новой героической сказке на темном фоне русской смуты». Отряд Дроздовского шел на соединение с Добровольческой армией и, несмотря на трудности и на ошеломившее всех известие, полученное в дороге, о смерти генерала Корнилова, дошел до намеченной цели.

Свежая струя надежды влилась в душу командующего, смущенную тем состоянием морального брожения, через которое проходила в тот момент его крошечная армия. Он видел, что «первый поход оставил глубокий след в психике добровольцев, наполнив ее значительным содержанием — отзвуками смертельной опасности, жертвы и подвига». Но вместе с тем Деникин сознавал, что поход вызвал невероятную моральную и физическую усталость и что добровольцы нуждались в длительном отдыхе».[3]

К тому времени германские войска очистили от большевиков и оккупировали громадную территорию на юге и на западе России. От Севастополя до Пскова, от Ростова до Киева — по всей Украине, Белоруссии и в Крыму — жизнь внешним образом быстро налаживалась. Поезда ходили по расписанию, у беженцев из Центральной России, вырвавшихся из советской зоны, глаза разбегались от обилия съестных продуктов в лавках и на базарах. А главное, исчез страх, что ночью какие-то агенты советской власти

ворвутся в дом, кого-то арестуют, ограбят, увезут, убьют... И тех добровольцев, у которых там были близкие и родные, с невероятной силой потянуло хоть временно приобщиться к мирной и нормальной жизни.

В начале мая для многих добровольцев истекал срок в четыре месяца, который они — по письменному соглашению — обязывались служить в армии. И Антон Иванович приказал дать трехнедельный отпуск всем, кто того пожелает.

— Захотят — вернутся, нет — их добрая воля, — говорил он своим приближенным.

Он отлично понимал, что искушение «не вернуться» огромное, что риск для его дела был чрезвычайно велик: отряд мог распылиться и исчезнуть. Но надежда Антона Ивановича оправдалась. Прошел срок отпуска и, бросив мирную жизнь, большинство уехавших вернулись, чтобы продолжать борьбу.

Деникину приходилось считаться не только с физической и моральной усталостью людей. Всплыло на поверхность два очень важных и острых вопроса.

Германские успехи весной и летом 1918 года внушали многим мысль, что немцы одержат победу над союзниками, что будущей России, или, вернее сказать, ее осколкам, придется не только мириться с этим фактом, но и строить свою жизнь сообразно с немецкими желаниями. Появилась «германская ориентация», которая с особенной силой пропагандировалась из украинской столицы — Киева. Даже профессор П. Н. Милюков, лидер кадетской партии, бывший министр иностранных дел Временного правительства, поверив в конечное торжество Германии, активно переключился в этот лагерь. Добровольческое командование считало необходимым открыто реагировать на эту «ересь».

Второй — о политических лозунгах. «Великая, единая, неделимая Россия» — был единственным девизом армии. Деникин его выдвинул как знамя борьбы с раздроблением России, гордился этим девизом и твердо верил в него. Среди офицерства он нашел горячую поддержку. Но со стороны вновь возникших государственных образований на русских окраинах этот лозунг не мог не возбуждать некоторых опасений.

Для движения, которое стремилось найти поддержку в широких кругах населения, одного этого лозунга было недостаточно. Требовалась более конкретная программа. И тут возникал целый ряд щекотливых вопросов, осложнявших ее формулировку.

Хаос, вызванный ходом революции, произвел большие сдвиги в русской общественно-политической мысли. Повсюду чувствовалось сильное «поправение». Многие либералы, проповедавшие раньше идею республики, пришли к заключению, что единственной приемлемой для большинства формой правления была конституционная монархия, что именно она сможет объединить в одно целое разные народности, населяющие территорию России; что только монархия сможет обеспечить единство и величие государства. Эта идея не могла не коснуться офицерства Добровольческой армии, среди которого тоже шел сильный процесс поправения. И офицерство с нетерпением ждало, чтобы командование ясно и определенно высказало свои политические чаяния.

Но у командования по этому вопросу не было единства мысли.

Генерал Алексеев считал, что «нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии, конечно, с теми поправками, кои необходимы для облегчения гигантской работы по управлению для одного лица». В то же время осторожный Алексеев считал невозможным для армии принять определенные монархические лозунги. «Вопрос этот, — писал он, — недостаточно еще назрел в умах всего русского народа, и... предварительное объявление лозунга может лишь затруднить выполнение широких государственных задач».[4]

Генерал Деникин придерживался иного взгляда. Его точку зрения разделяли Романовский и Марков. Свое отношение к вопросу о провозглашении монархического лозунга Антон Иванович изложил следующим образом: «Атмосфера в армии сгущалась и необходимо было так или иначе разрядить ее. Дав волю тогдашним офицерским пожеланиям, мы... рисковали полным разрывом с народом, в частности с казачеством — тогда не только не склонным к приятию монархической идеи, но даже прямо враждебным ей. Мы решили поговорить непосредственно с офицерами.

В станичном правлении в Егорлыкской были собраны все начальники до взводного командира включительно. Мы не сговари-

вались с генералом Алексеевым относительно тем беседы, но вышло так, что он говорил о немцах, а я — о монархизме.

«Была сильная русская армия, которая умела умирать и побеждать. Но когда каждый солдат стал решать вопросы стратегии, войны и мира, монархии и республики, тогда армия развалилась. Теперь повторяется, по-видимому, то же. Наша единственная задача — борьба с большевиками и освобождение от них России. Но этим положением многие не удовлетворены. Требуют немедленного поднятия монархического флага. Для чего? Чтобы тотчас же разделиться на два лагеря и вступить в междоусобную борьбу? Чтобы те круги, которые теперь если и не помогают армии, то ей и не мешают, начали активную борьбу против нас?.. Да, наконец, какое право имеем мы, маленькая кучка людей, решать вопрос о судьбах страны без ее ведома, без ведома русского народа?

Хорошо — монархический флаг. Но за этим последует естественно требование имени. И теперь уже политические группы называют десяток имен, в том числе кощунственно в отношении великой страны и великого народа произносится даже имя чужеземца — греческого принца. Что же, этот вопрос будем решить поротно или разделимся на партии и вступим в бой?

Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход — вера в своих руководителей. Кто верит нам — пойдет с нами, кто не верит — оставит армию.

Что касается лично меня, я бороться за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию. И будьте покойны: в тот день, когда я почувствую ясно, что биение пульса армии расходится с моим, я немедля оставлю свой пост, чтобы продолжать борьбу другими путями, которые сочту прямыми и честными».[5]

Антон Иванович остался верен тем взглядам, которые тогда высказал. И даже предостережение в его последней фразе, на которое мало кто обратил внимания, имело для Деникина глубоко продуманный и, как оказалось впоследствии, пророческий смысл.

Расхождение между генералами Алексеевым и Деникиным по вопросу о монархических лозунгах шло, быть может, глубже, чем его отметил в своих воспоминаниях Антон Иванович. Один случай, упомянутый Деникиным, служит этому примером: в августе 1918 года, уже после занятия добровольцами Екатеринодара, Антон

Иванович получил доклад с подробным обзором общего политического положения. Там говорилось о непопулярности Добровольческой армии, не принявшей открыто монархического девиза. На этом докладе, вспоминал Деникин, «была резолюция генерала Алексеева в таком смысле: надо нам, наконец, решить этот вопрос, Антон Иванович. Так дальше нельзя!»

«Я зашел, — писал Деникин, — в тот же день с Романовским к генералу Алексееву. Чем объяснить изменение вашего взгляда, Михаил Васильевич? Какие новые обстоятельства вызвали его? Ведь настроение Дона, Кубани, ставропольских крестьян вам хорошо известно и далеко не благоприятно идеи монархии. А про внутреннюю Россию мы ровно ничего не знаем».

Генерал Алексеев переменил тему разговора и больше к ней не возвращался. Вскоре последовала его кончина.[6]

Но уже после того, как генерал Деникин покинул Россию, эту тему неожиданно затронул Черчилль. В одной из неопубликованных заметок Антона Ивановича имеется следующая запись: «В 1920 году в Лондоне за завтраком, когда поднят был вопрос о причине неудач Юга, Черчилль обратился ко мне не то с вопросом, не то с укоризной:

— Скажите, генерал, почему Вы не объявили монархии?

— Почему я не провозгласил, не удивительно, я боролся за Россию, но не за формы правления. И когда я обратился с вопросом к двум своим помощникам — Драгомирову и Лукомскому, людям правым и монархистам, — считают ли они необходимым провозгласить монархический принцип, оба ответили: нет! Такая декларация вызвала бы падение фронта много раньше».[7]

Тот же мотив звучал в письмах генерала к друзьям. В ответ на вопрос о политических лозунгах Антон Иванович писал генералу Н. М. Тихменеву в середине 1918 года: «Если я выкину республиканский флаг — уйдет половина (добровольцев), если я выкину монархический флаг — уйдет другая половина. А надо спасать Россию!»[8]

Получился заколдованный круг, выходом из которого — по мнению генерала Деникина — могла быть лишь платформа, основанная на «непредрешенстве». Она выразилась в двух декларациях (в конце апреля и в начале мая 1918 года), излагавших

политические цели Добровольческой армии. В них говорилось, что армия борется с большевизмом за спасение и целость разоренной и униженной России; что, стремясь к совместной работе со всеми русскими людьми, армия не примет партийной окраски; что вопрос о формах государственного строя не предрешается руководителями армии; что он явится последующим этапом и «станет отражением воли народа — после его освобождения от рабской неволи».

В первой декларации упоминалось Учредительное собрание, «созванное по водворении в стране правового порядка», и говорилось, что «народоправство должно сменить власть черни».

Упоминание об Учредительном собрании и народоправстве вызвало настолько сильное волнение среди офицеров, что генерал Марков счел нужным доложить об этом командующему. И во втором обращении, сохранившем не только характер «непредрешенства», но и весь смысл первой декларации, эти два термина были элиминированы. Зато с предельной ясностью говорилось о недопустимости каких-либо сношений с немцами.

Любопытно то, что и Деникин, и предшественник, его, Корнилов, твердо верили в возможность свободного выявления воли русского народа. Ни опыт последнего года, ни отсутствие в России демократической традиции не поколебали в них этой веры.

В личной жизни Антона Ивановича великой радостью было известие, что жена его, Ксения Васильевна, здорова и благополучна.

Никому неизвестная, под своей девичьей фамилией прожила она в Ростове весь жуткий период Первого похода. После освобождения Новочеркасска от большевиков она сразу перебралась туда и наняла себе скромную меблированную комнату. И тут случилось забавное происшествие. Несколько офицеров из отряда полковника Дроздовского, занявшего Новочеркасск, поместилось в доме, куда только что переехала Ксения Васильевна. Комнат было там мало. Офицерам было тесно, и они решили выселить молодую девицу. Явился к ней какой-то поручик, постучал в дверь и сообщил, что, проделав длинный поход и готовясь к новому походу под начальством генерала Деникина, он и его компаньоны желают хорошенько отдохнуть и хотят занять ее комнату. В весьма недвусмысленной форме он предложил Ксении Васильевне поскорее выбираться из помещения.

Она запротестовала:

— Как же это вы хотите выгонять из дома жену вашего командующего?

— Как так? — полюбопытствовал офицер.

— Да очень просто, потому что я жена генерала Деникина.

Последовал взрыв веселого смеха.

— Ну, барышня, если вы жена генерал Деникина, то я в таком случае — персидский шах! Пошутили и довольно. А теперь поторапливайтесь: мы устали, не заставляйте нас ждать!

И молодой особе, жившей под фамилией Ксения Чиж, не без туда удалось наконец доказать — к большому смущению офицеров — что она действительно жена командующего Добровольческой армией.

За время жизни Ксении Васильевны в Ростове был с ней и другой курьезный случай.

Студент местного университета, племянник армянской семьи, в чьем доме она проживала, обратил внимание на скромную и привлекательную девицу Чиж, «беженку из Польши». Он представился ей и, узнав, что в городе у нее нет знакомых, решил ее развлекать. Он начал часто заходить к ней, и кончилось тем, что просил Ксению Васильевну стать его женой. Отказ его не смутил, и пылкий армянин продолжал настаивать на своем. Но с переездом Ксении Васильевны из Ростова в Новочеркасск односторонний роман неожиданно для молодого человека оборвался. Когда же он узнал что девица, которая так ему понравилась, оказалась женой генерала Деникина, он перетрусил не на шутку. Боясь, что муж, суровый генерал, до него доберется, он бежал из Ростова, долго скрывался в окрестностях и вернулся к себе домой только тогда, когда его встревоженная семья, снесясь с Ксенией Васильевной, смогла его заверить, что командующий Добровольческой армией и не помышляет о страшной мести. И в самом деле, эта история даже развеселила Антона Ивановича, он подтрунивал над своей женой и над ее «похождениями». Но в свои домашние дела он, как правило, не посвящал посторонних и на эту тему никогда ни с кем, кроме жены, не говорил.[9]

То, что происходило на Дону, и радовало Деникина, и в то же время возбуждало в нем сильное опасение.

Донская область освобождалась от большевиков путем ряда восстаний. Толчком к этим восстаниям явилась растерянность советских отрядов из-за приближения германских войск.

Немецкие войска, перейдя через донскую границу, заняли западную часть Донской области до железной дороги Воронеж — Ростов и оккупировали Таганрог и Ростов. Для обеспечения последнего со стороны лежащих к востоку Задонских степей они выставили свои аванпосты в станицах Аксайской и Ольгинской, известных нам по Первому походу Добровольческой армии. Новочеркасска немцы не тронули. И там из представителей восставших станиц был образован Круг спасения Дона. Он собрался 28 апреля (когда большая часть области была еще в руках большевиков) и 3 мая избрал Донским атаманом генерала Петра Николаевича Краснова.

Антон Иванович знал Краснова с февраля 1904 года, но знакомство было очень поверхностное. Впервые он встретил его в поезде Сибирского экспресса, когда оба они ехали к театру военных действий против Японии. Капитан Деникин направлялся на Дальний Восток, чтобы воевать, а подъесаул Краснов ехал туда в качестве военного корреспондента «Русского инвалида», официальной газеты военного министерства. Деникин читал потом газетные статьи Краснова и находил их талантливыми. Но, будучи сам писателем на военные темы и хорошо зная военный быт, он замечал в статьях Краснова сильно коробивший его элемент «поэтического вымысла в ущерб правде». Ту же склонность разукрашивать факты заметил он и в беседах с Красновым во время их длинного совместного путешествия. В годы Первой мировой войны Деникин и Краснов встречались два или три раза тогда, когда генерал Деникин уже занимал видные командные посты в армии. Затем, во время быховского заключения, Антон Иванович из газет узнал, что Краснов, назначенный после генерала Крымова командиром 3-го конного корпуса, направлен был Керенским против большевиков, только что захвативших власть в Петрограде. Он слышал, что Краснов был арестован большевиками, но что ему удалось бежать на Дон.

После избрания Краснова Донским атаманом Деникин очень внимательно начал присматриваться к его деятельности. Она сму-

щала Антона Ивановича своим чрезмерным уклоном в сторону сотрудничества с немцами. Тем не мене Деникин не мог не признать за новым атаманом большой энергии и крупных дарований администратора. Он с одобрением смотрел на то, как Краснов, не теряя времени, принялся за формирование вооруженной силы.

Человек властный, способный, Краснов, которому тогда было 49 лет, быстро прибрал к рукам все административные функции местной власти. До созыва Большого круга (парламента) в середине августа он явился единоличным правителем постепенно освобождавшейся от большевиков Донской области. Все законы, введенные как Временным правительством, так и Советом народных комиссаров, были отменены. Впредь до издания новых законов. Донская область управлялась на основании законов дореволюционной России.

— Отметалось все, — говорил Краснов, — что громко именовалось «завоеваниями революции» и «ее углублением».

Однако, несмотря на возврат к старым порядкам и монархические убеждения Краснова, он определенно проводил идею полной автономии Дона. Для него Дон становился самостоятельным государственным организмом со своей армией, со своей иностранной политикой, своей таможней, со своими денежными знаками, своим флагом и народным гимном.

Это не нравилось Деникину, девизом которого была «Единая, неделимая Россия».

А так как дальнейшая судьба Донской области, по мнению атамана, всецело зависела от немцев, то генерал Краснов, убежденный в конечной их победе над союзниками, безоговорочно принял германскую ориентацию.

Это обстоятельство еще меньше нравилось Антону Ивановичу.

15 мая по инициативе генерала Деникина в станице Манычской состоялось свидание командующего Добровольческой армией с Донским атаманом. Целью свидания было сблизить интересы добровольцев и Дона и разработать общий план действий. Кроме генералов Деникина и Краснова в совещании участвовали генералы Алексеев, Романовский, кубанский атаман Филимонов, несколько офицеров и прибывший с атаманом генерал А. П. Богаевский, участник Первого похода, принявший в Донском правительстве

пост управляющего отделом иностранных дел и председателя Совета управляющих отделами правительства. Болезнь генерала Алексеева, особенно после тягостей Первого похода, подорвала его силы. В этот день ему особенно недомогалось. Закрыв глаза, с усталым измученным лицом он молча сидел за столом, лишь изредка вставляя свои замечания.

На этом заседании с печальной очевидностью определилось то чувство взаимного отталкивания, которое обе «договаривающиеся стороны» испытывали друг к другу. Деникина и Краснова разделяли не только различие в их характерах, но и полное расхождение в их политических ориентациях и подходах к стратегии.

Трения возникли с момента, как совещание открылось. Генерал Деникин раскритиковал «диспозицию», составленную атаманом, где для овладения Батайском намечалось совместное с немцами действие против большевиков. В довольно резкой форме он сказал, что Добровольческая армия не может иметь ничего общего с немцами.

Тогда, чтобы придать своему положению больший вес и авторитет, «атаман дал понять генералу Деникину, что он уже более не бригадный генерал, каким знал атамана на войне генерал Деникин, но представитель пятимиллионного свободного народа и потому разговор должен вестись в несколько ином тоне».[10]

Эта фраза, заимствованная из воспоминаний атамана Краснова (который сам о себе писал в третьем лице), не произвела, однако, желаемого эффекта. Все присутствовавшие знали, что Краснов был выбран атаманом 12 дней назад лишь той небольшой частью Донской области, которая освободилась к тому времени от большевиков, что избравший его Круг спасения Дона состоял из случайных людей и не мог претендовать на авторитетность; что «свободный пятимиллионный народ» более чем на половину еще сидел под большевистским ярмом, а следовательно, он не был свободным; что население всей Донской области (включая иногородних, которые генерала Краснова не жаловали) равнялось лишь четырем, а не пяти миллионам; и что атаман и здесь не удержался, чтобы для пущей важности не разукрасить факты.

Этот «поэтический вымысел в ущерб правде» напомнил Деникину первую его встречу с Красновым. Но если эта черта красно-

вского характера тогда его только коробила, то теперь она его раздражала. Слишком важным и ответственным казался момент их встречи, чтобы выдвигать на первый план вопросы личного самолюбия, чтобы пускать друг другу пыль в глаза.

Сразу возникли серьезные разногласия и по вопросу о дальнейших действиях Добровольческой армии. Атаман настаивал, чтобы армия, отбросив мысль о ближайших действиях на Кубани, немедленно двигалась на северо-восток, в направлении к Царицыну на Волге. Там, говорил он, имеются пушечный и снарядные заводы, громадные запасы всякого войскового имущества, армия перестанет зависеть от казаков и приобретет хорошую чисто русскую базу.

Никто из присутствовавших на совещании не знал тогда, что генерал Краснов тайно от всех еще 4 мая отправил письмо гетману Скоропадскому, прося его обратиться к германскому главнокомандующему в Киеве Эйхгорну с ходатайством о занятии Царицына германскими войсками.[11]

Военные планы генерала Деникина шли вразрез с планами Краснова. Он намечал движение своей армии в направлении как раз противоположном. Вместо похода на север он желал двигаться на юг. Да и вопрос о немедленном движении, независимо от направления, был в тот момент неосуществим. Добровольческая армия, прежде всего, нуждалась в отдыхе, реорганизации и в снабжении.

Отвечая Краснову, Антон Иванович изложил то, что считал ближайшей задачей Добровольческой армии, а именно — освобождения Задонья и Кубани. Он подробно объяснил, что немедленное движение на север при враждебности немцев могло для него закончиться катастрофой. При необходимости иметь исходный пункт для своего наступления на территории Дона, то есть области, подверженной германскому влиянию, Добровольческая армия могла очутиться охваченной одновременно с трех сторон враждебными элементами: немцами — с запада, большевиками — с севера, и Волгой — с востока, куда при желании немцы легко могли ее сбросить.

Кроме того, движение на север лишило бы армию большой части людских контингентов, притекавших с Украины, Кубани, Северного Кавказа и Крыма, и в особенности многочисленного офицерства, которого за Волгой было очень мало.

Освобождение Задонья и Кубани обеспечивало от большевиков всю длинную южную границу Донской области на протяжении четырехсот километров. Оно давало приток надежных укомплектований, открывало пути к Черному морю и, в случае победы союзников, обещало удобную с ними связь через Новороссийск. Успех на Кубани сулил добровольцам богатую базу для будущего движения на север.

Другой причиной движения на Кубань, говорил генерал, было моральное обязательство перед кубанцами. Они шли под знамена Добровольческой армии и для освобождения собственного края, и для освобождения России. Невыполнение этого обязательства, по мнению Деникина, грозило сильным расстройством армии и в особенности конницы, из рядов которой могло уйти много кубанцев.

Было еще одно соображение, которое генерал тогда не высказал, но которое играло важную роль в его решении. При движении на сильно укрепленный большевиками Царицын у него оставалась в тылу советская армия Северного Кавказа общей численностью в 80—100 тысяч бойцов. Некоторые из этих советских частей были уже хорошо знакомы Деникину по первому походу. Другие представляли элемент «еще неизведанной силы и духа». Против них он и готовил свой поход. Деникин верил, что военный опыт командования и доблесть добровольцев, несмотря на их малочисленность, принесут победу. Но наступление на Царицын, имея позади себя огромную (хотя и не прочно связанную внутри) силу, Антон Иванович считал безумием.[12]

План генерала Деникина был поддержан как генералом Алексеевым, так и кубанским атаманом Филимоновым.

Генерал Деникин предлагал установить единое командование с подчинением ему донских частей. Но атаман это предложение отклонил категорически.

Следующий вопрос касался получения Добровольческой армией от Дона суммы в 6 миллионов рублей. Эти деньги причитались добровольцам еще по соглашению с атаманом Калединым. Неожиданно для всех Краснов заявил:

— Хорошо. Дон даст средства, но тогда Добровольческая армия должна подчиниться мне.

Потеряв терпение, Антон Иванович возразил:

— Добровольческая армия не нанимается на службу. Она выполняет общегосударственную задачу, и не может поэтому подчиняться местной власти, над которой довлеют областные интересы.[13]

Одним словом, попытка личного сближения потерпела полную неудачу.

Тем не менее, нуждаясь друг в друге, каждая из двух антибольшевистских группировок стремилась достигнуть хоть каких-то практических результатов, то есть найти способ сотрудничать в борьбе с большевиками. В конце концов сговорились на том, что Дон будет переправлять Добровольческой армии часть снаряжения, которое сам будет получать из военных складов на Украине, из запасов бывшего русского Юго-Западного фронта. И действительно, за первые полтора месяца атаман Краснов получил с Украины 11 650 винтовок, 46 орудий, 88 пулеметов, 109 000 артиллерийских снарядов. 11 590 000 ружейных патронов, оставив себе все винтовки, орудия и пулеметы, атаман переправил треть снарядов и четверть патронов в Добровольческую армию. Деньгами добровольцы получили от Дона «взаимообразно» 6 миллионов рублей, обязуясь обеспечить границу Донской области со стороны Кубани.

Это дало впоследствии повод атаману Краснову съязвить по адресу генерала Деникина:

— Да, да, господа! — говорил он, — Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, Донской атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, смываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой армии. Весь позор этого дела лежат на мне![14]

Что касалось немцев, захвативших русские боевые припасы на Украине, то они передавали их атаману Краснову не безвозмездно. Дон платил за них хлебом, шерстью и скотом.

Ни Деникин, ни Краснов не знали тогда, что за два дня до их встречи в станице Манычской с чрезвычайной быстротой начали разворачиваться события огромной важности: армейский корпус, состоявший из чехословаков общей численностью около 40 000 бойцов, отказался подчиняться распоряжениям советской власти. Сформированный в России отчасти из проживавших там чехов, но главным образом из военнопленных австрийцев чешского происхождения, этот корпус в начале 1918 года предназначался для

отправки на французский фронт. С этой целью чешские войска двигались к Владивостоку, чтобы грузиться там на транспорты и через Панамский канал идти к берегам Франции. Их эшелоны растянулись вдоль громадной линии Сибирской магистрали от Волги до Забайкалья. Трения между чехами и советской властью начались давно, и когда большевики потребовали, чтобы чехословацкие части сдали им свое оружие, чехи отказались подчиниться. Опасаясь ловушки и выдачи австро-германцам, они решили силой пробиваться на Дальний Восток. Почти без сопротивления захватили они в свои руки в течение нескольких дней всю Сибирскую железную дорогу. Этот успех свидетельствовал не о силе чехословаков, а о слабости советской власти.

Вызванное ядом случайных причин, не имевших ничего общего со стратегическими планами союзного командования, выступление чехословаков в тот момент как нельзя больше отвечало намерениям союзников. И они сразу использовали его в своих целях. Все предыдущие колебания союзников в отношении гражданской смуты в России прекратились. Захват чехами сибирского пути препятствовал вывозу в Германию австро-немецких военнопленных из Сибири. Он выдвигал угрозу создания нового восточного фронта против центральных держав. Вместо отправки чехословаков во Францию союзное командование решило задержать их в Сибири.

Выступление чехов вызвало серию восстаний в Приволжье и в Западной Сибири. Часть из них возникла стихийно, другая часть была организована конспиративными кружками бывших офицеров, ждавших удобного случая, чтобы выступить против большевиков. По мнению генерала Деникина, эти офицерские отряды, пополненные добровольцами, придали чехословацкому выступлению внешний «характер идейного движения», хотя на самом деле оно явилось результатом одного лишь желания открыть себе дорогу на восток.

В восстаниях против советской власти приняли деятельное участие и подпольные комитеты партии социалистов-революционеров. Они призывали к борьбе с большевиками и к свержению «германского насилия». Их влияние на чехословаков оказалось весьма значительным, что, в свою очередь, отразилось на дальнейших взаимоотношениях между чехами и всеми русскими группи-

ровками, включая офицеров, которые стояли правее эсеровской программы.

К чешским войскам присоединилось немало чехословацких военнопленных, разбросанных по Сибири. Это довело состав корпуса до цифры приблизительно в 60 тысяч человек. По сравнению с красной гвардией чешские отряды представляли из себя хорошо организованную силу. И тем не менее сила эта была относительной. Разложение русской армии коснулось и чехословацких частей, входивших в нее в 1917 году. Они восприняли демократизацию с солдатскими комитетами, выборным началом и революционной дисциплиной. «Русский командный состав, — писал генерал Деникин, — был вскоре удален, и места его были заняты людьми, нередко энергичными и способными, но обыкновенно имевшими служебный стаж не выше лейтенанта запаса, и потому малограмотными в вопросах тактики и стратегии».[15]

Выступление чехов оказалось началом союзной интервенции. Вскоре англичане высадили десант в Мурманске и Архангельске. Уже высадившийся во Владивостоке небольшой десант японцев был затем расширен высадкой британских, американских и еще добавочных японских войск, а также небольшого французского отряда из Индокитая. На Дальнем Востоке общая численность союзных войск, не считая чехов, к концу 1918 года равнялась приблизительно 70 тысячам человек (японцы — 57 тысяч; американцы — 8 тысяч; англичане — 2,5 тысячи; итальянцы — 1,5 тысячи; французы — 1 тысяча). На русском севере, в Мурманске и Архангельске, высадилось около 23 тысяч (12 тысяч англичан; 11 тысяч — общесоюзные контингенты). И в Закаспийской области очутилось еще около 5 тысяч англичан.[16]

Возможность открытия восточного фронта против Германии не могла не отразиться на отношении немецкого командования к Добровольческой армии.

Слишком слабая, чтобы предоставлять из себя угрозу центральным державам, армия Деникина возбуждала в австро-германских офицерах чувство уважения. Они видели, что в дни полного упадка моральных принципов, деникинский отряд дал пример высокого патриотизма, чести и рыцарства, то есть тех общепризнанных элементов, на которых поколениями воспитывалось офицерство

европейских армий. А потому вначале, несмотря на явную враждебность к себе Добровольческой армии, германский генералитет в Киеве и в Ростове высказывал свое уважение к генералам Алексееву и Деникину, осторожно зондировал почву, стараясь расположить к себе русское офицерство. Немцы не препятствовали вербовке добровольцев на Украине. Немецкие коменданты на железнодорожных станциях проявляли даже известную предупредительность в отношении к русским офицерам, ехавшим группами в Добровольческую армию. Они сквозь пальцы смотрели на то, что патроны и снаряды, выданные ими атаману Краснову из украинских складов, частично переправлялись затем из Донской области в Добровольческую армию.

С выступлением чехословацких войск отношение немцев к армии Деникина резко изменилось. Вербовочный центр добровольцев в Киеве был закрыт; офицеры, работавшие в нем, были арестованы; лиц, следовавших в армию через Украину в офицерских эшелонах, начали задерживать германские власти потребовали немедленного сбора всех военнопленных, подданных Австро-Венгрии. Это требование относилось и к отряду в 300—400 человек чехословаков, входивших в инженерный батальон Добровольческой армии и проделавших с ней Первый поход. На тревожный вопрос представителей батальона генерал Деникин заявил, что защиту своих соратников-чехословаков считает вопросом чести и что, несмотря на желание избегать столкновения с немцами, он не остановится в случае нужды даже перед боем.[17]

Тревожные сведения об опасности, угрожавшей армии со стороны немцев, дошли до генерала Деникина подпольным путем, через верных ему офицеров, поступивших на службу в Советский Генеральный штаб. Антону Ивановичу сообщили секретным путем, что министр иностранных дел Германии обратился к Советскому правительству с нотой, требовавшей немедленного прекращения чехословацкого движения, удаления союзников из Мурманска и Архангельска и «подавления мятежа генерала Алексеева». Тайное донесение Деникину из Москвы о германо-советских переговорах заканчивалось следующей фразой: «Если советская власть окажется не в состоянии достигнуть указанных выше задач собственными силами, то она не должна противодействовать продвижению для

этих целей немецких сил по территории России... Немцы видят наибольшую для себя опасность именно в Добровольческой армии и в генерале Алексееве».[18]

Таким образом, опасение генерала Деникина о возможности германского вмешательства в случае движения его армии на Царицын имело серьезные основания. Оставляя в покое армию, занятую освобождением Кубани, немцы не допустили бы ее продвижения к Волге, где уже возникал новый антибольшевистский фронт и где добровольцы могли попасть в западню между немцами и большевиками.

В окружении атамана Краснова были люди, не сочувствовавшие его перегибу в сторону немцев. Они держали штаб генерала Деникина в курсе переговоров, которые Донской атаман тайно от Добровольческой армии вел с высшими германскими кругами. И подробности этих секретных переговоров возбуждали в добровольческом командовании чувство тревоги.

Выяснилось, что атаман отправил два собственноручных письма императору Вильгельму. Содержание первого письма не вызывало опасений.

Но текст второго письма не на шутку встревожил генералов Алексеева и Деникина.

Следуя своему принципу «поэтического вымысла в ущерб правде», генерал Краснов писал германскому императору не только от имени Войска Донского, но и от лица никогда не существовавшей федерации «Доно-Кавказского союза», образованного, как писал Краснов, из Донского, Кубанского, Терского, Астраханского войска, из калмыков Ставропольской губернии, а также из горных народов Северного Кавказа. Все эти области, кроме Дона, были еще в руках большевиков. А представители их, находившиеся в Новочеркасске, определенно высказались против проекта атамана Краснова создать Доно-Кавказскую федерацию.

В своем длинном и многоречивом письме Краснов просил, между прочим, германского императора «содействовать к присоединению к войску [Донскому] по стратегическим соображениям городов Камышина и Царицына Саратовской губернии, и города Воронежа станции Лиски и Поворино», и сообщал, что «всевеликое Войско Донское обязуется за услугу Вашего Императорского Величества

соблюдать полный нейтралитет во время мировой борьбы народов и не допускать на свою территорию враждебные германскому народу вооруженные силы, на что дали свое согласие и атаман Астраханского войска князь Тундутов и Кубанское правительство, а по присоединении остальные части Доно-Кавказского союза».

В послании к Вильгельму была и цветистая фраза о том, что «тесный договор сулит взаимные выгоды, и дружба, спаянная кровью, пролитой на общих полях сражений воинственными народами германцев и казаков, станет могучей силой для борьбы со всеми нашими врагами».

Если добровольческих генералов и могла позабавить мысль о том, что Краснов не постеснялся втирать очки даже главе германского государства (обращаясь к нему от имени фиктивного Доно-Кавказского союза), то другие заявления в письме атамана не возбуждали чувства юмора ни у Алексеева, ни у Деникина.

Как мог Краснов, говорили они, с одной стороны, толкать их в направлении на Царицын, с другой — заверять немцев, что не допустит на свою территорию враждебных Германии вооруженных сил?

«В лице генерала Краснова, — писал Алексеев Деникину, — немецкие притязания нашли отзывчивого исполнителя».

Что касалось Антона Ивановича, то он отлично понимал тяжелое положение, в котором находилось Донское правительство. Несмотря на личную неприязнь к Краснову, Деникин не осуждал атамана ни тогда, ни впоследствии за то, что в 1918 году он признал Дон не воюющей против Германии стороной, что воспользовался обеспечением немцами 500-километровой западной границы Донской области (от Азовского моя до Воронежской губернии), что приобрел через посредство немцев часть военных запасов бывшего русского Юго-Западного фронта. Деникин сознавал, что в тогдашнем положении у Дона иного выхода не было. Но осуждал генерала Краснова за то, что в своих словах и действиях он шел гораздо дальше своего нейтралитета, «становясь в вассальные отношения к Германии, признавая за немцами право распоряжаться русскими землями — Воронежом, Камышиным, Царицыным...»[20]

Для Антона Ивановича красновская политика «была или слишком хитрой, или слишком беспринципной». Он считал, что во всех ораторских и письменных проявлениях атамана «была одна чисто

индивидуальная особенность характера и стиля, которая тогда... приводила многих к полной невозможности отнестись с доверием к его деятельности».[21]

И все же, несмотря на взаимную антипатию, отношения между руководителями Добровольческой армии и атаманом никогда не прекращались.

Этого нельзя было сказать о взаимоотношениях между добровольческим командованием и Украиной. Для Деникина гетманская Украина была креатурой немецкой политики, и вести переговоры с ней было ему невозможно. Гетман был пешкой в германских руках и добровольно встал в полную от них зависимость. Под диктовку немцев он проводил украинский национальный шовинизм, направленный к тому, чтобы порвать культурную и государственную связь с Россией.

Генералу Деникину необходимо было выяснить, что творилось внутри России и, в частности, в Москве, куда в феврале 1918 года перебрался из Петрограда Совет народных комиссаров во главе с Лениным. С этой целью, а также с целью найти источник денежных средств для армии он направил в Москву нескольких офицеров, в том числе генерала Б. И. Казановича, который проделал весь Первый поход, полковника Новосильцева (бывшего председателя Офицерского союза, арестованного вместе с Корниловым и сидевшего в Быхове), полковника Лебедева, А. Ладыженского и других. Они должны были установить связь с подпольными организациями, работавшими против большевиков, сообщить генералу Деникину свои впечатления об их деятельности, удельном весе, политических настроениях и нащупать почву финансовых возможностей среди бывших представителей денежной буржуазии и дипломатических представителей союзников.

Советские органы внутренней охраны находились тогда в зачаточном состоянии, и их агенты не успели еще проникнуть во все подпольные организации. Но если у большевиков, опытных в конспиративной работе, политический сыск и контрразведка были лишь в зародыше, то у добровольцев, не имевших понятия об этих сложных вопросах, подход к ним отличался чрезвычайной наивностью. Примером может служить эпизод с генералом Казановичем. Храбрый строевой офицер, несколько раз раненный во время Пер-

вой мировой войны, с незажившей раной, полученной во время добровольческой кампании, он, казалось бы, меньше всего подходил к роли конспиратора. В начале мая 1918 года он принял от генерала Богаевского (избранного председателем Донского правительства) 2-ю бригаду Добровольческой армии, и, когда вскоре после этого его вызвали к генералу Деникину, он предполагал, что вызов связан с делами, касающимися бригады. «Каково же было мое удивление, — рассказывал Казанович, — когда генералы Деникин и Романовский, вкратце ознакомив меня с обстановкой, задали мне вопрос: не соглашусь ли я поехать в Москву для изыскания средств для дальнейшего существования армии? Я ответил, что предпочел бы заниматься своим прямым делом, то есть драться с большевиками, но, конечно, не отказываюсь от всякого поручения, раз оно необходимо для армии... Меня стали убеждать, доказывая, что послать решительно некого. И я должен был согласиться, заметив, что это напоминает мне поручение, даваемое сказочными царями: поезжай туда, не знаю к кому, и привези то, не знаю что. Простился со словами: уж не надоел ли я вам, и вы хотите просто отправить меня на виселицу?»[22]

Любительский подход к конспирации особенно ярко сказался в бумагах и документах, которые генерал Казанович имел при себе. Он вез с собой письма генералов Алексеева и Деникина; удостоверение личности от Добровольческой армии «для предъявления лицам, со стороны которых можно было ожидать сочувствие», фальшивый паспорт с вымышленной фамилией, свидетельство Донского правительства с указанием фамилии иной, чем в паспорте... И несмотря на все инкриминирующие улики, Казановича никто не обыскивал, и он благополучно завершил свою миссию, пробыв в Москве целый месяц.[23]

О существовании Московского центра (тоже известного под названием Правого центра) Антон Иванович знал еще до выхода добровольцев из Ростова в Первый поход. Состоял Центр из коалиции консервативных и либеральных общественных группировок, то есть из несоциалистического элемента.

В начале 1918 года создалась организация, получившая название Союза возрождения России. Преобладали в ней народные социалисты и правое крыло социалистов-революционеров. Чтобы

придать союзу внепартийный характер, вошли в него и некоторые представители кадетской партии, бывшие одновременно членами Московского центра.

Они являлись связующим звеном между обеими конспиративными организациями, которые сильно друг от друга расходились в политических вопросах. Центр отказывался признавать разогнанное большевиками Учредительное собрание. Союз же продолжал за него держаться. Центр настаивал на единоличной военной диктатуре. Союз выставлял идею трехчленной директории.

В Московском центре вскоре начались трения на почве внешней ориентации. В консервативных кругах появилась сильная гермонофильская тенденция. Она проповедовала необходимость договориться с немцами. Те, кто немецкой ориентации не сочувствовали, порвали с Московским центром и образовали новую организацию — Национальный центр.

Туда перешла вся кадетская группа с определенной «просоюзной» ориентацией, не допускавшей мысли о сотрудничестве с немцами.

Национальный центр установил тесную связь с Союзом возрождения России, тоже стоявшем на союзной ориентации. Путем компромисса они сошлись на том, что решение будущей формы правления в стране будет зависеть не от старого, а от нового Учредительного собрания, избранного после освобождения России от большевизма, и что временная власть перейдет в руки директории, состоящей из одного генерала, одного социалиста и одного несоциалиста.

На сотрудничестве Национального центр и Союза возрождения настаивали союзные представители. Вскоре они начали оказывать им крупную денежную помощь.

Эти Союзы и Центры, состоявшие из общественных деятелей как царского периода, так и периода Временного правительства, обсуждали на конспиративных собраниях, под самым носом советской власти, будущую структуру государства; спорили, ссорились и, не имея за собой реальной силы, старались доказать представителям иностранных миссий и представителям Добровольческой армии, что именно они являлись выразителями желаний страны.

Совершенно в стороне от других союзов и центров стояла организация Савинкова, взявшая название Союза защиты родины и свободы.

Опыт в подпольной деятельности помог Савинкову собрать вокруг себя группу офицеров, которая, по сведениям штаба генерала Деникина, состояла из двух или трех тысяч человек; по словам же самого Савинкова, она насчитывала до 5,5 тысячи бойцов. Так или иначе, прикрываясь именами генералов Алексеева и Корнилова и своим кратким пребыванием на Дону, Савинкову удалось привлечь несколько тысяч офицеров, войти в сношения с Массариком, а потом и с союзниками. Своим таинственным прошлым, туманными ссылками не большие силы и возможности он импонировал союзным представителям и получил от них значительную денежную поддержку. Даже скептически настроенный к нему Антон Иванович впоследствии писал, что организация Савинкова, несмотря на свою малочисленность, была тогда единственной реальной силой в центре России.

Слабость савинковской организации, по мнению Деникина, заключалась в следующем: 1) в ее разбросанности (члены ее находились не только в Москве, но и в 34 провинциальных городах); 2) в самонадеянности Савинкова, взявшего на себя как политическое возглавление боевой организации, так и роль полководца; 3) в политическом одиночестве Савинкова. Его бывшие партийные товарищи — социалисты-революционеры, по словам Деникина, говорили о нем не иначе, как «со скрежетом зубовным».

На судьбе организации трагичнее всего отразилось невежество ее возглавителя в чисто военной области. Здесь вопрос шел не о привычной Савинкову подготовке политического убийства, а о детальной разработке широкого плана вооруженного выступления нескольких тысяч человек, разбросанных по различным городам, и о согласованности их действия с ожидавшимся десантом союзников в северных портах России. Через своих агентов Савинков знал, что английские войска в Архангельске ожидались лишь в начале августа. Тем не менее свое выступление он наметил на 6 июля и провел его в этот день в нескольких городах поблизости от Москвы — в Ярославле, Рыбинске, Муроме.[24]

Тем, кто сомневались в целесообразности савинковских планов, он отвечал, что «конспирация не может оставаться в бездействии более определенных сроков... Операция, правда, не совсем подготовлена, — говорил он, — но французы торопят, а действия, раз начавшись, могут развиться стихийно и восполнить пробелы.[25]

Но пробелы не были восполнены. Основанное на догадках и домыслах, а не на солидных расчетах, выступление закончилось катастрофой: гибелью всей организации, истреблением офицеров и бегством самого Савинкова в Сибирь.

Исключительное внимание генерала Деникина привлекал вопрос о большевистских вооруженных силах, о том, что они из себя представляли в тот период. На юге ему пришлось столкнуться с дезорганизацией красных частей. Но сведения, доходившие из Москвы, указывали на то, что там произошли сильные сдвиги в военном мышлении. Создавалось впечатление, что Советское правительство, поняв полную несостоятельность Красной гвардии, увидело необходимость иного подхода к организации вооруженных сил и стремилось перейти от принципа добровольчества к общей мобилизации.

В руки к Деникину попал советский приказ, упразднявший войсковые комитеты, отменявший выборное начало. Выяснилось, что большевики восстановили всеобщую воинскую повинность, взяли на учет кадр старых офицеров, привлекли на службу всех офицеров Генерального штаба, основали инструкторские школы для подготовки командного состава.

Мобилизация офицеров старой армии являлась огромным риском для советской власти. Господствующая партия отдавала себе в этом ясный отчет и, чтобы обезвредить специалистов, большевики ввели такую систему принуждения и террора, против которой осмеливались идти лишь люди невероятной силы духа. Был учрежден институт заложников. За каждого офицера, перешедшего к классовым врагам, отвечали все члены его семьи — родители, жена, братья, сестры, даже дети. Для ограждения себя от возможного саботажа советская власть еще в марте 1918 года создала Институт военных комиссаров, которым поручался «политический контроль над всей организацией и жизнью армии». Комиссар не должен

был вмешиваться в военные распоряжения специалистов, но ответственность за возможную измену командного состава ложилась на комиссаров...

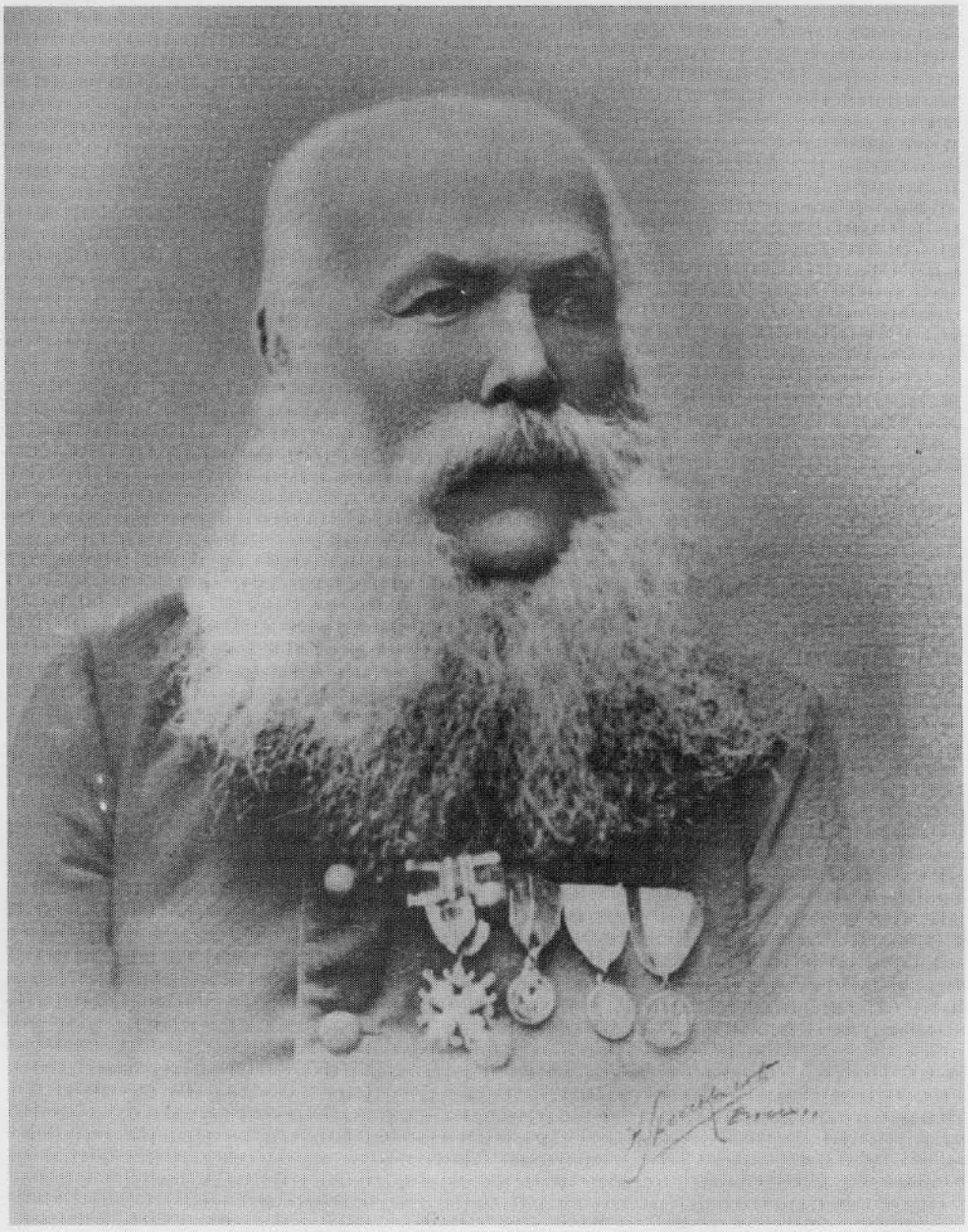
Кроме офицеров большевики привлекли в 1918 году в Красную армию около 130 тысяч бывших унтер-офицеров старой армии. Они сыграли немалую роль в конечном исходе борьбы.

К ноябрю месяцу 1918 года Красная армия насчитывала до полумиллиона штыков и сабель, и к концу декабря того же года численность армии дошла до 800 тысяч человек. Элемент, призванный по мобилизации, был чрезвычайно неустойчив. Но ядром и осью организации явились коммунистические ячейки во всех отрядах и полках, а также старые солдаты и унтер-офицеры, избравшие военную службу своим ремеслом. Из латышей, служивших в старой армии и оторванных от своей родины германской оккупацией, были сформированы латышские полки. Они оказались надежным оплотом советской власти.

Большую роль сыграли и отряды «интернационалистов». В них вошли военнопленные венгры, немцы, отчасти славяне. Попали туда также китайцы и корейцы. В первые годы войны царское правительство выписало их с Дальнего Востока как неквалифицированных рабочих. Около 200 тысяч китайцев и 20 тысяч корейцев оказались таким образом в России в момент большевистского переворота. Оставшись без заработка, они записались в Красную армию и оставили о себе недобрую память зверскими расправами с арестованными и пленными.[26]

События первой половины 1918 года, несмотря на их грандиозный размах и огромное значение, служили генералу Деникину лишь фоном, на котором он обдумывал и тщательно разрабатывал свои ближайшие военные планы, а именно, детали кампании, получившей название Второго кубанского похода.

Разработкой плана этой кампании и проведением его в жизнь генерал Деникин заслужил не только похвалу друзей, но и признание своих критиков и врагов.

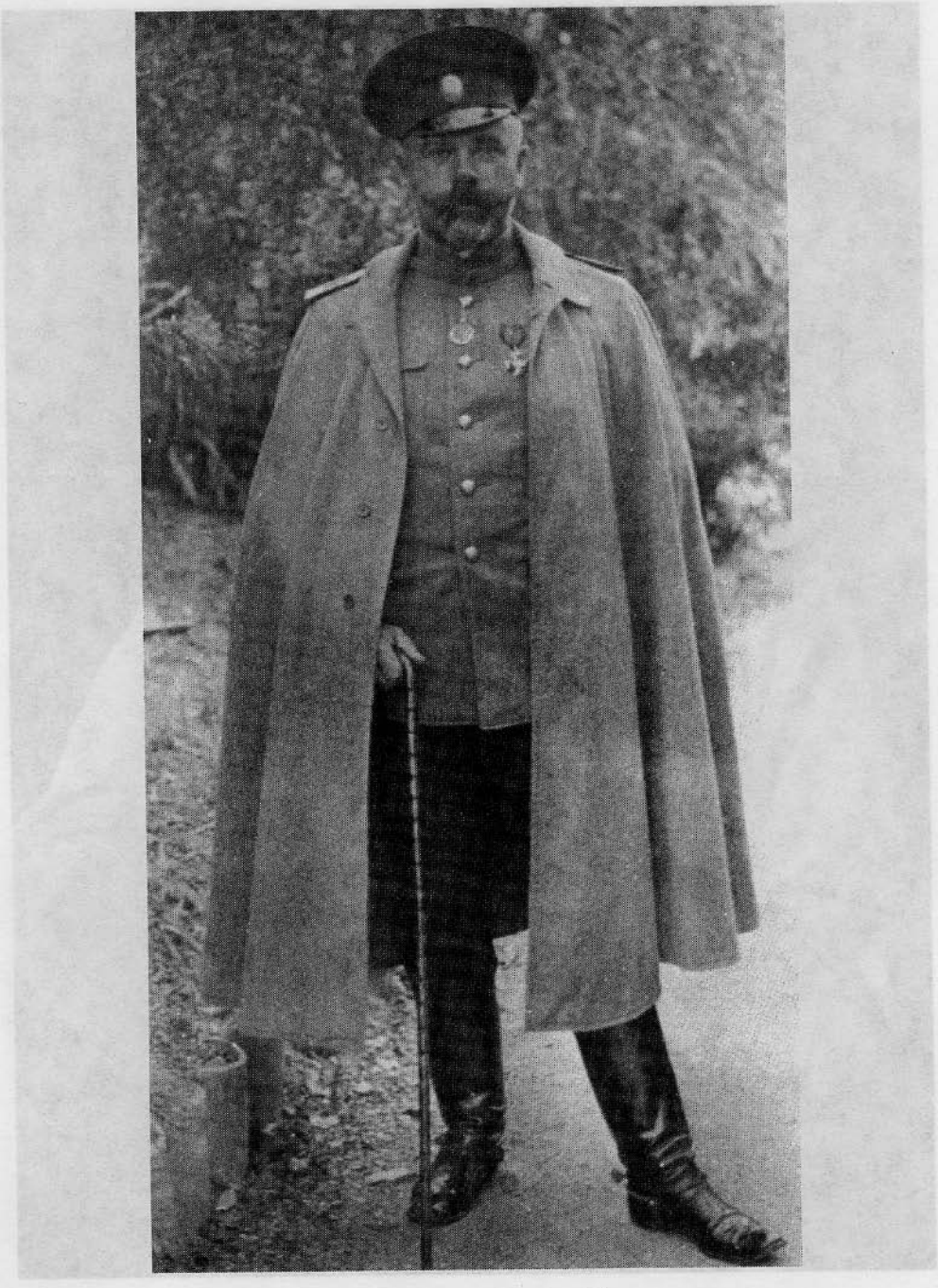


Иван Ефимович Деникин (1807—1885), отец Антона Деникина

Елизавета Федоровна Деникина, урожденная Вржесинская (1843—1916), мать Антона Деникина

Ксения Чиж, будущая жена Антона Деникина, в шестнадцать лет. Фото в цыганском костюме

Лейтенант Антон Деникин. Около 1893 года



Полковник Антон Деникин, командир 17-го пехотного Архангелогородского полка. Около 1911 года

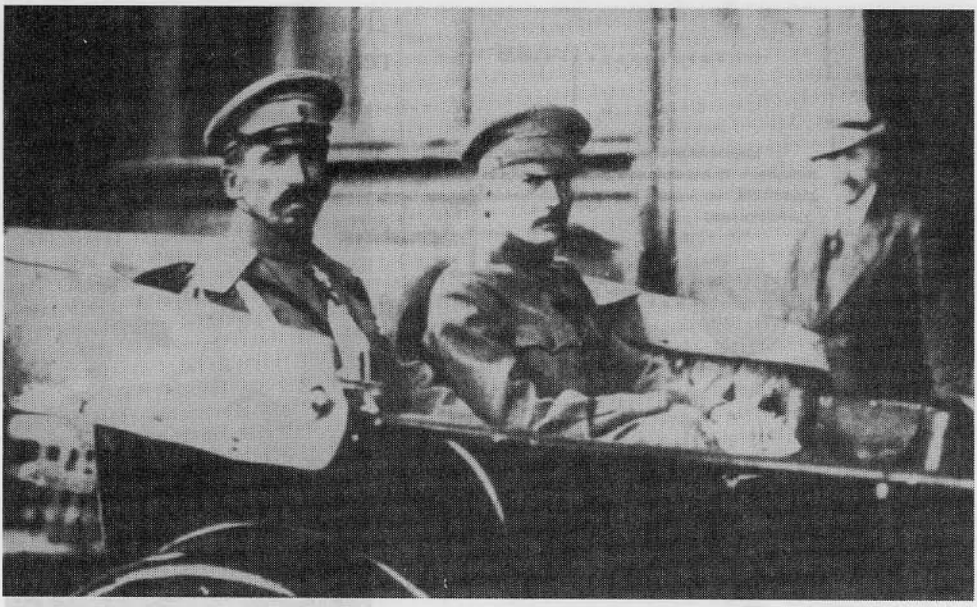
Генерал А. А. Брусилов

Генерал-майор Антон Деникин, командир Железной бригады, с начальником штаба полковником Сергеем Марковым на австро-венгерском фронте в декабре 1914 года

Генерал Лавр Корнилов во время Первой мировой войны

Александр Керенский, министр юстиции во Временном правительстве. Март 1917 года

Верховный Главнокомандующий генерал М. В. Алексеев в Могилеве. Слева — начальник его штаба генерал Антон Деникин. Апрель 1917 года



Генерал Корнилов с Борисом Савинковым. Лето 1917 года

Группа арестованных офицеров Юго-Западного фронта во время заключения в Быховской тюрьме. Слева направо: лейтенант, генералы Эльснер, Ванновский, Деникин, Эрели, Марков и Орлов. Конец сентября 1917 года

Удостоверение №

предъявитель сего есть действительно покойник
Заведующего 73 нормалочным Польским отрядом Александр
ДОМБРОВСКИЙ, что подлинно и приложенная печать
удостоверяется.

Фальшивое удостоверение личности на имя Александра Домбровского. Деникин использовал его при бегстве из заключения в Быхове

Донской казачий атаман генерал А. М. Каледин

Полковник М. Г. Дроздовский. В конце апреля 1918 года вывел добровольческий отряд из Румынии и вступил в армию Деникина

Деникин и его ближайшие соратники. Слева направо: генералы Деникин, Лукомский, Драгомиров, Романовский (частично скрытый дверцей ворот). Позади них французские представители: капитан Фуке и полковник Шапрон дю Ларре

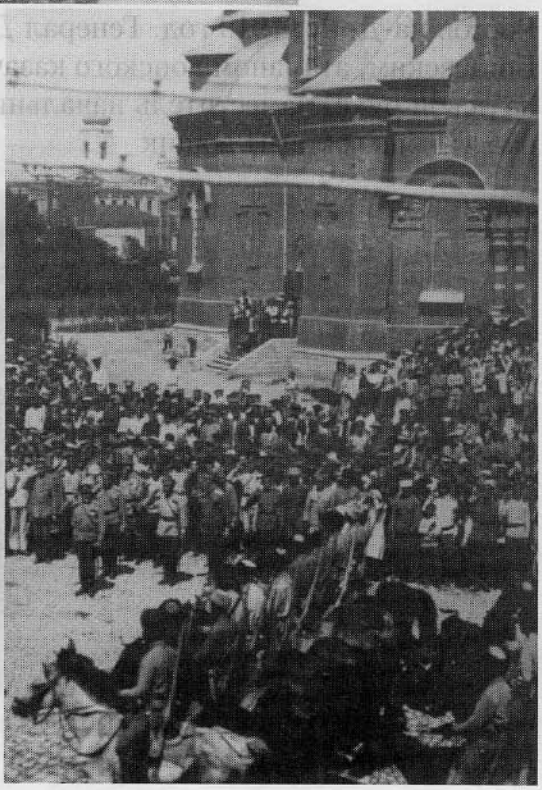
Февраль 1919 года в Новочеркасске, столице донского казачества. Слева направо: А. П. Богаевский, недавно избранный атаман донского казачества; генерал Деникин, Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России; П. Н. Краснов, бывший атаман донского казачества; генерал И. П. Романовский, начальник деникинского штаба

Возложение венков на могилу генерала Алексеева в кафедральном соборе Екатеринодара. На первом плане: атаман кубанского казачества Филимонов, генерал Деникин, вдова генерала Маркова и французский представитель капитан Фуке

Ростов-на-Дону, 1919 год. Генерал Деникин беседует с генералом Богаевским, атаманом донского казачества. Позади него (с часами на левой руке) заместитель начальника деникинского штаба генерал Плющевский-Плющик

Жители освобожденного Царицына приветствуют генерала Деникина. Июнь 1919 года

Молебен перед
Царицынским собором



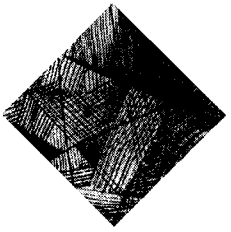
Царицын, парад после
молебна. Июнь 1919 года

Генерал Деникин. 1919 год

Адмирал Александр Колчак

Глава XVII

ВТОРОЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД



«Нас было мало, — вспоминал генерал Деникин о выступлении своей армии во второй поход на Кубань, — 8—9 тысяч против 80—100 тысяч большевиков. Но за нами было военное искусство... В армии был порыв, сознание правоты своего дела, уверенность в своей силе и надежда на будущее.[1]

У добровольцев было лишь 21 орудие и два броневика. В распоряжении красных имелось свыше сотни орудий, большое количество пулеметов, артиллерийских снарядов, ружейных патронов. Но советские войска были плохо организованы, а их командный состав вел жестокую борьбу с гражданской властью и враждовал между собой. К тому времени на Северном Кавказе образовалось три самостоятельные советские республики: Кубанская, Черноморская и Терско-Ставропольская. К началу июня 1918 года они объединились в одну Северо-Кавказскую советскую республику.

Автономов, Сорокин и другие советские командующие называли членов Центрального исполнительного комитета этих республик «провокаторами и немецкими шпионами», в ответ на что гражданская власть объявила красных командиров «бандитами и врагами народа». Вмешательство и давление Москвы, почти оторванной от Северного Кавказа, сдержало на время разраставшийся конфликт от окончательного разрыва.

Автономова московские власти вскоре отстранили, назначив его на должность, не имевшую влияния на дальнейшие события. Но Сорокин остался и сыграл впоследствии роковую роль в судьбе своей армии.

Благодаря создавшейся неразберихе силы северокавказских войск большевиков, по словам Антона Ивановича, «не поддавались точному учету», даже советский Генеральный штаб в Москве имел о них лишь относительное представление. Однако в отрадной для добровольцев картине большевистских раздоров имелся элемент, тревоживший генерала Деникина: войска бывшего русского фронта против турок, зажатые ходом событий в тесном районе между Доном и Кавказским хребтом, не имели возможности распыляться по России с такой же легкостью, как солдаты русских армий европейских фронтов. Антон Иванович предвидел, что они могли стать почти «неистощимым и хорошо подготовленным материалом для комплектования Северо-Кавказской Красной армии».[2]

Несмотря на свою малочисленность, армия генерала Деникина была разделена на 3 пехотные, одну конную дивизии и одну конную кубанскую бригаду. Казалось бы, такое громкое название, как дивизия, не соответствовало скромному количеству бойцов (где каждая дивизия по своим силам не превышала силы нормального полка). Но организация армии была продумана и имела большой практический смысл. Состоя главным образом из офицеров, она являлась кадром для тех будущих укомплектований из населения Кубанской области, ставропольских крестьян, военнопленных и т.д., которые в нее вливались во время похода. Таким образом, не прерывая хода операции, добровольческие части могли «впитывать» в себя приток новых солдат, руководство которыми сразу же переходило в руки опытных офицеров, прежде занимавших солдатское положение.

«Добровольческие части, — писал Антон Иванович, — формировались, вооружались, учились, воспитывались, таяли и вновь пополнялись под огнем, в непрестанных боях».[3]

В ночь с 9 на 10 июня, в момент выступления в поход, Добровольческая армия включила в отряд полковника Дроздовского значительное количество кубанских казаков. Три четверти всех конных частей (6 из 8 конных полков) составляли кубанцы.

Ближайшей целью плана кампании был захват Екатеринодара — военно-политического центра Кубанской области и всего Северно-

го Кавказа. Но, чтобы разрешить эту военную задачу, требовалось пройти через четыре оперативные фазы:

1. Обеспечить свой тыл со стороны Царицына и, следовательно, прервать железнодорожное сообщение Северного Кавказа с Центральной Россией. Это достигалось путем захвата узловой станции Торговая, а к северо-востоку от нее — станции Великокняжеская. Передав затем царицынское направление Донскому войску (для очистки от большевиков Задонской области), добровольцы приступили к выполнению второй фазы операции.

2. Круто сворачивая на юго-запад, Добровольческая армия двигалась затем вдоль железной дороги к станции Тихорецкая (от Великокняжеской до Тихорецкой 150 километров. Там находилось пересечение двух железнодорожных линий: а) Царицын — Екатеринодар, б) Ростов — Владикавказ.

3. Овладев Тихорецкой, армия должна была обеспечить свои фланги для дальнейшего наступления на Екатеринодар. С этой целью на правом фланге часть войск направлялась на станцию Кущевка, а на левом фланге — на станцию Кавказская (обе станции были на магистрали Ростов — Владикавказ).

4. Последней, заключительной, фазой операции был фронтальный удар по Екатеринодару.

Разбирая и обсуждая впоследствии этот поход, военные писатели, даже весьма критически относившиеся к генералу Деникину, признали, что «сложный план операции диктовался как начертанием железнодорожной сети, так и расположением сил противника»,[4] что сам генерал Деникин проявил там большое тактическое искусство[5] и что вся цепь боев в двух первых фазах операции (начиная от Торговой и кончая Тихорецкой) «представляла собой непрерывные «канны», то есть окружение (Добровольческой армией) обоих флангов противника, неизменно приводившее к очищению, под угрозой обхода, всех занимавших красными пунктов».[6]

В 216-м году до Рождества Христова силами, вдвое меньшими, чем у противника, Ганнибал окружил в Апулии при Каннах и полностью уничтожил Римскую армию Теренция Варрона.

Идея Канн лежала в основе деникинского плана, и он отлично провел ее в жизнь в двух первых фазах своего наступления.

Первая фаза операции закончилась в 5 дней. Вторая фаза длилась две недели: 1 июля добровольцы овладели станцией Тихорецкая. С 10 июня до 1 июня они захватили свыше 50 орудий, большое количество ружей, пулеметов, патронов, снарядов, значительные интендантские запасы, 3 бронированных поезда и массу подвижного состава. Они окончательно разгромили 30-тысячную советскую группу под начальством латыша Калнина и разъединили отдельные группы красных войск. На станции Тихорецкая среди множества трофей добровольцы захватили штабной поезд советского командующего Калнина. В последнюю минуту ему удалось бежать в одиночку, пешком, без фуражки. Но начальник его штаба, бывший полковник старой армии, боясь расправы, покончил самоубийством, предварительно застрелив свою жену в купе штабного вагона.

В одном из боев (под Белой Глиной) отряд полковника Дроздовского наткнулся на обезображенные трупы своих однополчан. Озлобившись, он расстрелял пленных красноармейцев. Деникин вызвал к себе Дроздовского. Указав «на недопустимость такой жестокой, массовой расправы, наносящей к тому же явный вред армии», он требовал, чтобы подобные факты не повторялись. Но в душе Антон Иванович знал, что если Дроздовский или другие и выполнят его приказ, «то только формально»...

«Нужно было время, — писал в своих воспоминаниях генерал Деникин, — нужна была большая внутренняя работа и психологический сдвиг, чтобы побороть звериное начало, овладевшее всеми: и красными, и белыми, и мирными русскими людьми. В Первом походе мы вовсе не брали пленных. Во втором — брали тысячами. Позднее мы станем брать их десятками тысяч. Это явление будет результатом не только изменения масштаба борьбы, но и эволюции духа».[7]

Первые две фазы кампании прошли отлично. Но трудно было рассчитывать на то, что и в дальнейшем ходе операций все будет идти по расписанию, без неожиданных препятствий.

Препятствия вскоре обнаружились.

После захвата Тихорецкой генерал Деникин двинул 3 июля свои войска по трем расходящимся направлениям на фронте в 140 километров. Главные силы были направлены на правый фланг, чтобы захватить станцию Кущевка и разбить там советские войска Сорокина. На левый фланг (для захвата станции Кавказская) была двинута дивизия генерала Боровского; а прямо — на Екатеринодар — шла дивизия полковника Дроздовского.

После занятия станции Кущевка, стараясь выйти из окружения, которое готовили им добровольцы, красные войска Сорокина побросали свои обозы и военные склады. Создалось впечатление, что они окончательно деморализированы. Однако Сорокину удалось не только вывести свои войска, но и сосредоточить их для удара в правый фланг и в тыл тем добровольческим частям, которые двигались на Екатеринодар. Одновременно часть так называемой «Таманской» армии (одной из прочно организованных красных боевых единиц на Северном Кавказе, куда входило много иногородних) ударила из Екатеринодара по наступавшим туда добровольцам. Численно большевики во много раз превосходили белых. Сорокин и Ковтюх, командовавшие таманцами, оборонявшими Екатеринодар, хотели взять добровольцев в клещи. Для войск Деникина создалось чрезвычайно тяжелое положение. Жестокие бои длились 10 дней. Но искусством командующего и доблестью добровольцев противник был разбит. 3 августа Добровольческая армия вступила в Екатеринодар.

Радость победы омрачалась, однако, теми жуткими потерями, которые армия понесла за это время. Множество рядовых бойцов было выбито из строя. Погибли несколько доблестных начальников, а главное — погиб генерал Марков.

Марков был смертельно ранен вечером 12 июня у станции Шаблиевка, в самом начале Второго похода на Кубань. «Красные части отступали, — рассказывал генерал Деникин. — Уходили и бронепоезда, посылая последние, прощальные снаряды по направлению к брошенной станции. Предпоследний [снаряд] был роковым. Марков, обливаясь кровью, упал на землю. [Осколком снаряда он был ранен в левую часть затылка, у него была вырвана

большая часть левого плеча.] Перенесенный в избу, он мучился недолго, приходя иногда в сознание и прощаясь трогательно со своими офицерами — друзьями, онемевшими от горя.

Наутро 1-й Кубанский стрелковый полк провожал останки своего незабвенного начальника дивизии. Раздалась команда: «Слушай на караул». В первый раз полк так небрежно отдавал честь своему генералу: ружья валились из рук, штыки колыхались; офицеры и казаки плакали навзрыд...

К вечеру тело перевезли в Торговую. После краткой литии гроб на руках понесли мы в Вознесенскую церковь сквозь строй добровольческих дивизий. В сумраке среди тишины, спустившейся на село, тихо подвигалась длинная колонна. Над гробом реял черный флаг с крестом, его флаг, мелькавший так часто в самых опасных местах боя...

После отпевания я отошел в угол темного храма, подальше от людей, и отдался своему горю».[8]

Гроб с останками генерала Маркова был перевезен в Новочеркасск и погребен на военном кладбище. На отпевании в Войсковом соборе среди множества молящихся присутствовали генерал Алексеев, Донской атаман Краснов, мать, жена и дети покойного генерала. Сдавленным, прерывающимся от горя голосом генерал Алексеев произнес на кладбище надгробное слово. А затем, неожиданно для всех встав на колени, отвесил земной поклон матери покойного, вскормившей и вспоившей верного сына Родины.[9]

В приказе по армии генерал Деникин переименовал 1-й офицерский полк, которым прежде командовал С. Л. Марков, в 1-й офицерский генерала Маркова полк. В истории белой борьбы этот полк доблестно и гордо нес знамя своего погибшего шефа.

Для Антона Ивановича смерть Маркова — человека, друга, блестящего полководца — была величайшей утратой. «В армии, в ее духовной жизни, — говорил он, — в пафосе героического служения образовалась глубокая брешь. Сколько предположений и надежд связывалось с его именем. Сколько раз потом в поисках человека на фоне жуткого безлюдия мы... говорили со скорбью: нет Маркова...»[10]

И когда затем генералу Деникину приходилось провожать в могилу прах своих верных соратников, его неотступно преследова-

ла мысль: «Уходят, уходят... один за другим.., а путь еще так бесконечно далек...»

3 августа Антон Иванович, как и все, кто участвовал в Первом походе, вступал в Екатеринодар с волнующим чувством. Для него этот город приобрел какое-то мистическое значение. Четыре месяца назад добровольцы, «раненные в сердце гибелью любимого вождя», преследуемые по пятам большевиками, с малой верой в возможность вырваться из окружения, которое готовил им противник, мрачно уходили в неизвестность. Теперь, как символ воскресения, как феникс, возрожденный из пепла, шли они, окрыленные надеждой и сильные духом. В освобожденном Екатеринодаре добровольцев ждала ликующая, восторженная встреча.

«В храмах, на улицах, в домах, в человеческих душах, — вспоминал Деникин, — был праздник, светлый и радостный».[11]

Но на смену радостному подъему пришли скучные, досадные мелочи жизни, а также требования, которые тут же выдвинули представители Кубанского правительства, вернувшиеся в свою столицу благодаря Добровольческой армии.

Бывшее в глубоком тылу на станции Тихорецкая правительство Кубани желало первым войти в город и подчеркнуть таким образом, что оно являлось «истинным хозяином» положения. Оно просило генерала Деникина повременить со въездом в Екатеринодар под предлогом прибыть туда заранее и подготовить ему «достойную встречу».

«Но в Екатеринодар втягивались добровольческие дивизии, — рассказывал Антон Иванович, — на том берегу шел еще бой, и мне поневоле пришлось перевести свой штаб на екатеринодарский вокзал. Только к вечеру не вытерпел — поехал незаметно на автомобиле по знакомому городу, теперь неузнаваемому, загаженному, заплеванному большевиками, еще не вполне верившему своему освобождению».

Когда Деникин узнал, что это естественное и вполне понятное происшествие поставлено было ему в вину, он глубоко оскорбился:

«Тонкие политики! — говорил он. — Если бы я знал, что... [этот эпизод] так огорчит ваше чувство суверенности, я отказался бы вовсе от торжеств. И притом никто не препятствовал ведь пра-

вительству и Раде войти в Екатеринодар хотя бы с конницей.., атаковавшей город».[12]

Несмотря на закулисные интриги, официальные церемонии в честь генерала Деникина и его армии прошли в атмосфере чрезвычайно торжественной и даже восторженной. 4 августа, на следующий день после освобождения Екатеринодара, туда съехались все представители Кубанского правительства и Рады. Все они превозносили в речах заслуги добровольцев. Атаман Филимонов говорил, что кубанские казаки, закончив освобождение родного края, будут продолжать борьбу за возрождение «великой, единой и неделимой России». На большой соборной площади, среди огромной толпы молящихся, духовенство служило благодарственный молебен.

Однако для большинства представителей кубанского правительства и Рады обещания продолжать борьбу за возрождение России были лишь словесными украшениями. Они мечтали о том, чтобы враждующие стороны оставили их в покое, и наивно думали, что в условиях гражданской войны это было возможно.

Кубанские деятели поголовно были против советской власти, но отказывались понять, что Кубань и Добровольческая армия зависели друг от друга, что только тесное сотрудничество с добровольцами могло оградить их тогда от большевизма.

Для армии же ее ближайшее будущее зависело от пополнений как людьми, так и лошадьми, которые могла ей дать Кубань.

Ни Алексеев, ни Деникин не имели желания вмешиваться в управление краем. У них для этого не было ни времени, ни людей, ни соответствующего аппарата. Но разграничить функции отдельных начальников армии, действовавшей на территории Кубани, и местного административного управления было нелегкой задачей. На этой почве стали возникать сперва мелкие, а затем и крупные недоразумения. Добровольческие отряды реквизировали имущество, оставленное советскими войсками, в то время как Кубанское правительство считало его своим военным призом. Добровольцы вмешивались во внутреннюю жизнь станиц и так далее.

Антон Иванович сознавал, что претензии кубанского правительства имели немало оснований. Но его раздражали такие при-

дирки и жалобы в момент, когда все его силы были направлены к очищению Кубанской области от большевиков.

К недоразумениям повседневной жизни примешались и идеологические мотивы. Со временем они начали играть все большую и большую роль. Идеология в данном случае связана была с историческим прошлым доминирующей части населения Кубани.

По своему происхождению большинство населения там делилось на две группы — на черноморцев и на линейцев.

Черноморцы, наиболее многочисленные, были потомками запорожского казачества. Когда Екатерина Великая манифестом 1775 года уничтожила беспокойное войско Запорожья, а русские отряды заняли его центр — Запорожскую Сечь в низовьях Днепра, — часть запорожцев бежала в Турцию. Из тех, кто остался в России, было образовано несколько лет спустя Черноморское войско. Вскоре черноморцам были отведены земли на Кубани, с тем чтобы они охраняли русскую границу от набегов кавказских горцев. На Кубань затем перебрались из Турции бежавшие туда запорожцы, а в течение первой половины XIX века переселились на Кубань свыше 100 тысяч человек из Малороссии. В середине позапрошлого века Черноморское войско было переименовано в Кубанское войско.

Вполне естественно, что потомки запорожцев и малороссийских крестьян говорили у себя на малороссийском или украинском языке и духовно были связаны с родиной своих предков.

Линейцы были потомками выходцев из Донской области, крестьян центральных губерний России, а также крестьян Ставропольской губернии. Свое название они получили от передовой линии вдоль северной части Кавказского хребта, куда их переселили в начале тридцатых годов XIX века для обороны и охраны покоренного края и для обеспечения сообщений с Закавказьем. В то время как черноморцы поселились вдоль нижнего течения реки Кубани, линейцы заняли верхнее и среднее течение этой реки. Среди линейцев преобладал великорусский тип и говорили они на русском языке.

Политическим центром черноморцев был Екатеринодар. Центром линейцев был город Армавир. Интеллигенция черноморцев имела сильный уклон к украинофильству и сепаратизму. Симпатии линейцев тяготели к идее «единой России».

Вождями кубанского сепаратизма были черноморцы: председатель правительства Быч и председатель Рады Рябовол. Линейцы были представлены атаманом Филимоновым. Но численно более сильные черноморцы преобладали в правительстве и в Раде. И этот факт, по словам генерала Деникина, «определил направление всей политики Кубани и ее взаимоотношения с Добровольческой армией».[13]

Деникин открыто и искренне признавал необходимость «самой широкой автономии составных частей русского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта».[14]

Но он категорически отказывался признать за Кубанью право объявить себя суверенным государством, иметь свою таможню, свою иностранную политику, думать о посылке своих делегатов на ту международную конференцию, которая будет созвана по окончании мировой войны. А эти требования, постепенно, но настойчиво выдвигавшиеся черноморцами, сгущали политическую атмосферу в Екатеринодаре.

Наиболее острым вопросом ближайшего времени оказывалось требование кубанских властей о выделении всех кубанских казаков из Добровольческой армии. Они настаивали на образовании отдельной, автономной Кубанской армии, подчиненной генералу Деникину лишь в оперативном отношении. Задней мыслью черноморцев было противопоставить свои войска добровольцам, а затем диктовать собственные условия. Официально же требования были прикрыты другими причинами. Выдвигался пример Дона, имевшего свое собственное войско, страх за судьбу Кубани в случае ухода добровольцев из области и так далее.

Для Деникина такое требование было совершенно неприемлемо: армия лишилась бы половины личного состава и почти всей конницы.

В середине августа этот вопрос обсуждался на заседании командования и кубанских властей. И когда черноморцы принялись упорно настаивать на проведении в жизнь своих планов, Антон Иванович встал и заявил:

— В то время, когда половина Кубани под властью большевиков и на полях ее льется кровь добровольцев, Кубанское правительство стремится развалить армию. Я этого не допущу!

Его резкий тон и демонстративный уход с заседания произвел сильное впечатление на черноморцев, далеко не уверенных в том, что за ними пойдет кубанское казачество.

И действительно, разногласия на верхах не коснулись тогда рядового казачества. Оно шло за своими офицерами. А кубанские офицеры — воспитанники русских военных училищ — смотрели на события глазами русского офицера и шли нога в ногу с добровольцами. Они с недоверием присматривались к деятельности своего правительства, а многие из них готовы были справиться без церемоний с самостийными черноморскими вожаками. И черноморцы это отлично знали.

В большинстве члены Рады и правительства принадлежали к казачьей разновидности того, что в 1917 году принято было именовать революционной демократией. Но местные варианты социализма с примесью казачьего шовинизма не признавали равноправия за иногородними.

«Иногородние, — писал Антон Иванович, — считались поголовно большевиками и являлись бесправными на кубанской земле. На них налагались тяжкие материальные кары за действительный или мнимый большевизм, включительно до отобрания домов и угодий безвестно отсутствующих глав семей. Детей их изгоняли из школ... А сколько людей перевешано и расстреляно было станичными судами, об этом не ведомо было кубанскому правительству, не занимавшемуся подобной статистикой. В самом кубанском «парламенте»... серьезно обсуждали вопрос о поголовном выселении иногородних из Кубанской области, причем наиболее экспансивные ораторы сбивались: вместо выселения упоминали иногда об истреблении».[15]

Помимо моральной стороны этого вопроса, возмущавшего Деникина, его беспокоила мысль, что притеснения иногородних толкают их в объятия большевиков, в ряды Красной армии. Антон Иванович старался влиять на атамана Филимонова, обычно поддерживавшего добровольцев, но усилия его не увенчались успехом.

При всем моральном и политическом значении Екатеринодара его занятие добровольцами не разрешало стратегической задачи операции. Часть Кубани оставалась еще в руках большевиков.

Целью следующего этапа борьбы — своего Второго кубанского похода — генерал Деникин наметил не только освобождение всей Кубанской области, но и «обеспечение освобожденного края и всего Северного Кавказа надежными естественными рубежами — Черным и Каспийским морями и Кавказским хребтом».[16]

Черное море, как говорил Деникин, приоткрывало окно в Европу. Там мерещилась та связь с союзниками, о которой так давно мечтал Антон Иванович. А ход мировой войны к концу лета указывал на неизбежность скорого немецкого поражения: Америка, сменившая в лагере союзников выбывшую Россию, всей своей силой и технической мощью давила на Германию.

Каспийское же море давало надежду наладить сообщение с тем противобольшевистским движением, которое после выступления чехословаков все шире и шире охватывало Приволжье и Сибирь. Кроме того, оно обеспечивало контакт с отрядами англичан, пробравшимися через Персию к Каспийскому порту Энзели.

Принимая во внимание размер Добровольческой армии, ее потери были грандиозны. С начала Первого похода и до осени 1918 года она потеряла убитыми и ранеными до 30 тысяч добровольцев и казаков. В особенности пострадали 1-й офицерский генерала Маркова полк и Корниловский полк. В конце октября Корниловский полк насчитывал «едва 500 бойцов, а провел через свои ряды свыше 5000».[17]

За это время все полки армии по многу раз переменили свой боевой состав: на смену убитым и раненым вливались кубанские казаки и новые добровольцы, шедшие главным образом из оккупированной немцами Украины. В начале августа армия приступила к пополнению своих рядов путем мобилизации, а к концу года широко использовала другой источник людских ресурсов — пленных красноармейцев. В конце октября покончено было с четырехмесячными контрактами. Все офицеры в возрасте до сорока лет подлежали призыву в войска.

В своих воспоминаниях Деникин отметил, что эти перемены в составе армии значительно изменили ее моральный облик, который с того времени начал тускнеть, а монолитность старого добровольчества стала уходить в область предания.

В августе, когда после занятия Екатеринодара генерал Деникин готовился к продолжению похода, его армия вместо 8—9 тысяч насчитывала уже 35—40 тысяч штыков и шашек, 86 орудий, 2456 пулеметов, 5 бронепоездов, 8 бронированных автомобилей, и 2 авиационных отряда, имевших в совокупности 7 самолетов. Вся материальная часть была захвачена у большевиков.

Масштаб борьбы увеличивался. Прежде узкий и короткий фронт добровольцев начал растягиваться на расстояние в 300—400 километров. И это принуждало командование к пересмотру системы управления. Генерал Деникин не в состоянии был лично вести свою армию, как делал это в течение последних пяти месяцев.

«Открывалась, — говорил он, — более широкая стратегическая работа начальникам, и вместе с тем суживалась сфера непосредственного моего влияния на войска.

Раньше я вел армию. Теперь я командовал ею».[18]

К середине августа генералу Деникину удалось освободить от большевиков западную часть Кубанской области, занять Новороссийск и утвердиться на побережье Черного моря.

Это задание было выполнено дивизией генерала Покровского и отрядом полковника Колосовского. Таманская группа красных, преграждавшая им путь, проявила большую стойкость. Она с боем отошла на юг вдоль черноморского побережья к Туапсе, откуда свернула на восток, на соединение с армией Сорокина.

Театр военных действий переносился теперь на восточную часть Кубанской области против красных войск Сорокина.

Молва об успехах Добровольческой армии прокатилась по всем городам и станицам Северного Кавказа. При приближении армии то тут, то там вспыхивали вооруженные восстания против советской власти. Некоторые из них, как, например, восстание терских казаков, начинались преждевременно, когда добровольцы были еще слишком далеко и не могли прийти к повстанцам на помощь. Тогда эти восстания подавлялись красными войсками с большой жестокостью. Бывали случаи, когда восставшие казаки образовывали партизанские отряды, которые успешно действовали в тылу у большевиков, совершая удачные набеги на склады боеприпасов и взрывая железнодорожные пути. Самым выдающимся из них был партизанский отряд во главе с полковником Шкуро, вокруг имени

которого вскоре начали слагаться легенды. Он шел на соединение с добровольцами, а по дороге захватывал малые и большие города.

В Кисловодске местная буржуазия с восторгом встречала Шкуро как избавителя, но вскоре с ужасом узнала, что слухи преувеличили значение его отряда, что он совершил лишь партизанский набег и что удержать города не может. Вернувшиеся после ухода Шкуро большевики подвергли все зажиточное население города жутким репрессиям.

Через некоторое время отряд Шкуро направился к Ставрополю, административному центру Ставропольской губернии, граничащей с Кубанской областью. Подойдя к Ставрополю, Шкуро предъявил ультиматум комиссарам и начальнику советского гарнизона — очистить город. В случае неисполнения своего требования он грозил пустить в ход тяжелую артиллерию. Напуганные молвой об удачах знаменитого партизана, большевики очистили город, поверив в угрозу и в тяжелую артиллерию, которой у Шкуро не было и в помине.[19]

Движение на Ставрополь в начале августа не входило в намерения Добровольческого командования. В планах кампании оно являлось дальнейшей фазой операции. Но, чтобы оградить население этого большого города от участи Кисловодска, генерал Деникин решил послать туда на поддержку Шкуро некоторые части своей армии. Антон Иванович сознавал, что, наперекор расчетам, он втягивался в события, которые неизбежно должны были отвлечь его силы и внимание от ближайших и заранее намеченных задач и, следовательно, затянуть срок их выполнения.

Но, не говоря уже о событиях в Кисловодске, он думал об ужасах, охвативших город Армавир после того, что его «освободила», а затем покинула Добровольческая дивизия генерала Боровского. В виде возмездия вернувшиеся в Армавир большевики перебили более полутора тысяч местных граждан, заподозренных в сочувствии белым.

«Из-за отвлеченных положений стратегии, — писал в своих воспоминаниях Антон Иванович, — из-за строк реляций, то радостно воспевающих победу, то сухо-лаконичных, скрывающих неудачу, глядело окровавленное и смертельно измученное лицо русского обывателя. И этот призрак побуждал не раз класть лишнюю

гирю не на ту чашку весов задуманного плана операции, на которой покоились принципы военного искусства...»[20]

Несмотря на большие потери, Красная армия Сорокина к тому времени тоже сильно увеличилась. Кроме таманской группы в нее влилось значительное количество демобилизованных солдат бывшего русско-турецкого фронта. Армия Сорокина насчитывала тогда до 150 тысяч бойцов при 200 орудиях. Она постепенно выходила из того морального кризиса, в который повергли ее беспрерывные неудачи и поражения. Причиной перемены в настроении были уроженцы Кубани — иногородние, входившие в состав красных войск. По сведениям в штабе генерала Деникина, они предъявили требования к своему командованию «прекратить отступление, реорганизовать фронт и затем наступать...[21]

Красное командование готово было идти навстречу этим желаниям. Но в его среде появились разногласия относительно дальнейшего плана кампании. Появилась также личная неприязнь отдельных начальников друг к другу и к членам местных советских органов власти.

Главнокомандующий Сорокин не ладил с командующим таманской группой Матвеевым. Когда последний отказался подчиняться Сорокину, то был предан военно-революционному суду. По приговору суда Матвеев был расстрелян, что вызвало сильное озлобление к Сорокину среди таманцев. Тем временем назревал конфликт между Центральным исполнительным комитетом Северо-Кавказской Советской республики и главнокомандующим Сорокиным. Сорокин знал, что ему не доверяли, что обвиняли его в превышении власти, в диктаторских замашках, что хотели от него избавиться. Чтобы опередить такую возможность, он сам решил произвести переворот в Пятигорске, где находился ЦИК, и захватить власть в свои руки. В середине октября Сорокин арестовал самых видных членов ЦИКа и расстрелял их на окраине города. Но власть захватить ему не удалось. Уцелевшие члены Комитета пробрались к действующей армии, где представители фронта, раздраженные поведением Сорокина, объявили его «вне закона», как изменника революции. Не получив ожидаемой поддержки в войсках, Сорокин бежал. По дороге был опознан, арестован и застрелен во время допроса командиром одного из полков Таманской армии.

Бунт Сорокина вызвал ужасающую расправу с интеллигенцией в Пятигорске. Свыше сотни ее представителей было убито 18 октября по приказанию местного ЧК в отместку за казнь членов ЦИКа. Их вывели за город, на кладбище, в нижнем белье, босыми, со связанными за спиной руками. Палачи поставили осужденных на колени перед заранее вырытой ямой, приказали им вытянуть шеи и наклонить головы, а затем шашками стали наносить удары, по шее, большей частью неумело, — по пять, по шесть раз, пока, наконец, голова, отрубленная от туловища, не падала на землю.

В числе жертв этой расправы оказались два видных генерала старой армии: Радко Дмитриев и Рузский, тот самый, который был командующим Северным фронтом со штабом в Пскове, где император Николай II подписал свое отречение.

Советская власть предлагала обоим генералам высокие командные посты в Красной армии, и их отказ стоил им жизни.

Вражда на советских верхах оставила в тот момент армию Северного Кавказа без руководства. Тем не менее рядовые бойцы и начальствующий элемент, начиная от ротных и кончая командирами полков, проявляли большую стойкость и упорство. Отбив у добровольцев Армавир и Ставрополь, вокруг которого жестокие бои длились 28 дней, красные части с большими потерями принуждены были отступить. Фактически они были окружены добровольцами. Но численное превосходство в солдатах и в артиллерии дало им возможность прорвать тонкую цепочку добровольческого кольца и уйти на восток.

Ставрополь был взят белыми войсками 2 ноября. Красные оставили там 2,5 тысячи непогребенных трупов и до 4 тысяч невывезенных раненых.[22]

Бои вокруг этого города нанесли Северо-Кавказской Красной армии самый сильный удар за всю кампанию. Она продолжала сопротивляться, проявляла большое мужество, переходила иногда даже в наступление; но оправиться от нанесенного поражения под Ставрополем так и не смогла.

К началу ноября Кубанская область была окончательно освобождена от большевиков, а к началу февраля 1919 года наконец была закончена задуманная генералом Деникиным операция по освобождению всего Северного Кавказа.

Антон Иванович подвел следующий итог этой операции и действиям войск своего противника: «Стотысячная армия Северо-Кавказского большевистского фронта перестала существовать. Она оставила в наших руках 50 000 пленных, не считая больных и раненых, 150 орудий, 350 пулеметов и огромное количество всякого имущества. Она усеяла своими трупами ставропольские поля и предгорья Кавказа... В течение 7 с половиной месяцев она отвлекала на себя почти все добровольческие силы юга, и хотя за это должна бы получить некоторое признание со стороны московских правителей. Но они вбили в могилу ее осиновый кол и написали на нем бранную надпись. И мне, врагу, приходится заступиться за память погибшей армии перед историей...

Нет сомнения, что много язв разъедало Северо-Кавказскую армию, вероятно, не в меньшей степени, чем прочие красные армии. Но, очевидно, воинский дух ее, невзирая на отсутствие непосредственного управления центра,.. был неизмеримо выше, чем в других красных армиях, потому что справляться с нею нам было труднее, чем с другими, потому что борьба с нею стоила нам относительно больших потерь. И не раз, разбитая, казалось, до основания, она возрождалась вновь и вновь, давая твердый отпор добровольцам».[23]

Большая, плодородная, богатая территория от Черного до Каспийского моря, с Кавказским хребтом позади, была теперь в руках генерала Деникина.

Узкими и извилистыми дорогами он добрался наконец до того перекрестка, откуда открывался широкий путь к центру России, где можно было думать об основной задаче всего движения: о свержении советской власти в Москве.

Во Втором Кубанском походе отличилось немало начальников. В пехоте — генерал Казанович (вернувшийся из поездки в Москву), полковники Дроздовский, Кутепов, Тимановский, произведенные за боевые отличия в генералы. В кавалерии — генерал Покровский, полковники Улагай, Топорков, Науменко, Бабиев, партизан Шкуро.[24]

Но больше других выдвинулся недавно прибывший в армию генерал барон Петр Николаевич Врангель.

Генерал Деникин видел, что в условиях гражданской войны подвижность и маневр имели первостепенное значение и что в широком масштабе выполнить эти задания могла только кавалерия. Поставив себе целью создать мощную конницу, он искал человека, которому можно было доверить проведение в жизнь этой большой задачи. Среди тех, кто служил в его армии, такого человека не имелось, потому Антон Иванович решил испробовать силы вновь прибывшего генерала, у которого была репутация талантливого и решительного кавалерийского начальника.

В конце августа, когда Врангель впервые явился к генералу Деникину в Екатеринодар, он сразу расположил последнего в свою пользу ответом на вопрос, который командующий ему задал.

— Ну, как же мы вас используем? — сказал Антон Иванович. — Не знаю, что вам и предложить, войск ведь у нас немного.

— Как вам известно, ваше превосходительство, — ответил генерал Врангель, — я в 1917 году командовал кавалерийским корпусом, но еще в 1914 году я был эскадронным командиром и с той поры не настолько устарел, чтобы вновь не стать во главе эскадрона.

— Ну, уж эскадрон... Бригадиром согласны?

— Слушаю, ваше превосходительство.[25]

Насмотревшись с начала революции на людей, ставивших личные интересы на первый план, преувеличенно расценивавших свои способности, Деникин был приятно поражен реакцией Врангеля на сделанное ему предложение. Врангель ему понравился и произвел отличное впечатление.

Далек был тогда Антон Иванович от мысли, что через год генерал Врангель, человек властный и крутой, станет к нему в открытую оппозицию и явится кандидатом на пост Главнокомандующего.

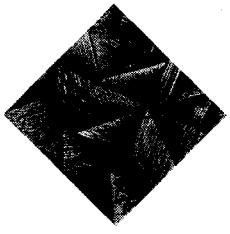
Услуги, которые Врангель оказал армии, оправдали все ожидания. С самого начала он показал себя выдающимся кавалерийским начальником, отлично разбиравшимся в боевой обстановке, готовым брать на себя ответственность и на месте принимать решения. Оценив в нем качества полководца — искусство маневра, порыв и энергию, — генерал Деникин, всецело доверяя Врангелю, с искренней радостью продвигал его по службе. Повышения одно за другим следовали с невероятной быстротой.

Высокого роста, на голову выше толпы, худой, поджарый, с зычным голосом, Врангель импонировал войскам «декоративной» наружностью и манерой себя держать. Он сумел подчинить себе своевольных и трудных начальников вроде Покровского и Шкуро. Генерал Врангель принял видное участие в освобождении от большевиков восточной части Кубанской области, а также в последующих боях вокруг Ставрополя и в операциях на Северном Кавказе.

С ростом значения Добровольческой армии быстро росла в ней и роль барона Врангеля.

Глава XVIII

ЛЕТО И ОСЕНЬ 1918 ГОДА



Несмотря на большие успехи добровольцев на Юге, главное внимание советской власти летом и осенью 1918 года было обращено на Восток. События в Приволжье принимали для большевиков чрезвычайно грозный оборот.

Восстания подпольных офицерских организаций, вызванные выступлением чехословаков, не имели политической программы. Их планы не шли дальше свержения большевиков. Иначе смотрела на свою роль партия социалистов-революционеров, имевшая в приволжских городах значительную сеть тайных ячеек. Она образовала в Самаре, на левом берегу Волги, Комитет членов Учредительного собрания, получивший название «Комуч», в состав которого вошли местные члены партии эсеров. Вне своего города и уезда имена этих партийных работников были совершенно неизвестны. Тем не менее они объявили себя зачатком будущей всероссийской власти и приступили к формированию Народной армии. Посланный для связи с чехословаками офицер Добровольческой армии полковник Моллер, вернувшись на Кубань в начале августа, доносил генералу Алексееву и Деникину, что порядки Народной армии напоминали времена Керенского. О попытке восстановить дисциплину не было и речи, красный флаг был знаменем правительства, в воинских частях процветали солдатские комитеты, знаки отличия и погоны отсутствовали, солдат обязан был отдавать честь только своему прямому начальнику и только раз в день. Неудивительно, что при таких условиях офицерство, являвшееся,

как и везде, опорой борьбы с большевизмом, с недоброжелательством относилось к гражданской власти. Оно мечтало соединиться с Добровольческой армией и служить под начальством ее вождей. По поручению генерала Алексеева полковник Моллер зондировал почву относительно помощи, которую чехи и уральские казаки, действовавшие на Нижней Волге, могли бы оказать добровольцам в случае их движения на Волгу. На что никому не известный капитан Галкин, поставленный эсерами во главе штаба Народной армии, заявил, что «Добровольческая армия внесет к нам раскол...», а потому «соединяться нам не следует».[1]

На подозрительное к себе отношение эсеров Добровольческая армия отвечала тем же, особенно когда выяснилось, что закулисным руководителем «Комуча» был Виктор Чернов, бывший пораженец, а затем министр земледелия в правительстве Керенского, в глазах которого белые генералы представляли из себя большее зло, чем большевики.

«Придя к власти на штыках чехословаков, — писал Антон Иванович, — Комитет Учредительного собрания — филиал Центрального Комитета партии эсэров — явился отображением советского правительства, только более тусклым и мелким, лишенным крупных имен, большевистского размаха и дерзания. Кроме чехословаков опоры у него не было».[2]

Формирования Народной армии шли неудачно. Крестьяне всячески избегали военной службы, а буржуазия и офицерство с неодобрением смотрели на монополию социалистов.

Однако, невзирая на отсутствие симпатии офицеров к политическому облику «Комуча», некоторые из них, вроде полковника Каппеля, ставя свержение советской власти на первый план, сумели сплотить вокруг себя небольшие, но твердые отряды. В конце июня эти отряды с помощью чехов захватили Уфу, в начале июля — Симбирск, в конце июля — Казань. Налет на Казань имел большие последствия. В Казани был захвачен золотой запас Российского государства, эвакуированный из Петрограда от приближавшихся к столице германских войск. Попав сперва в распоряжение «Комуча», золотой запас (в размере 651,5 миллионов рублей золотом) переходил затем из рук в руки к преемникам самарского правительства, попутно расхищаясь теми, кто в гражданской смуте искал

личного обогащения.[3] В то время, как Добровольческая армия на Юге России оставалась нищей до конца своего существования, возникшая на Востоке противобольшевистская власть приобрела основательную финансовую базу.

В Сибири и на Урале появилось несколько областных правительств, конкурировавших между собой. Постепенно их заслонило областное Сибирское правительство в Омске, образовавшееся в начале июля. Являясь коалицией эсеров и либералов, оно стало на более умеренную политическую платформу, чем «Комуч». Была восстановлена частная собственность, отменены все советские декреты, ликвидированы местные Советы. Программа Омского правительства не отражала взглядов буржуазии и офицерства, но была для них более приемлема, чем программа «Комуча», которая отталкивала от себя офицерский кадр Народной армии. Правительство в Омске приступило к формированию Сибирской армии. В нее вошли отделившиеся от «Комуча» оренбургские и уральские казаки и многие перебежчики из Народной армии.

Между областным правительством в Омске и «Комучем» начались сильные трения. Сибирских деятелей раздражала претензия «Комуча» быть общерусской верховной властью. Тем временем силы «Комуча» таяли, а большевики, перейдя в наступление, забирали один за другим потерянные ими города.

Видя безнадежность своего положения и находясь под давлением чехов, которые сочувствовали эсерам, но которых тревожили русские разногласия, «Комуч» решил созвать в Уфе государственное совещание с участием представителей Омска, чтобы найти способ действовать вместе, а не врозь. Результатом совещания явилось компромиссное решение (не удовлетворившее ни правых, ни левых) образовать Директорию. В состав ее вошло пять лиц: два правых социалиста-революционера, два несоциалиста, а от военных вошел в Директорию генерал-лейтенант Болдырев.

Активными деятелями Директории были Н. Д. Авксентьев и В. М. Зензинов, оба члены правого крыла партии социалистов-революционеров. Люди честные и порядочные, они, однако, не имели административного опыта, по своему духовному облику были русскими интеллигентами-романтиками конца XIX века и придерживались узко-партийного взгляда на вещи. А их партийный под-

ход к вопросам управления возбуждал недоверие тех, кто не разделял эсеровских взглядов. Генерал Болдырев сразу после своего избрания в Директорию был провозглашен «Верховным Главнокомандующим всех Вооруженных сил, борющихся с большевиками». Как Деникин и Корнилов, он был сыном крестьянина, собственным трудом выдвинулся по службе и в момент захвата власти большевиками был командующим 5-й армией. По своим политическим взглядам он был значительно левее Деникина. Антон Иванович неодобрительно отзывался о Болдыреве и считал, что, войдя в близкие сношения с «вождями революционной демократии», он связал с ними свою судьбу. После Октябрьской революции Болдырев принял участие в Союзе возрождения России, который и выдвинул его кандидатуру на командный пост. Однако имя Болдырева было неизвестно в широких кругах страны и не имело авторитета среди офицерства.

Каждому члену Директории было намечено по заместителю; и в противоположность тусклому облику членов Директории их заместители (без их согласия на избрание) были людьми известными всей грамотной России. Генерал Алексеев был избран заместителем Болдырева. Другими заместителями были Н. И. Астров (видный член кадетской партии, бывший городской голова Москвы) и Н. В. Чайковский (старый революционер-народник, пользовавшийся большим моральным авторитетом и уважением). Но имена их служили лишь украшением и рекламой, так как «неспрошенные заместители» находились весьма далеко от Уфы.

Несмотря на свое чисто случайное появление на свет, невзирая на свой провинциально-областной характер, Директория объявила себя «Временным Всероссийским правительством, единственным носителем Верховной Власти на всем пространстве Государства Российского». Она признавала себя ответственной лишь перед Учредительным собранием, разогнанным большевиками 5 января 1918 года (ввиду разгона Учредительного собрания было решено, что оно все же откроется 1 января 1919 года при наличии не менее 250 человек, или 1 февраля при наличии 170 членов).

В Сибирской армии Директория сразу же вызвала к себе антипатию своей связью с эсеровским Учредительным собранием.

Отношение генерала Деникина к Уфимской Директории было отрицательным по тем же причинам. Деникин никогда не сочувствовал этой партии с ее «террором и ставкой на крестьянский бунт», а после февральской революции пришел к заключению, что кроме бесконечной болтовни и постоянного отрицания и протеста партия эсеров не способна была к созидательной работе.

А потому ввиду зависимости Уфимской Директории от Учредительного собрания, а через него от партии социалистов-революционеров Антон Иванович отказывался признать ее Всероссийским правительством.

К концу октября Красная армия на Восточном фронте сильно изменилась. Она уже не представляла из себя серию разрозненных и плохо организованных отрядов. Ее командование было сосредоточено в руках опытного офицера старой армии, полковника Генерального штаба Сергея Сергеевича Каменева, впоследствии Главнокомандующего всеми Вооруженными силами Советского Союза.

Один из советских источников дает любопытный пример того, как Каменеву удалось войти в доверие к партизанским отрядам большевиков, действовавшим тогда в Поволжье. Известный большевик-партизан Чапаев, встревоженный «слушком», что новый командующий был из бывших офицеров Генерального штаба, отправил к нему «своего доверенного — Якова Пугача — доподлинно узнать, что и как там. Чапаевцы горячо напутствовали своего ходока:

— Езжай, Яша, да, ежели что, подскажи там, что Чапаев, мол, с бойцами денно и нощно начеку и никаких, мол, интересов кроме рабочих и крестьянских не признает!

Вернувшийся вскоре Пугач был немногословен:

— Старик правильный. Денщиков и вообще бездельников около себя не держит. Сапоги сам чистит... Подручных держит в руках... Баб в штабу не приметил. Лицо хотя и чистое, но ласковое. Старик «свой» и не зазнается... На прощание за руку взял».[4]

«Старику» было тогда 37 лет.

Перейдя в наступление, красные войска захватили Казань, Симбирск, Самару и двигались в направлении Уфы. Их силы доходили до 100 тысяч бойцов при 300 орудиях.

А между тем среди чешских войск началось брожение. К осени 1918 года они в военных действиях не принимали больше участия. Тяжесть борьбы ложилась исключительно на Сибирскую армию. Пополненная призывами, она насчитывала тогда около 90 — 120 тысяч при 263 орудиях. Во главе ее (в короткий период существования Директории) стоял генерал Болдырев. Он признавал стратегическую необходимость установить связь Сибирской армии с Добровольческой армией. Но, будучи членом Директории, под влиянием своих коллег он — по мотивам политическим — направил свое движение к северу, на Архангельск. Там, в Архангельске, занятом англичанами, находилось тогда местное правительство во главе со старым «народником» Н. Чайковским, признававшим Директорию как центральную всероссийскую власть.

На юге же Болдырев видел «идеологическое отчуждение» и предполагал, что появление на свет Директории «там будет встречено без особого энтузиазма».[5]

«Если только припомнить, — писал военный историк А. Зайцов, — что от Урала (от Екатеринбурга) до Архангельска было... 1700 километров, в то время как между левым флангом Восточного фронта (Новоузенск) и Царицыным было лишь 300 километров, становится ясно, насколько планы генерала Болдырева были далеко от соображений чисто военных».[6]

Вдобавок ко всем другим сложным и запутанным вопросам Антона Ивановича сильно тревожили и раздражали взаимоотношения с Грузией.

Весной 1918 года в Закавказье столкнулись интересы Германии, Турции и Англии. Стараясь не допустить англичан (двигавшихся из Багдада через Персию к Каспийскому морю) к богатым нефтяным промыслам Закавказья, немцы и турки вначале действовали в унисон. Однако непомерное расширение турецкого влияния в ущерб немцам побудило их принять меры, чтобы обуздать аппетит своего турецкого союзника. В протекторате над Грузией они видели способ получить доступ к кавказскому сырью независимо от Турции. В июне 1918 года Германия признала Грузию независимой республикой и отправила в Тифлис дипломатическую миссию с небольшим отрядом немецких войск. Германскую задачу значительно облегчал страх местного христианского населения перед турецким

нашествием. Для грузин, армян и вообще для всего немусульманского элемента Закавказья немцы казались тогда щитом, который сможет их заслонить от насилия турок и фанатизма местных мусульман.

Тем временем добровольцы, продвигаясь после освобождения Новороссийска на юг вдоль черноморского побережья, вошли южнее Туапсе в соприкосновение с отрядами грузинской армии. В письме от середины августа к начальнику этого отряда (бывшему офицеру русской службы) генерал Алексеев выражал радость, что «судьба... сделала нас союзниками», и надежду, «что этот союз примет длительный и более широкий характер». Он искренне верил в возможность тесного сотрудничества добровольцев с грузинскими войсками в борьбе с большевизмом».[7]

Обычно скептически настроенный Алексеев проявил в данном случае необоснованный оптимизм. Он упустил из виду, что во главе грузинского правительства стояли меньшевики, принимавшие в 1917 году деятельное участие в работе Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, враждебно настроенного к русскому офицерству, и приложившие в свое время руку к развалу армии. Теперь же, став выразителями грузинского национализма, они стремились отгородиться от всего русского. Лозунг «Единая, неделимая Россия» казался им угрозой их самостоятельности, а возможность победы добровольцев пугала призраком восстановления по всей стране дореволюционных порядков. С русскими генералами им было не по пути. Слишком резко расходились их стремления и конечные цели. Они не желали делиться с Алексеевым и Деникиным тем огромным военным имуществом, которое попало к ним в руки после развала бывшего Кавказского фронта. Не хотели они расставаться и с большими денежными вкладами Российского государства в местных отделениях государственного банка и казначейства. Попав в сферу германского влияния, иностранная политика Грузии поневоле руководствовалась немецкими указаниями, а усиление Добровольческой армии никак не входило в расчеты Германии.

Вскоре все это стало очевидно генералу Алексееву. Тем не менее он искал способ наладить отношения с Грузией и договориться с ней по важнейшим для него вопросам. В середине сентября,

незадолго до своей кончины, генерал Алексеев пригласил в Екатеринодар для переговоров представителей грузинского правительства.[8]

В лице грузинского министра иностранных дел Гегечкори он приветствовал «дружественную и самостоятельную Грузию» и говорил, что со стороны Добровольческого командования никаких поползновений на ее самостоятельность не будет.

Однако после дружеского приветствия атмосфера заседания начала быстро накаляться. Гегечкори отказал предоставить добровольцам часть русского государственного имущества, захваченного грузинами. Но главным камнем преткновения явился вопрос о границах.

«Мы требовали, — писал генерал Деникин, принимавший участие в заседании, — возвращения к Черноморской губернии Сочинского округа, на который ни по историческим, ни по этнографическим мотивам Грузия не имела никаких прав». На это требование Гегечкори ответил категорическим отказом.

Страсти разгорались, и дипломатические тонкости были отброшены в сторону. Генералы обвиняли грузин в грубом преследовании русского населения, Гегечкори отрицал за Добровольческой армией даже право защиты русских интересов.

— Ведь Добровольческая армия — организация частная, — говорил он с иронией.

На что последовал прозрачный намек, что Грузия танцует под немецкую музыку и действует под диктовку немцев.

Выразив сожаление, что нетерпимость грузин не позволяет продолжать переговоры, генерал Алексеев закрыл заседание.

«Ввиду несостоявшегося соглашения, — писал Антон Иванович, — я, не предпринимая никаких враждебных в отношении Грузии действий, закрыл, однако, границу для пропуска через нее грузов. Войска наши оставались южнее Туапсе».[9]

Создалось одно из тех положений, с которым генералу Деникину впоследствии пришлось неоднократно встречаться: с Грузией не было войны, но не было и мира, и на границе ее приходилось держать отряды (правда, незначительные), которые с большей пользой для дела можно было использовать в других местах.

В начале августа 1918 года до Добровольческой армии дошел слух об убийстве в Екатеринбурге царской семьи. Слух оказался достоверным. Он произвел ошеломляющее впечатление. Несмотря на систематический террор, проводимый советской властью, невзирая на жестокости гражданской войны, притупившей во многих человеческие чувства, убийство это лишний раз подчеркнуло всю дикость произвола и беззакония, охвативших страну, где не нашлось пощады ни женщинам, ни детям.

Генерал Деникин приказал Добровольческой армии отслужить панихиды. Сосредоточенно молились офицеры и солдаты об упокоении душ замученной семьи. Даже те из них, кто не сочувствовал идее монархии, с глубоким уважением отнеслись к памяти царя, который смертью своей «заплатил за вольные и невольные прегрешения против русского народа». Но в кругах, непричастных к армии, в среде так называемой революционной демократии факт приказа служить панихиды вызвал критику и осуждение.

В своих воспоминаниях Антон Иванович писал, «что глубоко возмущенная общественная совесть винила в этом злодеянии [в убийстве] германскую власть, имевшую неограниченное влияние на совет комиссаров и не пожелавшую воспользоваться им для спасения царской семьи».[10]

Немцы действительно не пожелали в данном случае воспользоваться своим влиянием. Но даже если бы они потребовали от большевиков выдать им царскую семью, то в изворотливом уме Ленина нашлось бы много уловок, чтобы не выполнить такого требования. Оправданий найти было не трудно: народный гнев; местная власть не подчинившаяся центру; наконец, сопротивление, оказанное при попытке к бегству...[11]

Генерал Деникин не знал тогда о душевной драме, которую отрекшийся монарх переживал в последние месяцы своей жизни: в Тобольске, где царская семья находилась до перевоза ее в Екатеринбург, в кругу близких людей обсуждался как-то Брест-Литовский договор, и князь Долгорукий сказал, что, по слухам, одним из условий этого договора было якобы требование немцев передать им царскую семью целой и невредимой. Государь на это воскликнул:

— Если это не предпринято для того, чтобы меня дискредитировать, то это оскорбление для меня!

А государыня добавила вполголоса:

— После того, что они, немцы, [при посредстве большевиков] сделали с государем, я предпочитаю умереть в России, нежели быть спасенной немцами.[12]

И говорила это женщина, которую в конце 1916 и начале 1917 года оппозиция сознательно чернила, обвиняя в предательстве России в пользу Германии! И царь и царица с ужасом думали о несмываемом позоре, о том, что их насильно, против их воли, выдадут немцам...

Отношение Антона Ивановича к императору Николаю II прошло через несколько фаз. Он считал, что старый строй был психологически подорван неудачным правлением царя, и винил его в тех последствиях, которые выпали на долю России. Убийство императора возбудило в Деникине чувство глубокого возмущения и жалости. Когда же несколько лет спустя он узнал подробности того, с каким достоинством, патриотизмом и с каким чисто христианским смирением отрекшийся монарх смотрел в глаза надвигавшейся катастрофе, то в одном из своих неопубликованных писем написал: «Облик Государя и его семьи, в смысле высокого патриотизма и душевной чистоты, установлен в последнее время прочно бесспорными историческими документами».[13]

Раздражение советской властью в левых кругах вызвало летом 1918 года серию террористических актов, направленных против большевистских главарей, а также против видных представителей Германии. Дора Каплан стреляла в Ленина и ранила его, Леонид Канегиссер убил главу петроградской ЧК Урицкого, Сергеев убил видного члена коммунистической партии Володарского, Блюмкин и Андреев убили немецкого посла графа Мирбаха, а кронштадтский матрос Борис Донской в Киеве убил германского фельдмаршала Эйхгорна. Отдельные члены партии социалистов-революционеров пытались следовать примеру своих предшественников-террористов. Их действия вызвали страшнейшие репрессии: тысячи ни в чем не повинных людей из среды буржуазии и интеллигенции были расстреляны большевиками в отместку, без суда и следствия.

В августе 1918 года возник вопрос об организации правительственного аппарата для гражданского управления краем, освобожденного от большевиков Добровольческой армией. С этой целью был создан орган управления, получивший название Особого совещания. Оно состояло из отделов, переименованных затем в управления. Начальники отделов являлись подчиненными генерала Алексеева, занявшего пост председателя.

Впредь до создания общерусской власти было выработано «Временное положение» об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией.

Вся полнота государственной власти в этих областях сосредоточивалась в руках Верховного руководителя армии — генерала Алексеева. После его смерти она перешла к генералу Деникину.

«Временное положение» восстанавливало все законы, действовавшие на территории Российского государства до 25 октября 1917 года. Таким образом, законодательство, проведенное Временным правительством после февральской революции, оставалось в силе. Оно признавало равные права за всеми гражданами без различия национальности, сословия и вероисповедания. Оно также признавало сохранение особых прав и преимуществ, «издавна принадлежавших казачеству». Всем гражданам гарантировалась «неприкосновенность личности, жилища и частной собственности». Причем говорилось, что «принудительное отчуждение недвижимых имуществ, когда таковое необходимо в государственных или общественных интересах, совершается не иначе, как в законодательном порядке и за справедливое вознаграждение».

Среди крестьян, насильно захвативших помещичьи земли и достаточно грамотных, чтобы понять смысл этого параграфа, он не мог не возбудить подозрительного отношения.

В 1919 году, с широким продвижением Добровольческой армии на Украину, земельный вопрос приобрел чрезвычайно острый характер.

Руководящую роль в Особом совещании играли военные: сперва генерал А. М. Драгомиров (бывший одно время командующим Северным фронтом), потом генерал А. С. Лукомский (бывший начальник штаба Верховного Главнокомандующего при Корнилове). Военное прошлое наложило отпечаток на их работу.

Сложные вопросы гражданского управления они старались разрешить военными методами. Но и среди штатских начальников отделов не нашлось людей крупного государственного калибра.

Особое совещание оказалось тусклым совещательным органом при Главнокомандующем, где отсутствовал элемент смелого творческого воображения, необходимость которого диктовалась исключительностью момента.

Состояние здоровья генерала Алексеева быстро ухудшалось. По-прежнему он отдавал все силы «последнему своему делу на земле», но Антону Ивановичу было ясно, что конец недалек.

В руках генерала Деникина сосредоточено было верховное управление армией и командование; генерал Алексеев заведовал политическим руководством, внешними сношениями и финансами. Ни один из них не вмешивался в сферу деятельности другого.

Человек осторожный, Алексеев обладал умом государственного деятеля, широким кругозором в политических вопросах и умением облекать свои отношения с людьми инакомыслящими в дипломатические формы. Антон Иванович этим свойством не обладал и честно признавался, что не смог постичь искусство дипломатии. Он искренно любил Алексеева, глубоко уважал его, и приближавшаяся кончина старшего генерала тревожила Деникина перспективой одиночества; он сознавал свою неподготовленность в сфере гражданского управления, не говоря уже о сложных государственных вопросах, которые при расширении территории, занятой добровольческими войсками, неизбежно должны были возникнуть.

Генерал Алексеев скончался в Екатеринодаре 25 сентября 1918 года.

«В годы великой смуты, — писал о нем Антон Иванович, — когда люди меняли с непостижимою легкостью свой нравственный облик, взгляды, ориентации, когда заблудившиеся или не в меру скользкие люди шли окольными, темными путями, он шагал твердой старческой поступью по прямой кремнистой дороге. Его имя было тем знаменем, которое привлекало людей самых разнообразных политических взглядов обаянием разума, честности и патриотизма».[14]

После смерти верховного руководителя Добровольческой армии генерал Деникин принял звание Главнокомандующего.

Помимо его воли судьба взвалила на плечи Деникина тяжелую ношу: с одной стороны — функции правителя, с другой — Верховное командование армией.

Антон Иванович, как и генерал Алексеев, убежден был, что в условиях того времени только единоличная диктатура могла рассчитывать на успех в борьбе с диктатурой Кремля. В диктатуре он видел лишь средство борьбы и смотрел на нее как на явление чисто временное. Но всеобъемлющие функции диктатора требовали выдающихся помощников, на совет и мудрость которых можно было положиться, особенно в области управления, мало знакомой правителю. К несчастью Деникина, таких помощников у него не оказалось. И в письмах его за этот период к близким неоднократно прорывалась, как стон отчаяния, все та же неотступная мысль: «Нет людей!»

Между тем смерть отнимала у Антона Ивановича все возрастающее число верных сотрудников. Он говорил: «Ряды старых добровольцев редели от постоянных боев, от сыпного тифа, косившего нещадно. Каждый день росли новые могилы у безвестных станиц и поселков Кавказа».[15] В бою был убит доблестный артиллерист полковник Миончинский; умер от заражения крови раненный под Ставрополем генерал Дроздовский. И многие-многие близкие Деникину люди один за другим уходили из жизни. Провожая их, Антон Иванович мучался все той же преследовавшей его мыслью: уходят, уходят.., а путь еще так бесконечно далек...

С генералом Дроздовским, человеком нервным и вспыльчивым, отношения у Деникина были порой весьма натянутыми. Причина, быть может, крылась в том, что Дроздовский, не привыкший еще к способу ведения боя, выработанному в Первом походе Добровольческой армии, вначале вел методическое наступление, применяя тактику Первой мировой войны. На этой почве, в связи с одной неудачно проведенной (по мнению Деникина) операцией, Антон Иванович сделал Дроздовскому замечание, которое обидело того, и Дроздовский послал командующему рапорт в тоне, недопустимом с точки зрения воинской дисциплины. «Невзирая на исключительную роль, — писал он генералу Деникину, — которую судьба дала мне сыграть в деле возрождения Добровольческой армии.., Вы не остановились перед публичным выговором мне...»[16]

Для поддержания в армии дисциплины дальнейший резкий текст длинного рапорта требовал применения суровых мер. Но они вызвали бы окончательный разрыв с Дроздовским и уход его из армии. Деникин считал это морально недопустимым. «Принцип, — говорил он, — вступил в жестокую коллизию с жизнью. Я переживал остро этот эпизод и поделился своими мыслями с Романовским [начальником штаба].

— Не беспокойтесь, ваше превосходительство, вопрос уже исчерпан.

— Как?

— Я написал вчера еще Дроздовскому, что рапорт его составлен в таком резком тоне, что доложить его Командующему я не мог.

— Иван Павлович, да вы понимаете, какую тяжесть вы взваливаете на свою голову?..

— Это неважно. Дроздовский писал, очевидно, в запальчивости и раздражении. Теперь, поуспокоившись, сам, наверное, рад такому исходу.

Прогноз Ивана Павловича оказался правильным: вскоре после этого случая я опять был на фронте, видел... и Дроздовского. Последний был корректен, исполнителен и не говорил ни слова о своем рапорте. Но слухи об этом эпизоде проникли в армию и дали повод чернить память Романовского: скрывает правду от Командующего!»[17]

Ивану Павловичу Романовскому в этой книге будет отведено особое место, и этот случай в связи с другими, подобными ему, но исходившими от другого лица, снова будет упомянут. Что же касается генерала Дроздовского, то Антон Иванович, всегда ставивший заслуги людей перед родиной выше личных с ними отношений, глубоко ценил его патриотизм, твердость духа, благородство и огромную роль, которую Дроздовский сыграл в истории Добровольческой армии, приведя свой отряд из Румынии и поставив его и себя в подчинение генералу Деникину.

Приказом по армии в честь погибшего созданный им 2-й офицерский полк (впоследствии дивизия) был назван именем генерала Дроздовского. Как корниловцы и марковцы, так и дроздовцы, вписали много блестящих страниц в боевую историю белого движения.

В конце августа и в начале ноября генерал Деникин произнес две речи, в которых высказал «общие основания добровольческой политики».

26 августа, при первом посещении Ставрополя, Деникин говорил:

«Добровольческая армия, совершавшая свой крестный путь, желает опираться на все государственно мыслящие круги населения. Она не может стать орудием какой-либо политической партии или общественной организации. Тогда она не была бы русской государственной армией. Отсюда — недовольствие нетерпимых и политическая борьба вокруг имени армии. Но если в рядах армии и живут определенные тенденции, она не станет никогда палачом чужой мысли и совести. Она прямо и честно говорит: «Будьте вы правыми, будьте вы левыми — но любите нашу истерзанную родину и помогите нам спасти ее»...

Добровольческая армия чужда социальной и классовой борьбы. В той тяжелой, болезненной обстановке, в которой мы живем, когда от России стались лишь лоскутья, не время решать социальные проблемы, и не могут части русской державы строить русскую жизнь каждая по-своему. Поэтому те чины Добровольческой армии, на которых судьба возложила тяжелое бремя управления, отнюдь не будут ломать основное законодательство. Их роль — создать лишь такую обстановку, в которой можно бы сносно, терпимо жить и дышать до тех пор, пока всероссийские законодательные учреждения, представляющие разум и совесть народа русского, не направят его по новому руслу — к свету и правде».[18]

В другой речи декларативного характера, которую Деникин произнес 1 ноября, в день открытия Кубанской рады в Екатеринодаре, он призывал к единению, говорил о том, что интересы Кубани требуют тесной связи с Добровольческой армией, единственной преградой от нашествия большевиков с севера. Он указывал на необходимость в условиях жестокой борьбы иметь единую армию с единым командованием, он заявлял о том, что армия его, «ведя борьбу за само бытие России, не преследует никаких реакционных целей и не предрешает формы будущего образа правления, ни даже тех путей, какими русский народ объявит свою волю». Он также заявлял, что «Добровольческая армия признает необходимость и

теперь, и в будущем самой широкой автономии составных частей русского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта».

Касаясь отношения своих войск к союзникам, генерал продолжал: «Добровольческая армия в самых тяжелых, казалось, безвыходных обстоятельствах своей жизни, оставалась верной договорам с союзными державами и ни на одну минуту не запятнала себя предательством... И мы с открытой душой шлем свои сердечные пожелания доблестным войскам наших союзников».[19]

Взгляды генерала Деникина на смысл его борьбы и на отношение к будущей форме правления остались неизменны. Как в начале, так и в конце своего командования, он высказывал те же мысли. Так, например, 16 января 1920 года на заседании Верховного казачьего круга, Антон Иванович говорил: «Я веду борьбу за Россию, а не за власть... Тем, кто хочет непременно читать в душах, я могу облегчить труд и совершенно искренно высказать свой взгляд на самое больное место нашего символа веры.

Счастье родины я ставлю на первом плане. Я работаю над освобождением России. Форма правления для меня вопрос второстепенный. И если когда-либо будет борьба за форму правления, я в ней участвовать не буду. Но, нисколько не насилуя совесть, я считаю одинаково возможным честно служить России при монархии и при республике, лишь бы знать уверенно, что народ русский желает той или другой власти».[20]

Оглядываясь на прошлое, Антон Иванович писал: «Как бы то ни было, два основных положения — непредрешение формы государственного стоя и невозможность сотрудничества с немцами — фактически нами были соблюдены до конца».[21]

«Идея, что борьба с большевиками есть в то же время борьба с Германией, — писал П. Н. Милюков, — была усвоена антибольшевиками с глубокой моральной серьезностью. И вся попытка поставить задачу своей национальной борьбы отдельно от союзной трактовалась как измена союзникам».[22] Мы увидим, говорил Милюков не без иронии, — как ответили союзники на эту лояльность.

Благодаря своему основному элементу «непредрешения» декларативные заявления Деникина отличались неопределенностью

и расплывчатостью и не могли увлечь за собой широкую массу населения, еще не утратившую веры в заманчивые посулы большевиков.

С расширением территории увеличивалась возможность соприкосновения Добровольческой армии с германскими оккупационными властями. Предвидя эту возможность, генерал Деникин дал всем добровольческим начальникам краткую инструкцию. Она предписывала не предпринимать никаких враждебных действий против немцев без вызова с их стороны, избегать всяких встреч и всякого общения с немцами. Тем не менее те, кому эта инструкция была послана, извещались, что армия готова покупать у немцев боевые припасы «в обмен на производство страны».[23]

По инициативе германских офицеров произошло несколько встреч с различными добровольческими начальниками, и в каждом случае немцы проявляли полную корректность и учтивость. Так, например, после занятия добровольцами Новороссийска к полковнику Кутепову, назначенному туда военным губернатором, явился прибывший на немецком миноносце германский офицер. Он выразил изумление по поводу быстрого продвижения добровольческих войск, а затем спросил, чем могут быть полезны германские суда. Кутепов вежливо отказался от немецких услуг.

Политика германского правительства не шла в ногу с учтивым отношением, которое немецкие офицеры проявляли частным образом к добровольческому командованию. Она нащупывала почву, чтобы совратить руководителей добровольчества в свою пользу, но, убедившись в бесцельности этих попыток, сделала соответствующие выводы. Наружно игнорируя существование Добровольческой армии, Германия на самом деле стремилась ее разложить. Чтобы остановить приток в нее добровольцев из Украины, немцы решили создать ей конкурентов. С этой целью они тайно финансировали образование двух других противобольшевистских «армий»: Астраханской и Южной. Вербовка в эти «армии» происходила в Киеве. Территория для их формирования была предоставлена атаманом Красновым: для формирования первой — на Дону, второй — в южной части Воронежской губернии, занятой тогда донскими казаками. Обе «армии» открыто выставили монархический

лозунг, хулили вождей добровольчества, называли генерала Алексеева предателем царя, а Добровольческую армию — «республиканским» предприятием.

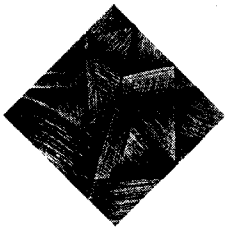
Запись в эти две «армии» шла плохо. Тем не менее немцам удалось посеять политическую рознь среди офицерства и на время отвлечь несколько тысяч человек от поступления в Добровольческую армию.

Лично генералу Деникину только раз пришлось иметь дело с немцами: через своего представителя на Дону, генерала Эльснера, Антон Иванович получил в конце сентября официальное обращение германского командования с просьбой ускорить восстановление линии индоевропейского телеграфа, проходившей по территории, занятой его войсками. Немцы предлагали предоставить свой персонал для исправления и обслуживания этой линии. Генералу Эльснеру поручено было ответить, что «чужой помощи не требуется». Недели через три последовало немецкое обращение в более категоричной форме. Немцы, не только настаивали на предоставлении индоевропейской линии в распоряжение германского командования, но и требовали определенного ответа в пятидневный срок. Генерал Деникин ответил через Эльснера, что «телеграфные линии по мере восстановления поступают в общественное пользование... на точном основании российских законов».[24]

На счастье Антона Ивановича, переписка эта не имела никаких последствий, так как в ближайшие дни Германия признала, что война ею проиграна, а вслед за тем с невероятной быстротой последовало моральное разложение немецких войск.

Глава XIX

НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ



В самые тяжелые минуты своей жизни в июле 1917 года, когда его войска на Западном фронте отказывались повиноваться и наступать, когда в сентябре того же года толпы солдат в Бердичеве, взвинченные пропагандой ненависти, грозили ему самосудом, когда в буквальном смысле слова приходилось смотреть смерти в глаза, Антон Иванович думал иногда о генерале Людендорфе, так много потрудившемся над разложением русской армии.

Про себя Деникин знал, что в нем хватит сил «не дрогнуть перед смертью». Но его занимала мысль: как поступил бы Людендорф, эта гранитная глыба германской военной мощи, если бы волею судьбы ему пришлось очутиться в подобных обстоятельствах?

Ответ на этот теоретический вопрос был дан с исчерпывающей ясностью после падения Германии: опасаясь призрака революции, генерал Людендорф бежал в Швецию... А император Вильгельм (которого Деникин считал главным виновником Первой мировой войны и который не двинул пальцем, чтобы спасти от смерти русского царя и его семью) бежал в Голландию...

Эти люди, уверенные в победоносной войне, поставили на карту в 1914 году несметное количество человеческих жизней. Но когда настал час расплаты и карта их оказалась битой, они бежали за границу, спасая собственную жизнь от воображаемой опасности.

Вместе с тем Антон Иванович искренно сочувствовал офицерству Германской и Австро-Венгерской армий. Он их жалел. Помимо своей воли они попали в то же положение, что и русские офице-

ры годом раньше. Разложение их войск шло по стопам русской армии, но с еще более катастрофической быстротой. По всей Германии появились Советы рабочих и солдатских депутатов. На Восточном фронте у австро-германцев началось повальное дезертирство. Солдаты отказывались повиноваться начальникам. На митингах они выносили резолюции недоверия своим офицерам. В зоне, оккупированной центральными державами, то тут, то там вспыхивали военные мятежи с оскорблением и убийством офицеров. В отчаянии и ужасе от хаоса, охватившего австрийские части, командующий австрийскими войсками в Одессе покончил самоубийством. Австрийские офицеры, стараясь скрыться от своих солдат, бежали от них сотнями врассыпную. А московская пропаганда разжигала страсти, призывая немецкий пролетариат и «немецких товарищей» к расправе с офицерами, с буржуазией, и к захвату власти в свои руки.

Грандиозная картина развала центральных держав ставила ребром вопрос о судьбе той огромной территории, которую занимали их войска на юге и на западе России.

Деникинская армия, напрягая все усилия, боролась тогда за освобождение Северного Кавказа и местностей, лежащих к востоку от Кубани. И даже при быстром и удачном исходе этой борьбы она была слишком малочисленна, слишком плохо вооружена, чтобы занять Украину, Новороссию и Крым. Требовалось время, чтобы не допустить проникновение красных войск в эту обширную и богатую область. Это время, по мнению Деникина, могли дать лишь союзные войска, но отнюдь не в виде боевой силы, ведущей наступление, а как гарнизоны, пришедшие на смену австро-германцев с целью поддерживать порядок в зоне, где уже начинала бушевать волна анархии «как плацдарм для формирования русской армии и как база при ее дальнейших операциях». Тем временем войска генерала Деникина, пополнив свои ряды путем мобилизации местного населения и получив боевое снабжение из все еще не растраченных запасов бывшего русского Юго-Западного и Румынского фронтов, готовились бы к выполнению главной задачи: движению на север.

В этой нервной атмосфере грандиозных перемен, в торжестве союзников и в разгроме Германии для Деникина открывались как

будто бы большие возможности. Но, с другой стороны, тревожил его элемент неопределенности, недоговоренности, ему необходимо было знать, на что именно он мог рассчитывать в смысле помощи союзников.

С этой целью генерал Деникин поручил генералу Щербачеву (последнему главнокомандующему русскими войсками на Румынском фронте, проживавшему тогда в Румынии) войти в сношения с французским генералом Бертело. Штаб Бертело находился в Бухаресте, а сам он только что получил назначение на пост Главнокомандующего союзными силами в Румынии, Трансильвании и на Юге России.

3 ноября 1918 года Щербачев после переговоров с Бертело, которого он лично хорошо знал, доносил Деникину, что результаты совещания значительно превзошли все его ожидания. Он писал, что генерал Бертело, имеющий поддержку Клемансо, уполномочен «проектировать и осуществлять все вопросы: политические и военные, касающиеся Юга России и спасения его от анархии». Генерал Щербачев сообщил о достигнутом между ним и генералом Бертело соглашении, самые существенные пункты которого приведены ниже:

«Для оккупации Юга России, — писал Щербачев, — будет двинуто настолько быстро, насколько это возможно, 12 дивизий, из коих одна будет в Одессе на этих же днях.

Дивизии будут французские и греческие.

Я, генерал Щербачев, буду состоять, по предложению союзников и генерала Бертело, при последнем и участвовать в решении всех вопросов.

База союзников — Одесса; Севастополь будет занят так же быстро.

Союзными войсками Юга России первое время будет командовать генерал д'Ансельм с главной квартирой в Одессе.

По прибытии союзных войск, кроме Одессы и Севастополя, которые будут, несомненно, заняты ко времени получения Вами этого письма, союзники займут быстро Киев и Харьков с Криворожским и Донецким бассейнами, Дон и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Донской армиям прочнее организоваться и быть свободными для более широких активных операций.

В Одессу, как в главную базу союзников, прибудет огромное количество всякого рода военных средств, оружия, боевых огнестрельных запасов, танков, одежды, железнодорожных и дорожных средств, аэронавтики, продовольствия и прочего.

Богатые запасы бывшего Румынского фронта, Бессарабии и Малороссии, равно как и таковые Дона, можно отныне считать в полном нашем распоряжении...»

«Это письмо, — вспоминал генерал Деникин, — своей определенностью выводило нас, наконец, из области предположений. Широкая и конкретная постановка вопроса открывала перед нами новые необычайно благоприятные перспективы, ставила новые задачи в борьбе с большевиками».[1]

10 ноября (старого стиля) пришла в Новороссийск союзная эскадра: два миноносца и два крейсера, «Эрнест Ренан» и «Ливерпуль», чтобы приветствовать тех, кто в самые тяжкие дни своей истории сохранил верность данному слову, чтобы заверить их: помощь будет оказана.

«Новороссийск, а затем Екатеринодар, — писал Антон Иванович, — встречали союзников необыкновенно радушно, со всем пылом открытой русской души, со всей страстностью истомленного ожиданием, сомнениями и надеждами сердца. Толпы народа запрудили улицы Екатеринодара, и их шумное ликование не могло не увлечь своей непосредственностью и искренностью западных гостей».[2]

Приветственные речи, одна за другой, подчеркивали взаимную дружбу и надежду на скорое избавление от большевизма.

Генерал Деникин от души желал счастья Франции и Англии, говорил, что Россия, «не эта лоскутная, беспомощная, а новая, сильная, единая Россия никогда не забудет бескорыстной дружеской помощи».

В ответной речи представитель Великобритании, генерал Пуль, вспоминал первые годы мировой войны: «Мы не забыли и никогда не забудем, как вы героическими усилиями спасли нас в 14-ом году, когда положение было критическим. Мы никогда не забудем, что вы, будучи поставлены в крайне тяжелое положение, не соединились, однако, с немцами, а рискуя всем, остались до конца верными своим союзникам». От имени своей страны он говорил добровольцам об общности стремлений и целей воссоздать единую Россию.

Блистая красноречием и знанием русского языка, представитель Франции и будущий депутат французского парламента Эрлиш говорил о башнях Кремля, о красном флаге, забрызганном кровью невинных жертв, и о том, что этот флаг скоро будет заменен «славным трехцветным знаменем великой, единой, неделимой России». От имени Франции он обещал помощь.[3]

Генералу Деникину не могло прийти в голову, что внутренние противоречия и разногласия в правительствах Франции и Англии сведут на нет торжественные обещания их представителей; что в ближайшие месяцы невыполненные обещания и несбывшиеся надежды отразятся на взаимоотношениях Юга России с союзниками, что радость сменится недоумением и перейдет затем в явное раздражение и что в лагере красных союзные ошибки и взаимное недоверие станут предметом нескрываемого злорадства и успешной пропаганды.

Обещания союзников не ограничились заявлениями генерала Бертело и военных представителей Англии и Франции, посланных в Екатеринодар. По инициативе союзных дипломатических представителей в Румынии (посланников Франции, Великобритании, Соединенных Штатов и Италии) в ноябре 1918 года было созвано совещание в Яссах, чтобы выслушать пожелания широкого фронта антибольшевистской России.[4]

К тому времени Киев оказался центром, который, по выражению Деникина, впитал в себя летом и осенью 1918 года «всю соль российской буржуазии и интеллигенции». Туда перебрались из Москвы ее подпольные «союзы» и «центры». Германские оккупационные власти внимательно следили за их деятельностью, но фактически оставляли их в покое. Перекочевали в Киев деятели Национального центра, Союза возрождения, включавшего умеренных социалистов. Образовалась там новая организация, получившая название Совета государственного объединения. В нее вошли консервативно-монархические элементы из бывшей Петроградской бюрократии, представители землевладельцев и крупной буржуазии. Временно оказался в Совете и профессор П. Н. Милюков, на которого многие из его новых коллег смотрели с недоверием из-за его кадетского прошлого и думский речей конца 1916 года.

Через свои разведывательные отделения союзники были до известной степени в курсе настроений русских политических группировок, обосновавшихся в Киеве. Тем не менее они решили выслушать на совещании в Яссах политические чаяния противников большевизма, от монархистов на правом фланге до социалистов-революционеров на левом, то есть тех русских кругов, которые стояли на точке зрения вооруженной борьбы с большевиками. С этой целью союзные дипломаты пригласили на совещание наиболее видных русских политических деятелей из Киева, а также просили генерала Деникина послать в Яссы представителя от Добровольческой армии.

Как и следовало ожидать, среди них сразу же возникли разногласия по вопросу о форме правления. Монархисты настаивали на военной диктатуре и выдвигали великого князя Николая Николаевича на роль диктатора. Бывший верховный главнокомандующий царскими армиями находился тогда в имении своего брата «Дюльбер» в Крыму, вел замкнутый образ жизни, стоял совершенно в стороне от политики, держался с большим достоинством и с немцами, занявшими Крым, не желал иметь ничего общего.

Центр с Милюковым и Федоровым тоже стоял за диктатуру, но их кандидатом был генерал Деникин. А левые группы, не возражая против Деникина как возглавителя вооруженных сил, агитировали за Директорию из трех лиц, куда кроме Деникина вошли бы два видных представителя политических партий. По словам Милюкова, даже левое крыло собравшихся относилось отрицательно к составу и программе Директории, образовавшейся в Уфе.

После долгих пререканий большинство голосов высказалось за диктатуру генерала Деникина. Однако, чтобы не вносить разногласий в протокол заседания, по совету британского военного агента (генерала Балларда) было решено оставить этот вопрос открытым и перейти к обсуждению главного предмета, то есть к выяснению того, что именно ожидало от союзников русское общественное мнение.

По этому вопросу собравшиеся проявили гораздо больше единодушия. Они подписали меморандум, призывая сохранить единство России в границах 1914 года (выключив из них Польшу), выработать согласованные действия с союзниками для борьбы с

большевизмом, оказать немедленную помощь Добровольческой армии генерала Деникина, заменить без промедления немецкие и австрийские гарнизоны вооруженными силами союзников в целях охраны порядка и образования прикрытия для формирования русской армии. Они настаивали на едином командовании, доверенном русскому начальнику.

Совещание в Яссах не принесло никаких результатов и не оправдало надежд его участников. И уже совсем обидным для самолюбия тех, кого союзные дипломаты пригласили на совещание, было окончание их миссии. Чтобы скорее довести до сведения союзных правительств пожелания и надежды Юга России, русские представители выделили из числа собравшихся делегатов группу в шесть человек. Эта группа, включавшая П. Н. Милюкова, отправилась в Париж. «Но Клемансо, — писал Милюков, — прежде всего не только отказался беседовать с русской делегацией, но и выслал ее из Парижа под предлогом «германофильства» одного из ее членов...» Этим «неугодным членом» был сам Милюков.[5]

Вообще в конце 1918 года ему не особенно везло. С поражением Германии отпала его немецкая ориентация, и он всячески старался замести следы своего политического просчета. Перед поездкой в Яссы он побывал в Екатеринодаре, где его друзья по кадетской партии зондировали почву относительно возможности участия Милюкова в деникинском правительстве, то есть в Особом совещании. Но Антон Иванович к этому предложению отнесся отрицательно. В неопубликованных заметках Деникина имеется любопытная запись о визите к нему Милюкова: «Милюков, приехав в Екатеринодар, посетил меня... Он имел тогда вид весьма сконфуженный и на мой вопрос: «Как же это вы так неудачно сыграли на немцев?» — ответил: «В этом виноваты ваши генералы. И Драгомиров, и Лукомский в Киеве уверяли меня, что в мировой войне победят немцы. Я им поверил».

Антон Иванович при случае навел справку у генералов по поводу их разговора с Милюковым. «Первый, — писал он, — заявил, что подобного разговора не имел вовсе, а второй — что убеждал Милюкова как раз в противном... Но и помимо этого, —

отметил Деникин, — оправдание Милюкова не имело цены: 19 мая 1918 года, до своей поездки в Киев, из Ростова он писал Алексееву об единоспасительности немецкой ориентации...»[6]

После совещания в Яссах Деникин, подытожив, считал, что и союзные генералы в Екатеринодаре, и союзные дипломаты в Яссах, усвоив идею интервенции, находились тогда под влиянием военной психологии в отношении к русскому большевизму. «Оторванные от своих центров, — писал он, — они предпринимали некоторые серьезные дипломатические шаги на свой страх и риск в твердом убеждении, что эти шаги будут одобрены их правительствами и получат осуществление».[7]

Короче говоря, союзные представители действовали наугад, превышали свои полномочия и, совершенно не желая того, своими поступками и заявлениями вводили генерала Деникина в заблуждение.

По условиям перемирия между союзниками и побежденной Германией немцы должны были очистить занятые ими области в России и отвести свои войска к русской границе 1914 года. Однако срок эвакуации не был указан. В том, что союзники прибудут на смену немцам, обыватели на Украине не сомневались. Их поддерживали в этом убеждении представители Франции, которые начали проникать в Киев еще до окончательного падения Германии. Тем не менее буржуазные элементы с волнением задавали себе вопрос: «Когда же появятся союзники?» Они опасались того промежутка времени, который мог возникнуть между уходом немцев и приходом союзников. И в этой тревоге, охватившей все зажиточные классы, был не только страх перед организованной силой большевиков, но и боязнь, что деревня, натерпевшаяся всяких невзгод от немецких реквизиций и карательных отрядов, пойдет громить города, чтобы поживиться добром укрывшихся там помещиков и буржуев и отомстить им за свои злоключения.

Деревня на Украине была настроена анархически. Ей хотелось поскорее заняться новым разделом крупного землевладения и свести счеты с помещиками, восстановленными в своих земельных правах правительством гетмана. Крестьянским движением руководди-

ли появлявшиеся то тут, то там различные атаманы и главари повстанческих шаек. Последние пользовались оружием, спрятанным в деревне еще глубокой осенью 1917 года, со времени повального бегства солдат с фронта, также приобретали боевые припасы от разлагавшихся австро-германских оккупационных войск в обмен на деревенские продукты. Таким образом в руки повстанцев попадали армейские лошади, оружие и даже пушки.

Правительство гетмана Скоропадского держалось исключительно военным престижем немцев. Они использовали гетмана в своих целях, но в то же время не позволяли ему сформировать серьезной вооруженной силы. Предоставленный сам себе, Скоропадский оказался беспомощным. Теряя почву под ногами, он круто переменил свою германофильскую политику. Отбросив самостийность, метался в разные стороны и даже писал великому князю Николаю Николаевичу, умоляя его принять Верховное командование всеми войсками бывшей России и в своем лице объединить «всех нас, генералов, а то мы только ссоримся».

Великий князь на письмо Скоропадского не ответил. Генерал же Деникин, узнав о нем, сухо комментировал: «Я решительно не мог... стать на ту упрощенную точку зрения, которая разительную противоположность идеологии, стимулов и лозунгов движения предстовляет как ссоры генералов».[8]

В глазах Деникина непроходимая пропасть разделяла идеологию единства России и приспособленческую точку зрения человека, принявшего по желанию немцев звание гетмана и проповедовавшего идею самостоятельной и независимой Украины.

А тем временем всплыли на поверхность члены Украинской рады, состоявшей из социалистов, которых немцы весной 1918 года так бесцеремонно разогнали и заменили гетманом. Они образовали украинскую Директорию из нескольких лиц, среди которых был В. К. Винниченко, писатель, социалист, самостийник, перешедший потом к большевикам, и Симон Петлюра, тоже социалист, принявший звание головного атамана.

«Винниченко, — писал Деникин, — объявлял декреты совершенно большевистского характера о социализации, национализации, изъятии буржуйских ценностей; эти призывы находили отзывчивую почву в крае, еще не прошедшем всего круга большевистс-

кого опыта, и претворялись в жизнь погромами, пожарами, разбоями и убийствами. По-прежнему, как и в начале года, в движении, поднятом на Украине, решительно не было национального момента. Директория разжигала социальный пожар в целях своего утверждения, бессильная потом локализировать его... Люди, наблюдавшие жизнь на Украине того времени, в один голос задолго до переворота предвещали правлению Директории участь краткого и бесславного этапа по пути к большевизму, и, по общему признанию, этот этап, наконец осуществившись, носил наиболее анархический характер из всех... режимов, сменившихся на Украине».[9]

При виде надвигающейся анархии все русские общественные деятели, находившиеся в Киеве, подняли тревогу и наперебой требовали от генерала Деникина присылки войск Добровольческой армии на Украину. Но посылать было некого: буквально все силы добровольцев, вспоминал Антон Иванович, — 30—40 тысяч — были собраны на полях Ставрополя, где в жестоких боях решалась судьба кампании и самой армии...[10]

В Киеве начались судорожные и бесплодные формирования разных офицерских дружин и отрядов. Приехал из Одессы в Киев новый французский консул Энно с «особыми полномочиями» от французского правительства. От имени Франции он обещал быстрый приход союзных войск и утверждал, что державы Согласия ни в коем случае не допустят вступления петлюровских банд в столицу Украины.[11]

Но шло время, а союзники не появлялись. К концу ноября 1918 года нервное напряжение достигло крайних пределов, и 1 декабря гетман Скоропадский под видом раненого немецкого офицера бежал в Германию. В тот же день петлюровские отряды беспрепятственно вошли в Киев, где началась расправа с офицерами.

Немцы петлюровцам не препятствовали. Они им даже покровительствовали. Их радовало ложное положение, в которое сами себя поставили союзники, не выполнявшие взятого на себя обязательства. Не без злорадства наблюдали они, как среди напуганных русских обывателей акции союзников падали с невероятной быстротой.

Между тем от союзных кругов победа над Германией требовала пересмотра политики в отношении России. Их интервенция в рус-

ские дела летом 1918 года официально оправдывалась нуждами войны против центральных держав. Однако с момента, когда Германия признала себя побежденной, Россия в глазах союзников теряла свое значение как орудие борьбы с немцами. При решении вопроса, продолжать ли интервенцию, вступали друг с другом в спор сложные соображения, обсуждению которых не уделялось прежде никакого внимания. С одной стороны, с полной очевидностью чувствовалась усталость от четырех лет войны и связанная с ней неуверенность в моральной устойчивости своих войск в случае их отправки в Россию на новый фронт чуждой для них и непонятной гражданской распри. С другой стороны, в правящих кругах Лондона и Парижа было сильное раздражение против большевиков, посмевших конфисковать иностранное имущество в России, аннулировать все русские долги союзникам, опубликовать их секретные договоры с царским правительством и угрожать мировой революцией, которая в условиях того времени представлялась реальной возможностью. Она могла вспыхнуть в побежденных странах и охватить всю среднюю часть Европы. К этим соображениям примешивались и элементы морального негодования: в союзных кругах, несомненно, было искренним возмущение красным террором и расправой с инакомыслящими.

При таких колебаниях трудно было ожидать всемирной поддержки антибольшевистскому движению. В лучшем случае напрашивалось половинчатое решение: снабжение Добровольческой армии военными припасами без фактической интервенции вооруженной силой.

Но общение Юга России с европейскими центрами было плохо налажено. Почтово-телеграфные сношения, нарушенные войной, шли через Константинополь с большими запозданиями и перебоями. А потому неудивительно, что политические сдвиги в лагере союзников были неизвестны Деникину. Он с нетерпением ожидал так определенно обещанной ему помощи и не мог понять причину ее задержки.

Тем временем города на Украине один за другим переходили в руки петлюровских банд. Еще за три дня до падения Киева, 28 ноября, отряд петлюровцев без боя занял Одессу, которую французский генерал наметил главной базой союзных войск на Юге России.

Спасая свою жизнь, в Одессу хлынул из Киева поток собравшейся там буржуазии и интеллигенции. И все они, богатые и бедные, вскоре с ужасом обнаружили, что надежда укрыться за спиной союзников оказалась пустым мечтанием. Город с его большим и разнородным населением, с огромным притоком беженцев охватила паника.

Только часть Одессы, под прикрытием случайно оказавшегося в городе польского отряда, была объявлена «нейтральной зоной».[12] Над ней был поднят французский флаг, там происходила лихорадочная работа по организации вооруженной силы из уже имевшегося в Одессе отряда местных добровольцев, мораль которых к тому времени была сильно подорвана. Командование ими принял генерал А. Н. Гришин-Алмазов, бывший военный министр Сибирского правительства. Он был самоуверен, честолюбив, молод, в конце 1917 года имел всего лишь чин подполковника. После захвата власти большевиками Гришин (под конспиративной фамилией Алмазов) вел энергичную работу в подпольных офицерских организациях и оказался в Сибири. За отсутствием более опытных людей он случайно попал на пост военного министра в Омске, где вскоре не поладил со своими коллегами в правительстве и был ими отстранен от должности. Несмотря на налет авантюризма, даже противники Гришина не отрицали в нем ума, большой энергии и вполне искреннего патриотизма. В октябре 1918 года он пробрался из Сибири в Екатеринодар. Антон Иванович, ничего не знавший о Гришине, встретил его весьма сдержанно. Но доклад Гришина о положении в Сибири произвел на Деникина благоприятное впечатление, и он решил командировать его в Румынию для ознакомления как своих, так и союзных представителей, с военно-политической обстановкой в Омске. По дороге обратно в Екатеринодар Гришин-Алмазов очутился в Одессе в момент, когда отсутствие подходящего командного элемента снова выдвинуло его на руководящую роль. Крутыми мерами ему удалось за несколько дней прибрать к рукам свой отряд и привести его в порядок.

4 декабря население Одессы, потерявшее к тому времени всякое доверие к обещаниям французов, с изумлением увидело, что с

моря к городу подошли транспорты французской десантной части, состоявшие из бригады пехоты с артиллерией и конного полка. Бывший во главе десанта генерал Бориус потребовал, чтобы петлюровцы покинули город. Получив отказ, он с удовлетворением принял предложение Гришина-Алмазова изгнать их из Одессы силами добровольческого отряда. Инициатива Гришина увенчалась успехом. Через сутки город был занят местными добровольцами, а петлюровцы, отойдя на некоторое расстояние к северу, расположились полукольцом вокруг Одессы.

На радостях, что не было пролито на капли французской крови, генерал Бориус предложил Гришину-Алмазову занять должность военного губернатора Одессы. Приняв неожиданный пост, Гришин донес об этом генералу Деникину, заверяя его в полной своей лояльности и прося Главнокомандующего утвердить его в новой должности, чтобы править Одессой от имени Добровольческой армии.

«Это неожиданное приращение территории, — писал Антон Иванович, — хотя и соответствовало идее объединения южной России, но осложняло еще более тяжелое в то время положение Добровольческой армии, возлагая на нее нравственную ответственность за судьбу большого города, обложенного неприятелем, требующего снабжения и продовольствия, а главное — города с крайне напряженной политической атмосферой. Но трехцветный флаг был уже поднят над Одессой, и это обстоятельство обязывало. Я утвердил Гришина-Алмазова в должности военного губернатора Одессы и прилегающего района и приказал произвести там призыв офицеров и двух возрастных классов, руководствуясь условиями местной обстановки».[13]

Таким образом, неожиданно для самого себя, помимо своего желания генерал Деникин был вовлечен в совместное с французами предприятие, где все акции находились в руках французского командования и где голос Деникина не мог иметь решающего значения. При намечавшихся колебаниях французской политики, при оторванности французского командования на Юге России от Парижа, при такой же оторванности Одессы от Екатеринодара трудно было ожидать полного единодушия между французами и рус-

скими добровольцами. Но никто в тот момент не мог предвидеть, что одесское предприятие закончится полнейшим крахом.

Французы сразу же столкнулись со сложным переплетением русских политических группировок, их разногласиями, интригами и неумением договориться до компромиссного решения. Непонятные им политические противоречия осложнялись национальным вопросом, который под видом народного движения выдвигали украинские самостийники. Они находились вне Одессы, и французам трудно было разобраться, представляют ли они подлинное желание народных масс. Все русские круги, включая правых эсеров, настаивали на единстве России. Они уверяли французов, что флаг самостийной Украины не отражает крестьянских настроений, что вся идея самостийности — чуждое и наносное явление, что малочисленная группа во главе с Винниченко и Петлюрой стремится использовать революционное движение в деревне (не имеющее ничего общего с национальным вопросом) в своих личных целях.

Ни местное французское командование, ни правительство в Париже не имело определенного плана действий. Одновременно делались заявления о необходимости бороться до конца против большевизма и тут же выдвигался лозунг: «ни капли французской крови».

Гришин-Алмазов настаивал на расширении союзной зоны вокруг Одессы, отрезанной петлюровцами от источников продовольствия и фуража. Даже городской водопровод находился в руках неприятеля. Но генерал Бориус, получивший приказание занять только Одессу, отказывался от продвижения вперед. Он отклонил предложение Гришина использовать в этих целях местный отряд русских добровольцев, насчитывавший тогда 1600 штыков, 56 сабель при 10 орудиях.

А петлюровские части под влиянием большевистской пропаганды находились уже в состоянии морального разложения. Видя нерешительность французов, красные части беспрепятственно двигались на Харьков, Чернигов, Киев. Города эти сдавались без боя, и члены украинской Директории принуждены были бежать в Винницу. Предчувствия гибель своего дела и видя, что его войска охотно переходят на сторону большевиков, Петлюра искал возможности договориться с французами.

Отношения французского командования с представителями Добровольческой армии становились все более и более натянутыми. В начале января 1919 года в Одессе обосновался штаб французской дивизии во главе с генералом д'Ансельмом, сменившим генерала Бориуса. В политических вопросах д'Ансельм следовал совету своего начальника штаба, полковника Фрейденберга. В разговорах с д'Ансельмом представителям генерала Деникина обычно удавалось добиться его согласия на те или иные предлагаемые ими меры. Но каждый раз после обсуждения этих вопросов со своим начальником штаба д'Ансельм изменял свои решения. В отсутствии ясно формулируемых инструкций из Парижа местному французскому командованию приходилось импровизировать, и Фрейденберг, на которого выпала эта роль, сразу же занял позицию, враждебную Добровольческой армии. Он резко отклонил предложение произвести мобилизацию для увеличения численности русских войск и в то же время вступил в переговоры с представителями украинской Директории, к тому времени утратившей всякое значение. Его отношения с украинскими самостийниками, естественно, вызывали недоумение среди добровольцев. Французская политика явно шла вразрез с принципом единства России.

Тем не менее переговоры Фрейденберга с петлюровцами (хватавшимися за французов как за последнюю соломинку) привели к снятию блокады города, а постепенный приток союзных войск дал возможность французскому командованию без малейшего риска для себя расширить зону оккупации, включив в нее полукругом, с запада на восток, Тирасполь, Бирлузу, Николаев и Херсон. В середине марта 1919 года союзные войска в Одесском районе состояли из двух греческих дивизий, включала полторы французских дивизии, польскую бригаду и бригады русских добровольцев, общей численностью около 40—45 тысяч человек.

Несмотря на противодействие полковника Фрейденберга, бригада добровольцев достигла к тому времени пяти тысяч человек. Она была сформирована из кадров пехотных полков, расположенных в Одессе, еще до начала Первой мировой войны. В командование бригадой вступил присланный генералом Деникиным из Екатеринодара генерал-майор Тимановский, его соратник по Железной дивизии и по Первому и Второму кубанским походам

Добровольческой армии. Однако снабжение добровольцев оружием снова встретило неожиданную обструкцию со стороны полковника Фрейденберга. Тимановский желал получить винтовки, орудия, патроны и снаряды, находившиеся на складах в Тирасполе и Николаеве. Все это обильное военное имущество являлось собственностью старой русской армии. Но Фрейденберг заявил, что Тирасполь не находился в зоне влияния Добровольческой армии, а Николаев находится в зоне влияния украинской Директории. Легко себе представить реакцию добровольцев на подобное заявление.[14]

Разобщенность Екатеринодара и Одессы была настолько велика, что переписка между ними обычно поддерживалась лишь пароходными сношениями через Новороссийск, а рейсы пароходов были редкими и нерегулярными. Телеграфный провод вдоль северного побережья Черного моря постоянно прерывался повстанческими бандами, и потому телеграммы не всегда доходили по назначению. А радиопередача при ее несовершенном в то время состоянии в большинстве случаев производила дикую путаницу от заглушавших друг друга и шедших с разных сторон посланий.

Таким образом, картина того, что происходило в Одессе, казалась в Екатеринодаре еще менее понятной, чем она была на самом деле. В правящих кругах Добровольческой армии конфликт с французами в Одессе приписывался до некоторой степени личности Гришина-Алмазова, которого никто в Екатеринодаре хорошенько не знал. Поэтому решено было сменить Гришина почтенным и уважаемым всеми генералом А. С. Санниковым. Санников был начальником снабжения Добровольческой армии, во время Первой мировой войны он занимал ту же должность на Румынском фронте, а в период гетмана временно был городским головой Одессы, следовательно, знал местную обстановку.

По прибытии в Одессу Санников отправился с визитом к генералу д'Ансельму и, к своему изумлению, обнаружил, что французский генерал не мог понять, по какому праву генерал Деникин «делает назначения в районе, занятом французскими войсками». В лице Фрейденберга генерал Санников встретил полное нежелание сотрудничать. Отношения обострялись решением французов формировать в районе Одессы новые части из рус-

ских под начальством французских офицеров, которые предполагалось назвать «смешанными бригадами». Французы также предъявили требование, чтобы генерал Санников всецело подчинился французскому командованию «в отношении применения русских войск».

Узнав об этом, генерал Деникин отправил Санникову две резкие телеграммы. Фактически Санников был лишь передаточной инстанцией. Содержание телеграмм предназначалось для сведения французского командования.

В первой телеграмме, предлагая Санникову всемерно координировать свои действия с французами, Деникин разрешил ему (ввиду численного преобладания в Одесском районе союзных войск) подчинить русские части французскому командованию, но только в оперативном отношении. Во всех других отношениях: военном, политическом, гражданском — гласила телеграмма: «Вы подчинены мне и только от меня можете получать приказания».

Вторая телеграмма касалась вопроса о формировании «смешанных бригад». Этот вопрос очень остро задел Деникина. Он не мог понять, как французским союзникам, прибывшим в Россию для совместной борьбы с большевикам, не пришло в голову, что формирование таких частей в корне подрывало авторитет Добровольческой армии и ее командования; что французский оклад, более щедрый, чем нищенское жалование добровольцев, мог привлечь в «смешанные бригады» менее стойкий в моральном отношении элемент офицерства, который иначе подлежал бы призыву в армию Деникина. Добровольческая армия, сохранив свое старое название, на самом деле перешла тогда уже к принципу обязательной воинской повинности, и «смешанные бригады»явились бы большим соблазном для тех, кто желал уклониться от службы. Это могло быть поводом к дезертирству и развалу. Кроме того, сама идея формирования бригад из русских людей, подчиненных исключительно французскому командованию, шла вразрез с принципами Деникина, с его идеей воссоздания русской армии, во имя чего лучшее офицерство боролось в рядах добровольцев. В данном случае вопрос шел не только о сохранении дисциплины и единства командования, но и о том, чтобы быть хозяином в собственном доме.

«Категорически воспрещаю Вам делать эксперименты с русскими войсками по чужой указке», — телеграфировал Деникин Санникову. Кроме того, он приказал опубликовать в Одессе объявление, что всякий русский офицер, позволивший себе вступить в «смешанные бригады», будет предан военно-полевому суду.

Одновременно генерал Деникин обратился с личным письмом к генералу Бертело, где, излагая вышеприведенные соображения, указывал на «грозные последствия, которые повлекут за собой мероприятия, намеченные французским командованием». Письмо заканчивалось вопросом: «С чем пришли к нам союзники? На помощь ли истекающей кровью России или с целью оккупации, со всеми происходящими из нее тягчайшими для нас последствиями?»[15]

Все это время Антон Иванович, рассчитывая на совместную работу своих представителей с французскими военными властями, не допускали мысли об иностранной оккупации Одессы. Потеряв терпение, он, не стесняясь, стал высказывать французскому командованию простым солдатским языком все, что думал по поводу их действий. И вполне естественно, что прямолинейность Деникина раздражала французов.

Проект о «смешанных бригадах» был отменен, но раздражение французов вскоре вылилось в решение устранить представителей Добровольческой армии от всякого участия в управлении Одесским районом.

Главнокомандующий французскими войсками на Востоке генерал Франше д'Эспере, впоследствии маршал Франции, решил лично посетить Одессу. Без предварительных сношений с Екатеринодаром он выслал из Одессы генералов Санникова и Гришина-Алмазова, снабдив их письмом к генералу Деникину, где говорилось, что «генералы Санников и Гришин-Алмазов предоставляются в Ваше распоряжение». В Одессе было объявлено осадное положение, и из лиц, угодных полковнику Фрейденбергу, было образовано новое местное правительство, получившее название Совета при французском командовании.

И тут произошло событие, редко случавшееся в период гражданской смуты: русские политические группировки, включая

народных социалистов, правых социалистов-революционеров и даже меньшевиков, возмутились французской бесцеремонностью в отношении русского национального самолюбия. Социалисты резко расходились во взглядах с Деникиным, но они видели в нем честного человека и безупречного патриота. Они подали протест генералу д'Ансельму: «Если французское командование вместо добровольческого управления Одессой создаст правительственный орган под своей эгидой, это вызовет острое недовольство населения. В теперешнем споре между штабом французских войск и Добровольческим командованием Одесская дума и наиболее влиятельные демократические и социалистические организации солидаризируются с Добровольческой армией против всяких попыток со стороны французского штаба устанавливать какую бы то ни было «южнорусскую власть», имеющую характер колониального режима и нарушающую суверенитет России».[17]

Представители левых русских партий имели своих друзей в социалистических кругах Франции, а также в Палате депутатов, и это перепугало полковника Фрейденберга, закулисного режиссера французской политики в Одессе. Особенно щекотливым казалось ему указание на «колониальный режим». Его начальник, генерал д'Ансельм, принужден был давать сбивчивые объяснения и заявить в печати, что отмежеваться от Добровольческой армии отнюдь не входит в намерения французского командования: «Напротив того, мы все время стремимся к тесному с нею сотрудничеству для наилучшего обеспечения нашей общей цели — защиты порядка и безопасности граждан».[18]

А между тем моральное разложение не только петлюровских, но и французских частей шло все более и более ускоренным темпом.

Атаман Григорьев со своим отрядом численностью около 1700 человек, с тремя орудиями перешел от Петлюры к большевикам. Вскоре ему суждено было приобрести жуткую известность еврейскими погромами, которые он учинил в ряде городов и местечек на Украине. Но пока что он грозил лишь изгнать французов из Одессы, расправиться там с буржуазией и, кстати, содрать кожу с Гришина-Алмазова, чтобы сделать из нее турецкий барабан.

Советские части вплотную подошли к союзной зоне в районе Одессы. Как и банды Григорьева, они пока еще не представляли из себя опасности для численно превосходивших их союзных войск. Но значение их преувеличивалось французским командованием, у которого, кроме того, возникли сильные сомнения в надежности собственных солдат.

А французские солдаты открыто заявляли о своем желании убраться из России, о своих симпатиях к большевикам, в которых они видели представителей рабочего класса. Советские агенты искусно вели пропаганду в рядах французских солдат и матросов. Подпольная типография издавала газету «Одесский коммунист» на французском языке с призывом к мятежу против своих офицеров.

Под натиском ничтожных отрядов атамана Григорьева французы покинули Херсон; без всякого давления со стороны неприятеля оставили Николаев; и уже совсем постыдно вели себя их войска под деревней Березовкой. Атака нескольких сот большевиков произвела панику среди двух тысяч французских солдат. Бросив 6 орудий, 5 танков, раненых, обозы и имущество, они бежали и остановились только тогда, когда возмущенный их поведением греческий отряд преградил им дорогу. Один из захваченных танков был отправлен в Москву и выставлен на Красной площади. По этому поводу Ленин писал: «Этот подарок дорог нам всем,.. потому что свидетельствует о полном крахе казавшейся столь сильною Антанты».[19]

Среди французского флота в Черном море начались волнения. Вспыхнул бунт матросов на линейных кораблях «Мирабо», «Жюстис», «Жан Барт» и перекинулся потом на французский флагманский корабль «Вальдек Руссо», на крейсер «Брюи», на миноносцы «Фоконно» и «Мамелюк». Стало ясно, что французская авантюра на Юге России подходила к концу.

И все же для населения Одессы конец настал неожиданно: 2 апреля (по новому стилю) генерал д'Ансельм объявил, что французы и остальные союзные войска покинут город в течение 48 часов.

Бросая имущество, зажиточные классы в панике устремились к пристани в надежде попасть на отходящие пароходы. Много тра-

гичных эпизодов описано участниками одесской эвакуации, многим не удалось попасть на корабли...

«Французы захватили большинство судов для своих надобностей, — писал Деникин, — брошены были огромные военные запасы — союзников и русских, оставлены все ценности в учреждениях Государственного банка и казначейства... Среди разнородных чувств и восприятий, волновавших в эти дни население Одессы, было одно общее и яркое — это ненависть к французам. Она охватила одинаково и тех счастливых, которых уносили суда, и тех, кто длинными вереницами, пешком, на пролетках и подводах тянулись к румынской границе; оно прорывалось наружу среди несчастных людей, запрудивших со своим скарбом одесские пристани и не нашедших места на судах, и в толпе венчавшей одесские обрывы, провожавшей гиканьем и свистом уезжавших...»[20]

Лишь пять дней спустя узнал генерал Деникин о том, что случилось в Одессе.

«Только вчера, — телеграфировал он генералу Франше д'Эспере, — я узнал, что французские войска оставляют Одессу, дав невыполнимый срок на ее эвакуацию... Французское командование не нашло даже нужным предупредить меня об этом. Теперь даже трудно предугадать огромные исторические последствия этого шага. Во всяком случае, полагаю, что добровольческая бригада имеет нравственное право на всякую помощь и прежде всего на немедленную отправку ее морем в полном составе с артиллерией и обозами на присоединение к русской армии в Новороссийске».[21]

Но и тут предположение генерала Деникина не оправдалось. Русская бригада во главе с генералом Тимановским была брошена французами на произвол судьбы. Незадолго до этого просьба Деникина перевести ее в Крым нарвалась на отказ со стороны генерала д'Ансельма. Когда союзные войска уже погрузились на корабли и город перешел в руки большевиков, бригада Тимановского, глубоко возмущенная поведением союзников, двинулась сушей из Одессы вдоль черноморского берега к румынской границе. Там по требованию французского командования она была интернирована, и все ее ружья, пушки и лошади отобраны румынами.

Лишь через месяц унизительных мытарств первые части этой бригады начали прибывать в Новороссийск для присоединения к Добровольческой армии.

Вооруженное вмешательство Франции в гражданскую распрю на Юге России не ограничилось Одессой. Оно имело место и в Крыму, где, пройдя те же этапы колебаний, ошибок и революционных брожений среди команды французских матросов, оно закончилось таким же фиаско.

Высадившись в Севастополе, французские матросы, распропагандированные коммунистами, сразу же организовали политическую демонстрацию. Они сорвали со всех беретов красные помпоны и прикрепили их в виде значков на грудь. С красными флагами, с пением пролетарского гимна «Интернационал» двинулись они по улицам города, пока греческие патрули не разогнали демонстрантов.[22]

Севастополь был покинут французами на три недели позже Одессы, и поведение французского командования в Крыму было, пожалуй, еще более оскорбительно для самолюбия Антона Ивановича.

Ввиду развивавшейся анархии на Украине генерал Деникин перебросил из Кубани в Крым в середине ноября 1918 года первые части Добровольческой армии. Они высадились в Керчи и Ялте. Численность их была очень незначительна, и даже несколько месяцев спустя она не превышала 5 тысяч человек. Во главе отряда один за другим оказались люди, мало способные ориентироваться в сложной обстановке, преобладавшей в Крыму. К несчастью Деникина, французы воспрепятствовали переброске из Одессы в Крым 5-тысячной и хорошо дисциплинированной бригады добровольцев под начальством генерала Тимановского. Тем временем весь Крымский полуостров кишел шайками повстанцев и разбойников. А среди местного элемента, попавшего в Добровольческие отряды, оказался большой процент порочных людей, которые своим поведением (обысками, реквизициями, личной местью) дискредитировали армию в глазах населения. Жалобы на них доходили и до французского командования в Севастополе, и до Ставки генерала Деникина в Екатеринодаре.

Под влиянием этих событий и общей военно-политической обстановки генерал Деникин еще в декабре 1918 года решил перене-

сти свою Ставку из Екатеринодара в Севастополь. Побуждало его к этой мысли и желание избавиться от близости с нервировавшим его Кубанским правительством. В те дни Антон Иванович еще не испытал на себе капризов французской политики и не предполагал, что близость с французами, обосновавшимися в Севастополе, нервировала бы его во много раз больше, чем постоянные трения с самостийными течениями Кубани.

И потому полной неожиданностью для него была телеграмма, которую генерал Франше д'Эспере отправил 14 (27-го настоящего стиля) января 1919 года на имя начальника французской военной миссии в Екатеринодаре и которую французская миссия препроводила в штаб генерала Деникина: «Получил Ваше извещение о предполагаемом переводе штаба генерала Деникина в Севастополь. Нахожу, что генерал Деникин должен быть при Добровольческой армии, а не в Севастополе, где стоят французские войска, которыми он не командует».

Такое неожиданное и грубо-бесцеремонное вмешательство во внутренние распоряжения Добровольческой армии (при том, что небольшие части ее вели упорные боевые действия на северных подступах к Крыму, затем на перешейках, а потом у Акманая на Керченском полуострове, в то время как французы спокойно несли чисто гарнизонную службу в Севастополе) было совершенно недопустимо с точки зрения генерала Деникина. Телеграмма Франше д'Эспере его глубоко оскорбила и возмутила. Он послал резкий ответ и одновременно потребовал, чтобы находившийся в Париже С. Д. Сазонов, бывший министр иностранных дел императорской России, указал французскому правительству «на недопустимость ни по существу, ни по тону подобного обращения французского генерала».[23]

«В эти дни нашего национального несчастья, — отметил Деникин, — ответственными представителями Франции, казалось, было сделано все, чтобы переполнить до краев чашу русской скорби и унижения».[24]

К тому времени (т.е. в январе 1919 года) события в Одессе уже не раз возбуждали в Деникине острую тревогу за дальнейшие взаимоотношения с французами. Но телеграмма Франше д'Эспере вскрыла наконец ту степень недоговоренности и непонимания

друг друга, которые образовались между командованием двух, казалось бы, союзных армий. Несколько раз пытался Антон Иванович иметь личное свидание сперва с Бертело, затем с Франше д'Эспере, однако по разным причинам и под разными предлогами французские генералы это свидание откладывали. Так оно никогда и не состоялось.

Деникин понимал свои взаимоотношения с французами как сотрудничество, как совместную работу, направленную к общей цели освобождения России от большевиков. Французское же командование явно смотрело на свою задачу как на оккупацию французскими войсками известных областей России, в которых оно не допускало ничьего постороннего влияния.

Лишь в начале июня 1919 года (то есть через два месяца после эвакуации Одессы и через полтора месяца после оставления французами Крыма) был вручен генералу Деникину для сведения документ, разъяснивший ему наконец подлинные цели союзников, радикально расходившиеся с принципами, провозглашенными Добровольческой армией.

Это был протокол соглашения между французским и великобританским правительствами, помеченный датой 11 апреля (нового стиля) 1919 года, по поводу французской интервенции на Юге России. Бумага, врученная генералу Деникину начальником французской миссии в Екатеринодаре полковником Корбейлем, указывала, что протокол является дополнением к франко-английскому договору от 23 декабря (настоящего стиля) 1917 года о зонах действия.

И тут впервые генерал Деникин выяснил, что за все это время союзные правительства не потрудились ознакомить его с решением, принятым ими еще в конце 1917 года (то есть вскоре после захвата власти большевиками) и непосредственно касавшимся той зоны, в которой действовала его армия. Решение союзников делило Юг России на две сферы влияния. Французская зона включала в себя Бессарабию, Украину и Крым. В британскую сферу влияния входили казачьи области, территория Кавказа с Грузией, Арменией и всем вообще Закавказьем, причем область Войска Донского резалась пополам: западная ее часть считалась французской зоной, восточная — британской.

Было очевидно, что не стратегические, а лишь узкоэкономические интересы руководили решением бывших союзников. Французы заботились о своих довоенных капиталовложениях в Донецком бассейне и на Украине, в то время как англичане думали главным образом о своих капиталах, вложенных в русские нефтяные промыслы.

Иллюзии о рыцарской и бескорыстной помощи союзников испарялись с невероятной быстротой. А содержание протокола от 11 апреля 1919 года об осуществлении французской интервенции (после того, как она окончательно и бесславно провалилась) казалось не только неудачной иронией, но и полным отсутствием здравого смысла в подходе к южнорусской действительности.

Союзные заседания в Париже происходили после французского ухода из Одессы, следовательно, после того, как отношения между французским и добровольческим командованием докатились до точки почти окончательного разрыва. Тем не менее протокол выражал желание полнейшего сотрудничества с генералом Деникиным и по пунктам намечал способы, каким образом осуществить это сотрудничество. Причем в одном из пунктов говорилось, что «генерал Деникин и высшее французское командование будут взаимно держать друг друга в полном курсе своих операций и нужд посредством миссий для связи. Они будут по мере возможности оказывать друг другу взаимную поддержку».

После всего случившегося этот пункт казался особенно неуместным.

На это обращение последовал краткий ответ генерала Драгомирова, ближайшего помощника генерала Деникина. От имени Главнокомандующего он выражал недоумение по поводу документа, датированного 11 апреля, ввиду того, «что в операциях русских армий (Юга России) не предположено участие французских войск».[25]

Касаясь этого эпизода, генерал Лукомский (в то время начальник военного управления в правительстве Деникина) отметил: «Если бы французское правительство своевременно и ясно сообщило генералу Деникину свои предположения и даже решения, то это устранило бы трения и недоразумения, которые проистекали от полного взаимного непонимания. Генерал Деникин, конечно, не

мог бы согласиться с точкой зрения, изложенной в... соглашении между французским и великобританским правительствами, но, вероятно, это дало бы ему возможность договориться с ними до приемлемых условий».[26]

Антону Ивановичу неоднократно хотелось послать ко всем чертям бывших друзей, которых он так долго идеализировал. Но приходилось терпеть. Без боевого снабжения союзников он не мог предпринять крупных операций, направленных к центру России. Во имя соображений государственных» ему не раз приходилось уничтожать черновики своих писем к Франше д'Эспере, написанных в излишне резком тоне протеста под влиянием минутной вспышки, возмущения.

Горькое чувство от французского поведения на Юге России было Деникину особенно тягостно. Заочно, с юных лет, он полюбил Францию. Он увлекался ее историей, ее литературой, которую читал в русском переводе, ценил военные дарования ее великих полководцев и в свое время изучал до мельчайших подробностей все походы французской армии. Его привлекала логичность французского ума... И вдруг такое полное отсутствие логики, такая полнейшая и беспардонная чепуха!..

Тем не менее в своем труде «Очерки русской смуты» генерал Деникин сумел встать выше личных предубеждений: «Если французское правительство отнеслось с большой небрежностью к выбору лиц, представлявших его первое время на Юге России, — писал он, — если в действиях этих лиц мы видели признаки поразительного непонимания русской действительности, то исследование той обстановки, в которой протекала их деятельность, послужит для них перед судом истории смягчающим вину обстоятельством».[27]

Свои мысли по поводу французской интервенции Антон Иванович отметил следующим образом: «Страница русско-французского альянса перевернулась, и книга захлопнулась вдруг, неожиданно, оставив надолго тяжелое чувство горечи, обиды и возмущения. Как реакция против всего случившегося, пронеслась по Югу [России] волна возобновившихся немцефильских симпатий. Не имея реальной почвы и не достигнув каких-либо конкретных результатов, она претворилась вскоре в одну из тем будирования и агитации против командования Юга.

Отношение к французам в обществе, печати, в армии становилось до крайности нервным и подчас вызывающим, угрожая дипломатическими осложнениями. Не скрою, что и мне лично нелегко было побороть в себе чувство горечи во имя соображений государственных. Последние взяли верх. И когда через некоторое время ко мне пришел полковник Корбейль, начальник французской миссии, подавленный всем случившимся, не желая никого оправдывать, делясь только тем тяжелым моральным состоянием, в котором оказались чины французской миссии в Екатеринодаре, я сказал ему совершенно искренне:

— Что же делать. Что было, того не вернешь. Давайте общими усилиями восстанавливать те связи, которые так фатально нарушены теми или иными людьми, но которые диктуются насущными интересами обоих народов».[28]

Если главная вина в происшедших на Юге России острых трениях между русскими и французами ложится на последних, то из этого не следует, что белое командование в Екатеринодаре было безгрешно.

Национальное самолюбие, обостренное событиями последних лет, мешало генералу Деникину предоставить своему представителю в Одессе более обширные полномочия: Екатеринодар вмешивался в решения всех, даже самых пустячных дел. И причиной тому было хотя и благородное, но чрезвычайно осложнявшее вопрос стремление во что бы то ни стало поддерживать перед иностранцами достоинство России так, как его понимал генерал Деникин.

Полным контрастом неудачному подбору французов, с которыми пришлось тогда столкнуться Деникину, были представители Великобритании. Генерал Пуль и его преемники, генералы Бриггс и Хольман, оказались людьми высокого калибра, «большого благородства и солдатской прямоты», как их охарактеризовал Антон Иванович. Ближе узнав генерала Деникина и оценив в нем те же качества, они относились к нему с полнейшим доверием и готовностью во всем содействовать возглавляемому им движению. Несмотря на внутренние противоречия в правительстве Англии, несмотря на расхождение во взглядах на британскую политику в русском вопросе между военным министром Черчиллем и премье-

ром Ллойд Джорджем, они твердо стояли за единство России, искренне шли навстречу военным нуждам деникинской армии и делали все от себя зависящее, чтобы отстоять ее интересы. С этими людьми у Антона Ивановича тогда же сложились дружеские отношения, сохранились они и в дальнейшем, когда, передав командование армией генералу Врангелю, он навсегда покинул пределы России.

А разногласия между Черчиллем и Ллойд Джорджем шли весьма глубоко.

С личностью Черчилля связан был тот рыцарский подход к вопросам чести, который так твердо исповедовал Деникин и который он так тщетно ожидал от всех бывших союзников России. Черчилль помнил громадные услуги, которые Россия оказала Франции, Англии, Италии во время войны. Он считал недопустимым бросить на произвол судьбы тех русских, кто в дни тягчайших испытаний не изменил данному слову, остался верен идее союза и не пошел на компромисс с немцами. С ним у Деникина были также общие понятия о мировой опасности большевизма.

Черчилль хорошо знал русскую историю. И то, что он говорил, и то, чего он добивался, вызывало благодарный отклик в душе Антона Ивановича. А говорил он, что старая Россия пала и в падении своем изменила свой облик, что вместо старого верного союзника перед державами Согласия предстало никогда еще не виданное на земле безымянное чудовище: государство без нации, армия без страны, религия без Бога, правительство, рожденное революцией и питаемое террором. Он говорил, что в момент, когда победа над Германией была уже на горизонте, когда награда за безмерные русские жертвы была уже близка, вместо старой России появилось правительство, отнявшее у русского народа плоды победы, чувство чести, мир и хлеб...[29]

Вступив в должность военного министра Британской империи в начале января 1919 года, Черчилль сразу же направил свою огромную энергию и красноречие на борьбу с советской властью. А то, что он говорил и писал о России, совпадало со взглядами Деникина на ее единство. Он говорил, что политика расчленения России не может иметь успеха, что она приведет лишь к бесконечным войнам, в результате которых возникнет враждебное Западу воин-

ствующее и милитаристское государство, будь то под властью большевиков или под флагом реакционеров. Он настаивал, чтобы все усилия Англии были направлены на создание федеративной России с местной автономией, но без нарушения принципа единства страны.[30]

Черчилль предвидел возможность реванша со стороны окрепшей со временем Германии, и в борьбе с этой угрозой он желал иметь в Восточной Европе не серию мелких и слабых государств, а сильную, единую (кроме Польши) и дружески расположенную к Англии Россию.

Первый министр Великобритании Ллойд Джордж русской истории не знал и настолько плохо разбирался в современных русских событиях, что в одной из своих речей в Британском парламенте, перепутав название городов с фамилиями генералов, говорил о военной помощи, которую Англия оказывала тогда генералу Деникину и... генералу Харькову! «Эпизод с генералом Харьковым, — писал Антон Иванович, — служил долго предметом острословия южнорусских газет».[31]

Ллойд Джордж лавировал между помощью антибольшевикам, желанием торговать с советским правительством и стремлением поддерживать самостоятельность мелких государств, возникших на окраинах бывшей Российской империи. Он открыто высказывался за раздробление России, встав на точку зрения лорда Бикенсфильда, который видел в великой и могучей России грозную опасность британским интересам в Индии, Персии и Афганистане.

Военные представители Великобритании в Екатеринодаре были ставленниками Черчилля и добросовестно отражали его взгляды.

То, что Антон Иванович написал о генерале Бриггсе, в той же степени относилось и к его предшественнику, и к его заместителю: «Проявляя исключительную заботливость в деле снабжения русских армий, относясь горячо и искренне к нашим нуждам, невзгодам и успехам, он, [генерал Бриггс] вместе с тем, оказывал неизменно большую моральную поддержку и командованию, и русской идее. Везде, где ему приходилось выступать,.. мы... слышали от него полные достоинства и спокойствия призывы к

единству, к поддержке государственной связи с Россией. Он был добрый англичанин и исполнительный подчиненный. Но не раз, исполнив свой долг, предъявив мне в сухой и настойчивой форме неприятные для нас требования Лондона, в тот же день (мне это стало известно впоследствии документально) кроме моего отказа посылал и свой личный обоснованный протест против распоряжений Лондона».[32]

Но двойственность британской политики в России (особенно в Закавказье), расхождения во взглядах между Черчиллем и Ллойд Джорджем, с одной стороны, русофильство, с другой — русофобство, отсутствие ясно продуманной программы действий — все это приводило Деникина в полное уныние. Однажды с присущей ему откровенностью он спросил англичан, в каком качестве они пришли на Кавказ — в качестве друзей или врагов.

Но по вопросу снабжения Антону Ивановичу не приходилось жаловаться на англичан: с марта по сентябрь 1919 года его армия получила от них 558 орудий, 12 танков, 1 685 522 снаряда, 160 миллионов ружейных патронов и 250 тысяч комплектов обмундирования.[33]

Когда после неудачи белого движения левые круги в Англии обвиняли Черчилля в огромных суммах, потраченных на поддержку Деникина, он отвечал, что слухи о ста миллионах фунтов стерлингов, якобы израсходованных на помощь Югу России, были «абсурдным преувеличением». Боевое снабжение, посланное Деникину, говорил Черчилль, являлось никому не нужным в Англии излишком того, что было заготовлено для военных нужд Британской армии во время Первой мировой войны. А потому с концом ее, как негодный для продажи товар, оно не представляло из себя денежной ценности на рынке.[34]

Соперничество между французами и англичанами почувствовалось в штабе генерала Деникина почти с момента появления союзных военных миссий в Екатеринодаре.

Долгое время оставался спорным вопрос о руководстве союзным командованием в Константинополе, где одновременно находились главные квартиры Главнокомандующего Британской армией

на Балканах генерала Мильна и Главнокомандующего Салоникской армией генерала Франше д'Эспере.

«11 марта (1919 года), — писал генерал Деникин, — я получил уведомление от генерала Франше д'Эспере, что союзные силы, оперирующие на Юге России, находятся под его командованием. Сообщение, тотчас же и категорически опровергнутое английской миссией».[35]

Имеется и другая заметка на эту тему в воспоминаниях Антона Ивановича: «Однажды к генералу Романовскому зашел представитель английской миссии и сказал ему:

— Бросьте вы разговаривать с французами. Они только обещают и ничего вам не дадут. Прикажите прислать нам перечни необходимого для армии снаряжения.

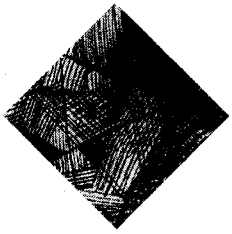
О том же писал мне непосредственно генерал Мильн, заявив, что без промедления приготовит нам все, что находится в его власти».[36]

Наиболее ярким примером союзных разногласий по вопросу об интервенции и непонимания того, что происходит в России, было приглашение, разосланное союзниками всем воюющим друг с другом противникам русской гражданской войны, прислать своих представителей на совещание на острове Принкипо, близ Константинополя, чтобы достигнуть соглашения и прекратить военные действия. В то время, когда французы еще находились в Одессе, президент Вильсон (по настоянию Ллойд Джорджа и невзирая на сильное противодействие Черчилля) принял на себя инициативу по этому вопросу. Прокламация Вильсона, разосланная от имени союзников в конце января 1919 года, намечала 15 февраля (нового стиля) днем начала совещания. Настроенный против подобного совещания, Клемансо тем не менее уступил просьбе американского президента. Однако, Французское министерство иностранных дел, подозрительно относившееся к Ллойд Джорджу, решило саботировать это предприятие. Оно знало, что закулисным руководителем Вильсона в данном случае был Ллойд Джордж, что он сознательно предпочел оставаться в стороне, не желая обострять оппозиционное к себе отношение со стороны враждебно настроенных политических кругов Англии. Кроме того, в конце января 1919 года десант в Одессе и в Крыму казался французам далеко не безнадежным пред-

приятием, и это возбуждало желание «насолить» Ллойд Джорджу. А потому дипломатические круги Парижа откровенно советовали представителям белого движения игнорировать приглашение на конференцию в Принкипо. Оно было принято советским правительством и категорически отвергнуто всеми его белыми противниками. Предложение «помириться с большевиками» вызвало изумление в противобольшевистских кругах своим непониманием того, что гражданская война не допускает компромиссного решения. Советами же оно было использовано в целях пропаганды.

Глава XX

БОРЬБА ЗА ЕДИНСТВО КОМАНДОВАНИЯ. ПЕРЕМЕНЫ В СИБИРИ



Разгром Германии тяжело отразился на положении Войска Донского. К концу ноября 1918 года немецкие войска ушли из Донской области. Их уход обнажил длинную пограничную полосу, прежде охранявшуюся германским оружием, откуда теперь грозила хлынуть волна большевизма. Донской армии (общей численностью приблизительно в 52 тысяч) пришлось растянуться на огромном фронте от Луганска до Царицына и от Царицына до Маныча.[1]

Генерал Деникин следующим образом описал создавшуюся тогда обстановку: «Дон доблестно отстаивал свое существование против вдвое сильнейшего врага... Донская армия неизменно одерживала верх, брала тысячи пленных и богатую добычу... Но в гражданской войне моральный элемент, более чем где бы то ни было, властвует над всеми прочими слагаемыми успеха. То, что было выиграно в течение многих месяцев моральным подъемом и оружием, в один миг было потеряно упадком духа. В казачьем настроении опять наступил перелом, который умело использовала советская пропаганда».[2]

Вскоре Донская армия покатилась назад. На очередь снова встал настойчивый вопрос о едином командовании всеми противобольшевистскими силами Юга России и об общем плане действий, исходящем из единого центра. Таким центром мог быть тогда или Дон, или

Добровольческая армия. Но Дон воплощал в себе областные интересы своего края, в то время как Добровольческая армия считалась выразительницей общегосударственных интересов. Даже социалисты-революционеры (В. В. Руднев, Марк Вишняк и другие), собравшиеся в декабре 1918 года на съезд в Симферополе, возлагали на Добровольческую армию «ответственную роль служить на Юге России ядром для воссоздания российской народной армии».[3]

Была еще одна причина, сильно толкавшая выбор в пользу Добровольческой армии: союзные правительства, обещавшие помощь в борьбе с большевиками и приславшие свои военные миссии в Екатеринодар, знали, что генерал Деникин сохранил им верность до конца. На Донского же атамана Краснова они смотрели как на вчерашнего приспешника немцев.

Отлично сознавая, что ему не удастся занять первенствующее место, атаман Краснов тем не менее не терял надежды удержаться у власти на Дону. Он не желал подчиняться Деникину, до крайности не любил его и искал способа повлиять на союзников в смысле выбора на пост главнокомандующего какого-нибудь иного генерала, которому подчинились бы и Добровольческая, и Донская армии, выставляя среди других имен кандидатуру на эту должность генерала Щербачева. С этой целью сразу после поражения Германии Краснов отправил в ноябре 1918 года своих представителей в Яссы для переговоров с французским командованием. Донская делегация произвела на генерала Бертело скверное впечатление. Не жалея красок, чтобы очернить Добровольческую армию и ее командование, представители Донского атамана сочли даже возможным высказать предположение, что в случае давления союзников в пользу подчинения Краснова Деникину, Дон пожелает искать соглашения с большевиками. Это взорвало Бертело. Он возразил, что стыдно бросать упреки в сторону родственной армии. «Донская армия многочисленнее Добровольческой? — задал он вопрос и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Но если бы у генерала Деникина был даже один солдат, то и тогда симпатии наши будут все-таки на его стороне. Он был одним из немногих генералов, который при невероятно трудных условиях остался верным идее союза».[4]

Британский военный представитель в Екатеринодаре, генерал Пуль, еще более прямолинейно подошел к этому вопросу. В начале

декабря 1918 года он явился к генералу Деникину и спросил, считает ли он необходимым в интересах общего дела избавиться от Краснова. Деникин ответил:

— Нет. Я просил бы только повлиять в сторону изменения отношения его к Добровольческой армии.

— Хорошо, — сказал Пуль, — тогда мы будем разговаривать».[5]

Свидание между Британским генералом и донским атаманом состоялось 13 декабря 1918 года на станции Кущевка. Описание этого эпизода, составленное генералом Красновым (где сам о себе он говорит в третьем лице), дает очень любопытную характеристику его личности и манеры себя держать: «Свидание началось очень холодно. Генерал Пуль настаивал на том, чтобы атаман первым явился к нему в вагон и чтобы разговоры происходили у него. Атаман отказался от этого, и одно время казалось, что свидание не состоится. К атаману был послан английский полковник Кийз.

— Передайте генералу Пулю, — сказал ему атаман, — что я являюсь выборным главою свободного пятимиллионного народа, который для себя ни в чем не нуждается. Слышите: ни в чем! Ему не нужны ни ваши пушки, ни ружья, ни амуниция, он имеет все свое, и он убрал от себя большевиков. Завтра он заключит мир с большевиками и будет жить отлично. Но нам нужно спасти Россию, и вот для этого-то нам необходима помощь союзников, и они обязаны ее оказать. С генералом Пулем будет разговаривать суверенный глава сильного и могучего народа, и он требует к себе известного уважения. Генерал Пуль обязан явиться ко мне, я не замедлю ответным визитом к нему».

Щекотливые пункты дипломатического этикета разрешились тем, что Пуль согласился прийти для переговоров к Краснову, а Краснов согласился завтракать у Пуля. «Как два индейских петуха, важных и надутых, встретились атаман и генерал Пуль». Так отметил в своих воспоминаниях эту первую встречу сам генерал Краснов.[6]

Он не мог не сознавать, что встреча закончится для него по существу уступкой, если не полной капитуляцией ввиду того, что военное положение ухудшалось с каждым днем. Однако неожиданностью своего поведения и всей остальной бутафорией этого эпизода атаману удалось настолько сбить с толку и озадачить

твердого англичанина, не привыкшего к таким фокусам, что тот согласился на весьма двусмысленные условия, предложенные Красновым. Они сводились к следующему.

Во-первых, не объявлять об этом подчинении до той поры, пока, по заявлению атамана, мысль о необходимости подчинения Донской армии генералу Деникину не войдет в сознание казаков. Во-вторых, избегать на первых порах отдачи категорических приказов, касающихся донских казаков, а заменить их «указаниями» о желательности направления операции с предоставлением права донскому атаману высказывать по этому поводу свои соображения. Наконец, невмешательство высшего командования Добровольческой армии во внутреннее управление Донской армии, то есть в назначения командного состава, производства в чины, призывы казаков и так далее.

«Эти условия, — писал Антон Иванович, — в сущности, сводили на нет единство командования, но, во всяком случае, признавали идею его, сдвигали вопрос с мертвой точки и давали основания для дальнейших переговоров».[7]

Эти переговоры состоялись 26 декабря на станции Торговая, когда положение на Донском фронте стало чрезвычайно тревожным. Председательствовал генерал Деникин. Кроме него со стороны Добровольческой армии участвовали генералы Драгомиров, Щербачев (приехавший из Румынии), Романовский и начальник снабжения. Со стороны Дона — атаман Краснов, генералы Денисов, Поляков, представитель Донского войска при Добровольческой армии и интендант Донской армии.

Деникин и Краснов не встречались с середины мая, со дня их совещания в станице Манычской. Их взаимная антипатия дошла до того, что непосредственная переписка между ними окончательно оборвалась, и сношения велись через третьих лиц: через представителя Добровольческой армии на Дону и через донского представителя в Екатеринодаре. Деникин признавал за Красновым несомненный дар администратора и огромную энергию, которую атаман проявил, создав из ничтожных партизанских отрядов значительную по тому времени и хорошо вооруженную армию. Такие люди были нужны в борьбе с большевиками. Но Антона Ивановича чрезвычайно коробил карьеризм Краснова, заслонявший пользу

общего дела. Склонность во всем переплетать правду с вымыслом и приписывать добровольческому командованию «наивные по форме и содержанию речи, циничные взгляды и побуждения».

При сложившихся таким образом отношениях и произошла их встреча, носившая ведьма бурный характер. Дважды Деникин прекращал переговоры, и оба раза атаман Краснов и генерал Щербачев просили Антона Ивановича продолжать их. Краснов отдавал себе отчет в безвыходности своего положения, но с невероятным упорством всячески старался выговорить для себя наиболее выгодные условия. Деникина мучила мысль, что провал переговоров мог трагично отразиться на судьбе Донского фронта, «и одолевало искреннее желание прекратить это постыдное единоборство какою угодно ценой».[8]

Результатом этой мучительной встречи было официальное признание генерала Деникина Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России, звание, которое он принял после подчинения ему Донской армии, о чем было объявлено в приказе от 26 декабря 1918 года. В тот же день атаман Краснов от себя лично издал приказ по Донской армии, где говорилось что «единое командование есть своевременная и необходимая ныне мера», и что, по соглашению его с генералом Деникиным ни конституция Войска Донского, ни условия быта и службы донских армий затронуты не будут.

К осени 1918 года борьба за единство командования происходила и в стане красных. На нем настаивал Троцкий и при поддержке Ленина добился своего, несмотря на сильную оппозицию всех видных членов коммунистической партии, боявшихся бонапартизма. Был образован Революционный военный Совет республики (сентябрь 1918 года) с единым командующим на всех фронтах. Сперва командующим оказался латыш Вацетис, затем Каменев, оба офицера старой армии. Троцкий впоследствии писал, что достигнутое им единство военного руководства спасло Красную армию от поражения, дав ей возможность обдуманно, в полной мере использовать свое центральное положение для действий по внутренним операционным линиям.

Видя опасность, грозившую Донскому фронту, где казачьи части катились назад и по дороге быстро таяли из-за дезертирства,

генерал Деникин еще за три недели до переговоров с Красновым перебросил (6 декабря 1918 года) с Северного Кавказа в район Юзовки отряд для обеспечения левого фланга Донской армии со стороны Украины и для прикрытия каменноугольного бассейна. Отряд этот имел вначале всего лишь 2,5 тысячи штыков. В него постепенно вошли лучшие и наиболее стойкие добровольческие кадры: корниловцы, марковцы, дроздовцы, 1-й и 2-й конные полки, а к маю месяцу подошел бывший партизанский полк Первого похода, переименованный в честь генерала Алексеева в Алексеевский полк. Все эти части понесли огромные потери на Северном Кавказе, потому по численному составу были ничтожны. И эта горсть людей (дошедшая потом до 4,5 тысячи бойцов), талантливо маневрируя, с огромным упорством отбивалась от противника, численно превосходившего ее во много раз.

Добровольцы столкнулись с повстанческими отрядами анархиста Махно, сыгравшего большую роль в дальнейшем ходе гражданской войны, с бандами петлюровцев и с двумя дивизиями Красной армии. Были дни, когда положение этих добровольцев казалось безвыходным. Тем не менее они продолжали успешно отбиваться до того момента, когда военная инициатива перешла наконец в руки Деникина и армия его широким фронтом двинулась на Украину и на север. Во главе отряда был генерал Май-Маевский. Первоначальный успех этого генерала (вполне заслуженный) создал ошибочное о нем представление у белого командования. Продвижение Май-Маевского по службе не соответствовало нравственному облику человека, страдавшего жестоким запоем. К осени 1919 года его недостатки печально отразились на вверенных ему войсках.

Антон Иванович щепетильно воздерживался от какого-либо вмешательства во внутренние дела Дона. Дон же с нетерпением ожидал прибытия союзных войск, так легкомысленно обещанных Деникину французским генералом Бертело. Но войска не шли, и настроение в Донской области падало с невероятной быстротой. Среди многих донских офицеров и в особенности, среди либеральной интеллигенции скрытое прежде недовольство атаманом Красновым прорвалось наружу. Стали говорить, что германофильское прошлое атамана влияло на задержку союзной помощи. Особое раздражение вызывал ближайший помощник Краснова, команду-

ющий Донской армией генерал Денисов, которому приписывали непомерное самомнение и высокомерие. С переменой военного счастья его винили в неудачах. И когда 1 февраля 1919 года собрался в Новочеркасске Донской Войсковой Круг (парламент), то он выразил недоверие генералу Денисову и его начальнику штаба генералу Полякову. Краснов резко отреагировал на этот поступок, как на косвенное недоверие самому атаману, и просил Круг выбрать ему заместителя. Он надеялся, что собравшиеся делегаты не решатся на этот шаг. Но отставка генерала Краснова была принята Кругом. Генерала Деникина пригласили на заседание Круга как Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, в состав которых вошла Донская армия. Свою, как оказалось, последнюю встречу с генералом Красновым Антон Иванович описал следующим образом: «Рано утром, 3 февраля, мой поезд подходил к Кущевке. Здесь, на границе Донской области, встретил меня бывший атаман, генерал Краснов, предупредивший лидеров донской оппозиции, тоже желавших побеседовать со мной до выступления моего в Круге. В третий раз за время борьбы на Юге я встречался с человеком, с которым судьба так резко столкнула меня на широкой, казалось, русской дороге. Передо мной был уже не гордый своими и Донского казачества заслугами атаман, а человек, жестоко придавленный судьбой за свои и чужие вины. Человек, несомненно, одаренный, но не владевший своим словом и чувствами, создавший себе повсюду противников и врагов, и нерасчетливо расточавший свои силы на борьбу с ними. И никакой горечи против него в душе моей тогда не было. Я выразил Краснову сожаление об его уходе. Он ответил:

— Круг подчинится всякому Вашему слову...

...Но того слова, которого хотел услышать генерал Краснов, я, по совести, сказать не мог.

— В вашей внутренней распре я не могу и не хочу быть судьей — вот все, что я считал себя вправе сказать атаману и Кругу накануне атаманских выборов, решивших судьбу генерала Краснова...»[9]

Атаманом был избран генерал А. П. Богаевский, участник Первого кубанского похода, занимавший тогда пост председателя Донского правительства. Он ходатайствовал у генерала Деникина о назначении командующим Донской армией генерала Сидорина, а

начальником его штаба — генерала Кельчевского. Просьба атамана была удовлетворена.

Деникину и Краснову не пришлось больше встречаться. Судьба, «столкнувшая их так резко на широкой русской дороге», не сблизила их взглядов и за долгие годы жизни за границей. Во время Второй мировой войны политический эмигрант Деникин, находившийся под бдительным надзором гестапо в оккупированной немцами Франции, тем не менее ополчился всей силой своего слова против Германии; в то время как политический эмигрант Краснов, сотрудничая с нацистами, помогал им формировать отряды из донских казаков и жестоко поплатился за свою коллаборацию. По условиям договора, заключенного в Ялте между Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным, Краснов (как и многие другие русские, надевшие немецкую форму и боровшиеся против Советского Союза) был выдан весной 1945 года Британской армией советским представителям в австрийском городе Линц и казнен в Москве в 1947 году.

Тем временем большие перемены произошли в Сибири. К началу ноября 1918 года отношения между офицерством в Омске и Директорией настолько обострились, что замена коллективного управления единоличной диктатурой обсуждалась совершенно открыто. На роль диктатора выдвигали недавно приехавшего в Омск адмирала Александра Васильевича Колчака.

Цель его приезда заключалась в желании ознакомиться с военно-политической обстановкой в Сибири, а затем пробраться на Кубань, чтобы под начальством генерала Алексеева (о смерти которого Колчак еще не знал) принять участие в поднятом им движении на Юге России.

В Сибири не имелось тогда людей с крупным именем и авторитетом. И потому правые и либеральные круги в Омске с жадностью ухватились за адмирала Колчака, имя которого было известно благодаря его научно-океанографической работе по исследованию полярных морей, его деятельности по воссозданию русского флота после войны с Японией и выдающейся репутации, приобретенной Колчаком во время Первой мировой войны.

Родился он в ноябре 1874 года в семье морского офицера-артиллериста. Родители его не имели никакого состояния, и семья существовала на скудное жалование отца. По окончании морского корпуса в 1894 году Колчак провел несколько лет в заграничных плаваниях, занимаясь одновременно специальной работой по океанографии и гидрологии. В 25 лет он приобрел настолько солидную репутацию в этой области, что получил предложение участвовать в качестве гидролога в научной экспедиции барона Толя, организованной Академией наук, где обратили внимание на печатные труды молодого Колчака. Экспедиция должна была заняться изучением острова Бенет в Северном Ледовитом океане. Вернувшись в Петербург после двухлетних скитаний за Полярным кругом, Колчак получил за свои научные труды по гидрологии и магнитологии высшую награду Императорского русского географического общества — большую золотую медаль. На войну с Японией он пошел по собственному желанию и, ознакомившись с минным делом, взорвал у Порт-Артура японский крейсер «Такосадо», за что получил Георгиевское оружие. После поражения русских на Дальнем Востоке он был одним из инициаторов военно-морского кружка, стремления которого сводились к созданию флота, отвечающего современным военно-техническим требованиям. По настоянию Колчака и возглавляемого им полуофициального кружка (к которому Морское министерство относилось благожелательно) был создан в 1906 году Морской Генеральный штаб, в состав которого вошел Колчак в качестве заведующего театром морских действий в Балтийском море. Предвидя неизбежность войны с Германией, Колчак понимал, что русские в тот момент не могли и думать о конкуренции с немецким флотом. Единственный способ борьбы с ним он видел в широком развитии минного дела. И этому делу посвятил все свои силы. В 1914 году, в день, когда война еще не была объявлена, но начало ее ожидалось с минуты на минуту, капитан 1-го ранга Колчак, не дожидаясь разрешения из Петербурга (но с разрешения командующего Балтийским флотом), с невероятной быстротой расставил минные заграждения у входа в Финский залив, чтобы не дать германскому флоту возможность прорваться к Петербургу и Кронштадту. Весной 1915 года, командуя минным отрядом из

четырех миноносцев, Колчак блестяще провел сложную и опасную операцию: в водах противника (недалеко от Данцига) он расставил минные заграждения, на которых взорвался целый ряд немецких кораблей. К тому времени Колчак приобрел широкую известность как исключительный знаток заградительного дела. Но, не ограничиваясь им, по мере возможности старался атаковать на неприятеля. Весной 1916 года он напал ночью на большой караван немецких пароходов, шедших с грузом руды из Швеции в Германию, и потопил их. Колчак быстро продвигался по службе, был награжден за доблесть орденом Св. Георгия 4-й степени, и в июне 1916 года был назначен командующим Черноморским флотом с производством в вице-адмиралы. Пользуясь опытом, приобретенным в Балтийском море, адмирал Колчак сразу же поставил сеть минных заграждений вдоль турецких берегов у Босфора. Этим он оградил русское побережье Черного моря от германских подводных лодок и от быстроходных немецких крейсеров «Гебен» и «Бреслау». Благодаря Колчаку морские транспорты, перевозившие боевые припасы в Закавказье на русско-турецкий фронт, могли ходить к концу года без опаски.

После свержения монархии матросы Балтийского флота сразу проявили чрезвычайную жестокость в отношении своих офицеров. В дни так называемой «бескровной революции» много морских офицеров было убито и в Кронштадте, и на судах. На Черноморском флоте разложение началось позже. Однако к июню месяцу 1917 года оно приняло угрожающие размеры. Матросы начали разоружать своих офицеров. Они потребовали оружие и от адмирала Колчака. Но Колчак отказался передать им свою саблю и в знак протеста бросил ее в море, за борт «Георгия Победоносца», на котором, как командующий флотом, он держал свой флаг. Считая себя лично оскорбленным, он немедленно отказался от командования и, передав его следующему по старшинству адмиралу, поехал в Петроград. Видя там полную беспомощность Временного правительства и невозможность найти применение своим познаниям, он вскоре принял, с согласия Керенского, предложение представителя Американского морского министерства приехать в Соединенные Штаты для консультаций по военно-морским вопросам и по минному делу. Через Швецию и Норвегию Колчак добрался сперва

до Англии, где долго беседовал с адмиралом Джелико, первым лордом адмиралтейства, по поводу минирования немецких берегов. В Соединенные Штаты он приехал в конце августа и встречен был морскими властями с большим вниманием. По приглашению морского министра участвовал в маневрах американского флота в Атлантическом океане на флагманском корабле «Пенсильвания». По дороге в Россию, будучи в Сан-Франциско, адмирал узнал о захвате власти большевиками. В Японии он получил известие о советских переговорах с Германией в Брест-Литовске. Не желая мириться с создавшимся положением, Колчак тут же отправился к британскому послу в Токио. Заявив ему, что он считает долгом чести выполнить до конца русские обязательства по отношению к союзникам, Колчак просил английского посланника довести до сведения своего правительства просьбу принять его в британскую армию на каких угодно условиях, хотя бы простым солдатом. Он хотел во что бы то ни стало продолжать борьбу против германского империализма. Через некоторое время англичане предложили адмиралу отправиться на фронт в Месопотамию. Но по дороге командующий Британскими войсками в Сингапуре вручил Колчаку срочную телеграмму из Лондона. Британские власти настойчиво просили Колчака отправиться через Пекин на русский Дальний Восток. Русский посланник в Пекине, князь Кудашев, к которому англичане направили Колчака, говоря о борьбе Добровольческой армии на Юге России, сказал, что настало время создать вооруженную силу и на русском Дальнем Востоке, чтобы обеспечить там порядок и спокойствие.

Этот разговор послужил толчком, который в ближайшие месяцы выдвинул адмирала Колчака на руководящую роль в белом движении.

Колчак быстро разочаровался в лицах, которые возглавляли противобольшевистскую борьбу на Дальнем Востоке и в Сибири. Ему хотелось скорее расстаться с постом военно-морского министра в Омске, который ему недавно навязали против воли. Его тянуло на Юг России, к людям, взгляды и принципы которых он разделял. Но события, разыгравшиеся в Омске, предопределили его дальнейшую судьбу: в ночь с 17 на 18 ноября 1918 года там произошел переворот. Директория была свергнута, а адмирал

Колчак провозглашен Верховным правителем. Лично Колчак в перевороте участия не принимал. Трое членов Директории, принадлежавших к партии социалистов-революционеров, были арестованы; а через день под охраной их выслали за границу, причем каждому из них была выдана основательная сумма денег (приблизительно 75—100 тысяч рублей).[10]

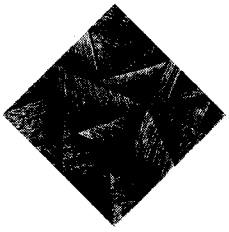
Юг России имел с Сибирью чрезвычайно плохую связь. Ее пытались поддерживать путем обмена курьерами, но многих из этих курьеров перехватывали по дороге большевики, вследствие чего картина событий, происходивших в Омске и на Сибирском фронте, представлялась генералу Деникину в весьма туманном виде.

Свою реакцию на происшедший в Сибири переворот Антон Иванович выразил следующим образом: «Я отнесся с большим удовлетворением и полным признанием к факту замены Директории единоличной властью адмирала Колчака».[11]

С Колчаком Деникин лично не был знаком и никогда с ним не встречался. Многого из приведенной выше краткой биографии адмирала он совершенно не знал. Но знал, что Колчак был выдающимся моряком, храбрым и благородным человеком, в честных и бескорыстных стремлениях которого Антон Иванович не сомневался.

Глава XXI

ШИРОКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ



В начале марта 1919 года Северный фронт Деникина растянулся в длину более чем на 800 километров. Против 42—45 тысяч белых большевики сосредоточили пять армий общей численностью около 130—150 тысяч штыков и сабель.

10-я Советская армия (23 тысячи бойцов плюс «Степная группа» около 10 тысяч) наступала на Деникина вдоль железнодорожной линии Царицын — Тихорецкая. Командовал ею бывший подполковник А. И. Егоров, впоследствии маршал Советского Союза. Он пользовался тогда особым расположением Сталина и Ворошилова, считавших себя организаторами обороны Царицына.

9-й Советской армией (28 тысяч) командовал бывший полковник Всеволодов, 8-й Советской армией (27 тысяч) командовал бывший офицер Императорской гвардии штабс-капитан М. Н. Тухачевский, вскоре после этого назначенный на Восточный фронт красных против адмирала Колчака. Тухачевский, как и Егоров, получил впоследствии звание маршала Советского Союза, а потом оба были расстреляны Сталиным во время грандиозной чистки командного состава Красной армии. В 1937 году 13-й Советской армией (20—25 тысяч) командовал Кожевников. Была еще 2-я Украинская армия, вскоре переименованная в 14-ю армию, в командование которой вступил Ворошилов. Она включала отряды Махно, Опанасюка и других украинских повстанцев. Далее, на линии Бердянск — Мелитополь — Перекоп, стояла особая крымская группа.

Положение Деникина было чрезвычайно серьезным. Советские войска, превосходившие его силы в 3—4 раза, наступали по всему фронту. Повсюду шли упорные и жестокие бои. Но военное счастье, сопутствовавшее большевикам на Украине и в Донской области в течение всех зимних месяцев и ранней весны 1919 года, к маю месяцу вдруг им изменило.

В эти тяжелые для Деникина месяцы снова, как год назад, пришло ему на помощь сочетание боевого опыта Главнокомандующего с доблестью и упорством лучших добровольческих частей — корниловцев, марковцев, дроздовцев, алексеевцев, неся жестокие потери защищавших Донецкий бассейн. Чтобы оттянуть от них большевистские силы, генерал Шкуро со своей Кубанской конницей был направлен в тыл противника и, прорвав его фронт у Дебальцева, успешно пошел кавалерийским рейдом на юг, к Азовскому морю. Под личным руководством Главнокомандующего в конце апреля была проведена сложная операция в Манычском направлении, где 10-я Советская армия угрожала тылу и сообщениям белых войск. Конница генерала Улагая, действуя на правом фланге армии, разбила всю Степную группу 10-й армии и Красную кавалерию под начальством Думенки. Она захватила в плен шесть советских полков с артиллерией, обозами и штабами.[1] Наконец, генерал Врангель, поставленный во главе сильной конной группы, в полной мере проявил свой выдающийся талант кавалерийского начальника и нанес решительное поражение неприятелю в районе Великокняжеской.

С 22 апреля по 8 мая у 10-й Советской армии было захвачено 55 орудий и свыше 15 тысяч человек пленных.

Непрерывно маневрируя серией успешных ударов, превосходством своей конницы и удачным подбором ее руководителей, генералу Деникину удалось разгромить противника и к началу мая вырвать инициативу из рук красных.

Большим козырем в руках Деникина была его кавалерия. Троцкий оказался одним из первых в советском лагере, кто в полной мере понял опасность, грозившую со стороны Деникина, и оценил значение его конницы.

— Деникин, несомненно, для нас гораздо опаснее Колчака, — говорил он.

«Перевес конницы в первую эпоху борьбы, — писал Троцкий, — сослужил в руках Деникина большую службу и дал возможность нанести нам ряд тяжелых ударов... В нашей полевой маневренной войне кавалерия играла огромную, в некоторых случаях решающую роль. Кавалерия не может быть импровизирована в короткий срок, она требует специфического человеческого материала, требует тренированных лошадей и соответственного командного состава. Командный состав кавалерии состоял либо из аристократических, по преимуществу дворянских фамилий, либо из Донской области, из Кубани, из мест прирожденной конницы... В гражданской войне составить конницу представляло всегда огромные затруднения для революционного класса. Армии великой французской революции это далось нелегко. Тем более у нас. Если возьмете список командиров, которые перебежали из рядов Красной армии в ряды Белой, то вы найдете там очень высокий процент кавалеристов...»[2]

Красная конница в тот период была в зачаточном состоянии, и несомненная заслуга Троцкого перед «делом революции» заключалась в том, что, выставив лозунг: «Пролетарии, на коней», он способствовал созданию мощного кавалерийского кулака, который, под названием 1-й конной армии, в дальнейшем ходе гражданской войны сыграл решающую роль.[3]

Уже тогда происходили сильные трения между Троцким и Сталиным, уже тогда накоплялась у них ненависть друг к другу. Тем не менее Троцкому никак не могла прийти в голову мысль, что впоследствии среди бесчисленных обвинений во «вредительстве», выдвинутых против него Сталиным, будет фигурировать факт, что якобы именно он, Троцкий, умышленно препятствовал развитию красной кавалерии.

Весной 1919 года генерал Деникин удачно использовал несколько событий, происшедших совершенно неожиданно как для него, так и для большевиков.

Командующий 9-й Советской армией, бывший полковник Всеволодов, перебежал в ряды добровольцев, предварительно спутав и расстроив оперативные планы своих войск.

В тылу красных вспыхнули огромные восстания.

На Дону казаки Верхнедонского округа, недавно захваченного красными войсками, восстали против коммунистов. Район восстания ширился, и к апрелю месяцу количество восставших казаков насчитывало до 30 тысяч бойцов.

На Украине восстание против советской власти поднял атаман Григорьев, тот самый, который, перекинувшись несколько месяцев назад от Петлюры к большевикам, воевал с французами под Одессой. Его войска насчитывали до 16 тысяч человек. Большинство из них были крестьянами Херсонской и Екатеринодарской губерний, а также уроженцами Полтавской и Киевской губерний. В Черкассах, Елизаветграде, Александрии, Знаменке и других городах и местечках они перебили коммунистов и представителей советской власти, повсюду на своем пути чиня жестокие еврейские погромы. Восстание Григорьева перемешало все планы красного командования. Для подавления григорьевского мятежа пришлось оттянуть крупные силы с деникинского фронта. Повстанческие отряды, не признававшие ничьей власти, орудовали по всей Украине. С опаской и недоверием следили большевики за действиями банд анархиста Махно. Этот выдающийся партизан проявлял в своих набегах и смелость, и большое искусство. Считая белых генералов главными врагами народа, он временно сотрудничал с красными войсками. Но большевики предвидели, что он мог с такой же энергией и беспощадной злобой в любой момент обрушиться и на них.

Для генерала Деникина к маю месяцу сложилось более благоприятное соотношение сил. Ему удалось сосредоточить 50,5 тысячи войск против уже только 95 — 105 тысяч бойцов Красной армии и пустить в ход присланные из Англии танки.

«Начало мая, — отметил Антон Иванович, — было резким поворотным пунктом в судьбах Вооруженных сил Юга России. Фронт большевистский дрогнул, и все наши армии — от Каспийского моря... до Черного моря — были двинуты в решительное наступление».[4]

И это наступление, длившееся непрерывно почти шесть месяцев, выдвинуло генерала Деникина на историческую роль главного и самого опасного врага советской диктатуры за период гражданс-

кой войны. К началу октября в его руках была территория в 820 тысяч квадратных километров с населением в 42 миллиона человек, с линией фронта, шедшей от Царицына на Волге через Воронеж, Орел, Чернигов, Киев и до Одессы; причем все перечисленные города были заняты белыми войсками.

К началу общего наступления деникинских войск в мае 1919 года Вооруженные силы Юга России состояли из трех армий: Добровольческой, Донской, Кавказской и из нескольких самостоятельных отрядов. Командующим Добровольческой армией назначен был генерал Май-Маевский, Донской армией командовал генерал Сидорин, а Кавказской — генерал Врангель.

Добровольческая армия включала все старые и испытанные части добровольцев: корниловцев, марковцев, дроздовцев, алексеевцев (бывший партизанский полк времен Первого похода). Выбор Май-Маевского командующим этой армией основан был на том, что он успешно вынес «на своих плечах всю тяжесть шестимесячной обороны Донецкого бассейна». «Он вел там, — как говорил генерал Деникин, — «железнодорожную войну», применяя особые методы тактики ввиду подавляющего превосходства сил противника. Пользуясь густою сетью железных дорог Донецкого бассейна, он занимал небольшими отрядами важнейшие пункты по линии фронта и держал в тылу на узловых станциях бронепоезда и в вагонах подвижные резервы, которые бросались в угрожаемом направлении с тем, чтобы на другой день, иногда в тот же, перебросится в противоположный конец фронта. У противника создавалось впечатление нашей силы на всех направлениях, но это были одни и те же люди, бессменно изо дня в день дерущиеся то там, то здесь, отдыхающие в пути, в вагоне,.. истомленные физически, но полные мужества».[5]

Под начальством Май-Маевского был тогда совершенно исключительный по воинскому духу людской материал. Но нет сомнения, что и сам Владимир Зинонович Май-Маевский, оказавшийся неизлечимым алкоголиком, в те дни сумел каким-то образом держать себя в руках и проявлять незаурядные воинские способности. Наружно он производил скорее отталкивающее впе-

чатление. Небольшого роста, очень тучный, с гладко выбритым обрюзгшим лицом, с маленьким пенсне на большом и толстом носу и крошечными свиными глазками, он похож был на опустившегося провинциального актера, но никак не на боевого генерала. Тем не менее даже такой суровый его критик, как генерал Врангель, должен был признать за Май-Маевским большой опыт и знание военного дела. «Несомненно, неглупый человек... В разговоре производил весьма благоприятное впечатление, — писал он об Май-Маевском».[6]

В командование 1-м армейским корпусом Добровольческой армии вступил генерал А. П. Кутепов, человек храбрый, решительный и твердый, проделавший все походы, начиная с Первого.

Численность Донской армии колебалась на протяжении всей гражданской войны в зависимости от психологической обстановки. В период удач Донская армия насчитывала до 50 тысяч бойцов (осенью 1918 года при атамане Краснове). В дни отступления она таяла: к маю месяцу 1919 года в ней осталось всего лишь 15 тысяч бойцов. Но успехи генерала Деникина подняли дух донских казаков. Они дружно принялись очищать от большевиков всю свою область, и к концу июня 1919 года численность Донской армии возросла до 40 тысяч человек.

Кавказская армия генерала Врангеля состояла главным образом из конницы. Ядром ее были кубанские казаки. В Кавказскую армию вошли 2-й корпус генерала Улагая, 1-й — генерала Покровского, 4-й конный корпус генерала Шитова, Сводно-донской, 6-я пехотная дивизия и несколько более мелких войсковых соединений.

Добровольческая армия находилась на левом фланге Вооруженных сил Юга России; затем шел фронт Донской армии; на правом фланге действовала Кавказская армия. Но правее ее, в направлении на Астрахань, находился отряд в 5 тысяч человек под начальством генерала Эрдели.

Кроме перечисленных войск в восточной части Крымского полуострова находились небольшие части, перекинутые туда генералом Деникиным еще в середине ноября 1918 года. Несмотря на свою малочисленность, они носили сначала громкое название Крымско-Азовской добровольческой армии, но вскоре были переформи-

рованы в дивизию. Под сильным напором советских войск эти добровольческие части отступили из Северной Таврии в Крым, сперва на Джанкой, а потом на Керчь, где им удалось задержаться. В 65 километрах западнее Керчи они остановились на так называемых Акманайских позициях, тянувшихся в длину на 20 километров по узкой части перешейка между Черным и Азовским морями. Положение этой небольшой группы было очень тяжелым. Она упорно отбивалась от красных войск, во много раз превосходивших ее и вооружением, и людьми. Вдобавок ко всем невзгодам в тылу у нее вспыхнуло большое восстание, хорошо организованное большевиками. В нем участвовали местные портовые рабочие и каменоломщики. Базой своих действий они избрали многочисленные каменоломни и катакомбы, разбросанные в районе Керчи. Там, на месте древней Пантикапеи, находится много катакомб, где еще в XIX веке археологи находили немало памятников эллинского искусства: статуй, ваз, золотых украшений, саркофагов, перевезенных затем в петербургский Эрмитаж. Но кроме катакомб там на большом пространстве раскинуты каменоломни с огромными подземными лабиринтами и с бесчисленным количеством входов и выходов. Повстанцы блестяще использовали эти преимущества. Прячась в катакомбах и каменоломнях, они делали вылазки, захватывали добровольческие обозы, одиночных офицеров и терроризировали всю зажиточную часть населения. Потребовалось немало времени, чтобы подавить это восстание. Потребовалось большое напряжение, чтобы воевать одновременно на фронте и в тылу. Покончив с восстанием в середине мая, добровольческие части смогли наконец готовиться к наступлению. Но перед тем, как сдвинуться с места, им надо было прорвать хорошо за это время укрепленные позиции красных на Керченском перешейке у Акманая. И в этом предприятии они получили сильную поддержку от находившихся поблизости кораблей союзного флота.[7]

Один из них, британский дредноут «Marlborough» (незадолго до обстрела им Керченского перешейка) выполнил особую миссию, возложенную на него британской королевской семьей. В начале апреля 1919 года, когда положение Крыма казалось безнадежным и когда советские войска беспрепятственно двигались к Севасто-

полю и к Ялте, в окрестностях которой находилось большинство оставшихся в живых членов русского императорского дома, вдовствующая королева Англии Александра написала письмо своей сестре, вдовствующей русской императрице Марии Федоровне, умоляя ее, пока не поздно, выехать из России. Письмо это было вручено капитану Джонсону, командиру «Marlborough», которому Британское морское министерство дало распоряжение оказать всяческое содействие императрице Марии Федоровне и членам ее семьи. Содействие это в полной мере было оказано, и дредноут «Marlborough» вывез из Крыма мать последнего русского императора, его сестру, великую княгиню Ксению Александровну, ее детей, бывшего Верховного Главнокомандующего русскими армиями великого князя Николая Николаевича, его брата великого князя Петра Николаевича с их семьями и многочисленными приближенными.[8]

Успех деникинских войск вдоль всего фронта развивался с невероятной быстротой. За первый месяц наступления, опрокидывая противника, Добровольческая армия продвинулась широким фронтом на 300 с лишним километров в глубь Украины. 10 июня генералом Кутеповым был взят Белгород. 11 июня добровольческие отряды захватили Харьков. 16 июня конные части генерала Шкуро ворвались в Екатеринослав и вскоре завладели всем нижним течением Днепра.

Донская армия нанесла сокрушительные удары 8-й и 9-й советским армиям. Преследуя неприятеля, соединившись с восставшими казаками Верхнедонского округа и освободив от большевиков всю свою область, донцы к началу июня вышли за пределы ее и достигли линии Балашов — Поворино — Лиски — Новый Оскол.

Тем временем Кавказская армия генерала Врангеля двигалась на Царицын. Советская власть называла тогда будущий Сталинград «красным Верденом» и клялась никогда не сдать его противнику. В обстановке, полной лишений, войска генерала Врангеля шли сотни километров по безлюдной, а местами и по безводной равнине. Бесконечную степь, покрытую то ковылем то солончаками, пересекала лишь одна железнодорожная ветка (от Великокняжеской к Царицыну). Она должна была доставлять наступающим войскам боевые и съестные припасы. Но 10-я советская армия

портила при своем отступлении железную дорогу, взрывала на ней мосты, и это чрезвычайно тормозило и осложняло продвижение белых. Перед генералом Врангелем встала дилемма: или дожидаться починки железной дороги и мостов, или, как писал потом Антон Иванович, используя элемент быстроты и внезапности, гнать безостановочно противника, чтобы на плечах его ворваться в Царицын. Генерал Врангель выбрал второе решение. Он атаковал укрепленные позиции Царицына. Несколько дней с переменным успехом длились жестокие схватки. Они были одними из наиболее кровопролитных за время гражданской войны. Кавказская армия понесла тяжелые потери. В числе многочисленных убитых и раненых было 5 начальников дивизий, 2 командира бригад, 11 командиров полков. Красные упорно сопротивлялись и переходили в контрнаступление. Но у белых одновременно шла лихорадочная работа по ремонту мостов, и возобновившееся движение по железной дороге спасло положение. Подошли на поддержку бронепоезда, броневики, танки, на помощь была переброшена 7-я пехотная дивизия, и 17 июня, прорвав красные укрепления, Кавказская армия ворвалась в Царицын.

7-я пехотная дивизия состояла из частей, бывших прежде в подчинении генерала Тимановского. Они только что прибыли на военных транспортах в Новороссийск из Румынии, где были интернированы после сдачи французами Одессы, и почти сразу были двинуты в распоряжение генерала Врангеля.

Поход на Царицын длился 40 дней. За это время Кавказская армия захватила 40 тысяч пленных, 70 орудий, 300 пулеметов, 2 красных бронепоезда, «Ленин» и «Троцкий», 131 паровоз, около 10 тысяч вагонов, из которых 2085 были нагружены артиллерийским и интендантским снаряжением.[9]

Победа была огромная, ибо для советской власти Царицын имел совершенно исключительное значение, как экономическое, так и стратегическое. Он был конечным пунктом железной дороги, шедшей через Северный Кавказ к Новороссийску. Он соединял Поволжье с Черным морем; захват его также лишал Центральную Россию доступа к нижнему течению Волги и к Каспийскому морю. В Царицыне находились большие артиллерийские заводы (орудийный и снарядный) и огромные склады всякого военного иму-

щества. Кроме того, он был ближайшей точкой к армиям адмирала Колчака. Но к тому времени под напором большевиков эти армии безостановочно отходили на восток, и дистанция росла с каждым днем.

Преследуемая кубанскими частями 10-я Советская армия катилась вверх по Волге. Имя генерала Врангеля приобретало на Юге России все большую и большую популярность. Под его руководством в боях под Царицыным отличились генералы Улагай, Покровский и Шатилов.

Между тем добровольческие части, действовавшие в Крыму на Керченском перешейке, опрокинули красных и к 16 июня очистили от большевиков весь Крымский полуостров.

Только отряд генерала Эрдели не по его вине и по причинам, не от него зависевшим, не смог за это время проявить успешной деятельности. Он продолжал топтаться на одном месте в направлении на Астрахань, так никогда и не захватив этого города.

Через день после занятия Царицына туда приехал генерал Деникин. Встреченный почетным караулом, он поблагодарил генерала Врангеля за блестящий успех, присутствовал на торжественном богослужении в соборе, затем принял парад войск. Население города с восторгом приветствовало освободителей. Ликующие толпы народа запрудили Соборную площадь и все прилегающие к ней улицы.

Быстрое и успешное продвижение белых войск открывало перед генералом Деникиным необычайно большие перспективы. Генерал Лукомский, один из ближайших сотрудников Главнокомандующего, следующим образом охарактеризовал создавшуюся тогда обстановку: «Получалось впечатление, что сопротивление большевиков окончательно сломлено и что они не в силах сдерживать наступление наших войск на север. Но Главнокомандующий и его штаб отлично понимали, что наше положение недостаточно прочно, так как фронт Добровольческой армии страшно растянулся, везде был слаб, и не было свободных резервов. С одной стороны, требовалось остановиться, пополнить убыль в рядах, образовать резервы, привести в порядок тыл; но, с другой стороны, рискованно было давать противнику передышку, являлся соблазн развивать

успех, не давать оправиться расстроенным частям войск Советского правительства».[10]

Таким образом, выбор сводился к двум возможностям: или остановиться и закрепить за собой территорию, или продолжать движение на север. И (как мы увидим в одной из последующих глав) не «соблазн развивать успех» склонил Деникина ко второму решению. Причина была иная: при малочисленности своих войск, он видел единственный шанс на конечную победу в неутомимом преследовании противника, чтобы окончательно его деморализировать, сломить его сопротивление, «не давая ему опомниться, устроиться». Только движение вперед, по мнению Деникина, могло дать приток новых сил в его армию. Он рассчитывал получить эти пополнения на Украине и знал, что без них перевес останется на стороне красных и что в таком случае он, Деникин, будет задушен огромным численным их превосходством.

Антон Иванович категорически отметал возможность остановиться и закрепить за собой рубежи. Признавая правильность такого подхода в борьбе с внешним врагом, он отрицал его в условиях гражданской войны, где элемент психологии играет доминирующую роль, где всякая задержка может играть в руку противнику.

С начала мая армии генерала Деникина двигались широким веером в расходящемся направлении. Теперь, после захвата Царицына, он решил направить свои войска со всех отдаленных друг от друга пунктов к центру России по линиям, сходящимся в одной точке, Москве. Таким образом, фланги его армии стягивались к центру, и главный удар на Москву намечался силами Добровольческой армии по кратчайшему пути через Харьков, Курск, Орел и Тулу.

20 июня в Царицыне генерал Деникин отдал своим войскам директиву, получившую впоследствии известность под названием «Московской директивы». Она гласила: «Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю:

1) Генералу Врангелю выйти на фронт Саратов — Ртищево — Балашов, сменить на этих направлениях донские части и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее Нижний Новгород, Владимир и Москву.

2) Генералу Сидорину — правым флангом, до выхода войск генерала Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин — Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлении: а) Воронеж, Козлов, Рязань и б) Новый Оскол, Елец, Волево, Кашира.

3) Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении Курск — Орел — Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линии Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав — Брянск».[11]

Директива давала еще пять инструкций в отношении менее значительных участков фронта.

Войска приступили к выполнению деникинской Директивы. Территория вооруженных сил Юга России расширялась с каждым днем. В начале августа были заняты Херсон и Николаев, 10 августа захвачена Одесса, 17 августа — Киев. 7 сентября войсками 1-го армейского корпуса, которым командовал генерал Кутепов, занят был Курск, 17 сентября конница генерала Шкуро ворвалась в Воронеж; 30 сентября части генерала Кутепова заняли Орел.

В Черниговском направлении успешно действовали 5-й кавалерийский корпус, недавно сформированный из кадров бывших полков старой регулярной русской конницы. Командиром корпуса был назначен генерал Яков Давыдович Юзефович, а его начальником штаба только что произведенный в генеральский чин Кусонский. Заняв Бахмач, части корпуса захватили Батурин, Нежин, Конотоп, Короп, Кролевец, Глухов, подошли к большому пороховому заводу в Шостке. Радостный перезвон московских колоколов уже звучал в ушах белого командования.

В начале августа красные пытались вырвать инициативу из рук белых, но попытка их закончилась неудачей, и инициатива осталась в руках Деникина.

У красного командования намечалось тогда одновременно два удара: ударная группа бывшего генерала Селивачева должна была прорваться к Харькову, в то время как другая группа красных под командованием бывшего полковника старой армии Шорина намечала свой удар по Царицыну. И хотя планы большевиков не оправдались, на действиях Селивачева следует остановиться, так как роль его в истории гражданской войны никогда не была в достаточной степени освещена.

«Смяв левый фланг донцов, — писал генерал Деникин, — [группа Селивачева] ударила в стык между Добровольческой и Донской армиями и, наступая затем почти без сопротивления, заняла Волчанск, Купянск и Валуйки, углублявшись к 14 августу в тыл нашего расположения на 100 верст и подойдя передовыми частями своими верст на 40 к Харькову. Создалась весьма серьезная угроза тылу армии».

Однако перегруппировкой войск и сильным контрударом Деникину удалось вырвать инициативу у красных, захватить большое количество пленных и орудий. По мнению Антона Ивановича, окончательное окружение группы Селивачева «не случилось только благодаря пассивности левого крыла Донской армии». Но есть серьезные основания предполагать, что разгром ударной группы красных произошел не без умышленного содействия самого Владимира Ивановича Селивачева, который таинственно умер через несколько дней после неудачного конца этой операции.

В период Корниловского выступления в августе 1917 года генерал-лейтенант В. И. Селивачев был командующим седьмой армией, входившей в состав Юго-Западного фронта во главе которого стоял генерал Деникин. Вместе с Деникиным он был арестован в Бердичеве, но вскоре освобожден из-под ареста. По принуждению попав в Красную армию, он в августе 1919 года вступил в должность помощника командующего Советским Южным фронтом, воевавшего против Деникина. Когда после первоначальных успехов группа Селивачева стала терпеть неудачи, Ленин в порыве раздражения телеграфировал 3 сентября (16 сентября нового стиля) С. И. Гусеву (Драбкину), члену Реввоенсовета Южного фронта: «Если Селивачев сбежит или его начдивы изменят, виноват будет Реввоенсовет республики». А в телеграмме от того же дня Троцкому, Серебрякову и Лашевичу он писал: «Политбюро ЦК считает абсолютно недопустимым, что Селивачев остается до сих пор без особого надзора вопреки решению ЦК... Политбюро поручает товарищу Сталину переговорить с Главкомом и поставить ему на вид недостаточность его мер по установлению связи с Селивачевым и по предотвращению подозрительной небрежности, если не измены, в районе вторичного прорыва».

Что касается генерала Деникина, то в «Очерках русской смуты», касаясь вопроса о перебежчиках к белым красных офицеров и целых большевистских частей, он писал: «За 2,5 года борьбы на Юге России я знаю лишь один случай умышленного срыва крупной операции большевиков, серьезно угрожавшей моим армиям. Это сделал человек с высоким сознанием долга и незаурядным мужеством; поплатился за это жизнью. Я не хочу сейчас называть его имя...».

Несмотря на приведенные выше выдержки из телеграмм Ленина, советские историки гражданской войны не клеймили имя В. И. Селивачева штампом изменника. Вполне естественно появляется вопрос, почему такое замалчивание. Ответ на него, может быть, кроется в нежелании большевиков предавать широкой гласности эпизод, в котором целый ряд видных руководителей партии не проявил достаточной бдительности в проведении чрезвычайно важной операции, а также в нежелании увеличивать и без того внушительный список «вредителей», им же поставленных на ответственные посты. Одним словом, в желании лучше умолчать, чем признаться в собственной ошибке.

Генерал же Деникин, писавший свой пятитомный труд в начале двадцатых годов, вполне естественно опасался назвать имя, чтобы не повредить оставшейся в России семье погибшего тайного сотрудника и единомышленника. А белые и иностранные исследователи эпохи русской гражданской войны, как ни странно, не обратили должного внимания на этот важный эпизод, не сравнили заметки генерала Деникина с появившимися впоследствии документами, опубликованными в советских сборниках, и не сделали соответствующих выводов.

Упомянутый выше сборник советских документов в именном указателе на странице 831 дает лишь краткую справку о В. И. Селивачеве, которая заканчивается фразой: «Умер в сентябре 1919 года». Мы не знаем, покончил он жизнь самоубийством или погиб при иных обстоятельствах. Но тот факт, что опытный офицер Генерального штаба, который сперва блестяще провел прорыв в глубокий тыл противника, а закончил его вовлечением своих войск во вражеский мешок, указывает скорее на умышленный саботаж, чем на грубую ошибку безграмотного вояки. Следо-

вательно, имеется основание предполагать, что тайным сотрудником Деникина в ликвидации советского прорыва и в больших потерях Красной армии в данном случае был никто иной, как Владимир Иванович Селивачев.

Чтобы расстроить управление Южным большевистским фронтом и создать панику у него в тылу, в начале августа была выделена из Донской армии конная группа в 7—8 тысяч сабель под начальством генерала Мамонтова. Прорвав фронт кавалерийским рейдом в глубокий тыл противника, Мамонтов в течение месяца поочередно захватывал, а затем оставлял такие важные пункты, как Тамбов, Козлов, Лебедин, Елец, Грязи, Касторную, разрушая на своем пути железнодорожные мосты и советские боевые склады.

Рейд Мамонтова вызвал большой переполох в Москве и мог оказаться значительно более результативным для Белой армии, если бы сам Мамонтов и его конница не увлеклись погоней за «добычей». Мамонтовский отряд превратился в мародеров: его обоз с награбленным добром растянулся в длину на 60 с лишним километров. Стремление отряда сводилось к тому, чтобы свою добычу поскорее доставить домой в родные станицы. Это было скверным предзнаменованием: о дальнейшей боеспособностью отряда не могло быть и речи...

«Московская директива», несомненно, отражала огромный оптимизм.

После краха Деникинской эпопеи она подверглась жестокой критике. Генерала винили не только в излишнем оптимизме, но и в переоценке успехов, достигнутых его войсками, в недооценке возможностей, находившийся в распоряжении Москвы. Однако оптимизм генерала Деникина имел в то время свои основания. Все сведения и донесения, шедшие из советской зоны, указывали сперва на тревогу, а затем на панику, охватившую советское правительство, на разложение красных войск, на озлобление жителей, подвергавшихся постоянным реквизициям и произволу советской власти.

Чрезвычайная нервность Москвы, возраставшая бурным темпом по мере продвижения Деникинской армии в глубь России, отражалась в телеграммах Ленина, в письмах его ближайших сподвижников, в донесениях с фронта, в постановлениях Центрального

Комитета Коммунистической партии и в других документах, впоследствии опубликованных в Советском Союзе.

Так, например, в телеграмме от 22 апреля* 1919 года командующему Украинским фронтом Ленин говорил, что Деникин великолепно использовал обстановку, что оттуда грозит «опасность громадная».[12]

Ленина чрезвычайно нервировало и раздражало разраставшееся в апреле и мае восстание в Донской области и невозможность его подавить. В серии телеграмм и писем на имя Г. Я. Сокольникова, члена Реввоенсовета Южного фронта (расстрелянного Сталиным в 1936 году за антипартийную деятельность и за участие в троцкистско-зиновьевском блоке), Ленин возмущался проволочкой с ликвидацией восстания, требовал немедленной «свирепой и беспощадной расправы» с восставшими. «Дня нас, — писал он, — подавление восстания, самое беспощадное, немедленное «coute que coute», абсолютная необходимость... Кончайте во что бы то ни стало с восстанием!»

Кроме французской фразы, вкравшейся в деловое письмо на русском языке, любопытны два вопроса, заданные Лениным Сокольникову:

— Не послать ли еще добавочные силы чекистов?

А затем следовал другой вопрос:

— Нельзя ли обещать амнистию и этой ценой разоружить [их] полностью?[13]

В политической философии Ленина великодушные обещания противнику являлись лишь приманкой, чтобы затем свирепо расправиться с инакомыслящими.

Тревогой по поводу успехов Деникина пропитана лента разговора Ленина по прямому проводу с Раковским, председателем Совнаркома Украины (от 2 мая 1919 года): «Нам приходится прибегать к героическим мерам вплоть до посылки на юг массами командных курсантов, что в ближайшее время может лишить Красную армию красных командиров... Ввиду этого ЦК РКП настаивает: каждую минуту промедления военной помощи Южфронту со

---

* Даты на советских документах, цитируемых на этой и на последующих страницах, по новому стилю.

стороны Украины считать преступлением, за которое несут полную ответственность Антонов [командующий Украинским фронтом] и Подвойский [народный комиссар по военным делам Украины]».

Н. И. Подвойский, как и В. А. Антонов-Овсеенко, были видными партийными работниками, но в тот момент они вызывали в Ленине нескрываемое раздражение. В той же ленте разговора имеется фраза о том, что «Антонов и Подвойский отделываются пустыми и хвастливыми телеграммами».[14]

10 августа Ленин писал Реввоенсовету республики: «Успехи Деникина громадны... В чем же дело? Как могли мы так прозевать?.. Совершенно недопустимо опаздывать с наступлением, ибо это опоздание всю Украину отдаст Деникину и нас погубит. Вы отвечаете за каждый лишний день и даже час проволочки с наступлением».[15]

Однако, несмотря на угрозы Ленина, наступление Деникина продолжало идти полным ходом, и с Южного фронта в Москву шли отчаянные призывы о помощи.

«Донбасс под ударом Деникина, — писал Климентий Ворошилов. — Луганск, Радоково нами оставлены. Мобилизованы коммунисты, рабочие Харькова и Донбасса. Григорьев поднял восстание и подошел к Екатеринославу и Кременчугу. Грозит нападение. Всем, чем можно, помогите!» (от 11 мая).[16]

Удручающую для большевиков картину давал доклад красного главнокомандующего И. Вацетиса в Реввоенсовете республики (от 24 июня 1919 г.):

«На всех... направлениях, особенно на харьковско-воронежском и к северу от Царицына, действуют испытанные качественно большие конные силы противника, дающие ему возможность путем маневра производить глубокие обходы наших войск, слабых конницей... Положение на Южном фронте в настоящее время нужно признать угрожающим, так как при нестойкости наших войск противник имеет полуторное численное превосходство [абсурдное преувеличение — *Д.Л.*], при огромном превосходстве конницы, небывалый моральный подъем всего бывшего войска Донского и направляет свой удар в наиболее слабое место нашей Республики, ведя его на Тульский завод, лежащий на подступах к Москве, и оттесняя наши южные армии к голодному центру».[17]

И, наконец, в начале июля Центральный Комитет коммунистической партии открыто обратился с воплем о помощи: «Все на борьбу с Деникиным!» Срочно разосланный в партийные организации и ячейки по всей стране, этот призыв был опубликован 9 июля в «Известиях». Скрывать опасность было уже невозможно. Она надвигалась с невероятной быстротой.

«Товарищи! — говорилось там, — наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции. Защитники эксплуататоров, помещиков и капиталистов, русские и иностранные (в первую очередь английские и французские) делают отчаянную попытку восстановить власть грабителей народного труда, помещиков и эксплуататоров в России, чтобы укрепить падающую их власть во всем мире... Теперь заграничные капиталисты делают отчаянную попытку восстановить иго капитала посредством нашествия Деникина... Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его».

Одновременно с призывом о помощи это длинное воззвание подробно разъясняло и разжевывало членам коммунистической партии, что следовало делать в этот критический момент в области пропаганды («разъяснить народу правду о Колчаке и Деникине»), как бороться с дезертирством и контрреволюцией в тылу, как провести поголовную мобилизацию населения для войны и так далее. Главным рецептом борьбы был террор: «Наше дело — ставить вопрос прямо. Что лучше? Вылавливать ли и посадить, иногда даже расстрелять сотни изменников из кадет, беспартийных, меньшевиков, эсеров, «выступающих» (кто с оружием, кто с заговором, кто с агитацией против мобилизации, как печатники или железнодорожники из меньшевиков...) против советской власти, то есть за Деникина? Или довести дело до того, чтобы позволить Колчаку и Деникину — перебить, перестрелять, перепороть до смерти десятки тысяч рабочих и крестьян? Выбор не труден. Вопрос стоит так и только так!»[16]

Последняя часть призыва не осталась мертвой буквой. Террор сковал всю территорию, подвластную коммунистической партии. «Вылавливались» и расстреливались без суда и следствия не «сотни изменников», а десятки тысяч ни в чем не повинных людей.

«Наступление Деникина есть покушение на самое существование Коммунистической партии, — гласил другой призыв Центрального Комитета (от 30 сентября 1919 года). — В борьбе с Деникиным должен быть использован весь запас революционной энергии, которым обладает наша партия. Весь государственный аппарат должен быть поставлен на службу единой задачи — победить Деникина, уничтожив живую силу его белогвардейских банд».[19]

Месяцем позже Сталин, назначенный членом Реввоенсовета Южного фронта, с предельной ясностью формулировал мысль об «уничтожении живой силы» противника. 25 октября 1919 года в разговоре по прямому проводу с членом Реввоенсовета 14-й армии Орджоникидзе он требовал физически истребить лучшие полки Деникина. «Повторяю — истребить, ибо речь идет об истреблении» — так закончил свои указания Сталин.[20]

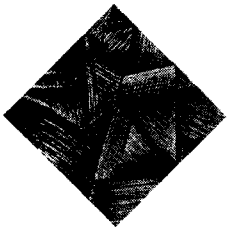
30 сентября Центральным Комитетом коммунистической партии издано было распоряжение немедленно приступить к организации обороны Москвы и Тулы: «...Основная военная и вместе с тем политическая задача ближайшего месяца — во что бы то ни стало, ценой каких угодно жертв и потерь отбить наступление Деникина и отстоять Тулу с ее заводами и Москву, а затем, имея огромное преимущество в пехоте, перейти в наступление против скованной бездорожьем и распутицей деникинской кавалерии».

И, как всегда, роль пропаганды выдвигалась на первый план: «Необходимо создать такое настроение, чтобы деникинцы у нас сразу почувствовали себя как в неприятельской стране».[21]

Приведенные выше документы свидетельствуют о том, как близко Деникин подошел к той невидимой психологической грани, переход через которую в условиях гражданской войны мог опрокинуть и окончательно сломить вооруженное сопротивление большевиков.

Глава XXII

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ЮГА РОССИИ



Весной, летом и осенью 1919 года генерал Деникин был центром внимания не только Юга России. О нем говорили повсюду, на всем протяжении бывшей Российской империи, одни — с надеждой, другие — с ненавистью.

Репутация Деникина была основана на выдающихся подвигах его Железной дивизии во время Великой войны, на гражданском мужестве генерала в период Временного правительства, когда он бесстрашно боролся с развалом старой армии, на его не менее мужественном и открытом заявлении о поддержке генерала Корнилова, на его сильном и отважном красноречии. Все знали о той опасности, которой он подвергался в дни своего заключения в Бердичеве и переезда в арестантском вагоне из Бердичева в Быхов, о бегстве из Быхова на Дон, о начале Добровольческой армии и о том, как он спас ее от грозившей гибели и большевистского окружения после смерти Корнилова. Освобождение Кубани, Северного Кавказа и выход на широкую дорогу, ведущую к центру России, — все это окружало имя генерала Деникина героическим ореолом.

На Юге России многие говорили о нем с восторгом, многие осуждали за отсутствие определенной программы в его движении, критиковали за отсутствие опыта в вопросах политики и государ-

ственного управления.[1] Одни тянули вправо, другие — влево, но даже самые строгие и резкие порицатели стратегии и правления генерала Деникина ни разу не затронули его морального облика. Такой подход, конечно, не касался большевиков. Советская пропаганда на все голоса крыла Деникина последними словами и обливала помоями.

Антон Иванович жил чрезвычайно замкнуто, твердо придерживался точки зрения, что семейная жизнь никакого отношения к делу не имеет. За исключением небольшого круга ближайших сотрудников, мало кто знал о его личной жизни.

В том, что касалось его деятельности, он рад был бы иметь широкую поддержку в общественных кругах, но политические партии отталкивали своим партийным и классовым эгоизмом. Правые круги отстаивали интересы землевладельцев и торгово-промышленников. В разум социалистов-революционеров и меньшевиков (после всего, что случилось в 1917 году) он не верил. Антон Иванович считал, что они страдали атрофией воли, «недержанием речи», и согласен был с покойным атаманом Калединым, сказавшим перед смертью, что Россия погибла от болтовни.

Ближе всего стоял он по своим взглядам к либерально-кадетской группировке. Но и к ней относился тогда скептически: слишком мало проявила она гражданского мужества и устойчивости в дни корниловского выступления. Когда, в конце августа 1917 года, оно закончилось неудачей все закулисные штатные деятели умыли свои руки, сделали вид, что к движению Корнилова были непричастны, и оставили небольшую группу генералов и офицеров расплачиваться за действие, которому сами сочувствовали и которому всячески способствовали. А отсутствие гражданского мужества в людях не возбуждало у Антона Ивановича лишнего к ним доверия.

Деникин отлично сознавал желательность найти среди населения опору тому движению, которое он возглавлял. Но в смысле лозунгов борьбы здесь для него возникали непреодолимые препятствия. Крестьяне составляли огромную часть населения. Признать за ними официальным актом собственность тех земель, которые они самовольно захватили у помещиков осенью и зимой 1917 года, было бы, по мнению Деникина, недостойным демагогическим жес-

том, непозволительным заигрыванием с толпой. Сын бывшего крепостного крестьянина, сам никогда никаким имуществом не владевший, Антон Иванович еще со времен Столыпина признавал необходимость радикальной аграрной реформы. Но насилия и захвата он не признавал и считал, что земельный вопрос в России при сложившийся обстоятельствах должен разрешиться легальным способом, большинством голосов народных представителей всей страны в Национальном или Учредительном собрании, созванном после свержения советской власти.

Он был убежден, что не его дело, человека военного, призванного лишь бороться с большевизмом, проводить радикальные законы, которые кроме всего прочего грозили вызвать отрицательное к себе отношение среди многих участников его движения.

Теоретически власть генерала Деникина не имела ограничений. На деле же это было совсем не так. Ему приходилось считаться с настроением офицеров, и это сильно связывало ему руки. Обещание Деникина не предрешать будущую форму правления государства (формула, в которую он искренно верил) являлось в то же время единственным лозунгом, который, по его мнению, мог удержать в рядах его армии и монархистов, и республиканцев.

Опасаясь стать орудием партийных интриг, Деникин замкнулся в себе. Он терпеливо выслушивал чужие мнения, но относился с подозрением к возможности того, что мнения эти высказывались не без задней корыстной мысли, скрывавшей какой-нибудь партийный или классовый подвох. И в разрешении чуждых ему политических вопросов Антон Иванович придерживался принципа следовать средней линии между тем, что ему предлагали его советники. Диапазон таких советов обычно колебался между монархистами и кадетами, с одной стороны, а иногда и народными социалистами — с другой. (Среди последних следует отметить Мякотина, Титова и приехавшего впоследствии из Архангельска на Юг Н. В. Чайковского.) Однако в напряженной обстановке того времени расхождения во взглядах между этими группировками были весьма значительны, и каждая из них благодаря туманному политическому облику добровольческой программы надеялась приобрести руководящую роль.

Тяготясь политикой, Деникин окружил себя главным образом военными советниками и вместе с ними искал исхода гражданской войны путем чисто военного решения вопроса: в поражении и разгроме Красной армии он видел крушение советской власти.

Его одиночество смягчилось дружбой с начальником штаба Иваном Павловичем Романовским. Они были поглощены одними и теми же интересами, надеждами, радостями и печалями.

Военные действия и постоянно возникавшие вопросы в области гражданского управления, а также взаимоотношения со вновь появившимися государствами на окраинах России (вопросы непривычные для Деникина и сложные) не оставляли Антону Ивановичу времени для личной жизни.

О будущем он думал приблизительно так же, как думал о нем когда-то генерал Корнилов. Еще в июле месяце 1917 года в разговоре с Деникиным в Могилеве он сказал, что форму правления решит Учредительное собрание, а там «пусть делают, что хотят, я устранюсь и ничему препятствовать не буду».

Деникин власти не искал. Она случайно пришла к нему и сильно тяготила, он нес ее на своих плечах как тяжелую обязанность, выпавшую на его долю.

А мысли и желания манили его в совершенно ином направлении: к своей жене, которую так редко приходилось видеть; к личной жизни, которая, оставив его в стороне, вот уже почти сорок семь лет скользила мимо. Он хотел уединения, чтобы сосредоточиться и заняться всегда привлекавшей его работой в области военной литературы и истории.

Жена Антона Ивановича, слабая здоровьем, частенько прихварывала. А он с тревогой стареющего отца настойчиво мечтал о сыне, которого мысленно уже окрестил Иваном. О будущем Ваньке шли тихие беседы с женой в те редкие вечера, когда Антон Иванович бывал у себя дома, в Екатеринодаре. О нем же писал он Ксении Васильевне с фронта, из-под Ставрополя, из разных станиц, городов, деревень.

«Безмерно рад, если правда, что исполнится моя мечта о Ваньке, — писал он в одном из этих писем».[2]

Однако Ваньке не суждено было появиться на свет. Вместо него 20 февраля 1919 года родилась дочь Марина. Роды были

тяжелые. Врачи, опасаясь за жизнь Ксении Васильевны, телеграфировали генералу на фронт, что предстоял выбор между жизнью неродившегося младенца и сохранением жизни матери. Они просили его указаний. Спеша домой, мучаясь догадками и неизвестностью, Деникин телеграфно просил врачей сделать все возможное, чтобы спасти жизнь жены. К счастью, все обошлось благополучно.[3]

Антону Ивановичу хотелось со временем, «когда все кончится», приобрести клочок земли на южнорусском побережье. Где именно, он не задумывался. Но хотелось иметь его около моря, с маленьким садиком и с небольшим полем позади, чтобы... «сажать капусту». К этой «капусте» он часто возвращался в своих разговорах с женой и с близкими знакомыми. О скромных мечтаниях генерала Деникина сохранилось несколько писем.

«Моя программа, — сообщал он однажды посетившей его группе представителей кадетской партии, — сводится к тому, чтобы восстановить Россию, а потом сажать капусту».[4] «Ох, Асенька, — писал он жене, — когда же капусту садить».[5]

Антон Иванович был бессребреником в буквальном смысле слова. С юных лет он ничего, кроме бедности, не знал, свыкся с ней и пришел к выводу, что не в деньгах счастье. Лишь во время войны, занимая крупные должности в армии, он смог обеспечить и обставить относительным комфортом жизнь своей матери в Киеве. Сам же он жил в это время на фронте, в окопах. Став правителем Юга России, к материальной нетребовательности Деникина присоединились и опасения, чтобы, не дай Бог, не обвинили в расточительности. В теплые весенние дни 1919 года он ходил в тяжелой черкеске, и на вопрос, почему он это делает, Антон Иванович с полной искренностью отвечал:

— Штаны последние изорвались, а летняя рубаха не может прикрыть их.

В начале 1919 года, несмотря на свое высокое положение, генерал Деникин фактически влачил полунищенское существование. Жена его сама стряпала, семья скудно питалась, а генерал ходил в заплатанных штанах и дырявых сапогах. По свидетельству близко знавшего его тогда человека, Деникин из-за крайней своей честности «довольствовался таким жалованием, которое не позволяло ему удовлетворять насущные потребности самой скромной жизни».[6]

С присылкой в Новороссийск запасов английского обмундирования вопрос одежды утратил свою остроту, и к началу лета Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России смог привести свой гардероб в порядок.

Привыкнув к аскетическому образу жизни, Антон Иванович и от офицеров свой армии, и от гражданский служащих Юга России требовал по существу подвига. Профессор К. Н. Соколов, заведовавший у него отделом пропаганды, писал в своих воспоминаниях, что нищенские оклады обрекали этих людей «на выбор между героическим голоданием и денежными злоупотреблениями».

«Если взятки и хищения, — писал он, — так развивались на Юге России, то одной из причин тому являлась именно наша система голодных окладов».[7]

Скудные жалования вызывали недовольство, особенно когда сравнивали их с более щедрыми окладами донского и кубанского войск. Деникина винили в скупости. Но «скупость» он применял прежде всего к самому себе. В одном из своих неопубликованных писем к жене (от 11 июля 1919 года) он писал: «Особое совещание определило мне 12 тысяч рублей в месяц. Вычеркнул себе и другим. Себе оставил половину (около 6300 рублей). Надеюсь, ты не будешь меня бранить».[8]

Было это в дни почти катастрофической инфляции, когда ничем не обеспеченные бумажные денежные знаки теряли на глазах свою и без того фиктивную ценность и когда все продукты дорожали с каждым днем. До этого повышения в жаловании Антон Иванович получал всего тысячу рублей с небольшим в месяц, а его ближайшие помощники еще меньше. По тем временам это были сущие гроши, на которые прожить невозможно.

Многие указывали Главнокомандующему, «что такое бережливое отношение к казне до добра не доведет, что нищенское содержание офицеров будет толкать их на грабежи».[9] Но Главнокомандующий ждал от своих офицеров «самоотверженной скромности», и этот расчет, как и многие другие, оказался ложным.

«Нет душевного покоя, — с горечью писал он своей жене. — Каждый день — картина хищений, грабежей, насилий по всей территории вооруженных сил. Русский народ снизу до верху пал так

низко, что не знаю, когда ему удастся подняться из грязи. Помощи в этом деле ниоткуда не вижу. В бессильной злобе обещаю каторгу и повешение... Но не могу же я сам один ловить и вешать мародеров фронта и тыла».[10]

Антон Иванович думал личным примером жертвенности поднять до своего морального уровня тех, кого он вел. Но это было возможно, и то лишь в теории, до тех пор, пока армия состояла из добровольцев, которые, как и сам Деникин, шли на бескорыстный подвиг. Когда же (с начала 1919 года) армия пополнилась огромным притоком мобилизованных офицеров, солдат и пленных красноармейцев, одного морального воздействия было недостаточно, ибо многие из них смотрели на гражданскую войну как на промысел, как на способ личного обогащения. Чтобы пресечь такие наклонности, надо было безжалостно применять драконовские законы. А в твердом и суровом на вид генерале, чрезвычайно требовательном к самому себе, не оказалось и следа той особой черты характера, которая свойственна истинным диктаторам: расчетливо держаться за власть и подчинять своей воле всех окружающих людей ценой каких угодно принуждений и жестокости.

В своих воспоминаниях Антон Иванович отметил:

«Мы писали суровые законы, в которых смертная казнь была обычным наказанием. Мы посылали вслед за армиями генералов, облеченных чрезвычайными полномочиями, с комиссиями, для разбора на месте совершаемых преступлений. Мы — и я, и военачальники — отдавали приказы о борьбе с насилиями, грабежами, обиранием пленных и так далее. Но эти законы и приказы встречали иной раз упорное сопротивление среды, не восприявшей их духа, их вопиющей необходимости.

Надо было рубить с голов, а мы били по хвостам».[11]

И в этом чистосердечном признании кроется один из ответов на вопрос, почему белое движение на Юге России было обречено на неудачу.

Как рыцарь, описанный Сервантесом, Антон Иванович был оторван от исторической действительности. Высокие принципы патриотизма, чести и совести заслоняли перед Деникиным практический подход к разрешению насущных требований момента. Теория, как говорил сам Антон Иванович, разошлась с практикой...

В цельной натуре Деникина не было того внутреннего разлада, который так сильно сказался в духовном облике русской интеллигенции прошлого века. И тем не менее по складу своего ума, характера и темперамента он был типичным русским интеллигентом: либеральным, образованным, начитанным идеалистом, искавшим в жизни правды и справедливости, отрицавшим насилие. И эти черты, шедшие вразрез с тем, что требовалось в борьбе не на жизнь, а на смерть с диктатурой Ленина, мешали Антону Ивановичу стать подлинным вождем.

Человек большого, но не гибкого ума, он поздно понял свои ошибки и, как всегда, честно признал их в своем пятитомном труде «Очерки русской смуты».

Мысли о черных страницах белого движения, об эксцессах и о том, что ему не удалось с ними справиться, мучили Антона Ивановича до конца его жизни.

Дополнением к характеристике генерала Деникина служат впечатления о встречах с ним, которые описали люди, близко соприкасавшиеся с Антоном Ивановичем в период гражданской войны. Некоторые из авторов приведенных ниже заметок (как, например, генералы Врангель и Краснов) принадлежали к числу людей, не любивших Деникина и настроенных против него.

Генерал барон П. Н. Врангель следующим образам передал свои впечатления: «Среднего роста, плотный, несколько расположенный к полноте, с небольшой бородкой и длинными, черными, со значительной проседью усами, грубоватым низким голосом, генерал Деникин производил впечатление вдумчивого, твердого, крякжистого, чисто русского человека. Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладавшего большой военной эрудицией начальника...

По мере того, как я присматривался к генералу Деникину, облик его все более и более для меня выяснялся. Один из наиболее выдающихся наших генералов, недюжинных способностей, обладавший обширными военными знаниями и большим боевым опытом, он в течение Великой войны заслуженно выдвинулся среди военачальников. Во главе своей Железной дивизии он имел ряд блестящих дел. Впоследствии, в роли начальника штаба Верховного Главнокомандующего, в начале смуты, он честно и мужествен-

но пытался остановить развал в армии, сплоить вокруг Верховного Главнокомандующего все русское офицерство. Всем памятна была блестящая прощальная речь его, обращенная к офицерскому союзу в Могилеве. Он отлично владел словом, речь его была сильна и образованна. В то же время, говоря с войсками, он не умел овладеть сердцами людей. Самим внешним обликом своим, мало красочным, обыденным, он напоминал среднего обывателя. У него не было всего того, что действует на толпу, зажигает сердца и овладевает душами, пройдя суровую жизненную школу. Пробившись сквозь армейскую толщу исключительно благодаря знаниям и труду, он выработал свой собственный и определенный взгляд на условия и явления жизни, твердо и определенно этого взгляда держался, исключая все то, что, казалось ему, находилось вне этих непререкаемых для него истин.

Судьба неожиданно свалила на плечи его огромную, чуждую ему государственную работу, бросила его в самый водоворот политических страстей и интриг. В этой чуждой ему работе он, видимо, терялся, боясь ошибиться, не доверяя никому и в то же время не находил в себе достаточных сил твердой и уверенной рукой вывести по бурному политическому морю государственный корабль».[12]

К. Н. Соколов, бывший профессор Петроградского университета, член кадетской партии, занимавший одно время пост начальника отдела пропаганды в правительстве Юга России, тоже описал свои впечатления о встречах с Антоном Ивановичем: «Говорят, что по первому впечатлению можно судить о призвании человека. В генерале Деникине я увидел не Наполеона, не героя, не вождя, но просто честного, стойкого и доблестного человека, одного из тех добрых русских людей, которые, если верить Ключевскому, вывели Россию из смутного времени».[13]

Генерал Краснов, писавший о себе, как мы уже знаем, в третьем лице, не любивший Деникина и говоривший о нем всякие неприятные вещи, должен был признать, что «атаман считался с обаятельной внешностью Деникина, с его умением чаровать людей своими прямыми, солдатскими, честными речами».[14]

Профессор Московского университета князь Е. Н. Трубецкой знал генерала Деникина очень поверхностно и из нескольких бесед с ним вынес впечатление о «неясности его мыслей и недаль-

новидности его планов»; но наравне с этим он видел в Антоне Ивановиче «кристальную чистоту и ясность нравственного облика». А один из его сотоварищей, член Совета государственного объединения А. М. Масленников, после встречи с Главнокомандующим сообщил Трубецкому, что Деникин произвел на него чарующее впечатление: «Чудесный, должно быть, человек. Вот такому бы быть главою государства; ну, конечно, с тем, чтобы при нем состоял премьер-министр, хоть сукин сын, да умный».[15]

Немало подобных свидетельств записано людьми, так или иначе соприкоснувшимися с Деникиным в период, когда он возглавлял белое движение Юга России. Для характеристики его личности они представляют значительный интерес, с одной, однако, оговоркой: большинство этих «первых впечатлений» было набросано задним числом, после конца гражданской войны, после того, как Деникин потерпел поражение. Тем не менее в оценке его личности все источники сходятся на одном. Все они отмечают в генерале Деникине исключительную честность, прямоту и благородство.

Дальше мнения расходятся, но они не искажают действительности, а потому не требуют пояснений, кроме нескольких замечаний, которые грешат неточностью.

Так, например, фраза князя Трубецкого о «неясности мыслей» по существу своему несправедлива. Если его суждение о «неясности планов» в области политики и государственного строительства имело основания, то по вопросу о мышлении генерала ни у кого из близко его знавших никогда не было двух мнений. Мышление Антона Ивановича, несмотря на отсутствие гибкости, отличалось и ясностью, и простотой.

Касаясь ораторских дарований Деникина, Врангель справедливо отметил, что речи Антона Ивановича, обращенные к войскам, отличались бледностью и сухостью. Он прекрасно, сильно и образно говорил перед интеллигентной аудиторией. Речи его захватывали и волновали слушателей. Но когда дело заходило о том, чтобы сказать несколько слов войскам или толпе, этот человек, сам вышедший из народа, не умел и не хотел пользоваться приемами митинговых ораторов. По складу своего характера он не мог притворяться, был неспособен бросать толпе крылатые фразы и обеща-

ния, принимать красочные позы, гарцевать перед толпой. Говоруны, типа Керенского, прожужжали ему уши летом и осенью 1917 года и набили такую оскомину, что он их органически не переносил.

Внешний облик Деникина трудно было подвести под рубрику «среднего обывателя». От этого облика при близком общении с ним веяло большой внутренней силой, моральной чистотой и честностью. Лицо Антона Ивановича, особенно глаза и нависшие брови, выделяло его и привлекало к себе внимание. При появлении Деникина в какой-нибудь аудитории, где собирались люди, чтобы слушать его доклады и сообщения, сразу чувствовалось присутствие незаурядного человека. И его средний рост, и склонность к полноте, и отсутствие величественного в наружности, нисколько не мешали этому впечатлению. Когда Деникину что-либо не нравилось, он или мрачно молчал, или говорил то, что думал. Беседовать о пустяках Деникин считал пустословием и потерей времени; говорить собеседнику приятные вещи, расточать комплименты и в особенности золотить горькую пилюлю он не умел.

Однажды, когда генерал Юзефович, один из старших начальников его армии, обиделся на Главнокомандующего, не назначившего его на должность, к которой Юзефович считал себя подготовленным, генерал Врангель обратился к Антону Ивановичу с просьбой «найти случай поговорить с Юзефовичем и постараться смягчить горечь казавшегося ему недоверия Главнокомандующего».

— Ну, что я ему скажу, — ответил Деникин Врангелю. — Ведь, по совести, я считаю, что он командовать армией не может.

Генерал Врангель все же продолжал настаивать. И тогда Антон Иванович прекратил разговор, сказав:

— Нет, увольте! Я не умею разводить дипломатии![16]

И этим отсутствием дипломатии, сам того не желая, он настроил против себя многих вполне достойных и почтенных людей. Антон Иванович нежно любил свою супругу, оказывал ей всяческое внимание, но не допускал и мысли, чтобы она могла вмешиваться в его дела. Через несколько лет она стала верной помощницей своего мужа в его литературно-исторических трудах. Но в те ранние годы их семейной жизни в силу молодости Ксения Васильевна ограничивала свое положение в доме ролью приветливой хозяйки.

Она разливала чай и предлагала скромное угощение приходившим к ним гостям. По собственному признанию, участия в общем разговоре, обычно носившем политический характер, она тогда не принимала. Большинство гостей были старше хозяйки лет на 15—20, и их интересы не затрагивали молодую женщину, ушедшую с головой в заботы о своем младенце. Кроме ближайших помощников с женами у Деникина в Екатеринодаре бывали лишь Н. И. Астров, М. М. Федоров, активные деятели кадетской партии, и еще, быть может, два-три посторонних человека. Из эмансипированных женщин присутсвовала графиня С. В. Панина.

В семейной жизни Деникиных весь интерес сосредоточился на маленькой Марине. Ее крестины были большим событием для родителей. Обряд крещения совершил отец Григорий Шавельский, протопресвитер русской армии и флота царского времени, исполнявший те же обязанности на Юге России. Восприемниками были генерал Лукомский и жена генерала Романовского. После крестин было о чем с ними поговорить и что вспомнить.

Протопресвитера Шавельского Антон Иванович знал давно, но ближе познакомился с ним весной 1917 года за время своего пребывания в должности начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Шавельскому особенно ярко запомнилась одна из его встреч с Деникиным в Могилеве.

В Ставке при протопресвитере состоял протодиакон Сперанский. Человек добрый и порядочный, он отличался громокипящим голосом и проявлял особое искусство, когда в конце панихиды провозглашал: «Во блаженном успении и вечный покой...». При всех своих положительных качествах протодиакон обладал одним недостатком. В хорошей компании он любил «пропустить лишнюю рюмку». Но этому препятствовали ограничения в продаже спиртных напитков, введенные во время войны. Тем не менее протодиакон нашел способ обойти препятствие, и в связи с этим генералу Деникину пришлось вызвать к себе протопресвитера.

— Слушайте, — обратился Антон Иванович к Шавельскому, — ваш протодиакон взял из склада ведро спирта на чистку церковной утвари. Это черт знает что такое! Они же сопьются...

Отец Шавельский произвел дознание. Протодиакон ничего не скрывал, но привел в свое оправдание факт, что местный ксендз

«на чистку своей церковной утвари» взял целых пять ведер спирта, в то время как он, по скромности, взял только одно. Своей правдивостью он обезоружил как военное, так и духовное начальство. Ведро спирта осталось за протодиаконом, но при условии, что впредь он будет чистить церковную утварь всем, чем угодно, кроме спирта.[17]

К лету 1919 года круг домочадцев в семье Деникиных расширился. Появился повар из солдат, готовивший несложные блюда, а главное, появилась нянька, быстро прибравшая к своим рукам бразды правления в детской. Как большинство русских нянек, она всей душой привязалась к ребенку, но к родителям относилась с ревнивой суровостью, особенно к матери, которой постоянно дерзила. «Много жизни она мне отравила», — без особой нежности вспоминала о ней Ксения Васильевна. Генерала нянька тоже не слишком жаловала, а он, невзирая на ее деспотические замашки, благодушно относился к тому, что творилось в детской, не вмешивался в недоразумения между женой и нянькой, которой дал прозвище Черноземная Сила.

До начала мая 1919 года Восточный фронт гражданской войны продолжал привлекать к себе главное внимание советской власти. В момент переворота в Омске, когда 18 ноября 1918 года вместо свергнутой Директории провозглашен был Верховным правителем адмирал Колчак, стратегическое положение белых войск Сибири было очень тяжелым. Красные армии под общим командованием бывшего полковника С. Каменева давили по всему фронту, растянутому с севера на юг более чем на тысячу километров. Однако суровая зима и сильные морозы мешали дальнейшему их продвижению, и в феврале 1919 года обе стороны, измученные условиями похода, остановились приблизительно вдоль линии Пермь — Уфа — Оренбург — Уральск. В марте и апреле военная инициатива перешла от красных к белым. Соотношение сил было тогда в пользу колчаковской армии: 120—130 тысяч белых против 110 тысяч красных, и армии адмирала с неожиданной быстротой двинулись на запад, к Волге. В течение месяца они прошли около 600 километров. Но, не дойдя каких-нибудь ста километров до Симбирска (родины Ленина) и шестидесяти километров до Самары, белые войска в конце апреля сперва задержались, а потом

покатились обратно, на восток, с такой же поспешностью, с какой шли в наступление.

Причины быстрого отхода колчаковских войск не были понятны штабу генерала Деникина. Но они не вызвали там особой тревоги. Связь с театром военных действий на востоке почти отсутствовала. Детали были неизвестны и, свыкнувшись за последние месяцы с огромными колебаниями Восточного фронта от Урала до Волги и обратно, от Волги до Урала, генерал Деникин не мог тогда предполагать, что происшедший перелом в военном счастье адмирала Колчака был прологом к надвигавшейся катастрофе белого движения в Сибири. Антон Иванович был настолько далеко от осознания такой перспекивы, что именно к этому периоду относится его окончательное решение в интересах общего дела подчиниться адмиралу Колчаку и официальным актом признать его верховную власть.

Решению Деникина предшествовали некоторые события, не лишенные интереса. После того, как на Юге России стало известно о происшедших переменах в Омске, С. Д. Сазонов, бывший тогда начальником управления иностранных дел у Деникина, отправил адмиралу Колчаку приветственную телеграмму за своей подписью от имени южно-русского правительства. Телеграмма Сазонова была истолкована как признание «подчиненных отношений Екатеринодара к Омску». Антон Иванович совершенно случайно узнал об этом из газет и из текущей переписки с Сибирью и, вполне естественно, был чрезвычайно изумлен таким неожиданным для него толкованием простой приветственной телеграммы. «На мой недоуменный вопрос, — писал он, — ведомство [иностранных дел] разъяснило, что термин «reconnaissons pouvoir suprime» в дипломатическом обиходе означает не подчинение, а признание новой власти в пределах ее компетенции, вроде, например, признания Англией Финляндии... Но неискушенное в дипломатических тонкостях общество и печать Сибири, и самое Омское правительство восприняли это заявление как формулу подчинения. Произошло недоразумение, которое скоро, впрочем — не знаю, какими путями, — разъяснилось и сгладилось».[18]

(Телеграфные сношения между Екатеринодаром и Омском шли через Париж, чем и объясняется французский текст сазоновской

телеграммы. Военные же сводки Сибирского фронта посылались генералу Деникину через Лондон.)

И, что характерно как для Деникина, так и для Колчака: такое недоразумение нисколько не отразилось на их взаимоотношениях. Оно не затронуло самолюбие Антона Ивановича. Он продолжал относиться к Колчаку с полным доверием и отметал в сторону возможность возникновения каких-либо трений с адмиралом на почве личных интересов и карьеризма.

В одном из первых посланий к Деникину Колчак высказал ему свои политические взгляды, которые во всем без исключения совпадали с точкой зрения Деникина: «Я принял функции Верховного правителя и Верховного Главнокомандующего, — писал адмирал, — не имея никаких определенных решений о будущей форме государственного устройства России, считая совершенно невозможным говорить в период тяжкой гражданской войны о будущем ранее ликвидации большевизма. Уничтожить большевизм и создать обстановку в государстве, при которой возможно было бы приступить к решению этого вопроса — вот единственная цель, которая сейчас является реальной. Я получил... положения Добровольческой армии, которое совершенно разделяю. Насколько могу судить, Вы, Антон Иванович, на Юге России приняли на себя приблизительно те же функции, что и я. И теперь на нас ложится тяжкая ответственность за будущее Родины нашей. Необходима тесная и согласованная работа наша, имеющая одни и те же цели и одни и те же мотивы».

В своем длинном письме адмирал говорил также о необходимости личной встречи с Деникиным (как только установится прочная связь между белыми армиями Юга и Востока России), чтобы решить вопрос «о единой власти и командований, о соединении правительственных органов в одно целое и, во всяком случае, о согласовании их деятельности». Решение это Колчак ставил в зависимость от стратегического положения армий Сибири и Юга, от занятой каждой из них территории, от сравнительного политического значения правительственной власти в обеих областях. Он выражал уверенность, что эти важные вопросы решатся независимо от личностей, руководствуясь одним благом родины и государственными соображениями о ее выгодах и интересах.

Обрисовывая в общих чертах обстановку, в которой ему приходилось работать, адмирал жаловался на поведение японцев, на их «политику хищнических захватов» на русском Дальнем Востоке, на поддержку, которую они оказывали бандам так называемых атаманов Семенова, Калмыкова. Особенно резко осуждал он Семенова, называя его «агентом японской политики» и говоря, что деятельность Семенова «граничит с предательством».[19]

Письмо Колчака, написанное 28 декабря 1918 года, дошло до Деникина только в середине апреля 1919 года. Шло оно почти кругосветным путем на пароходе из Владивостока, обогнувшим всю южную часть азиатского материка. Такова была тогда почтовая связь между Сибирью и Югом России. Антон Иванович сразу ответил адмиралу и, чтобы сократить время доставки, передал свое письмо генералу Гришину-Алмазову, решившему ехать в Сибирь через Каспийское море (Петровск — Гурьев), а затем сухим путем до Омска.

«В предыдущем письме своем, которое Вы теперь, несомненно, получили, — писал Деникин, — я высказывал свой взгляд на необходимость после нашего реального соединения — установления единой власти, слив Восток и Юг. Мысль эта была выражена почти тождественно тому, как это сделано в последнем Вашем письме. Очень рад. Даст Бог — встретимся в Саратове и решим вопрос во благо Родине».

Свое письмо Антон Иванович закончил следующей фразой: «В данное время получаем широкую помощь снабжением от англичан и широкое противодействие со стороны французов. Но все это менее важно, чем наше соединение, которого жду с величайшим нетерпением».

Последняя фраза, по свидетельству Деникина, была написана «под свежим впечатлением эвакуации французами Одессы и Крыма». Она сыграла значительную роль в дальнейших взаимоотношениях Парижа с Югом России.

Маршрут, выбранный Гришиным-Алмазовым, при удачном стечении обстоятельств сводил срок путешествия в какие-нибудь три недели. Таким маршрутом пользовались курьеры между Омском и Екатеринодаром. Но путешествие было сопряжено с большим риском: многие курьеры на своем пути перехватывались советскими отрядами, и эта печальная участь постигла Гришина-Алмазова.

Высланный из Одессы распоряжением французского генерала Франше д'Эспере, Гришин-Алмазов получил разрешение генерала Деникина по своем прибытии в Екатеринодар направиться в Омск в распоряжение адмирала Колчака, чтобы ознакомить его с положением на Юге. По дороге катер, на котором Гришин-Алмазов пересекал Каспийское море, был захвачен советским миноносцем. Все это произошло настолько быстро и неожиданно, что Гришин-Алмазов не успел уничтожить врученные ему бумаги. Видя безвыходность положения, он смертельно себя ранил, но не избежал пленения. Он умер в своей каюте под градом оскорблений и площадной брани красных матросов.[20] Вся почта, которую он вез в Сибирь, включая письмо Деникина к Колчаку, попала в руки большевиков. Письмо это немедленно было переслано в Москву. Там оно было напечатано в «Правде», затем перепечатано французскими газетами и вызвало сильнейшее раздражение в Париже. Особенно задело оно самолюбие Клемансо. В деникинской критике поведения французов в Одессе и в Крыму он неожиданно усмотрел германофильство и открыто обвинил в нем Деникина.

Фраза же Деникина о встрече с Колчаком в Саратове вызвала сосредоточение главной ударной силы Красной армии в Саратовском направлении. Как выяснилось впоследствии, на ней был основан план операций Южного фронта советских войск в августе и сентябре 1919 года.

Весенние успехи войск адмирала Колчака произвели сильное впечатление на представителей союзных держав, и от их имени по инициативе Клемансо в начале мая 1919 года была отправлена нота адмиралу. В ней говорилось, что в результате двенадцатимесячного опыта союзники убедились в бесцельности дальнейших попыток вести переговоры с советской властью. Союзники изъявили готовность помочь правительству Колчака укрепиться в качестве всероссийского правителя и с этой целью предлагали материальную помощь как адмиралу, так и «тем, кто примыкает к нему». Однако обещание помощи давалось при известных условиях. Это созыв Учредительного собрания сразу по освобождении Москвы от большевиков. Созыв Учредительного собрания, избранного в 1917 году, (предусматривалсяв том случае, если порядок в стране к тому времени не будет восстановлен.) Восстановление сво-

боды выборов и органов демократического самоуправления. Отказ от возврата к сословным привилегиям. Признание независимости Польши и Финляндии. По отношению же к Эстонии, Латвии, Литве, к кавказским и закаспийским территориям ожидалось заявление о признании их автономными. В случае же спорных вопросов о границах для их разрешения требовалось обращение к Лиге Наций. Признание, что судьба Бессарабии, захваченной румынами, будет решаться мирной конференцией в Версале.

Для союзников нота, отправленная в Омск, была, главным образом, необходимой формальностью, чтобы приглушить критику левых элементов. В ожидании положительного ответа на поставленные условия они вряд ли рассчитывали на полную искренность со стороны Колчака. Тем не менее его ответ (от 22 мая 1919 года), удовлетворивший союзников, вполне честно излагал взгляды и программу адмирала.

Колчак, конечно, признавал все национальные долги старой России. О себе он говорил, что уже присягнул перед Высшим российским судом в том, что передаст всю власть Учредительному собранию, законно избранному после свержения большевиков, но не Учредительному собранию 1917 года, «избранному при режиме большевистских насилий, большинство членов которого находятся в рядах большевиков». Он подтверждал независимость Польши, «уже объявленную Временным правительством 1917 года, все заявления и обязательство которого мы на себя приняли». Но указывал, что граница Польши с Россией, как и решение вопроса о Финляндии и о судьбе Бессарабии, принадлежит Учредительному собранию. Принципиально признавалась автономия национальных групп Эстонии, Латвии, Литвы, Кавказа и Закаспийской области, размеры которой должны быть определены для каждой народности отдельно. В случае затруднений допускалось мирное сотрудничество с Лигой Наций. В отношении остальных вопросов Колчак писал, что «не может быть возврата к режиму, существовавшему в России до февраля 1917 года», что он признает равенство всех классов населения, без различия религии и национальностей, что крестьянство будет «обеспечено землей в полной мере».[21]

Обращение союзников к Колчаку окрылило надеждами весь русский противобольшевистский лагерь, за исключением меньшевиков и находившихся в Париже социалистов-революционеров. Оно сильно взбудоражило образовавшуюся в Париже организацию, носившую название «Русского политического совещания». Во главе ее стоял князь Георгий Евгеньевич Львов, бывший премьер Временного правительства. А к нему примыкали (в разное время существования этой организации) разнородные по взглядам элементы: бывший террорист Борис Савинков, бывший народник Н. В. Чайковский, несколько либералов и явные консерваторы, вроде бывшего царского министра иностранных дел С. Д. Сазонова. Ввиду того что Россия не была представлена на мирной конференции, закулисная работа Политического совещания заключалась в том, чтобы путем личных знакомств и связей с государственными деятелями Запада оказывать на них влияние в вопросах, касавшихся России: препятствовать возможным переговорам союзников с советской властью, содействовать официальному признанию одной из борющихся с ней сторон, добиться оказания ей материальной помощи, противодействовать съехавшимся в Париж представителям всех вновь возникших государств, составлявших прежде часть Российской империи, а теперь желавших ее раздробления.

Члены Политического совещания, имея намерения играть руководящую роль в судьбах России в случае успеха белого движения, стремились объединить вокруг адмирала Колчака все русские вооруженные силы, воевавшие на разных фронтах с советской властью. С этой целью они отправили из Парижа в Екатеринодар делегацию, чтобы оказать соответствующее давление на генерала Деникина. Оторванные от Юга России, малознакомые с характером и мышлением Деникина, они никак не предполагали, что Антон Иванович, совершенно независимо, ни с кем не советуясь, уже некоторое время назад сам принял решение подчиниться адмиралу Колчаку. Вопрос был лишь в выборе подходящего момента для объявления этого решения официальном актом. Таким моментом генерал считал близкое, как тогда казалось, соединение территорий Восточных и Южных белых армий. Однако соединение затягивалось. Тем временем появилась «перспектива призна-

ния союзниками Всероссийской власти адмирала Колчака». Обдумывая создавшееся положение, Деникин пришел к заключению, что настало наконец время громогласно объявить о своем решении и таким образом оказать адмиралу политическую, и моральную поддержку. «Принятие этого решения, — писал Антон Иванович, — облегчало то обстоятельство, что, не встречавшись ни разу в жизни с адмиралом Колчаком, я тем не менее составил себе о нем определенное представление как о человеке умном, смелом и благородном... Наконец, с меня спадало лишнее бремя, облегчая значительно нравственную возможность требовать от других исполнения долга и повиновения».[22]

И потому неудивительно, что вмешательство мало знакомых ему и совершенно посторонних лиц в дело уже решенное, которому Деникин придавал чрезвычайное значение, сильно покоробило генерала. Человек с чрезвычайно развитым чувством долга, он не мог пересилить в себе досаду при мысли о том, что люди, спокойно сидевшие в Париже, не нюхавшие пороха гражданской войны, могли приехать к нему с призывом «исполнить свой долг перед революцией». Не мог располагать в пользу делегации и факт, что в состав ее входил В. В. Вырубов. В конце августа 1917 года, в разгар корниловского выступления, он был близким сотрудником и доверенным человеком Керенского, что в глазах Антона Ивановича ставило Вырубова в категорию людей, с которыми следовало быть осторожным.

В своих воспоминаниях генерал Деникин не коснулся собственных мыслей по поводу этого эпизода. О том, что он записал о приезде парижских делегатов и о переговорах с ними, свидетельствует о его несомненном раздражении.

Антон Иванович отлично понимал, что делегаты, приехавшие в Екатеринодар 28 мая, находились в тяжелом положении, что они должны были затронуть очень деликатный и щекотливый вопрос, что им неловко было говорить генералу Деникину, начавшему борьбу с большевизмом почти за год то того, как Колчак появился на горизонте белого движения, о подчинении адмиралу. Но Деникин не пошевелил и пальцем, чтобы облегчить их миссию. Молча выслушав их пожелания, ни словом не обмолвившись о принятом решении, он попросил делегатов ознакомить с их поручением Осо-

бое совещание, то есть правительство Юга России, для того, чтобы Особое совещание, обсудив его, дало Главнокомандующему свое заключение.

Антон Иванович не мог не знать, что Особое совещание без восторга отнесется к подобному предложению по той простой причине, что подчинение адмиралу Колчаку автоматически отодвигало значение южнорусской власти на задний план. Видя начавшиеся уже месяц назад неудачи колчаковских войск и огромный успех у себя на фронте, ближайшие помощники генерала считали вопрос о подчинении по меньшей мере преждевременным. Они предпочитали оставить отношения с Колчаком в прежнем состоянии до фактического соединения фронтов, и вообще не склонны были играть в самопожертвование. Кроме личных мотивов значение имели и более веские соображения: трудно было предугадать реакцию казачьих областей, пугала перспектива внезапного подключения к мало тогда им известной политической программе Омского правительства.

Зная о цели приезда делегации из Парижа, политические круги Юга России кишели слухами и догадками: подчинится, не подчинится... Левые элементы, ошибочно считая Колчаковское правительство «левее» деникинского, были за подчинение. По тем же соображениям правые круги и умеренные либералы были настроены против подчинения.

А тем временем Антон Иванович с минуты на минуту уже был готов осуществить свое намерение. За исключением генерала Романовского, умевшего хранить тайны, никто в его план посвящен не был.

30 мая в Екатеринодаре давался торжественный обед в честь отъезжавшего в Англию генерала Бриггса, на смену которому из Лондона приехал генерал Хольман. На Юге России Бриггс пользовался большим уважением. Антон Иванович искренно ценил отзывчивость и помощь, которую ему во всем оказывал этот офицер британской армии. Проводы, по словам Деникина, отличались исключительной сердечностью и затянулись далеко за полночь. К концу обеда присутствовавшие на нем заметили, что Главнокомандующий с сосредоточенным выражением лица, наклонившись над столом, что-то писал карандашом на клочке бумаги. Это и был его

приказ о подчинении адмиралу Колчаку, который он не успел составить в течение дня. Генерал Деникин тут же прочел его: «Безмерными подвигами добровольческих армий, кубанских, донских, терских казаков и горских народов освобожден Юг России, и русские армии неудержимо движутся вперед, к сердцу России.

С замиранием сердца весь русский народ следит за успехами русских армий с верой, надеждой и любовью. Но наряду с боевыми успехами в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающихся перед расчленением «великой, единой России». Спасение нашей Родины заключается в единой Верховной власти и нераздельном с нею едином Верховном командовании.

Исходя из этого глубокого убеждения, отдавая свою жизнь служению горячо любимой Родине и ставя превыше всего ее счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, как Верховному правителю русского государства и Верховному Главнокомандующему русских армий.

Да благословит Господь его крестный путь и да дарует спасение России».

Все собравшиеся на обеде, слушая многочисленные речи, ожидали от Главнокомандующего еще одного напутственного слова в адрес генерала Бриггса. Но то, что произошло, оказалось полной неожиданностью для всех, кроме И. П. Романовского. Патриотический жест генерала глубоко взволновал их. По свидетельству очевидцев, «все оцепенели, а потом переполнившиеся сердца и чувства вылились целым потоком восторженных возгласов и речей: генерал Деникин переходил из объятий в объятья».[23] И. П. Шипов, один из членов Особого совещания, со слезами на глазах в порыве восторга поцеловал ему руку. Иностранцы и русские, присутствовавшие при чтении этого документа, — все почувствовали исключительное значение момента. На их глазах произошло почти небывалое событие: Главнокомандующий в зените своей славы и военных успехов, отбросив личные мотивы честолюбия, не ставя никаких условий, добровольно признал над собой верховную власть совершенно незнакомого ему человека. Без задних мыслей, просто и честно он исполнил свой долг бескорыстного служения родине. Моральная сторона этого патриотического поступка произвела на

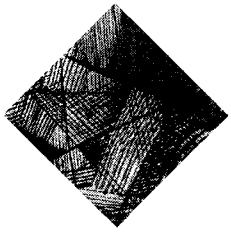
всех огромное впечатление. Она оставила яркий след в памяти английских генералов Бриггса и Хольмана. На всю жизнь сохранили они глубокое уважение к генералу Деникину за то, что любовь к родине, рыцарство и чувство долга он ставил превыше всего.

Приказ был тотчас напечатан и размножен для оглашения среди войск и населения. Экземпляр его был передан генералу Бриггсу, а другой послан в Сибирь через есаула В. В. Перфильева, отправлявшегося к адмиралу курьером. Перфильев следовал по маршруту погибшего Гришина-Алмазова, но благополучно выполнил свою миссию, избежав по дороге большевистских ловушек.[24]

В неопубликованных бумагах генерала Деникина имеется следующая запись: «подтверждаю еще раз, что признание мною адмирала Колчака явилось результатом моего личного убеждения, никем не навеянного, скорее вопреки слагавшемуся мнению. Точно так же ни с кем в эти дни из деятелей Юга этого вопроса не обсуждал».[25]

Глава XXIII

«КОЛЬЦО ВОКРУГ МОСКВЫ»



Оптимизму генерала Деникина в те дни способствовали и другие причины: Советская Россия фактически была окружена кольцом враждебно ему настроенных окраин бывшей Российской империи, большинство из которых открыто воевали с Москвой. Правда, кольцо это в смысле качества было весьма различной консистенции. Оно больше напоминало наскоро импровизированную цепочку с непрочными и нескрепленными звеньями, а местами даже порванную на сотни и сотни километров. Из-за оторванности друг от друга в действиях антибольшевистских сил отсутствовала координация, в то время как центральное положение Москвы (с густо населенной территорией и сетью железных дорог, расходившихся от центра к окраинам), давало ей возможность сравнительно легко и быстро перебрасывать свои войска для нанесения сильного удара то в одном, то в другом направлении. Но к середине 1919 года Москва потеряла доступ к своему сырью, к нефти, к углю, к хлебным источникам Украины и Сибири, и экономическое положение ее казалось тогда безнадежным.

Звеньями цепи, окружавшей советскую республику на востоке, являлись сибирские армии адмирала Колчака. На севере, от Мурманска к Архангельску, действовал союзный десант со сформированными потом русскими отрядами. К этой полосе примыкала граница провозгласившей свою независимость Финляндии. Финляндия придерживалась вооруженного нейтралитета, но ее нескры-

ваемо враждебное отношение к Москве принуждало Советы держать войска вдоль финской границы. Кроме того к западу от Петрограда образовалась угрожавшая городу Белая армия, во главе которой встал генерал Юденич. Дальше, с севера на юг, тянулся фронт польского государства, воевавшего с Москвой. И все это замыкалось на Юге России самыми опасными для большевиков силами генерала Деникина.

Из обзора того, что творилось на других противобольшевистских фронтах, видно, на какой шаткой почве базировались оптимизм и некоторые расчеты генерала.

Фронт адмирала Колчака, растянутый с севера на юг более чем на тысячу километров, состоял из трех армий. На северном участке, в направлении города Вятки, находилась Сибирская армия во главе с бывшим чешским офицером Гайдой. После того, как чешские войска в конце 1918 года прекратили воевать и покинули фронт, он перешел на русскую службу и был произведен Колчаком в генерал-лейтенанты. В его армию вошли отряды рабочих Воткинского и Ижевского заводов, поголовно восставших против советской власти.

Воткинский завод, основанный в 1759 году, производил рельсы, железные, чугунные и стальные изделия, имел судостроительный отдел и так далее. Ижевский завод, основанный годом позже, производил огнестрельное оружие и всякие стальные изделия. Оба завода находились в Сарапулском уезде Вятской губернии, принадлежали казне, владели огромными земельными участками (Воткинскому заводу принадлежало свыше 532 тысяч акров земли). Жившие на ней крестьяне работали на заводах, а в свободное время занимались кто кустарным промыслом, кто хлебопашеством. Взявшись за оружие, этот трудолюбивый и зажиточный народ оказался одним из наиболее стойких борцов с коммунизмом. Это были единственные отряды во всех белых армиях, которые целиком состояли из фабрично-заводских рабочих.

К югу от Сибирской расположена была Западная армия, сформированная из частей бывшей Народной армии времен «Комуча». К ней с юга примыкала Оренбургская армия, состоявшая преимущественно из оренбургских казаков во главе с атаманом генералом Дутовым.

Советские источники, основываясь на сводке оперативного управления полевого штаба Реввоенсовета республики, дают следующие цифры соотношения сил Красной армии и сил адмирала Колчака на Восточном фронте к 1 июня 1919 года:

	красные	белые
штыков	119 214	101 200
сабель	11 184	30 200
пулеметов	2298	1046
орудий	367	280[1]

Опытный и талантливый моряк, адмирал Колчак плохо разбирался в тактике и стратегии сухопутной войны. Сменив после переворота 18 ноября 1918 года генерала Болдырева и став Верховным Главнокомандующим, он поневоле должен был полагаться на советы окружавших его сухопутных генералов, и, к несчастью Колчака, выбор его ближайших военных советников оказался чрезвычайно неудачным. В силу различных причин и обстоятельств Юг России привлек к себе цвет русского офицерства, а в Сибири не нашлось сколько-нибудь опытных и одаренных начальников, прошлая репутация которых могла бы безоговорочно выдвинуть их на командные посты. В войсках были храбрые офицеры, штабы же были переполнены третьесортными руководителями. Ставкой адмирала заведовал начальник его штаба полковник Д. А. Лебедев, только что произведенный Колчаком в генералы. Человек, по-видимому, самонадеянный и властный, он не имел ни достаточного служебного опыта, ни профессиональных знаний. Ставка находилась в Омске, на много сотен километров к востоку от фронта, и оттуда Лебедев пытался руководить действующими армиями.

Другим очень вредным источником временного влияния на адмирала оказался генерал Гайда. Он враждовал с Лебедевым, и их противоречивые советы и требования ставили адмирала в весьма затруднительное положение.

Под сильным давлением генерала Нокса, британского военного представителя при Колчаке, Гайда убедил адмирала в том, что главный удар его войск должен быть направлен в северном направлении для соединения с британским десантом в Архангельс-

ке. Напрасно другие советники доказывали адмиралу необходимость приложить все усилия, чтобы двинуться в южном направлении на соединение с Добровольческой армией.[2]

Многие потом винили Колчака в том, что он якобы умышленно хотел оставить Деникина в стороне, чтобы независимо от него, первому, добраться до Москвы. Но это обвинение несправедливо. Даже люди, его не любившие, должны были признать за ним полное бескорыстие и благородство. Полярный исследователь, человек науки, склонный к кабинетной работе и в то же время человек очень нервный и впечатлительный, Колчак легко поддавался посторонним влияниям в области, мало ему знакомой, и Гайда при поддержке генерала Нокса вскружил ему голову заманчивой перспективой быстрого и решительного успеха на Севере.

Честолюбивая и беспринципная личность, думавшая лишь о своей карьере, Гайда вкрадчивыми речами настолько сумел войти в доверие адмирала, что тот в одно время всерьез намечал оставить его заместителем в случае своей смерти.[3]

Убедившись в интригах, исходивших от Гайды, Колчак наконец удалил его со службы. Но было поздно: влияние Гайды на военные решения Колчака уже наложило свой пагубный отпечаток на дальнейшее развитие фронтовых событий.

Немногим лучше были советоы генерала Лебедева. Когда не поддержанная Гайдой Западная армия покатилась от Волги к Уралу, а сам Гайда потерпел поражение, Лебедев придумал новый план операции. К тому времени Западная армия отступила уже до Челябинска, центра обширной хлебной торговли, начального пункта Сибирской железной дороги, лежащего при выходе из гор и лесов Урала в долину Западной Сибири. План Лебедева заключался в следующем: оттянув свои войска к Челябинску и образовав на правом и левом их фланге две сильные ударные группы, он хотел заманить красные части в мешок и там их уничтожить. Какие бы ни были теоретические достоинства плана, бой под Челябинском закончился разгромом белых. Лебедев был сменен, а армии Колчака, с конца июля попав на территорию Сибири, продолжали катиться на восток.

Огромные пространства Сибири не явились благоприятной базой для новых формирований и для обороны. Вся экономическая жизнь

края тянулась вдоль узкой полосы великого Сибирского пути. Подвоз к фронту подкреплений, вооружения и продовольствия возможен был лишь по единственной в Сибири железнодорожной магистрали. А она оказалась перерезанной в нескольких местах. От Ново-Николаевска до Байкала все узловые пункты были запружены эшелонами чехословаков, прекративших борьбу с большевиками еще в конце 1918 года, ждавших возвращения к себе на родину, раздраженных и озлобленных задержкой своего отъезда и к тому времени морально разложившихся. Международный комитет союзников на русском Дальнем Востоке, стараясь найти применение вооруженным чехам, поручил им охранять этот отрезок железной дороги. Результат для белого движения оказался печальным: завладев тысячами вагонов (наполненных всяким имуществом, захваченным чехами на пути от Волги до Урала), чехи окончательно парализовали железнодорожный транспорт Колчака, а при дальнейшем отступлении его войск в глубь Сибири создали для них совершенно катастрофическую обстановку.

Не лучше обстояло дело и с линией Сибирской магистрали за озером Байкал. Там орудовал атаман Семенов, не считаясь с Колчаком распоряжавшийся всей Забайкальской областью. Семенов пользовался покровительством японцев, которых Колчак не без основания подозревал в желании отхватить в свою пользу восточную окраину Сибири и с которыми отношения у него были очень натянутые.

Правление адмирала и свобода его действий в Сибири ограничивались не только причинами внешнего характера. Были и причины внутренние: в ближайшем тылу колчаковского фронта образовались различные отряды повстанцев, угрожавшие его путям сообщения и прилегавшим к ним городам. Среди повстанцев почти отсутствовали коренные жители Сибири. Повстанческие шайки обычно состояли из крестьян, переселившихся из Центральной России за Урал после первой революции 1905 – 1906 года, а также отчасти из уголовного элемента, отбывавшего в Сибири срок наказания и после революции выпущенного из тюрем. И те, и другие враждебно относились к правительству адмирала Колчака, ко всяким его реквизициям и мобилизациям в армию. После четырех лет войны крестьянам не хотелось снова бросать свои селенья, и, не

испытав на себе правления советской власти, они не видели причины воевать с ней. Чтобы избежать призыва в колчаковские войска, многие из них уходили в леса с оружием, привезенным домой в конце 1917 года с австро-германского фронта. Сибирским повстанцам, как и их собратьям на Украине, всякий город мерещился очагом притеснения и местом, где недорезанная буржуазия укрывала свое имущество.

«Колчак и Сибирь, — писал П. Н. Милюков, — официально считались основным стержнем белого движения... Выбор этот диктовался не внутрирусскими соображениями, а тем, куда раньше всего и в наибольшем размере притекала помощь союзников. В действительности сделать Сибирь средоточием всего белого движения значило само по себе уже рисковать неудачей».[4]

Борьба с большевиками на Севере России началась в марте 1918 года с высадки небольшого союзного отряда в районе Мурманска. Затем, в начале августа, был высажен более солидный десант в Архангельске. Он состоял приблизительно из 5 батальонов англичан и канадцев, такого же количества американцев, одного батальона французов, поляков, сербов и итальянцев. Общая численность союзных войск за время их пребывания в Архангельске не превышала 15 тысяч человек. Командование этими частями было поручено генералу Пулю, а после его отъезда в Екатеринодар на должность британского военного представителя при генерале Деникине его сменил получивший известность во время Второй мировой войны генерал Айронсайд. Он явился фактическим хозяином положения на русском Севере.

Десант сперва возбудил большое волнение в советских кругах, но, видя пассивность поведения союзников, Москва вскоре успокоилась.

Большевики поняли, что этот театр военных действий, хотя и занимал большое пространство, будет иметь лишь третьестепенное значение ввиду его климата, отдаленности от центра, трудности сообщений, дикости природы, где густые леса чередуются с непроходимыми болотами.

Той же точки зрения придерживался генерал Деникин. С момента союзного десанта он поставил правильный диагноз Архангельскому предприятию: «Самый факт направления [союзных] сил в

такую даль и глушь, — говорил он, — свидетельствовал скорее об экономической заинтересованности англичан, нежели о серьезности их военного предприятия».[5]

И действительно, первоначальной целью десанта было оградить военное снабжение, посланное Англией в Мурманск и Архангельск до большевистского переворота, от захвата немцами и советами, а потом появилась и мысль об эксплуатации русских северных лесов.

После своей высадки союзники приступили к формированию русских отрядов. Однако благодаря ничтожному количеству жителей этого района приток пополнений шел вяло. Кроме незначительного числа офицеров на севере в них вошли главным образом крестьянские партизанские части, боровшиеся с большевиками. Они не превышали 3 тысяч человек. Командование ими было сосредоточено в русских руках и должность командующего в Северной области поочередно занимали капитан второго ранга Чаплин, полковник Дуров, генерал Марушедский и, наконец, приехавший в Архангельск в начале 1919 года генерал Евгений Карлович Миллер. Но боевое управление находилось под строгим контролем англичан.

Гражданское управление перешло к «временному правительству» во главе с народным социалистом Н. В. Чайковским. Состав его, не в пример другим белым правительствам, был сравнительно левым. Он состоял из четырех социалистов-революционеров, избранных в свое время членами Учредительного собрания от Архангельской и других северных губерний. Это не нравилось местному офицерству. Правительство было свергнуто и даже заключено в Соловецкий монастырь, откуда, по требованию союзников, оно скоро было освобождено, переформировано и в более умеренном виде продолжало функционировать до начала 1919 года, когда Чайковский по собственной инициативе решил переехать в Париж, чтобы вступить в образовавшееся там Русское политическое совещание, в состав которого кроме него вошли Сазонов, Маклаков, князь Г. Е. Львов и Борис Савинков. В апреле 1919 года Северная область признала верховную власть адмирала Колчака.

Уже в июле стало известно, что союзный экспедиционный корпус в ближайшее время будет эвакуирован из Архангельска.

Эвакуация закончилась в конце сентября 1919 года, но до начала ее генерал Айронсайд предложил русскому командованию во главе с генералом Миллером эвакуировать все русские части вместе с союзниками. Он указывал на то, что без союзной помощи русское предприятие будет обречено на неудачу. И действительно, было о чем призадуматься. Северный фронт был единственным из участков гражданской войны, где борьба против большевиков велась преимущественно вооруженными силами союзников; русские отряды являлись лишь вспомогательной силой.

Генерал Миллер решил обсудить вопрос, что делать, со старшими чинами своего штаба и с командирами всех строевых частей. С этой целью созвано было совещание старших начальников. Присутствовавшим на нем было поставлено три вопроса:

1) Следует ли оставаться в области после ухода англичан?

2) Можно ли будет впоследствии (в случае неудачи) благополучно эвакуироваться без них?

3) Возможно ли провести наступательную операцию без поддержки союзников?

«Представители строя, — писал потом один из участников этого совещания, — единодушно дали отрицательный ответ».[6] Они ссылались на сомнительное настроение своих войск, к тому времени пополненных значительным количеством мобилизованных крестьян и пленных красноармейцев (среди воинских частей было несколько восстаний с убийством офицеров); на полную необеспеченность тыла в случае катастрофы; на то, что Белое море у Архангельска покрыто льдами с ранней осени; что единственным местом погрузки войск может служить незамерзающий порт Мурманск; что находится он за тридевять земель от Архангельска; что добраться до него пешим путем или на санях в зимнюю стужу, со снегом выше человеческого роста — гиблое дело.

Но начальник штаба генерал Квинцинский настаивал на продолжении борьбы. Здесь играли роль и вопрос чести, и продолжавшаяся борьба на других белых фронтах. Но подкрепил он свои аргументы якобы полученным распоряжением адмирала Колчака «защищать область до конца». Узнав о таком распоряжении, представители фронта мрачно заявили, что в таком случае дальнейшее

обсуждение вопроса бессмысленно и что, как офицеры, они беспрекословно подчинятся воле Верховного правителя.

Штаб генерала Миллера взял большой грех на душу, сообщив своим офицерам заведомо ложные сведения: Колчак на давал категорического распоряжения. Наоборот, он оставлял решение этого ответственного вопроса всецело на усмотрение генерала Миллера. Радиотелеграммой из Омска он извещал его, что в зависимости от обстановки он, Миллер, мог или продолжать борьбу, или эвакуировать войска в Мурманск, или перевести их на Юг, к генералу Деникину, или на иной противобольшевистский фронт.

Решение генерала Миллера оставаться в Архангельске вызвало возмущение среди англичан. Генерал Айронсайд назвал его преступной авантюрой, а один из ближайших помощников последнего в разговоре с русскими офицерами сказал: «Вашему Главнокомандующему надо было иметь гораздо больше мужества, чтобы уйти из Архангельска, чем оставаться в нем».

Англичане уехали, а перешедший в русские руки фронт растянулся извилистой линией на несколько тысяч километров от границы с Финляндией до реки Печоры, впадающей в Северный Ледовитый океан. Непрерывной полосы защиты этого огромного пространства, разумеется, не было. Роль ее выполняли непроходимые леса, болота, среди которых тут и там, с большими друг от друга промежутками, были разбросаны, укрепленные пункты из срубленного леса, окруженные колючей проволокой. Связь между ними поддерживалась небольшими, но хорошо вооруженными отрядами пехоты.

При таких условиях, после ухода англичан, генерал Миллер предпринял наступление. Оно имело частичный успех, но скоро выветрилось. Войска продвинулись немного вперед, захватили несколько тысяч пленных и снова остановились в бесконечных лесах и болотах. По инерции фронт продержался до февраля 1920 года, но в феврале он дрогнул, и вскоре наступила катастрофа.

Когда, наконец, генерал Миллер понял, что предсказание англичан и его собственных строевых офицеров начало сбываться, было уже поздно. Белое море было сковано льдами, путь к Мурманску завален непроходимым снегом. И всего несколько сот счастливцев со штабом Главнокомандующего спаслось от большевиз-

ков, погрузившись в Архангельске на ледокол «Минин». Войска же были брошены на произвол судьбы и на кровавую расправу противника.[7]

В то время как белому фронту на Севере суждено было играть второстепенную роль, иначе обстояло дело с Северо-Западным белым фронтом, образовавшимся в восточной части Прибалтики. Его близость к Петрограду придавала этому фронту большое стратегическое значение. Тем не менее возможность успеха зависела от союзной помощи снабжением, и от той поддержки, которую британский флот мог оказать, действуя вдоль Балтийского побережья.

Удачному развитию этого предприятия помешало сплетение целого ряда причин как местного, так и международного характера.

Когда после поражения Германии немецкие войска по требованию союзников начали свой уход из оккупированной ими Прибалтики и когда Эстония, Латвия, Литва спешно объявили свою самостоятельность, туда, вслед за уходившими немцами, устремились советские войска. В начале января 1919 года они заняли Ригу и Митаву, и вновь образованное правительство Латвии забило тревогу, умоляя немцев задержаться с уходом впредь до сформирования собственной вооруженной силы. В результате было подписано соглашение, по которому немцы обязывались формировать из добровольцев своей армии отряды для защиты Латвии и снабжать эти отряды своими припасами. В виде компенсации латвийское правительство соглашалось признать за германскими солдатами-добровольцами все права латвийских граждан, что включало право на получение ими земельного надела в Латвии. Такое решение вопроса одинаково улыбалось как балтийским помещикам, так и германскому правительству, всегда мечтавшему о немецкой колонизации Прибалтийского края.

Продвижение советских войск к германской границе и возможности их помощи немецким коммунистам настолько встревожили Париж и Лондон, что правительства Антанты решили отложить эвакуацию немецких войск из Прибалтики. Соответствующие указания даны были Германской главной квартире. Спешно образовался добровольческий отряд из немецких солдат под начальством майора Бишофа. Вскоре он вошел в более крупное войсковое соединение, командование которым принял германский генерал фон

дер Гольц. Большевистское движение на Запад было остановлено по линии Виндава — Шавли — Конво — Гродно — Лунинец. В марте фон дер Гольц перешел в наступление, занял Виндаву, Митаву, а в конце мая Ригу. Тем временем входившие в его группу офицеры местного балтийского Ландвера устроили переворот в Риге. Свергнув профсоюзное социалистическое правительство Латвии, они заменили его консервативным германофильским кабинетом.

Это событие и успехи фон дер Гольца вызвали большое смятение в Англии и во Франции. Призрак возрождения германской военной мощи сильно тревожил державы Согласия, и политика их в отношении Прибалтики снова изменилась. Союзники вынудили фон дер Гольца покинуть Ригу, где с их одобрения снова образовалось враждебное Германии правительство. К концу лета они потребовали от Берлина, чтобы фон дер Гольц был отозван в Германию. Но изворотливые немцы придумали способ отстаивать свои интересы иным путем. Они образовали русский отряд, куда вскоре начали вливаться все части германских добровольцев и балтийского Ландвера. Во главе отряда поставлен был Бермонт, человек, именовавший себя русским полковником. Присвоив себе звание «князя», он вскоре начал именоваться князем Аваловым-Бермонтом. Генерал Деникин считал его типичнейшим авантюристом.[8]

В запутанной атмосфере взаимного недоверия, интриг и конфликтов, возникших вокруг только что образовавшихся прибалтийских государств, отчетливо слышались голоса враждовавших между собой Германии, Англии, Франции. Но отсутствовал голос противобольшевистской России. На том, чтобы он был услышан, настаивали в Париже и в Лондоне представители Деникина и Колчака, а также всевозможные русские организации. Перед ними встало три основных и неотложных вопроса: необходимость сформировать чисто русскую вооруженную силу, найти ей подходящего начальника, приемлемого не только Омску и Екатеринодару, но и союзникам, от которых зависела помощь снабжением.

И, наконец, следовало найти формулу, на основании которой возможно было бы, не нарушая лозунга «единой, неделимой России», провозглашенной Деникиным и Колчаком, рассчитывать если

не на поддержку, то, по крайней мере, на непротиводействие прибалтийских государств, только что провозгласивших свою независимость от России.

В данном случае вопрос шел об Эстонии, на чьей территории намечалось формирование и откуда по кратчайшему пути могло начаться наступление на Петроград.

Ядром вооруженных сил явились русские добровольческие части, оказавшиеся в Эстонии и сыгравшие главную роль в освобождении ее от большевиков. Несмотря на свою малочисленность (всего около 3 тысяч человек) они носили название Северного корпуса. Во главе его стоял полковник Дзержинский, а потом генерал А. П. Родзянко, энергично взявший инициативу в свои руки. В середине мая 1919 года неожиданно для большевиков он предпринял наступление, сильно потрепал 7-ю Советскую армию, причем многие красные части добровольно переходили на его сторону. К началу июля войска его, переименованные в Северо-Западную армию, насчитывали около 13 тысяч штыков и сабель и, захватив Псков, стояли в 20 километрах восточнее и южнее его. Материальной помощи они ни от кого не получали, ходили необутые, неодетые и снабжались исключительно военной добычей, захваченной у большевиков.

Нелегким делом оказалось найти кандидата на пост Главнокомандующего. Кроме корпуса генерала Родзянко в Прибалтике действовал русский отряд князя Ливена. И тот, и другой были храбрыми офицерами, но их военная репутация в широких кругах была совершенно неизвестна.

В своих воспоминаниях генерал Деникин отметил, что «одно время на пост Главнокомандующего Северо-Западным фронтом выдвигался генерал В. И. Гурко (заменявший генерала Алексеева во время его длительной болезни в 1916 году на посту начальника штаба Верховного Главнокомандующего при государе). С ведома ли английского правительства, или по собственной инициативе с ним вступил в частные переговоры по этому поводу английский военный представитель в Прибалтике. Генерал Гурко поставил весьма решительно три основных вопроса, от правильного решения которых, по его убеждению, зависел успех предприятия:

1) Какие политические или экономические цели преследуют союзники в виде компенсации за помощь?

2) Какие средства — денежные и материальные, намерены они предоставить?

3) Будет ли русский Главнокомандующий облечен полною мочью?

Ответа не последовало и переговоры прекратились».[9]

Следующим кандидатом явился генерал Юденич, в прошлом командующий Кавказским фронтом против турок. Он проживал тогда в Финляндии, и его выдвигал находившийся, там русский Комитет во главе с Карташевым. Сам генерал Юденич тоже стремился связать свое имя с противобольшевистской борьбой и с Северо-Западной армией. Он искал поддержки генерала Деникина, а адмиралу Колчаку телеграфировал: «Около меня объединились все партии: от кадет и правее. Программа тождественна с Вашей».

В середине июня Колчак (уже признанный тогда Деникиным как Верховный правитель) назначил Юденича командующим Северо-Западным фронтом. «Фронт» состоял из одной лишь армии, ею командовал генерал Родзянко, не слишком расположенный к своему новому начальнику, навязанному ему со стороны. В июле месяце Юденич наконец перебрался из Финляндии в Эстонию, к месту своего назначения, где сразу почувствовал щекотливость своего положения. Эстония вела мирные переговоры с Москвой, от Юденича она требовала признания своей независимости; того же добивались от него британские военные представители в Прибалтике. Состоявшее при нем политическое Совещание под давлением англичан согласилось на образование правительства Северо-Западной области, которое тут же официальным актом признало независимость Эстонии. Сам Юденич в тот момент был на фронте и, вернувшись, узнал о происшедшем. О каком-либо противодействии с его стороны англичане не беспокоились. Насколько их отношение к Деникину было всегда почтительно-предупредительным, настолько обращение с Юденичем было бесцеремонно-высокомерным...

Эстонцы с удовлетворением восприняли признание своей независимости, но от сотрудничества с русскими воинскими частями уклонились. Они отказались подписать проект договора, заготов-

ленного англичанами в форме двустороннего обязательства, где взамен русского признания Эстония обязывалась оказывать военную помощь Северо-Западной армии.

При таких трудных для Юденича обстоятельствах британские военные представители в Прибалтике стали настойчиво требовать от него перехода в наступление на Петроград. Они обещали полное содействие английского флота в Балтийском море для захвата прилегавших к бывшей столице важных стратегических пунктов — Красной Горки и Кронштадта. И Юденич решил последовать британским настояниям. Но кроме английских увещеваний и обещаний его решением руководили и другие соображения: от бездействия и безденежья войска его проявляли признаки брожения; успехи армий генерала Деникина достигли к тому времени своего апогея, они подходили уже к Орлу, и все лучшие силы Красной армии были сосредоточены на Юге России в смертельной схватке с главным врагом. А потому трудно было ожидать, чтобы Советы смогли перебросить оттуда сколько-нибудь значительные части. А потеря красными «колыбели большевистской революции» должна была произвести потрясающее впечатление по всей стране и за границей.

Против Северо-Западной белой армии, насчитывавшей в тот момент около 17 тысяч бойцов, находилась непрочная и уже потрепанная 7-я Советская армия в 24 тысячи человек. Численный перевес красных возмещался крепким воинским духом белых офицерских частей.

Наступление началось 15 сентября. Первые дни его увенчались полным успехом. К началу октября главные силы Юденича захватили Красное Село, Гатчину, Павловск и Царское Село. Но 10—12 октября, когда наступавшие войска могли простым глазом видеть Петроград, вдруг произошел перелом.

Тщетно пытались англичане и генерал Юденич привлечь к наступлению на столицу войска Бермонта, разросшиеся к тому времени в 30-тысячную армию германских и прибалтийских «добровольцев». Бывшие солдаты германской армии готовы были идти за обещанными им земельными участками в Латвии, но не за освобождение России от большевиков. И вместо наступления на Петроград, Бермонт неожиданно двинул свои части в противополож-

ном направлении и начал наступать на Ригу. Юденич объявил Бермонта изменником. Британская эскадра вместо обещанной помощи Юденичу под Петроградом также полным ходом направилась к столице Латвии, чтобы помешать усилению в этом городе германофильских интересов, с целью свергнуть там профсоюзное правительство.

Поступок союзников в данном случае был лишь ярким примером их недальновидной политики в русском вопросе и полного отсутствия определенно-продуманного плана. Тратя огромные средства на снабжение белых армий, вместо оказания им обещанной помощи на главном, Петроградском направлении они бросились ликвидировать ничем не грозившую им авантюру около Риги, с которой без всякого усилия можно было справиться позже. Момент был упущен, и Юденич разбит. В его неудачах были, конечно, и иные причины: подчиненные ему генералы не выполняли данных им указаний; каждый из них первым стремился войти в бывшую столицу; важная директива — прервать сообщение между Петроградом и Москвою, перерезав соединяющую их Николаевскую железную дорогу, — не была исполнена. Но одним из главных виновников разгрома явился Троцкий, с невероятной энергией бросившийся в самый омут, казалось тогда, обреченного дела. Даже Ленин готов был сдать тогда Петроград, лишь бы не ослабить фронт против Деникина. Но Троцкий, взяв в свои руки оборону города, призывал, угрожал и лихорадочно организовывал его защиту. Он понял, что эстонцы и латыши не двинут пальцем на помощь Юденичу, и, оголив свой фронт против них, перебросил оттуда 15-ю Советскую армию к Петрограду. Она заняла Лугу и угрожала отрезать белых от их базы и путей к отступлению. Армия Юденича покатилась назад, и это было концом ее существования. Попав в Эстонию, она была разоружена, ее офицеры и солдаты очутились в концентрационных лагерях. Тем временем правительство Эстонии заключило с большевиками перемирие.

И здесь интересно отметить советский подход к историческим событиям.

В начале 30-х годов, заботясь о своей карьере, Климентий Ворошилов провозгласил Сталина «спасителем Петрограда», и это превратилось в официальную версию событий того периода.

В сентябре-октябре 1919 года, в дни наступления Юденича, Сталин находился на фронте против Деникина и решительно никакого касательства к обороне Петрограда не имел.[10] Но и после смерти Сталина, после того, как Хрущев, обвиняя своего предшественника в культе личности, посмертно реабилитировал красных командиров, ликвидированных Сталиным в середине 30-х годов, имя Троцкого как было, так и осталось олицетвотением вредительства, всяческих происков и интриг против советской власти. Так, например, «История гражданской войны в СССР», изданная в Москве в 1959 году, спокойно утверждает, что, когда «в сражении за Петроград наступил решающий момент, Зиновьев... совместно с Троцким, приехавшим из Москвы, стали поговаривать о возможности сдачи Петрограда... Троцкий и Зиновьев продолжали действовать вразрез с указаниями партии. Они решили даже начать подготовку к тому, чтобы впустить армию Юденича в Петроград, утверждая, будто врага легче разгромить на улицах города... Принятие авантюристического плана Троцкого-Зиновьева явилось бы предательством интересов обороны Советской страны».

Нет сомнения в том, что Зиновьев в те дни перетрусил и окончательно растерялся. На этом сходятся все показания свидетелей, не исключая Троцкого. Но мысль о том, чтобы Троцкому приписать свойства и помыслы Зиновьева, пришла в голову советским летописцам по причинам, к истории касательства не имеющим, так как на самом деле постановлением Центрального Комитета коммунистической партии Ленин торжественно вручил Троцкому высшую награду — орден Красного Знамени за «спасение Петрограда».

Вскоре после захвата власти большевиками правительство Финляндии объявило, что «анархия в России обязывает финский народ освободиться навсегда от всякой зависимости от России». Но русская анархия тех дней ворвалась кровавым образом в жизнь самой Финляндии, и гражданская война охватила всю страну. Как и Россия, Финляндия разделилась на два непримиримых лагеря — на белых и красных, и их борьба была беспощадна. Во главе белых войск встал бывший офицер русской императорской гвардии, генерал барон Маннергейм. В марте 1918 года, почти одновре-

менно со своим наступлением в глубь Украины, немцы высадили десант в Финляндии. Германской дивизией командовал генерал фон дер Гольц (впоследствии действовавший в Прибалтике), который совместно с Маннергеймом к середине апреля ликвидировал финских красногвардейцев.

Помимо политических и экономических интересов в самой Финляндии Германия преследовала и иные цели: ее войска являлись угрозой Мурманску с его богатыми складами военного имущества, присланного союзниками в Россию. Также при желании они легко могли быть двинуты с севера на Петроград. Тем временем немцы всячески укрепляли свое влияние в Гельсингфорсе и настолько преуспели в этом, что в октябре 1918 года Финляндский сейм голосовал за установление в Финляндии монархического строя во главе с Гессенским принцем Фридрихом Карлом. С поражением Германии Финляндия круто изменила курс своей политики и получила полную поддержку от союзников.

Что представляло из себя в то время стратегическое положение Финляндии в отношении Советской России?

На этот вопрос генерал Деникин дал следующий ответ: «Оно представлялось финляндцам, и было на самом деле чрезвычайно благоприятным для них. Финляндия владела укрепленным побережьем и шхерными путями Финского залива; ее армия состояла из 3—4 дивизий силою в 40—50 тысяч и располагалась передовыми частями в 25 верстах от Петрограда и в 60—80 верстах от Мурманской железной дороги, западнее Петрозаводска, составляя прямую угрозу русской столице и тылу большевистской армии, стоявший против войск генералов Айронсайда и Миллера. Против себя финляндская армия имела парализованный русский балтийский флот и слабые численно красногвардейские части, прикрывавшие столицу и Петрозаводск. Вся эта совокупность... стратегической обстановки предрешала направление русской политики Финляндии: она до конца (до заключения мира с большевиками) сохранила «вооруженный нейтралитет», одинаково поддерживаемый и руссофобами Свинховудом и Стольбергом, и руссофилом Маннергеймом — тремя главами государства, сменившимся в течении 1917—1919 годов».[11]

Как относился Деникин к самостоятельности Финляндии и к вовлечению ее в борьбу с советской властью?

Вот мысли, которые он высказал по этому поводу: «Отделение Финляндии от России, не обеспеченное никакими стратегическими гарантиями, ставило в невозможное положение нашу сухопутную и морскую государственную оборону. Но новая держава с первых же шагов своих проявила настойчивое стремление к дальнейшему округлению своих границ за счет метрополии». Тут генерал перечислял финляндские требования. Они включали и Аландские острова, и восточную Карелию (захват которой с частью Мурманской железной дороги отрезал бы Россию от доступа к незамерзающему порту на севере), и губу реки Печенги, впадающей в Северный Ледовитый океан близ границы с Норвегией; и, наконец, захваченное Финляндией огромное русское государственное имущество: военные и морские запасы, арсенал, склады, морские базы, коммерческие суда.

«Какая же Россия, какое русское правительство, — спрашивал Деникин, — могло пойти навстречу всем вожделениям финляндцев?

Я лично, — продолжал он, — в начале не исключал возможности содействия финляндской армии в противобольшевистской борьбе и вел по этому поводу беседы с полковником генерального штаба Энкелем, занявшим впоследствии высокий пост в финляндской армии. Но под впечатлением финляндских требований, гонений там на русских людей, и более чем двусмысленной политики держав Согласия, с конца 1918 года, я стал окончательно на точку зрения, что помощь Финляндии была бы куплена нами слишком дорогой ценой и что поэтому вступление финляндских войск на русскую территорию недопустимо».

Через союзных представителей при своей Ставке он обратился в мае 1919 года, их правительством со следующим заявлением: «Россия относится с полным сочувствием к мысли о самостоятельном развитии Финляндии; однако высшие интересы обоих народов повелительно требуют, чтобы будущие их взаимоотношения были основаны на принципах, способных обеспечить обоюдное их преуспеяние и ограждение жизненных потребностей. С этой точки зрения решение финляндского вопроса, принятое независимо от

России и без соображения с ее первостепенными государственными интересами, в первую голову стратегическими, является для русского народа неприемлемыми».[12]

Той же точки зрения держался и адмирал Колчак. В своем ответе на запрос союзников о его программе он в июне 1919 года писал: «Мы готовы... ныне признать настоящее правительство Финляндии, но окончательное решение финляндского вопроса должно принадлежать Учредительному собранию».

В интересах текущего момента некоторые русские политические деятели выражали казуистическую мысль: признать пока полную независимость Финляндии, а там, в дальнейшем, — будь что будет...

Но Деникин и Колчак отвергали такой подход. Они серьезно относились к данному ими слову. Договоры и обещания не были для них «клочками бумаги».

Итак, пройдя через собственную фазу междоусобной распри, Финляндия осталась в стороне от вооруженного участия в русской гражданской войне; но тем не менее принуждала Москву держать известное количество войск вдоль финляндской границы.

Совершенно иначе обстоял вопрос с Польшей.

От имени всех белых правительств и армий адмирал Колчак официальным письмом от 4 июня 1919 года известил Верховный совет союзных держав, что создание Польского государства признается естественным и справедливым последствием мировой войны. «Русское правительство, — писал он, — считает себя правомочным подтвердить независимость Польши, объявленную Российским Временным правительством 1917 года, все заявления и обязательства которого мы на себя приняли». Но окончательное определение границ между Польшей и Россией откладывалось Колчаком до решения этого вопроса Учредительным собранием.[13]

Таким образом, открыто и безоговорочно признавалась полная самостоятельность Польши. Вопрос шел лишь об определении ее границ с Россией. И вождям белого движения казалось тогда возможным выработать по этому вопросу временную формулу, основанную на этнографическом принципе и приемлемую Польше,

чтобы совместно с ней идти против воинствующего коммунизма, угрожавшего всей Восточной Европе.

К началу 1919 года Польша имела сравнительно хорошо организованную вооруженную силу, состоявшую из обученных солдат и из опытных офицеров, служивших прежде в германской, австрийской и русской армиях. Боевое снабжение она получила из обильных запасов оставшихся на территории Польши от этих трех армий; но это разнородное вооружение быстро заменялось тем, которое новому государству спешно высылала Франция. Весной 1919 года польские войска, растянувшиеся на большом пространстве с севера на юг, перешли в наступление против Советов, заняли Вильну, подошли к Минску, и к концу лета достигли линии Двинск, Бобруйск, Каменец-Подольск. Но затем движение их остановилось.

Генерал Деникин искренно верил в возможность сотрудничества с Польшей.

«Предпринимая наступление в направлении Киева, — писал он, — я имел ввиду огромное значение соединения Добровольческой армии с польскими силами, наступающими к линии Днепра. Это соединение выключало бы автоматически весь Западный фронт и освобождало бы значительную часть сил Киевской и Новороссийской областей для действий в северном направлении. Наступление польских войск к Днепру отвлекло бы северные силы большевиков и обеспечило бы надежно с запада наши армии, идущие на Москву. Наконец, соединение с поляками открывало нам железнодорожные пути в Западную Европу — к центру политического влияния и могущества, к источникам материального питания армии.

Относясь лично с полным сочувствием к возрождению Польского государства, я не считал неизбежные трудности русско-польских отношений непреодолимыми. И, во всяком случае, был твердо уверен, что ближайшие пути наши связаны неразрывно, так как судьба и Польши, и России находится в ясной и роковой зависимости от долгоденствия советской власти».[14]

Кроме соображений стратегического характера польский вопрос для Деникина имел глубокое внутреннее значение. Он родился в русской Польше, и в письме к одному из своих друзей детства, к поляку-однокласснику по реальному училищу во Влоцлавске,

«от сердца» высказывал свои мысли и чувства: «И память моей покойной матери-польки, и детские, и юношеские годы, проведенные на берегах Вислы, оставили во мне глубокий след и создали естественную близость, понимание и расположение к польскому народу».[15]

Признание полной независимости Польского государства имело для Деникина не только формальный, но и глубоко идейный смысл. И потому, когда в сентябре 1919 года к нему — правителю Юга России, приехали в Таганрог для переговоров из Варшавы польские представители, он искренно и радостно приветствовал их словами: «После долгих лет взаимного непонимания и междоусобной распри, после тяжелых потрясений мировой войны и общей разрухи, два братских славянских народа выходят на мировую арену в новых взаимоотношениях, основанных на тождестве государственных интересов и на общности внешних противодействующих сил. Я от души желаю, чтобы пути наши не расходились. Поднимаю бокал за возрождение Польши и за наш будущий кровный союз!»[16]

Заключение к этой приветственной тираде последовало уже после того, как генерал Деникин навсегда покинул Россию:

«Никогда, — писал он в своих воспоминаниях, — не приходилось мне сожалеть до такой степени о сказанных словах».

Он не знал тогда, что глава Польского государства Пилсудский за его спиной и за спиной помогавших Польше союзников заключил тайное соглашение с Москвой, согласно которому военные действия на польско-советском фронте временно прекращались. Польская миссия к Деникину была послана лишь для отвода глаз, для чисто фиктивных переговоров. Пилсудский считал, что большевизм, приведший к полному ослаблению и раздроблению России, являлся для Польши менее опасным соседом, чем та «единая, неделимая», к восстановлению которой стремился Деникин.

Закулисная тогда игра Пилсудского получила огласку только после его смерти, когда были опубликованы в печати воспоминания его сотрудников, бывшего начальника польского Генерального штаба генерала Галлера и воспоминания генерала Куштебы, начальника оперативных планов польской армии: в 1919 году Пилсудский во чтобы то ни стало хотел продлить агонию граждан-

ской войны, чтобы на развалинах России, округлив за ее счет свои владения и подчинив им в вассальном отношении Украину, создать великую Польшу от Балтийского до Черного моря.

В 1937 году в Париже генерал Деникин выпустил брошюру, специально посвященную разбору этого дела. На основании материалов, опубликованных в Польше Галлером и Куштебой, он (хорошо владевший польским языком и не нуждавшийся в переводчиках) изложил историю тайного соглашения Пилсудского с Советским правительством. Ввиду значения этого соглашения и огромных следствий, им порожденных, факты, сообщенные генералом Деникиным, представляют большой интерес.[17]

«В сентябре 1919 года возле Луцка находилась советская миссия «Красного Креста», имевшая официальной целью обмен между Польшей и Советами пленных и заложников. Во главе миссии стоял поляк-коммунист Мархлевский, приятель и бывший соучастник Пилсудского по революционной деятельности в России. Штаб Пилсудского поручил некоему подпоручику Бирнбауму войти в контакт с Мархлевским для разведки об истинных военных целях советов. Это взаимное осведомление продолжалось в течение сентября и октября. Но, видимо, советское правительство или плохо понимало, или не совсем доверяло польскому, «осведомлению», ибо 3 ноября генерал Пилсудский командировал к Мархлевскому капитана Боэрнера уже с прямым предложением приостановки военных действий и установления демаркационной линии: Новград — Волынск — Олевек — река Птич — Бобруйск — река Березина — река Двина. Боэрнер должен был лишь прочесть Мархлевскому ноту Пилсудского, отнюдь не давая в руки большевикам никаких письменных следов соглашения. Факт соглашения приходилось скрывать и от моей Ставки, куда была послана польская миссия для фиктивных переговоров, и от Англии и Франции, оказывавших политическую и материальную помощь Польше — вовсе не в качестве пособницы большевиков и большевизма... С той же целью камуфляжа локальные столкновения мелкими частями должны были продолжаться...

В то же самое время в Таганроге, в моей Ставке польская военная и экономическая миссия вели фиктивные переговоры с правительством Юга России. В то же самое время начальник военной

миссии, бывший генерал русской службы Карницкий — хочу думать бона фиде — горячо уверял меня, что и начальник государства (Пилсудский) и глава правительства (Падеревский), напутствуя его, «требовали во что бы то ни стало добиться соглашения», считая что «иначе положение Польши между Германией и Россией грозит чрезвычайными потрясениями». Горячо уверял меня и таганрогские миссии Антанты, что у Польши никакого соглашения с советами нет, а временное затишье на фронте вызвано техническими условиями... Подобные же заверения делались в Варшаве обеспокоенным представителям Англии и Франции, в частности, уполномоченным английского правительства, члену парламента Мак-Киндеру и генералу Бриггсу, ведшим в польской столице переговоры о кооперации Польских армий с добровольческими.

Что же касается Советского правительства, то оно с радостью приняло предложение Пилсудского, дав, по его требованию, заверение, что «тайна будет сохранена нерушимо». Сохранялась она советами действительно до 1925 года, когда по случаю смерти Мархлевского советская печать поведала миру какую великую услугу оказал покойный российскому коммунизму.

Так шли недели и месяцы. А тем временем 12-я Советская армия спокойно дралась против киевских добровольческих войск, имея в ближайшем тылу своем польские дивизии... А тем временем советское командование снимало с польского фронта и перебрасывало на мой десятки тысяч штыков и сабель, решивших участь Вооруженных сил Юга России.

Только в конце декабря, после падения «белого» Киева, польские войска возобновили военные действия на севере, а на Волынском фронте [польский] генерал Листовский стал занимать без боя города, покидаемые отступавшими к Одессе добровольцами... Об этой трагедии Белых армий и русского народа генерал Галлер с холодной жестокостью говорит:

— Слишком быстрая ликвидация Деникина не соответствовала нашим интересам. Мы предпочли бы, чтобы его сопротивление продлилось, чтобы он еще некоторое время, связывал советские силы. Я докладывал об этой ситуации Верховному вождю [Пилсудскому]. Конечно, дело шло не о действительной помощи Деникину, а лишь о продлении его агонии».

Поздней осенью 1919 года, когда начались военные неудачи Деникина, он, конечно, не мог еще знать всю «сущность деяния», которое, по его словам, даже в глубоких сумерках современной политической морали представляло явление незаурядное. Но он уже подозревал, что нечто очень неладное творилось поляками в тайне за его спиной. 26 ноября 1919 года он отправил Пилсудскому письмо, где с полной откровенностью высказал свои мысли по этому поводу: «Встретив некогда с чувством полного удовлетворения поворот русской политики в сторону признания национальных прав польского народа, я верил, что этот поворот знаменует собою забвение прошлых исторических ошибок и союз двух родственных народов. Но я ошибся.

В эти тяжкие для России дни Вы — поляки — повторяете наши ошибки едва ли не в большей степени. Я разумею стремление к занятию русских земель, не оправдываемое стратегической обстановкой; вводимое в них управление, отрицающее русскую государственность и имеющее характер колонизации; наконец, тяжелое положение русской православной церкви как в Польше, так и в оккупированных ею русских землях... Мне нет надобности доказывать Вам, что непонятная для русского общества политика польского правительства может дать весьма серьезную опору германофильскому течению, которое ранее у нас не имело почвы. Я нисколько не сомневаюсь что, если бы когда-либо такое течение возобладало, оно имело бы роковое значение для Польской республики. Этого допустить нельзя.

Между тем, восточная польская армия, успешно наступавшая против большевиков и петлюровцев, в дни наиболее тяжкие для русских войск, вот уже около трех месяцев прекратила наступление, дав возможность большевикам перебросить на мой фронт до 43 тысяч штыков и сабель. Большевики так уверены в пассивности польского фронта, что на Киевском и Черниговском направлениях они совершенно спокойно наступают тылом к нему... Станем на реальную почву: падение Вооруженных сил Юга России или даже значительное их ослабление поставит Польшу лицом к лицу с такою силою, которая, никем более не отвлекаемая, угрожает самому бытию Польши и гибелью ее культуры. Всякие заверения большевиков в противном — обман.

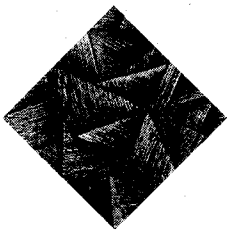
...Встав на ноги, Россия вспомнит, кто ей был другом. От души желаю, чтобы при этом не порадовались немцы».[18]

Не преувеличивал ли генерал Деникин свои возможности окончательно разгромить большевиков при условии совместного с ним участия в борьбе поляков?

На этот вопрос имеется авторитетный ответ советского маршала М. Н. Тухачевского: «Если бы только польское правительство сумело сговориться с Деникиным до его разгрома, то наступление Деникина на Москву, поддержанное польским наступлением с Запада, могло бы для нас кончиться гораздо хуже, и трудно даже предугадать конечные результаты. Но сложное сочетание капиталистических и национальных интересов не допустило этой коалиции и Красной армии пришлось встретиться с ее врагами последовательно, чем значительно облегчилась ее задача».[19]

Глава XXIV

ПОЗАДИ ДЕНИКИНСКОГО ФРОНТА



В октябре 1919 года, в момент наивысшего военного успеха, внутреннее положение на огромной территории, захваченной войсками генерала Деникина, приняло чрезвычайно тревожный характер.

Непрекращавшиеся трения между белым командованием и казачьими областями сильно обострились после освобождения от большевиков. В численном отношении донское и кубанское казачество являлось главной силой в рядах деникинских войск, и оно желало принимать участие и иметь голос в разрешении вопросов внутренней жизни страны. Однако голос казачьих областей отражал по преимуществу местные интересы. Среди политических деятелей Дона и особенно Кубани было немало людей, пропагандировавших мысль о том, что казачья борьба с советской властью должна вестись лишь до окончательного освобождения их областей от коммунизма. На этой почве конфликт казачества с главным командованием принимал все более и более резкие формы. Сам генерал Деникин продолжал исповедовать идею «самой широкой автономии частей русского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта». Но на деле, ввиду сложившейся обстановки, ему неоднократно приходилось вмешиваться во внутренние дела казачьих областей. Это их раздражало и создавало напряженную атмосферу взаимного недоброжелательства, которая со временем неизбежно должна была коснуться на-

строения казачьих войск, отразиться на их боеспособности и на желании продолжать борьбу вне своей территории.

Еще тревожнее обстояло дело с моральным обликом самой надежной части деникинских войск, а именно Добровольческой армии. Несмотря на свое название, она уже с середины 1918 года фактически перестала быть «добровольческой». И трагедия ее заключалась в том, что наряду с идейной группой офицеров, студентов, гимназистов, юнкеров и многих старых солдат, бескорыстно шедших на подвиг освобождения родины от большевизма, в армию постепенно вливался чуждый и враждебный ей по духу элемент корысти и преступности. «Ряды армии, — писал генерал Лукомский, — пополнялись не только идейными людьми, как это было в первый период существования армии, а также по набору, по принуждению, по повинности. Много в армию попало и из числа военнопленных и перебежчиков Красной, большевистской, армии. При общем понижении морального уровня за период европейской войны и русской смуты, естественно, что в ряды Вооруженных сил Юга России попал значительный процент преступного элемента».[1]

Им, в особенности, отличался приток пополнений, влившихся в армию на Украине.

С конца 1917 года правительства на Украине сменялись одно за другим и с большой поспешностью: Центральная рада, большевики, снова Центральная рада, гетманщина, Директория, петлюровщина, и опять большевизм... Все эти правительства занимались всевозможными реквизициями. Ни одно из них не пользовалось ни доверием, ни уважением населения.

Для деревни (лишенной текстильной и иной мануфактуры) всякий город стал приманкой, где прятавшаяся там буржуазия и многочисленное на Украине еврейское население являлись источником снабжения путем грабежа и насилия. Бесчисленные атаманы, образовавшие вокруг себя партизанские банды из вооруженных крестьян (бывших солдат) бесчинствовали повсюду. В отместку за реквизиции зерна, которые городские власти, будь то гетманские или советские, производили в деревне, все эти атаманы: Шуба, Зеленый, Волынец, Струк, Соколовский, Палий, Ангель, Бож-

кол, и, в особенности, атаман Григорьев, организовывали налеты на города и еврейские местечки. Повстанцы батьки Махно занимали в данном случае (несмотря на чинимые ими безобразия) особое положение, и речь о них будет впереди.

По всей Украине прокатилась волна еврейских погромов. Погромное настроение создавалось разговорами о евреях-большевиках и о большевиках-евреях. Кричали об огромном проценте евреев в коммунистической партии и в советском правительстве. Указывались имена Троцкого (Бронштейна), Зиновьева (по одной версии — Радомысльского, по другой — которой придерживался Керенский — Апфельбаума), Володарского (Когена), Каменева (Розенфельда), Литвинова (Валлаха), Сокольникова (Брильянта), Гусева (Драбкина), Свердлова, Урицкого, Слуцкого, Раковского, Иоффе и других; а потом шли фамилии многочисленных евреев более низкого партийного калибра, попавших на руководящие посты в провинции. Их называли «спекулянтами революции». Ответственность за действия этих людей огульно взваливалась на все еврейство, и к лозунгу «Бей буржуев!», присоединился не чуждый населению Украины лозунг «Бей жидов!», к которму вскоре добавили и другие лозунги: «Долой кацапов!» и «Бей коммунистов», причем коммунисты отождествлялись с евреями. Взвинченные агитацией банды атаманов требовали расправы с евреями. Погромы коснулись мелких городских торговцев и ремесленников, а вместе с ними еврейской бедноты, людей ничего общего не имевших с политикой. Кровь их обильно лилась тогда по городам и местечкам Украины, и телеги, нагруженные краденым еврейским добром, вереницей тянулись из городов в окрестные деревни.

Несколько лет спустя, касаясь этого вопроса в длинной статье, озаглавленной «Антисемитизм и погромы», С. П. Мельгунов, народный социалист и до сих пор не превзойденный исследователь и историк периода русской революции, пришел к выводу, что «непомерное участие евреев в большевистской власти» несомненно явилось одной из основных причин существовавших тогда антиеврейских настроений.[2]

Так или иначе, страдали ни в чем не повинные люди. Видные же еврейские деятели коммунистической партии избежали этой

участи. Она настигла их неожиданно в 30-х годах, когда под совершенно иным предлогом, в борьбе за укрепление собственной власти, Сталин расправился с ними под видом борьбы с «троцкизмом» и «антипартийной деятельностью».

К приходу Добровольческой армии на Украину слово «власть» и связанное с ним понятие о какой-то законности и порядке окончательно утратили свое значение, особенно в глазах крестьянства, почти повсеместно настроенного анархически.

И когда, по мере продвижения Добровольческой армии на Украину, эта развращенная вольница частично попала в ее ряды, то разложение армии изнутри пошло ускоренным темпом.

Из этого не следует, что приток нежелательных пополнений был единственной причиной морального разложения Добровольческой армии. Он, несомненно, сыграл свою печальную роль; но были и иные, еще более важные, причины упадка морали.

Из крошечной горсти добровольцев армия разрослась к середине 1919 года в количественно большую вооруженную силу. Но она не приняла облика регулярной армии; в ней сохранились прежние замашки партизанства. По-прежнему большинство ее частей формировалось и вооружалось на ходу во время похода. Такой способ формирования имел основание год назад, когда по своему составу и воинскому духу армия была монолитна и когда иной способ формирований вообще был неосуществим. Однако новые условия борьбы и включение в армию десятков тысяч мобилизованных крестьян и военнопленных из бывших красноармейцев требовали иного подхода к этому вопросу.

Большим злом, развращавшим армию и настраивавшим против нее местное население, было так называемое «самоснабжение», то есть реквизиция воинскими частями продовольствия и фуража по всей прифронтовой полосе. Из-за развала транспортной системы перевозка этих продуктов возлагалась на обывателей, которых с лошадьми и телегами (отрывая от полевых и иных работ) заставляли иногда неделями передвигаться вместе с наступающими или отступающими войсками. Большевики следовали буквально той же системе и потому разница между белыми и красными в глазах населения быстро сводилась на нет. Правда, белые сперва выдава-

ли населению квитанции на забранные продукты, но вскоре и они это перестали делать.

В начале добровольческого движения «самоснабжение» являлось необходимостью. Но оно продолжало процветать и в 1919 году, когда в тылу белых армий накопилось уже достаточное количество припасов для организованного питания и обмундирования войск. В виде оправдания реквизициям выставлялось действительно серьезное препятствие: полное расстройство железных дорог. Так или иначе, самоснабжение было бедствием для населения. Тоже служило причиной разложения войск, так как реквизиции во многих случаях превращались в организованные грабежи.

В армии следовало ввести жесткую дисциплину, карать, всех невзирая на чин и прошлые заслуги, виновных в ее нарушении, нещадно расправляться с грабителями и насильниками. С этой первостепенной задачей белому командованию справиться не удалось.

Моральное разложение армии тяжело переживалось старыми добровольцами, на глазах которых происходила профанация их идеи. Но больше всех страдал от этого генерал Деникин. Суровый в требованиях к себе, он оказался недостаточно настойчивым в утверждении дисциплины среди своего генералитета и офицерства. Оглядываясь назад, он справедливо бросил упрек самому себе: «Надо было бить с голов, а мы били по хвостам!»

Когда дело доходило до сведения деникинского штаба, военным судом применялись различные меры наказания, вплоть до расстрела. Но до штаба такие дела доходили весьма редко. Многие из старших начальников сквозь пальцы смотрели на происходившее безобразие, не принимали серьезных мер к его пресечению, не доносили о нем в главную квартиру, так как сами не брезгали дополнять свои скудные жалования за счет «благодарного населения» и захваченных от большевиков складов государственного и частного имущества. Термин — «от благодарного населения» цинично применялся тогда ко всяким продуктам, к теплой одежде, к белью и к другим предметам, которые проходящие войска бесплатно отбирали у местного населения.

Как мог Главнокомандующий не знать того, что происходило вокруг?

Он знал, но знал далеко не все, о многом узнавал, когда было уже слишком поздно. Он писал личные письма командующим армиями, указывал на факты, которые становились ему известны, на происходившие на многих участках прифронтовой полосы грабежи; требовал принятия немедленных строжайших мер к их пресечению и предания военно-полевому суду виновных. Одно из этих писем, отправленное им генералу Май-Маевскому, впоследствии попало в руки большевиков и было ими опубликовано. В нем Деникин обрушивался на командующего Добровольческой армией за допущенные им безобразия:

«...Многие воинские части и отдельные чины совершенно не считаются с моими приказаниями и распоряжениями.., позволяют себе самовольные захваты и хищения... имущества... Происходят грандиозные грабежи отбитого у большевиков государственного имущества, частного достояния мирного населения; грабят отдельные воинские чины, небольшие шайки, грабят целые воинские части, нередко при попустительстве и даже с соизволения лиц командного состава. Разграблено и увезено или продано на десятки миллионов рублей самого разнообразного имущества, начиная с интендантских вещевых складов и кончая дамским бельем. Расхищены кожевенные заводы, продовольственные и мануфактурные склады, десятки тысяч пудов угля, кокса, железа. На железнодорожных контрольных пунктах задерживаются [представителями Деникинской власти] отправляемые под видом воинских грузов вагоны с громадным количеством сахара, чая, стеклом, канцелярскими принадлежностями, косметикой, мануфактурой. Задерживаются отправляемые домой захваченные у неприятеля лошади...

Изложенное в достаточной степени рисует ту беспросветную картину грандиозных грабежей и хищений, ту вакханалию стихийного произвола и самоуправства, которые неизменно царят в прифронтовой полосе...»[3]

Письмо это было написано 10 сентября, но Май-Маевский был удален с должности лишь 23 ноября. Почему человека, в армии которого происходили такие потрясающие хищения, не убрали

сразу? Почему сразу не назначили расследования его действий или бездействия?

Хотя к тому времени генерал Деникин и начал проявлять значительную подозрительность к большинству окружавших его политических советников, читая между строк в их советах эгоистические мотивы классового или партийного характера, он продолжал относиться с каким-то детским доверием к старым добровольцам, не имевшим касательства к политическим и государственным вопросам. Их прошлые боевые заслуги в начале белого движения казались ему гарантией их честного патриотизма и бескорыстия. Старый солдат, он продолжал верить в «элемент чести и рыцарства» среди своих старых соратников, упуская из виду возможность того, что распущенность эпохи могла и на них наложить свой отпечаток. Дорого пришлось ему заплатить за это доверие и снисходительное к ним отношение!

Недочеты Май-Маевского в полном их объеме стали известны Деникину лишь после того, как он устранил его с поста командующего Добровольческой армией.

«До поступления его в Добровольческую армию я знал его очень мало, — писал Антон Иванович. — После Харькова до меня доходили слухи о странном поведении Май-Маевского и мне два-три раза приходилось делать ему серьезные внушения. Но теперь, только после его отставки, открылось для меня многое, со всех сторон, от гражданского сыска, от случайных свидетелей посыпались доклады, рассказы о том, как этот храбрейший солдат и несчастный человек, страдавший недугом запоя, боровшийся, но не поборовший его, ронял престиж власти и выпускал из рук вожжи управления. Рассказы, которые повергли меня в глубокое смущение и скорбь. Когда я впоследствии обратился с упреком к одному из ближайших помощников Май-Маевского, [Кутепову], почему он, видя, что происходит, не поставил меня в известность об этом во имя дела и связавшего нас боевого содружества, он ответил:

— Вы могли бы подумать что я подкапываюсь под командующего, чтобы самому сесть на его место...»[4]

Мысли о методах гражданской войны, которых придерживался Май-Маевский, зафиксированы генералом Врангелем. Перед са-

мым закатом Деникинского периода, незадолго до внезапной смерти Май-Маевского в Крыму, к нему в гостиницу «Кист» в Севастополе зашел Врангель, который описал их встречу: «Он [Май-Маевский] был видимо тронут моим визитом...

— На войне, — говорил он, — для достижения успеха начальник должен использовать все, не только положительные, но и отрицательные побуждения подчиненных. Настоящая война особенно тяжела. Если вы будете требовать от офицеров и солдат, чтобы они были аскетами, то они воевать не будут.

Я возмутился:

— Ваше превосходительство, какая же разница при этих условиях будет между нами и большевиками?

Генерал Май-Маевский сразу нашелся:

— Ну вот большевики и побеждают, — видимо в сознании своей правоты закончил он».[5]

Военная добыча, то есть имущество, захваченное у неприятеля, и размеры самоснабжения скрывались местными воинскими частями от главного интендантского управления. «Армии, — писал Деникин, — скрывали запасы от центрального органа снабжения, корпуса — от армии, дивизии — от корпусов, полки — от дивизий... Военная добыча стала для некоторых снизу — одним из двигателей, а для других сверху — одним из демагогических способов привести в движение иногда инертную колеблющуюся массу».[6]

Донская армия в этом отношении не уступала Добровольческой. Она перевозила на Дон даже станки заводов, находившихся вне Донской территории, не говоря уже о нашумевшем в свое время рейде генерала Мамонтова, прорвавшегося с отборным отрядом донской конницы в глубокий тыл противника. Возвращаясь из этого рейда, Мамонтов телеграфировал в донскую столицу Новочеркасск: «Посылаю привет. Везем родным и друзьям богатые подарки; донской казне — 60 миллионов рублей; на украшение церквей — дорогие иконы и церковную утварь», и эта телеграмма, по выражению Деникина, «воистину прозвучала похоронным звоном».[7]

Но вернемся к генералу Деникину.

Заваленный потоком текущих дел, в лихорадочной обстановке гражданской войны Деникин не справлялся с невероятной нагруз-

кой непрерывно возникавших вопросов. Он посылал комиссии для расследования злоупотреблений, призывал к чести, к совести, издавал грозные приказы, возмущался, угрожал, требовал... и, видя, наконец, бесплодность своих усилий, в отчаянии писал своей жене: «Не могу же я сам один ловить и вешать мародеров фронта и тыла!..»

Это был крик души человека, на которого против его воли судьба взвалила чуждую ему и непосильную роль диктатора.

В связи с еврейскими погромами, которые имели место на Украине в период господства там деникинских войск, в известных кругах сложилось мнение об антисемитизме генерала, о его якобы умышленном попустительстве погромным явлениям.

Эти утверждения, своей несправедливостью очень удручали Антона Ивановича.

Человек глубоко верующий, испытавший на себе несправедливости, а в 1917 году и оскорбления, чудом избегнувший расправы озверелой солдатской толпы в Бердичеве, Деникин готов был всегда бороться за правду, как он ее понимал, и за достоинство человека, всякого человека, независимо от национальности, расы и религии. Для него, как для верующего христианина, еврейские погромы были абсолютно недопустимы. Он считал их явлением звериным и зоологическим, шедшим вразрез с основными принципами христианства.

Взгляды Деникина и его человеческие качества были хорошо известны культурному русскому еврейству, соприкоснувшемуся с ним и не ослепленному партийной ненавистью к нему. Оно не оправдывало политики генерала, но лично к Деникину относилось с уважением.

В октябре 1927 года в Париже происходил суд над Самуилом Шварцбардом, убившим в мае предыдущего года Симона Петлюру в отместку за еврейские погромы, учиненные его войсками на Украине. Судебный процесс привлек огромное внимание мировой печати. Газеты были полны отчетами: показаниями свидетелей, речами защитника Шварцбарда французского адвоката Торреса. Они касались тогда и иных эксцессов, имевших место на Украине в период гражданской смуты. И когда в связи с ними было затрону-

то имя генерала Деникина, то последовала отповедь видных в прошлом еврейских общественных деятелей России. Присяжный поверенный М. Л. Гольдштейн, Г. Б. Слиозберг и другие заявили, что в их глазах Петлюра являлся вдохновителем погромщиков, в то время как Деникин, человек безупречно честный, оказался моральной жертвой погромов.

С тяжелым чувством описывал генерал Деникин в своих воспоминаниях мрачные эпизоды, порочившие его движение: «Волна антисемитского настроения охватила Юг задолго до вступлений армий в «черту оседлости». Оно проявлялось ярко, страстно, убежденно — в верхах и на низах, в интеллигенции, в народе и в армии: у петлюровцев, повстанцев, махновцев, красноармейцев, зеленых и белых... Войска Вооруженных сил Юга не избежали общего недуга и запятнали себя еврейскими погромами от Харькова и Екатеринослава до Киева и Каменец-Подольска. Внутренние язвы загноились в атмосфере ненавистничества...

Никаких, решительно никаких оправданий этому явлению не может быть...

Погромы несли бедствия еврейскому населению, они же поражали дух самих войск, извращая их психику, разрушая дисциплину, внося развал. Это могли не видеть только слепые. И только ослеплением можно объяснить тот довольно распространенный среди еврейства взгляд, что «погромы, как часть военного быта, органически связаны с военной и социально-политической программой Добровольческой армии». Могу уверить этих лиц, что если бы при тогдашних настроениях придать «программный» характер борьбе с еврейством, мало того — если бы только войска имели малейшее основание полагать, что высшая власть одобрительно относится к погромам, то судьба еврейства южной России была бы несравненно трагичнее...

Звериные инстинкты, поднятые войной и революцией, углубленная надежда к запретным прежде и теперь доступным благам жизни, всеобщая распущенность, развал, утрата нравственного критерия и обесценение человеческой крови и жизни — вот одна серия причин погромов вообще. Где уже там требовать от бурнокипящей массы особого милосердия и человеколюбия к «чужим», когда на протяжении несколько лет с исключительной жестокос-

тью и садизмом дробятся черепа «своим», и разбойным образом «перераспределяются» накопленные ими ценности».[8]

Деникин знал, что в составе его армии, начиная с ее Первого похода на Кубань, были добровольцы-евреи, идейно вступившие в борьбу с большевизмом. Он знал, что в самом начале 1918 года еврейская буржуазия Ростова добровольно откликнулась на призыв генерала Алексеева жертвовать деньги на создание Добровольческой армии. Он согласен был с точкой зрения, которую впоследствии высказал писатель Марк Алданов, что евреем Леонидом Каннегисером, убившим в августе 1918 года главного петроградского чекиста Урицкого, руководила «горячая любовь к России, ненависть к ее поработителям и чувство еврея, желавшего перед русским народом, перед историей противопоставить свое имя именам Урицких и Зиновьевых».[9] Чего генерал Деникин не знал и знать не мог, это то, что С. М. Дубнов, известный еврейский историк и автор монументальной десятитомной «Всеобщей истории еврейского народа», в своем дневнике от сентября 1918 года, вскоре после покушения на Ленина и убийства Троцкого, выразил ту же мысль следующим образом:

«Хорошо, что именно евреи совершили этот подвиг: это искупление страшной вины участия евреев в большевизме».[10]

Деникин знал, что целый ряд видных евреев (как, например, доктор Д. С. Пасманик, И. М. Бикерман, И. О. Ленин и многие другие) утверждали, что их единоверцы, распространявшие легенду о том, что антисемитизм есть нечто специфическое для белого движения, совершают преступление. Но Деникина возмущал факт переполнения еврейским элементом всех органов советской власти в пропорции, совершенно несоразмерной их процентному отношению к прочему населению».[11]

В конце июня 1919 года в ставку генерала Деникина, перенесенную из Екатеринодара в Таганрог, явились представители еврейских общин.

«Они нарисовали, — писал Деникин, — трагическую картину жизни еврейства и просили «властным словом» остановить погромы. Я ответил:

— Я не имею никаких оснований относиться с особой симпатией к еврейскому народу. Но из побуждений христианской морали и государственной целесообразности я сделаю все, что могу, чтобы предотвратить насилия над еврейским населением».

По требованию Деникина, командующий Добровольческой армией приказом оповещал, что «всем гражданам, без различия состояний, национальности и вероисповедания, должна быть обеспечена личная и имущественная неприкосновенность».[12]

В ответ на жалобу одного из видных еврейских деятелей Юга России, генерал Драгомиров, бывший тогда помощником главнокомандующего, писал: «Добровольческая армия с негодованием отвергает как классовую борьбу, так и несправедливое отношение к какой-либо одной национальности. Добровольческая армия с чувством особой благодарности вспоминает о помощи, оказанной ей при вашем посредстве евреями — жителями Юга России, и никогда не унизится до того, чтобы проступки и преступления отдельных безответственных лиц возлагать на целую нацию».[13]

Тот же А. М. Драгомиров, после занятия Киева назначенный на должность главнокомандующего Киевской областью, докладывал генералу Деникину:

— Озлобление войск против евреев доходит до степени какой-то бешеной злобы... Отдельные шайки бандитов начали шарить по еврейским кварталам и вымогать деньги, несколько мерзавцев, пойманных на месте преступления, были оправданы военно-полевым судом... Я вытребовал к себе состав судов и разругал их так, как кажется еще никого никогда не ругал.. Суд стал выносить смертные приговоры, которые все и были приведены в исполнение...[14]

«Много приказов, — с горечью вспоминал Антон Иванович, — было написано мною, генералами Драгомировым, Май-Маевским, Бредовым и другими — осуждающих погромы и требующих решительных мер против них. Эти меры локализировали еврейские погромы, но не устранили окончательно...»[15]

Многие представители еврейства просили главнокомандующего особым торжественным актом объявить осуждение еврейским погромам. «Они не могли понять, — писал генерал Деникин, — что слова здесь бессильны, что всякий лишний шум вокруг этого вопроса только утяжелял положение евреев, вызывая раздражение

в массе и обычные обвинения: «продался жидам». Не могли понять, что борьба в аспекте защиты еврейства была тогда безнадежна и могла быть введена целесообразно лишь под знаком общей морали и общей воинской дисциплины: осуждать и карать сурово всякий разбой, всякое насилие над людьми — православными, магометанами, евреями — безразлично».[16]

Ошибка Деникина, погубившая белое движение, заключалась в том, что он упустил момент вовремя ввести в своих войсках железную дисциплину, карающую всякий разбой и насилие над людьми. Следовало это делать с самого начала 1919 года, безжалостно и публично карать преступников, с барабанным боем, с приказами по армии, громко оповещая население, перечисляя имена виновных, их проступки и степень наказания, чтобы все, и в армии, и вне ее, знали что главное командование не терпит и не допускает подрыва своего авторитета и авторитета возглавляемого им движения.

А наказания применялись как-то неумело, спорадически, скрытно, как бы стесняясь признаться в том, что в рядах армии имеются негодяи.

В то время, как пленных чекистов и красных комиссаров публично вешали на городских фонарях, своих уголовных преступников из солдатской массы старались ликвидировать незаметно, за кулисами. И психологический эффект, который смертная казнь должна была произвести на воинские части и население, терял свою силу.

Одним из немногих исключений общей политики «замалчивания» был генерал Врангель. Он в своей армии вешал грабителей с шумом и треском, публично, и это в дальнейшем послужило лишним поводом к выдвижению его кандидатуры на пост главнокомандующего.

Скверно обстояло дело с крестьянами. Недовольство деникинской властью в деревне нарастало с невероятной быстротой. Причиной тому являлись бесплатные реквизиции, грабежи, но главной проблемой был земельный вопрос. И в этом насущном вопросе правительство Юга России оказалось на редкость недальновидным. Оно настроило против себя крестьянство, то есть огромное большинство населения занятых им областей.

Захватив после революции помещичьи земли, инвентарь, скот, лошадей, а также, на всякий случай, одежду, мебель, посуду, серебро, картины и книги бывших владельцев, крестьяне с тревогой ждали того, что скажет по этому поводу генерал Деникин. Они хотели слышать от него слово, закрепляющее за ними земельный передел и прощающее все прошлые прегрешения. Но этого слова они не услышали.

Дважды правительство Юга России приступало к формулировке земельной реформы. Первая попытка, под редакцией Колокольцева, оказалась настолько реакционной, что генерал Деникин, назвав ее «актом отчаянной самообороны класса», с возмущением отверг проект и удалил Колокольцева со службы. Второй проект разрабатывался Челищевым (начальник управления юстиции) и профессором Билимовичем, назначенным начальником управления земледелия. Многие специалисты земельного вопроса в России утверждали потом, что проект Билимовича-Челищева был бы важной реформой в периоде предшествовавший революции. Но в 1919 году он уже не имел никакой ценности. Сам Деникин должен был признать, что «с тех пор маятник народных вожделений качнулся далеко в сторону, и новый закон не мог бы уже оказать никакого влияния на события и, во всяком случае, как орудие борьбы был совершенно непригоден».[17]

Таким образом, за время существования Вооруженных сил Юга России никакого земельного закона не было опубликовано.

По убеждению Деникина, земельный вопрос, как и все другие общегосударственные проблемы, должен был разрешиться постановлением Учредительного собрания после конца междоусобной распри. Этого требовал принцип «непредрешенства», провозглашенный Добровольческой армией. А потому, в глазах Деникина, все земельные проекты являлись лишь переходной стадией и должны были иметь характер чисто временных мероприятий для установления в каждой отдельной местности тех или иных земельных норм. А тем временем писались туманные декларации. С одной стороны, в них говорилось об обеспечении интересов трудящегося населения, о создании прочных мелких и средних хозяйств за счет казенных и частновладельческих земель. С другой стороны, сообщалось о сохранении за прежними владельцами прав на их землю,

о переходе недвижимого имущества из рук в руки лишь путем добровольных соглашений или путем принудительного отчуждения, но обязательно за плату. Более конкретными были временные правила, издававшиеся правительством Юга, целью которых было обеспечить сбор урожая. И тут крестьянам (то есть фактическим держателям земли) стало ясно, что интересы ненавистных им помещиков буду обеспечены при сборе урожая.

В середине июня 1919 года правительство Юга России объявило, что из урожая трав половина принадлежит посевщикам, половина помещику; из урожая хлебов — две трети посевщику, одна треть помещику (помещику, как говорили тогда, шел «злополучный третий сноп»); из корнеплодов — пять шестых посевщику, одна шестая помещику. Осенью эти нормы были изменены в пользу захвативших землю крестьян.

И эти схемы издавались в то время, когда большевики уже давно провозгласили лозунг: вся земля трудящимся!

Но теоретические декларации и схемы были пустяками по сравнению с тем, что на практике творилось во многих местах на Украине.

Свидетельство по этому поводу оставил в своих воспоминаниях генерал Лукомский: «...Каждый крестьянин, работавший на земле, отобранной у помещика, со дня на день ожидал, что или у него отберут землю, или посадят в тюрьму как захватчика чужой собственности. К сожалению.., были случаи, когда помещики под прикрытием войск и при помощи сочувствовавших им офицеров и местной администрации не только отбирали у крестьян скот и инвентарь, награбленный в их экономиях, но и расправлялись с крестьянами, мстя за свое разорение».[18]

Как мог Деникин, стремившийся придать своему движению надклассный характер, да еще с крестьянским происхождением своего отца, покровительствовать такому положению вещей?

Ответом на этот вопрос служат показания людей, близко тогда с ним соприкасавшихся. В принципе, Антон Иванович считал правильным, ввиду «геологического сдвига, который совершился в России» (это его собственные слова),[19] закрепить за крестьянами захваченные ими земли. Он согласен был с некоторыми из своих советников, что это дало бы его движению большой козырь в игре

за психологию масс. Но он не мог преодолеть глубоко сидевшего в нем отвращения к самовольному захвату чужой собственности и ко всякому насилию. Революция породила в нем такое отталкивание от революционных методов действия, что он отказывался провозгласить ясный и понятный мужику земельный лозунг, в котором для крестьянина, в конечном счете, и заключалось социальное содержание того, что произошло за время революции, а именно — отчуждение помещичьей земли в его пользу.

Вожделения помещиков в данном случае не имели на Деникина никакого влияния. Они его возмущали как проявление классового эгоизма. По словам человека, работавшего с ним, Деникин пытался справиться с революционной стихией «приемами, заимствованными из обихода урегулированной государственности», и действовать с юридической корректностью и щепетильностью в отношении всех заинтересованных сторон.[20] В результате мероприятия Деникина не угодили ни тем , ни другим и потерпели полнейшее фиаско.

С чувством гнева на тех, кто дискредитировал его движение, он в конце июня 1919 года разослал телеграммы всем командующим его армиями: «По дошедшим сведениям, вслед за войсками при наступлении в очищенные от большевиков места являются владельцы, насильственно восстанавливающие, нередко при прямой поддержке войсковых команд, свои нарушенные в разное время права, прибегая при этом к действиям, имеющим характер сведения личных счетов и мести... Насильников, как с той, так и с другой стороны, будут привлекать к суду. Всякие направленные к тому самочинные, путем насилия, действия отельных лиц или групп, должны пресекаться самым настойчивым образом. Иначе порядку не скоро суждено будет восстановиться; взаимное ожесточение будет расти, авторитет и популярность армии падет; вместо одного насилия появится другое; население будет видеть в войсках Добровольческой армии не избавителей от произвола, а пристрастных заступников за интересы одного класса в ущерб другим».[21]

Беда генерала Деникина была в том, что армия его к тому времени в полной мере начала выявлять свой классовый характер, и Главнокомандующему приходилось считаться с настроением

известного круга офицеров. Сам Деникин был значительно «левее» своего окружения. Он мог, конечно, независимо от него принять то или иное решение, но, в то же время, он сознавал, что это могло повлечь к разрыву с правыми кругами и вызвать большие осложнения в армии.[22] И это сознание связывало ему руки.

А среди крестьян недовольство переходило от слов к делу. Партизанские шайки на Украине, притихшие на время и смирно сидевшие по своим деревням, снова ожили. Набегами, грабежами, убийствами и поджогами они наводили страх на местную администрацию, на государственную стражу и на ничтожные гарнизоны, разбросанные по некоторым городам.

В горах Северного Кавказа, около Новороссийска, Туапсе, Сочи появились повстанческие отряды крестьян и дезертиров, именовавшие себя «зелеными», потому что они скрывались в зелени лесов. (Атаман Зеленый, действовавший на Украине, никакого отношения к ним не имел.)

Самой значительной из всех повстанческих шаек была банда анархиста Нестора Ивановича Махно. В отличие от других, не имевших политической программы, она провозгласила лозунг анархистов-коммунистов. Там в своеобразном преломлении сочеталась идея организации свободных коммун (которые должны были составить основу будущего общества) с полнейшим произволом и насилием.

Махно был выходцем из крестьянской семьи большого села Гуляй-Поле Александровского уезда Екатеринославской губернии. Родился он в 1889 году и с малых лет принужден был работать. Отец его по заказу Мариупольских мясников закупал для них в своей округе рогатый скот и свиней, а сын, в первое свое десятилетие, помогал отцу резать свиные туши на составные части. Одиннадцати лет Нестора отдали работать в город Мариуполь подручным приказчика в галантерейной лавке. У приказчика о своем подручном остались самые недобрые воспоминания.

«Это был, — рассказывал он потом, — настоящий хорек, молчаливый, замкнутый... Одинаково злобно относился как к служащим, так и к хозяину и покупателям. За три месяца я обломал на его голове и спине, совершенно без всякой пользы, до сорока дере-

вянных аршинов».[23] Мальчишка молча переносил побои, но тут же за них мстил: наливал приказчикам в чай касторовое масло, отрезал пуговицы от их одежды, а раз, сильно обозлившись, ошпарил своего надзирателя кипятком. На этом окончилась коммерческая карьера молодого Махно. Его хорошенько выпороли и вернули к отцу, который вскоре определил сына работать в типографию. Махно присматривался к тому, что делали наборщики, и это ремесло ему понравилось. Там же он познакомился с работавшим в типографии анархистом Волиным (В. М. Эйхенбаумом), который своими рассказами об учении Бакунина и Кропоткина заложил в нем интерес к их теории. В понятии Махно, она сводилась к простой формуле: разрушать все окружающее и не признавать над собой ничьей власти.

В период революции 1905—1906 года огромное впечатление на Махно произвели так называемые «экспроприации», и 16 лет от роду он организовал налет на уездное казначейство в городе Бердянске. Захватив кассу и убив трех чиновников, скрылся, но вскоре был выдан одним из своих товарищей. Суд приговорил его за «убийство и разбой» к пожизненной каторге. С 1908 года он сидел в Бутырской тюрьме, где его судьба свела с отбывавшим там пожизненное заключение анархистом Петром Андреевичем Аршиновым. Так как Аршинов в 1906 году участвовал в организации взрыва полицейского участка поблизости от Екатеринодара, а затем в убийстве начальника железнодорожных мастерских той же губернии, они сошлись на том, что оба совершили «террористические акты». Аршинов оказался духовным отцом и учителем Махно. Вспоминая впоследствии о своем знаменитом ученике, он писал: «Как ни тяжела и безнадежна жизнь была на каторге, Махно тем не менее постарался широко использовать свое пребывание в ней в целях самообразования... Каторга, собственно, была единственной школой, где Махно почерпнул исторические и политические знания, послужившие затем ему огромным подспорием в последующей его революционной деятельности».[24] Эта деятельность началась с марта месяца 1917 года, когда Временное правительство по общей амнистии освободило из тюрем всех «политических» заключенных. Махно сразу помчался на родину, в Гуляй-Поле. С осени того же года, организовав своих односель-

чан, он приступил к налетам на имения окрестных помещиков, убивая владельцев и расхищая их движимое имущество. После оккупации Украины войсками центральных держав он организовал к осени 1918 года значительные отряды партизан и устраивал серьезные набеги на расположения небольших австро-германских гарнизонов. Налеты происходили неожиданно. Застигнутый врасплох неприятель терял свое вооружение, а австро-германские офицеры уничтожались махновцами на месте также, как и все представители германской власти. В основу своей политики Махно положил правило: нещадно убивать врагов крестьянства — помещиков и всех офицеров как русской, так и австро-германской службы. Историк махновского движения Аршинов с удовлетворением отметил, что в этой области Махно весьма преуспел и что в 1918 году он уничтожил «сотни помещичьих усадеб и тысячи активных врагов и угнетателей народа».[25]

Период немецкой оккупации Украины явился для Махно школой ведения партизанской войны. Он понял, что для успеха в этом деле следовало иметь на своей стороне доверие и поддержку местного населения. По мере надобности окрестные крестьяне включались Махно в небольшое, но крепко сплоченное вокруг него ядро постоянного отряда, которое следовало за ним повсюду. Остальное время крестьяне распылялись и сидели по своим деревням. Эти мирные на вид деревенские жители, на самом деле вооруженные до зубов, имели наготове лошадей, повозки, спрятанное оружие и солдатский опыт почти четырехлетней войны. Попав в такое село, постороннему человеку трудно было догадаться, что он находится в вооруженном лагере. А этот лагерь оживал обычно ночью. Тогда по приказанию Махно вся округа начинала кишеть партизанами, и ядро махновского отряда сразу превращалось в значительную боевую единицу.

Система его военной разведки и шпионажа была основана на верности ему деревенского населения. Крестьяне были его лазутчиками и разведчиками. Они держали Махно в курсе всего, что происходило в округе, сообщали о расположении, передвижении, численности и вооружении войсковых частей неприятеля.

Залог успеха заключался в неожиданности и быстроте нападения. Совершая ночью большие переходы, Махно направлял свои

набеги на местечки и города, никак не ожидавшие такого бедствия. С невероятной быстротой появлялся он там, где его меньше всего ждали, захватывал оружие, грабил частное и казенное имущество, кроваво расправлялся с местной администрацией, с зажиточным населением и, поджигая то, что сам и помогавшие ему крестьяне не могли вывести на подводах, с такой же быстротой бесследно исчезал с горизонта, как будто бы растворялся в воздухе.

Изучив все глухие места Екатеринославской и Таврической губерний, он скрывал в них кадровый состав своей крестьянской армии. А партизан, разбросанных по деревням, быстро собирал устным приказанием через свою систему связи. Для скорости он передвигал их с места на место на легких четырехколесных повозках, получивших на Украине название тачанки. Вместе с махновской конницей эта крестьянская пехота на тачанках могла покрывать большие расстояния. Были случаи, когда, проделав в сутки 90—100 километров, она нежданно появлялась в отдаленных местах, расположение которых, казалось, гарантировало от опасности махновского нашествия.

Принципом Махно было держаться вдали от железных дорог. Опасаясь продвигавшихся по ним воинских эшелонов и броневых поездов, он, по собственному выражению, перенес свои действия с рельс на поля и леса. Днепропетровские плавни служили ему иногда убежищем. В глазах местного населения Махно стал героем, легендарной личностью, воплощением разбойной удали Запорожья. Городские жители, страдавшие от его набегов, иначе смотрели на дело. Для них Махно был отъявленным негодяем, грабителем и убийцей. Они считали, что движение его отражало веками накопившуюся злобу на всякие несправедливости, выпавшие на долю крестьян; что, прорвавшись наружу, эта злоба выявляла в самом отвратительном виде звериные инстинкты, в прошлом связанные с именами недоброй памяти Емельяна Пугачева и Стеньки Разина.

После поражения Германии Махно сотрудничал с армией большевиков, надвигавшейся с севера на Украину. В марте 1919 года его повстанческие части официально вошли в состав Красной армии. Месяцем позже начались трения, кончившиеся полным разрывом в мае, когда Троцкий объявил Махно «вне закона».

В середине июля 1919 года в районе города Александрии Херсонской губернии произошла встреча между двумя главарями повстанческого движения — атаманом Григорьевым и батькой Махно, которому атаман прислал короткое письмо: «Батько! Чего ты смотришь на коммунистов? Бей их!» Встреча имела место в расположении махновских отрядов, по инициативе Махно, с целью якобы договориться о дальнейшем совместном плане действий. На самом деле Махно планировал заманить Григорьева в ловушку и там с ним расправиться.

«Семен Каретник, ближайший помощник Махно, несколькими выстрелами из кольта сбил Григорьева с ног, а подбежавший Махно с возгласом: «Смерть атаману!» — тут же дострелил его».[26] Так описал этот эпизод биограф Махно Аршинов.

В Махно не было антисемитизма. Он не устраивал еврейских погромов и даже собственноручно пристреливал тех из своих партизан, кто в таком деле принимал участие. Его идеологическими вдохновителями были евреи: Волин (Эйхенбаум), Зиньковский, Барон, Марк Мрачный и другие. И тем не менее состав махновского отряда не слишком считался со взглядами вождей и, по словам очевидцев, грабил и расправлялся с евреями «на общем основании», то есть, не как с евреями, а как с буржуазным элементом, подлежавшим истреблению.[27]

Что касается убийства Григорьева, здесь преобладало, по-видимому, желание избавиться от опасного конкурента. Этой версии придерживался и генерал Деникин. Он говорил «о двух пауках в одной банке, о борьбе двух атаманов за власть и влияние на тесном пространстве нижнего Днепра, куда загнала их судьба и наступление Вооруженных сил Юга России».[28]

Наступление деникинских войск летом 1919 года гнало большевиков на север, а порвавшего с ними Махно — на запад. Много крестьян из махновских отрядов по дороге распылилось по своим деревням. Сам же Махно с ядром своей «армии» и с длинным обозом раненых добрался до города Умань, поблизости которого находились войсковые части Петлюры. Петлюра и Махно, оба воевавшие с Деникиным, заключили между собой соглашение о «нейтралитете», причем петлюровцы взяли на себя уход за ранеными махновцами. Оторванные от своей базы — Гуляй-Поля, махнов-

цы четыре месяца непрерывно отступали под напором деникинских частей. Шли они в неизвестном для них направлении свыше 600 километров. В конце сентября, утомленные, оборванные, голодные, они готовы были восстать против своего вождя. И чуя грозившую опасность, Махно принял неожиданное для всех решение. Он вдруг круто повернул свой отряд в обратном направлении, ударил в лоб преследовавшим его добровольцам и, прорвав их расположение, полным ходом бросился на восток, к родным местам. По дороге армия его снова обрастала партизанами, крестьяне отовсюду пополняли его войска.

Армии генерала Деникина в то время напрягали все силы в борьбе с большевиками вдоль огромного фронта: Житомир — Киев — Чернигов — Орел — Елец — Воронеж — Лиски — Царицын. Все войска были брошены на фронт, а тыл оказался совершенно оголенным. И по этой гладкой степи беспрепятственно неслись на тачанках с запада на восток повстанцы батьки Махно. Никто в его штабе никакой статистикой не занимался и численность его войск осталась предметом догадок. Советские источники высказывали предположение, что к середине октября 1919 года число махновцев достигло 25 тысяч человек. По дороге они взрывали военные склады добровольцев, истребляли местную администрацию и государственную стражу, портили железнодорожные пути, внося повсюду хаос, панику и разорение. В двадцатых числах октября неожиданно для всех Махно ворвался в Екатеринослав, один из самых значительных городов Украины, и подверг его жестокому разграблению. Махновские части хлынули в направлении Таганрога к Ставке генерала Деникина.

Для борьбы с этой угрозой командованию Юга России пришлось спешно перебросить с фронта нужные там войска, как раз в момент, когда военное счастье Деникина начинало колебаться.

С севера, из конной группы генерала Шкуро, переброшены были Терская и Чеченская дивизии и бригада донцов. Они сильно потрепали Махно. Но банды его, несмотря на большие потери, снова пополнялись. Ликвидация махновщины была затем поручена пехотным частям, переброшенным с запада, под командой генерала Слащева. Они остановили махновские отряды в 80 километрах от Таганрога и временно разогнали их. Но истребить

повстанческие банды им не удалось: они то распылялись, то вновь воскресали. Крестьяне прятались по своим деревням, сам батько Махно куда-то исчезал, чтобы опять появиться и годом позже участвовать совместно с Красной армией в разгроме войск генерала Врангеля в Крыму.

Своим рейдом по глубоким тылам добровольческих войск Махно оказал большую услугу Красной армии. Он помог ей вырвать военную инициативу из рук генерала Деникина. Но через год, использовав Махно в своих целях, большевики снова объявили его «вне закона», и на этот раз всерьез занялись ликвидацией непредсказуемого батьки.

И белые, и красные вожди совершенно одинаково относились к повстанцам.

«Действия повстанческих отрядов, — писал генерал Деникин, — вносили подчас весьма серьезные осложнения в стратегию всех борющихся сторон, ослабляли попеременно то одну, то другую, внося хаос в тылу и отвлекая войска с фронта. Объективно повстанчество являлось фактором положительным для нас на территории, занятой врагом, и тотчас становилось ярко отрицательным, когда территория попадала в наши руки. Поэтому с повстанчеством (на Украине) вели борьбу все три режима — петлюровский, советский и добровольческий. Даже факты добровольного перехода к нам некоторых повстанческих банд являлись только тяжелой обузой, дискредитируя власть и армию».[29]

Ту же мысль высказал Троцкий в одной из своих речей периода гражданской войны:

«Добровольцы Махно, разумеется, представляют опасность для Деникина, поскольку на Украине господствует Деникин... Но завтра, после освобождения Украины, махновцы станут смертельной опасностью для рабоче-крестьянского государства. Махновщина... есть национальный украинский нарыв, и он должен быть разрезан раз и навсегда».[30]

Вопрос о том, чтобы окончательно «разрезать этот нарыв», встал перед красным командованием в ноябре 1920 года, после окончания гражданской войны. Все внимание коммунистов сосредоточилось тогда на обширном районе, центром которого была крошечная точка прежде никому не известного Гуляй-Поля. Махно стал

объектом охоты в государственном масштабе. Окруженный многотысячными красными войсками, много раз раненный, с простреленной шеей, с правой щекой, пробитой пулей, с горстью соратников, которым противник грозил виселицей, он защищался, как затравленный зверь, продолжая упорно отбиваться от наседавшего врага. Пройдя с непрерывным боем много сот километров от Гуляй-Поля до румынской границы, прорывая то тут, то там неприятельские линии, Махно в конце августа 1921 года перебрался через Днестр в Румынию. Оттуда он попал в Польшу и после многих злоключений переехал из Польши в Париж.

Так, неожиданно для себя и для других, этот странный и бесстрашный человек с замашками отъявленного бандита оказался русским политическим эмигрантом во Франции наряду с Буниным, Мережковским, Алдановым, Бердяевым, Дягилевым, Милюковым, Керенским, Мельгуновым, Деникиным и многими другими, которым, в принципе, он готов был перерезать горло.

Выброшенный из привычной ему стихии разгула, пьянства, самоуправства и постоянной опасности, полуграмотный Махно очутился во Франции без денег и без языка. Время от времени он работал маляром. С помощью анархистов хотел написать и издать воспоминания, чтобы обелить себя и придать «идейный характер» своему движению, на этой почве перессорился со своими литературными сотрудниками. Одинокий, тщеславный, озлобленный на всех и на все, он умер под Парижем в 1935 году от туберкулеза легких. Три тетради его незаконченных воспоминаний вышли уже после его смерти в литературной обработке Волина (Эйхенбаума).

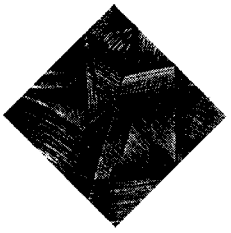
Одним из пунктов его ущемленного самолюбия был факт, что в истории гражданской войны большевики умышленно преуменьшали роль, которую сыграл Махно в подрыве белого движения на Юге России.

Нет сомнения, что многие лица, внимательно изучавшие способы ведения партизанской войны в России, сделали соответствующие выводы из методов, выработанных батькой Махно.

К их числу принадлежали и будущий маршал Тито и Хо Ши Мин, обучавшиеся революционному ремеслу в Советском Союзе.

Глава XXV

ВНЕШНИЕ СНОШЕНИЯ И ВНУТРЕННИЕ НЕЛАДЫ



К началу осени 1919 года в Западной Европе создалось впечатление, что дни советской власти сочтены. Газеты европейских столиц сообщали об огромных успехах генерала Деникина, о начавшемся наступлении Юденича на Петроград, о разложении красных войск, о паническом настроении в Москве.

В правительственных кругах Парижа к тому времени поняли степень удара, нанесенного престижу Франции в России бесславным эпизодом в Одессе, и начали с тревогой думать о необходимости скорее наладить испортившиеся отношения с генералом Деникиным, армии которого, казалось, победоносно двигались на Москву. В те дни французское правительство проходило через мучительную фазу пересмотра своей внешней политики. Оно мрачно следило за переменой в американских настроениях, стремившихся оторваться от всяких европейских осложнений и замкнуться в своих внутренних делах, не слишком доверяло Англии и со страхом думало о своем одиночестве в случае возрождения германской мощи. Его пугал призрак возможного сближения Германии, мечтавшей о реванше, с освобожденной от большевиков Россией, задетой в своем национальном самолюбии непродуманной политикой Франции. А потому требовалось принять спешные меры, чтобы изменить неблагоприятную обстановку. С этой целью на Юг России была отправлена особая миссия во главе с известным и заслуженным генералом Манженом. Приехала она в Ставку генерала Деникина в начале октября.

В истории французских взаимоотношений с генералом Деникиным миссия Манжен сыграла незначительную роль ввиду никем не предвиденных событий, вскоре разыгравшихся на Юге России. Тем не менее дружеский характер миссии дал возможность сгладить прошлые шероховатости, история которых связывалась не только с Одессой и с Крымом. Были и другие, не менее важные, причины, сильно покоробившие генерала Деникина.

В конце января 1919 года, после того как Донская армия признала над собой верховное командование Деникина, к атаману Краснову явился капитан французского генерального штаба Фуке, бывший тогда во главе французской военной миссии при генерале Деникине. Сообщив атаману, что он действует от имени генерала Франше д'Эспере, Фуке сказал Краснову, что на помощь его войскам, терпевшим неудачи на фронте, будет немедленно прислана французская дивизия, при одном однако условии. Он предложил атаману Краснову подписать два заготовленных им «соглашения». Первое из них обязывало Краснова, как «выборного и признанного представителя Донского правительства, а также как представителя одной из будущих частей Великой России», согласиться на возмещение всех убытков, которые французские граждане понесли с момента революции. Вторая бумага, касаясь соглашения подписанного 26 декабря 1918 года, по которому Краснов признавал свое подчинение генералу Деникину, ставила донского атамана не только в двусмысленное, но и в чрезвычайно ложное положение. Согласно этому документу атаман Краснов, сохраняя свое подчиненное отношение к Деникину, должен был в то же время признать над собой верховную власть генерала Франше д'Эспере по всем вопросам: «военным, политическим и общего порядка».

Поступок Фуке возмутил Краснова. Как подчиненный, он немедленно довел информацию о нем до сведения генерала Деникина. В Ставке последнего это вызвало взрыв негодования: «Считаю... верхом бестактности предъявление капитаном Фуке подобного требования вам без предварительного испрошения на то моего согласия, — писал Деникин Краснову. — Предложенное вам соглашение предусматривает подчинение генералу Франше д'Эспере по вопросам военным, политическим и общего порядка. На подобное подчинение я никогда не пойду и не допущу, чтобы тако-

вое было бы признано какою-либо из подчиненных общему командованию частей. Равным образом, никогда не допущу никакого вмешательства в наши внутренние дела и считаю, что вопросы общего порядка, равно как и политического, должны решаться только нами, русскими, по нашему усмотрению, как мы их понимаем, и никакие чужеземные власти не смеют даже претендовать на какое-либо руководство в этом направлении».

Телеграммой от 3 февраля к Франше д'Эспере генерал Деникин потребовал отозвания Фуке, выразив уверенность, что «не соответствующие достоинству русского имени документы» не могли быть присланы французским командованием, а явились результатом неуместной личной инициативы Фуке.[1]

Ответа на свою телеграмму Деникин не получил, но Фуке был сразу отозван и сменен полковником Корбейлем.

Подводя итог эпизоду с Фуке, Антон Иванович писал, что и начал-то он свою карьеру на Юге как-то странно — предоставлением мне на подпись дифирамба своим заслугам, для ходатайства перед Франше д'Эспере о производстве его в следующий чин. Окончил же совсем печально.[2]

В то время как английские военные представители при Деникине были заслуженными генералами британской армии и находились в непосредственном подчинении Черчилля, выполняя его директивы, Франция назначила своим первым военным представителем на Юге России какого-то капитана, подчинила его своему командованию в Константинополе, плохо разбиравшемуся в русских делах, подчеркивая этим в глазах Деникина свое пренебрежение к возглавляемому им движению.

А потому неудивительно, что заменивший Фуке полковник Норбейль, офицер совершенно иного калибра, человек образованный и умный, тяжело переживал не им созданную атмосферу натянутости и взаимного недоверия. А она вызывала постоянные трения даже в мелочах, иногда по вопросам почти анекдотического характера.

Еще в августе 1918 года, после союзного десанта в Архангельске, советская власть захватила в качестве заложников представителей «англо-французской буржуазии», находившихся в Петрограде и Москве. Большевики грозили их расстрелять в случае захвата

союзным десантом города Вологды. Вологду союзники оставили в покое, но их интервенция в России продолжалась, и иностранные заложники продолжали сидеть по советским тюрьмам. С успешным продвижением деникинских войск на север, Французское министерство иностранных дел решило обратиться в штаб генерала Деникина со следующей не совсем обычной просьбой, о которой еще никогда не упоминалось в печати: уступить Франции некоторых из захваченных добровольцами «выдающихся» большевиков («a livrer a la France quelques Bolcheviks notables»), с тем чтобы, имея их у себя в руках, начать переговоры с Москвой об обмене их на заключенных в большевистских тюрьмах французских граждан.

Ответ на эту просьбу был не слишком любезным. В нем сообщалось, что добровольцы «выдающихся» большевиков в плен не берут, а расстреливают на месте, и потому не могут одолжить таковых Франции в виде заложников.

Воздержавшись от каких-либо комментариев по поводу поголовных расстрелов «выдающихся» пленных как с той, так и с другой стороны, правительство Франции продолжало дипломатическую переписку по вопросу о заложниках. 19 ноября 1919 года, уже после посещения Таганрога миссией генерала Манжена (то есть тогда, когда отношения между Францией и Югом России как-то наладились) Французское министерство иностранных дел обратилось к русскому посольству в Париже (где находились представители Колчака и Деникина, которых французское правительство вообще игнорировало) с просьбой похлопотать о том, чтобы генерал Деникин пересмотрел свое первоначальное решение и сделал бы для Франции исключение из общего правила. («Le Ministre des Affaires Itrangires... espere qu'elle [L'Ambassade de Russie] voudra bien insister aupres du General Denikine pour obtenir quelques exceptions qui faciliteraient grandement un ichange auquel l'opinion francaise s'interesse au plus haut point».)[3]

В архивном материале нет ответа на это любопытное письмо. Можно предполагать, что ответа вообще не последовало, так как ко времени, когда французская просьба дошла по назначению, Вооруженные силы Юга России под напором неприятеля быстро катились с севера к берегам Черного моря.

Что же касается французских попыток заполучить видных большевиков в качестве заложников, то в данном случае Франция не была в одиночестве. Тем же занимались англичане, но они не обращались по этому вопросу к генералу Деникину, а действовали самостоятельно. Им посчастливилось задержать в Лондоне Максима Литвинова и обменять его на арестованного в Советской России британского дипломатического представителя Бруса Локхарта.

К осени 1919 года правительству генерала Деникина удалось наконец уладить с французами один из важных пунктов раздора, а именно вопрос о русском Черноморском флоте и о коммерческих кораблях, захваченных французами в Одессе.

К моменту германской оккупации Украины и Крыма русский флот был выведен из Севастополя в Новороссийск, находившийся тогда в руках советской власти. Согласно условиям Брест-Литовского мира немцы потребовали от большевиков его сдачи. В середине июня 1918 года из Москвы в Новороссийск было послано две телеграммы, одна с приказом передать немцам корабли, другая, зашифрованная, с приказом их потопить. Среди красных моряков произошел раскол. В результате часть флота ушла в Крым, передав свои суда немцам. Другая часть потопила свои корабли около Новороссийска. После поражения Германии, русские суда, переданные немцам, были конфискованы союзниками. В числе кораблей, согласно генералу Деникину, был дредноут «Воля» (бывший «Император Александр III»), более десятка миноносцев, несколько подводных лодок, старые линейные корабли и много судов вспомогательного назначения. Большинство боевых судов требовало капитального ремонта. Союзники заняли эти корабли своими командами и подняли на них свои флаги. Тем не менее к началу больших военных операций генерала Деникина в середине 1919 года в его распоряжении в Черном море находился крейсер «Кагул» (переименованный в «Генерала Корнилова»), 5 миноносцев, 4 подводных лодки и десятка два вооруженных пароходов, лодок и барж. Последующие успехи Добровольческой армии склонили союзников передать генералу Деникину к осени 1919 года для обслуживания Вооруженных сил Юга России все остальные русские военные и коммерческие суда, захваченные ими в Черном море, в том числе 22 русских коммерческих парохода, увезенных французами из Одессы.[4]

После окончания Второй мировой войны, когда Соединенные Штаты стали главной мишенью коммунистической пропаганды, появилась целая литература, изобличавшая Америку во всех греховных замыслах мирового империализма. В применении к Советскому Союзу этот период начинается со времен гражданской войны в России. Советскими историками Соединенные Штаты выставляются самым злостным подстрекателем интервенции, причем, обычно умалчивается численность американских войск, участвовавших в этом предприятии тем самым как бы дается понять, что их было очень много. На самом деле эта цифра незначительна. Во Владивостоке под командой генерал-майора Гревса высадилось около 7 тысяч человек (5 тысяч человек из 8-й дивизии, расположенной тогда в лагере Фремонт около Пало Альто в Калифорнии). К ним присоединились 27-й и 31-й пехотные полки, переброшенные из Филиппинских островов. В Архангельске же высадилось около 5,5 тысяч американцев.[5]

На Юге России Соединенные Штаты были представлены военной миссией, во главе которой стоял адмирал Мак Калли, а ближайшим его сотрудником был полковник Форд (Admiral N. A. McCully, Colonel Clyde S.Ford). Американская миссия держалась в стороне от других и смотрела на свои обязанности как на функции постороннего, хотя и доброжелательного наблюдателя. Генерал Деникин следующим образом охарактеризовал отношение американцев к Югу России: «С правительством Северо-Американских Соединенных Штатов отношения были полуофициальные. Представители их не обладали надлежащими полномочиями, избегали каких-либо политических обязательств... Они имели поручение «изучать положение южной России для нужд мирной конференции...» С ведома верховного правителя [адмирала Колчака] мы получили в небольших размерах военное снабжение, заготовленное в Америке по заказам прежнего российского правительства, частью же приобретали его прямой покупкой. И единственная помощь, которую нам оказывали американцы, правительство и общество — помощь весьма щедрая — заключалась в доставке нам медицинских и санитарных запасов».[6]

Сербия, больше других стран пострадавшая во время Первой мировой войны, готова была оказать генералу Деникину помощь

отрядами добровольцев. Регент Александр, впоследствии король образовавшегося королевства сербов, хорватов и словенцев (переименованного затем в Югославию), предлагал генералу Деникину сформировать из сербов добровольческий корпус в 30—40 тысяч человек и послать его в полное распоряжение Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. Однако ввиду разорения Сербии снабжение такого отряда могло осуществиться только при помощи союзников, а переговоры с ними по этому вопросу не дали никаких результатов.

Искренний друг России, прекрасно говоривший по-русски, получивший свое образование в России, Регент Александр писал генералу Деникину из Белграда: «С напряженным вниманием слежу за движением Ваших геройских войск и от души желаю Вам успеха в Вашем патриотическом и историческом труде, имеющем неизмеримое значение для всех славян. В знак же уважения моего к личной Вашей доблести и сочувствия великому Вашему делу, прошу Вас принять и носить знаки ордена Белого Орла первой степени с мечами».[7]

Среди иностранных орденов, полученных генералом Деникиным в годы гражданской войны, был и британский «Знак отличия Рыцаря Командора ордена Бани». Он был вручен ему в конце мая 1919 года английским генералом Хольманом, человеком гигантского роста, сменившим генерала Бриггса в должности начальника британской военной миссии. Вместе с орденом, Хольман передал генералу Деникину личное письмо от британского военного министра Черчилля. Копия этого письма (хранящаяся в архиве Гуверовской библиотеки в Калифорнии) имеется лишь в посредственном русском переводе, сделанном в Екатеринодаре для генерала Деникина, не владевшего английским языком. К сожалению, русский текст не отражает того красочного и своеобразного стиля, которым обладал автор английского подлинника.

«Цель приезда [генерала Хольмана], — писал Черчилль, — всяческим образом помочь Вам в Вашей задаче сломить большевистскую тиранию... Я надеюсь, что Вы отнесетесь к нему как к другу и товарищу, с полным доверием, и не преминете посылать сведения через него мне или же начальнику Имперского Генерального шта-

ба. В согласии с политикой правительства его Величества мы сделаем все возможное, чтобы помочь Вам во всех отношениях».[8]

То, что говорил Черчилль, не было пустой фразой. Находясь в непосредственном подчинении военного министра Британии, генерал Хольман точно следовал его указаниям. По словам генерала Деникина, политика британской военной миссии на Юге России всегда была «прямой, открытой и доброжелательной».[9]

«Генерал Хольман и его многочисленный штаб, — писал Антон Иванович, — не отделяли совершенно русских интересов от английских. В одном интервью генерал Хольман заявил:

— Находясь здесь, я считаю себя прежде всего офицером штаба генерала Деникина, в котором я должен так же работать на пользу России, как я работал во время войны во Франции в штабе генерала Раулинсона...

Он работал с большой энергией, увлечением и пользой для нашего дела. В узких пределах, не могших вызвать особенного внимания и тревоги парламента и в особенности рабочей партии, английское командование допускало участие англичан и в боевых действиях. Так, Черноморская британская эскадра оказывала нашим войскам серьезную поддержку в операциях на побережье Азовского и Черного морей, английские авиационные отряды вели самоотверженную разведку и бои в рядах наших армий, а сам генерал Хольман лично участвовал в воздушных атаках...»[10]

Таким образом, к осени 1919 года отношения Вооруженных сил Юга России со внешним миром (за исключением Польши) приняли более или менее удовлетворительные формы. Понятие «внешнего мира» было, конечно, относительным. Оно вращалось главным образом вокруг двух больших союзных держав, Англии и Франции, и исключало бывших противников мировой войны. А между тем в центральных державах после их поражения происходили события, сильно напоминавшие Россию. В Германии вспыхнуло два больших коммунистических восстания. Первое, в январе 1919 года, коснулось Берлина; второе, в апреле, захватило Баварию. Однако оба были быстро подавлены.

Серьезнее обстояло дело с Венгрией. Потеряв после войны Хорватию, Словению, Трансильванию и часть собственных, венгерских земель, она была ошеломлена своим унижением; и советская

пропаганда, влившаяся в нее широким потоком через военнопленных венгров вернувшихся из России, нашла там благодатную почву. «Демократическое» правительство Кброльи, следуя неудачному примеру Керенского, довело страну до большевизма. В конце марта 1919 года в Венгрии была провозглашена советская республика, во главе с коммунистом Бела Куном. За несколько месяцев перед тем он вернулся из русского плена, снабженный средствами, и действовал по большевистскому рецепту. Советская власть просуществовала в Венгрии с 21 марта до 1 августа 1919 года (нового стиля). Она окрылила Ленина надеждой на мировую революцию. Он готовился направить советские войска на соединение с образовавшейся в Венгрии Красной армией, и планы прорыва через захваченную румынами Буковину уже были разработаны советским командованием.[11]

Но этому помешало наступление Деникина, смешавшее все советские карты. Советский строй в Венгрии был смещен, а главари его, вместе с Бела Куном, бежали в Москву.

Таким образом, косвенным путем и неожиданно для самого себя генерал Деникин сыграл в тот момент большую роль в судьбах Венгрии.

Зато отношения с теми российскими территориями, которые провозгласили свою независимость, не давали командованию белых повода радоваться. Причиной тому был бескомпромиссный лозунг «единой неделимой России». Он отталкивал от себя все новообразования.

С момента, когда Добровольческая армия вступила в пределы Украины, возник украинский национальный вопрос. По мнению генерала Деникина, этот вопрос имел искусственное происхождение, был инспирирован немцами, стремившимися к расчленению России, и был разработан ничтожной группой украинских интеллигентов-шовинистов, не отражавших народных настроений.

У Антона Ивановича к тому времени сложился твердый и неизменный взгляд на национальное, религиозное и культурное единство русского народа в лице трех ветвей его — великорусской, малорусской и белорусской.

— Эти ветви, — говорил он, — отличаясь местными особенностями, творили купно свою историю, представляющую, по выражению профессора Ключевского, «широкий общерусский поток событий, образующийся из слияния крупных и мелких местных ручьев».[12]

В подходе к русской истории Антон Иванович был последователем Ключевского и отметал всякую иную интерпретацию этого вопроса. Украину он принципиально называл Малороссией. Это не было капризом самоуверенного человека, которому случайный успех вскружил голову. Деникин хорошо знал русскую историю и быт Малороссии-Украины. Он знал, что в старой России не было национального притеснения украинского населения, не говоря уже о каком-то якобы порабощении; и что, если время от времени и чувствовалось бюрократическое давление, шедшее из Петербурга, то оно в одинаковой мере ощущалось как в Малороссии, так и в Великороссии. Он знал, что крестьяне Украины были зажиточнее и богаче своих великорусских соседей и что никто никогда не мешал им говорить на своем родном языке.

В первоначальном движении на Украину добровольческие войска имели лишь одного противника: Красную армию. Однако, подойдя к Киеву, они встретились с украинскими частями, во главе которых стоял Симон Петлюра.

Ранней зимой 1919 года, после захвата Украины большевиками, Петлюра с группой единомышленников и с разложившимися бандами своих последователей бежал в Галицию, то есть в часть Украины, прежде принадлежавшую Австро-Венгрии. Там он нашел поддержку среди местного украинского элемента из бывших австрийских офицеров и солдат, образовавших Галицийскую армию.

Петлюре удалось объединить под своим началом хорошо организованных галичан со слабыми воинскими частями бежавшими с ним из русской Украины. Образовав две армии, Галицийскую (во главе с бывшим австрийским офицером Тарнавским) и Украинскую (во главе с атаманом Тютюнником, бывшим одно время начальником штаба недоброй памяти атамана Григорьева), Петлюра провозгласил себя «генералиссимусом». К середине лета войска его достигали численности в 35 тысяч человек, из которых свыше 20 тысяч были галичанами. Взаимоотношения галичан и украин-

цев были натянутыми. Первые сохранили воинскую дисциплину и держались сравнительно консервативных взглядов. Украинцы же, развращенные грабежами и еврейскими погромами, зараженные духом анархии, являли пример полнейшей распущенности. У каждой из двух сторон имелось свое правительство, и они враждовали друг с другом. Украинская директория Петлюры старалась навязать свою волю галицийскому правительству во главе с Петрашевичем. Причина, толкнувшая их к столь непрочному единению, была простая. Выброшенный большевиками из пределов русской Украины, Петлюра искал убежище в родственной ему по крови и языку Галиции. Галичане же, ненавидевшие поляков и боявшиеся, что новое польское государство попытается присвоить себе их территорию, надеялись усилить свои войска притоком отрядов пришедших с Петлюрой. Надежды не оправдались. Быстро возрастая, взаимное недоверие дошло до полного разлада, когда галичане (которых, наконец, Польша в июле 1919 года вытеснила из Галиции), узнали, что за их спиной Петлюра вел какие-то таинственные переговоры с польским правительством.

Петлюровцы считали своим главным недругом Россию, всякую Россию, как Красную, так и Белую. В гражданской войне они готовы были поддерживать одну из борющихся сторон лишь для того, чтобы ослабить другую, и добиться от обескровленного победителя признания полной независимости Украины. Галичане к России относились благожелательно, видели в ней защиту от полонизации своего края. В принципе они не противились тому, чтобы Украина и Галиция вошли в состав единого русского государства, как объединенная и вполне автономная область. Это резкое расхождение с Петлюрой вело их к следующему этапу разногласий. Галичане не желали воевать с Деникиным. Их правительство и командование верило в моральную порядочность русского генерала, в то время как близкое знакомство с украинским «генералиссимусом» убедило их в его оппортунизме, любви к интриге и моральной неустойчивости. Примером тому, в их глазах, служили переговоры, которые еще в начале июля представитель Петлюры вел в Бухаресте одновременно и с представителем Деникина и, тайно от него, с румынским правительством. Предложение петлюровцев деникинскому представителю сводилось к следующему.

Отложить на неопределенный срок разрешение всех спорных вопросов о будущем устройстве русского государства и о положении Украины, чтобы создать единый боевой фронт против большевиков под командованием генерала Деникина. Но тут ставилось щекотливое условие: чтобы добровольцы со своим лозунгом «единой, неделимой России» не препятствовали петлюровцам идти под знаменем независимой Украины, ибо отказ от самостийности был для них немыслим.

Предложение Петлюры было неприемлемо для Деникина но, по крайней мере, оно без утайки высказывало петлюровскую точку зрения. Более макиавеллистичным было предложение, которое Петлюра одновременно делал румынам. В меморандуме к румынскому правительству его представитель старался доказать опасность, одинаково грозившую и румынам, и украинцам как от большевистской, так и от деникинской России. Рано или поздно, говорилось в меморандуме, Россия потребует от Румынии возврата Бессарабии. А потому для совместной «защиты» и от большевиков, и от Деникина, Петлюра предлагал румынам союз, заранее соглашаясь пойти в отношении Румынии на какие угодно «территориальные уступки и даже жертвы».[13]

Если Деникин в то время и не знал деталей сложных изгибов петлюровской политики, он имел о ней достаточно определенное представление. Уроженца России Петлюру он считал изменником, проходимцем, авантюристом и не верил ему ни на грош. Даже временное соглашение с таким человеком, в глазах Деникина, было недопустимо. Но пропастью, отделявшей его от Петлюры, был чисто принципиальный вопрос: как мог он, генерал Деникин, идти на компромисс с расчленителем России?

О своей непреклонной позиции он известил (3 августа) состоявших при нем союзных военных представителей. К тому времени они сами убедились в бесцельности дальнейших переговоров с Петлюрой. Вслед за тем Деникин отдал приказ войскам:

«Самостийной Украины не признаю. Петлюровцы могут быть или нейтральны, тогда они должны немедленно сдать оружие и разойтись по домам; или же — примкнуть к нам, признавшим лозунги, один из которых — широкая автономия окраин. Если петлю-

ровцы не выполнят этих условий, то их надлежит считать таким же противником, как и большевиков».[14]

При таких обстоятельствах деникинские войска под начальством генерала Бредова встретились 17 августа у Киева с галицийскими частями. Пользуясь расстройством Красной армии, отступившей под напором Деникина, Петлюра свободно продвинул свои части к Киеву с запада, чтобы первым войти в столицу Украины и удержать ее в своих руках. Бредов и галичане вступили в Киев одновременно. Однако, желая избежать столкновения с добровольцами, галичане согласились на предложение Бредова покинуть город и отойти от него на один переход. На следующий день было опубликовано соглашение между Бредовым и галичанами. Неожиданно для Петлюры галичане заявили, что они действуют независимо от него. Днем позже, и на этот раз неожиданно для галичан, Петлюра заключил договор с Польшей, уступив ей Галицию (то есть родину галичан) и прикарпатскую Русь. С этого момента пути галичан и петлюровцев окончательно разошлись. Галичане признали над собой верховное командование генерала Деникина. Петлюра же превратился в послушное орудие польской политики, целью которой было ослабление и расчленение России.

В течение двух последующих месяцев добровольцы имели несколько кровавых стычек с петлюровцами и сильно потрепали их в районе Умани, Гайсина и Бирзулы. В начале ноября Петлюра со своим штабом, правительством и ничтожным количеством войск бежал от добровольцев за линию расположения польской армии. Чтобы оградить себя от возможности нападения, генералу Деникину пришлось держать на «петлюровском фронте» около 8—10 тысяч бойцов.

Как разногласия с Грузией, так и ссора с Петлюрой, принуждали добровольческое командование держать в виде заслона известное количество войск на второстепенных участках, вместо посылки их на главный фронт, против большевиков.

Перед занятием добровольцами Киева было опубликовано обращение Главнокомандующего к населению Малороссии. Там указывалось на желание немцев отторгнуть от России «малорусскую ветвь русского народа» и создать из нее самостоятельную украинскую

державу при посредстве немецких ставленников Петлюры и его соратников. Категорически отвергая возможность отделения Малороссии от России, декларация обещала бережно относиться к народным особенностям края, к его обычаям и местному народному языку. «В виде сего, — гласила декларация, — в основу устроения областей Юга России будет положено начало самоуправления и децентрализации при непременном уважении к жизненным особенностям быта». Декларация заканчивалась следующим заявлением:

«Оставляя государственным языком на всем пространстве России язык русский, считаю совершенно недопустимым и запрещаю преследование малорусского народного языка. Каждый может говорить в местных учреждениях.., присутственных местах и суде — по-малорусски. Частные школы, содержимые на частные средства, могут вести преподавание на каком угодно языке. В казенных школах, если найдутся желающие учащиеся, могут быть учреждаемы уроки малорусского народного языка в его классических образцах. Равным образом не будет никаких ограничений в отношении малорусского языка в печати».[15]

Правление генерала Деникина было слишком мимолетным на Украине, чтобы наложить какой-либо отпечаток на культурную жизнь края. Но среди части местной интеллигенции декларация вызвала осуждение. Один из ее представителей, М. П. Чубинский (бывший ординарный профессор Императорского Александровского лицея, затем министр юстиции гетманского правительства, доктор уголовного права), которого нельзя было заподозрить в революционности, говорил: «Воззвание генерала Деникина... больно ударило не только по самостийникам, но и по всем тем, кто, стоя на почве государственного единства России и автономии Украины, высоко ценя русский язык, как выразителя русской культуры, желал широких прав и для своего языка, который он горячо любил».[16]

Что же касается широких масс населения Украины, то Антон Иванович был прав, когда писал: «Народ чрезвычайно мало интересовался исторической родословной. Ему были одинаково неведомы и чужды теории и изыскания и Ключевского, и Грушевского» [украинского националиста и историка Украины].

Народ интересовался не теорией, а фактами. А факты, как мы видели в предыдущей главе, складывались в сознании крестьянства не в пользу генерала Деникина.

Вдобавок к уже перечисленным причинам, немалую роль в раздражении, нараставшем среди населения против белых, играла администрация, вступившая в управление областями, очищенными от большевиков, а также общая атмосфера распущенности тыла и охватившая его стихийная спекуляция.

Захватив власть, большевики сразу поняли, что для управления страной им необходимо сохранить в своих руках старый административный аппарат. Путем принуждения они использовали в своих целях большинство старых служащих в правительственных учреждениях. Поставив на руководящие посты верных новому режиму людей, им удалось пустить в ход старую бюрократическую машину. Шла она со скрипом и с перебоями, но все же действовала.

Совершенно обратное произошло на русских окраинах. За время революции и гражданской войны административный аппарат там совершенно развалился. Деникину, как и Колчаку, заново пришлось создавать на местах свое гражданское управление. Процесс этот оказался чрезвычайно трудным, а результат мало удовлетворительным.

Не имея на то времени и не желая вмешиваться в мало ему знакомые функции гражданского управления, Антон Иванович поручил решать этот вопрос своему Управлению внутренних дел, указав, что подбору администрации необходимо уделить самое серьезное внимание, особенно выбору людей на должности начальников губерний и уездов. Бывший тогда Управляющим отделом внутренних дел Н. Н. Чебышев решил использовать административный опыт тех лиц, которые оказались под рукой и которые до революции занимали посты губернаторов. Расчеты Чебышева не оправдались. Люди, выбранные им, проявили полное непонимание грандиозных психологических сдвигов, происшедших в стране. Печальную картину администрации южнорусской провинции описал в своих воспоминаниях генерал Деникин:

«Для них все было в прошлом, и это прошлое они старались возродить и в формах, и в духе. За ними следом потянулись низшие агенты прежней власти — одни испуганные революцией, другие озлобленные и мстящие. Приходили они в районы для них незнакомые, пережившие уже не один режим, с населением, потерявшим уважение к закону и власти, и недоверчивым, с жизнью, выбитой из колеи, насыщенной взаимными обидами и классовой враждой. Уезды кишели шайками... всевозможных атаманов и остатками рассеявшихся красноармейцев, до крайности затруднявших передвижение... Жизнь гражданской администрации, как и всего служилого элемента Юга, была неприглядная благодаря нищенскому содержанию и толкала их на искушение».[17]

Мы уже знаем, что нищенское содержание, толкавшее людей на «искушение», привело к необычайному взяточничеству, которое, в свою очередь, подрывало авторитет власти.

Тыл деникинской армии, то есть огромный район, находившийся позади фронта с его разнородным населением, включавшим представителей всех классов, всячески старался отгородиться от участия в войне. Антон Иванович следующим образом отметил это явление:

«Классовый эгоизм процветал пышно повсюду, не склонный не только к жертвам, но и к уступкам. Он одинаково владел и хозяином и работником, и крестьянином и помещиком, и пролетарием и буржуем. Все требовали от власти защиты своих прав и интересов, но очень немногие склонны были оказать ей реальную помощь. Особенно странной была эта черта в отношениях большинства буржуазии к той власти, которая восстанавливала буржуазный строй и собственность. Материальная помощь армии и правительству со стороны имущих классов выражалась ничтожными в полном смысле слова цифрами. И в то же время претензии этих классов были весьма велики».[18]

Публика, окопавшаяся в тылу по разным городам, занималась спекуляцией в широком масштабе. В категорию спекулянтов включился значительный процент бывших офицеров, оказавшихся на территории Украины. Испытав на себе перемену всяких режимов — гетманского, петлюровского, большевистского — эти люди научились повсюду «ловчить» и выработали

циничный подход к жизни, в котором идеология совершенно отсутствовала. Их целью было так или иначе приспособиться к быстро менявшимся обстоятельствам, и в этой области многие из них достигли высокой степени совершенства. Одев для престижа старые погоны, они умудрялись или избегать производившейся повсюду регистрации офицеров, или устраиваться на теплые места, дававшие возможность заниматься на стороне темными аферами. Аресты, тюремные заключения и даже расстрел не побороли этого зла.

Приобретенные нечестным путем товары: съестные продукты, сахар, соль, консервы, спиртные напитки, одежда, белье, присланное англичанами обмундирование — все это продавалось и перепродавалось спекулянтами на черном рынке. Добровольцы, попадавшие в тыловые города, чтобы залечить раны или оправиться от болезни, с отвращением и злобой видели, как за спиной их бескорыстной службы на фронте, в тылу происходил пир во время чумы с разгулом, пьянством, кутежами и швырянием денег.

Как реагировал на эти явления Главнокомандующий?

Убедившись в неудачном подборе губернаторов и их помощников, он сместил начальника Управления внутренних дел Чебышева, назначавшего их на эти посты, и заменил его почетным, но так же мало подготовленным к такой работе юристом В. П. Носовичем. В выборе своих помощников по гражданской части Деникин испытывал огромное затруднение, в котором сам с полной искренностью признавался:

«По условиям своей жизни и военной службы, главным образом на окраинах, я имел ранее очень мало соприкосновений с миром государственных политических и общественных деятелей и поэтому испытывал большое затруднение в выборе людей на высшие посты управления. Вначале мною практиковалась такого рода проверка: когда предлагали кандидатуру «справа», я наводил справки «слева», и наоборот. Потом этот порядок оформился, и все предложения о замещении своего состава и высших постов были возложены мною на Особое совещание, предводитель которого представлял мне результаты выбора».[19]

Антон Иванович отлично создавал свою неподготовленность в области государственного управления. Вся его прошлая жизнь и

служба ставили перед ним чрезвычайно сложные преграды в подходе к этому вопросу. Деникин понимал, что успешно преодолеть их он мог только с помощью человека опытного и выдающегося в административной области. Но такого лица не оказалось на его горизонте. Не было человека столыпинского калибра, которому Антон Иванович мог бы доверить все управление «тылом», чтобы самому всецело сосредоточить внимание на ведении войны. «Нет людей!..» — с горечью жаловался он на судьбу.

И вновь из Ставки Главнокомандующего шли строгие приказы о недопустимости в прифронтовой полосе и в тылу каких-либо злоупотреблений. Вновь посылались туда особые комиссии, чтобы расследовать все случаи нарушения закона, чтобы привлекать виновных к ответственности.

Но все эти меры оказались тщетными. Многих арестовали, кое-кого приговаривали к каторжным работам, быть может, и к повешению. Но все это производилось как-то неумело, без огласки, и правительству Юга России не удалось внушить своим войскам, гражданской администрации и населению, что оно не допускает произвола.

В своих воспоминаниях генерал Деникин констатировал факт, что «наряду с примерами высокого самопожертвования, русская смута всколыхнула еще в большей степени всю грязную накипь, все низменные стороны, таившиеся в глубинах человеческой души».[20]

По мере удаления большевистской опасности от Кубани отношение Кубанской рады к командованию Юга России становилось все более и более вызывающим. Трения, как мы знаем, начались давно. Уже в конце 1918 года генерал Деникин мечтал перевести свою Ставку из Екатеринодара куда-нибудь подальше от кубанской столицы. Сперва он думал перебраться в Крым, но по различным причинам это оказалось невозможным. Однако, с продвижением его армии на север, Главнокомандующий перевел, наконец, свою Ставку в Таганрог, портовый город на Азовском море, где в ноябре 1925 года скончался император Александр I. По своему размеру этот город не мог вместить разросшиеся к тому времени штаты правительственных учреждений. А потому все управления Особого совещания перешли в Ростов. При расстроенном желез-

нодорожном сообщении между двумя городами такая разобщенность штаба с правительством представляла большие неудобства и затруднения. Тем не менее Антон Иванович со вздохом облегчения расстался с интригами кубанской столицы. Генерал Деникин не предвидел тогда, что с переездом Ставки и правительства из Екатеринодара положение там резко изменится к худшему, что моральный авторитет добровольческого командования быстро поблекнет. Почувствовав, что тормоза деникинской власти ослабли, Кубанская рада открыто начала проявлять центробежные стремления.

Как мы уже знаем, коренное население Кубани состояло из «черноморцев» (потомков малороссийских крестьян и запорожского казачества) и из «линейцев» (по своему происхождению в большинстве великороссов). В раде преобладало влияние черноморской интеллигенции, с нескрываемыми симпатиями к Петлюре и с желанием создать из своей области самостоятельную республику. Атаман же Кубанского войска, генерал Филимонов, был «линейцем», стоявшим на политической платформе Добровольческой армии с ее лозунгом «единой, неделимой России». Однако конституция Кубанской области ставила атамана и его правительство в полную зависимость от рады, что давало группе черноморцев решающий голос входе событий. Способствовал тому мягкий, податливый характер атамана и факт, что он принадлежал к военному сословию, не искушенному в политических интригах; в то время как его оппоненты, люди агрессивные и настойчивые, в большинстве своем были членами различных социалистических группировок, хорошо натренированных в подпольной деятельности и политической борьбе.

К началу осени 1919 года самостийные элементы рады вели энергичную пропаганду за отделение своей России и, не стесняясь, бранили деникинское правительство. Они всячески подрывали авторитет кубанского атамана, называя его ставленником Деникина, и удаляли из Высшего управления своего края всех казаков, сочувствовавших идеям Добровольческой армии. И уже в виде открытого вызова белому командованию вели переговоры с Грузией и с Петлюрой и распространяли мысль о том, что батько Махно несет населению подлинную свободу. Положение становилось чрез-

вычайно напряженным, так как пропаганда, направленная против армии и ее командования, постепенно начинала проникать в ряды кубанского казачества на фронте. Кубанское офицерство твердо и лояльно держалось общерусской ориентации, но его усилия удержать свои войска в рамках воинской дисциплины к осени 1919 года стали наталкиваться на пассивное сопротивление. Рядовые бойцы теряли охоту воевать за идеи, провозглашенные генералом Деникиным. Они начали дезертировать в свои станицы, где кубанские власти сознательно оставляли их в покое. Некоторые из дезертиров пополняли банды «зеленых».

Моральное разложение кубанского казачества прежде всего коснулось Кавказской армии, в большинстве своем состоявшей из кубанских казаков. Армия перестала получать пополнение людьми и лошадьми, а полки ее редели от дезертирства.

«Кубань волею судьбы являлась нашим тылом, — писал генерал Деникин, — источником комплектования Кавказской армии и связующим путем как с Северным Кавказом, так и с единственной нашей базой — Новороссийском. Кубанские части в октябре составляли все еще 12% Вооруженных сил Юга. Нас сковывали цепи, которые рвать было невозможно».[21]

Создавшееся положение требовало немедленных действий, чтобы уничтожить язву, грозившую смертельным исходом.

С этой целью генерал Деникин в середине октября включил Кубанскую область в тыловой район Кавказской армии, которой командовал генерал Врангель. Это давало Врангелю широкие административные права на Кубани. Главнокомандующий поручил барону Врангелю привести тыл своей армии в порядок и, по взаимному соглашению с Врангелем, назначил генерала Покровского, человека решительного, командующим войсками этого района.

Имея группу верных людей в Кубанской раде, генерал Деникин решил с их поддержкой произвести перемены в Кубанской конституции. Сохраняя демократическую основу кубанского краевого строя, он хотел найти способ укрепить власть атамана и сделать ее более независимой от рады. Чтобы выработать основу намеченным переменам, он направил в распоряжение генерала Врангеля юриста, члена кадетской партии профессора К. Н. Соколова,

который в деникинском правительстве возглавлял в то время отдел законов.

«Генерал Деникин — писал Соколов о своей беседе с главнокомандующим — несколько раз подчеркивал, что он по-прежнему не смешивает с политиканствующими самостийниками здоровые элементы кубанского казачества. Поэтому дело шло бы не о подавлении казачьей самостийности и не о лишении казачества его исконных свобод, а о создании такой организации краевой власти, которая гармонировала бы с суровой обстановкой вооруженной борьбы и дала бы возможность этим здоровым элементам развернуть всю свою казачью мощь». Разговор происходил не в Ставке Главнокомандующего в Таганроге, а в Ростове, в кабинете генерала Лукомского, бывшего тогда председателем Особого совещания.

В тот вечер, 9 октября, в том же кабинете состоялось спешное совещание с генералом Врангелем. В нем участвовали также генерал Лукомский и профессор К. Н. Соколов, который в своих воспоминаниях описал это совещание следующим образом:

«Не прошло и четверти часа, как адъютант генерала Лукомского доложил о прибытии командующего Кавказской армией и в кабинет быстрыми, большими шагами вошел очень высокий сухощавый военный в черкеске с генерал-лейтенантскими погонами и офицерским Георгием четвертой степени. Генерал Врангель опустился в кресло у письменного стола против генерала Деникина, и было любопытно наблюдать рядом этих двух героев белой борьбы: одного невысокого, полного, с круглым благодушным лицом, медлительной речью и милой, застенчивой улыбкой, и другого — стройного и подтянутого, скорого в движениях и словах, подчеркиваемых резкой жестикуляцией и выразительной мимикой. Кратко, ясно и определенно генерал Врангель изложил нам свой план. Он был очень прост, этот план. К началу заседаний краевой Рады, открытие которой должно было состояться в двадцатых числах октября, генерал Врангель прибывает в Екатеринодар, где уже находится генерал Покровский, имея в своем распоряжении заблаговременно переброшенные туда «на отдых» с фронта верные части. В качестве командующего кавказской армией генерал Врангель является в Раду и поднимается на трибуну. Он произносит речь, в которой указывает на тяжелое положение армии, забытой

политиканствующим тылом, и от имени фронта настаивает на необходимости пересмотра Краевой конституции. Немедленно после его речи группа членов Рады вносит соответствующее, заранее выработанное предложение. Если оно принимается, генерал Врангель прощается [и в тот же день возвращается на фронт]. Ну, а если Рада категорически отвергает конституционную реформу, тогда генерал Врангель выходит к войскам и объявляет им, в чем дело...»[22]

К назначенному сроку профессор Соколов приготовил проект новой Кубанской конституции, упразднявший политическую зависимость атамана от рады, но события разыгрались не совсем так, как предполагал генерал Врангель.

За несколько дней до намеченного выступления Врангеля в краевой раде генералу Деникину стали известны некоторые факты, очень его встревожившие. Он знал, что делегация Кубанской рады находилась в Париже, вела там усиленную агитацию против белого командования и настаивала на отделении Кубани от России. Но он только что узнал, что еще в июле кубанская делегация подписала договор с враждебным Деникину «правительством (меджлисом) Республики горских народов Кавказа». Договор «торжественным актом» взаимно признавал государственный суверенитет и полную политическую независимость Кубани и «Республики горских народов Кавказа». Такой республики Деникин не признавал, как не признавал и ее самозванное правительство, в изгнании скитавшееся по разным местам, но претендовавшее говорить от имени ингушей, чеченцев и смешанного населения Дагестана. Территория этих горских народов, как и территория Кубани, была очищена от большевиков кровью Добровольческой армии. И вдруг эти две области, подвластные Главнокомандующему Вооруженными силами Юга России, тайно от него заключили между собой договор, направленный против провозглашенного им принципа единства России. В глазах Деникина это было актом измены, который неизбежно должен был породить окончательную смуту в кубанском казачестве. Отказ от военного вмешательства в такой момент он считал признаком слабости. И накопившееся за долгие месяцы раздражение против кубанских самостийников вылилось в решение тут же в корне пресечь их вредную деятель-

ность. Не дожидаясь проведения в жизнь намеченного Врангелем расписания и даже не предупредив его, Главнокомандующий отдал приказ (25 октября) предать военно-полевому суду за измену всех лиц, подписавших договор, при появлении их не территории Вооруженных сил Юга России.

Приказ произвел в раде переполох; тем не менее члены ее, предполагая, что он являлся лишь пустой угрозой, отказались осудить свою парижскую делегацию, последними словами поносили генерала Деникина и всех его сотрудников.

Задача генерала Врангеля осложнялась. Однако он приступил к ее выполнению. Как командующий Кавказской армией, он заранее был приглашен на заседание рады. Но ввиду оскорбительных выражений в адрес старших начальников, допущенных председателем рады, телеграфно отказался приехать. Расположившись в городе Кисловодске и поддерживая по прямому проводу связь с генералом Покровским и его отрядом, прибывшим в Екатеринодар, Врангель приказал Покровскому немедленно действовать.

5 ноября генерал Покровский потребовал от рады прекращения травли Добровольческой армии и выдачи члена парижской делегации Калабухова, единственного оказавшегося в Екатеринодаре из тех, кто подписал договор. Тем временем в раде происходили бурные дебаты. Днем позже, пригрозив тяжелыми последствиями, Покровский указал предельный срок исполнения своего ультиматума, добавив к нему требование выдать еще 12 человек из группы кубанских самостийников. На этот раз Рада беспрекословно повиновалась. Днем позже, по приговору военно-полевого суда, Калабухов был повешен, через несколько дней остальные двенадцать арестованных были освобождены и высланы заграницу.

Воинственное настроение рады исчезло, вчерашние самостийники, еще накануне поносившие командование, начали перед ним пресмыкаться. Они шумно каялись в своих прошлых прегрешениях, обещали вести борьбу с большевизмом в полном единении с Добровольческой армией, стоя выслушали речь генерала Врангеля, прерывая ее бурными овациями, и единодушно приняли внесенное им предложение изменить Кубанскую конституцию. Никто не принуждал их бурно рукоплескать Врангелю и стоя выслушивать его

речь. Но именно эту свою минутную слабость они не могли потом простить ни Врангелю, ни пославшему его Деникину.

«Не удовлетворение, а глубокую скорбь вызвали во мне их покаянные речи, — писал Антон Иванович. — Вынужденный в силу государственной необходимости на применение суровых мер, я знал, что удар по кубанским демагогам косвенно отзовется на самосознании кубанского казачества, с которым нас связывали лучшие страницы боевой страды, к которому я относился с глубочайшей симпатией... Но иного выхода не было».[23]

Затянувшаяся болезнь несомненно требовала в тот момент хирургического вмешательства. Но нет сомнения и в том, что более продуманные меры, предпринятые вовремя, дали бы главному командованию возможность избежать необходимости, в конце концов, применить силу.

События, разыгравшиеся в Екатеринодаре, вызвали большое смятение среди кубанских частей на фронте. Затронув их самолюбие, они погасили еще теплившееся желание кубанцев продолжать борьбу. Впоследствии генерал Деникин пришел к заключению, что одной из главных причин неудачи его движения были взаимоотношения, сложившиеся между ним и Кубанью.

Ввиду всего происшедшего атаману Филимонову пришлось подать в отставку. Заменил его генерал Успенский, искренно расположенный к Деникину. Но он вскоре умер от сыпного тифа, и на его место (в момент, когда Красная армия уже походила к Кубани) был выбран генерал Букретов, личный недруг Главнокомандующего.

Большой вред белому движению принесло его бескомпромиссное отрицательное отношение ко всем бывшим офицерам, вступившим в ряды Красной армии.

В ноябре 1918 года генерал Деникин издал приказ, обращенный к офицерству, оставшемуся на службе у большевиков. Осуждая их непротивление, приказ заканчивался угрозой: «Всех кто не оставит безотлагательно ряды Красной армии, ждет проклятие народное и полевой суд Русской армии — суровый и беспощадный».

Оглядываясь назад, правдивый Деникин призвал всю ошибочность такой политики. Приказ его был широко распространен большевиками по Советской России в целях пропаганды, направ-

ленной против Добровольческой армии. «Он произвел, — писал Антон Иванович, — гнетущее впечатление на тех, кто, служа в рядах красных, был душой с нами».

За исключением героического элемента, сознательно и с риском для жизни вступившего на службу к большевикам, чтобы вредить им, большинство старых офицеров попало в Красную армию или по принуждению, или для получения хлебного пайка, чтобы прокормить свою семью в голодавшей России. И вместо того, чтобы привлечь их на свою сторону, в белый лагерь, обращение с теми из них, кто попадал в плен, было отталкивающим. Реабилитационные комиссии, образованные для расследования их деятельности у большевиков, бесконечно затягивали разбор дела и далеко не всегда выносили беспристрастные заключения. Но хуже было то, что не всех захваченных на фронте в плен бывших офицеров переправляли в тыл. Многих коснулась та жестокая вражда друг к другу, которую порождает только гражданская смута. Бывали случаи, когда захваченных в плен красных офицеров под горячую руку приканчивали на месте.

Такая горькая участь постигла бывшего генерала старой армии А. В. Станкевича и бывшего ротмистра Императорской гвардии А. А. Брусилова. Их захватили в плен в момент кровавых и ожесточенных боев под Орлом, когда решалась судьба всей гражданской войны, когда красные беспощадно уничтожали взятых в плен белых офицеров.

Станкевич служил у большевиков на должности помощника командующего 13-й Советской армией. В ее состав входила 55-я дивизия красных, начальник штаба которой перебежал к белым. Станкевич принял командование этой дивизией и был захвачен в плен. Ирония судьбы заключалась в том, что брат его, тоже генерал, был близким другом А. И. Деникина, его боевым товарищем по службе в Железной дивизии и по Кубанским походам Добровольческой армии. Он доблестно командовал 1-й дивизией Добровольческой армии при обороне Донецкого бассейна и вскоре после этого умер от сыпного тифа.

Бывший ротмистр А. А. Брусилов был сыном знаменитого генерала Брусилова. Окончив Пажеский корпус, Брусилов-сын вышел офицером в лейб-гвардии конно-гренадерский полк, с кото-

рым проделал всю войну 1914 года. У красных он командовал 9-м кавалерийским полком и под городом Ливны Орловской губернии с несколькими из своих всадников, по-видимому, сознательно сдался белым...

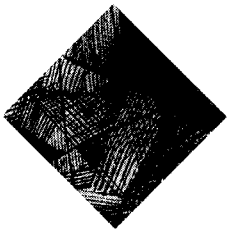
Неудивительно, что бывшие офицеры, попавшие в Красную армию и игравшие в начале гражданской войны в «поддавки», к концу ее решили играть в «крепкие». Распространенная в России игра в шашки нашла в те жуткие годы применение терминов шашечной игры к суровым условиям жизни.

Расправа под Орлом с генералом Станкевичем и с ротмистром Брусиловым была примером той звериной черты, которую всколыхнула русская смута, и с которой так безуспешно боролся Главнокомандующий.

Войска генерала Деникина продолжали двигаться на север, территория Вооруженных сил Юга России продолжала расширяться; и тем не менее к середине октября 1919 года в осведомленных кругах белого лагеря появилось нарастающее чувство опасения, что перелом в военных удачах не за горами. Исчезла надежда на разгром Красной армии до наступления зимы. Волна крестьянских восстаний, движение махновцев, развал в тылу деникинского фронта, отсутствие дисциплины в войсках, осложнения на Кубани — все это вместе взятое тревожно ставило будущее белого движения под знак вопроса.

Глава XXVI

ПЕРЕЛОМ



Летние поражения на Южном фронте вызвали в советской провинции и в прифронтовой полосе полную растерянность и панику. Однако центральная власть в Москве проявила в эти дни совершенно неистощимую энергию. Вопрос шел о взаимном истреблении и поставлен был весьма просто: или мы, или они. Другого выбора не было; и в борьбе за собственную шкуру, и за удержание власти большевистские главари с невероятной изворотливостью и большим искусством набросились на все возможности, дававшие им хотя бы какую то надежду на то, чтобы вырвать инициативу из рук генерала Деникина. Здесь играла роль и пропаганда, и террор внутри страны, и руководящая рука опытных членов коммунистической партии в организации повстанческих банд с подрывной работой в тылу у противника, и умение использовать в своих целях военные познания старых офицеров, привлеченных советской властью на свою службу и понявших, что белое движение грозило им недобрыми последствиями. Уже в самом начале 1919 года большевики в полной мере оценили значение кавалерии у противника. Они поняли, что в условиях того времени конница могла решать оперативно-стратегические задания не только во взаимодействии с другими родами оружия, но и самостоятельно. Преимущество Деникина в коннице грозило разгромом красной пехоте, набранной в армию по мобилизации и не слишком устойчивой. А потому без замедления следовало приступить к формированию собственной кавалерии, и лозунг Троцкого: «Пролетарии, на коней!» — был первым толчком к выполнению этой сложной задачи.

Тем не менее Троцкий, как мы уже знаем, все же опасался, что отсутствие в советской зоне «человеческого материала», опытного в кавалерийском деле, затянет срок формирования красной конницы. Опасения Троцкого оказались необоснованными. В советской зоне нашлось немало людей из «мест прирожденной конницы». С Дона, Кубани и Терека туда бежали казаки и, главным образом, иногородние, впитавшие в себя большевизм. Все они стремились вернуться в родные села и станицы и явились ядром той советской конницы, которая с предельной быстротой была сформирована и собрана в мощный кулак весной и летом 1919 года. Во главе ее был поставлен Семен Михайлович Буденный.

Родился Буденный в 1883 году и происходил из иногородних, перебравшихся из Воронежской губернии в область Войска Донского и поселившихся в районе станицы Платовской, неподалеку от реки Маныч. В 1903 году Буденный был призван в армию, участвовал в войне против Японии; служил затем в Приморском драгунском полку, оттуда в 1907 году был отправлен в Петербургскую школу наездников при Высшей офицерской кавалерийской школе, начальником которой за год до этого был генерал Брусилов. Школа наездников готовила солдат в инструкторы по выездке молодых верховых лошадей. Эта работа очень привлекала Буденного. Она давала ему надежду устроиться после возвращения с солдатской службы берейтором при одном из больших конных заводов и избежать крестьянской жизни, одна мысль о которой приводила его в уныние. Окончив первым обучение в школе наездников, Буденный вернулся в свой полк и остался служить в нем сверхсрочным солдатом со званием старшего унтер-офицера. С началом войны 1914 года его перевели в 18-й Северский драгунский полк взводным унтер-офицером 5-го эскадрона во взвод, которым командовал поручик Кучук Улагай, впоследствии генерал и выдающийся кавалерийский начальник в армии генерала Деникина. Таким образом, будущие противники гражданской войны были сперва однополчанами и близкими боевыми соратниками. В конце 1914 года Кавказскую кавалерийскую дивизию, в которую входил полк Буденного, перебросили с Западного фронта против Германии на Кавказский фронт против турок. Там, за боевые отличия и храбрость, он был награжден всеми Георгиевскими медаля-

ми и всеми четырьмя Георгиевскими крестами, которые мог получить солдат за воинскую доблесть. По собственному выражению Буденного, он «стал обладателем полного банта георгиевского кавалера». С захватом власти большевиками Буденный связал свою судьбу с Советами и быстро выдвинулся в гражданской войне как находчивый и лихой кавалерийский начальник. Для него лошадь являлась «не столько средством передвижения, сколько оружием», и к моменту, когда он формировал конный корпус, развернувшийся затем в Первую Конную армию, лошади в его частях были самые лучшие, специально отобранные на конных заводах Центральной России.

За время гражданской войны Буденный подружился с Климентием Ворошиловым, членом Реввоенсовета Конной армии, близко познакомился со Сталиным, который с осени 1919 года был членом Реввоенсовета Южного фронта. Но его отношения с Троцким никак не клеились, и в дальнейшей карьере Буденного (когда Сталин захватил бразды правления страной в свои руки) это пошло ему на пользу. Советский военный министр, руководивший назначениями на ответственные посты, Троцкий не слишком высоко расценивал умственные способности необразованного Буденного. Он видел в нем военную смекалку старого кавалерийского унтер-офицера, но сомневался в его одаренности и в том, может ли этот «безграмотный Буденный» (собственные слова Троцкого) справиться со сложной задачей руководить большой конной массой.[1] Но выбора было мало, а преимущество Буденного заключалось в его несомненном пролетарском происхождении. Без особого восторга Троцкий выдвинул его на роль советского Иоахима Мюрата, не скрывая однако от Буденного своего высокомерно презрительного к нему отношения. В своих воспоминаниях Буденный это ему припомнил. По всем правилам советского хорошего тона он окатил Троцкого ушатом грязи, связав его имя с понятием сознательного вредительства и умышленного саботажа.

Какие бы ни были качества или недочеты Семена Буденного, он оправдал в тот момент возложенную на него миссию. В поражении Вооруженных сил Юга России его Конная армия сыграла огромную роль.

В начале октября, когда в тылу армий генерала Деникина бушевал Махно и расцвели другие повстанческие отряды, линия деникинского фронта против большевиков растянулась гигантской дугой на более чем 1130 километров. Эта цифра заимствована из многотомной «Истории гражданской войны», изданной в 1959 году Государственным издательством Политической литературы в Москве тиражом в 40 тысяч экземпляров.[2]

Войска генерала Деникина, сосредоточенные отдельными группировками на наиболее важных пунктах и направлениях, расположены были с востока на запад следующим образом.

На нижнем течении Волги против Астрахани действовал отряд генерала Драценко из состава войск Северного Кавказа (около 4 тысяч человек).

Дальше, в районе Царицына, располагалась Кавказская армия генерала Врангеля (14,5 тысяч).

На левом ее фланге находилась Донская армия генерала Сидорина (50 тысяч). Фронт ее шел от устья реки Иловля, притока Дона, до Задонска, уездного города Воронежской губернии, километрах в 85 от Воронежа.

В центральном направлении, от Воронежа и почти до Чернигова, растянувшись жидкой цепочкой на огромном фронте, наступала Добровольческая армия генерала Май-Маевского. В ней было лишь 20,5 тысяч человек, но она состояла из наиболее твердых и надежных кадров. На самом важном участке, выдвинувшись острым клином к северу от Орла, по направлению к Москве, действовал 1-й армейский корпус генерала Кутепова. Он наносил противнику удары в лоб, а также бил его на своем правом и левом фланге: на фронте в сторону Ельца наступали марковцы, к северу у Орла были сосредоточены корниловцы, слева от них, в направлении на Брянск наступали дроздовцы. Справа от кутеповского корпуса, на стыке Донской и Добровольческой армий, находилась конная группа из казачьих частей генералов Мамонтова и Шкуро. Левый фланг Кутепова прикрывал 5-й кавалерийский корпус генерала Юзефовича, куда входили главным образом части, сформированные из кадрового состава старых полков русской кавалерии. Конница Юзефовича (входившая в состав Добровольческой армии) была разбросана от устья реки Сейма до хутора Михайловский.

К западу от нее (перед Киевом, затем вдоль реки Десны и до Чернигова включительно) действовали войска генерала Драгомирова (9 тысяч человек).

На левом их фланге, с севера на юго-запад в общем направлении Фастов, Бердичев, Каменец-Подольск, оперировала группа генерала Шиллинга. Но действовала она не против большевиков, а против петлюровцев.

Таким образом, исключая части Шиллинга, Вооруженные силы Юга России (согласно данным генерала Деникина) имели против советских войск в первой половине октября 1919 года около 98 тысяч человек.[3]

Советские источники указывают, что в распоряжении белых имелось в то время около 2230 пулеметов и 540 орудий.[4]

Те же источники говорят, что общая численность красных войск против Деникина составляла 176 868 штыков и сабель (155 653 штыков и 21 215 сабель), 4416 пулеметов и 892 орудия.

Следовательно, к моменту решительных боев красные имели огромное превосходство над войсками генерала Деникина не только своим числом, но также и количеством орудий и пулеметов. Однако деникинские войска еще сохраняли превосходство в коннице.[5]

Чтобы укрепить организацию и улучшить управление своими армиями, действовавшими против Деникина, Реввоенсовет республики в самом конце сентября 1991 года разделил свой бывший Южный фронт на два фронта: Южный и Юго-Восточный. А. И. Егоров, бывший подполковник старой армии, командовавший 10-й Советской армией, был поставлен во главе Южного фронта. Членом Реввоенсовета при нем был назначен Сталин. Командующим Юго-Восточным фронтом назначили В. И. Шорина, тоже бывшего полковника старой армии, а членом Реввоенсовета его фронта — В. А. Трифонова. Оба фронта были подчинены бывшему полковнику Генерального штаба старой армии С. С. Каменеву, назначенному в начале июля 1919 года Главнокомандующим всеми Вооруженными силами Советской России.

На Южный советский фронт возлагалась главная надежда. Он состоял из четырех армий: 12-й, 14-й, 13-й и 8-й, общей численностью в 104 074 штыка, 14 848 сабель, 2765 пулеметов и

607 орудий. В резерве Южного фронта, восточнее Воронежа, стоял Конный корпус Буденного, а на участок фронта против генерала Кутепова перебрасывались и быстро сосредоточивались лучшие советские силы: Латышская стрелковая дивизия, стреловая бригада П. А. Павлова, кавалерийская бригада червонного казачества под командой В. М. Примакова и два полка сводной стрелковой дивизии. Кроме того, для политического надзора и укрепления «воинского духа» в частях, из центра на Южный фронт было направлено 6800 членов коммунистической партии и свыше 8 тысяч сочувствующих. Зная по закулисным переговорам с Польшей, что она фактически дала Советскому правительству «carte blanche» в борьбе с Деникиным, красное командование, обнажив свой фронт против Польши, вскоре перебросило оттуда крупные силы на Южный фронт. Тянулся Южный фронт по линии Житомир, Киев, Орел, Воронеж до Боброва, уездного города Воронежской губернии (приблизительно в ста километрах к юго-востоку от Воронежа).

От Боброва по направлению к Царицыну, а затем по левому берегу Волги шел Юго-Восточный советский фронт. В него входили (с запада на юго-восток) 9-я, 10-я, 11-я советские армии, насчитывавшие 51 579 штыков, 6367 сабель, 1651 пулемет и 285 орудий.[6]

Большевики отлично знали обо всех непорядках в тылу противника. К тому времени система их разведки и шпионажа уже была поставлена на солидный фундамент. На основании сведений и донесений разведки, он и пришли к выводу: несмотря ни на что, деникинские войска продолжали оставаться сильным и опасным соперником с большим боевым опытом, с умением быстро маневрировать и наносить внезапные и очень чувствительные удары; единственная возможность превратить в подлинную катастрофу начавшееся моральное разложение во вражеском лагере заключалась в нанесении ему крупного поражения на фронте.

В начале октября красное командование закончило подготовку плана военных действий. Главный контрудар красных намечался против Добровольческой армии с намерением охватить ее фланги. Советский план преследовал две цели: стратегическую и политическую. Первая заключалась в прорыве деникинского фронта на стыке Добровольческой и Донской армий для того, чтобы разъеди-

нить их. Вторая цель была тесно связана с первой: разобщив добровольцев и казачество, большевики хотели раз и навсегда порвать связь между этими двумя главными элементами белого движения и таким образом парализовать их. Для решения этой боевой задачи красное командование образовало две мощные группы. 14-я советская армия, получив сильные подкрепления и резервы, должна была ударить с северо-запада, от Орла, в левый фланг 1-го армейского корпуса генерала Кутепова. Одновременно с этим с востока предполагалось бросить Конный корпус Буденного в направлении на Воронеж, а затем на Касторную (узловую станцию на железной дороге между Курском и Воронежем), чтобы прорваться в тыл добровольческим войскам и отрезать их от Донской армии.

Для штаба генерала Деникина группировка сил противника не была тайной. Но нет сомнения, что грозившая опасность сильно преуменьшалась. Слишком часто в прошлом приходилось бороться одному против десяти и все же побеждать, потому сложившееся соотношение сил не казалось уж настолько опасным. Преуменьшалась и способность неприятеля в области стратегии. Советских стратегов: бывших полковников Каменева и Шорина, бывшего подполковника Егорова — удавалось нещадно бить в течение последних месяцев. Упускался из виду факт, что эти люди и их ближайшие помощники могли в конце концов многому научиться на горьком опыте и направить приобретенный ими от Деникина богатый опыт, против него же. А советские полководцы оказались одаренными учениками. Они усвоили методы неприятеля, в особенности его искусство маневрировать, и применили его в широком масштабе. Однако после своей победы они не последовали примеру Петра Великого, который, разбив Карла XII под Полтавой, поднял бокал за своих шведских учителей, научивших его побеждать.

Тем временем генерал Деникин, будучи уверен в стойкости кутеповского корпуса, продолжал наступление к северу от Орла. Он не слишком беспокоился о намечавшемся ударе 14-й советской армии по левому флангу Кутепова. Более серьезной он считал угрозу со стороны Воронежа конницы Буденного. Но опасность ему виделась не столько для правого фланга добровольцев, сколь-

ко для левого фланга менее стойкой, хотя и гораздо более многочисленной, Донской армии. И чтобы ее подкрепить, он передал в состав Донской армии конницу генерала Шкуро.

Ввиду численного превосходства противника генералу Деникину приходилось думать о соответствующей перегруппировке войск, чтобы, собрав их в кулак, стремительно бить по неприятелю то тут, то там на узком участке фронта. Однако осуществление этих идей наткнулось на целый ряд препятствий.

В тылу деникинских армий кипела партизанская война. Действия Махно и других повстанческих отрядов на Украине потребовали переброски значительного количества войск с фронта и в самый критический момент ослабили его.

Не оправдались расчеты на резервы и пополнения. Часть из них была поглощена борьбой с повстанцами. Вообще же весь вопрос призыва в армию страдал от неудовлетворительной организации южно-русского тыла.

Генерал Лукомский (совмещавший осенью 1919 года пост председателя Особого совещания с должностью начальника Военного управления, то есть с должностью военного министра) писал в своих воспоминаниях, что набор в войска производился двумя способами: путем новых формирований в тылу и путем комплектования и расширения существовавших полков на фронте. Однако ввиду растянутости и численной слабости фронта фактически применялся второй способ. Так, например, корниловский, марковский или дроздовский полк, получая на фронте пополнения (мобилизованными или пленными красноармейцами), сразу выделял кадр офицеров и унтер-офицеров и тут же формировал 2-й, 3-ий или 4-й полк, развертывая таким образом свою часть в бригаду и дивизию.

Недостаток этой системы генерал Лукомский отметил следующим примером: «Вновь сформированный полк, в который на укомплектования поступали и присланные пополнения из запасных батальонов и только что взятые в плен красноармейцы, в ближайшие же дни попадал в бой и, как недостаточно сплоченный, при малейшей боевой неудаче, нес большие потери дезертирами и пленными».[7]

Этот недостаток в особенно резкой форме сказался в армии Май-Маевского.

Не оправдались расчеты Главнокомандующего и на казачью конницу генералов Мамонтова и Шкуро. Правда, донские полки Мамонтова имели отличный конский состав и в теории представляли собой внушительные боевые единицы. На практике дело обстояло иначе: воинский дух был сильно подорван рейдом, который месяцем раньше Мамонтов проделал в глубокий тыл противника. Подводя итог этому кавалерийскому набегу, генерал Деникин говорил, что в свое время «Мамонтов сделал большое дело,.. но мог сделать несравненно больше», если бы погоня за «добычей» не заслонила перед ним основной задачи — разгрома живой силы противника. А эта погоня за добычей принесла огромный вред. Она развратила отряд привычкой грабить.

Конница генерала Шкуро, ослабленная выделением из ее состава частей, направленных против Махно, тоже проходила через фазу разложения. Кубанские казаки, составлявшие ее ядро, как и донцы Мамонтова, не гнушались грабежом. Кроме того, их затронула пропаганда кубанских самостийников, направленная против Главного командования. По рассказам самого Шкуро, многие казаки его корпуса в то время начали дезертировать, уводя с собой коней и приобретенную мародерством добычу.[8]

Одним словом, острая казачья сабля, еще недавно лихо рубившая противника, к началу октября 1919 года сильно притупилась.

При сложившихся таким образом обстоятельствах начались встречные бои. Сосредоточенные вначале в центре, у корпуса генерала Кутепова, они, как искры пожара, перекинулись на другие участки фронта, и вскоре вся его огромная протяженность охвачена была зловещим пламенем. И белое, и красное командование отлично сознавало, что разыгравшемуся сражению суждено было решить участь всей кампании.

Войска генерала Кутепова вели бои при крайнем напряжении сил, с большим упорством и ожесточением. Селения переходили из рук в руки в рукопашном бою. И тут в полной мере сказалось численное превосходство противника. Густые и непрерывные цепи его одна за другой надвигались на разбросанные по длинной линии фронта батальоны и роты марковцев, корниловцев, дроздовцев, стараясь смять и охватить фланги. Белые доблестно отбивались от красных, нанося им сильные контрудары, но их потери росли с

невероятной быстротой. Воинские части Кутепова таяли на глазах, а оперативные резервы оказались израсходованными.

Тем временем конница Буденного, стоявшая позади стыка 8-й и 13-й советских армий к северо-востоку от Воронежа, перешла в наступление. Готовясь захватить этот город, а затем совместно с частями 13-й армии овладеть железнодорожной станцией Касторная и нанести удар в общем направлении на Курск, она сильно потрепала части генерала Шкуро и угрожала тылу кутеповского корпуса. Упорные, жестокие бои длились 30 дней. Под давлением противника пришлось отходить и оставлять позади города, местечки, селенья, которые еще недавно с такой надеждой на конечный успех занимались Белой армией.

Положение на фронте становилось чрезвычайно серьезным. Однако генерал Деникин, видавший на своем веку и более тревожные моменты, не терял бодрости духа. Он сознавал, что только разгром корпуса Буденного мог вернуть ему «инициативу действий, возможность маневра и широкого наступления» и что «для этого необходимо было собрать сильный кулак». А потому Деникин двинул против большевиков последние подкрепления с Северного Кавказа и с фронта. Ко второй половине ноября он сосредоточил в районе Волчанск-Валуйки ударную группу, на которую возлагал большую надежду. Основным ядром ее были конные части генерала Мамонтова. Вместе переброшенными им на помощь подкреплениями образовался отряд в 7 тысяч сабель, 3 тысячи штыков и 58 орудий. В распоряжение отряда были даны танки, бронепоезда и «авиационные средства».

К тому времени Май-Маевский был удален со своего поста и, «желая использовать кавалерийские способности генерала Врангеля», Деникин назначил его командующим Добровольческой армией, включив в нее конную группу Мамонтова.

И тут мы предоставим генералу Деникину самому рассказать о том, как не оправдались его надежды на казачью конницу, собранную им в кулак для удара по неприятелю: «Перед отъездом в [Добровольческую] армию в Таганроге генерал Врангель заявил мне, что он не потерпит присутствия в ней генералов Шкуро и Мамонтова, как главных виновников расстройства конных корпусов. Генерал Шкуро находился тогда на Кубани в отпуске по

болезни. Что касается Мамонтова, я предостерегал от резких мер по отношении к лицу, как бы то ни было, пользующемуся на Дону большой популярностью.

По прибытии в армию генерал Врангель назначил начальником конной группы достойнейшего и доблестного кубанского генерала Улагая. И, хотя отряд этот был временным и назначение его начальника, всецело зависившее от командующего армией, не могло считаться с местничеством, оно вызвало крупный инцидент: Мамонтов обиделся и телеграфировал по всем инстанциям: «...Учитывая боевой состав конной группы, нахожу несоответствующим достоинству Донской армии и обидным для себя заменение, как командующего конной группой, без видимых причин лицом, не принадлежащим к составу Донской армии и младшим меня по службе. На основании изложенного считаю далее невозможным оставаться на должности командира 4-го Донского корпуса». Копии этой телеграммы Мамонтов разослал всем своим полкам, а на другой день, самовольно покидая корпус, не без злорадства сообщал, как полки под давлением противника панически бежали.

Этот неслыханный поступок не встретил, однако, осуждения на Дону. Я отдал приказ об отрешении Мамонтова от командования и встретил неожиданную оппозицию со стороны Донского атамана и генерала Сидорина. Они указывали, что помимо крайне неблагоприятного впечатления, произведенного удалением Мамонтова на Донскую армию, 4-й корпус весь разбегается и собрать его может только один Мамонтов. Действительно, когда корпус был передан обратно в Донскую армию, Мамонтов вступил вновь в командование им, собрал значительное число сабель, и впоследствии за Доном корпус этот нанес несколько сильных ударов коннице Буденного.

Успехи эти не могли изменить общего положения и не компенсировали тяжкого урона, нанесенного дисциплине..»[9] И здесь следует отметить типичное явление гражданской войны, одинаково проявлявшееся как у красных, так и у белых: наступавшая сторона всегда легко пополнялась военнопленными и мобилизованными на месте солдатами. Отступавшая же сторона немедленно начинала терять своих мобилизованных солдат. Они дезертировали, как только их родные села переходили обратно в руки противни-

ка. Эту характерную для гражданской войны закономерность отмечал и советский маршал М. Н. Тухачевский: «Уроженцы теряемых областей, — писал он, — дезертируют и остаются в своих родных местах. Таким образом, по мере наступления наступающий непрерывно усиливается, а отступающий непрерывно ослабляется».

По мере своего отступления деникинские войска ослаблялись с невероятной быстротой. Этому способствовала и ежедневно уносившая сотни жизней эпидемия сыпного тифа, охватившая весь Юг России, и рано наступившая суровая зима. Тысячи солдат и офицеров теряли боеспособность не только из-за ранений, но и из-за обмороженных ног, рук, пальцев.

Больше всего страдала пехота. С наступлением осеннего бездорожья, сменившегося гололедицей, а затем снежными сугробами, сильно начала страдать конница и особенно артиллерия. Артиллерийские лошади выбивались из сил.

В начале декабря 5-й кавалерийский корпус Добровольческой армии из-за больших потерь был сведен в дивизию. Временно командовавший ей генерал Чекотовский рапортом от 4 декабря доносил командующему Добровольческой армией (генералу Врангелю): «Конский состав дивизии дошел до полного изнурения. Выйдя в поход в июне месяце до сих пор дивизия имела 5—6 дней, которые она стояла на месте... Если за эти полгода были случаи ковки, то это были случаи единичные. О зимней ковке не было и речи. В настоящее время лошадь является обузой для всадника, которая на каждом шагу скользит и падает, так как все дороги в настоящее время сплошной лед, а замерзшие вспаханные поля для движения невозможны. Скорость движения полков — три версты в час. Конные батареи впрягли в орудия все, что было возможно, до офицерских лошадей включительно, а офицеры ходят пешком... Если существует мнение, что в тылу есть большие пополнения,.. то это несправедливо.

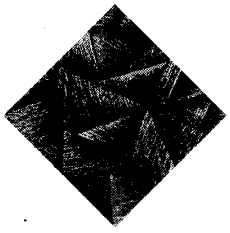
...Не желая вводить в заблуждение высшее командование громкими названиями «бригада», «дивизия», так как с этими наименованиями даются задачи, я считаю своим долгом доложить, что 1-я кавалерийская дивизия представляет собой не боевую единицу, способную для выполнения каких-нибудь боевых задач,

а лишь небольшую вымученную часть, которая своею численностью едва ли достигает численности полка слабого состава».[11]

А между тем конница Буденного на хорошо кованных лошадях все глубже и глубже вклинивалась между добровольцами и донцами; и полыхавшее в тылу деникинских войск пламя восстаний создавало в лагере белых нервную атмосферу. Неудачи вызывали недовольство и ропот. Сперва робко, а вскоре и открыто некоторые круги начали выдвигать кандидатуру нового лица на смену старому командованию. И этим лицом был генерал барон Петр Николаевич Врангель.

Глава XXVII

ПОКУШЕНИЕ НА ВЛАСТЬ



Если отсутствие воинской дисциплины на низах было очевидным всем и каждому благодаря широким злоупотреблениям в прифронтовой полосе, то ослабление воинской традиции среди высшего командного состава, в начале скрытое от посторонних взоров, со временем тоже стало явно пробиваться наружу.

Этот процесс генерал Деникин описал следующим образом: «Военные операции протекали не без серьезных внутренних трений. Малочисленность наших сил и наша вопиющая бедность в технике и снабжении создавали положение вечного недохвата их на всех фронтах, во всех армиях. Выведение частей в резерв Главнокомандующего наталкивалось поэтому на огромные трудности. Каждый командующий придавал преимущественное значение своему фронту. Каждая стратегическая переброска вызывала коллизию интересов, обиды и проволочки».

Ставке приходилось считаться не только с психологией и с личными взаимоотношениями старших начальников, но и с их капризами, напоминавшими иногда (как в случае с Мамонтовым) выходки оперных или балетных примадонн. Правда, в отношении Мамонтова вставал сложный вопрос самоуправления области Войска Донского. Но в отношении и с другими строптивыми генералами Ставка Главнокомандующего, несомненно, упустила время беспрекословно подчинить их своей воле.

В то время как отношения командующих Добровольческой и Донской армий со Ставкой Главнокомандующего имели, по выражению Антона Ивановича, «характер обмена оперативными взгля-

дами и не выходили из пределов дисциплины и подчиненности», иначе обстояло дело с командующим Кавказской армией генералом Врангелем.

«Не проходило дня, — писал Деникин, — чтобы от генерала Врангеля Ставка или я не получали телеграмм нервных, требовательных, резких, временами оскорбительных, имевших целью доказать превосходство его стратегических и тактических планов, намеренное невнимание к его армии и вину нашу в задержках и неудачах его операций... Эта систематическая внутренняя борьба создавала тягостную атмосферу и антагонизмы. Настроение передавалось штабам, через них в армию и общество... Эти взаимоотношения между начальником и подчиненным, невозможные, конечно, в армиях нормального происхождения и состава, находили благодарную почву вследствие утери преемства верховной власти и военной традиции».[1]

К середине ноября 1919 года расхождение между Деникиным и Врангелем поставили последнего в самый центр той политической оппозиции, которая в скрытом виде еще с конца предыдущего года существовала к Деникину в правых кругах и которая нашла наконец в генерале Врангеле открытого выразителя своего недовольства.

К тому времени генерал Врангель приобрел широкую известность как талантливый кавалерист и полководец. У него появилось много восторженных поклонников не только в значительной массе офицерства, но и среди той части гражданского населения, которая видела в нем человека более гибкого и менее ригористического, чем Деникин, в подходе к лозунгам борьбы, к взаимоотношениях со вновь образовавшимися государствами на окраинах России и к целому ряду других принципиальных вопросов. Врангель импонировал им своей наружностью, гигантским ростом, властной манерой в обращении с окружающими. Его решительность, крутые меры в борьбе с беспорядками в армии, умение подчинить себе строптивых начальников, честолюбие и несомненная жажда получить в свои руки полноту власти — все это, в глазах его сторонников, предвещало желательные для них перемены на верхах белого движения.

Трудно было представить себе двух более различных людей, чем Врангель и Деникин. Не говоря о различном происхождении

их семей, о привилегированном прошлом одного, и далеко не привилегированном прошлом другого, Врангель обладал красочной наружностью и светским блеском офицера одного из лучших кавалерийских полков старой Императорской гвардии. Деникин не отличался этими наружными качествами. Врангель был порывист, нервен, нетерпелив, властен, резок и вместе с тем имел свойства реалиста-практика, чрезвычайно эластичного в вопросах политики. Деникин же, человек негибкий, никогда не искавший власти, к тому времени разочарованный в своих помощниках, сдержанный, скупой на слова, сохранил в себе, несмотря на все превратности судьбы, некоторые черты идеалиста-романтика, сосредоточенного на внутреннем мире своих принципов и взглядов на жизнь, увы, так резко расходившихся с действительностью. Врангель по натуре своей был врожденным вождем и диктатором; Деникин видел в диктатуре лишь переходную фазу, неизбежную в условиях гражданской смуты. И неудивительно, что при таком взгляде на свои функции так называемая «диктатура» его имела весьма призрачный характер. В подборе подчиненных генерал Врангель, не считаясь со старшинством и с прошлой службой офицеров, отметал в сторону все, что ему не подходило. Иное отношение к этому вопросу было у генерала Деникина. Он связал свои руки лояльностью и к прошлым заслугам своих соратников. Эту черту его правильно отметил в своих воспоминаниях генерал Врангель:

«Казавшийся твердым и непреклонным, генерал Деникин в отношении подчиненных ему старших начальников оказывался необыкновенно мягким. Сам настоящий солдат, строгий к себе, жизнью своей дававший пример невзыскательности, он как будто не решался требовать этого от своих подчиненных.[2]

Разногласия между двумя генералами, тогда еще мало кому известные, начались с апреля месяца 1919 года, вскоре после того, что генерал Врангель оправился от сыпного тифа. Они касались выбора главного направления действий Вооруженных сил Юга России. В ряде писем и докладов Врангель настаивал на том, чтобы главный удар был направлен на Царицын для захвата нижнего течения Волги и установления связи с войсками адмирала Колчака.

Той же точки зрения (еще до того, как ее высказал Врангель) придерживался генерал Деникин.

Заканчивая свой Второй кубанский поход и освобождение Северного Кавказа, он в самом начале 1919 года наметил переброску своей Кавказской армии (носившей тогда название Кавказской Добровольческой армии) на царицынское направление с одновременным наступлением к Астрахани.

«Но к началу февраля, — писал Антон Иванович, — когда явилась возможность начать переброску сил, обстановка в корне изменилась. Донская армия, совершенно расстроенная, под давлением превосходных сил красных находилась в полном отступлении к Дону. Советские войска наступали почти безостановочно, направляясь на Новочеркасск. Круг, атаман, правительство указывали на смертельную опасность, угрожавшую Дону. А на левом фланге донцов с необыкновенным упорством все еще отбивал атаки значительных сил противника Добровольческий корпус под командой генерала Май-Маевского, прикрывая Донецкий бассейн жизненно необходимый нам; Донецкий бассейн, «смертельно» нужный большевикам, — как писал в своих воззваниях Троцкий...

Передо мной встала дилемма: бросить на произвол судьбы Дон и отдать большевикам Донецкий бассейн, направив армии на Царицын, или, прикрывши частью сил царицынское направление, отстоять донецкий плацдарм и сохранить от разложения Донское войско. [Армии адмирала Колчака находились тогда восточнее Уфы и были от Волги на расстоянии приблизительно в 700 километров.]

Без колебаний я принял второе решение».

Тем временем генерал Врангель продолжал настаивать на своем плане действий, предлагал «пожертвовать каменноугольным районом», защиту которого он считал безнадежной, и перевести Кавказскую армию на царицынское направление.

«Его план, — писал Деникин, — привел бы к потере не только каменноугольного бассейна, но и всей правобережной части Донской области с Ростовом и Новочеркасском и к гибели восставших казаков (30 тысяч) Верхнедонского округа.

Мой план был иной. Я считал возможным атаковать или, по крайней мере, сковать действия четырех большевистских армий

севернее Дона и одновременно разбить 10-ю армию на царицынском направлении. А наше победное наступление, отвлекая большие силы и средства Советов, тем самым должно было облегчить положение других белых фронтов».[3]

Ближайшее будущее показало, что план генерала Деникина имел реальные основания рассчитывать на успех.

Таким образом, движение на Царицын в момент, когда его выдвигал генерал Врангель, не являлось тем безусловно правильным решением задачи, каким его старались выставить впоследствии.

В середине июня 1919 года письма и рапорты генерала Врангеля к Главнокомандующему приняли характер памфлетов, предназначенных для постороннего читателя. С их содержанием генерал Врангель знакомил своих помощников и некоторых общественных деятелей, а через них они становились достоянием офицерской массы и обывателей. Эти документы, составленные в резкой форме требований и критики того, что делалось Ставкой, попадая в руки постороннего читателя, подрывали в его глазах авторитет Главнокомандующего.

Как когда-то с генералом Дроздовским, Деникин и в данном случае ставил боевые заслуги генерала Врангеля выше личных с ним отношений, всегда до этих пор дружеских, но теперь омраченных не только содержанием писем, но и фактом их распространения среди посторонних людей. «Тем не менее, — писал Деникин, — я терпел, помня заслуги генерала Врангеля, учитывая нервность, присущую ему, не желая лишить армию талантливого кавалерийского начальника и чтобы не дать повода обвинить Ставку в лицеприятии».[4]

С победоносным шествием деникинских войск на север, вопрос прошлых разногласий по поводу Царицына был временно забыт. Но когда обстоятельства изменились, когда детали прежних стратегических рассуждений сгладились в памяти обывателей и когда общая обстановка приняла угрожающий характер для белых армий, вопрос Царицына снова был выдвинут критиками Деникина как козырь в агитации против него. Деникина винили в том, что он в свое время не последовал совету Врангеля, что он упустил момент соединиться с войсками Колчака («драгоценное время было

упущено»), что руководили им мотивы честолюбия («упоенный успехами честолюбец»), властолюбия, желание первому, под звон колоколов, войти в Москву. Даже искренность причин, побудивших Деникина подчиниться Колчаку, ставилась под знак вопроса, и под конец (в феврале 1920 года) брошена была фраза:

— Войска адмирала Колчака, предательски оставленные нами, были разбиты...

В то время как на Юге России против Деникина выдвигалось обвинение в «предательстве» Колчака, в Сибири винили Колчака в предательстве Деникина. Подрывая уже расшатанный осенью 1919 года авторитет адмирала, некоторые круги в Омске распространяли памфлеты, обвиняя Колчака в том, что он умышленно пренебрег движением на соединение с Деникиным.[5]

Только в результате слепого раздражения или сознательного извращения правды можно было так грубо ударить по личностям этих двух людей, повинных во многих ошибках, но никак не в отсутствии честности и благородства.

В конце ноября 1919 года Май-Маевский был уволен с должности командующего Добровольческой армией. По настоянию генерала Деникина, Врангель принял над ней командование, передав свою Кавказскую армию генералу Покровскому. Причиной, побудившей Деникина выбрать для назначения на этот посткандидатуру Врангеля, невзирая на прошлые трения, было желание использовать его кавалерийские способности, подчинив ему численно значительную казачью конницу Мамонтова.

Как мы уже знаем, генерал Врангель назначил Улагая начальником конной группы, что обидело Мамонтова, вызвало его демонстративный уход и способствовало окончательному разложению его конных частей. Неоправдавшаяся надежда на конницу свела на нет военные расчеты Ставки, а связанные с ними перемещения в командном составе ускорили назревавший конфликт между Деникиным и Врангелем.

«Новое назначение генерала Врангеля, — писал Антон Иванович, — внесло много осложнений в атмосферу внутреннего разлада, особенно тягостную в обстановке потрясений, переживаемых тогда армиями и мной. Прежде всего последовал рапорт с изложением пренебрежения (нами) основных принципов военного искус-

ства в прошлом и преимущества стратегических предположений генерала Врангеля. И этот рапорт был также сообщен им старшим начальникам... Новый командующий нарисовал удручающую картину наследия, полученного им от генерала Май-Маевского: систему «самоснабжения», обратившую «войну в средство наживы, а довольствие местными средствами — в грабеж и спекуляцию»... Развращенные этой системой и примером некоторых старших начальников войска... Громадные тылы, запрудившие все пути... Хаотическая эвакуация, осложненная нахлынувшей волной беженцев... И как вывод: армии, как боевой силы, нет!»[6]

Этот вывод генерал Деникин категорически отвергал. Слишком глубоко запал ему в душу героический пример двух первых походов Добровольческой армии. «Армия, — говорил он, — которая ударами почти втрое превосходившего его силами противника... на расстоянии 400 верст от Орла до Харькова, потеряв в кровавых боях до 50% своего состава, могла еще противостоять напору противника, маневрировать, отражать атаки, сама с успехом атаковать — такая армия не умерла. Сквозь внешнюю неприглядную обстановку, под наносным слоем пыли и грязи жив был тот дух неумирающий, который горел в ней во время Первого и Второго походов, который выводил горсть храбрецов из сплошного большевистского кольца, бросал их, почти безоружных, на бронированные поезда и давал им победу в столкновении с противником, во много раз сильнейшим...»[7]

Все, о чем говорил Деникин, действительно имело место в свое время, и героическим эпизодам белой борьбы пришлось еще несколько раз повториться. Но Главнокомандующий упускал тогда из виду, что «внутренние недуги», боевые неудачи и непрерывное отступление после почти достигнутой цели надломили веру в конечный успех даже среди наиболее стойких борцов.

Рапорт генерала Врангеля был отправлен 9 декабря, после того, как он ознакомился с обстановкой, сложившейся на новом ему фронте. О боевом составе Добровольческой армии ко дню своего приезда (конец ноября) он доносил, что в ней осталось всего около 3600 штыков и 4700 сабель, что кубанский корпус был сведен в бригаду, корниловские полки — в батальоны, что марковские пол-

ки сохранили лишь кадры, а дроздовская дивизия сведена в три роты...[8]

Описывая общее положение фронта и причины его развала, рапорт генерала Врангеля по существу был совершенно справедлив. Однако грешил он не только излишней резкостью и запальчивостью, но и по тону своему напоминал скорее выпад газетной передовицы против неугодного политического деятеля, чем обращение подчиненного генерала к своему Главнокомандующему. Поэтому когда генерал Деникин узнал, что генерал Врангель разослал копии и этого рапорта нескольким лицам и «доверительно ознакомил с его содержанием» других, то на этот раз серьезно насторожился.[9]

Уже с июня месяца Антон Иванович знал, что некоторые рапорты, письма и телеграммы генерала Врангеля становились достоянием посторонних лиц. Но тогда он еще не приписывал этому явлению значения «борьбы за власть». Он объяснял себе поведение генерала Врангеля его порывистым характером и нервностью. Теперь же, в момент неудач, он увидал все в совершенно ином освещении. Поступок генерала Врангеля в его глазах являлся не только нарушением военной дисциплины, но и политической игрой, направленной против Главнокомандующего.

Почти сразу после вступления Врангеля в командование Добровольческой армией возникли расхождения между ним и Ставкой по вопросу стратегии. Красная конница уже врезалась глубоким клином во фронт белых, Вооруженные силы Юга России отступали двумя отдельными группами, одна на юго-восток, другая на юго-запад. Генерал Врангель считал, что Донской армии следовало задержаться на Дону и образовать там фронт. Добровольческую армию, оторвав ее от Донской, он предлагал отводить в направлении Крыма, чтобы, прикрыв его, соединиться с воинскими частями генералов Шиллинга и Бредова, самостоятельно катившимися от Киева на юг в направлении Одессы. Он указывал, что отход добровольцев на Дон был бы связан с очень сложным и опасным фланговым маршем, подставлявшим его войска под непрерывный удар неприятеля.

Генерал Деникин это предложение резко отклонил. Он считал недопустимым разъединение добровольцев с донцами. А потому

приказал, «если удержаться нельзя будет», то отступать только совместно с Донской армией, «каких бы жертв это ни стоило».

— Уход Добровольческой армии в Крым, — говорил он, — вызвал бы неминуемое и немедленное падение Донского и всего Кубанского фронта, что обрекало бы на страшные бедствия, быть может на гибель, десятки тысяч больных и раненых воинов,.. рассеянных на территории Дона и Северного Кавказа. Никакие стратегические соображения не могли бы оправдать в глазах казачества этого шага, и казаки отнеслись бы к нему как к предательству с нашей стороны.[10]

Ввиду малочисленности Добровольческой армии генерал Врангель предложил свернуть ее в корпус, а для себя просил разрешения отправиться на Кубань, чтобы формировать там конную армию. Оба предложения были одобрены Ставкой. Командующим Добровольческим корпусом назначили генерала Кутепова, а генералу Врангелю поручили заняться конными формированиями на Кубани.

Тем временем отношения между Врангелем и Деникиным становились все более и более натянутыми.

11 декабря на станции Ясиноватой состоялось свидание генералов Врангеля и Сидорина. Они должны были обсудить детали сложного флангового марша и отхода добровольцев для соединения их с Донской армией. Это свидание происходило не только с разрешения, но и по настоянию генерала Деникина. Но вслед за тем совершенно неожиданной для него была телеграмма генерала Врангеля, посланная им командующим Донской и Кавказской армиям (генералам Сидорину и Покровскому), в которой он просил их прибыть в ближайшие дни на совещание для выяснения ряда вопросов. О намеченном совещании генерал Деникин узнал совершенно случайно из копии телеграммы Врангеля, препровожденной в Ставку. И тут он потерял терпение. «Самый факт созыва командующих армий без разрешения Главнокомандующего, — писал он, — являлся беспримерным нарушением военной традиции и военной дисциплины».[11]

В двух резких телеграммах ко всем трем командующим армиями генерал Деникин, указывая, что некоторые начальники позволяют себе предъявлять требования в недопустимой форме, что подобное обращение он впредь не потерпит, требовал от подчинен-

ных беспрекословного повиновения. В другой телеграмме он воспрещал съезд, намеченный Врангелем и, указав на недопустимость такого образа действий, потребовал, чтобы без его разрешения командующие не оставляли пределов своих армий.

Касаясь этого эпизода, генерал Врангель отметил его в своих воспоминаниях следующей фразой: «По-видимому, генерал Деникин в моей телеграмме усмотрел подготовку какого то «заговора» его ближайших помощников».[12]

Если в тот момент у Антона Ивановича и не было доказательств, что против него готовился «заговор», то в ближайшие недели он получил целый ряд свидетельских показаний, подтверждавших, что генерал Врангель вел переговоры с некоторыми из старших начальников об удалении Деникина с поста Главнокомандующего и о замене его другим лицом.

Во-первых, 11 декабря 1919 года на станции Ясиноватая при свидании своем с генералом Сидориным генерал Врангель, «жестоко критикуя стратегию и политику Ставки, поднял вопрос о свержении Главнокомандующего». И далее — генерал Врангель хотел созвать совещание трех командующих армиями (Врангеля, Сидорина, Покровского) именно «для решения этого и других сопряженных с ним вопросов».[13]

Во-вторых, будучи командированным на Кубань для формирования там конной армии, генерал Врангель в двадцатых числах декабря 1919 года вел переговоры о том, чтобы заставить генерала Деникина передать свой пост в новые руки.

Впоследствии генерал Деникин мог с полным основанием утверждать это, получив свидетельства генерала А. Г. Шкуро, Терского атамана генерала Герасима Андреевича Вдовенко, председателя Терского Круга П. Д. Губарева и генерала Ивана Егоровича Эрдели.[14]

Люди, с которыми велись переговоры, участвовать в этом предприятии категорически отказались, мотивируя свой отказ лояльностью к Главнокомандующему, а также тем, что в такой критический момент «генеральский» переворот был бы преступлением, что он вызвал бы крушение фронта, и что имя генерала Деникина являлось знаменем, заменить которое тогда было некем. О происшедшем они известили Главнокомандующего, срочно послав к нему специального курьера.

Последняя встреча двух генералов имела место 27 декабря 1919 года. «За время общего разговора, — писал Врангель, — генерал Деникин не сказал мне ни слова».[15]

Больше они никогда не встречались, но окончательный разрыв произошел только в феврале 1920 года.

Быть может, когда-нибудь появится монография, посвященная подробному разбору взаимоотношений Деникина и Врангеля. В данной же книге более детальное освещение этого вопроса отвлекло бы внимание читателя от главной темы. Достаточно сказать, что выдающийся военачальник, вписавший блестящие страницы в историю белой борьбы, генерал Врангель, в известный момент потерял веру в водительство Деникина. Считая его командование пагубным для дела, он искал выход из создавшегося положения путем «дворцового переворота» со всеми закулисными переговорами, связанными с таким предприятием. Причем, не только ход событий, но и сам генерал Врангель упорно выдвигал себя на роль преемника власти.

Молча и тяжело переживал Деникин «борьбу за власть», руководимую человеком, которого он когда-то ценил и всячески выдвигал по службе. Тем не менее ответы, которые (много лет спустя, уже в эмиграции) он давал на прошлые выпады против себя, отличались сдержанностью и всегда основывались на щепетильно проверенных фактах.

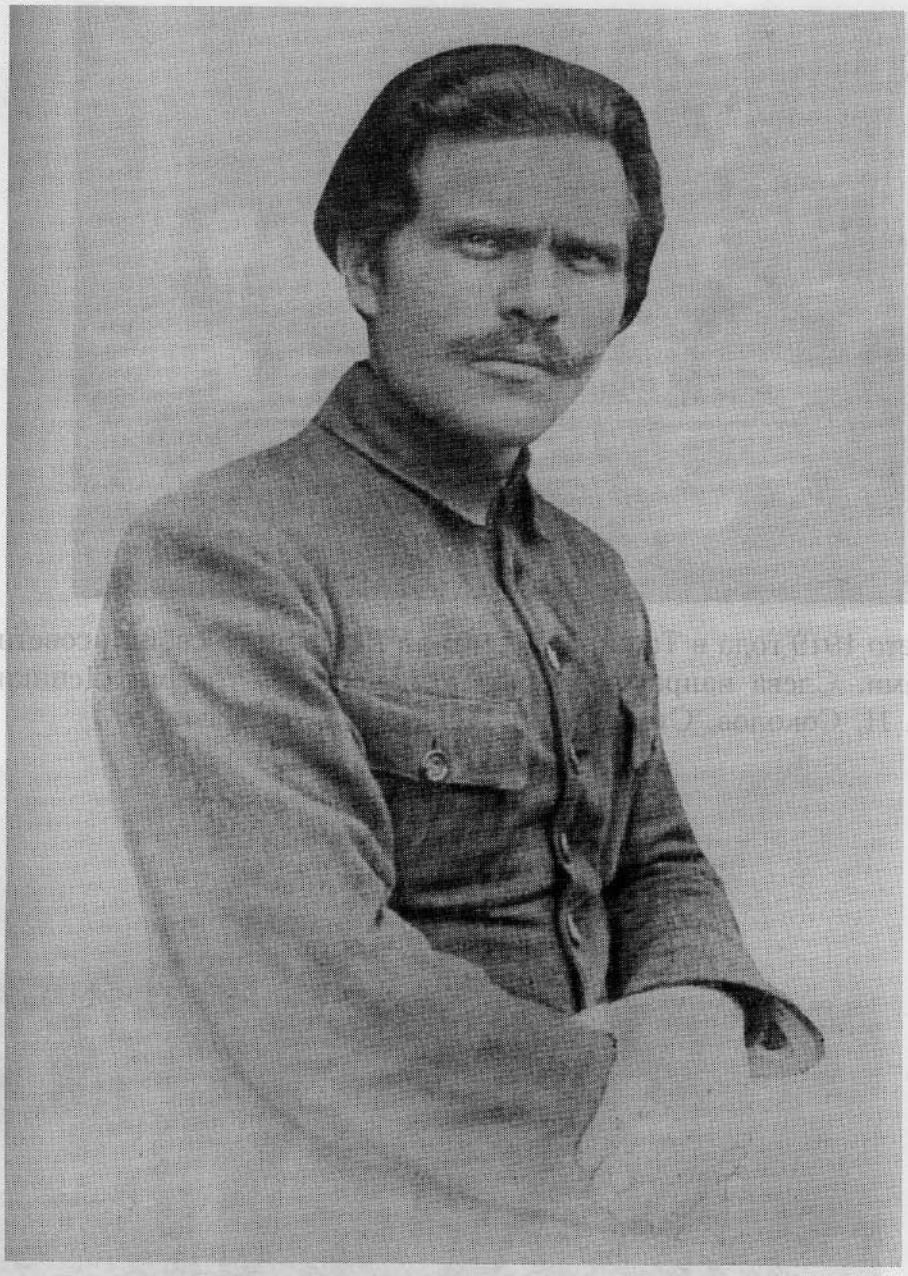
В неопубликованных бумагах Антона Ивановича имеется следующая заметка: «Мне вообще тяжело было писать о нашей распре, тем более, что в намерение мое не входило дискредитирование моего заместителя на потеху большевикам... История нас рассудит...»[16]

Генерал барон Петр Врангель

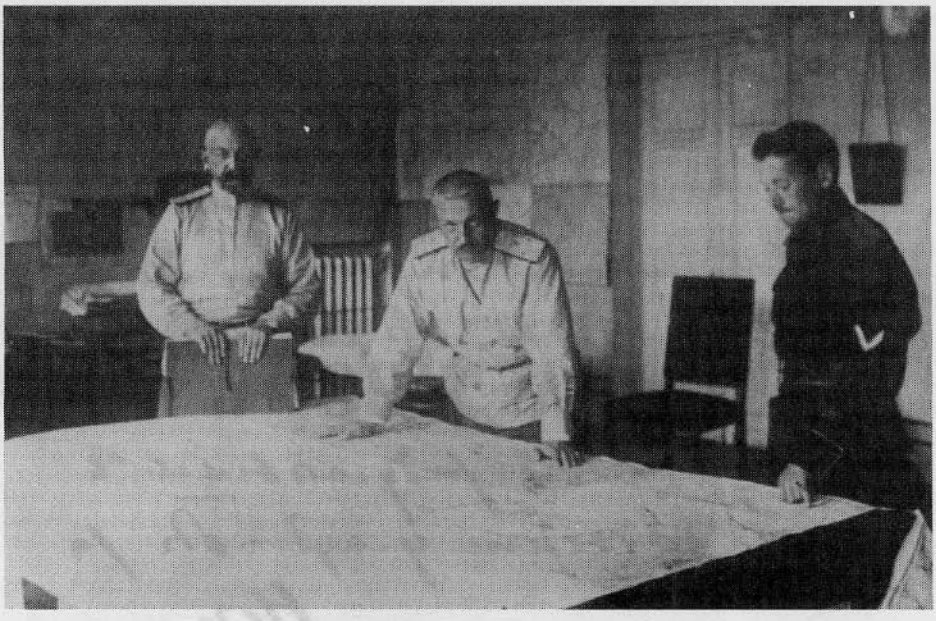
Генерал Александр Кутепов

Лето 1919 года в Таганроге. Генерал Деникин со своими советниками. Слева направо: генерал Романовский, генерал Деникин, К. Н. Соколов. Стоят: Н. И. Астров и Н. В. Савич

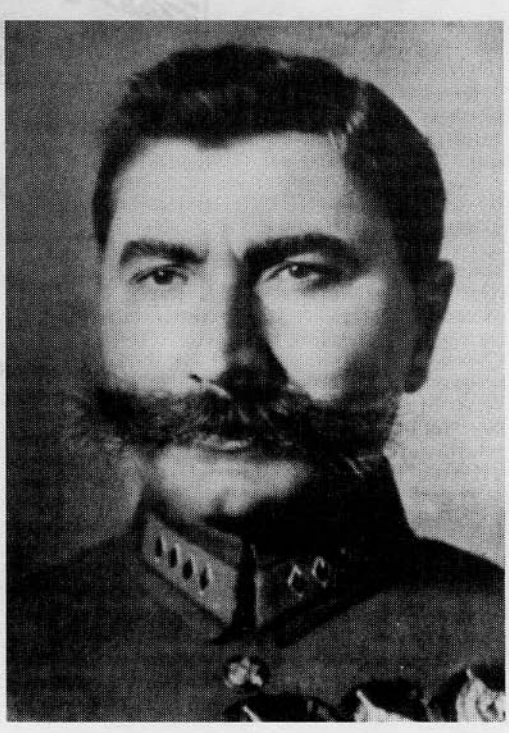
Командующий Добровольческой армией генерал Май-Маевский проводит смотр второго Корниловского полка. Лето 1919 года



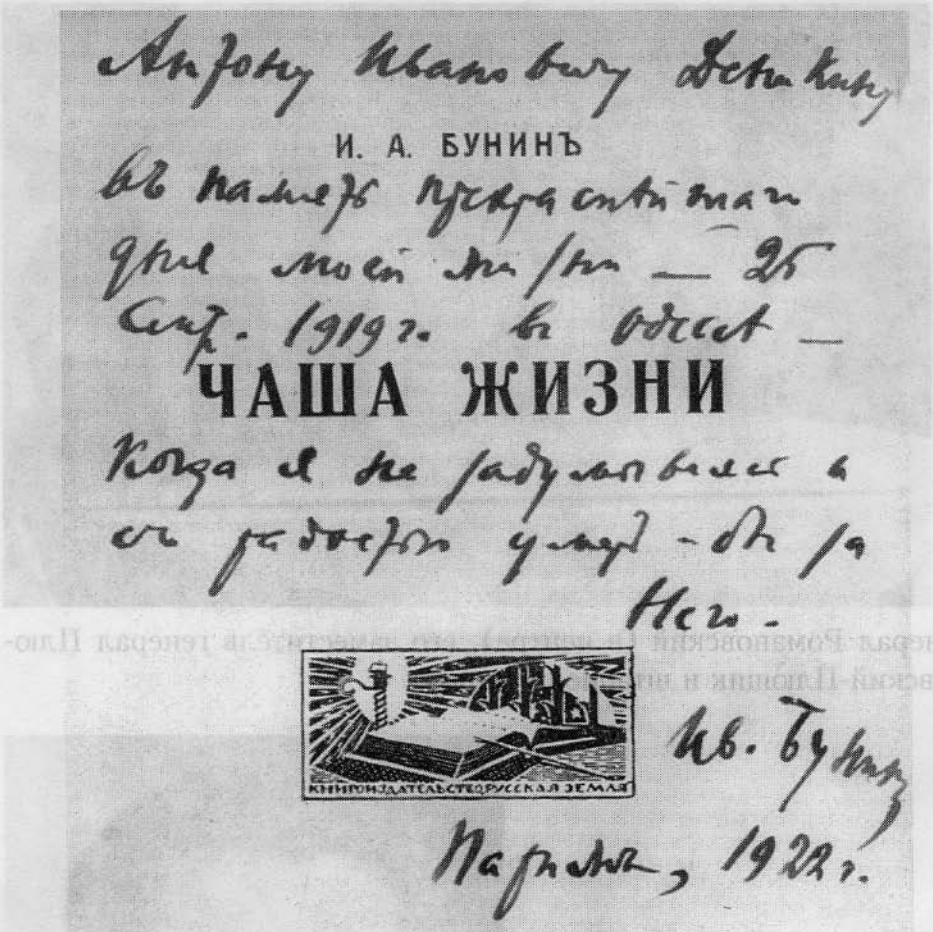
Нестор Махно, лидер анархистов



Генерал Романовский (в центре), его заместитель генерал Плющевский-Плющик и штабной офицер



Семен Буденный, красный кавалерист, командующий Первой конной армией. 1919 год


Антону Ивановичу Деникину
И. А. БУНИНЪ
въ память пребывания
моего въ Одессѣ —
25 Сент. 1919 г. въ Одессѣ —
ЧАША ЖИЗНИ
Когда я не забуду
съ радостью думать — въ Одессѣ
Ник. —
Ив. Бунин
Париж, 1921 г.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО РУССКАЯ ЗЕМЛЯ
ПАРИЖЪ
1921

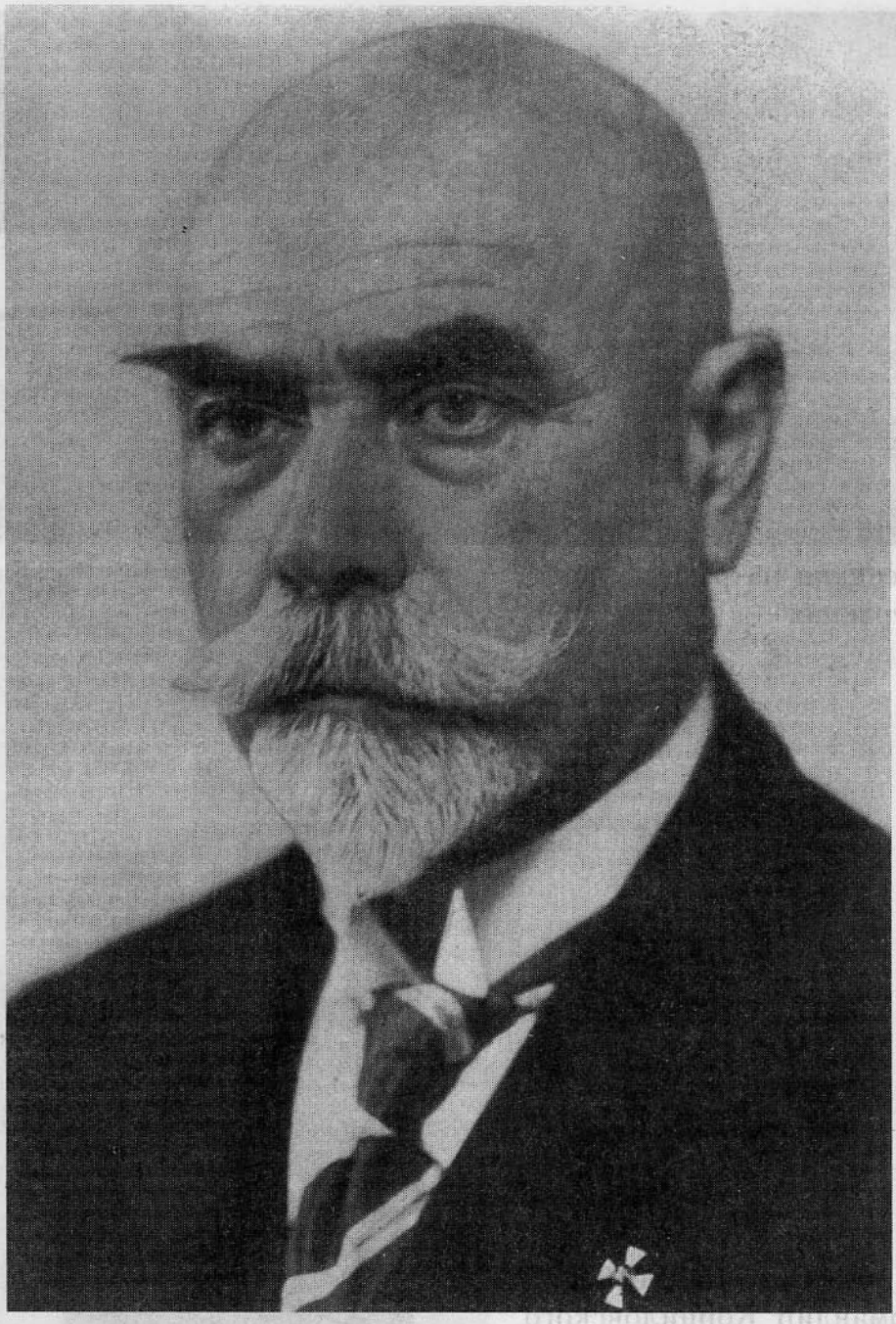
Книга с дарственной надписью, подаренная Иваном Буниным Деникину в Париже

Деникин и его дочь Марина перед входом в дом на 15 рю Гале (15 Rue gallet) в Севре (Франция). 1933 год

Деникин и его жена. Охота за грибами близ Аллемонта (Франция) в 1935 году

Деникин на рыбной ловле. Франция

Н. В. Скоблин, бывший командир Корниловского полка, который стал советским агентом во Франции



Генерал Деникин в Париже. 1938 год

Ксения Деникина в июне 1941 года среди соотечественников, интернированных немцами, в период фашистской оккупации Франции

Kreiskdtr. Mont de Marsan/ Feldgendarmerie, am 1. Juli 1941.

Bescheinigung.

XXX - Der - russischen Staatsangehörigen

...Xenia..D.e.n.i.k.i.n.....

wohnhaft in .Wimizan..... wird hiermit bescheinigt, dass

XX - sie - vom 15 Juni 1941 bis 1. Juli 1941 in Mont de Marsan interniert war und nach Prüfung XXXXXX - ihrer - Persönlichkeit wieder nach XXXXXX - Ihrem - Wohnort entlassen wurde.

Der Kreiskommandant.

A.B.

Stabsfeldwebel d. Feldgend.

Документ об освобождении, выданный Ксении Деникиной германскими властями

Деникин в местечке Мимизан во время немецкой оккупации Франции

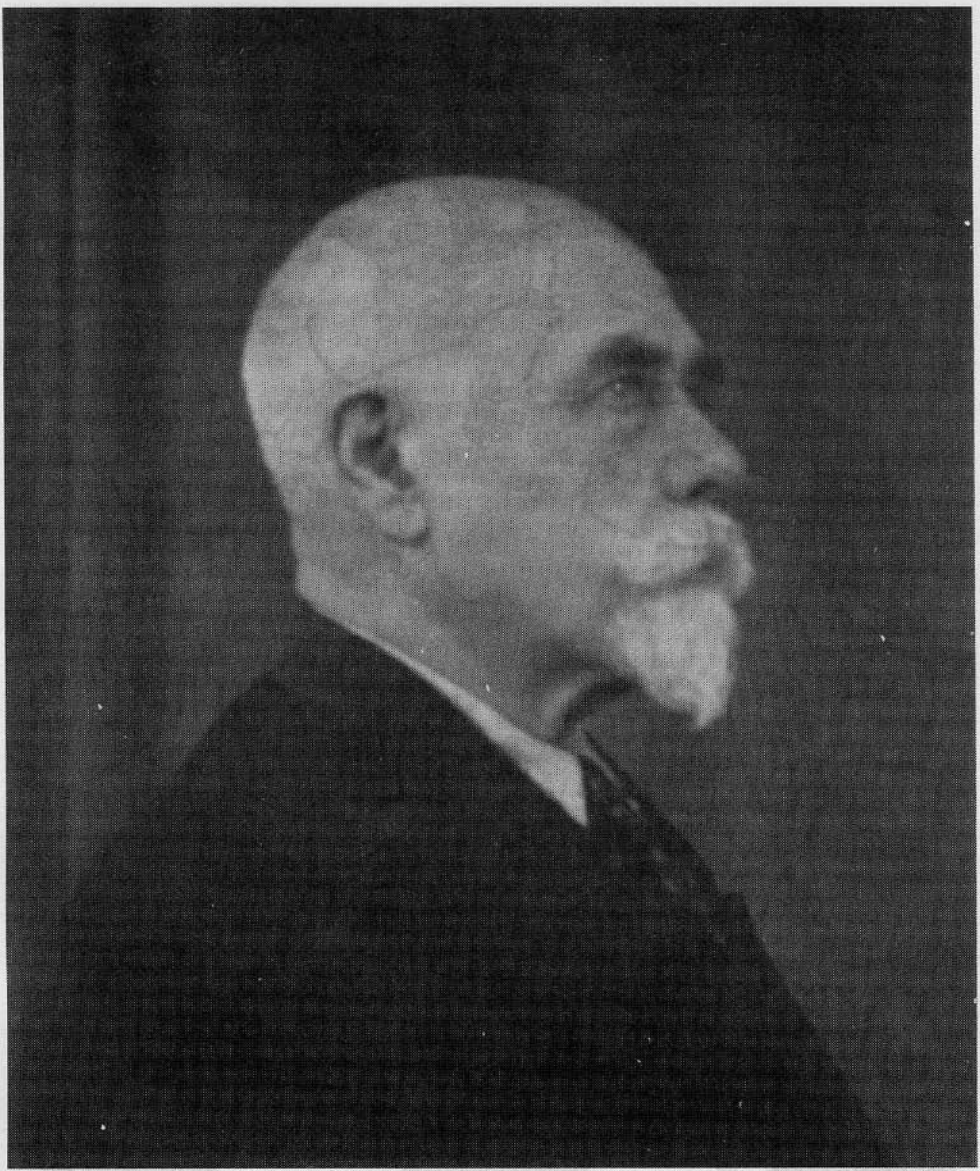
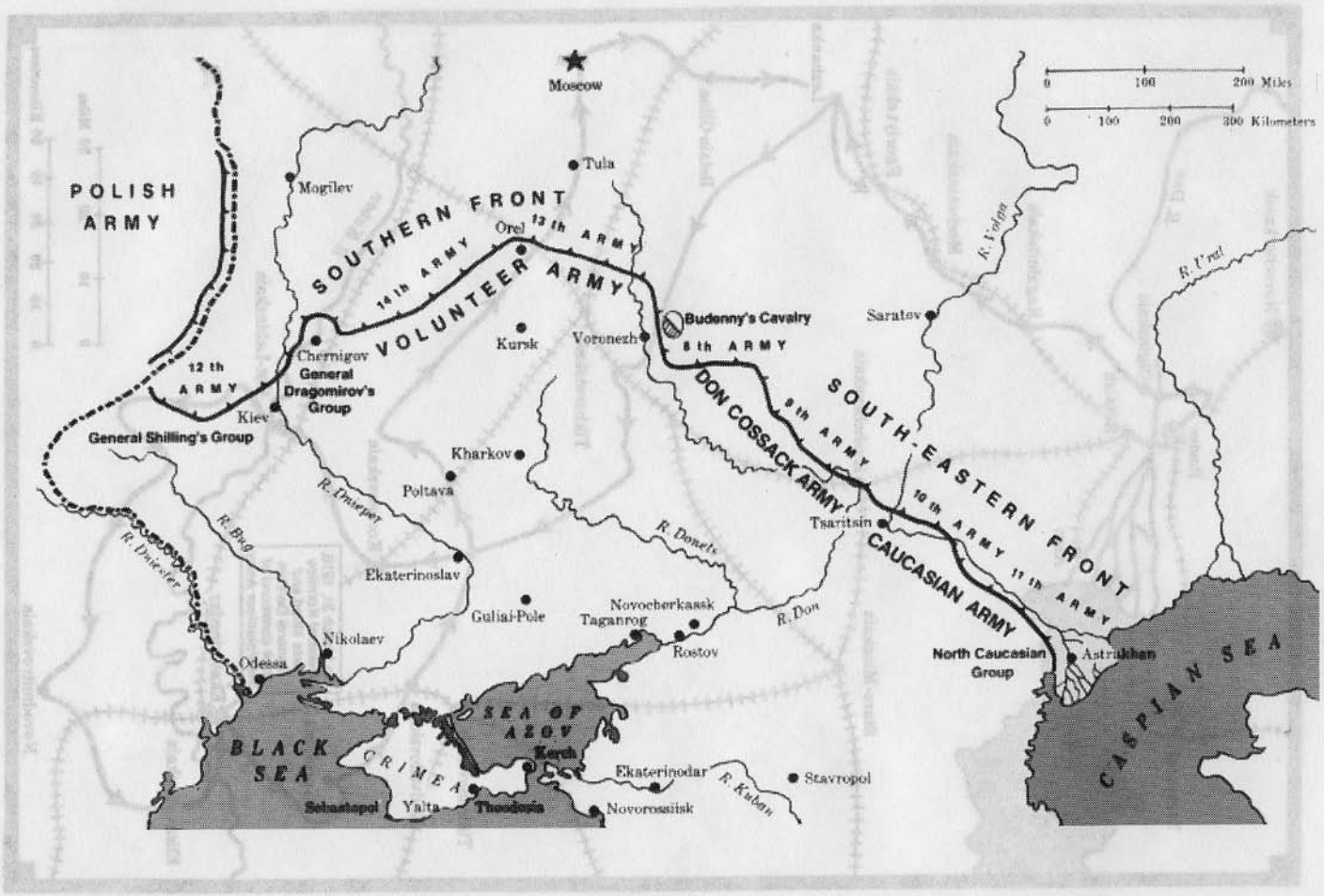
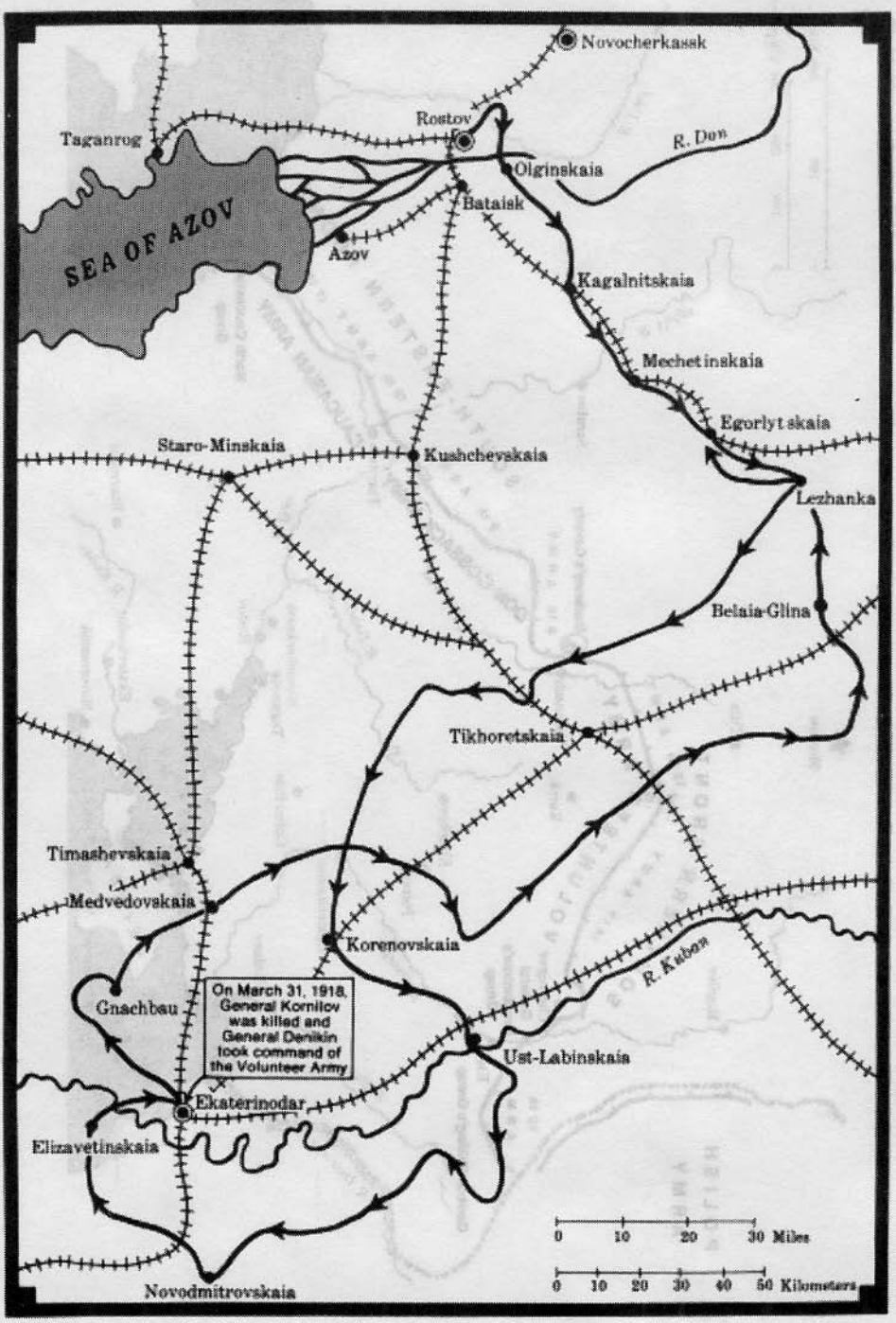


Фото Деникина на паспорт, сделанное во Франции перед отъездом в Соединенные Штаты Америки в ноябре 1945 года

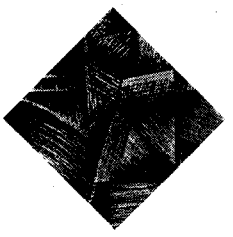
ARCTIC OCEAN
NORWAY
SWEDEN
FINLAND
BALTIC SEA
WHITE SEA
Murmansk
MILLER
(ALLIED FORCES IN NORTHERN RUSSIA)
Farthest advance Oct. 1919
Arkhangelsk
R. Dvina
Helsingfors
Revel
Petrograd
YUDENICH
Farthest advance Oct. 1919
Riga
Pskov
Viatka
Glazov
Perm
R. Volga
Izhevsk
KOLCHAK
Farthest advance May 1919
Ufa
GERMANY
MOSCOW
Kazan
Minsk
Warsaw
Mogilev
PILSUDSKI
(POLISH ARMY)
Farthest advance Oct. 1919
Tula
Orel
Samara
Chernigov
DENIKIN
Farthest advance Oct. 1919
Kursk
Voronezh
Orenburg
Saratov
Kiev
AUSTRIA HUNGARY
Kharkov
R. Dnieper
R. Don
R. Donets
Ekaterinoslav
Tsaritsin
R. Ural
R. Dniester
Odessa
Novocherkassk
RUMANIA
R. Danube
Rostov
SEA OF AZOV
Astrakhan
Ekaterinodar
BULGARIA
Sebastopol
Novorossisk
R. Kuban
BLACK SEA
CASPIAN SEA
Batum
TURKEY
TRANS-CAUCASIA
Baku
0 100 200 300 Miles
0 200 400 Kilometers
PERSIA


Moscow
Tula
Mogilev
POLISH ARMY
SOUTHERN FRONT
14th ARMY
Orel
13th ARMY
VOLUNTEER ARMY
Budenny's Cavalry
8th ARMY
Kursk
Voronezh
Saratov
12th ARMY
Chernigov
General Dragomirov's Group
Kiev
General Shilling's Group
DON COSSACK ARMY
9th ARMY
SOUTH-EASTERN FRONT
Kharkov
Poltava
R. Dniepr
R. Bug
R. Dniester
R. Donets
Tsaritsin
10th ARMY
11th ARMY
CAUCASIAN ARMY
Ekaterinoslav
Gulial-Pole
Novocherkassk
Taganrog
R. Don
Nikolaev
Odessa
Rostov
North Caucasian Group
Astrakhan
CASPIAN SEA
SEA OF AZOV
BLACK SEA
CRIMEA
Kerch
Ekaterinodar
R. Kuban
Stavropol
Sebastopol
Yalta
Theodosia
Novorossiisk
0 100 200 Miles
0 100 200 300 Kilometers


Novocherkassk
Rostov
Taganrog
R. Don
Olginskaia
Bataisk
SEA OF AZOV
Azov
Kagalnitskaia
Mechetinskaia
Egorlytskaia
Staro-Minskaia
Kushchevskaia
Lezhanka
Belaia-Glina
Tikhoretskaia
Timashevskaia
Medvedovskaia
Korenovskaia
R. Kuban
Gnachbau
On March 31, 1918, General Kornilov was killed and General Denikin took command of the Volunteer Army
Ust-Labinskaia
Ekaterinodar
Elizavetinskaia
Novodmitrovskaia
0 10 20 30 Miles
0 10 20 30 40 50 Kilometers

Глава XXVIII

КЛЕВЕТА



Еще до всяких неудач на фронте, когда акции генерала Деникина стояли высоко, в некоторых кругах Юга России слышались уже неодобрительные отзывы о личности генерала Иван Павловича Романовского, начальника штаба Главнокомандующего. Близость его с Деникиным началась в дни их совместного заключения в Быхове после провала корниловского выступления. Исключительная дружба, связавшая потом этих двух людей, вызвала ревнивую подозрительность в связи с тем, что Романовский мог пользоваться своим положением, чтобы влиять на Деникина в личных, корыстных, целях. Одни называли Романовского «l'eminence grise», другие более откровенно говорили о нем как о «злом гении Деникина».

Винили Романовского в чрезмерном честолюбии и властолюбии, в надменности, в том, что он ревниво оберегал свой исключительный статус от возможных соперников, что в корыстных целях скрывал от Главнокомандующего истинное положение вещей и так далее.[1]

Личность генерала Романовского осталась до сих пор не вполне выясненной. Однако через призму полувековой давности и на основании ряда свидетельств, опубликованных много лет спустя после смерти генерала Романовского, характер его получает иное и более правдоподобное освещение.

Нет сомнения, Романовский совершенно искренно был предан генералу Деникину, в нем отсутствовал какой бы то ни было элемент корысти, чрезмерного честолюбия. Он всегда держался в тени,

чуждался рекламы, никогда не приписывал себе инициативу в успехах на фронте, никогда не сваливал на чужие плечи вину за неудачи. Он всячески старался оберегать Деникина от излишних неприятностей, о чем свидетельствует случай (упомянутый в одной из предыдущих глав) с генералом Дроздовским, пославшим однажды генералу Деникину рапорт в форме недопустимой с точки зрения воинской дисциплины. Романовский вернул рапорт отправителю, известив Дроздовского, что ввиду резкости тона доложить его генералу Деникину не может. Инцидент был улажен, но Романовский навлек этим на себя нарекания. Уже тогда, осенью 1918 года, в армии пошел слух, что начальник штаба скрывает правду от командующего... С середины 1919 года усиленную кампанию против Романовского вел генерал Врангель. И так как начальник штаба Главнокомандующего считался проводником либеральных идей, то среди монархистов его сразу окрестили масоном, со всеми злостными политическими умыслами, которые приписывались масонству в правых кругах. Никто никогда не смог доказать, что Романовский был членом масонской организации, что же касается его либерализма, то профессор К. Н. Соколов (сам член кадетской партии) считал Романовского человеком несомненно правых убеждений, у которого «левизна были по рассудку».[2]

Романовский, как и Деникин, был полным бессребреником. Не в пример маршалу Бертье, начальнику штаба и ближайшему другу Наполеона, он не только не стяжал себе огромного состояния, но после своей трагической смерти в Константинополе, оставил свою семью буквально без копейки денег. Если Романовский не обладал военными дарованиями Бертье, то во всяком случае был честным и порядочным человеком и не изменил своему вождю, как это сделал французский маршал после падения Наполеона.

Тем не менее у Романовского была черта характера, которая коробила и раздражала мало знавших его людей. Человек замкнутый, с несколько резкой прямотой, перегруженный работой, поглощавшей не меньше 18 часов в сутки, он не мог уделять достаточного количества времени и учтивости всем посетителям и просителям, которые ежедневно массами заполняли его приемную комна-

ту. В нем отсутствовала внешняя любезность и легкость в обращении с посторонними, свойственная светскому человеку. С посетителями он бывал порой краток, сух, резок и из-за недостатка времени иногда не имел возможности принять всех людей, ожидавших с ним свидания. И это создавало ему репутацию сухого бюрократа-формалиста.

Даже жена генерала Деникина, Ксения Васильевна, говорила, что «вероятно правы были те, кто обвинял Романовского в резкости и отсутствии деликатности; но не понимали они, что, когда человека рвут на части,.. всякая деликатность может испариться».[3]

И, как обычно бывает в таких случаях, личные обиды в пересказе дополнялись прикрасами, а за ними шла липкая и ползучая клевета, бездоказательно порочившая начальника штаба Главнокомандующего.

Иван Павлович Романовский, сын артиллерийского офицера, родился в 1877 году, окончил Кадетский корпус в Москве, Константиновское артиллерийское училище в Петербурге, и в 1897 году вышел подпоручиком в лейб-гвардии 2-ю артиллерийскую бригаду, куда годом позже вышел и другой, впоследствии знаменитый участник Белого движения генерал Сергей Леонидович Марков, окончивший то же училище. Таким образом юность и молодость связали Романовского с Марковым общими воспоминаниями, перешедшими затем в дружбу. Оба офицера окончили Академию Генерального штаба, оба участвовали в русско-японской войне. Потом служебные пути их временно разошлись, чтобы снова, и на этот раз окончательно, слиться в период развала русской армии осенью 1917 года. Марков был начальником штаба у Деникина, командовавшего Юго-западным фронтом; Романовский занимал тогда должность генерал-квартирмейстера в Ставке Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова. Оба генерала приняли участие в корниловском выступлении, оба были арестованы, сидели затем вместе в Быховской тюрьме, вместе бежали на Дон и одновременно вступили в ряды Добровольческой армии, с той разницей, что Марков сразу попал в строй, а Романовский был выбран Корниловым на должность начальника штаба Добровольческой армии. После смерти Корнилова он остался на том же посту

при генерале Деникине и с тех пор стал его неразлучным спутником.

Никто никогда не присутствовал на обсуждении важных вопросов между Главнокомандующим и его начальником штаба. Они велись с глазу на глаз. А потому степень влияния, которую Романовский мог оказывать на Деникина, осталась скрытой от постороннего наблюдателя. Тем не менее люди, близко знавшие обоих, не сомневались в том, что между этими двумя замкнутыми сотрудниками существовало редко встречающееся в жизни единомыслие и что стратегические решения в одинаковой мере отражали взгляд как Деникина, так и Романовского.

Так или иначе, к концу осени 1919 года у Антона Ивановича сложилось твердое убеждение, что единственным человеком, который мог заменить его, был Иван Павлович Романовский. К тому времени начали циркулировать упорные слухи (впоследствии оказавшиеся вполне обоснованными), что левое крыло партии эсеров готовило покушение на жизнь Деникина.

Ввиду того, что законодательство, существовавшее на юге России, не предусматривало «преемства власти», генерал Деникин решил составить завещание в форме приказа войскам, где в случае своей смерти он назначал Главнокомандующим генерал-лейтенанта Романовского.

«Этим актом, — писал в своих воспоминаниях Деникин, — я готовил ему тяжелую долю. Но его я считал прямым продолжателем моего дела и верил, что армия, хотя в среде ее и было предвзятое, местами даже враждебное отношение к Романовскому, послушается последнего приказа своего Главнокомандующего. А признание армии — все. Приказ этот в запечатанном конверте лежал в моем несгораемом шкафу и о существовании его знали кроме меня только два человека: сам И. П. Романовский и генерал-квартирмейстер Плющевский-Плющик. Когда я сказал им об этом обстоятельстве, Романовский не проронил ни слова, и только на лице его появилась скорбная улыбка. Словно думал: кто знает, кому уходить первым...»[4]

Антон Иванович остался при убеждении, что тайна этого акта не была нарушена. Тем не менее он должен был признать, что «некоторые изощренные умы проникли интуитивно за ее покро-

вы» и вскоре, когда вышел приказ о назначении генералов Романовского и Лукомского на должность «помощников главнокомандующего», в политических кругах Юга России создалась уверенность, что никто иной, как Романовский, намечен заместителем Главнокомандующего. По мнению Деникина, пропаганда, направленная против его начальника штаба, приняла исключительно острую форму именно с этого момента.

И именно выбор, сделанный в пользу генерала Романовского, которого глухая молва к тому времени успела окончательно очернить в глазах офицерства, доказывает, насколько генерал Деникин утерял духовную связь со своими войсками.

Видя хаотическое положение тыла и отсутствие людей, способных привести его в порядок, Деникин все больше и больше погружался в чуждую ему сферу гражданского управления. Оно отрывало Главнокомандующего от его первейшей задачи — руководить военными делами. Все реже и реже посещал он фронт. Личная связь его с войсками начала теряться с момента объединения Добровольческой и Донской армий.

С одной стороны, Деникин в силу обстоятельств сам отдалялся от армии, от непосредственного биения ее пульса; с другой стороны, войска теряли личную связь со своим вождем.

Многие части действующей армии знали своего Главнокомандующего только по изображению на лубочных плакатах, которые отдел «белой» пропаганды расклеивал по всем освобожденным от большевиков городам, местечкам и железнодорожным станциям. В войсках терялось то обаяние суровой личности Деникина, которое так хорошо знали Марков, Тимановский и другие, служившие под его начальством в Железной дивизии во время мировой войны. Знали его обаяние и те, кого генерал Деникин вывел после смерти Корнилова из, казалось тогда, обреченного на неудачу Первого кубанского похода. Но в глазах людей, попавших в его армию в 1919 году и не испытавших на себе того особого чувства, которое близость и личный пример доблестного начальника производит на войска, в их глазах Деникин ничем не отличался от целого ряда других штабных генералов, сидевших в глубоком тылу.

И когда на фронте начались неудачи, то неудивительно, что люди, знавшие своего Главнокомандующего только понаслышке,

стали прислушиваться к голосу тех, кто говорил о желательности замены его настоящим, «боевым генералом».

В конце 1919 года генерал Деникин употреблял все усилия, чтобы побороть инерцию отступательного движения своих войск, считая, что даже один крупный успех в тот момент мог «перевернуть вверх дном всю стратегическую ситуацию», как это было в мае месяце в Каменноугольном бассейне. Даже после потери Новочеркасска и Ростова несколько успешных контратак укрепили в Главнокомандующем веру в возможность вырвать инициативу у красных.

5 января 1920 года белая конница сильно потрепала Буденного под Батайском; в середине января Донская конница нанесла ему значительный удар, захватив у Буденного 40 орудий и много пленных; 7 февраля части генерала Кутепова захватили Ростов, 22 орудия, 163 пулемета, 6 бронепоездов и 4 тысячи пленных; а Донской корпус генерала Гусельщикова захватил станицу Аксайскую, 15 орудий, 20 пулеметов, много пленных, среди которых были два начальника красных дивизий. И Антону Ивановичу казалось, что «далеко еще не все потеряно, когда «разбитая армия» в состоянии наносить такие удары...»

Однако вырвать инициативу у красных генералу Деникину не удалось ввиду того, что противник проник в глубокий тыл Белой армии у Тихорецкой. И белые войска в конце концов слились с общей человеческой волной беженцев, стремившейся ускользнуть от кабалы советской власти и катившейся к побережью Черного моря в надежде перебраться в Крым, последний оплот белой борьбы, который тогда в жестоких боях удерживал генерал Слащев.

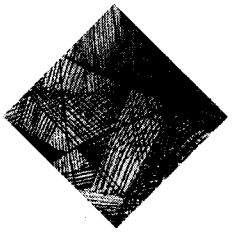
Для всех связавших свою судьбу с делом генерала Деникина начинался период мучительной агонии.

А тем временем советское командование образовало Кавказский фронт для непосредственной борьбы с Деникиным. Тянувшийся от Ростова до Астрахани, он состоял из 8-й, 9-й, 10-й и 11-й армий и из Конной армии Буденного. Командующим «Кавказским фронтом» назначен был М. Н. Тухачевский.

13-я и 14-я советские армии были направлены для действий на Украине и против Крыма.

Глава XXIX

ПО НАКЛОННОЙ ПЛОСКОСТИ



Неудачи на фронте затмили в памяти современников попытки генерала Деникина изменить в конце своего правления ригористический курс предыдущей политики. Эти попытки не могли уже отразиться на ходе событий, но в памяти Антона Ивановича они оставили тяжелый след. Он понял наконец, что злоупотребления и беспорядки в тылу окончательно дискредитировали в глазах населения его правительство, то есть Особое совещание, что требовался радикальный пересмотр лозунгов борьбы, всего внутреннего управления и внешних сношений с бывшими окраинами России.

Лично Деникин продолжал симпатизировать либеральному направлению. Но либералы, то есть члены кадетской партии, по словам Антона Ивановича, страшились взять руль управления в свои руки. Они опасались враждебного к себе отношения со стороны значительной части офицерства и противодействия влиятельных на Юге России правых общественных группировок. Ввиду этого первым шагом Деникина было решение испробовать «левую политику, но правыми руками». Приказом Главнокомандующего от 16 декабря 1919 года упразднялось Особое совещание. Вместо него образовано было правительство, но во главе остался бывший председатель Особого совещания генерал Лукомский. В виде уступки консервативным кругам в состав правительства включен был один из умных и опытных сановников царской власти, А. В. Кривошеин.

С отступлением армии обратно, в казачьи территории, генералу Деникину пришлось искать опору в казачьих кругах. Натянутые отношения с казачеством требовали ряда компромиссов. В начале января 1920 года пришлось удалить Лукомского, имя которого (как говорил Деникин) было одиозно среди донцов и кубанцев. На этот раз, в виде уступки казачеству, председателем правительства назначен был донской атаман, генерал А. П. Богаевский.

Казачьи войска Юга России — Донское, Кубанское и Терское — избрали к тому времени Верховный круг, нечто вроде объединенного парламента своих областей. Несмотря на существовавшее в нем течение к образованию самостоятельного казачьего государства, генерал Деникин еще надеялся «склонить чашу весов колеблющегося настроения уставшего, запутавшегося казачества» на свою сторону. 16 января он выступил на заседании Верховного круга с одной из своих сильных и ярких речей, призывая к единению и продолжению борьбы.

Если в Харьково-Воронежском районе, говорил он, мы имели против себя огромные силы большевиков, стянутые со всех сторон, под напором которых сдвинулся наш фронт, то уже под Ростовом и Новочеркасском, к нашему стыду, мы сами имели превосходство над противником и в технике, и в силе. Но дух был подорван: и отступлением, и наживой, и безудержной пропагандой, подрывавшей авторитет командования и затемнявшей цели борьбы... Когда шли горячие бои под Ростовом, я видел у Батайска бесконечные вереницы веселых, здоровых всадников на хороших лошадях с огромными обозами... И еще больше болело сердце за тысячи погибших добровольцев, которые, имея возможность безболезненно уйти в Крым, с жесточайшими боями пробивались к Дону, чтобы с донцами грудью прикрыть Кубань и Кавказ. Болело сердце за тысячи казачьих жизней, павших безрадостно, не дождавшись победы...

Какую силу представляет из себя ныне большевизм? Я не стану излагать своего мнения и ограничусь оценкой, данной Троцким на заседании революционного Военного Совета Южного фронта: «Отсутствие продовольствия, расстройство транспорта, голод, холод, глухое и открытое недовольство нами масс — все это грозит

последствиями, которые до конца напряженная власть не в состоянии будет ликвидировать. Наш противник также совершенно выдохся и весь вопрос в том, кто из нас в состоянии будет выдержать эту зиму. Мы не в состоянии воевать, они тоже: поэтому во что бы то ни стало надо наступать».

«Неужели вы не понимаете, — продолжал генерал Деникин, — что невзирая на все видимые блестящие успехи большевиков, это крик отчаяния зарвавшегося игрока, и от нас требуется лишь последнее сильное напряжение, чтобы покончить с ним?... И если Верховный круг... откажется от организации общерусской власти создаст казачье государство, отдельную армию и поставит ей задачу только самозащиты, то ни мне, ни Добровольческой армии здесь не место. Надо искать других путей для освобождения России... Не скрою от вас, что, если мне придется уходить, я сделаю это с глубокою скорбью в душе, со жгучей болью за разрушенные надежды и за тяжелую долю того честного казачества, с которым так долго делил и радость и горе...

Я веду борьбу за Россию, а не за власть. Но, к моему сожалению, борьба за Россию немыслима без полноты власти Главнокомандующего. Эта власть, конечно, не может быть ни капризом, ни произволом».

И Деникин изложил программу того правительства, к образованию которого он стремился при условии соглашения между Главнокомандующим и Верховным кругом. Наравне со старым принципом «единой, неделимой России» там были новые лозунги. Открыто выставлялся призыв к созыву (после конца борьбы с большевиками) Всероссийского Учредительного собрания, устанавливающего форму правления в стране. Для Антона Ивановича в этом лозунге не было противоречия с его прошлыми взглядами, его политикой «непредрешенства», основанной на этом принципе. Термин «учредительное собрание» не употреблялся белой пропагандой Юга России, чтобы не раздражать консервативно настроенное офицерство, в памяти которого старое «Учредительное собрание» связано было с анархией и произволом конца 1917 года.

Новым был лозунг: «Земля крестьянам и трудовому казачеству!»

Не удивительно, что, после всего случившегося, в ответных речах некоторых членов Верховного круга слышался упрек в том, почему эти лозунги не были выставлены раньше. Они приветствовали лозунг, провозглашенный Главнокомандующим об Учредительном собрании и заявление о том, что земля должна принадлежать крестьянам и трудовому казачеству, но с укором указывали на то, что эти лозунги запоздали, что нужно было провозгласить их еще в самом начале борьбы.[1]

Вместо прежней политики в отношении государств, возникших на окраинах России, генерал Деникин выставил новую формулу: признания самостоятельности существующих окраинных правительств.

Свое отступление от прежней позиции по этому вопросу Антон Иванович пояснил в своих воспоминаниях следующим образом: «Этот пункт нисколько не стоял в противоречии с идеей целокупности государства... Юридический смысл признания «самостоятельного существования фактических правительств» вовсе не [был] равносилен признанию de jure окраинных государств».[2]

Вскоре обнаружился и иной уклон в политике Главнокомандующего. Он решил упразднить диктатуру и перейти к конституционным формам правления, не допуская однако ограничения военной власти Главнокомандующего. В конце января 1920 года он сменил Богаевского и, после совещания с лидерами казачьего Верховного круга, назначил на должность председателя Южно-Русского правительства Н. М. Мельникова, бывшего прежде председателем Донского правительства. Эта перемена означала поворот «налево». Единственной красочной фигурой в новом «демократическом» кабинете Деникина был Николай Васильевич Чайковский (1850—1925), старый революционер-народник. С ранней юности, вступив в ряды «борцов за свободу», он принял активное участие в русском революционном движении, затем эмигрировал за границу. В семидесятых годах XIX века Чайковский пытался создать в Америке, в штате Канзас, социалистические земельные колонии. Убедившись в безуспешности своей затеи, он перебрался в Лондон, где издавал революционную литературу и подпольными путями переправлял ее в Россию. В 1907 году вернулся на родину,

а десять лет спустя открыто выступил против захвативших власть большевиков, возглавляя одно время противобольшевистское правительство в Архангельске. Чайковский считал, что во время гражданской войны у каждого русского человека было только два выбора: между большевизмом и единственной реальной силой, боровшейся с ним.

— Третьего выбора нет, — говорил он.[3]

И Чайковский выбрал Деникина. В неопубликованных бумагах Антона Ивановича имеется любопытная запись о первой встрече с Чайковским в Екатеринодаре в начале 1920 года: «Бодрый и страстно желавший работать, Чайковский обратился к Деникину со следующим предложением:

— Генерал, возьмите меня в правительство, я буду очень полезен![4]

Этот наивно-искренний подход понравился генералу, и он назначил Чайковского министром пропаганды. Но к тому времени никто уже не прислушивался к Белой пропаганде. Обыватели Юга России думали лишь об одном: скорее покинуть тонувший корабль.

Нараставшее чувство безнадежности усилилось в начале февраля сведениями из Сибири о падении колчаковского фронта и о гибели самого адмирала.

Как и на Юге России, в Сибири повстанческое движение охватило весь тыл отступавших войск. Повстанцы захватывали города вдоль Сибирской магистрали, провозглашали там местные правительства, состоявшие из меньшевиков и социалистов-революционеров, руководство которыми быстро переходило в руки большевиков. Такое правительство под названием Политического центра было организовано и в Иркутске, куда под конвоем чешских войск медленно двигался поезд, где в вагоне 2-го класса находился адмирал Колчак. Оторванный от остатка своих воинских частей, удрученный и подавленный разгромом своей армии, уже передавший 2 декабря официальным актом верховную власть генералу Деникину, он принял предложение союзников ехать на Дальний Восток под их покровительством. На вагоне Колчака развевались флаги Франции, Англии, Соединенных Штатов, Японии и Чехословакии. За поездом адмирала следовал другой поезд, нагруженный остат-

ками русского золотого запаса и иными ценностями. Когда поезда подошли к Иркутску, местный Политический центр потребовал выдачы адмирала Колчака.

«Нет причин предполагать, — писал Черчилль, — что чехи, будь у них на то желание, не были достаточно сильны, чтобы пробить себе путь вместе с адмиралом и золотым запасом. Но атмосфера была насыщена паникой и интригой. Генерал Жанен [генерал французской армии, стоявший тогда во главе чешских войск] 14 января [1 января старого стиля] начал переговоры с местным правительством в Иркутске. Достигнуто было соглашение, по которому чехам обещалось содействие в их дальнейшем продвижении при условии, что золото и адмирал Колчак останутся позади».

Когда Колчаку сообщили об этом решении, он с горькой усмешкой сказал:

— Так вот что значила гарантия, данная мне Жаненом! Союзники меня предают!..

Поступок Жанена и чехов вызвал смятение среди союзных представителей на Дальнем Востоке. Они находились тогда в Харбине. На их возмущенные упреки в предательстве Жанен высокомерно ответил, что он с их мнением не считается, что чувствует себя ответственным только перед правительством Чехословакии и Междусоюзным Советом в Париже и что только выдача Колчака гарантировала чешским воинским эшелонам проезд к Владивостоку.

Во время своего заключения в тюрьме, длинного допроса, а затем и казни, адмирал Колчак вел себя с исключительным мужеством и достоинством. 25 января 1920 года (старого стиля), на рассвете морозного дня, его расстреляли, а затем бросили тело в прорубь реки Ангары.

— Я узнал о смерти Верховного Правителя еще в Тихорецкой, — вспоминал об этом событии Антон Иванович. — Глубокую скорбь вызвала во мне весть о гибели адмирала Колчака... В глазах некоторых деятелей [акт адмирала, передававший власть генералу Деникину] обязывал меня к принятию соответственного наименования и функций... Я считал эту точку зрения совершенно неприемлемой: военно-политическое положение, в котором в январе-феврале находился правитель, власть, армия и территория Юга, тре-

бовали величайшей осторожности. Претензии на «всероссийский» масштаб являлись бы в то время совершенно неуместными... Во избежание кривотолков я оставлял вопрос открытым, ссылаясь на отсутствие официальных сведений о событиях на Востоке. Кривотолки появились, но в направлении совершенно неожиданном: ввиду того, что не было назначено официальных панихид, пошли разговоры о моем «неуважении» к памяти погибшего Верховного правителя...[5]

Неудачи на фронте вызвали передвижение Ставки. Из Таганрога она перешла в Тихорецкую, из Тихорецкой в Екатеринодар, а оттуда в Новороссийск.

Тем временем, Новороссийск (единственный порт на восточном побережье Черного моря, откуда могли эвакуироваться семьи офицеров, больные, раненые, беженцы) превратился в осиное гнездо. Он кишел болтавшимися без дела офицерами. Некоторые из них, только что оправившись от ранений или тифа, не по своей вине потеряли связь со своими частями. Но большинство, сознательно уклоняясь от отправки на фронт, в буквальном смысле «ждали у моря погоды», чтобы с помощью англичан перебраться за границу, подальше от быстро надвигавшейся катастрофы. Разочарованные и озлобленные, они открыто поносили главное командование. Возбужденно-нервное настроение приняло угрожающий характер после того, как стало известно «обличительное» письмо, которое генерал Врангель отправил генералу Деникину после окончательного с ним разрыва. В конце февраля 1920 года это письмо получило широкое распространение и ходило по рукам офицерства в литографированном виде.

Личное общение между генералом Деникиным и генералом Врангелем фактически прекратилось с конца декабря 1919 года, после того, как Антону Ивановичу стало известно о переговорах, которые Врангель вел о «свержении» Главнокомандующего. Чтобы избежать излишнего шума, опасного в те тягостные дни, Антон Иванович решил наружно игнорировать то, что произошло. Но давать Врангелю ответственные поручения он отказывался. А между тем оставление Врангеля не у дел вызывало крупные осложнения. Вне всякого сомнения, он был наиболее выдающимся

и наиболее известным из всех ближайших сотрудников Деникина. Даже не слишком расположенный к генералу Врангелю Н. И. Астров (видный член кадетской партии) спрашивал Главнокомандующего, почему «он дразнит своих недоброжелателей, оставляя на виду у всех в бездействии человека, около которого сплелось так много слухов, интриг и ожиданий.[6]

И действительно, Врангель был тогда центром внимания и источником надежд всех правых кругов и значительного числа офицерства. Бездеятельность чрезвычайно тяготила его. Не находя применения своей энергии, генерал Врангель подал наконец прошение об увольнении в отставку, а до приказа об увольнении взял отпуск и отправился в Крым. В Крыму положение становилось очень тревожным. Среди молодого офицерства шло сильное брожение. Вспыхнул вооруженный мятеж капитана Орлова. Его отряд, состоявший из авантюристов, не имел политической программы и лозунгом своим выставил борьбу с разрухой тыла. Причем, сам Орлов заявил, что, «по дошедшим до нас сведениям, наш молодой вождь, генерал Врангель, прибыл в Крым. Это тот, с кем мы будем и должны говорить. Это тот, кому мы все верим...»

Барон Врангель с возмущением отверг это предложение Орлова и потребовал от него подчиниться своим непосредственным начальникам.

Вся морально-политическая обстановка, сложившаяся тогда в Крыму, выдвигала генерала Врангеля на первый план. На Крымском горизонте он был единственным человеком, который в глазах напуганного населения мог водворить порядок и остановить развал войск.

Положение осложнялось тем, что возглавлять военное и гражданское управление в Крыму назначен был генерал Шиллинг. В начале октября он командовал войсками, сосредоточенными против Петлюры. Советское наступление отрезало его от главных сил генерала Деникина, и части Шиллинга катились на юг в направлении Одессы. Этот город со дня на день ожидал нового несчастья; и случилось оно 25 января 1920 года, когда, после новой катастрофической эвакуации, он в третий раз за время гражданской войны перешел в руки большевиков. Тем временем выделенный еще в октябре из состава войск Шиллинга (для борьбы с

бандитами Махно) корпус генерала Слащева отошел к Крыму и стойко оборонял подступы к нему. Трагичнее была участь подчиненных Шиллингу войск генерала Бредова (в свое время занявших Киев). Оторванные от Крыма, под ударами Красной армии они подошли к Днестру на румынской границе. Очутившись в безвыходном положении, они искали убежища в Румынии, но румыны открыли по ним огонь. Отбиваясь от наседавших большевиков, им удалось свернуть к северу и перейти границу с Польшей. Там они были интернированы поляками и посажены в концентрационные лагеря.

Все происшедшее наложило свою печать на репутацию генерала Шиллинга: его считали неудачником, ему не верили, ряд общественных деятелей Крыма телеграфно просил Главнокомандующего о замене Шиллинга Врангелем. О том же настойчиво хлопотал генерал Лукомский, приехавший из Новороссийска в Крым на похороны своей матери. «Только немедленное назначение Врангеля вместо Шиллинга спасет положение», — телеграфировал он Деникину.

Тем временем генерал Врангель не сидел сложа руки. «Во мне увидели человека, способного дать то, чего ждали все», — писал он потом Главнокомандующему.[8]

Следует отметить, что сам генерал Шиллинг нисколько не держался за свою призрачную власть. Наоборот, он докладывал Главнокомандующему, что ввиду «разрухи тыла и разразившихся страстей среди офицерства до крупных чинов включительно» передача им своей должности Врангелю «будет более отвечать всей совокупности обстановки».

На все донесения и просьбы по этому поводу генерал Деникин 8 февраля ответил телеграммой на имя Шиллинга: «Совершенно не допускаю участие генерала Врангеля...»

В тот же день последовал приказ Главнокомандующего об увольнении в отставку генералов Лукомского, Врангеля, Шатилова и двух адмиралов Черноморского флота.

«Всем было понятно, — отметил это происшествие в своих воспоминаниях генерал Лукомский, — что перечисленные в телеграмме лица увольняются в отставку якобы за то, что интригуют против генерала Шиллинга и вмешиваются не в свое дело, возбуждая вопрос о назначении генерала Врангеля.

На самом деле вопрос стоял гораздо глубже. Дело шло не об интригах по поводу замены Шиллинга: начиналась открытая борьба за возглавление того, что осталось от Белого движения.

Свое упорное нежелание расстаться с непопулярным Шиллингом Антон Иванович объяснил следующим образом: «Я не соглашался сменить Шиллинга не только потому, чтобы не дать удовлетворения офицерской фронде, но и по другой причине: Кавказский фронт катился к морю, назревала эвакуация. Управление и штаб генерала Шиллинга само собой упразднялись с переездом в Крым Главнокомандующего».[9]

Давно назревавший кризис близился к развязке. Совместная работа была уже немыслима. На сжатом пространстве Крыма Деникину и Врангелю было бы слишком тесно и через британского военного представителя генерала Хольмана генералу Врангелю от имени Главнокомандующего предложено было покинуть пределы Вооруженных Сил юга России.

Перед своим отъездом в Константинополь генерал Врангель в порыве раздражения отправил Главнокомандующему «обличительное» письмо.

Несколько лет спустя, готовя к печати свои воспоминания, барон Врангель не процитировал полностью текст этого письма. Он признал, что «написанное под влиянием гнева», оно «грешило резкостью, содержало местами личные выпады». Из книги генерала наветы были устранены, но из текста письма, ходившего тогда по рукам, они не были изъяты. Чтобы понять впечатление, которое они могли произвести на взбудораженное поражением офицерство, приведем эти личные выпады ниже:

«Боевое счастье улыбалось Вам, росла слава и с ней вместе стали расти в сердце Вашем честолюбивые мечты... Совпавший с целым рядом наших побед, Ваш приказ о подчинении Вас адмиралу Колчаку доказывал, казалось, противное. Будущая история покажет, поскольку этот Ваш шаг был доброволен... Вы пишете, что подчиняетесь адмиралу Колчаку, «отдавая свою жизнь сужению горячо любимой родине» и «ставя превыше всего ее счастье»... Не жизнь приносите Вы в жертву родине, а только власть, и неужели подчинение другому лицу для блага родины есть жертва для честного сына ее... Эту жертву не в силах был уже принести

возвестивший ее, упоенный новыми успехами честолюбец... Войска адмирала Колчака, предательски оставленные нами, были разбиты...

Цепляясь за ускользавшую из Ваших рук власть, Вы успели уже стать на пагубный путь компромиссов и, уступая самостийникам, решили непреклонно бороться с Вашими ближайшими помощниками, затеявшими, как Вам казалось, государственный переворот».

В этом письме Деникин выступал как человек, «отравленный ядом честолюбия, вкусивший власти, окруженный бесчестными льстецами», который думал уже «не о спасении отечества, а лишь о сохранении власти».

«Вы видели, — писал генерал Врангель, — как таяло Ваше обаяние и власть выскальзывала из Ваших рук. Цепляясь за нее, в полнейшем ослеплении, Вы стали искать кругом крамолу и мятеж...»[10]

А «честолюбец, цеплявшийся за власть», на самом деле мечтал от нее избавиться. «Власть была для меня тяжелым крестом, — писал Антон Иванович, — и избавиться от нее было бы громадным облегчением. Но бросить в такую минуту дело и Добровольцев я не мог, тем более что я не считал государственно-полезным передачу власти в те руки, которые к ней протягивались».[11]

А через две недели после получения письма от Врангеля, в никогда еще не опубликованном письме к своей жене, он гписал: «...Душа моя скорбит. Вокруг идет борьба. Странные люди — борются за власть! За власть, которая тяжелым, мучительным ярмом легла на мою голову, приковала, как раба, к тачке с непосильной кладью... Тяжко. Жду, когда все устроится на местах, чтобы сделать то, о чем говорил Тебе...»[12] А то, о чем он говорил жене, было уже близко к осуществлению.

Ответ Деникина Врангелю был направлен в «собственные руки». В печати он появился лишь много лет спустя:

«Милостивый государь, Петр Николаевич!

Ваше письмо пришло как раз вовремя — в наиболее тяжкий момент, когда мне приходится напрягать все духовные силы, чтобы предотвратить падение фронта. Вы должны быть вполне удовлетворены...

Если у меня и было маленькое сомнение в Вашей роли в борьбе за власть, то письмо Ваше рассеяло его окончательно. В нем нет ни слова правды. Вы это знаете. В нем приведены чудовищные обвинения, в которые Вы сами не верите. Приведены, очевидно, для той же цели, для которой множились и распространялись предыдущие рапорты-памфлеты.

Для подрыва власти и развала Вы делаете все, что можете.

Когда-то, во время тяжкой болезни, постигшей Вас, Вы говорили Юзефовичу, что Бог карает Вас за непомерное честолюбие...

Пусть Он и теперь простит Вас за сделанное Вами русскому делу зло.

25 февраля 1920 года А. Деникин»[13]

Попав в руки офицерской массы в Новороссийске, письмо генерала Врангеля было использовано как средство дискредитации Деникина и его штаба. Главной мишенью озлобленной пропаганды был начальник штаба Главнокомандующего, генерал Романовский. Его винили во всех неудачах и открыто говорили о том, что настало время его пристрелить.

Ивана Павловича Романовского хорошо знал протопресвитер военного и морского духовенства отец Георгий Шавельский, и он решил убедить Романовского уйти в отставку.

«Я всегда считал его честным, умным, усердным, самоотверженным офицером, сердечным человеком, — писал о Романовском отец Георгий. — Я никогда не допускал мысли, чтобы Романовский мог пойти на какую-либо гадкую, недостойную офицера сделку со своей совестью... Но Добровольческая армия ненавидела Романовского... [Его] обвиняли во всем, в чем только можно обвинить человека: даже в измене, и в хищениях, и во франк-массонстве!.. Я сознавал необоснованность, несправедливость нападок на Романовского... Нелегко мне было сообщить ему об отношении к нему офицерства, но сообщить было необходимо для его же пользы... Скрепя сердце, я начал говорить о развивавшейся... ненависти к нему, ненависти слепой, не знающей границ, способной на что угодно...

— В чем же обвиняют меня в армии? — скорбно спросил Романовский.

— Во всем, дорогой Иван Павлович, решительно во всем... Злоба слепа и бессердечна, — ответил я.

— В чем же, например? — опять спросил он.

— На офицерском собрании, между прочим, утверждали, что вы из Новороссийска отправили целый пароход табаку. Я знаю, что это ложь, но сообщаю, чтобы вы знали, что злоба против вас и клевета перешли всякие границы...

— Романовский, все время не спускавший с меня глаз, при этих словах повернул голову в сторону и, облокотившись, закрыл лицо рукой. Видно было, что он страдал».

Шавельский говорил своему собеседнику о невозможности при создавшейся обстановке бороться с клеветой:

— Пока вы можете реагировать только одним способом: уйти со службы.

Романовский сказал ему, что, зная о ненависти к себе, он неоднократно просил Главнокомандующего об отставке, и что всякий раз получал от него отказ.

— Попробуйте вы повлиять на него! — обратился он к Шавельскому с просьбой.

Свидание Шавельского с Главнокомандующим устроил в начале марта сам генерал Романовский. Генерал Деникин помещался тогда в поезде, стоявшем у морской пристани близ цементного завода в Новороссийске. Изложив ему суть дела и упомянув об упорных слухах о готовившемся покушении на жизнь Романовского, отец Шавельский просил Главнокомандующего освободить генерала Романовского от должности.

— Вы думаете, что это так просто сделать? — с дрожью в голосе сказал Деникин. — Сменить... Легко сказать!.. Мы с ним, как два вола, впряглись в один воз... Вы хотите, чтобы я теперь один тянул его... Нет! Не могу!.. Иван Павлович единственный человек, которому я безгранично верю, от которого у меня нет секретов. Не могу отпустить его...

— Вы не хотите отпустить его. Чего же вы хотите дождаться? Чтобы Ивана Павловича убили в вашем поезде?.. Наконец, пожалейте семью Ивана Павловича! — решительно сказал я.

Деникин после этого нервно вытянулся, закинув руки за голову, закрыв глаза, и почти простонал:

— Ох, тяжко! Силы духовные оставляют меня...[14]

«В этот наиболее тяжкий период, — вспоминал потом Антон Иванович, — я чувствовал себя одиноким, как никогда. И в этой тяжкой работе и переживаниях только чуткое и самоотверженное участие моего друга Ивана Павловича Романовского сглаживало несколько остроту этого одиночества...[16]

Но, видя безвыходность положения, Деникин решил наконец уступить требованиям возбужденного офицерства и пожертвовать своим ближайшим другом и одчиненным. Чтобы сохранить ему жизнь, он согласился освободить Романовского от должности. «Решили с ним, — писал Деникин, — что потерпеть уже осталось недолго: после переезда в Крым он оставит свой пост...»[17]

К этому времени Антон Иванович пришел к заключению, что и ему пора оставить свой пост и, передав его в другие руки, уйти со сцены.

Когда-то, вскоре после окончания Первого кубанского похода, генерал Деникин в беседе с офицерами о задачах Добровольческой армии закончил свою речь пророческой фразой:

— В тот день, когда я почувствую ясно, что биение пульса армии расходится с моим, я немедленно оставлю свой пост, чтобы продолжать борьбу другими путями, которые сочту прямыми и честными».[18]

И, верный своему слову, Деникин решил, что настало время осуществить когда-то данное обещание. В том, что влияние Главнокомандующего в армии ослабело, не было сомнения. После отъезда Врангеля в Константинополь появились два новых претендента на власть: генералы Слащев и Покровский. Оба вели интриги против Деникина и переговоры о свержении его. Каждый выставлял свою кандидатуру на его пост. Толчком к принятию окончательного решения послужила телеграмма генерала Кутепова, полученная Главнокомандующим 28 февраля.

Добровольческий корпус, которым командовал Кутепов, был подчинен (после своего отхода за Дон) командующему Донской армией генералу Сидорину. Но добровольцы сохранили дисциплину, а донцы утеряли ее, и генерал Кутепов, не без основания, предполагал, что Сидорин, невзирая на многочисленность своих войск, сознательно направлял добровольцев в наиболее

опасные участки фронта, грозившие порой окружением и гибелью. Часто бывая в штабах Сидорина и Кутепова, Главнокомандующий видел, что между ними с каждым днем все выше вырастала «глухая стена недоверия и подозрительности». Чтобы избежать открытого столкновения, Антон Иванович решил изъять корпус генерала Кутепова из оперативного подчинения командующему Донской армией и подчинить его непосредственно себе. Это решение, удовлетворив Кутепова, не могло, однако, сгладить недоверия друг к другу двух генералов, боевое сотрудничество которых в тот критический момент было совершенно необходимо.

А тем временем войска неудержимо стремились к Новороссийску. И опасаясь, что отступающие донские части, утратившие боеспособность и послушание, возьмут Новороссийск и захватят все плавучие средства, подготовленные для эвакуации в Крым, Кутепов послал свою телеграмму Главнокомандующему.

«События последних дней на фронте, — писал Кутепов, — с достаточной ясностью указывают, что на длительное сопротивление казачьих частей рассчитывать нельзя... Изложенная обстановка повелительно требует принятия немедленных и решительных мер для сохранения и спасения офицерских кадров Добровольческого корпуса и добровольцев. Для того чтобы в случае неудачи спасти корпус и всех бойцов... от окончательного истребления и распыления, необходимо немедленное принятие следующих мер, с полной гарантией на то, что меры эти будут неуклонно проведены в жизнь в кратчайшее время».

И в своей телеграмме генерал Кутепов перечислил десять требований, из которых шесть, приведенных ниже, с особой силой ударили по самолюбию Главнокомандующего:

«Немедленно приступить к самому интенсивному вывозу раненых и действительно больных офицеров и добровольцев за границу.

Сейчас же и, во всяком случае, не позже того времени, когда Добровольческий корпус отойдет в район станции Крымской, подготовить три или четыре транспорта, сосредоточенных в Новороссийске, конвоируемых наличными четырьмя миноносцами и подводными лодками, которые должны прикрыть посадку всего Доб-

ровольческого корпуса и офицеров других армий, пожелавших присоединиться к нему. Вместимость транспортов не менее десяти тысяч человек с возможно большим запасом продовольствия и огнеприпасов.

Все учреждения Ставки и правительственные учреждения должны быть посажены на транспорты одновременно с последней грузящейся на транспорт частью Добровольческого корпуса и отнюдь не раньше.

Теперь же должна быть передана в исключительное ведение Добровольческого корпуса железная дорога Тимашевская — Новороссийск с узловой станцией Крымская включительно. Никто другой на этой линии распоряжаться не должен.

С подходом Корпуса в район станции Крымская вся власть в тылу и на фронте, порядок посадки, все плавучие средства и весь флот должны быть объединены в руках командира Корпуса, от которого исключительно должен зависеть порядок посадки на транспорты и которому должны быть предоставлены диктаторские полномочия в отношении всех лиц и всякого рода военного, казенного, частного имущества и всех средств, находящихся в районе Крымская — Новороссийск.

Докладывая о вышеизложенном Вашему Превосходительству, я в полном сознании своей ответственности за жизнь и судьбу чинов вверенного мне корпуса..., прошу срочного ответа для внесения в войска успокоения и для принятия тех мер, которые обеспечат сохранение от распада борцов за Родину».[18]

Деникин хорошо знал Кутепова с самого начала Белого движения и ценил его. По складу своего характера Кутепов, более чем другие соратники, схож был с Деникиным: та же боевая храбрость, то же гражданское мужество, то же прямолинейное высказывание мысли и то же отсутствие малейшей склонности к интригам. Кроме того, Деникин знал и не сомневался в том, что Кутепов искренно любил его. И вдруг такие требования?..

«Вот и конец!» — подумал он.

«Те настроения, — писал Антон Иванович, — которые сделали психологически возможным такое обращение Добровольцев к своему Главнокомандующему, предопределили ход событий: в этот день я решил бесповоротно оставить свой пост. Я не мог этого

сделать тотчас же, чтобы не вызвать осложнений на фронте, и без того переживавшем критические дни. Предполагал уйти, испив до дна горькую чашу новороссийской эвакуации, устроив армию в Крыму и закрепив Крымский фронт.

Командиру корпуса я ответил:

«Генералу Кутепову.

Вполне понимая Вашу тревогу и беспокойство за участь офицеров и добровольцев, прошу помнить, что мне судьба их не менее дорога, чем Вам, и что, охотно принимая советы своих соратников, я требую при этом соблюдения правильных взаимоотношений подчиненного к начальнику. В основание текущей операции я принимаю возможную активность правого крыла Донской армии. Если придется отойти за Кубань, то в случае сохранения боеспособности казачьими частями будем удерживать фронт на [реке] Кубани, что легко, возможно и весьма важно. Если же казачий фронт рассыплется, Добровольческий корпус пойдет на Новороссийск. Во всех случаях, нужен выигрыш времени. Отвечаю по пунктам:

Вывоз раненых и больных идет в зависимости от средств наших и даваемых союзниками. Ускоряю, сколько возможно.

Семейства вывозятся, задержка только от их нежеланий и колебаний.

Транспорты подготовляются.

Правительственные учреждения и Ставка поедут тогда, когда я сочту это нужным. Ставку никто не имеет оснований упрекать в этом отношении. Добровольцы должны бы верить, что Главнокомандующий уйдет последним, если не погибнет ранее.

Железная дорога Тимашевка — Новороссийск Вам передана быть не может, так как она обслуживает и Донскую армию. Это возможно лишь при тех исключительных условиях, о которых говорил во вступлении.

Вся власть принадлежит Главнокомандующему, который даст такие права командиру Добровольческого корпуса, которые сочтет нужными».

«День 28 февраля, — вспоминал Антон Иванович, — был одним из наиболее тяжких в моей жизни.

Генерал Кутепов, прибыв в один из ближайших дней в Ставку, выражал сожаление о своем шаге и объяснял его крайне нервной атмосферой, царившей в корпусе на почве недоверия к правительству и казачеству.

— Только искреннее желание — помочь Вам расчистить тыл руководило мною при посылке телеграммы, — говорил он.

Эта беседа уже не могла повлиять на мое решение».[19]

В середине февраля в Ставке еще теплилась слабая надежда удержать наступление красных на линии реки Кубань. Основывалась она и на сведениях разведки, и на оценке данной Троцким состоянию советских войск. В данном случае Деникин согласен был с Троцким, что обе воюющие стороны «совершенно выдохлись» и что весь вопрос заключался в том, у кого из них окажется крепче воинский дух. Однако в случае неудачи, как мы уже знаем, принято было решение перевозить войска в Крым. Планомерная их эвакуация из Новороссийска представлялась невыполнимой. Не хватало транспортов и других плавучих средств для перевозки всех людей. О лошадях, артиллерии, обозах и об огромных запасах, хранившихся на складах в Новороссийске, не могло быть и речи. Оставалась только одна возможность спасти артиллерию и конский состав: переправить их в Крым из Тамани.

Таманский полуостров, низменная, покрытая озерами, оконечность Кавказа, западной частью своей упирается в Керченский пролив, соединяющий Черное и Азовское моря. Длина пролива около 40 километров, ширина его не превышает 15 километров. И через это узкое водное пространство, отделяющее Крым от Кавказского побережья, Деникин наметил переправу артиллерии, лошадей и значительного количества войск. С этой целью он приказал спешно стягивать всевозможные транспорты и плавучие средства в Керчь, чтобы оттуда, когда понадобится, перебросить их к берегам Тамани.

Седьмого марта когда настал момент осуществить этот план, Главнокомандующий дал директиву Донской армии и Добровольческому корпусу оборонять Таманский полуостров. Выполнение главной задачи возлагалось на генерала Кутепова. Ему приказано было занять частью войск полуостров и прикрыть от красных северную дорогу от Темрюка.

Ни Сидорин, ни Кутепов приказа не выполнили...

«Большевики ничтожными силами легко форсировали [реку] Кубань, — мрачно констатировал этот факт Деникин. — Многие казаки бросали оружие и целыми полками переходили к «зеленым», — писал он. — Все перепуталось, смешалось, потеряна была всякая связь штабов с войсками... То недоверие и то враждебное чувство, которое в силу предшествовавших событий легло между добровольцами и казаками, теперь вспыхнуло с особенной силой. Двигающаяся казачья лавина, грозящая затопить весь тыл Добровольческого корпуса и отрезать его от Новороссийска, вызывала в его рядах большое волнение...»[20]

Все надежды и планы Главнокомандующего рухнули. Задуманная им операция, легко осуществимая и сулившая переброску артиллерии и конницы в Крым, провалилась. В его частях угас воинский дух, и начиналось самое худшее: паника. Психология массы сметала расчеты стратегии, и руководство армией было окончательно утеряно.

То, что осталось от войск генерала Деникина, неудержимо хлынуло к Новороссийску. И там, в порту, катастрофа становилась неизбежной.

Чтобы дать возможность многим судам (отправленным в иностранные порты с ранеными, больными и беженцами) вернуться для эвакуации войск, требовалось во что бы то ни стало удержать Новороссийск еще на несколько дней. Оборонять его было нетрудно. С севера и востока город охватывали крутые и высокие горы. С юга он мог быть защищен морской артиллерией. Но психологическое состояние войск исключало возможность обороны. При таких условиях планомерная эвакуация была немыслима.

Чувствуя моральную ответственность за провал операции, спешно прибыл в Новороссийск из Константинополя британский Главнокомандующий на Востоке генерал Мильн с эскадрой адмирала Сеймура.

«Англичане оказали огромную помощь, — писал Антон Иванович жене (уже эвакуированной в Константинополь). — Сухой Мильн, желчный адмирал Сеймур, благородный Хольман делали все, что могли, особенно последние два — прекрасные люди!»[21]

Французские военные суда, срочно направленные к Новороссийску, тоже не остались безучастными. Но ни французы, ни англичане, ни подоспевшие русские суда не могли при создавшейся обстановке справиться с задачей эвакуации.

13 марта к Главнокомандующему явился генерал Кутепов, назначенный начальником обороны Новороссийска. Он доложил Деникину, «что моральное состояние войск, их крайне нервное настроение не дают возможности оставаться долее в городе, что ночью необходимо его оставить...»[22]

В городе царил хаос. Жуткая картина его ярко описана одним из очевидцев, доблестным офицером Добровольческой армии полковником Б. А. Лагодовским, который в 1919 году командовал 1-й гвардейской конной батареей, входившей в состав 5-го кавалерийского корпуса: «Среди невероятного столпотворения, передвигаясь среди моря стоящих на месте и все запрудивших обозов, зацепляясь поминутно орудиями за стоящие во много рядов повозки, телеги беженцев, среди стоящих бесцельно и сидящих на, под и между телегами людей всех возрастов, сословий и состояний, брошенных орудий, брошенных оседланных и расседланных лошадей и так далее, приходим мы наконец в порт. Там та же картина, что и в городе. Незабываемая картина!

Следов нашей дивизии никаких. Где она, где штаб — неизвестно. Посылаю на розыски. Минуты текут; наконец, после долгого ожидания, посланные возвращаются. Штаба дивизии не нашли. Посылаю к начальнику порта с просьбой указать, куда грузиться. Ответ — на пароходах места больше нет, разыщите вашу дивизию и постарайтесь погрузиться с ней. Слово «постарайтесь» не предвещает ничего хорошего. Наконец, штаб дивизии найден, но от этого не легче: батарее грузиться на те суда, где найдутся свободные места. Орудия, материальную часть, лошадей, обоз грузить не разрешается. Все бросить! Взять с собой можно лишь ручное оружие и, по возможности, седла. Ужасный приказ!..

...Теперь наступает самая тяжелая минута! — исполнение рокового приказа уничтожить собственными руками, спокойно и холодно то, что мы все с такой любовью создавали и собирали, бросить пушки, бросить лошадей...

Язык не поворачивается подать эту ужасную команду. Но делать нечего. Приказ есть приказ, да и без него ясно, что, дай Бог, хоть людей своих погрузить, — для всех стоящих на набережной, не говоря уже о тех, кто в городе, места нет.

Начинаем с расседлывания лошадей. Потом летит с мола в море имущество. Еще одна последняя оттяжка.

— Вынимай замки!

Летят замки в воду...

— Вынуть панорамы. Наводчикам взять их с собой!

Для оттяжки не остается больше ничего. Ужасная минута...

— Кати первое!

Лица у всех напряженные, чувствую, как у самого слезы подступают к глазам. Рассекая зеленую воду, вздымая фонтан белых брызг, исчезает первое орудие.

Теперь скорей, скорей, сократить эту пытку:

— Кати второе!

Второе орудие исчезает в воде. Подхожу к краю мола и тупо смотрю на то место, где только что исчезли мои орудия, и мне кажется, что я их вижу на дне».

После долгих мытарств полковнику Лагодовскому удалось наконец заручиться погрузкой на крошечном корабле «Хриси», из числа тех мелководных пароходиков, что были построены для плавания по Азовскому морю и для перевозки зерна из Таганрога и Мариуполя в новороссийские элеваторы.

Вблизи изредка сухо постреливают выстрелы, — продолжал свой рассказ Б. А. Лагодовский, — и грузно рухают на землю лошади тех, кто не хочет, чтобы их боевые товарищи достались большевикам... Мы ждем приказания начальника порта об отплытии. Я сижу на молу на тумбе. У мола начинает гореть, видимо кем-то подожженный, огромный склад. Оттуда несут шоколад, рис, банки корнед-бифа, то есть все то, чего мы не имели и что теперь бросается большевикам. В городе слышатся ружейные выстрелы. Кругом пожары. За городом, по склонам гор, по дорогам в бинокль видны бесконечные, движущиеся к Новороссийску колонны. Свои? Красные? В порту лишь очень мало судов. На рейде, далеко от берега, стоят английские и французские военные суда. Ближе всех к нам французский огромный и грязный «Waldeck Rousseau»...

Дело идет к вечеру. Резкий, как удар бича, орудийный выстрел, многократно повторяемое эхо в горах. «Waldeck Rousseau» открыл огонь. Ему подражает английский миноносец. Разрывов нам не видно».[23]

Поздно ночью 13 марта полковник Лагодовский и его спутники покинули Новороссийск и на следующий день выгрузились в Феодосии.

«Если принять во внимание всю кошмарную обстановку, — говорил потом один из очевидцев Новороссийской драмы, — то нужно признать что строевые части не вышли из рук не растерявшихся начальников...»[24]

Но среди беженцев, хлынувших в город с арьергардом белых частей, творилось нечто, не поддающееся описанию. Все думали лишь о своем спасении, и людской поток, скопившийся у пристани, ежеминутно грозил опрокинуть в море все русские и английские патрули и караулы.

Посадка войск на корабли и другие плавучие средства продолжалась всю ночь с 13 на 14 марта. Но не всех удалось погрузить. Много людей, оторванных от своих частей, осталось позади. Советские источники утверждают, что «22 тысячи солдат и офицеров противника» было захвачено Красной армией в Новороссийске.[25]

Без способов переправы оказалось и несколько тысяч донцов. Брошенные на волю судьбы, они направили свой путь на юг вдоль Черноморского побережья к границе Грузии. Около 5 тысяч донцов было потом вывезено оттуда в Крым.[26]

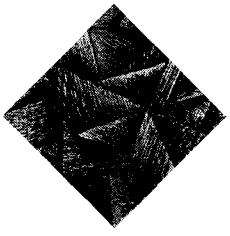
Что касается кубанских войсковых частей, то большинство из них, вместе с кубанским правительством, радой, и недавно избранным в атаманы Букретовым, минуя Новороссийск, отошло через горы к Черноморскому побережью в районе между Туапсе и Сочи. Они не верили в возможность дальнейшего сопротивления в Крыму, требовали разрыва с Деникиным, и в результате атаман Букретов (с которым у Деникина было столкновение после занятия Екатеринодара в 1918 году), при посредстве кубанского генерала Морозова, заключил соглашение с большевиками о сдаче им своей армии. Только небольшую часть ее удалось потом перевезти в Крым. Кубанский же генерал Кучук Улагай с неразложившимися частями своих войск эвакуировался в Крым из Новороссийска.

Последними покинули Новороссийск Главнокомандующий и генерал Романовский. Поместив свой штаб, а также штабы Донской армии и донского атамана на пароход «Цесаревич Георгий», они перешли на русский миноносец «Капитан Сакен». На палубе его они провели бессонную ночь. Тем временем все корабли уже покинули порт. Оставшись одни в Новороссийской бухте, они увидели на следующее утро с капитанского мостика, что на пристани выстроилась какая-то воинская часть. Деникин приказал капитану миноносца подойти к берегу. «Глаза людей, — вспоминал Антон Иванович, — с надеждой и мольбой устремлены на наш миноносец... Погрузили, сколько возможно, людей, вышли из бухты... Очертания Новороссийска выделялись еще резко и отчетливо. Что творилось там?.. Какой-то миноносец повернул вдруг обратно и полным ходом полетел к пристаням. Бухнули орудия, затрещали пулеметы: миноносец вступил в бой с передовыми частями большевиков, занявших уже город. Это был «Пылкий», на котором генерал Кутепов, получив сведения, что не погружен еще 3-й Дроздовский полк, прикрывавший посадку, пошел на выручку. Потом все стихло. Контуры города, берега и гор обволакивались туманом, уходя вдаль,.. в прошлое. Такое тяжелое, такое мучительное».[27]

Через три дня после оставления Новороссийска в письме, пересланном жене из Крыма в Константинополь с оказией через британского адмирала Сеймура, Антон Иванович писал: «...Сердцу бесконечно больно: брошены громадные запасы, вся артиллерия, весь конский состав, армия обескровлена...»[28]

Глава XXX

МОРАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО



Пребывание генерала Деникина в Крыму было чрезвычайно кратким: от 14-го до 22 марта. За эти восемь дней он осуществил решение, принятое им в Новороссийске.

Но в первую очередь надо было уделить внимание обороне Крыма, следовательно, заняться подсчетом и реорганизацией того, что осталось от его войск. С этой целью 15 марта он собрал Военный совет в Феодосии, где расположилась Ставка.

От армии осталось всего 30—45 тысяч бойцов, 100 орудий и около 500 пулеметов. Добровольческие части, вынужденные при оставлении Новороссийска бросить своих лошадей, артиллерию и обозы, имели при себе лишь ручное оружие и пулеметы. Донцы оказались безоружными и, конечно, тоже без своих лошадей. Воинские части были сразу сведены в три корпуса: Крымский, Добровольческий и Донской. Была еще сводная кавалерийская дивизия и сводная Кубанская бригада. Вся тяжесть обороны ложилась пока на Крымский корпус силою в 5 тысяч человек, которым командовал Слащев.[1]

Антон Иванович знал об интригах и происках этого генерала, но, вспоминая прошлое, отметил не только теневые, но и положительные стороны этого человека, злоупотреблявшего спиртными напитками и наркотиками. «Приняв участие в нашей борьбе еще со времени Второго кубанского похода, — писал Деникин, — генерал Слащев выдвинулся впервые в качестве начальника дивизии, пройдя с успешными боями от Акманайской позиции (Крым) до

нижнего Днепра... Вероятно, по натуре своей он был лучше, чем его сделали безвременье, успех и грубая лесть... Это был еще совсем молодой генерал, человек позы, неглубокий, с большим честолюбием и густым налётом авантюризма. Но за всем тем он обладал несомненными военными способностями, порывом, инициативой и решимостью. И корпус повиновался ему и дрался хорошо».[2]

Заслуга Слащева в тот момент заключалась в том, что, обороняя подступы к Крыму, он дал возможность войсковым частям, перебравшимся из Новороссийска, отдохнуть и снова приобрести воинский облик.

Малочисленному отряду Слащева удалось тогда отстоять Крым благодаря оплошности красного командования и члена Реввоенсовета Сталина, который, приписывая себе впоследствии все успехи против Деникина, свалил вину на плечи Троцкого. Вместо того чтобы стянуть туда главные силы, большевики сосредоточили против Крыма (по линии Перекоп — Сиваш — Чонгарский мост — Геничаск) всего 5—6 тысяч человек, которым приходилось воевать на два фронта, так как непосредственно в тылу у них бушевал Махно.

Ошибка красных заключалась в переоценке степени разложения белых войск. Они никак не ожидали, что, потеряв всю свою материальную часть и всю конницу, белые смогут в скором времени оправиться от поражения, прорваться из Крыма в Северную Таврию и, разбив там в июне месяце советскую кавалерию и пополнив за ее счет свой конский состав, снова образовать мощный кавалерийский кулак. Но эта фаза борьбы явилась уже новой страницей гражданской войны, в которой генерал Деникин не принимал участия.

16 марта он отдал приказ об освобождении И. П. Романовского от должности начальника своего штаба. На его место назначен был генерал Петр Семенович Махров, занимавший должность генерал-квартирмейстера Ставки (и незадолго перед тем сменивший на этом посту генерала Плющевского-Плющика).

В тот же день Деникин упразднил свое последнее южнорусское правительство во главе с Мельниковым, заменив его «Деловым учреждением» (так называлось оно в приказе Главнокомандующего) и поручив составление его М. В. Бернацкому.

Приказ был полной неожиданностью для Мельникова и его сотрудников. Но у Деникина были для этого свои причины. Ввиду ненависти добровольцев к Верховному казачьему кругу, который винили в моральном развале казачества и в предательстве, правительство Мельникова, образованное по соглашению с Верховным кругом, вызывало раздражение и злобу. Опасаясь эксцессов против членов этого правительства, особенно со стороны Слащева, Главнокомандующий позаботился о пароходе, чтобы переправить их из Крыма в Константинополь.

«На членов правительства, — писал Антон Иванович в своих воспоминаниях, — этот неожиданный для них приказ произвел весьма тягостное впечатление... Форму не оправдываю, [они узнали о своем упразднении только из приказа], но сущность реорганизации диктовалась явной необходимостью и личной безопасностью министров... Перед отъездом в Константинополь [министры] заехали в Феодосию проститься со мной. После краткого слова Н. М. Мельникова ко мне обратился Н. В. Чайковский:

— Позвольте Вас, генерал, спросить: что Вас побудило совершить государственный переворот?

Меня удивила такая постановка вопроса после разрыва с Верховным кругом, главное, после того катастрофического переворота, который разыгрался над всем «белым» Югом...

— Какой там переворот! Я вас назначил, и я вас освободил от обязанностей — вот и все...»[3]

И этот разговор лишний раз подчеркивал насколько окружавшие Главнокомандующего советники, как правые, так и левые, были оторваны от действительности. Справа жили прошлым и желанием его восстановить; левое крыло жило в каком-то воображаемом мире, где, в момент гражданской войны с ее диким произволом и жестокостью, в стране, не имевшей конституционной традиции, оно думало о возможности тут же установить политический режим, «построенный на тех же началах законности, свободы и ограничения верховной власти народным представительством, которые лежат в основе государственной жизни всех культурных народов...».

19 марта поздно вечером явился к Деникину Кутепов. Дело было срочное. Он сообщил Главнокомандующему, что в тот же день генерал Слащев прислал за ним в Севастополь вагон с паро-

возом, прося немедленно приехать на станцию Джанкой для обсуждения чрезвычайно важного вопроса. Вопрос заключался в том, чтобы, получив на то согласие Кутепова, созвать 23 марта «совещание из представителей духовенства, армии, флота и населения» и потребовать устранение генерала Деникина. Кутепов в резкой форме оборвал Слащева, сказав, что без разрешения Главнокомандующего, он ни в каких совещаниях участвовать не будет, что предлагаемый Слащевым шаг не соответствует желаниям добровольцев и, что, придавая огромное значение всему разговору, он немедленно доложит о нем генералу Деникину. Взяв поезд из Джанкоя в Феодосию, Кутепов тут же отправился в Ставку Главнокомандующего.

Антон Иванович не был удивлен рапортом Кутепова. Он знал о закулисной игре Слащева. Он знал, что по приезде в Крым донской генерал Сидорин вел против него открытую агитацию. Знал, что в политических интригах против него принимал активное участие местный епископ Вениамин, принадлежавший к крайне реакционному течению.

«Сидорин, Слащев, Вениамин... все это в сущности меня уже мало интересовало, — писал потом Деникин, — настало время выполнить мое решение. Довольно!»[4]

Моральное одиночество становилось невыносимым. Один за другим уходили близкие и друзья. Умер генерал Тимановский, человек, с которым связаны были воспоминания о славных боях Железной дивизии в Первую мировую войну, воспоминания о боях в Первом и Втором кубанских походах. Он умер от сыпного тифа, и гроб с его телом, покрытый рваным брезентом, Деникин с трудом разыскал в веренице отступавших под Батайском обозов. От тифа скончался полковник Блейш, начальник марковской дивизии, доблесть которого Деникин высоко ценил. Пришлось расстаться с Романовским, а теперь покидал свой пост другой верный друг, британский генерал Хольман, срочно вызванный в Лондон для доклада о положении дел на Юге России. В прощальной речи на русском языке (которым он хорошо владел) Хольман сказал: «Я уезжаю с чувством глубочайшего уважения и сердечной дружбы к вашему Главнокомандующему и с усилившимся решением остаться верным той куч-

ке храбрых и честных людей, которые вели тяжелую борьбу за свою родину в продолжении двух лет...»[5]

Свою дружбу и верность Деникину генерал Хольман сохранил до конца жизни. То были друзья и верные соратники. Многие, очень многие из них уже навсегда сошли со сцены. Правда, оставался еще Кутепов и немалое число верных Деникину добровольцев. Но большинство, прежде заискивавшее перед Главнокомандующим, теперь готовы были вести себя как приказчики в день банкротства своего хозяина.

После доклада и краткого обмена мнениями Кутепов ушел. Антон Иванович остался один, но ненадолго. В ту же ночь он вызвал к себе своего нового начальника штаба генерала Махрова.

«Вид [у Деникина] был измученный, усталый, — рассказывал Махров. — Он вручил мне для рассылки приказ о выборе нового Главнокомандующего и нашу короткую беседу закончил словами:

— Мое решение бесповоротно. Я все взвесил и обдумал. Я болен физически и разбит морально; армия потеряла веру в вождя, я в армию».[6]

Приказ, о котором говорил генерал Махров, был подготовлен в форме телеграммы, разосланной всем старшим начальникам, включая, конечно, командиров Добровольческого и Крымского корпусов (Кутепова и Слащева), а также начальникам дивизий и бригадным командирам, старшим офицерам флота, Ставки, других штабов и так далее с приказанием собраться 21 марта в Севастополе на Военный совет под председательством генерала А. М. Драгомирова «для избрания преемника Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России».

«В число участников, — писал генерал Деникин, — я включил и находившихся не у дел, известных мне претендентов на власть и наиболее активных представителей оппозиции». Особой телеграммой, направленной в Константинополь, вызван был на Военный совет генерал Врангель.[7]

Одновременно с телеграммами генерал Деникин отправил письмо председателю Военного совета генералу Драгомирову: «Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть как тяжелый крест, ниспосланный судьбою.

Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и в ее историческое призвание мною не потеряны, но внутренняя связь между вождем и армией порвана. И я не в силах более вести ее.

Предлагаю военному совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование».[8]

В ожидании решения Военного совета генерал Деникин остался в Феодосии.

Заседание совета длилось два дня. Добровольцы твердо и единодушно настаивали на том, чтобы просить генерала Деникина остаться у власти, так как, по словам одного из участников (генерала Ползикова), «мы не могли мыслить об ином Главнокомандующем». Начальник дроздовской дивизии генерал Витковский заявил, что «чины его дивизии находят невозможным для себя принять участие в выборах и категорически от этого отказываются». К его заявлению сразу же присоединились начальники корниловской, марковской и алексеевской дивизий и других частей Добровольческого корпуса. Все собравшиеся добровольцы внимательно следили за поведением генерала Кутепова: не могли понять, почему тот не поддержал единогласного призыва к генералу Деникину не покидать их.

А Кутепов, знавший о непреклонном решении Главнокомандующего, подавленный всем происшедшим, писал потом: «Я отлично сознавал, что генерала Деникина заменить никто не может, поэтому считал, что дело наше проиграно. Все это болезненно переносил, упрекал себя за посылку генералу Деникину телеграммы в Новороссийск, так как полагал, что она, может быть, имела значение при решении генерала Деникина».

Генерал Сидорин от имени донцов отказался давать какие-либо указания о преемнике, считая свое представительство слишком малочисленным, не соответствующим боевому составу. Отказался голосовать за свой корпус и генерал Слащев. Он мотивировал отказ тем, что только три представителя от его корпуса смогли приехать на заседание. Единственным исключением оказались моряки. Они выставили кандидатуру генерала Врангеля.

Положение председателя, Драгомирова, становилось трудным. 22 марта он отправил генералу Деникину телеграмму, где, излагая вышеприведенные факты, сообщал: «Военный совет признал не-

возможным решать вопрос о преемнике Главнокомандующего, считая это прецедентом выборного начальства, и постановил просить Вас единолично указать такового... Несмотря на мои совершенно категорические заявления, что Ваш уход решен бесповоротно, вся сухопутная армия ходатайствует о сохранении Вами главного командования, ибо только на Вас полагается и без Вас опасается распада армии; все желали бы Вашего немедленного прибытия сюда для личного председательствования в Совете...»

А тем временем целый ряд людей, преданных Деникину, прилагал все усилия, чтобы отговорить его от принятого решения. «Они терзали мою душу, — писал Антон Иванович, — но изменить моего решения не могли».

Драгомирову он ответил телеграммой: «Разбитый нравственно, я ни одного дня не могу оставаться у власти. Считаю уклонение от подачи мне совета генералами Сидориным и Слащевым недопустимым. Требую от Военного совета исполнение своего долга. Иначе Крым и армия будут ввергнуты в анархию... Число представителей совершенно безразлично. Но если донцы считают нужным, допустите число членов сообразно их организации».

Между тем телеграмма, посланная генералу Врангелю на русское посольство в Константинополе, была получена им 20 марта. В тот же день Верховный комиссар Великобритании в Константинополе, адмирал де Робек, предоставил в распоряжение Врангеля миноносец «Emperor of India», который утром 22 марта доставил его в Севастополь. Всем участникам заседания было ясно, что приезд Врангеля в Крым означал его принципиальное согласие принять Верховное командование. Убедившись, наконец, что генерал Деникин не изменит своего решения, Военный совет остановился на кандидатуре Врангеля. Драгомиров тут же известил об этом генерала Деникина. В телеграмме своей он просил Главнокомандующего прислать приказ о назначении Врангеля «без ссылки на избрание Военного совета».[9]

Однако у многих участников совещания не было уверенности в том, что Главнокомандующий пришлет такой приказ. «У многих из нас, — писал один из участников, — все же были сомнения, утвердит ли генерал Деникин наш выбор? Мы не знали подробностей, но всем было известно, что между ними [Деникиным и Вран-

гелем] были дурные отношения, и вина за них падала не на генерала Деникина».[10]

Но такие сомнения не имели основания. Послав Врангелю телеграмму в Константинополь с вызовом принять участие в заседании Военного совета, Деникин не мог, конечно, сомневаться в том, что в случае своего приезда в Крым, никто иной, как Врангель, будет избран преемником Главнокомандующего. Его боевое прошлое, популярность в войсках, властный характер, умение подчинить себе людей, его нарядный облик — все это затемняло более мелких «претендентов на власть» и отбрасывало их в сторону. Как обычно, ставя дело выше личных отношений с людьми, Деникин выполнил то, что по совести считал правильным. Но о мыслях своих в те долгие, тягостные часы, когда решался кардинальный вопрос о передаче белого движения в новые руки, Антон Иванович нигде и никогда не обмолвился: ни в печатных трудах, ни в личных бумагах, ни в записках, ни в беседах с близкими людьми. Вопрос был слишком мучительным, чтобы обсуждать его, чтобы говорить о нем. Но самый факт, чуждый военной традиции, побудивший Главнокомандующего настаивать на избрании своего заместителя Военным советом, говорит о тех сложных чувствах, которые боролись тогда в душе Деникина: после всего случившегося он не мог лично выбрать Врангеля, но готов был утвердить единогласное решение Военного совета.

В ответ на телеграмму Драгомирова Деникин 22 марта отдал свой последний приказ войскам: «Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России.

Всем, шедшим честно со мною в тяжелой борьбе — низкий поклон. Господи, дай победу армии и спаси Россию!».[11]

Накануне был прощальный обед генералу Романовскому. Присутствовал на нем и генерал Деникин. Он был печален, сумрачен и мало с кем беседовал. Взволнованную речь произнес генерал Шапрон-дю-Ларре (бывший адъютант Алексеева, потом генерал для поручений при Деникине, а затем командир Дроздовского конного полка). С дрожью в голосе, не скрывая своих слез, Шапрон говорил о том, что собравшиеся на обед прощались не только

с Романовским, но и с генералом Деникиными, «последним из бессмертной династии Корниловых, Марковых, Алексеевых», который решил отойти от власти.

22 марта, в день избрания Врангеля Главнокомандующим, Антон Иванович покинул пределы России. Он уехал из Крыма в Константинополь на британском миноносце «Emperor of India», на том самом корабле, который привез в Крым генерала Врангеля. Ехал он в сопровождении двух верных друзей, генерала Романовского и английского генерала Хольмана. Со штабом своим он простился днем, а в 7 часов вечера направился из гостиницы «Астория» в Феодосии к ожидавшему его автомобилю.

В коридоре гостиницы и у выхода из нее столпилось много преданных ему людей. Вид у них был удрученный. Со слезами на глазах они провожали в лице Деникина целую эпоху своей жизни. А он, придавленный горем, с застывшим взглядом, не замечая как будто никого из окружавших, машинально продвигался вперед и вдруг остановился. Перед ним был офицер, один из бывших заключенных осенью 1917 года в Быховской тюрьме. Деникин крепко его обнял.

В тот день гостиница «Астория», по словам очевидца, напоминала дом, из которого только что вынесли близкого и дорогого покойника. В одном из номеров «Астории», уткнувшись лицом в подушку, навзрыд, как ребенок, плакал бывший штаб-офицер для поручений при генерале Деникине.[12]

Сам Антон Иванович оставил лишь краткую заметку об этом мучительном дне: «Вечер 22 марта. Тягостное прощание с ближайшими моими сотрудниками в Ставке и офицерами конвоя. Потом сошел вниз — в помещение охранной офицерской роты, состоявшей из старых Добровольцев, в большинстве израненных в боях; со многими из них меня связывала память о страдных днях первых походов. Они взволнованы, слышатся глухие рыдания... Глубокое волнение охватило и меня; тяжелый ком, подступивший к горлу, мешал дышать. Спрашивают: почему?

— Теперь трудно говорить об этом. Когда-нибудь узнаете и поймете...

Поехали с генералом Романовским в английскую миссию, оттуда вместе с Хольманом на пристань. Почетные караулы и предста-

вители иностранных миссий. Краткое прощание. Перешли на английский миноносец...

Когда мы вышли в море, была уже ночь. Только яркие огни, усеявшие густо тьму, обозначали еще берег покидаемой русской земли. Тускнеют и гаснут.

Россия, Родина моя...»[13]

Нашлись люди, осуждавшие потом Деникина за то, что он уехал в Константинополь, не простившись со своей армией. На этот укор Антон Иванович дал впоследствии свой ответ: «Какое же тогда могло быть прощание? Человеку с истерзанной душой в такие тяжкие дни его жизни посильна ли была пытка объездов, смотров, речей... Я пережил одно прощание — с охранной офицерской ротой, из старых добровольцев... И это было безмерно мучительно...»[14]

Подписав свой последний приказ и покидая Россию, генерал Деникин не знал еще, что генерал Врангель привез с собой из Константинополя ноту британского правительства ультимативного характера, адресованную ему, Деникину, где предлагалось «оставить неравную борьбу». Правительство Англии предлагало вступить в переговоры с Советским правительством с целью добиться амнистии чинов Добровольческой армии; а, в случае отказа Деникина от этого предложения, снимало с себя ответственность за дальнейшее и угрожало прекратить всякую поддержку или помощь.[15]

Об этой ноте, не попавшей в его руки благодаря суете того дня, Антон Иванович впервые узнал только за границей, когда занавес над деникинским периодом русской смуты был уже опущен.

23 марта, вскоре после четырех часов дня, к пристани Топханэ в Константинополе подошел катер, доставивший на берег с британского миноносца генералов Деникина, Романовского и Хольмана. На пристани их ожидали английский офицер и генерал В. П. Агапеев (русский военный представитель при британском и французском командовании в Константинополе). Как только приехавшие генералы сошли на берег, англичанин быстро направился к Хольману и с тревожным видом о чем-то заговорил. Генерал Хольман сразу обратился к генералу Деникину: «Ваше Превосходительство, поедем прямо на английский корабль».

Англичане, несомненно, что-то подозревали.

Но жена Антона Ивановича уже около двух недель находилась в здании русского посольства, и Деникину в первую очередь хотелось видеть свою семью. Он спросил Агапеева, не стеснит ли его в смысле помещения и в политическом отношении пребывание бывшего Главнокомандующего и его начальника штаба в посольстве. Получив от Агапеева любезный ответ, что это ни в коем случае стеснить его не может, генералы Деникин и Романовский, простившись с Хольманом, поехали в посольство на ожидавшем их автомобиле британского командования. Агапеев следовал за ними на своей машине.

Антон Иванович знал, что часть посольского здания превратилась в нечто похожее на общежитие беженцев. Но он не отдавал себе отчета в том, что это огромное помещение буквально было набито самыми разнообразными людьми, среди которых преобладал будирующий элемент бежавших с Юга России офицеров, преимущественно не нюхавших пороха, из состава всяких штабов, разведок и контрразведок. Пребывание в Константинополе генералов Врангеля и Шатилова, открыто критиковавших деникинскую Ставку, и «обличительное» письмо Врангеля к Деникину, ходившее по рукам, сильно накалили атмосферу в «посольском общежитии». В этом людском муравейнике, кишевшем раздражением и злобой, всякие эксцессы и выпады против Деникина и Романовского были более чем возможны. А потому при сложившихся обстоятельствах трудно было рассчитывать на установку правильной системы охраны. Это знали англичане, об этом не мог не знать генерал Агапеев. И генерал Деникин никогда потом не мог простить ему, что на пристани Агапеев не предупредил его о настроениях, царивших в посольских общежитиях.

Не знал Антон Иванович и об условиях, в которых очутилась его жена. Приехав в Константинополь, ей удалось не без труда получить в посольском доме две комнаты с ванной, где вместе с ней поместилось еще восемь приехавших с ней человек (годовалая дочь Марина, нянька, дед Ксении Васильевны Деникиной, ее мать со вторым мужем полковником Ивановым, дети генерала Корнилова: дочь Наталья Лавровна, малолетний сын Юрий; и еще девица Надя Колоколова, отец которой командовал Архангелогородским

полком до Антона Ивановича, и которую, после смерти родителей генерал приютил у себя). И семья Деникина, и все близкие ей люди испытали на себе неприязнь окружавших и подчеркнутое невнимание со стороны служащих посольства, почувствовавших в воздухе, что в Крыму наступала перемена власти.

При виде мужа Ксения Васильевна пришла в сильное волнение, поняв, что Агапеев не предупредил его, что не отсоветовал ему ехать в посольство.

Две комнаты жены с девятью жильцами не могли вместить двух приехавших генералов, и Антон Иванович обратился к пришедшему дипломатическому поверенному в делах с просьбой отвести ему вместе с Романовским одну лишнюю комнату. Ответ он получил сухой и уклончивый. Для бывшего Главнокомандующего не оказалось в русском посольстве лишней комнаты... На помощь подоспел Агапеев, предложивший остановиться во флигеле военного агента.

По роковой случайности адъютанты Деникина и Романовского выехали из Феодосии на другом корабле и прибыли в Константинополь часом позже своих генералов. А потому Антон Иванович Романовский взял на себя их обязанности и всякие мелкие хлопоты.

В то время, когда генерал Деникин разговаривал с Агапеевым, Романовского в комнате уже не было; и вдруг раздалось два выстрела.

— Однако, у вас пальба, — заметил Деникин Агапееву; а вслед за тем в комнату вбежал бледный полковник Б. А. Энгельгард:

— Ваше превосходительство, генерал Романовский убит!..

«Деникин сидел на стуле за столом, — вспоминал эту минуту полковник В. С. Хитров, вбежавший в комнату вслед за Энгельгардом.

Ничего не отвечая, он схватился двумя руками за голову и молчал».[16]

«Этот удар доконал меня, — писал Деникин. — Сознание помутнело, и силы оставили меня — первый раз в жизни...»[17]

А тем временем, в бильярдной комнате посольства дочь генерала Корнилова, Наталья Лавровна, стоя на коленях рядом с лежавшим на полу Романовским, в отчаянии требовала:

— Ради Бога, скорее доктора!

Но когда привели в биллиардную доктора (С. И Назарова), генерал Романовский уже скончался, не приходя в сознание.

Убийца бежал. Его не обнаружили...

Возмущенный происшедшим генерал Мильн, британский главнокомандующий и военный губернатор Константинополя, никого не спрашивая, приказал ввести в здание русского посольства караул из новозеландцев с английскими офицерами для охраны бывшего Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. С момента своего отъезда из Крыма генерал Деникин считался гостем британского правительства и находился под покровительством Англии. Охрану его в посольстве фактически принял на себя генерал Хольман с помощью генерала Уолша, заведовавшего британской полицией в Константинополе.

Вечером была первая панихида. Гроб с телом генерала Романовского поместили в маленькой комнате. Антон Иванович подошел к гробу своего ближайшего друга, долго и пристально смотрел на «скорбное и спокойное» лицо покойника и со слезами на глазах отошел в темный угол.

После панихиды, по настоянию генерала Мильна, Деникин с семьей, приближенными и с детьми генерала Корнилова отправился на английское госпитальное судно. Сопровождали их британские офицеры. На следующее утро, пересев на дредноут «Marlborough», он покинул берега Босфора и направился в Англию.

Генерала Деникина многие осуждали потом за то, что он не потребовал вывода английской стражи из здания русского посольства и что не протестовал против нарушения закона об его экстерриториальности.

«Вызвана она [стража] была без моего и моей жены ведома и участия, — отметил это обстоятельсво в своих неопубликованных бумагах Антон Иванович. — Надо было мне потребовать вывода их... К сожалению, я был настолько потрясен и разбит, что это обстоятельство прошло тогда мимо моего сознания».[18]

Кто же убил генерала Романовского?

Расследованием преступления занялся начальник международной полиции в Константинополе англичанин полковник Баллард. Однако все попытки обнаружить убийцу остались безрезультатны. Ясно было лишь одно, что убийство носило чисто политический характер и являлось местью за прошлые неудачи.

Генерал Агапеев, проявивший в этом деле много легкомыслия и мало распорядительности, написал в самооправдание статью «Убийство генерала Романовского», опубликованную в 1927 году в сборнике «Белое дело» (том 2, стр. 108—122). Правда, Агапеев узнал о приезде в Константинополь бывшего Главнокомандующего и его начальника штаба всего-навсего за каких-то полтора или два часа до прихода их корабля. Но тем больше грех на его душе, что, не успев принять никаких мер, обеспечивающих безопасность генералов, он не сообщил им о накаленной атмосфере в посольском общежитии.

Сравнивая содержание статьи В. П. Агапеева с другими показаниями по поводу этого дела, в глаза бросается ряд мелких неточностей, неправильное толкование поведения главных действующих лиц и стремление переложить собственную оплошность на плечи англичан. Они, мол, знали о «большом заговоре на жизнь генерала Романовского и не приняли предупредительных мер»; они позволили себе нарушить международный закон, введя отряд своих солдат в чужое посольство. На что генерал Мильн тут же отреагировал в форме резкой, но не лишенной солдатской логики:

— Ведь это было сделано для охраны вашего Главнокомандующего, которому русское посольство обязано своим присутствием здесь!

Статья генерала Агапеева представляет значительный интерес. Она дает картину убийства в том виде, в каком оно представлялось следственным властям: «Около 5 часов дня 23 марта, через несколько минут после своего приезда в посольство, генерал Романовский вышел на двор перед зданием посольства, желая, по-видимому, отдать распоряжение по поводу оставленной им на катере папки с важными бумагами и имея в виду сделать это через шофера. В тот момент, когда генерал Романовский, возвращаясь в квартиру посла, вышел из вестибюля в бильярдную комнату, неизвестный, одетый в офицерское пальто образца мирного времени, с золо-

тыми погонами, быстро подошел сзади к генералу Романовскому, повернувшемуся лицом к убийце, по-видимому, на звук шагов последнего, и произвел из револьвера системы «кольт» три выстрела, почти в упор. Генерал Романовский упал и через две минуты, не приходя в сознание, скончался. Убийца бросился по главной лестнице посольства наверх, во второй этаж, и пытался проникнуть на черный ход, но дверь туда была заперта по приказанию смотрителя здания дня за четыре до этого. Тогда убийца бросился к другой двери — в залу, где находились беженцы. Эта дверь также была заперта, но ее открыла убийце одна из беженок, ничего не подозревая, и убийца быстро прошел на черный ход и скрылся».[19]

Даже в этом сообщении генерала Агапеева вкрались две весьма существенные ошибки: в генерала Романовского было произведено два выстрела, а не три; и револьвер был не системы «кольт», а системы «парабеллум».

В феврале 1936 года в русской газете «Последние новости», издававшейся в Париже, впервые в печати появились новые данные, «приподнимавшие покров над этим загадочным преступлением». Это была обстоятельная статья писателя Романа Гуля. С ним поделился сведениями человек, с точки зрения г-на Гуля, заслуживавший доверия, которому убийца сам рассказал подробности происшедшего. Осведомитель Романа Гуля предоставил в его распоряжение бумаги, подтверждавшие правдивость сказанного. По словам г-на Гуля, убийцей был некий Мстислав Алексеевич Харузин, служивший одно время в информационном отделении отдела пропаганды при русском посольстве в Константинополе. Родился он в 1893 году в состоятельной семье, окончил Лазаревский институт восточных языков, хорошо владел турецким языком, интересовался археологией. Поступив в 1915 году в Михайловское артиллерийское училище, он во время войны от службы на фронте уклонился и работал в различных штабах в тылу. В период гражданской войны в чине поручика устроился в контрразведку армии генерала Деникина. «Его жизнь, — писал Роман Гуль, — проходила в тыловой атмосфере конспирации, подпольщины, заговоров и интриг, ведшихся самыми темными закулисными элементами армии». Попав в Константинополь, Харузин примкнул к тайной, крайне

правой монархической организации, вынесшей смертный приговор Романовскому в отместку за то, что он «продал армию масонам».

В Харузине, по-видимому, крепко засели черты непривлекательных героев Достоевского. Так, например, Р. Гуль писал, что лица, хорошо знавшие его, отмечали в Харузине «крайнее позерство и манию величия... Никогда не видавший боев, Харузин нередко высказывал близким желание «попробовать волю» — убить.

То, что Харузин рассказал своему приятелю о самом убийстве, в общих чертах совпадало со свидетельством Агапеева. После смерти Романовского он еще месяц спокойно провел в Константинополе; но потом лица, замешанные с ним в преступлении, пожелали сплавить его с рук. Они устроили ему «командировку» в Анкару (проезд куда был тогда опасным) под предлогом установления связи с начавшимся там турецким национальным движением, во главе которого стоял Кемаль-Паша. Из «командировки» Харузин не вернулся: по дороге его кто-то прикончил. Однако перед своим отъездом он оставил запечатанный конверт, который после его смерти был вскрыт его сообщниками. Там, по словам Романа Гуля, на листе бумаги рукой Харузина и с его подписью было сказано:

«Сообщаю, что 5 апреля [23 марта старого стиля] 1920 года в 5 часов 15 минут дня, в бильярдной комнате русского посольства в Константинополе из револьвера системы «парабеллум» мною убит двумя выстрелами генерал Романовский. Подтвердить могут лица, видевшие факт и узнавшие о нем немедленно».[20]

Но за четыре года до того, как появилась в печати статья Романа Гуля, в апреле 1932 года собран был и передан в надежные руки ценный материал по поводу убийства Романовского с указанием имени убийцы, с именами участников заговора и со многими подробностями. Автором рукописи был капитан Бонифатий Семенович Куцевалов, за правдивость которого ручался человек весьма солидной репутации. В переписке относительно рукописи имеется следующая фраза: «Человек он [Куцевалов] положительный, добросовестный и отважный... Знал он многое и умел хранить секреты».

Происхождение этой рукописи не лишено интереса, и о нем подробно изложено в примечаниях. Что касается капитана Куцевалова, то служил он в качестве курьера для связи между Ставкой Главно-

командующего и русской военной миссией в Константинополе и раза два в месяц путешествовал на пароходе между этими двумя пунктами, доставляя в оба конца секретную почту и деньги. К заговору против генерала Романовского он не имел отношения, но хорошо был знаком с его участниками и многое подозревал. Однако о подробностях убийства он узнал лишь впоследствии.

Рукопись его представляет несомненный исторический интерес, и выдержки из нее, с разрешения Б. С. Куцевалова, печатаются впервые.

«Свою службу в Константинополе в качестве курьера для связи между Ставкой Главнокомандующего генерала Деникина (впоследствии генерала Врангеля) и российской военной миссией я начал в двадцатых числах декабря 1919 года... Одновременно я состоял членом «Азбуки» — особой осведомительной организации Добровольческой армии, начальником Константиновского отделения которой был подпоручик Владимир Ионович Ершов, и я находился в его непосредственном подчинении...

Генерала Романовского очень не любили, считая его злым гением белого движения... У врагов генерала Романовского возникла мысль, а потом вынесено было решение о насильственном его устранении.

Хотя я знал лично тех, кто в Константинополе организовал заговор, мне ничего не было известно точно, что именно делается: я не был посвящен...

В момент убийства я находился в Константинополе, но вне здания посольства, и первую информацию получил от Владимира Ивановича Некрасова, крупного чиновника Министерства иностранных дел, который имел в здании посольства свою постоянную квартиру, и я у него частенько запросто бывал. На мой вопрос, что он знает об убийстве, Владимир Иванович ответил, многозначительно ухмыляясь:

— Убили за дело, а кто убил, неизвестно; говорят, видели турка с черной бородой, убегавшего из нижнего этажа посольства.

Я почувствовал, что он знает все, но не хочет мне говорить...

Генерала Романовского похоронили в Константинополе, и вот после его похорон я случайно оказался в самом ядре заговорщи-

ков. Произошло это так: по делам службы я зашел к своему начальнику по организации «Азбука» В. И. Ершову, который жил в предместье Константинополя — Шишли... На первом этаже в столовой за хорошо сервированным столом сидели поручик Мстислав Харузин, подпоручик В. И. Ершов, [еще несколько человек перечисленных автором заметки] и Генерального штаба полковник фон Лампе,.. официально назначенный Ставкой генерала Врангеля для организации похорон и предания земле тела генерала Романовского.

Большинство из присутствовавших здесь были на похоронах и только что возвратились с кладбища. Я со всеми был лично знаком, и мне предложили присесть к столу.

Правда, показалось, что мой визит был очень некстати, и я хотел уйти, но меня удержали. Происходили как бы поминки по убитом генерале, но вид у всех далеко не соответствовал случаю. Ни у кого никакого огорчения или печали на лице; все веселы, радостны и довольны. Никто на этом «поминальном» завтраке не вспомнил добрым словом генерала... Наоборот... А когда полковник фон Лампе рассказал, как грек-гробовщик проделал какую-то манипуляцию с ногами генерала Романовского (с согласия и разрешения полковника фон Лампе, надо полагать)... потому, что тело покойного не вмещалось ни в какой из имевшихся гробов, а заказать и сделать специальный, соответствующий размерам, не было времени, все громко стали смеяться, и кто-то едко заметил, что после смерти все же удалось укоротить всесильного начальника штаба, я окончательно пришел к заключению, что все сидящие со мною за этим столом так или иначе причастны к убийству генерала.

Но это были лишь мои догадки,.. и только через 12 лет я получил наконец факты и полное подтверждение своим догадкам.

В 1932 году... мне случилось встретиться в Чехословакии со своим бывшим начальником В. И. Ершовым... Наша встреча закончилась... в его доме обильным ужином, и вот здесь... разговор коснулся убийства генерала Романовского. Я попросил Владимира Ионовича открыть мне то, что скрывалось от меня в Константинополе. Он согласился и рассказал следующее: заговор начался в очень высоких сферах командования, но, кто и как в нем участвовал, не сказал. Техническими организаторами были поручик Мстис-

лав Харузин, фактический убийца, он — В. И. Ершов, а все те, кого я видел на «поминках», были соучастниками, активными или пассивными. Сцену самого убийства В. И. Ершов описал так:

— Харузин, зная, что генерал Романовский должен пройти из помещения посольства в канцелярию военной миссии и паспортного отдела, поджидал его в полутемном широком проходе, скрываясь за одной из колонн. Когда быстро идущий генерал Романовский уже прошел мимо этой колонны, Харузин посчитал недостойным офицера стрелять в затылок или спину и крикнул:

— Генерал!

Генерал Романовский на мгновение остановился и повернулся к нему лицом, в этот момент Харузин в упор сделал три выстрела из «парабеллума»; затем быстро, но спокойно поднялся по лестнице на второй этаж и скрылся в помещении В. И. Некрасова, и там выждал, пока сбежались на звуки выстрелов, нашли тело генерала, бросились на поиски убийцы, но, конечно, никого не нашли. Затем, не вызывая подозрения, так как был здесь своим человеком, часто посещая по делам службы посольство и канцелярию военной миссии, спокойно вышел из своего убежища и уехал в Шишли...

Я сказал В. И. Ершову, что хочу описать убийство генерала Романовского и передать свою рукопись в архив как материал для будущего историка белого движения. Ершов не возражал, но поставил условие, чтобы имена не упоминались, а были бы приложены к рукописи в секретном запечатанном конверте, который разрешается вскрыть через 15 лет, то есть не раньше 1947 года».

Заслуга Б. С. Куцевалова заключается в том, что он дает картину тех настроений, которые существовали тогда среди известной группы лиц, связанных с русским посольством в Константинополе. Его заметка поясняет причины, которые так затрудняли производство расследования убийства, ибо следствие натыкалось на пассивное сопротивление, на круговую поруку людей, связанных с заговорщиками.

Сцена убийства в общих чертах сходится с показаниями генерала Агапаева, даже в ошибочном упоминании трех, вместо двух, выстрелов. Но главное их расхождение заключается в указании посольского помещения, где якобы временно укрывался убийца.

Если верен рассказ Куцевалова, то как же объяснить показания той беженки, о которой писал Агапеев, пропустивший «убийцу» через беженское общежитие на черный ход, которая сообщила следственным властям, что он был одет «в офицерское пальто образца мирного времени с золотыми погонами»?

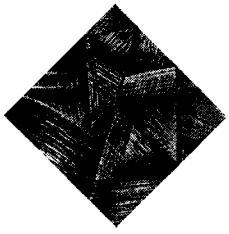
Но оставляя в стороне неизбежные в таких случаях неувязки, рассказ Б. С. Куцевалова, дополняя свидетельство В. П. Агапеева и статью Романа Гуля, дает по существу гораздо более широкую картину, особенно там, где речь идет об эпизодах, которые Куцевалов лично наблюдал, как, например, отвратительный по своему цинизму «поминальный» завтрак после похорон генерала.[21]

Убийство И. П. Романовского как политический акт не имело ни малейшего смысла. Он уже отошел от власти и на ход событий не мог иметь никакого влияния. Только извращенная гражданской смутой психология и тупое желание отомстить за деяния, приписываемые ложной молвой бывшему начальнику штаба, могут объяснить это преступление.

В жизни генерала Деникина это событие было глубочайшей личной драмой, жестоким эпилогом всего его бескорыстного служения родине. Со смертью неразлучного друга Ивана Павловича обрывалась одна из последних нитей, связывающих Деникина с героическими моментами борьбы, с целой эпохой больших надежд, душевных потрясений, радости и безысходного горя.

Глава XXXI

ПОИСКИ ОТВЕТА



Поражение деникинской армии выбросило за пределы России много тысяч людей, в том числе цвет русской интеллигенции, не пожелавшей оставаться под советской властью. Предвидя возможность катастрофы, их эвакуировали в течение января и февраля 1920 года на судах русского торгового флота и на союзных кораблях из разных портов Черного моря: из Одессы, Севастополя, Феодосии, Новороссийска. Среди них были раненые и больные, семьи участников белого движения, люди, не принимавшие в нем участия, но жизни которых грозила опасность от надвигавшегося большевизма. Там были все оттенки русской политической мысли от монархистов до умеренных социалистов включительно. Потеряв родину, семью, имущество, весь смысл существования, очутившись на чужих берегах Босфора, на разных островах Мраморного моря, в Балканских государствах, в Чехии и в других странах Европы, эти люди искали ответ на мучительный вопрос о причинах постигшего их несчастия.

В предыдущих главах уже упоминались некоторые из причин, приведших к катастрофе: ошибки в аграрном вопросе и в отношениях с крестьянами; реквизиции продуктов у населения, носившие характер грабежа; отсутствие дисциплины в армии, и неумение прибрать к рукам ее старших начальников; плачевное управление огромной территорией, захваченной у неприятеля; ригористический лозунг «единой, неделимой России», и непонимание национальных стремлений народностей на русских окраинах.

Были и другие не менее важные причины, как внешние, так и внутренние.

После своей победы Ленин откровенно говорил о том, что большевики выиграли гражданскую войну не благодаря своей силе, а из-за слабости противника. Он имел в виду союзников, которые, если бы приложили к тому усилия, могли в свое время без особого труда раздавить советскую власть. Но, не доверяя друг другу, они не сумели договориться между собой. Их безнадежно разделяли личные корыстные интересы.[1]

Термин «союзники» в применении к обстоятельствам на Юге России относился только к правительствам Англии и Франции, где, как мы знаем, сталкивались течения, шедшие друг другу вразрез. Одни думали о свержении советской диктатуры, другие — об установлении с ней торговых сношений. Черчилль стоял за целостность России, Ллойд Джордж думал об ее расчленении. Франция подозрительно относилась к Англии, Англия платила Франции той же монетой.

О противоречиях в союзном лагере с возмущением говорил и писал Черчилль. А лорд Керзон еще в августе 1919 года заявил, что об общей политике союзников в подходе к русскому вопросу не может быть и речи, ибо такой политики вообще нет.

Среди внешних причин неудачи была и уверенность генерала Деникина в возможность боевого сотрудничества с Польшей. Его винили в излишней доверчивости и в плохо организованной разведке, не сообщившей ему о настроениях и подлинных намерениях Пилсудского и его окружения. Это обвинение имело бы основания, если бы деникинский штаб оказался единственной стороной, обманутой Пилсудским. Но обманутым, кроме него, оказались и представители союзников, снабжавших Пилсудского оружием именно для совместных военных действий с Деникиным против большевиков. Несмотря на широко поставленное дело союзной разведки, агенты Англии и Франции в Варшаве не подозревали, что за их спиной Пилсудский (тайно от них и от Деникина) заключил перемирие с Советским правительством и, таким образом, дал ему возможность перебросить войска с польского фронта против генерала Деникина.

Что касается обстоятельств внутри России, то они давали значительное преимущество красным. Их положение в самом центре страны со сравнительно густой сетью железных дорог, расходившихся от Москвы во всех направлениях, представляло большие выгоды в стратегическом отношении.

В то время как белое движение началось на окраинах с населением разнородным и разноплеменным по своему составу, преимуществом красных было однородное население Центральной России.

После неудачи белых, появилось довольно распространенное мнение, что в гражданской войне всякое окраинное движение заранее обречено на неудачу. Приводили пример Великой французской революции и борьбу жирондистов с мотаньярами, где, несмотря на то что три четверти Франции было на стороне жирондистов, победили их противники, находившиеся в центре страны. Однако пример разыгравшейся потом гражданской войны в Испании как будто внес противоречия в эту теорию. Так или иначе, острый конфликт генерала Деникина с национальными стремлениями на русских окраинах все же не был главной причиной его неудачи. Она крылась не в том, что движение его началось на окраинах, а в ошибочной политике и, как мы увидим дальше, в некоторых стратегических расчетах.

Но вернемся к положению внутри России.

Революция разрушила все старые устои страны, и на ее развалинах большевики предлагали народу готовый и заманчивый рецепт перестройки всей жизни на новых началах. Они обещали всю землю крестьянам, фабрики — рабочим, право самоопределения — всем народностям, населявшим бывшую империю. Обещания большевиков глубоко всколыхнули беднейшее население страны перспективой поживиться чужой собственностью.

Всю свою сознательную жизнь Ленин жил одной только мыслью о революции и о захвате власти. Чтобы добиться этой цели, он создал вокруг себя и подчинил своей воле группу профессиональных революционеров, скованную железной дисциплиной. Он продумал в мельчайших подробностях лозунги и пропаганду, которую считал одним из главных способов политической борьбы.

«Вся политическая жизнь, — писал он еще в 1902 году, — есть бесконечная цепь из бесконечного ряда звеньев. Все искусство политики в том и состоит, чтобы найти и крепко-крепко уцепиться за такое именно звенушко, которое меньше может быть выбито из рук, которое всего важнее в данный момент, которое всего более гарантирует обладателю звенышка обладание всей цепью».[2]

И этим «звенушком» для него была пропаганда и агитация.

А Деникин (так же, как и Колчак) всю жизнь стоял далеко от политики. С момента революции, она определенно отталкивала его своим аморальным аспектом ложных обещаний. Человек военный, воспитанный в традициях «чести и рыцарства», он, придя к власти, не допускал мысли обещать населению то, что по совести считал невозможным выполнить. Он был умным, начитанным и отлично образованным офицером в своей области. Но опыта в государственном управлении не имел и, столкнувшись с глазу на глаз с грандиозной демагогией коммунизма, реагировал на это новое для себя явление с точки зрения чисто военной. Он решил ликвидировать большевизм оружием, путем исключительно военной над ним победы. Рассматривая собственные обязанности исключительно как переходную фазу вооруженной борьбы с коммунизмом, он желал, избегая политики, довести Россию до Учредительного собрания, которое и вынесет свое окончательное решение о будущей форме правления в стране. Из этого подхода к вопросу борьбы и вытекали все аполитичные лозунги, выдвинутые Деникиным: догмат «непредрешения», призыв к спасению Родины...

По сравнению с агитацией Ленина, лозунги Деникина были бледны, расплывчаты, анемичны. А принцип «единой и неделимой» определенно отталкивал от себя народности, провозгласившие свою независимость.

Белое движение не выдвинуло сильной творческой идеи, способной захватить воображение. В момент величайших потрясений в нем не было революционности в смысле искания новых путей. Отсутствовал в нем дар приспособления к радикально изменившейся обстановке, отсутствовало и чутье действительности. Оно основано было на отрицании большевизма, а не на положительной программе государственного переустройства. И эта негативность и отсутствие определенной политической формулы дава-

ло козырь в руки Ленина. Его пропаганда шумно оповещала всех, что главари «белогвардейцев» стараются обмануть народ своей туманной программой, что они «черносотенцы», продавшиеся иностранному капиталу, что они желают отомстить рабочим и крестьянам за революцию и восстановить дореволюционный режим.

Вникая во все детали борьбы, Ленин твердо руководил своим движением. Даже в тылу у неприятеля он раскинул широкую сеть агитаторов и агентов, подготовлявших восстания и занимавшихся саботажем.

Как раз обратное происходило в лагере белых. Деникин по природе своей не был диктатором. Даже в своей чисто военной области он упустил время водворить в войсках суровую дисциплину.

После неудачного исхода борьбы многие военные критики осуждали бывшего Главнокомандующего за решение бросить все свое малочисленное войско широким веером в глубь России, бесконечно растянув свои силы, не оставив позади сколько-нибудь значительных резервов, не установив по дороге укрепленных пунктов для обороны.

Самым строгим критиком был генерал Врангель. 9 декабря 1919 года, вступив в командование Добровольческой армией, он отправил Главнокомандующему рапорт. Об этом рапорте уже упоминалось в одной из предыдущих глав. Основную причину неудач на фронте он видел в том, что при огромном численном превосходстве противника одновременное наступление по нескольким операционным направлениям являлось для генерала Деникина непосильным.

«Гонясь за пространством, — писал Врангель, — мы бесконечно растягивались в паутину и, желая все удержать и всюду быть сильными, оказались всюду слабыми... Продвигаясь вперед, мы ничего не делали для закрепления захваченного нами пространства; на всем протяжении от Азовского моря до Орла не было подготовлено в тылу ни одной укрепленной полосы, ни одного узла сопротивления. И теперь армии, катящейся назад, не за что уцепиться...»[3]

Лейтмотивом длинного рапорта было два пункта.

1) Систематическое пренебрежение Ставкой основными принципами военного искусства;

2) Полное неустройство тыла.

Эти и подобные им упреки больно били по самолюбию генерала Деникина. Они затрагивали чисто военную область, которой он посвятил всю свою жизнь, в которой обладал обширными знаниями и где, без всякого сомнения, мог считать себя знатоком дела. И потому его ответ на эту критику, написанный несколько лет спустя, представляет особый интерес.

«Стратегия внешней войны, — писал он, — имеет свои законы — вечные, неизменные, одинаково присущие эпохам Цезаря, Ганнибала, Наполеона и минувшей мировой войны. Но условия войны гражданской, не опрокидывая самоценность незыблемых законов стратегии, нарушают их относительное значение, иногда в такой степени, что в глазах поверхностного наблюдателя двоится мысль: не то ложен закон, не то свершается тяжкое его нарушение...

Стратегия не допускает разброски сил и требует соразмерной им величины фронта. Мы же расходились на сотни верст временами преднамеренно, временами вынужденно. Так, отданная 20 июня [1919 года] основная директива, ограничивавшая наше распространение берегами Днепра и Десны, через месяц была расширена. Генерал Шкуро взял Екатеринослав, что не было предусмотрено. Мы были слишком слабы, чтобы надежно оборонять Екатеринославский район и могли выполнить эту задачу только наступлением, только удачной атакой и преследованием, которые завлекли наши части на двести с лишним верст к Знаменке. Можно было или бросить весь занятый район на расправу большевикам, или наоборот — попытаться покончить со слабыми правобережными частями 12-й и 14-й армий большевиков и таким образом, захватив все нижнее течение Днепра, надежно обеспечить фланг Добровольческой армии, идущей на Киев и Курск...

Мы занимали огромные пространства, потому что только следуя на плечах противника, не давая ему опомниться, устроиться, мы имели шансы сломить сопротивление превосходящих нас численно сил его. Мы отторгали от советской власти плодороднейшие области, лишали ее хлеба, огромного количества военных припасов и неисчерпаемых источников пополнения армии. В подъеме, вызванном победами, в маневре и в инерции поступательного движения была наша сила, истощенный многими мобилизациями Северный Кавказ уже не мог питать надлежаще армию, и только новые рай-

оны, новый прилив живой силы могли спасти ее организм от увядания.

Мы расширяли фронт на сотни верст и становились от этого не слабее, а крепче...

Состав Вооруженных сил Юга России с мая по октябрь возрастал последовательно от 64 до 150 человек. Таков был результат нашего широкого наступления. Только при таком условии мы имели возможность продолжать борьбу. Иначе мы были бы задушены огромным превосходством сил противника, обладавшего неисчерпаемыми человеческими ресурсами...

Теория говорит о закреплении рубежей, практика гражданской войны с ее огромными расстояниями и фронтами, с ее исключительным преобладанием психологи не только в армиях, но и в населении пораженных войной областей, свидетельствует о непреодолимой трудности и зачастую полной негодности метода позиционной войны...»

И здесь Антон Иванович указал на то, что «исключительный по конфигурации и природным свойствам, «непреступный» оборонительный рубеж крымских перешейков оказался паутиной в трагические дни осени 1920 года», когда армиями командовал уже не Деникин, а его критик Врангель, и когда советские войска без особых потерь и усилий форсировали эти преграды и захватили Крым.

«Освобождение нами огромных областей, — продолжал свой ответ генерал Деникин, — должно было вызвать народный подъем, восстание всех элементов, враждебных советской власти, не только усиление рядов, но и моральное укрепление белых армий. Вопрос заключался лишь в том, изжит ли в достаточной степени народными массами большевизм и сильна ли воля к его преодолению? Пойдет ли народ с нами или по-прежнему останется инертным и пассивным между двумя набегавшими волнами, между двумя смертельно враждебными станами?

В силу целого ряда сложных причин — стихийных и от нас зависевших, жизнь дала ответ сначала нерешительный, потом отрицательный».[4]

Здесь следует напомнить, что весь расчет белого командования был построен на свержении советской власти путем чисто военного решения, путем разгрома Красной армии в течение летних месяцев

и ранней осени 1919 года. Эта идея молниеносной кампании, впоследствии получившая свое развитие под названием «Blitzkrieg'a» (когда танки и механизированные части пришли на смену кавалерии), основывалась тогда на преимуществе конницы, дававшей широкие возможности маневра, обхода, окружения и деморализации противника.

Сознавая значение и роль конницы в условиях гражданской войны, генерал Деникин сформировал многочисленные конные части, сыгравшие огромную роль в его успехах. Но части эти были разбросаны по всему фронту, а не собраны в один мощный кулак, сосредоточенный в направлении главного удара, как это сделали потом большевики. И это отсутствие особой конной армии, по мнению некоторых знатоков военного дела, явилось одной из главных причин поражения.

Идею создания конной армии выдвинул генерал Врангель. В середине июня 1919 года его начальник штаба подробно изложил план действий генералу Романовскому. Он писал:

«Предшествовавший период наших операций против большевиков с несомненной ясностью установил, что решающее значение принадлежит коннице... Теперь, когда мы стоим на кратчайших путях к Москве, значение конницы стало исключительно важным. Могучая конная масса, брошенная в важнейшем направлении, в состоянии будет решить исход борьбы в кратчайший срок с наименьшею затратой живой силы. Этот принцип необходимо положить в основание для разработки дальнейшего плана операции... Создание конной массы не должно вызывать сложных перегруппировок, ибо это вызовет потерю времени, которым приходится дорожить по многим причинам, в том числе и по той, чтобы закончить поход на Москву к осени, то есть ко времени уборки урожая, дабы одновременно с нашим приходом был бы и хлеб... Конная группа должна быть сильной; полагал бы, что состав ее должен определиться в 4—5 корпусов... Такая конница должна получить устройство в виде самостоятельной конной армии... [Она] должна выполнить роль, выпавшую на конницу Мюрата. Находясь в непосредственном подчинении Главнокомандующего, она не должна быть связана определенным фронтом, но, работая перед фронтом прочих армий, расчищать им путь, нанося противнику молниенос-

ные удары в том или ином направлении, в зависимости от обстановки».

Рапорт предлагал сформировать конную армию в трехнедельный срок из уже существовавших добровольческих и казачьих кавалерийских соединений: Добровольческого, Донского и Кубанского конных корпусов, плюс корпуса составленного из 1-й Конной и 1-й Терской дивизий. Рапорт подчеркивал, что только кавалерия, сведенная в одну крупную массу, сможет дать решающий результат всей кампании; что отказ от образования Конной армии вызовет «распыление существующей конницы по мелочам». Заканчивался он предложением поставить во главе Конной армии генерала Врангеля, как бесспорно наиболее выдающегося кавалерийского начальника.[5]

План Врангеля доложен был Деникину в Царицыне сразу после того, как Кавказская армия захватила этот город, когда грандиозный успех всех белых армий Юга России создал чрезвычайно оптимистичное настроение, когда казалось, что дух и сопротивление советских войск окончательно надломлены.

Касаясь в своих воспоминаниях этого эпизода, генерал Врангель писал: «Генерал Деникин, выслушав нас [Врангеля и его начальника штаба] и принимая от нас рапорт, усмехнулся:

— Ну, конечно, первыми хотите попасть в Москву.

Отпуская нас, Главнокомандующий сказал, что завтра будет иметь случай с нами поговорить».[6]

А на следующий день генерал Деникин объявил свою «Московскую директиву», сводившую на нет план Врангеля. В решении Деникина не создавать особой конной армии, личности, конечно, не играли роли. Причиной было опасение, что выделение в нее из состава Кавказской армии Кубанского конного корпуса, конной дивизии и терцев, приведет к угрозе прорыва фронта в районе Царицына. Сильно потрепанная Врангелем 10-я советская армия все же оставалась наиболее боеспособной по сравнению с другими красными войсками.

Дальнейший ход событий показал, что одна из счастливых военных возможностей того момента была упущена Ставкой: летом 1919 года, когда красная конница была лишь в стадии формирования, мощный удар Белой Конной армии в Московском направле-

нии, совместно с добровольческой пехотой генерала Кутепова, мог решить исход кампании в пользу генерала Деникина.

Таким образом, спорным кажется голословное утверждение тех, кто говорит, что белая борьба заранее и неизбежно была обречена на неудачу.

Невзирая на все политические и административные ошибки и на численное превосходство противника, генерал Деникин летом и ранней осенью 1919 года имел возможность разбить Красную армию и свергнуть советскую власть.

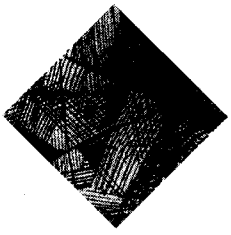
К числу тех, кто придерживался этого мнения, принадлежал и историк С. П. Мельгунов. По своим политическим убеждениям народный социалист, он скрывался от большевиков, которых ненавидел, в районе, куда осенью 1919 года подошли передовые части Добровольческой армии.

«Если бы генерал Деникин, — писал он, — с самыми незначительными силами захватил Москву, не обращая внимания на развал в «тылу», он был бы победителем в гражданской войне и, кто знает, может быть умиротворителем и устроителем нашей несчастной страны».[7]

Вопреки разгрому белого движения и остроте личных переживаний тех, кто от этого пострадал, вопреки всем потерянным возможностям и несбывшимся надеждам, в глазах очень многих своих соотечественников Антон Иванович Деникин сохранил обаяние выдающегося патриота, бесстрашно боровшегося за свою родину, человека доблестного и безупречно честного, в котором не было ни доли политического лукавства, ни тени классовой или личной корысти. Подобно Роберту Ли, генералу иной эпохи и другой страны, тоже потерпевшему поражение в гражданской войне, генерал Деникин вынес из обломков катастрофы глубокое к себе уважение. Это уважение подчеркивали в своих трудах и добросовестные историки, и верные ему старые соратники, и даже те, кто в прошлом резко осуждал генерала, но сумел затем побороть политические предубеждения. К их числу принадлежал Владимир Михайлович Зензинов, бывший член боевой организации партии социалистов-революционеров, а во время гражданской войны — член кратковременной Директории в Сибири.

Глава XXXII

ПРЕБЫВАНИЕ В АНГЛИИ



Путешествие Деникиных из Константинополя в Англию шло медленным темпом, с остановками на Мальте и на Гибралтаре. После выхода в Атлантический океан их корабль попал в сильную бурю, и нянька маленькой Марины Деникиной перепугалась не на шутку. «Она громко молилась и плакала: и никто-то меня не похоронит, и рыбы меня съедят...» Эти подробности, не без некоторого злорадства, записала Ксения Васильевна, ревновавшая няньку к своей дочери.[1]

В Лондон из Соутгамптона генерал Деникин со своей семьей и со спутниками прибыл поездом 17 апреля (нового стиля) в 2 часа 40 минут по полудни. На вокзале Ватерлоо его встретил представитель Британского военного министерства генерал Сэр Филипп Четвуд с несколькими офицерами, а также генерал Хольман, только что вернувшийся в Англию. Встречали Деникина и русские военные и дипломатические представители во главе с поверенным в делах Евгением Васильевичем Саблиным, и группа бывших русских общественных деятелей, оказавшихся в Лондоне, среди которых был П. Н. Милюков. Все старались подчеркнуть бывшему Главнокомандующему свое внимание. Саблин вручил ему телеграмму из Парижа за подписью князя Г. Е. Львова, С. Д. Сазонова, В. А. Маклакова и Б. В. Савинкова, полученную русским посольством на имя Деникина. Лица, подписавшие телеграмму, считали своим долгом «в дни тяжких нравственных мучений, переживаемых» генералом, выразить чувства глубочайшего к нему уважения.

«Беззаветное, высокопатриотическое служение Ваше на крестном пути многострадальной родины нашей, — писали они, — Ваше геройское, беззаветное самопожертвование ей да послужит залогом ее воскресения. Имя Ваше сопричтется к славным и дорогим именам истинных начальников земли русской и оживит источник сил для духовных преемников святого дела освобождения и устроения великой России».[2]

Подпись Бориса Савинкова под текстом этой телеграммы была неожиданностью для Деникина.

С вокзала генерала и его приближенных отвезли на автомобилях британского военного министерства в отель «Кадоган», где им было отведено отличное помещение. Группа «приближенных» оказалась немалочисленной. Кроме самого генерала, его супруги и малолетней дочери она включала деда госпожи Деникиной (господина Тумского), генерала Шапрон дю Ларре, дочь и сына генерала Корнилова, капитана Гришина, няньку маленькой Марины, вестового генерала, и, наконец, девицу Надю Колоколову, которую местные газеты окрестили приемной дочерью Деникиных.

Лондонские газеты, в частности, «Дэйли Геральд» (орган рабочей партии) отметили приезд в Англию бывшего Главнокомандующего почтительными статьями. «Таймс» посвятили ему следующие строки: «Приезд в Англию генерала Деникина, доблестного, хотя и не счастливого командующего Вооруженными силами, которые до конца поддерживали на Юге России союзническое дело, не должен пройти незамеченным для тех, кто признает и ценит его заслуги, а также то, что он старался осуществить на пользу своей родины и организованной свободы.

Без страха и упрека, с рыцарским духом, правдивый и прямой генерал Деникин — одна из самых благородных фигур, выдвинутых войной. Он ныне ищет убежища среди нас и просит лишь, чтобы ему дали право отдохнуть от трудов в спокойной домашней обстановке Англии.

Менее года тому назад его войска находились всего в 200 милях от Москвы. Одному ему было не под силу закрепить свои успехи, а ошибки в управлении и неумение справиться с политическими задачами, к которым он не был подготовлен, получив лишь

образование солдата, ускорили несчастье, обрушившееся на его войска.

Тем не менее наш долг быть ему благодарными и оказывать уважение ему и тем, кто вместе с ним боролся против чудовищного деспотизма, настоящую природу которого английские народные массы лишь ныне начинают сознавать. В настоящую минуту мы всего лучше выплатим этот долг, если воздержимся от нарушения того покоя, которого он ищет, выкажем сочувствие тем русским, за которых он так храбро сражался в столь тяжелых условиях, и будем оказывать им по мере возможности помощь, заслуженную их беспримерными страданиями и неувядаемыми заслугами перед союзниками».[3]

Была ли эта статья инспирирована Черчиллем, мы не знаем. Во всяком случае, она отражала его мысли.

В те дни еще функционировали русские посольства и консульства с персоналом, назначенным в 1917 году Временным правительством. После захвата власти большевиками они явились представительствами вождей белого движения. Их деятельность объединялась в руках С. Д. Сазонова, бывшего министра иностранных дел царской России, исполнявшего те же обязанности в правительствах адмирала Колчака и генерала Деникина. Сазонов находился в Париже, и все русские посольства направляли ему туда осведомительные записки и телеграммы о событиях, которые так или иначе их затрагивали.

Целая серия таких осведомительных писем о первых днях пребывания в Англии генерала Деникина была отправлена Е. В. Саблиным из Лондона в Париж, С. Д. Сазонову.

17 апреля 1920 года, сообщая о приезде и встрече Деникина, Саблин писал: «Я не имел еще случая подробно поговорить с генералом Деникиным. Я увижусь с ним сегодня, вечером. Но из того, что он сказал А. В. Солдатенкову [один из секретарей посольства], заключаю: генерал Деникин прежде всего желает, чтобы его оставили в покое. Он намерен поселиться где-либо в окрестностях Лондона и отдохнуть.

— Затем, — сказал генерал Деникин, — мы посмотрим».[4]

19 апреля Саблин, между прочим, сообщал: «В течение имевшегося у меня с генералом Деникиным разговора, происходившего в

Посольстве, бывший Главнокомандующий сказал мне,.. [что он] считает себя частным человеком. По его выражению, он разбит душевно, утомлен физически и нуждается в покое и отдыхе. Перед его глазами все еще ужасные сцены последних дней отступления и тяжелых неуспехов. Он просит избавить его от разговоров на политические темы, так как беседовать на эти темы ему очень тяжело. Он желает поселиться в каком-нибудь провинциальном английском городишке. Когда я назвал ему несколько местечек на расстоянии часа езды от Лондона, он воскликнул:

— Ой нет, это близко, куда-нибудь подальше!

Из английских государственных деятелей он посетил лишь г. Черчилля. Короля он уже поблагодарил своей прекрасной телеграммой.

Он благодарит русскую колонию и организации за прием, но просит их не беспокоиться устройством каких-либо чествований и тому подобное. Он желает, чтобы его оставили в покое...

По окончании нашего разговора я проводил генерала до гостиницы пешком... [Он] засвидетельствовал мне самым категорическим образом о той широкой помощи, которая была оказана Югу России Великобританским правительством. Он в особенности хвалил английских военных. Он сказал, что генерал Хольман займется подысканием ему места жительства...»[5]

21 апреля 1920 года Саблин писал: «Генерал Деникин передал мне вчера для размена 23 тысячи царских [бумажных] рублей, несколько сотен керенок, австрийских крон и турецких лир и коробочку, содержащую 49 рублей монетами десятикопеечного достоинства чеканки 1916 года.

Это весь капитал бывшего Главнокомандующего».

По сведениям Саблина, курс бумажных царских рублей в это время был 1800 рублей за фунт. Таким образом, основной «капитал» Деникина, заключавшийся в царских бумажных деньгах, в переводе на твердую валюту равнялся меньше чем тринадцати фунтам стерлингов. Австрийские кроны тогда не имели почти никакой разменной ценности, бумажные знаки времен Керенского и подавно; а за копилку с русской серебряной монетой можно было получить сущие гроши, значительно меньше, чем стоимость серебра по весу металла.[6]

От того же числа имеется и другое сообщение Саблина: «Генерал Деникин получает от различных англичан предложения поместиться в их поместьях совершенно бесплатно».[7]

Как реагировал на все это Антон Иванович?

Он был в ужасе от того, что происходило. В его неопубликованных бумагах имеется следующая заметка: «Не понимают нашего положения — отвели помещение в дорогом отеле «Кадоган»... Ищем дешевого дома в уединенном месте. Хольман помогает в поисках. Черчилль вызвал к себе консула Ону и спросил, принимают ли русские какие-нибудь меры. Если нет, то я и группа членов парламента устроим обеспечение генерала Деникина.

Ону приходит, рассказывает. Я категорически отказываюсь!..»[8]

Его удручала мысль, что из-за семьи он принужден принимать «милостыню» (его собственные слова) от Великобритании. Но в тот момент у Деникина буквально ничего не было, кроме того, что на нем. Дома он ходил в своей военной одежде. Выходя на улицу, надевал непромокаемый военный дождевик без погон, а голову прикрывал случайно приобретенной клетчатой кепкой.

Жена его привезла с собой кое-какое столовое серебро и хотела продать. По мнению Антона Ивановича, на вырученные от продажи деньги семья его могла прожить в Англии месяца два-три. Вообще же, он отдавал себе отчет, что стоимость жизни там в тот момент была значительно выше, чем в других странах Западной Европы. А потому свое пребывание в Англии он хотел сократить на три-четыре месяца, чтобы, наведя за это время нужные справки, перебраться туда, где жизнь дешевле.

О материальном вопросе беседовал с Антоном Ивановичем и Милюков. Чтобы на первых порах как-то обеспечить Деникина, он предлагал переговорить с теми, кто заведует выдачей ассигновок из прежних русских государственных сумм, находившихся в заграничных банках. На это Антон Иванович заявил, что о такой постановке вопроса не может быть и речи; что деньги, о которых ему говорил Милюков, он считает казенными, а себя — частным человеком; а, следовательно, на казенные средства никакого права не имеет.

В разговоре с Милюковым он сказала, что хочет зарабатывать на жизнь литературно-историческим трудом, а пока что желает «уклониться от всего, уехать с семьей куда-нибудь в глушь».[9]

С Черчиллем Деникин виделся несколько раз. На следующий день после своего приезда в Лондон он отправился к нему с визитом в Военное министерство вместе с генералом Хольманом. Затем он завтракал с Черчиллем: «Несколько дам, — писал он, — моя женя, Черчилль с женой, 2—3 высших чина военного министерства. Разговоры о России, о борьбе...» И, конечно, о причинах неудачи.[10]

При этой встрече Черчилль задал Деникину вопрос, о котором уже упоминалось в одной из предыдущих глав:

— Почему, генерал, Вы не провозгласили монархию?..

После завтрака Черчилль вызвал своего девятилетнего сына Рандольфа, представил его Антону Ивановичу, сказав мальчику:

— Вот русский генерал, который бил большевиков.

Рандольф заинтересовался и захотел узнать, сколько большевиков генерал Деникин лично убил. Однако получив ответ, что «ни одного», сразу потерял интерес к своему новому знакомому.[11]

Настроение у Антона Ивановича было чрезвычайно подавленное. Внимание к нему русской колонии в Лондоне, вполне искреннее и сердечное, казалось ему тем сочувствием, которое приличия ради по старому обычаю выражают всякому порядочному человеку, испытавшему в жизни большое горе. Это внимание его тяготило. Никого он не хотел видеть, никуда ему не хотелось идти. Саблину не без труда удалось убедить генерала принять приглашение влиятельной группы Британского парламента пообедать с ними.

Прием отличался исключительным радушием и теплотой. Члены Палаты подчеркнули, что принимают генерала Деникина в своей рабочей обстановке. И действительно, обед имел место между двумя заседаниями Палаты. Депутаты прямо с обеда пошли на голосование.

За обедом было произнесено два приветственных слова: председательствовавшим, г-ном Гершамом Стюартом, и полковником Уордом. Первый из указанных лиц в своей застольной речи сказал, что

незначительное число участвовавших объясняется тем обстоятельством, что обед был организован наскоро и большинство членов узнало о предполагавшемся чествовании всего лишь накануне. Тем не менее, по словам Стюарта, присутствующие члены Палаты представляют самые разнообразные политические группировки. Состав собравшихся, дабы лично познакомиться с генералом, хорошо отражает, как большинство в Палате, так и общественное мнение страны. От их имени Стюарт свидетельствовал генералу восхищение англичан перед его патриотическим подвигом.

Полковник Уорд (член Рабочей партии] произнес хотя и краткую, но блестящую по красноречию речь. Он указал на то обстоятельство, что ему пришлось впервые слышать о генерале Деникине, когда он, Уорд, находился в Сибири при покойном адмирале Колчаке. Он узнал о русском патриотическом движении на Юге в той форме, что возглавлявший это движение генерал всецело и безусловно поставил себя в подчинение сформировавшемуся в Сибири общерусскому правительству. В этом полном отсутствии каких бы то ни было личных соображений перед наличием патриотического долга полковник Уорд видит наиболее красноречивую характеристику личности генерала Деникина. За сим, указав на то, что собрание носит частный характер и произносимые в нем речи не будут оглашены, полковник Уорд заявил, что англичане вполне понимают, что они разделяют с русскими ответственность за неудачи, постигшие русское национальное движение на Юге. Когда войска генерала Деникина победоносно продвигались на Москву, на фронте появились большевистские аэропланы, которые разбрасывали речи английского премьера (Ллойд Джорджа) о том, что помощь генералу будет прекращена. Англичане должны помнить, что речи эти сыграли большую роль в неудаче, нежели отсутствие у Деникина снарядов или удовлетворительной организации.[12]

В ответной краткой речи генерал Деникин благодарил англичан за гостеприимство. Он указал, что, несмотря на неудачу, постигшую Белое движение, он не считает свои труды безрезультатными. Отвлекая на себя силы большевиков в течение двух лет, он задержал их наступательное движение на Запад, которое, при развале

Германской армии, при брожении внутри Германии и в бывших составных частях развалившейся Австро-Венгрии, могло перекинуться на всю Европу. Владея Украиной, Северным Кавказом, Каспийским и Черноморским бассейнами, Белое движение изолировало от Красной армии и Румынию, и Венгрию, и Турцию, и Иран, и Афганистан, дало возможность Венгрии свергнуть коммунистическое правительство Бела Куна, захватившего там власть.

Внутри России вооруженное сопротивление большевистской диктатуре было актом патриотического долга. Оно восстало против позорного сепаратного мира, заключенного большевиками с Германией в Брест-Литовске. Оно встало на защиту человеческого достоинства, преследуемой религии и общепринятой морали. В героической борьбе горсти людей со стихией насилия, охватившей всю страну, и заключается внутренний смысл и подвиг Белого движения.[13]

На этом обеде переводчиком у генерала был профессор Гарднер.

В первый же день приезда Деникина в Лондон его настойчиво и упорно начал расспрашивать обо всех переменах, происшедших в Крыму, лидер кадетской партии профессор П. Н. Милюков. Он хотел знать: с какой властью приехал сюда Деникин? Что он передал Врангелю? Всю ли верховную власть, или только военную? Что скажет он, Деникин, если в один прекрасный день Врангель вдруг заключит с большевиками мир? «Будем ли мы признавать Врангелевское правительство? — Продолжал свой допрос Милюков. — А если будем отрицать, то во имя какого, если не деникинского? Ибо Деникин — есть символ и знамя, которое опускать нельзя».

Вопросы эти талмудического свойства. В ответ на них Антон Иванович повторил то, о чем уже неоднократно говорил после Новороссийской катастрофы. А именно: что он морально разбит, что не хочет заниматься политикой и желает, чтобы его оставили в покое. По поводу Врангеля, он сказал, что передал ему командование над южнорусскими войсками, что после всего происшедшего не может считать себя главой правительства и что в данное время он является просто частным человеком.

Вслед за тем Антон Иванович определенно и твердо заявил:

— Не мешайте Врангелю. Может быть, он что-нибудь сделает. Я хочу уйти от политики, не вмешивайте меня.

Эту беседу во всех подробностях записал в своем дневнике П. Н. Милюков. Его дневник находится в Русском архиве Колумбийского университета.

Со своей стороны, Антон Иванович отметил разговор с Милюковым следующим образом в своих неопубликованных бумагах:

«Посетил меня Милюков. Беседовал более часу на тему о необходимости мне принять на себя преемство российской власти Колчака и объявить об этом в соответствующей декларации. Я категорически отказался.

— Что же теперь будет? Ведь к власти придет Керенский...

Я усомнился в подобном исходе. Во всяком случае, я лично устраняюсь.

— Тогда, по крайней мере, не делайте заявлений о своем отказе от преемства...

— Никаких заявлений вообще я не намерен делать. Верховной власти от Колчака я не принимал, следовательно, и отказываться не от чего.

Два или три раза мы еще переписывались с Милюковым по текущим делам, в частности, обменялись взглядами на выступление в то время Польши. Милюков вскоре переменил «тактику», отнесясь с осуждением к Белому движению, и я порвал сношения с ним».[14]

Невзирая на порванные отношения с Врангелем, генерал Деникин в отзывах о нем был безупречно корректен:

«На вопросы Черчилля, Бриггса, Хольмана, Милюкова и других русских и английских деятелей — как надлежит относиться к Врангелю, я ответил:

— Врангель стоит во главе Вооруженных сил Юга России, ведя борьбу против большевиков. И поэтому ему надо всемерно помогать».[15]

С помощью генерала Хольмана Деникины вскоре нашли себе сравнительно дешевое помещение в провинции. Они переселились из Лондона в Певенси-Бей, а потом в Истборн. Там их навещали или приглашали к себе, и вообще всячески старались

рассеять мрачное настроение Антона Ивановича, генералы Бриггс, Хольман, Пуль, Нокс, Кийз, полковник Роулинсон, бывший сперва русофобом, а затем ярым русофилом. Пригласила их к себе в имение и Наталия Сергеевна Брасова, морганическая супруга великого князя Михаила Александровича, убитого большевиками вместе со своим секретарем, англичанином Джонсоном, в ночь с 12 на 13 июня 1918 года в окрестностях города Перми. Вдова брата последнего императора была мистически настроена. Она посещала разных гадалок и совершенно серьезно уверяла Антона Ивановича, что великий князь жив, что он пока скрывается, но в нужную минуту предъявит свои права на русский престол.

Пребывание генерала в Англии было кратким. В принципе, он решил к осени переехать в Бельгию, где жизнь казалась ему значительно дешевле. Но покинул он Англию раньше, чем предполагал, по причине совершенно им не предвиденной.

В середине августа 1920 года в газете «Таймс» была опубликована нота, которую еще в начале апреля лорд Керзон отправил в Москву народному комиссару иностранных дел Чичерину. Это была нота, предлагавшая Советскому правительству прекратить гражданскую войну. К великому своему изумлению, Антон Иванович прочел там следующее заявление лорда Керзона: «Я употребил все свое влияние на генерала Деникина, чтобы уговорить его бросить борьбу, обещав ему, что, если он поступит так, я употреблю все усилия, чтобы заключить мир между его силами и вашими, обеспечив неприкосновенность всех его соратников, а также население Крыма. Генерал Деникин в конце концов последовал этому совету и покинул Россию, передав командование генералу Врангелю».

Правда, почти накануне катастрофы в Новороссийске к генералу Деникину явился один из членов Британской военной миссии, генерал Бридж, предлагая посредничество английского правительства для заключения перемирия с Красной армией. Деникин ответил на это одним словом: никогда!

Любопытно отметить, что генерал Хольман категорически отказался от этой миссии. Он заявил своему непосредственному на-

чальнику г. Черчиллю, что готов скорее стать в ряды армий Юга [России] рядовым добровольцем, чем вступить в сношения с большевиками.

Таким образом, этот случай в Новороссийске никак не вязался с заявлением лорда Керзона.

Сознательная подтасовка фактов и явный вымысле глубоко оскорбили Деникина. Он тут же написал резкое опровержение и отправил его в «Таймс». Оно появилось там 27 августа 1920 года.

Касаясь заявления лорда Керзона и приведя его текст, генерал писал: «Я глубоко возмущен этим заявлением, и утверждаю: 1) что никакого влияния лорд Керзон оказать на меня не мог, так как я с ним ни в каких отношениях не находился; 2) что предложение (британского военного представителя о перемирии) я категорически отвергнул и, хотя с потерей материальной части, перевел армию в Крым, где тотчас же приступил к продолжению борьбы; 3) что нота английского правительства о начатии мирных переговоров с большевиками была, как известно, вручена уже не мне, а моему преемнику по командованию Вооруженными силами Юга России, генералу Врангелю, отрицательный ответ которого был в свое время опубликован в печати; 4) что мой уход с поста Главнокомандующего был вызван сложными причинами, но никакой связи с политикой лорда Керзона не имел. Как раньше, так и теперь я считаю неизбежной и необходимой вооруженную борьбу с большевиками до полного их поражения. Иначе не только Россия, но и вся Европа обратится в развалины».[16]

После эпизода с лордом Керзоном, Антон Иванович считал невозможным для себя оставаться в Англии. Кроме того, стремление Британского правительства установить нормальные торговые сношения с Советской Россией; переговоры, которые велись по этому поводу в Лондоне между Ллойд Джорджем и советским представителем Красиным — все это предвещало, по мнению Деникина, признание Англией московских коммунистов законным правительством России. На самом деле, англо-советский торговый договор был подписан лишь в марте 1921 года, но Деникину казалось тогда, что это событие может произойти в любой момент, и отъезд его носил демонстративный характер.

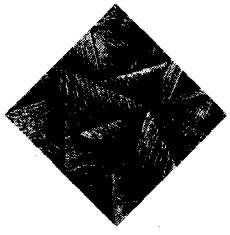
Он считал невозможным скрывать свою точку зрения по вопросу об англо-советских переговорах. По мнению Деникина, они отворяли III Интернационалу «двери в Европу для страшной и ядовитой пропаганды»; а внутри России, где гражданская война еще продолжалась, давали моральный козырь в руки Ленина.

Невзирая на свою признательность за оказанное ему Англией гостеприимство, на желание оторваться от политики, генерал был убежден, что для многих имя его являлось символом бескомпромиссного отношения к коммунизму и действовал так, как ему подсказывала совесть.

Поспешный отъезд Антона Ивановича не отразился на взаимоотношениях с его английскими друзьями. Они отлично поняли причины, побудившие его принять это решение, и продолжали уважать своего прямолинейного друга.

Глава XXXIII

РАБОТА НАД «ОЧЕРКАМИ»



В Бельгии Деникины прожили с августа 1920 года до конца мая 1922 года. Они поселились в окрестностях Брюсселя, в небольшом доме с садом. Группа их спутников постепенно распылилась, и они остались впятером: муж, жена, дочь, дед жены и нянька. Вскоре установилась определенная рутина повседневной жизни. Антон Иванович вставал в семь часов утра, открывал ставни, приносил уголь, растапливал печи и плиту. Затем вставала его жена, кипятила молоко и заваривала кофе, готовила завтрак. После кофе начиналась уборка дома: Антон Иванович подметал, дед вытирал пыль, жена прибирала кухню, чистила картошку, варила обед. Нянька занималась исключительно ребенком и в трудах по дому не принимала участия.

Жена не слишком огорчалась, что мужу приходилось тогда делать физическую работу. «Моцион ему нужен», — писала она, — а когда он засядет за писание, его уже никакими силами не вытянешь даже погулять».[1]

Начав еще в Англии усидчивую работу над «Очерками русской смуты», Антон Иванович к концу 1920 года почти закончил первый из пяти томов этого обширного труда.

«Я совершенно удалился от политики и ушел весь в историческую работу, — писал он генералу Бриггсу к Рождеству 1920 года. — Заканчиваю первый том «Очерков», обнимающих события русской революции от 27 февраля до 27 августа 1917 года. В своей работе нахожу некоторое забвение от тяжелых переживаний».[2]

Жил генерал замкнуто, мало кого видел, и, действительно, совершенно отстранился от политики. Однако демонстративный отъезд его из Англии привлек внимание бельгийских властей. Вскоре по приезде в Брюссель Антона Ивановича в изысканно вежливой форме попросили дать подписку в том, что на территории Бельгии он не будет заниматься активной политикой. Генерал бумагу подписал но, вернувшись домой, отправил письмо министру юстиции Бельгийского правительства, известному социалисту Эмилю Вандервельде. Антон Иванович познакомился с ним в апреле 1917 года, будучи начальником штаба Верховного Главнокомандующего.Тогда Вандервельде приезжал к нему в Ставку, в Могилев, для переговоров.

Генерал счел нужным поставить Вандервельде в известность о своем неудовольствии по поводу случившегося. Он писал: «Так как Вам прекрасно известен мой замкнутый образ жизни, ни с какой стороны не могущий создать затруднений бельгийскому правительству, то Ваше предложение явилось только лишним унижением для человека, перенесшего тяжкие удары судьбы...

Мне невольно приходит на память эпизод из прошлого, как в 1917 году, в качестве начальника штаба Верховного Главнокомандующего российскими армиями, я принимал у себя в Ставке бельгийского министра Вандервельде. Он был несчастлив тогда, человек без родины, представитель правительства без страны, в сущности, такой же политический эмигрант, как теперь многие русские. Ведь Бельгия тогда была растоптана врагами так же, как сейчас Россия, но мы сделали все возможное, чтобы не дать почувствовать господину Вандервельде ни в малейшей степени тягости его положения. Ибо мы разделяли искренно горе Вашей страны и ее героической армии.

Я не ожидал и не искал внимания. Но был уверен, что русский генерал будет огражден в Бельгии от унижения. Я имею в виду не только свою роль как Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России — вокруг этого вопроса сплелось слишком много клеветы и непонимания... Но я говорю о себе как о бывшем начальнике штаба Верховного Главнокомандующего, как о Главнокомандующем русскими фронтами в мировую войну, наконец, как о генерале союзной Вам армии, полки которого в первые два года

войны вывели из строя австро-германцев много десятков тысяч воинов.

Все это я считаю необходимым высказать Вам в надежде, что, быть может, к другим русским деятелям, которых судьба случайно забросит в Бельгию, правительственная власть отнесется несколько иначе».[3]

Это письмо, как и отъезд его из Англии, было типично для всего дальнейшего поведения генерала Деникина за границей. В роли политического эмигранта, как и всю свою предыдущую жизнь, он прямо и откровенно «резал правду». По природе своей человек скромный, но с большим чувством собственного достоинства, он отлично сознавал свои военные заслуги в Первой мировой войне, гордился ими, но в этой гордости не было ничего мелочного. Он был горд своей принадлежностью к русской армии, вписавшей в историю войны много страниц высокой доблести и жертвенности, неоднократно выручавшей бывших союзников в их трудные минуты. И его возмущал факт, что эти заслуги теперь позабыты, что с одним из главных представителей национальной России некоторые из бывших союзников позволяют себе бестактные выходки.

Вандервельде сразу же ответил любезным полуизвинительным письмом. Ссылаясь на якобы существовавшие в Бельгии правила и вспоминая прошлое, он уверял, что ни бельгийскому правительству, ни тем более ему лично не могло прийти в голову чем-то обидеть генерала.

Инцидент был улажен; и те редкие сношения, которые Антону Ивановичу впоследствии приходилось иметь с бельгийской бюрократией, отличались большой предупредительностью.

По скудным средствам Деникина и в Бельгии жизнь казалась ему слишком дорогой, он решил переехать в Венгрию. Венгерский посланник немедленно и чрезвычайно любезно дал разрешение на постоянное жительство в Венгрии. Он даже предложил перевезти архив генерала дипломатической вализой, и только никак не мог поверить, что причина переезда — экономическая... Пришлось хлопотать о транзитных визах для проезда в Будапешт. «Германский посланник был всех любезнее, — отметил в своих бумагах Антон Иванович. — Осведомлялся о моем отношении к немцам, ругал большевиков и видел будущее в союзе Германии с подлинной Россией».[4]

Отношение генерала к Германии было достаточно хорошо известно, и напрасно немецкий посланник надеялся обнаружить в Деникине перемену в сторону прогерманских настроений. Получив немецкую транзитную визу для своей семьи, Антон Иванович сам решил ехать в Венгрию, минуя Германию, кружным путем, через Париж, Женеву и Вену.

Венгрия проходила тогда через одну из тяжелых фаз своей истории. Сперва гражданская война, затем нашествие румын, разграбивших то, чего не успели сделать местные коммунисты, и, наконец, мирный договор, подписанный в Трианоне, отнявший от Венгрии самые богатые области и передавший их соседним государствам. Этот период хаоса и унижения настроил венгерскую буржуазию и правящий класс в пользу тех русских, которые у себя на родине боролись против тех же разрушительных сил, и, потерпев неудачу, нашли приют в Венгрии.

А потому о жизни в Венгрии у Антона Ивановича и его супруги остались самые хорошие и дружественные воспоминания. Они провели там три года (с начала июня 1922 года до середины 1925 года) и, по совету венгерского посланника в Брюсселе, поселились сперва в городе Сопрон в недорогой загородной гостинице.

В дневнике Ксении Васильевны Деникиной имеется следующая записьот 5 июня 1922 года: «...Жизнь здесь действительно гораздо дешевле... да и народ симпатичнее. Пока живем в пансионе, за городом, в лесу. Воздух и окрестности чудесные. Давно мы не делали таких чудных прогулок... Городок переполнен беженцами из отобранных у Венгрии областей».

Месяцем позже: «Нравится мне Венгрия, то есть, правильнее сказать, Сопрон, ибо больше я еще ничего от Венгрии не видела. Такой обильный край. Столько «плодов земных» я давно не видала. Кругом нас горы, лес. Мы гуляем далеко. Заберемся куданибудь на поляну, откуда хороший вид на поля, деревни, лежащий внизу город и на далекое большое озеро. Воздух — не надышишься!.. И бывают минуты, что в мою душу нисходит мир, такой полный, как не бывал со времени до войны... Много здесь народу, говорящего по-русски. Бывшие военнопленные, или, как Антон Иванович их называет, «мои крестники» [генерал называл своими

крестниками тех, кого его Железная дивизия в свое время захватила в плен]. Говорят по-русски чисто, почти без акцента».[5]

А вот заметка из неопубликованных бумаг генерала: «Общее явление: ни следа недружелюбия после войны (враги!?). Чрезвычайно теплое отношение к русским. Каждый третий комбатант побывал в плену в России и, невзирая на бедствия, перенесенные в большевистский период, все они вынесли оттуда самые лучшие воспоминания — о русском народе, о шири, гостеприимстве, о богатстве страны... Русский язык благодаря пленным очень распространен... Пленные венгры понавезли с собой русских жен... Встречал немало своих «крестников». Приглашенный [однажды] к Марише детский доктор, как оказалось, во время войны был личным врачом эрцгерцога Иосифа. Вспомнили эпизод, как за Самбором 4-я стрелковая (Железная) дивизия дралась против корпуса эрцгерцога. И, стремительно бросившись через перевал, вышла в тыл австрийцам, захватив Горный Лужок. В свите эрцгерцога был и доктор, который теперь искренно рад был нашей встрече. Встречал и офицеров прекрасной 38-й гонведной дивизии, с которыми судьба частенько сталкивала Железную дивизию, которых мы бивали, но всегда с большим трудом и не малою кровью. Вспоминали старое. И при всех этих встречах, разговорах — ни тени озлобления. Наоборот, большой интерес к прошлому, и такое отношение, будто мы не врагами были, а союзниками...

Морально в Венгрии жилось хорошо».[6]

О жизни Антона Ивановича в Венгрии есть упоминание в письме русского дипломатического представителя в Будапеште князя П. П. Волконского. Он сообщал в Париж старшему русскому дипломатическому представителю за границей М. Н. Гирсу (С. Д. Сазонов к тому времени был уже не у дел), что «здесь держит себя вдали от всяких дрязг, с достоинством и большой простотой, генерал Деникин. Мы с ним навестили друг друга».[7]

Приезжал к генералу с визитом и местный губернатор. Несколько раз бывали английские и французские офицеры, члены миссии по установлению новых границ Венгрии. Но это вызвало некоторую подозрительность со стороны венгерской администрации, враждебно относившейся к державам Антанты. Началась пер-

люстрация корреспонденции; появились филеры, следовавшие за Антоном Ивановичем по пятам. Однако, когда он пожаловался в военное министерство, наблюдение за ним и перлюстрация его почты были сразу прекращены.

Пребывание в венгерской провинции бывшего русского Главнокомандующего привлекло большое внимание местных военных и гражданских властей. Уединенный образ жизни Деникина, проводившего большую часть времени в работе над своим историческим трудом, был им непонятен. Так же, как и князь Волконский, они видели, что генерал «держит себя с достоинством и большой простотой», но некоторые из них приписывали нелюдимость генерала недружелюбию или пренебрежению. Даже П. П. Волконский говорил по этому поводу с Антоном Ивановичем и настойчиво советовал ему поехать с визитом к главе государства адмиралу Хорти. «Но, — отметил эту беседу генерал, — после года [жизни в Венгрии] мне казалось это неудобным, и я не пошел. Так и прожили мирно три года, отвоевав себе свободу замкнутой частной жизни».[8]

За три года пребывания в Венгрии генерал трижды переменил место жительства. После Сопрона провел несколько месяцев в Будапеште, а потом снова поселился в провинциальном местечке вблизи от большого и живописного озера Балатон.

К тому времени генерал закончил свой монументальный пятитомный труд «Очерки русской смуты». Книги появились в печати не одновременно. Они выходили постепенно. Первый том вышел в октябре 1921 года; второй — в ноябре 1922-го; третий — в марте 1924-го; четвертый — в сентябре 1925-го; и, наконец, пятый — в октябре 1926 года.

Начиная с периода, предшествовавшего революции и описывая события под углом зрения русского офицера, а потом вождя белого движения Антон Иванович довел свой рассказ до самого финала, до момента, когда в Константинополе был убит генерал Романовский.

«Очерки» были большим событием в русской мемуарной литературе. Затрагивая жгучий и наболевший тогда вопрос, они давали волнующую картину упущенных возможностей, повернуть ход

истории в совершенно ином направлении. И эти упущенные возможности в одинаковой степени относились к режиму, предшествовавшему революции, к периоду Керенского и к правлению самого генерала Деникина на Юге России.

Сильный по своему стилю и выразительности труд генерала ближе всего подходил под жанр «мемуаров в форме исторического повествования». Деникин написал подробную историю своей армии, всей эпохи гражданской войны на Юге. Основываясь на документах, попутно он дал краткие очерки противобольшевистской борьбы в Сибири у Колчака, на Севере — у Миллера, на Западе — у Юденича.

Широкие рамки его труда вызывали в некоторых читателях критику и сожаление. Критики сетовали на то, что автор этой чрезвычайно интересной и талантливой работы не ограничился ролью откровенного мемуариста, что в изложении фактов фигура его умышленно стушевывалась, на первый план выставляли события, через которые ему пришлось пройти.

И в этом упреке есть несомненная доля правды. По замкнутой природе своей, Антон Иванович ненавидел демонстрацию свои чувств. Но, вместе с тем, именно те страницы книги, где автор касается личных переживаний, больше всего захватывают читателя.

Мучительно пережив драму происшедшего, глубоко продумав случившееся, генерал Деникин сумел встать выше естественной потребности самооправдания. Он отлично сознавал, что его действия, как правителя и Главнокомандующего, подлежат строгому суду истории; поэтому хотел оставить после себя по возможности правдивый отчет о своей деятельности, и беспристрастно обрисовать то, что происходило вокруг. Честность автора является неоспоримым достоинством его труда.

В неопубликованных бумагах генерала Деникина имеются интересные сведения о том, как нелегко ему было работать над «Очерками».

Архив, вывезенный им из России, был далеко не полным. Всю работу по отыскиванию недостающих документов, их систематизации, проверке, составлению чертежей пришлось выполнять лично самому.

Сундук с делами канцелярии Особого совещания (то есть бывшего правительства Юга России), своевременно вывезенный в Константинополь, поступил в распоряжение генерала только в 1921 году. Кроме журналов Особого совещания, сундук содержал подлинные приказы Главнокомандующего, а также сношения с иностранными державами и сведения о положении во всех новых государствах на окраинах России. С архивом бывшей Ставки генерала Деникина вопрос обстоял сложнее. Антон Иванович не желал обращаться к своему преемнику на посту Главнокомандующего. Но вопрос этот благополучно уладился сам собой. Зная о работе Антона Ивановича, генерал Кусонский, заместитель начальника штаба генерала Врангеля, предложил Деникину пользоваться архивом Ставки. Вскоре и сам генерал Врангель (находившийся после оставления им Крыма в Югославии) распорядился: все дела штаба Главнокомандующего за время управления Югом России генералом Деникиным передать на хранение последнему. Приходилось вести большую корреспонденцию с бывшими сотрудниками и подчиненными, чтобы получить от них детальные сведения о происходившем. Наиболее существенную помощ в этой области оказал генералу Деникину Н. И. Астров. Прислали длинные записки о своей деятельности Челищев, Савич и другие бывшие члены Особого совещания. С генералом Лукомским Антон Иванович не списывался, так как знал, что он работал в то время над своими воспоминаниями, которые должны были появиться на свет раньше «Очерков». «Но, — отметил Деникин, — Лукомский, много знающий, ничего в своей книге не сказал...» Это замечание относилось, по всей вероятности, к «борьбе за власть» на Юге России, о которой при желании генерал Лукомский мог бы многое рассказать, но предпочел обойти этот вопрос молчанием.

«Предлагал мне свое сотрудничество Филимонов, бывший кубанский атаман, — писал Антон Иванович, — но перед тем, не дожидаясь описания мною Кубанского периода в «Очерках русской смуты», он напечатал в «Архиве Русской Революции» статью-памфлет, в которой пристрастно отнесся к моей деятельности и сказал неправду, которую нетрудно было опровергнуть документально... Встретив [как-то] полковника Успен-

ского [бывшего адъютанта генерала Романовского], Филимонов сказал ему:

— Читали? Генерал Деникин, наверно, будет ругать меня в своих «Очерках». Так я, по казачьей сноровке, забежал вперед и сам его поругал. Покуда еще выйдет его книга, а от моего писания след все-таки останется.

Впоследствии, не найдя в моей книге никаких выпадов по своему адресу, что было бы и несправедливо, Филимонов прислал мне письмо, в котором выражал готовность осветить мне кубанские события. Я не воспользовался его предложением, о чем сожалею».

Ближайшим и постоянным сотрудником генерала была его жена. Она перепечатывала все его рукописи и была, как вспоминал Антон Иванович, его «первым читателем и цензором, предъявляя свои замечания, часто весьма основательные, в особенности с точки зрения, как она говорили, рядового обывателя».[9]

Много книг было написано о гражданской войне в России, с разными к ней подходами, с различными толкованиями. Однако многотомник генерала Деникина для всякого исследователя эпохи борьбы на Юге России, является основным фундаментом и первоисточником.

В принципе признавая это, издательство «Федерация» в Советском Союзе выпустило в 1928 году книгу в 313 страниц под заглавием «Поход на Москву», с выборками из четвертого и пятого томов деникинских «Очерков».

«Мы пытались извлечь из Деникина, — говорилось в предисловии, — все наиболее любопытные страницы». И сообразно с заданием эти «любопытные страницы» оказались подтасовкой фактов, умышленно однобоким освещением событий.[10]

С момента, когда Сталин почувствовал себя хозяином положения, подтасовка фактов превратилась в грубое их извращение.

Касаясь роли Деникина, советская «историческая» литература и до сих пор занимается фальсификацией.

Так, официальная советская «История гражданской войны в СССР» сообщает, что «крупнейшие предприятия — железные дороги, шахты, рудники, заводы — закладывались и перезакладывались [Деникиным] иностранным капиталистам, продавались каждому, кто мог предложить иностранную валюту».[11] А Военное издатель-

ство Министерства обороны СССР выпустило в Москве книгу некоего доцента и кандидата исторических наук К. В. Агуреева «Разгром белогвардейских войск Деникина», где говорится, что «Деникин — этот яростный монархист и белогвардеец — вместе со своими империалистическими хозяевами... пытался превратить нашу страну в колонию иностранных империалистов, сделать рабочих и крестьян рабами».[12]

На самом деле, было как раз наоборот. Несмотря на сильное давление сторонников концессий, генерал Деникин определенно и категорически заявил, что «не имеет права связывать будущее всероссийское правительство какими-либо договорными обязательствами и заниматься распродажей России по частям. Только в декабре 1919 года он с большой неохотой дал согласие на предоставление союзникам концессий на эксплуатацию лесов Черноморской губернии. Но вследствие развернувшихся событий предположение не было осуществлено». Это свидетельство генерала Лукомского.[13]

Мало того, под видом серьезного исторического исследования появилась книга, выпущенная Московским университетом, где Деникина, отец которого родился крепостным крестьянином, произвели в «выходца из курских помещиков...[14] И это несмотря на факт, что скромное происхождение генерала хорошо известно всем, кто соприкасался с историей белого движения.

Неверно также официальное советское утверждение, что эсеры и меньшевики верой и правдой служили Деникину.[15]

Вначале умеренное крыло партии социалистов-революционеров приняло деятельное участие в вооруженной борьбе с большевиками, особенно на Волге и в Сибири. Однако после переворота в Омске (18 ноября 1918 года), заменившего Директорию адмиралом Колчаком, правые эсеры, устраненные от власти, отошли от борьбы. Они выставили лозунг «ни Ленин, ни Колчак» (а следовательно, и ни Деникин). К этой группе, игриво прозванной «ни-ни-стами», принадлежали перешедшие на положение политических эмигрантов в Европе — Керенский, Авксентьев, Зензинов, Аргунов.

Левое крыло партии эсеров заняло бескомпромиссно-враждебную позицию в отношении к «реакционным генералам», считая их худшим из двух зол. Боевая организация этой группы во главе с

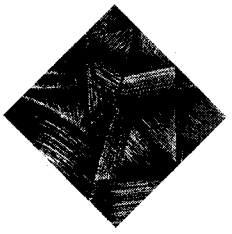
И. К. Казовской даже участвовала в заговоре на жизнь генерала Деникина летом 1919 года.[16]

Что касается партии социал-демократов меньшевиков, то, по словам Антона Ивановича, они «не вступили на путь сотрудничества с властью» на Юге России. Деникин пришел к заключению, что меньшевики «стремились не к поражению Белых сил, но к такому их ослаблению, чтобы ко времени падения большевизма они представляли из себя ничтожный политический фактор».[17]

Непонятно, почему советским руководителям (даже полвека после конца гражданской войны) понадобилось придумывать всевозможные небылицы. Ведь и без них обнаружить теневые стороны в лагере их белых противников было легко.

Глава XXXIV

«ПИСАТЕЛЬСКАЯ БРАТИЯ»



С момента отъезда генерала Деникина из России прошло шесть лет упорной и сосредоточенной работы год «Очерками русской смуты». Отказывая себе во всем, почти ни с кем не общаясь, Антон Иванович даже не слишком испытывал желание видеть людей. Причиной тому было не только стремление скорее закончить свой труд. Надо было побороть в себе духовное потрясение от всего пережитого. Кроме того, было и сомнение: убийство генерала Романовского являлось косвенным ударом по его начальнику, и Антон Иванович не знал, как относятся к нему те, кто прежде верил в него, шел за ним и чья жизнь оказалась искалеченной. Однако за последние годы сомнения эти рассеялись благодаря множеству писем, полных внимания и уважения. Приходили они с разных сторон, от людей различных политических взглядов, от богатых в прошлом и бедных, от бывших соратников, от знакомых и совершенно незнакомых. Письма являлись доказательством, что через призму времени соотечественники поняли генерала, оценили его бескорыстие и благородство. Письма убедили Антона Ивановича, что прошлые наветы и личные выпады не образовали трещины в отношениях к нему. И это постепенно сгладило остроту накопившейся горечи.

В эти годы тревога за судьбу его бывшей армии вытесняла в душе Деникина все остальные чувства. С большим волнением

следил он издалека за тем, как в Крыму опускался занавес над последним актом великой трагедии. Сердце его больно сжималось при мысли об участи соратников, впереди у которых с жуткой очевидностью стояли лишь неизвестность, нужда и новые испытания.

Крушение белого движения выкинуло за пределы России свыше миллиона человек. Волна их катилась по нескольким направления: из Сибири, с остатками армии Колчака, с Северо-Запада России — с отступавшими войсками Юденича. Количество беженцев с Севера России, из Архангельска и Мурманска, было незначительно. Зато людская волна с Черноморских берегов Юга России была огромна. Сперва так называемая «Деникинская» эвакуация, а затем великий исход после конца Крымской эпопеи генерала Врангеля, когда в один день, 16 ноября 1920 года, из Крымских портов вышло 126 судов, увозивших к берегам Босфора 145 693 человека, из которых около 40 тысяч были последними бойцами белых армий. Бывшие союзники разместили их в Галлиполи, на острове Лемносе и в других местах поблизости от Константинополя. Но это было лишь временным этапом. Срочно приходилось решать вопрос, что делать дальше с бывшей армией, сохранившей, несмотря на поражение, воинскую дисциплину.

У ее главнокомандующего, генерала Врангеля, вначале была иллюзия: сохранить свой правительственный аппарат, а главное — сохранить армию, чтобы при первой возможности возобновить попытку вооруженной борьбы с большевизмом.

Генерал Деникин иначе смотрел на это дело. Ему было ясно, что с момента, когда армия покинула последний клочок русской земли, ее судьба была решена. Падение Крыма было концом открытой вооруженной борьбы. Никто из бывших союзников не поддержит больше подобное начинание, а всякая попытка сохранить за границей политическую власть бывшего правительства генерала Врангеля и армию как таковую, вызовет резкую реакцию в парламентских и правительственных кругах Европы.

Тем не менее Антон Иванович думал, что «армия должна быть сохранена», но иным способом: путем расселения ее в балканских странах, где при содействии местных правительств (готовых ока-

зать гостеприимство русским) он считал возможным поставить военные контингенты на положение «вольных рабов». Он предвидел, конечно, что со временем более предприимчивые люди пожелают выйти из полувоенной рабочей артели и найти себе более привлекательные и доходные занятия. Думая прежде всего о людях, он не хотел, чтобы в этом отношении ставились препятствия на их пути.

«Если Вам удастся сохранить организационные ячейки, писал он генералу Кутепову в ответ на его письмо, — то внутренняя, преемственная связь, которой всегда дорожили добровольческие части, предохранит их от распыления».[1]

Антон Иванович смотрел тогда на будущую борьбу с большевистской властью не как на интервенцию извне. Восстание кронштадтских матросов, крестьянская борьба, охватившая большой район в Центральной России и получившая название «Антоновского движения» (по фамилии ее предводителя Антонова), все это, по мнению Деникина, хотя и окончилось неудачей, но предвещало возможность нового взрыва изнутри, куда со временем и должны будут просачиваться его бывшие добровольцы, чтобы слиться с общерусским противобольшевистским движением.

И чем дольше жил генерал Деникин за границей, тем определеннее высказывался он против участия русских политических эмигрантов (и в первую очередь своих бывших соратников) в иностранной авантюре, направленной против России. Он указывал на опасность, грозившую русскому Дальнему Востоку от Японии; а затем, когда на горизонте Германии появился Гитлер, Антон Иванович был одним из правых, кто сказал: «Не цепляйтесь за призрак интервенции, не верьте в крестовый поход против большевиков, ибо одновременно с подавлением коммунизма в Германии стоит вопрос не о подавлении большевизма в России, а о «восточной программе» Гитлера, который только и мечтает о захвате Юга России для немецкой колонизации.

Я признаю злейшими врагами России державы, помышляющие о ее разделе. Считаю всякое иноземное нашествие с захватными целями — бедствием. И отпор врагу со стороны народа русского, Красной армии и эмиграции — их повелительным долгом», — так

писал генерал Деникин уже в конце 1933 года[2]. И чем ближе события подходили к началу Второй мировой войны, тем отчетливее и настойчивее говорил он на эту тему. Однако сказанное не означало компромисса с его стороны по отношению к коммунистической власти. К ней он всегда оставался непримиримым. И это кажущееся противоречие которое заключалось в желании поддержать в минуту опасности свою страну и ее армию, но не ее правительство, Антон Иванович подробно объяснил незадолго до войны в публичном выступлении в Париже. Речь его, перепечатанная в сокращенном виде в большинстве русских заграничных газет, произвела тогда очень сильное впечатление на русскую эмиграцию. Но содержания ее мы коснемся в другом месте.

А пока вернемся к тому, что происходило с Антоном Ивановичем в 20-х годах.

Никому не навязывая своих взглядов, высказывая свое мнение только тогда, когда с ним желали советоваться, генерал Деникин щепетильно держался в стороне от дел своего преемника, «не желая хоть косвенно, хоть одним словом помешать новому командованию»,[3] и чтобы не дать повода к упреку в желании как-то влиять на своих бывших соратников. Но именно эта щепетильность Антона Ивановича дала предлог его недоброжелателям ложно истолковать поведение генерала. Умышленно был пущен слух, что бывший Главнокомандующий чуждается добровольцев и безразличен к их судьбе.

Таким образом, генерал Деникин остался посторонним свидетелем того, что происходило с его бывшей армией, которую из Галлиполи, Лемноса, Чаталджы частью перевезли в Болгарию, частью в Югославию. В Болгарии бывших офицеров и солдат поставили артелями работать в рудниках, прокладывать дороги и так далее. В Югославии король Александр принял бывшие русские кавалерийские части на службу в пограничной страже. А через несколько лет началось их распыление по разным странам.

С целью сохранить военные кадры белых армий, генерал Врангель образовал осенью 1923 года Русский общевоинский союз (РОВС) с отделами, разбросанными по всем странам, где находи-

лись бывшие офицеры и участники Белой борьбы. Объявив себя председателем Союза, Врангель вошел в подчинение великому князю Николаю Николаевичу, бывшему Главнокомандующему российскими императорскими армиями. Великий князь пользовался большим уважением в правых кругах эмиграции, и вокруг него надеялись объединить все ее «национально мыслящие» силы. Он жил во Франции, а потому Парижское отделение РОВСа сразу получило первенствующее значение.

Возникновение Общевоинского союза, как экстерриториальной организации, явно враждебной коммунизму, тотчас же привлекло внимание Москвы. А когда через своих заграничных агентов там стало известно, что генерал Александр Павлович Кутепов, бывший командир Добровольческого корпуса, переехал из балканских стран в Париж и образовал в РОВСе боевой отдел для подрывной работы внутри России, то в советских правительственных кругах возникла большая тревога.

Пятитомный труд генерала Деникина, появившийся потом в сокращенном виде на английском, французском и немецком языках, давал временную иллюзию материального обеспечения, а спокойная жизнь в венгерской трущобе начала тяготить бывшего Главнокомандующего оторванностью от людей. Появилось непреодолимое желание перебраться в более культурный центр. Предлогом к переезду было письмо от генерала А. Г. Шапрона дю Ларре, женившегося в Бельгии на дочери генерала Корнилова. Этот верный друг Антона Ивановича настойчиво уговаривал его вернуться в Брюссель. Переезд состоялся в середине 1925 года, но задержался генерал с семьей в Бельгии ненадолго. Весною следующего года он решил обосноваться во Франции.

К тому времени Париж стал центром культурной жизни русской эмиграции. Среди известных писателей, покинувших Россию, особенно тепло и дружески приветствовали Деникина в Париже Бунин, Куприн и Шмелев. Не менее горячо Бальмонт и Марина Цветаева. Они часто навещали его, проводили вечера в долгих беседах на литературные и исторические темы, вспоминали прошлое, всячески стараясь проявить к нему внимание. Иван Алексеевич Бунин подарил генералу свою книгу «Чаша жизни», где с необычайной для

себя экспансивностью написал на первой странице: «Антону Ивановичу Деникину в память прекраснейшего дня моей жизни — 25 сентября 1919 года в Одессе, когда я, не задумываясь и с радостью, умер бы за него!»[4]

Эта надпись относилась к приезду генерала Деникина в освобожденную от большевиков Одессу, жители которой (среди них был и Бунин) с неподдельным восторгом встретили и чествовали Главнокомандующего.

Встреча Деникина с Буниным была тогда мимолетна, но она хорошо запомнилась Антону Ивановичу. Теперь он радовался возможности ближе сойтись с большим художником слова. Бунин рассказывал ему о своих злоключениях, о бегстве из Одессы после краха белого движения и о том, что творилось в русском «литературном мире» за границей. Но особой близости между ними не получиось, Бунин уже жил тогда на юге Франции, встречи их были довольно редки, хотя и носили всегда дружеский характер.

С Куприным Деникин прежде не был знаком. Он ценил его талант, но далеко не все произведения. Антону Ивановичу не нравились купринские повести и романы из военной жизни, в свое время нашумевшие на всю Россию Он считал купринский «Поединок» и «На переломе» извращением военного быта. Но бывший офицер Куприн, покинувший военную службу в 1894 году, впоследствии изменил свое отрицательное отношение к ней, особенно после революции, когда увидел гонения, которым подвергались офицеры, и мужество, с которым большинство из них старалось выполнить свой долг. Он говорил, что звание офицера считал самым высоким. Этот «раскаявшийся» Куприн, бежавший от большевиков из Гатчины с отрядами Юденича, был теперь близок Деникину.

И Куприн, и Бунин были сверстниками. И оба всего лишь на два года старше Антона Ивановича. Когда-то добрые приятели, ко времени их жизни во Франции писатели охладели друг к другу. Слава Куприна вернулась в Россию, но творчество его в эмиграции заглохло. Как раз обратное происходило с Буниным. В эмиграции он написал свои лучшие вещи: «Митину любовь», «Темные аллеи», «Жизнь Арсеньева». В 1933 году его ждала Нобелевская премия.

Любивший выпить Куприн терпеть не мог тоже склонного заглянуть в рюмку Бальмонта, быть может, оттого, что оба они во хмелю бывали буйны и безудержны, к тому же слишком разные были они разные люди. Каждый раз, приходя к Антону Ивановичу «на огонек», Куприн спрашивал: «А Бальмонт не у Вас?».

Деникин помнил Бальмонта с давних пор, когда стихи Бальмонта с упоением декламировались на всех студенческих вечерах, когда ритмы и сочетания звуков его стихов приводили в восторг всех курсисток Петербурга. «Дьявольски интересен и талантлив этот неврастеник», — говорил о нем в те годы Максим Горький.

Насколько Куприн был прост и естественен, настолько Бальмонт любил позу и, декламируя свои стихи, входил в «поэтический экстаз». Сладкий и вкрадчивый шепот чередовался тогда с громоподобным пафосом. Однажды он не на шутку напугал маленькую Марину Деникину. Читая одно из своих стихотворений и глядя в упор на ребенка, он с диким криком прочел строфу:

— Кто сказал? Кто сказал?!!!

В ответ на это перепуганная Марина с воплем отчаяния закричала:

— Да ты сам сказал!..

Антон Иванович не слишком ценил творчество Бальмонта, поэта романтика-импрессиониста. Некоторые из его стихов попросту считал игрою созвучий и даже набором слов. Тем не менее он отдавал должное поэту. Константин Дмитриевич Бальмонт казался ему занимательным человеком, но только в трезвом виде. Антон Иванович скорее жалел его, чем любил. После 2-3 рюмок водки Бальмонт терял человеческий облик. Шумел, скандалил, бил посуду и зеркала в маленьких французских ресторанчиках, а потому часто попадал в полицейский участок, откуда неоднократно и не без труда вызволяла его супруга генерала Ксения Васильевна, владевшая французским языком. В благодарность за это Бальмонт написал на одной из своих книг, подаренных ей: «Чтимой и очаровательной, очень-очень мне дорогой Ксении Васильевне Деникиной».[6]

С дружеским вниманием откликнулась на приезд Деникиных во Францию Марина Ивановна Цветаева. «Для правых она была чужой, их пугал ее бунтарский дух, ее презрение к буржуазной обеспеченности, ее необычность и отказ от традиционных литературных условностей. Левые видели в ней певца «Белой мечты», автора поэм о царской семье, не желавшего подчиниться политическим и социальным заповедям. Одни называли ее тайной большевичкой, другие явной монархистской».[7] И когда в 1939 году она вдруг решила вернуться в Россию, а за два года до туда вернулся Александр Иванович Куприн, то у Антона Ивановича это обстоятельство не вызвало сурового осуждения. Была только большая грусть. Он скорбел об их, как он считал, неразумном решении.

Марина Цветаева уехала в Россию вслед за дочерью и за мужем, Сергеем Эфроном, перешедшем в лагерь большевиков. Мужа быстро расстреляли, а дочь сослали в Сибирь. Во время Второй мировой войны, в минуту полного одиночества и отчаяния Марина Цветаева покончила жизнь самоубийством... А двадцать лет спустя, когда в Советском Союзе посмертно напечатали ее избранные стихотворения, эта бывшая певица «Белой мечты» стала на родине одним из популярных и чтимых поэтов.

Что касается Куприна, то ему всегда хотелось умереть в России. Он сравнивал это желание с инстинктом лесного зверя, который идет умирать в свою берлогу. Но к моменту отъезда физический недуг и склероз мозга подорвали силы и рассудок Александра Ивановича Куприна, материальное положение его было убийственно. А Советское посольство в Париже сулило ему и его жене спокойную и обеспеченную жизнь в доме отдыха для писателей под Москвой.

Поздней весною 1937 года он пришел к Деникиным. Жене генерала хорошо запомнилось, как А. И. Куприн, ничего не говоря, прошел в комнату Антона Ивановича, сел на стул возле письменного стола, долго, молча, смотрел на генерала и вдруг расплакался так, как плачут только маленькие дети. Вслед за тем закрылась дверь в комнату, и Ксения Васильевна слышала лишь голос Куприна а потом голос мужа. Через некоторое время Антон Иванович учтиво проводил своего посетителя до лестницы и на изумленный

вопрос жены: «В чем дело?» — коротко ответил: «Собирается возвращаться в Россию».

Вскоре Деникины узнали из газет, что в конце мая Куприны уехали в Москву. Фактически больного и потерявшего память мужа увезла жена. Годом позже он там тихо скончался.[8]

Ближе всего судьба свела Деникиных со Шмелевым.

Сын разбогатевших крестьян, ставших московскими купцами, Иван Сергеевич Шмелев окончил университет в Москве и в молодости прошел через обычные в то время для студентов фазы протеста и революционных настроений. В 1917 году он приветствовал революцию, но вскоре ужаснулся от последствий переворота которые пришлось ему пережить. С тех пор революция казалась ему стихией разрушения, насилия, издевательства над здравым смыслом. В своей книге «Солнце мертвых» он обличил большевизм. Переведенная на иностранные языки книга произвела сильное впечатление на многих европейских писателей, в том числе и на Томаса Манна.

Мы не знаем, насколько Антон Иванович ценил творчество Шмелева; но как челóвека он ставил его очень высоко. В эмиграции Шмелев оказался одним из немногих действительно близких Деникину людей.

В письме от 17 мая 1928 года к генералу А. М. Драгомирову, Антон Иванович дал краткие сведения о своей жизни во Франции: «В 1926 году весною мы переехали во Францию. Житие наше началось невесело — жене с места пришлось подвергнуться операции. И вообще, эти два года, как и предыдущие, прошли для нее в постоянном недомогании. Меняем врачей, системы и режимы, а толку мало. Я и Марина не болеем, слава Богу. Живем мы оседло в Ванве. Это — не совсем трущоба, как Вы полагаете. Ванв — пригород Парижа, от нас до парижского вокзала Монпарнас всего 10 минут езды по железной дороге. Жена научилась делать шляпы, я продолжаю писать, — труд, по беженским условиям, оплачивающийся хуже, чем заводский. Очередная работа моя — очерки жизни и быта старой армии. Необходимо один из очерков посвятить памяти

М. И. Драгомирова. Если Вы мне поможете материалами, буду благодарен.

Марина растет и учится очень хорошо: во французской школе идет первой.

Собственно в Ванве мы живем в общем семь месяцев в году. На лето квартиру свою сдаем и переезжаем в деревню — к океану, на юг, где покойнее, дешевле и полное благорастворение воздухов. Зовут нашу деревню Капбретон. Живет в нем постоянно поэт Бальмонт, летом — Шмелев, так что, как видите, писательская братия представлена густо».[9]

К тому времени А.И. Деникин на законном основании причислял и себя к «писательской братии». Он стал упорным тружеником пера. В 1928 году появилась его книга под заглавием «Офицеры», где в серии рассказов автор дает читателю картину этапов судьбы русского офицерства, начиная с разложения армии после революции и продолжая трагедией гражданской войны.

Книга была хорошо встречена критикой в русской зарубежной печати. Газета «Дни» (орган партии социалистов-революционеров, выходивший под редакцией А. Ф. Керенского), не в пример прошлым своим выпадам против генерала Деникина, неожиданно целиком перепечатала один из его рассказов, предпослав ему следующее вступление:

«Парижское издательство «Родник» выпускает небольшую книгу беллетристических очерков А. Деникина «Офицеры». Мы не подвергаем книгу художественной оценке. Но имя автора настолько значительно и популярно, настолько принадлежит истории, что мы хотим ознакомить читателей с этой, по-видимому, случайной стороной деятельности виднейшего из участников Белого движения. Поэтому мы, с согласия издательства, печатаем сегодня отрывок из очерка «Враги», показавшийся нам любопытным по цельности примиряющего чувства и психологической выдержанности».[10]

Даже Троцкий накануне своего изгнания из Советского Союза съязвил, что некоторые генералы в эмиграции, вроде генерала Деникина, волею судеб научились хорошо владеть пером.

Заблуждение и Керенского, и Троцкого заключалось в том, что для Деникина роль писателя не была «случайной стороной» его

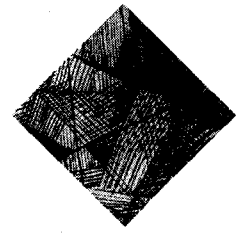
деятельности. Еще до Первой мировой войны он помещал в военных журналах свои статьи, заметки и короткие рассказы.

Издававшаяся в Варшаве газета «За Свободу», созданная Б. В. Савинковым, а затем руководимая Дмитрием Философовым, отозвалась на новую книгу А. И. Деникина следующей фразой: «Если будущие историки, стратеги и политики откажут А. Деникину в признании за ним дарований крупного военного вождя, то литературные критики охотно примут его в лоно безусловно талантливых писателей».

В то время как писались эти обзоры, Антон Иванович уже работал над книгой «Старая армия», появившейся в печати годом позже.

Глава XXXV

НАБЛЮДЕНИЯ СО СТОРОНЫ



Антон Иванович внимательно присматривался к жизни русской эмиграции во Франции. В большинстве своем она состояла из людей интеллигентских профессий. И тем не менее, как он с уважением отметил в ряде писем к знакомым, рядовые эмигранты безропотно, с достоинством, простотой принялись работать в чужой и непривычной обстановке на фабриках, заводах, в шахтах, на парижских такси и так далее. Но его раздражали бывшие политические деятели. Ничему не научившись, они продолжали ссориться между собой, сводить старые политические счеты и вместо объединения образовывали серию враждебных друг другу кружков.

Деникину эта картина раздора была болезненно неприятна. Замкнувшись в себе и в своей писательской деятельности, он продолжал держаться в стороне от «эмигрантской склоки». В стороне держался он и от русского общевоинского союза, образованного генералом Врангелем, а также от великого князя Николая Николаевича.

В 1923 году, когда в правых кругах возникла мысль о том, чтобы великий князь стал во главе Национального движения, Кутепов прислал Деникину письмо, спрашивая его мнения по этому поводу. В неопубликованных бумагах Антона Ивановича имеется следующая запись:

«Я ответил: Николай Николаевич пользуется популярностью. Это — знамя, которое надо хранить на почетном месте. Но если он выступит официально, то ввиду современной международной об-

становки и отсутствия крупных средств и возможностей, ничего серьезного ему сделать не удастся. А годы бездеятельности набросят тень и на популярность, и на авторитет. По этому же вопросу у меня хранится переписка с митрополитом Антонием, который, невзирая на глубокое политическое расхождение, питал всегда ко мне расположение. Я не привел им тогда еще один мотив. Н. Н. в силу традиций своего рождения, воспитания, всей своей жизни мог идти только с определенным кругом сотрудников, который (я не говорю об отдельных личностях, а о круге людей и идей), на мой взгляд, был уже обречен.

И вот «знамя» поднялось. Ринулись к нему «знаменосцы», которые, как древние жрецы, про себя не очень-то верили в своих богов, но при народе воздавали им почести и того же требовали от народа, пока это было для них выгодно...

Через некоторое время в письме Кутепов сообщил мне, что Н.Н., относясь ко мне с большим уважением, хотел бы видеться со мною и поговорить по многим важным вопросам. Я был поставлен в трудное положение. Разговор мог быть об общей политике и деятельности Николая Николаевича, а также об общевоинском союзе, и в частности, о Врангеле. По первому вопросу я мог только сказать, что по совокупности обстоятельств я не верю в положительные результаты миссии, взятой на себя Николаем Николаевичем, вернее, навязанной ему определенными кругами. Но помимо личной обиды Н.Н. такое заявление вносило бы сомнение в его душу, а я придерживался правила — не мешать никому, кто желает бороться за Россию... По второму вопросу, ввиду деликатного своего положения в отношении Врангеля, я не хотел говорить вовсе... Я уклонился от свидания, совершенно искренно объявив Кутепову мотивы. Как было передано Николаю Николаевичу, не знаю. Но сознание, что отказ от свидания мог быть воспринят им как личная обида, тяготил всегда мою совесть, тем более, что к Н.Н. я относился с уважением».[1]

Благодаря своим личным отношениям с генералом Кутеповым, Антон Иванович был в курсе его подпольной работы в России. Кутепов доверительно беседовал с ним о своей деятельности, иногда советовался с ним, и чем больше Деникин узнавал о рабо-

те Кутепова, тем больше она внушала ему опасения. И хотя деятельность Кутепова не имела непосредственного касательства к генералу Деникину, косвенно она сыграла большую роль в его жизни.

Деникин уважал Кутепова как прямого и храброго человека, отличного боевого офицера, но сомневался в его способностях разбираться в сложных вопросах подпольной работы и политической конспирации, к которой у Кутепова не было ни подготовки, ни призвания. Он боялся, что советская тайная полиция сможет успешно использовать старый и испытанный в прошлом способ инфильтрации своими агентами подпольной организации противника.

Однако то, что случилось, превзошло все опасения Деникина. ГПУ удалось не только ввести своих агентов в РОВС и со временем поставить их там на ответственны посты, но оно умудрилось создать легенду и заставить многих эмигрантов и даже иностранные разведывательные отделения (Британскую, Польскую, Французскую «Сюртэ», Финскую, разведки всех прибалтийских стран и Румынии) поверить в то, что в России существует тайная, крепко сплоченная и большая подпольная монархическая организация, члены которой с целью саботажа проникли на видные должности в советские учреждения; что эта организация готовит переворот внутри страны и желает заручиться помощью иностранных держав, представителей русской политической эмиграции и, в первую очередь, помощью Русского общевоинского союза.

Эта мифическая организация монархистов, получившая название «Треста», была изобретением главного управления ГПУ: Дзержинского, Артузова, Пилляра. Они тщательно подобрали себе агентов из бывших представителей старого правящего класса дореволюционной России. Предварительно обработав их в застенках ГПУ и запугав возможностью репрессий против их семей, советская тайная полиция потом поручила им деликатные и сложные задания за границей.

Сорок лет спустя (в середине 60-х годов) в советской печати появились подробные сведения об этой детально продуманной провокации.

Задачи «Треста» сводились к следующему: «перехватить каналы», по которым иностранная разведка и белые эмигранты поддерживают связь с Россией, превратить их «в своего рода окошко», чтобы наблюдать через него за планами своих противников, дезинформировать иностранные разведывательные отделения и, умело маскируясь, проникнуть в глубь лагеря эмигрантов, «подогревать в них недоверие друг к другу, возбуждать взаимные подозрения, вызывать споры». Но в первую очередь, заданием «Треста», было нейтрализировать боевой порыв кутеповской организации, убедив ее руководителей в том, что «террор и диверсия» вредно отзовутся на подпольный организации внутри России.[2]

Действительно, в Москве и в Петрограде в то время существовала подпольная монархическая организация. Носила она название «Монархической организации центральной России» [МОЦР], но была не так уж многочисленна и опасности для советского строя не представляла. Проникнув в нее через своих агентов, ГПУ арестовало самых видных ее членов, одним из которых был А. А. Якушев, но произело эти аресты настолько ловко и тайно, что о них никто ничего не знал. Путем угроз и недвусмысленных давлений ГПУ окончательно подчинило этих людей своей воле. Таким образом, для коммунистов деятельность МОЦРа внутри России проходила как под стеклянным колпаком. Им было известно в мельчайших подробностях все, что обсуждалось и решалось рядовыми членами организации, не подозревавшими подвоха. И если кто-нибудь из них настаивал на активных действиях, как, например, на «экспроприациях» (то есть на налетах на отделения Государственного банка) для пополнения денежных средств, то его неожиданно и быстро ликвидировали. Однако ядро организации ГПУ не трогало по чисто внешним причинам: чтобы быть в курсе его планов и давать ложные сведения представителям иностранных разведок.

«Трест», то есть стоявшее за ним ГПУ, в начале двадцатых годов отправил заграницу сперва Якушева, а после возвращения его домой того же Якушева вместе с генералом старой армии Н. М. Потаповым. С первого дня Октябрьской революции Потапов откровенно переключился на советские рельсы и в дан-

ном случае, по-видимому, добровольно согласился обманывать своих старых знакомых и сослуживцев, оказавшихся в эмиграции.

Сношения между посланцами «Треста» и эмигрантскими конспиративными организациями, а также с иностранными разведывательными отделениями длились в общей сложности почти пять лет, с ноября 1922-го до апреля 1927 года.

Якушев и Потапов путешествовали за границей под чужими фамилиями, заранее хорошо изучив свои роли в иностранном отделе ГПУ. Им придумали правдоподобные объяснения обстоятельств, позволяющих выбираться из России. Их первым заданием было установить связь с кутеповской организацией и с иностранными разведками, чтобы, войдя в доверие, захватить их нити, ведущие в Россию.

По своей прошлой службе в царской России оба посланца «Треста» знали многих видных представителей эмиграции. Потапов и Врангель одновременно состояли в Академии Генерального штаба, поэтому Потапову удалось получить личное свидание с генералом Врангелем. А Якушев не только вел переговоры с Кутеповым, но даже был принят великим князем Николаем Николаевичем.

Эти свидания и переговоры не означали, однако, полного доверия к людям, приехавшим «оттуда». Эмигрантам хотелось верить в существование солидной противосоветской организации в России. И тем не менее многое в Якушеве и Потапове возбуждало подозрение. Настораживала легкость, с которой они выезжали из России и возвращались обратно. Застовляло задуматься то, каким образом они умудрялись, якобы тайком от ГПУ ввозить через советскую границу и возвращать некоторых агентов Кутепова, о которых им заранее давали знать. Наконец, странным казался факт такого длительного и безнаказанного существования внутри России большой подпольной организации.

В начале 1926 года с помощью «Треста» благополучно проехался по России В. В. Шульгин. Тот самый Шульгин, который вместе с Гучковым явился к последнему императору с требованием об отречении. Сила подпольной организации произвела на Шульгина огромное впечатление. Он был уверен в том, что агенты «Треста» охраняли его от всевидящего ока ГПУ и, вернувшись

обратно, по настоянию Якушева, описал свое путешествие в книге «Три столицы», так как побывал в Киеве, Москве, Петрограде.

Дав Шульгину разрешение печатать эту книгу, вернее сказать — посоветовав ему это сделать, ГПУ не учло одного существенного факта: книга не только создавала рекламу «всемогуществу» «Треста», она открывала глаза на то, что «Трест» есть мистификация ГПУ. Это напугало и эмигрантов, и разведывательные отделения иностранных держав, пользовавшихся каналами «Треста».

В сношениях с Потаповым и Якушевым Кутепов не открывал им своих карт. Но, чтобы не возбуждать в них подозрительности, иметь возможность проверять через верных людей на месте их утверждения, и, наконец, использовать «Трест» в целях собственной организации, он все же счет нужным делиться с Якушевым и Потаповым кое-какими невинными, как он думал, сведениями.

Эти сведения, с точки зрения генерала Деникина, были далеко не малозначительными. В неопубликованных бумагах Антона Ивановича имеется следующая запись: «Кутепов знакомил меня в общих чертах с ходом своей работы. По особому доверию он не остерегался называть и фамилии, но я останавливал его — в этом деле такая откровенность недопустима. И хотя я сам ограничивал свою осведомленность, тем не менее из рассказов Александра Павловича [Кутепова] я начал выносить все более и более беспокойное чувство. И однажды я сказал ему прямо:

— Нет у меня веры. На провокацию все похоже.

На это Кутепов ответил:

— Но ведь я ничем не рискую. Я «им» не говорю ничего, слушаю только, что говорят «они».

Впоследствии оказалось, что это не совсем так... Риск был немалый — головами активных исполнителей.

...Окончательно открыли мне глаза на большевистскую провокацию два обстоятельства: книга Шульгина «Три столицы» и эпизод с генералом Монкевицем.

Кутепов, зная мои квартирные затруднения, посоветовал мне переснять квартиру Монкевица в Фонтенебло, где его [Кутепова] семья проводила лето. Пока шла переписка, квартира оказалась уже несвободной. Приехав в Фонтенебло, я снял другой дом. [Это было осенью 1926 года]. Вскоре встретились с генералом

Монкевицем, который жил там с дочкой. Все: платье их, домашний обиход, довольствие — свидетельствовало о большой бедности...

Через несколько дней приходят к нам крайне взволнованные дети генерала Монкевица, дочь и сын, которого я до сих пор не встречал. Они дают мне прочесть записку отца, который пишет, что кончает жизнь самоубийством, запутавшись в денежных делах. А чтобы не обременять семью расходами на похороны, кончает с собой так, что труп его не найдут.

Тогда были только огорчения и жалость. Сомнения явились потом... Дочь Монкевица просила разрешения перенести к нам его секретные дела по кутеповской организации (она знала, что я в курсе этого дела), так как новой хозяйке, к которой они только недавно переехали, денег еще не заплачено и она может арестовать вещи. Да и полиция, узнав о самоубийстве, наверное, вмешается. Я согласился. В несколько очередей перенесли 5 или 6 чемоданов и свалили в нашей столовой. Жена понесла на почту мою телеграмму Кутепову о происшествии и с просьбой немедленно приехать и «взять свои вещи». Только через два дня приехал полковник Зайцов [ближайший помощник Кутепова по конспиративной работе] и в два или три приема увез бумаги. Я через него вторично пригласил Кутепова к себе для беседы.

Дело в том, что, желая припрятать от возможного обыска французской полиции хотя бы наиболее важное, мы с женой целые сутки перебирали бумаги. Кроме общей текущей и не очень интересной переписки в делах находилась и вся переписка с «Трестом» — тайным якобы сообществом в России, возглавляемым Якушевым (имел 3 псевдонима) и работавшим с Кутеповым.

Просмотрев это, я пришел в полный ужас, до того ясна была, в глаза била большевистская провокация. Письма «оттуда» были полны несдержанной лестью по отношению к Кутепову: «Вы и только вы спасете Россию; только Ваше имя пользуется у нас популярностью, которая растет и ширится» и так далее. Про великого князя Николая Николаевича «Трест» говорил сдержанно, даже свысока; про генерала Врангеля — иронически. Описывали, как росло неимоверно число их соучастников, ширилась деятель-

ность «Треста»; в каком-то неназванном пункте состоялся будто тайный съезд членов в несколько сот человек, на котором Кутепов был единогласно избран не то почетным членом, не то почетным председателем... Повторно просили денег и паче всего осведомления.

К сожалению, веря в истинный антибольшевизм «Треста», Кутепов посылал ему периодически осведомления об эмигрантских делах, организациях и их взаимоотношениях довольно подробно и откровенно. Между прочим, в переписке имелся срочный запрос «оттуда»: что означает приезд в Париж на марковский праздник генерала Деникина и связанные с этим чествования? И копия ответа Кутепова, что политического значения этот факт не имеет, что добровольцы приветствовали своего бывшего Главнокомандующего и только. Вообще «Трест» проявлял большое любопытство и, увы, оно очень неосторожно удовлетворялось... Я не могу и сейчас сказать всего, что прочел в этой жуткой переписке... [На рукописи А. И. Деникина не имеется даты, но нет сомнения, что она была написана в самом начале тридцатых годов. *Д.Л.*]

Обнаружился, между прочим, один факт частного характера, свидетельствующий о безграничном доверии Кутепова к «Тресту», но весьма прискорбный для нас».

И тут Антон Иванович описал случай со своим тестем. Отец Ксении Васильевны, Василий Иванович Чиж, остался в России. Жил он в Крыму, занимал маленькую должность на железной дороге. «Никто его пока не трогал — старого и нищего человека, не знали, кто он». У Деникиных возникла мысль перевезти его во Францию, и Антон Иванович попросил Кутепова навести справки через его организацию: возможен ли и сколько будет стоить его переезд, причем оговорил, что можно указать только пункт его жительства и возраст, отнюдь не называя его фамилии и родства с Деникиными.

«Можно себе представить нашу скорбь, — писал генерал, — когда я прочел в кутеповском письме, адресованном «Тресту», что «Деникин просит навести справки, сколько будет стоить вывезти его тестя из Ялты!..»

Вслед за тем сведения о тесте прекратились, и только несколько лет спустя через родственницу, выбравшуюся из России, Деникины узнали дату его смерти. Касаясь этого обстоятельства, Антон Ива-

нович писал: «Когда Кутепов пришел ко мне в Фонтенебло и я горько пенял ему по этому поводу, он ответил:

— Я писал очень надежному человеку.

Поколебать его веру в свою организацию было, по-видимому, невозможно, но на основании шульгинской книги и прочитанной мной переписки с «Трестом», я сказал ему уже не предположительно, а категорически:

— Все-все сплошная провокация.

Кутепов был смущен, но не сдавался. Он уверял меня, что у него есть «линии» и «окна», не связанные между собой и даже не знающие друг друга, и с той линией, по которой водили Шульгина, он уже все порвал».[3]

Чтобы переходить советскую границу, а затем иметь возможность вернуться, надо было установить «окна» с обеих сторон границы. На советской стороне этим занимался «Трест»; с противоположной стороны — представители иностранных разведок. В Финляндии, в прибалтийских государствах и в Польше это дело находилось в руках местных офицеров Генерального штаба, в прошлом служивших в старой русской армии, отлично владевших русским языком и лично знакомых с Кутеповым. С их ведома на их территории у Кутепова бывали свидания с посланцами «Треста». Со слов Кутепова, Антон Иванович записал: «Свидание в Финляндии с Якушевым и другими. Они возили его [Кутепова] на русскую границу «посмотреть хоть издали на родную землю»... Другой раз предложили свидание на русско-польской границе...»

Слушая этот рассказ, Деникин возмущался «трагической наивностью» Кутепова в области конспиративной работы; предупреждал его, что свидания на русской границе устраивались неспроста, а с целью, усыпив сладкими фразами бдительность Кутепова, силой перетащить его на «ту сторону».[4]

К тому времени стало ясно, что щупальцы ГПУ проникли во все подпольные организации внутри России. Не избежали их ни монархисты, ни социалисты-революционеры.

Опытный конспиратор Борис Савинков считал, что у него имеются «там» верные люди. Но эти «верные» люди, подвергшись

пыткам в советских тюрьмах, заманили его в Россию и предали в руки ГПУ. То же случилось с известным агентом британской разведки Сиднеем Рейли, с князем Павлом Долгоруковым и многими другими.

Савинкова большевики решили использовать в целях пропаганды. Суд над ним был первой ласточкой из многочисленной потом стаи судебных инсценировок, где по шаблону обвиняемый каялся в своих политических грехах против советской власти, заявлял, что признал наконец мудрость и справедливость коммунистического строя. Черчилль писал, что Советскому правительству удалось растоптать гордую душу Савинкова, очернить его память и, предварительно опозорив в глазах бывших друзей, связать его имя с клеймом Иуды Искариота.[5]

А в неопубликованных бумагах А. И. Деникина имеется следующая заметка по этому поводу: «В Московском трибунале во время инсценировки суда над ними Савинков высказывал чрезвычайно резкие суждения обо мне и о правительстве Юга России; о том, как он нас поучал, «требовал». Рассказывал также, как вместе с ним возмущался нами Черчилль... У меня было поначалу желание огласить некоторые документы в опровержение его показаний, но потом раздумал: зачем вредить человеку обреченному».[6]

В начале мая 1925 года Савинков покончил жизнь самоубийством в московской тюрьме. Такова, по крайней мере, официальная версия коммунистической печати.

Трудно было ожидать, чтобы конспиративным организациям эмигрантов удалось избежать инфильтрации советских агентов. Одним из первых, на кого пало подозрение, был генерал Монкевиц. В организации Кутепова он ведал сношениями с «Трестом». Тело Монкевица так никогда и не нашли. У многих, в том числе у С. П. Мельгунова, появилась мысль, а потом уверенность, что он бежал в Советскую Россию. Однако, никто не смог это ни доказать, ни опровергнуть.[7]

О других агентах пока еще не знали, но через несколько лет, при заместителе генерала Кутепова, им пришлось сыграть решающую роль в делах РОВСа.

В апреле 1927 года сомнениям А. П. Кутепова пришел конец: главный сотрудник Якушева по делам «Треста», Опперпут (он же — Стауниц, Касаткин и человек, известный под многими другими псевдонимами), бежал из России в Финляндию и разоблачил Якушева, Потапова и всю верхушку «Треста» как послушных агентов ГПУ. Признался, что сам был агентом, но якобы раскаялся. Разоблачение Опперпута произвело ошеломляющее впечатление. В заграничных разведывательных отделениях, в русской эмиграции произошел невероятный переполох. Но это было только началом. Месяцем позже Опперпут, с целью будто бы доказать свое искреннее раскаяние и свой подлинный антикоммунизм, вернулся в Россию, чтобы совершить в Москве террористический акт. Отправился он туда с безусловно верным агентом генерала Кутепова... И оба там исчезли. Некоторое время спустя, советская печать сообщила об их смерти. Однако правда лишь то, что агент Кутепова действительно погиб. Что касается Опперпута, то были серьезные основания предполагать, что он остался жив, и в данном случае он снова выполнял задания ГПУ. Говорили, что ГПУ решило окончательно дискредитировать «Трест» ввиду того, что доверие к нему за границей уже было подорвано, и попутно извлечь для себя пользу, поставив всю деятельность Кутепова под знак вопроса: он, мол, наивно поверил в легенду и миф...

Но у Кутепова были свои «окна» в Россию, которые он держал втайне от агентов «Треста». Чтобы себя реабилитировать, он решил идти напролом.

Вскоре в Советском Союзе и за границей стало известно, что агенты Кутепова бросили бомбу в центральный клуб коммунистической партии в Ленинграде, а спустя некоторое время ими была брошена бомба в главную квартиру ГПУ в Москве на Лубянке...

В апреле 1928 года, в 49 лет, скончался в Брюсселе генерал Врангель. А. П. Кутепов заменил его на посту председателя Общевоинского союза. В январе следующего года умер во Франции великий князь Николай Николаевич. Близко стоявший к нему генерал Лукомский говорил потом Антону Ивановичу, что великий князь «испытывал горькое разочарование во взятой им на себя миссии».[8]

После его смерти генерал Кутепов стал главою всей военной организации русских эмигрантов. Он знал, что за ним по пятам следили советские агенты, но телохранителей он иметь не желал, считая, что не имеет права расходовать на это и без того скромные средства, бывшие в его распоряжении. Тем не менее по настоянию бывших добровольцев (образовавших Союз галлиполийцев в память пребывания армии в Галлиполи после конца белого движения) он согласился пользоваться услугами своих бывших соратников, а теперь парижских шоферов такси, которые, чередуясь, бесплатно возили его по Парижу и окрестностям в течение недели. По воскресеньям он не желал обременять этих людей лишней работой, и это привело к трагическому концу.

Через год газеты всех стран мира (кроме Советского Союза) оповестили своих читателей, что 26 января 1930 года средь бела дня бесследно исчез из Парижа генерал Кутепов.

Ни у кого не было сомнения, что это дело рук большевиков. Французские газеты негодовали. Многие требовали разрыва дипломатических сношений с Москвой.

В воскресение, 26 января, в 10.30 утра, генерал Кутепов вышел из своей парижской квартиры на улице Русселэ, сказав жене, что идет в церковь Галлиполийского союза на улице Мадемуазелль и вернется домой к завтраку, в час дня. Домой он никогда не вернулся.

На основании свидетельских показаний, расследование французской полиции установило с несомненной точностью все этапы похищения генерала Кутепова, вывоза его за пределы Франции и причастность к этому делу советских агентов. Но расследование длилось бесконечно долго, и к моменту, когда оно закончилось, французское правительство предпочло замять его результаты и не рисковать разрывом сношений с Советским Союзом.

Был свидетель, видевший, что утром 26 января на углу улицы Русселэ и Удино стояло два автомобиля: серо-зеленый «Альфа-Ромео» и красное такси «Рено». Рядом с ними находились двое мужчин и человек в форме французского полицейского. Около 11 часов утра на улице появился господин среднего роста с черной,

аккуратно подстриженной бородой, в темном пальто и фетровой шляпе. Тогда, вдруг, один из стоявших мужчин неожиданно схватил его правую руку, другой — левую и, несмотря на сопротивление, они втолкнули его в серо-зеленую машину, куда на сидение рядом с шофером вскочил полицейский, и оба автомобиля понеслись в направлении бульвара Инвалидов. По фотографии свидетель признал в господине с черной бородой генерала Кутепова. Был свидетель, который видел борьбу, происходившую в серо-зеленом автомобиле. Участие «полицейского» в этом деле успокоило обоих свидетелей. Они решили, что просто арестовали какого-то типа. На мосту Альма, где обе машины попали в автомобильный затор, одна дама видела, как в серо-зеленом «Альфа-Ромео» один из пассажиров держал над лицом другого платок а полицейский выскочил с переднего сидения и принялся регулировать уличное движение, чтобы скорее выбраться из образовавшейся на мосту пробки. На ее вопрос, что случилось с господином в автомобиле, «полицейский» ответил, что «несчастному» разбило ноги в автомобильной катастрофе и ему дают дышать эфиром для притупления боли. Оба автомобиля, с «полицейским» в первом из них, видели различные свидетели по дорогам, ведущим к побережью Нормандии. И, наконец, пара влюбленных с интересом и недоумением наблюдала из-за кустов и дюн на пустынном пляже между Кабургом и Трувилль, как около четырех часов дня туда подъехало два автомобиля, один серо-зеленый, другой — красное такси. Вдоль берега в то время маячила моторная лодка, а вдали на якоре стоял какой-то пароход. При виде двух автомобилей моторная лодка быстро направилась к берегу, но вплотную к нему подойти не смогла. Тогда двое мужчин и полицейский с женщиной в бежевом пальто взвалили на плечи и потащили в море большой и длинный предмет, обвернутый мешками, положили его на дно лодки, в которую вслед за этим вскочили двое мужчин, несших таинственный груз. Моторная лодка понеслась к стоявшему на якоре пароходу. Приняв груз и двух пассажиров, пароход снялся с якоря. Пароходом этим оказалось советское судно «Спартак», неожиданно накануне покинувшее Гавр. Оба автомобиля, с псевдополицейским и

женщиной в бежевом пальто, быстро направились обратно, в сторону Парижа.

Следствие установило, что в одном из парижских магазинов, сдающих костюмы напрокат, за некоторое время до похищения Кутепова был взят костюм полицейского. Костюм этот исчез, а фамилия и адрес человека, взявшего его напрокат, оказались фиктивными.

Владимир Бурцев, разоблачивший в свое время провокацию Азефа, энергично набросился на расследование кутеповской истории. Частным образом, без участия полиции, он снесся с неким Фехнером, только что бежавшим от большевиков с поста «резидента ГПУ» в Берлине и скрывавшимся в Германии. Фихнер был в курсе дела. Он сообщил Бурцеву имена четырех лиц, руководивших похищением Кутепова, из которых главными были названы два агента ГПУ, состоявшие при Советском посольстве во Франции: Владимир Янович и Лев Гельфанд, имевший звание второго секретаря посольства, причем на первого из них указывали как на фактического участника похищения, Гельфанда же, как парижского «резидента ГПУ», называли главным руководителем. Оба исчезли из Парижа вслед за похищением Кутепова. Впоследствии их имена всегда связывались с похищением генерала Кутепова как в русской зарубежной печати, так и в печати на иностранных языках.[9]

Яновичу не повезло. Как говорят, его прикончили в конце 30-х годов, во время сталинской чистки.

Жизнь Гельфанда сложилась более удачно. Этот племянник известного Гельфанда-Парвуса, снова всплыл на дипломатическом горизонте, на этот раз в Советском посольстве в Риме, откуда с помощью графа Чиано ему удалось бежать в Америку. Чиано, муж Эдды Муссолини, был тогда министром иностранных дел Италии.

При содействии Чиано и с помощью Американского посольства в Риме Гельфанду с семьей удалось тайком перебраться в Соединенные Штаты. Чтобы отблагодарить американскую разведку за гостеприимство, ему, несомненно, пришлось поделиться с ней кое-какими сведениями. Вряд ли американской разведке пришло в голову расспросить Гельфанда об его участии в похищении генерала Кутепова. Так или иначе, сразу переменив фамилию, он бла-

гополучно занялся коммерцией. Невзирая на то, что ГПУ в то время ловко истребляло своих бывших агентов как предателей, бежавших в стан противника (Вальтер Кривицкий, убитый в Вашингтоне. Игнац Рейсс, убитый в Лозанне, и так далее), Гельфанду под чужой фамилией удалось спокойно прожить много лет в Нью-Йорке, пока он не умер естественной смертью, унеся с собой в могилу то, что мог бы сообщить о парижском преступлении.

О руководящей роли Советского правительства в похищении генерала Кутепова московская печать впервые сообщила в 1965 году. «Красная звезда» поместила заметку генерал-полковника запаса советской авиации Н. Шиманова, который, желая реабилитировать бывшего чекиста С. В. Пузицкого, расстрелянного Сталиным, писал:

«Он [Пузицкий] участвовал не только в поимке бандита Савинкова и в разгроме контрреволюционной монархической организации «Трест», но и блестяще провел операцию по аресту Кутепова и ряда других белогвардейских организаторов и вдохновителей военной интервенции и гражданской войны».[10]

О том, как произошел «арест» Кутепова, мы уже знаем (хотя и не знали раньше о роли в нем Пузицкого), но участь генерала осталась тайной. Известный врач-хирург, профессор И. А. Алексинский, пациентом которого был А. П. Кутепов, утверждал, «что вследствие ранений в грудь во время войны Кутепов не мог выдержать действие наркотиков», следовательно, эфир или хлороформ, которым злоумышленники пытались усыпить его в автомобиле, должен был привести к смертельному исходу, особенно при наличии борьбы, физического напряжения и волнения.[11]

Для А. И. Деникина трагедия Кутепова была большим душевным потрясением: «Чувство глубокой скорби охватило меня, когда получилось тревожное известие об исчезновении Александра Павловича. Сердце чувствовало, что дело непоправимо... Смерть и физические страдания — ничто, в сравнении с ужасами моральных мук человека, попавшего в лапы ГПУ... Если погиб Кутепов, то не на своем месте и не на своем деле... Бурцев уверяет, что он уже мертв. И я так думаю...»[12]

Глава XXXVI

СОВЕТСКИЕ АГЕНТЫ

То, что случилось с Кутеповым, сильно задело Антона Ивановича не только в смысле переживаний и тревоги за участь близкого ему в прошлом боевого соратника. Были и иные причины.

Дело в том, что помимо Кутепова и независимо от его главной деятельности существовала (как признался сам генерал Деникин) «одна интимная противобольшевицкая организация», в которой среди немногих других участвовал и Деникин.[1]

Об этой организации Антон Иванович предпочел не распространяться. Но упоминание С. П. Мельгунова, как одного из участников «заседаний», связывает генерала с «Комитетом Мельгунова», о чем сам Мельгунов много лет спустя, в 1955 году рассказал в серии газетных статей, озаглавленных «Загадки в деле генерала Кутепова». Сведения, сообщенные Мельгуновым о его Комитете, отличались большой осторожностью, но все же они давали представление о том, что работа его, с точки зрения Советского правительства, была далеко не невинна.

«Я не имел никакого отношения к работе кутеповской организации в России, — писал Мельгунов. — Мои связи с Александром Павловичем [Кутеповым] ограничивались получением... информации, которая приходила к Кутепову через дипломатов одного лимитрофного государства, обязательством, принятым на себя Кутеповым, переправлять через рубеж определенное количество экземпляров «Борьбы за Россию» [антикоммунистический журнал, издававшийся в Париже С. П. Мельгуновым] и участием в

Комитете, созданном со специальной целью собирать деньги и распределять их среди организаций, активно участвующих в борьбе с большевизмом. В бюро этого Комитета входили авторитетный для промышленников П. О. Гусаков, генералы А. И. Деникин и А. П. Кутепов, А. П. Марков [ближайший тогда сотрудник Милюкова], М. М. Федоров и я».[2]

Для тех, кто давал деньги на активную борьбу с большевизмом, имена Деникина и Мельгунова являлись гарантией личной честности распределителей денежных средств.

«Интимная организация» имела, однако, более широкие задания, чем те, о которых сообщил Мельгунов. Факт в том, что и Мельгунов, и Деникин проявили себя неплохими конспираторами. Если Антон Иванович и делал по этому поводу заметки в своих личных бумагах, то он предусмотрительно их изъял и уничтожил. Более или менее то же произошло с архивом С. П. Мельгунова. Переданный его вдовой в Лондонскую экономическую школу этот архив, как сообщают люди, изучавшие его, указывает на чрезвычайную осторожность Мельгунова. Тем не менее архив дает представление о весьма значительной деятельности, которая вдруг круто и внезапно оборвалась в 1930 году.

Нет сомнения, что это произошло из-за проникновения советских агентов во все организации русских эмигрантов. История с Кутеповым была тому болезненным примером.

«В 30-ом году, разочаровавшись в эмигрантской политике, — писал Мельгунов, — мы с женой уехали в деревню и сделались «фермерами».[3]

То же произошло и с Антоном Ивановичем.

Его тогдашняя близость с Мельгуновым выразилась в желании поселиться вместе. Осенью 1930 года Деникины переехали на ферму Мельгуновых, находившуюся недалеко от Шартра. Сергей Петрович Мельгунов любезно предложил Антону Ивановичу пользоваться своей обширной исторической библиотекой, и это генерала очень устраивало. Но, как часто бывает, одна кухня оказалась слишком тесной для двух хозяек, да и характер Сергея Петровича, человека благородного и достойного, оказался весьма сварливым и тяжелым в домашней обстановке. Одним словом, весной 1931 года, когда Деникиным представилась возможность переехать

в другое место, расставание вызвало вздох облегчения с обеих сторон, не затронув, однако, взаимного друг к другу уважения.

В период своего сотрудничества с Мельгуновым Антон Иванович время от времени помещал статьи в мельгуновской «Борьбе за Россию». Через кутеповскую организацию этот «орган специального назначения» (как его называл Деникин) переправлялся подпольным способом в Россию. В начале 1928 года Антон Иванович получил окружным путем письмо без подписи от одного из своих прежних сослуживцев по старой армии. Оставшись в России, поступив в Красную армию во время гражданской войны и продолжая служить в ней «военным специалистом», этот человек случайно прочел в одном из номеров нелегальной «Борьбы за Россию» статью генерала Деникина. Заинтересовавшись признаками перемены в настроении Деникина по отношению к Красной армии, он решил «побеседовать» с Антоном Ивановичем и ознакомить его с настроением старых офицеров, перешедших на службу к большевикам.

Удалив из текста то, что могло бы изобличить личность человека, писавшего ему, генерал Деникин поместил в очередном номере «Борьбы за Россию» письмо «оттуда» и свой ответ «туда». Он объяснил, что прибегает к такому способу переписки «ввиду интереса, который представляют затронутые вопросы», а также потому, «что страницы журнала, который, как видно, попадает к Вам в руки, единственное средство для ответа — верное и безопасное».

Вопросы, затронутые в обмене письмами, действительно имели тогда интерес для участников гражданской войны как с той, так и с другой стороны. Но много лет спустя они утратили свою злободневность. Существенно то, что в ответе Деникина явственно чувствовалась примирительная нота. На вопрос своего корреспондента «оттуда», исполняет ли он свой долг перед Россией, трудясь над техническим укреплением Красной армии, генерал Деникин категорически ответил: «Да, теперь — это ваш прямой долг». Однако свой ответ он дал со следующей оговоркой: укрепив и сохранив армию, обязанность офицеров — свергнуть коммунистическую власть. «Перед Красной армией, — писал он, — стоит задача исключительного исторического значения. Своим выступлением против ненавистной всем власти она могла бы одним ударом покон-

чить с нею, разрушив вместе с тем стену, воздвигнутую между нами гражданской войной».[4]

Переписка «оттуда и туда» была встречена с интересом и одобрением умеренной и «левой» эмигрантской печатью. Правая же печать и консервативные круги, именно те, которые близко общались с представителями «Треста», обрушились на Антона Ивановича за «позорное братание» с офицером из вражеского лагеря.

Как ни странно, ни генералу Деникину, ни его критикам не пришла в голову мысль, что, быть может, журнал «Борьба за Россию» не доходил до конспиративных элементов внутри страны, а попросту передавался в ГПУ советскими агентами, захватившими в свои руки все нити, ведущие в Россию. И что в таком случае таинственный корреспондент «оттуда» мог писать бывшему вождю Белого движения не по собственной инициативе, с целью «побеседовать», а под давлением тех, кто хотел вызвать разногласия и споры в кругах военной эмиграции.

Эти соображения остаются в области догадок, но паутина советского шпионажа, окутавшая в тот период русскую эмиграцию в Париже, не исключает такой возможности.

После похищения Кутепова, люди, близкие к генералу Деникину, выражали тревогу за его личную безопасность. Он слишком много знал, его участие в «интимной организации» Мельгунова не могло быть тайной от большевиков, следивших за каждым шагом Кутепова, который тоже посещал заседания мельгуновского комитета. Кроме того, само имя Деникина мозолило глаза советской власти. Это сильно беспокоило Н. И. Астрова, и в ответ на его вопрос Антон Иванович писал: «Что касается безопасности,.. то она везде под сомнением. Бог не выдаст...»[5]

И надежда на провидение на этот раз вполне оправдалась, так как только случай уберег генерала Деникина, никогда не принимавшего мер предосторожности, от участи постигшей Кутепова, а потом и его преемника на посту возглавителя РОВСа.

Как мы знаем, генерал Кутепов держал Антона Ивановича в курсе дел РОВСа. После исчезновения Кутепова связь Деникина с этой организацией оборвалась.

«Мое положение в отношении Общевоинского союза довольно деликатное, — писал он в апреле 1930 года одному из близких знакомых. — Вообще самый факт моего существования, в потенции, нервирует возглавителей его, в особенности это было с покойным бароном [Врангелем], и всякие проявления добрых чувств ко мне Добровольцев вызывали опасения... Чтобы не создавать затруднений «власти» и не подрывать бытие Союза, я не только воздерживаюсь от критики, но и, вопреки своим симпатиям, ограничивал до минимума свои сношения с военными организациями. До такой степени, что там стали поговаривать: «генерал отошел от нас, не интересуется нами!»...[6]

Преемник А. П. Кутепова — генерал Евгений Карлович Миллер, в прошлом возглавлявший Белое движение на Севере России, до своего вступления на новый пост занимал должность «первого товарища председателя и казначея» Общевоинского Союза. Он был тактичным, мягким и осторожным человеком консервативных взглядов, хорошо образованным офицеров Генерального штаба. Военная служба его прошла в административно-штабной работе, вдали от строя. Для большинства членов РОВСа, участвовавших в гражданской войне на Юге России, он был совершенно чужим человеком. Они относились к нему скептически, и это осложняло и без того чрезвычайно запутанную обстановку в Общевоинском союзе, потрясенном до своих основ несчастием с генералом Кутеповым. Миллер принял наследие Кутепова против собственного желания, по чувству долга, как старший из его помощников. Ближайшей целью было сохранить организацию, не дать ей развалиться. Приходилось действовать очень осторожно...

Антон Иванович познакомился с генералом Миллером только в Париже, и отношения между ними ограничивались обменом случайными незначительными фразами и встречами на собраниях.

Одним из таких официальных сборищ было празднование в 1937 году двадцатилетия Корниловского полка. Этот юбилей явился большим событием для русской эмиграции, служившей в белых армиях, где имя генерала Лавра Георгиевича Корнилова, шефа полка, глубоко чтилось участниками Белого движения. Решено было отметить событие двумя богослужениями: всенощной и панихидой в субботу вечером 18 сентября в церкви галлиполийцев,

молебном с выносом знамен после литургии в воскресенье утром 19-го в Александро-Невском Соборе в Париже, чтобы, помолившись сперва о вечном покое бывших товарищей-однополчан, павших в борьбе с большевизмом, затем помолиться о здравии и многолетии оставшихся в живых. На эти дни назначены были также юбилейное собрание, посвященное знаменательной годовщине, и многолюдный банкет в Обществе галлиполийцев, на который почетным гостем был приглашен генерал Деникин.

Лето 1937 года он провел в местечке Мимизан (департамент Ланды) вблизи Атлантического океана. Семья его еще оставалась там, наслаждаясь теплой осенью на океанском побережье. Приехав в Париж на корниловские торжества, Антон Иванович собирался пробыть в городе всего несколько дней, кстати привести в порядок свою квартиру после летнего отсутствия, а затем вернуться в Мимизан, чтобы перевезти жену и дочь на зимний сезон обратно в город.

Организатором корниловского празднества был Николай Владимирович Скоблин. Ему было тогда 45 лет. Небольшого роста, худой, хорошо сложенный, с правильными, даже красивыми чертами лица, черными, коротко подстриженными усами, он производил бы вполне приятное впечатление, если бы не маленькая, но характерная подробность: Скоблин не смотрел в глаза своему собеседнику. Глаза его всегда скользили по сторонам.... Вступив в Добровольческую армию в чине штабс-капитана, Скоблин проделал все ее походы и закончил боевую службу при Деникине начальником корниловской дивизии, а в 1920 году, при Врангеле, произведен был в генерал-майоры. Человек большой личной храбрости, Скоблин имел военные заслуги и в то же время значительные недостатки. Он был полезен в боевом отношении и опасен для репутации армии холодно-жестоким методом обращения с пленными и с населением. Честолюбие, желание скорее выдвинуться и преуспеть заслоняли в нем идеологическую сторону борьбы. В полку его недолюбливали, осуждали за карьеризм и неразборчивость в средствах. По тем же причинам к нему прохладно относилось непосредственное начальство, которым был тогда командир 1-го корпуса Добровольческой армии генерал Кутепов. Но в те суровые дни и однополчанам, и начальству

приходилось прежде всего считаться с воинской смекалкой Скоблина, закрывая глаза на его недочеты. По инерции это отношение к Скоблину сохранилось и после конца гражданской войны. В памяти его бывших соратников, попавших в эмиграцию, сгладилось неприятное, на первый план выдвинулось воспоминание о молодом и храбром офицере. Тем не менее время от времени всплывали на поверхность и теневые стороны этого человека, ставя под знак вопроса его моральный облик.

Скоблин был женат на Надежде Васильевне Плевицкой.[7] Дочь крестьян Курской губернии, она еще девочкой убежала из родной деревни с труппой бродячего цирка. Вскоре обнаружился ее незаурядный голос и большие артистические способности. Через несколько лет они принесли ей славу, деньги и почетное звание «солистки Его Величества». Имя Плевицкой, как талантливой исполнительницы народных песен, стало известно по всей России. Во время гражданской войны она осталась в советской зоне, ездила по линии Красного фронта против Деникина и выступала со своими песнями перед советскими войсками, где офицером тогда служил ее второй муж. Вместе с ним осенью 1919 года она была захвачена в плен корниловской дивизией, которой командовал Скоблин. В 1921 году в Галлиполи Плевицкая стала его женой. На семь лет моложе Плевицкой, Скоблин, третий муж, всецело подпал под влияние жены. Необразованная и малограмотная, она была чрезвычайно умна и обладала свойством талантливой актрисы, которое давало ей возможность, при желании, перевоплощаться то в беспомощную, слабую, простую, доверчивую и добрую женщину, то в существо твердое, как кремень. Тогда человеческое чувство жалости и сострадания отбрасывалось в сторону, а доминировал холодный расчет. К сожалению это свойство ее характера обнаружилось лишь тогда, когда цель, ею намеченная, была почти достигнута. Только благодаря чистой случайности была раскрыта руководящая роль Плевицкой и Скоблина в преступлении, нашумевшем на всю Европу.

Не в пример другим бывшим добровольцам, Скоблин не утруждал себя работой. Под видом агента и счетовода своей жены, он разъезжал с ней по разным странам, в которых устраивались

концерты Плевицкой. В начале 20-х годов она еще пользовалась большим успехом, особенно во вновь образованных Прибалтийских государствах, где население знало русский язык, а память о ее прошлых успехах была еще свежа. В 1927 году она с мужем приехала в турне по Соединенным Штатам, и на русском благотворительном вечере в нью-йоркском отеле «Плаза» Сергей Васильевич Рахманинов, большой поклонник ее таланта, неожиданно для всех сел за рояль в скромной роли ее аккомпаниатора. Жест Рахманинова создал Плевицкой большую рекламу в Америке. Но в конце 20-х годов в русской колонии Парижа стало известно, что концертные дела Плевицкой плохи, в финансовом отношении для супругов Скоблиных настали тяжелые дни. И вдруг все переменилось. Неизвестно откуда появились деньги. Скоблины купили себе хороший двухэтажный дом в Озуар ла Ферьер, недалеко от Парижа. Купили автомобиль. Еженедельно на несколько дней останавливались в одной из парижских гостиниц. Начали упорно культивировать знакомства в среде близкой к Общевоинскому союзу и к Союзу галлиполийцев. Неожиданное и непонятное денежное благополучие Скоблиных возбуждало подозрения, особенно в момент грандиозной экономической депрессии, охватившей Америку, Западную Европу и коснувшейся многих бывших сослуживцев Скоблина. Но Скоблины широко угощали нужных им людей, и это притупляло излишнее любопытство и сплетни. Немного странным казалось лишь то, о чем говорил своим гостям хлебосольный хозяин, а именно, что Миллер ничего не делает, боится собственной тени, что старого штабного генерала пора заменить молодым, боевым и энергичным офицером. Не слишком субтильная интрига Скоблина вполне ясно вскрывала его личное намерение пробраться в верхушку Общевоинского союза.

И как ни странно, генерал Миллер, имевший немало оснований остерегаться Скоблина, избрал его на очень ответственный пост. В РОВСе была тайная организация, носившая название «Внутренней линии». С одной стороны, она занималась слежкой за собственными членами и эмигрантами, подозрительными по симпатиям к советской власти. С другой — подбором надежных сотрудников для «Внешней линии», то есть для работы внутри

СССР. В 1935 году генерал Миллер поставил Скоблина во главе «Внутренней линии»... Но вскоре из пограничных с Россией государств посыпались тревожные сигналы. Военная разведка Финляндии дала знать Миллеру через представителя РОВСа в Гельсингфорсе, что она подозревает Скоблина в сношениях с большевиками. В русской колонии Парижа начали циркулировать слухи о связи Скоблина с советской агентурой. Обвинения против него разбирались Судом чести, состоявшим из старших генералов, но за отсутствием доказательств в виновности Скоблин был реабилитирован. Тем не менее в конце 1936 года он был отстранен Миллером от работы во «Внутренней линии». Еще до тревожных слухов и сведений из Финляндии в руках генерала имелись и другие вполне обоснованные данные которые могли убедить его в моральной и политической неблагонадежности Скоблина. Факт в том, что Миллер не верил Скоблину, и это выяснилось с оглушительной неожиданностью через несколько дней после корниловского празднества. Но таинственные причины, побуждавшие осторожного генерала Миллера не порывать со Скоблиным, остались неизвестны.

При таких запутанных обстоятельствах наступили корниловские торжества, хозяином которых был старший по чину корниловец, генерал-майор Николай Владимирович Скоблин.

Журнал «Часовой», «орган связи Русского воинства и национального движения за рубежом», издававшийся в Брюсселе, касаясь намеченной программы юбилея, сообщал, что «в следующем номере «Часового» будет отмечено это знаменательное событие».

Но следующий номер вышел с заголовком: «Злодейское похищение генерала Миллера!...»[8]

На торжественном заседании галиполлийского собрания в центре председательского стола сидел Скоблин; справа от него генерал Деникин, слева — генерал Миллер.

Антон Иванович уже давно относился отрицательно к Скоблину, не любил его, не доверял ему, но, будучи в стороне от дел РОВСа, не знал всего того, что было известно генералу Миллеру. Приехав в Париж, чтобы почтить память генерала Корнилова, он в

этот день твердо решил не проявлять личную неприязнь к Скоблину. Деникин искренне радовался предстоящей встрече со многими «первопроходниками», которые вместе с ним, Корниловым и Алексеевым в темную ночь с 9-го на 10 февраля 1918 года уходили из Ростова в неизвестность, в холодную снежную степь, чтобы зажечь хотя бы одну светлую точку среди охватившей Россию тьмы... Радовался он и встрече с дочерью генерала Корнилова, Натальей Лавровной Шапрон дю Ларре. Как и Деникин, Шапроны специально приехали в Париж на это празднество. Жили они в Брюсселе, и на Парижском вокзале «Гар дю Нор» их с почетом и цветами встретил устроитель корниловского юбилея Н. В. Скоблин и жена его, Плевицкая.

Празднование 20-летия Корниловского полка прошло в дружной атмосфере воспоминаний и соответствующих случаю речей. Фактически официальная часть торжества закончилась в воскресенье, 19 сентября. Но некоторые из почетных иногородних гостей задержались с отъездом из Парижа на несколько дней. Шапроны возвращались в Бельгию в среду, 22 сентября, и этот день, по особой причине, генерал Скоблин избрал для того, чтобы лично проводить их на поезд, а затем сделать серию визитов старшим начальникам, поблагодарить их за участие в празднике.

Все расписание дня было тщательно продумано и разработано Скоблиным не только по часам, но и по минутам. В этот день не могло быть просчетов и осечек: каждое его движение (кроме одного) должно было быть на виду целого ряда лиц, которые в случае надобности могли потом подтвердить, что на протяжении всего дня они его видели. Скоблину надо было заполучить алиби, чтобы замести следы своего отсутствия в нужные ему для «дела» полтора часа и, таким образом, скрыть причастность к задуманному им преступлению.

Утром, вскоре после 9 часов, 22 сентября генерал Миллер, как обычно, вышел из своей скромной квартиры в Булони и направился в канцелярию РОВСа. В руках он держал темно-коричневый портфель. Около 12 часов дня ушел из канцелярии, предварительно сказав одному из своих помощников, генералу П. В. Кусонскому, что у него деловое свидание в городе, после которого он вернет-

ся обратно. Перед уходом, однако, дал Кусонскому неожиданное указание. Передав ему запечатанный конверт, генерал Миллер просил вскрыть конверт и прочесть вложенную в него записку в случае, если бы он не вернулся.

Записка была следующего содержания: «У меня сегодня встреча в половине первого с генералом Скоблиным на углу улицы Жасмен и улицы Раффэ, и он должен пойти со мною на свидание с одним немецким офицером, военным атташе при лимитрофных государствах Штроманом, и с господином Вернером, причисленном к здешнему посольству. Оба они хорошо говорят по-русски. Свидание устроено по инициативе Скоблина. Может быть, это ловушка, и на всякий случай я оставляю эту записку».

Под письмом стояла подпись и дата.

С этого свидания генерал Миллер никогда не вернулся...

По оплошности Кусонского, забывшего о письме, конверт был вскрыт только около 11 часов ночи, после того, как взволнованная отсутствием мужа жена генерала Миллера добилась наконец от служащих РОВСа, разъехавшихся по домам, чтобы они дали знать полиции.

Записка Е. К. Миллера ошеломила Кусонского и адмирала Кедрова, заместителя генерала Миллера в Общевоинском союзе. Ночной вызов настолько встревожил жену адмирала, что она тоже приехала в канцелярию. Туда же явился один из надежных офицеров организации, которого потом послали в гостиницу за Скоблиным, не сообщив ему, однако, о записке, оставленной Миллером. И это тоже оказалось большой оплошностью. Было около часу ночи. Скоблин и Плевицкая уже легли спать. Скоблин вполне спокойно принял известие об исчезновении генерала Миллера, оделся и налегке, без шляпы, с летним пальто, перекинутым через руку, отправился на рю дю Клизе в такси вместе с присланным за ним офицером. Не торопясь поднялся по лестнице в канцелярию РОВСа, оставив позади, в прихожей, приехавшего с ним офицера и жену адмирала Кедрова.

В канцелярии на него набросились с вопросами взволнованные Кусонский и Кедров. Не подозревая о существовании изобличающего его документа, Скоблин без тени волнения отвечал, что не

видел генерала Миллера с прошлого воскресенья. Но, когда ему предъявили записку генерала, он сразу изменился в лице и на мгновение потерял самообладание. Однако, поборов смятение, продолжал настаивать, что Миллера не видел, что в 12.30 дня с женой обедал в русском ресторане и что это могут подтвердить свидетели. Тогда адмирал Кедров потребовал, чтобы Скоблин и присутствующие отправились в полицию. Перед уходом Кусонский и Кедров решили обменяться мнениями. Оставив их вдвоем, Скоблин воспользовался этой минутной заминкой. Он вышел из канцелярии, прошел мимо жены Кедрова и посланного за ним офицера (который все еще не знал о записке Миллера) и первым вышел на лестницу. Когда Кусонский и Кедров появились, Скоблин исчез. Его не было ни на лестнице, ни на улице...

Этой ночью его видели только в двух местах. Около четырех часов утра он появился в гараже на углу бульвара де Пресбург и Порт дэ Тэрн, где работал муж его сестры.[9] Не застав его там, Скоблин ушел. Ночной сторож гаража, говоривший с ним, сообщил потом полиции, что Скоблин был бледен и растрепан. Минут через пятнадцать он разбудил в Нейи жену бывшего корниловского офицера, с жадностью выпил у нее стакан воды, занял 200 франков, сказав, что потерял свой бумажник и остался без копейки денег. Пообещав вернуть долг на следующий же день, Скоблин ушел. С этого момента след его навсегда был потерян.

Загадочное исчезновение генерала Миллера вызвало такую же сенсацию в печати, как и исчезновение генерала Кутепова. Оно взбудоражило весь Париж.

По распоряжению французских властей было установлено наблюдение на всех железнодорожных вокзалах, во всех морских портах и на пограничных станциях. Туда же сообщили описание наружности Скоблина с приказанием задержать. Но, не по вине французской полиции, время было упущено. Тем не менее на основании свидетельских показаний французское расследование в точности восстановило события 22 сентября 1937 года и их хронологию. В общих чертах они были повторением того, что случилось с Кутеповым.

Следствие выяснило, что место, назначенное Скоблиным для сведения Миллеру, являлось районом, где Советское посольство в

Париже владело несколькими домами и, кроме того, нанимало дома для своих агентов и сотрудников различных советских миссий. В одном квартале от перекрестка, где рю Жасмен пересекает рю Раффэ, был особняк на бульваре Монтморанси. Там находилась школа для детей служащих Советского посольства. Она была закрыта на время летних каникул. Из окна одного из соседних домов свидетель, знавший и Миллера, и Скоблина, видел их у входа в это пустое школьное здание. Жестом руки Скоблин как бы приглашал Миллера идти туда. С ними был еще один человек, крепкого сложения, но он стоял спиной к свидетелю. Это происходило около 12.50 часов дня. Минут на десять позже перед входом в пустую «советскую школу» появился закрытый грузовой автомобиль «Форд» серого цвета. Тот же «Форд» с дипломатическим номером был замечен около четырех часов пополудни в Гавре. Он остановился на пристани рядом с советским торговым пароходом «Мария Ульянова». Автомобиль был пыльный и грязный, с многочисленными пятнами и брызгами от насекомых, разбившихся о переднее стекло во время быстрого хода машины. В будний день путешествие на автомобиле из Парижа в Гавр (расстояние в 203 километра) можно было без труда проделать в три часа. Из автомобиля выгрузили тяжелый на вид деревянный ящик длиной приблизительно в 6, а шириной — в 2,5 фута и сразу же с помощью четырех советских матросов, осторожно и бережно перенесли по трапу на пароход. Вскоре «Мария Ульянова» неожиданно для портовых властей и без обычного предупреждения, развела пары, снялась с якоря и вышла в открытое море, не успев даже закончить разгрузку овчины, привезенной во Францию по заказу одной фирмы в городе Бордо.

Портовый инспектор, бывший по делам у капитана «Марии Ульяновой», сообщил потом полиции, что во время их разговора к капитану спешно вошел какой-то человек, что-то сказал ему по-русски, после чего взволнованный капитан сразу прекратил разговор, сказав, что получил радиограмму, требующую его немедленного возвращения в Ленинград. Инспектор обратил внимание на то, что подобные требования обычно направляются агенту пароходного общества, а не непосредственно капитану. Сходя с парохода, он видел стоявший рядом «Форд», которого за 25 минут до этого

там еще не было. Он тоже видел, как грузили большой деревянный ящик. Кроме того свидетелями были два или три таможенных чиновника и портовые грузчики, недовольные тем, что их лишили заработка, не дав возможности перенести этот ящик.

Благодаря дипломатическим номерам выяснилось, что «Форд» был куплен Советским посольством за месяц до исчезновения генерала Миллера.

На следующий вечер Эдуард Даладье, бывший тогда министром национальной обороны Французского правительства, вызвал к себе советского посла. Указав ему на серьезные улики и на газетный шум, создавшийся вокруг похищения генерала Миллера, он предложил послу потребовать, чтобы пароход «Мария Ульянова» немедленно вернулся во Францию. Но советский посол принял меры предосторожности. При содействии некоторых членов французского кабинета (Ориоля и Дармуа), боявшихся грандиозного политического скандала в момент обострения отношений с Германией, он добился того, что просьба Даладье была отменена. А членам кабинета Ориолю (будущему президенту Франции, а тогда министру юстиции) и Марксу Дармуа (министру внутренних дел) удалось приглушить на время реакцию на показания французских чиновников в Гавре.

Таким образом, под давлением политических соображений, официальная версия расследования, обойдя молчанием участие Советского посольства в преступлении, выставляла Скоблина непосредственным виновником похищения. В его расписании на тот злополучный день (при тщательном разборе дела, при опросе многочисленных свидетелей) оказался необъяснимый разрыв в полтора часа, как раз в то время, когда Миллер должен был встретиться со Скоблиным. Бегство Скоблина также являлось явным признаком его виновности.

Со временем выяснилось, что Скоблин состоял советским агентом с конца двадцатых годов и, кроме того был связан с немецким гестапо.

Обыск в доме Скоблиных и дальнейшее расследование дела установили с несомненностью причастность Плевицкой к преступлению. Причем, неожиданно для всех, «семейная» библия в зеленом переплете оказалась ключом для шифрованный переписки.

Во время судебного процесса Плевицкой среди многих других в суд для допроса был вызван и бывший поверенный в делах Советского посольства в Париже, Г. З. Беседовский, бежавший от большевиков в 1929 году. Под присягой он сообщил, что в свое время известный уже нам парижский агент ГПУ Владимир Янович говорил ему, что у него имеется свой «человечек» возле самого Кутепова, который хорошо освещает его деятельность, и что человечек этот «женат на певице».[10] Но многие свидетельства связывали Скоблина и Плевицкую с советской агентурой в то время, когда во главе РОВСа стоял еще генерал Кутепов. Только теперь обратили внимание на странное обстоятельство: никогда не находясь в близких отношениях с женой генерала Кутепова, Плевицкая неотлучно была сней рядом в течение первых нескольких дней после исчезновения генерала. Под видом глубокого сочувствия к горю госпожи Кутеповой, она, по-видимому, следила за всеми сведениями поступавшими от полиции о ходе расследования кутеповского дела.

В среду, 22 сентября, около двух часов дня (то есть уже после похищения генерала Миллера) на перроне станции Гар дю Нор столпилось много бывших добровольцев, чтобы проводить уезжавших в Брюссель Шапронов дю Ларре. Плевицкая и Скоблин появились там порознь; причем Скоблин не сдержал слова, данного одному из своих однополчан, привезти его на станцию на своей машине. Запыхавшийся и недовольный, этот однополчанин, капитан Григуль, приехал на такси за несколько минут до отхода поезда и слышал как, прощаясь с Шапроном, Скоблин обратился к тому с просьбой: он уже давно подал прошение о визе в Бельгию, но до сих пор не получил ответа из Бельгийского консульства. В виду предстоявшего в Брюсселе банкета корниловцев, Скоблин просил генерала Шапрона похлопотать, чтобы виза была ему поскорее выдана.

После отъезда Шапронов Скоблин предложил капитану Григулю и другому однополчанину, полковнику Трошину, вместе поехать с визитами к генералам Деникину и Миллеру и официально поблагодарить их за участие в корниловском празднестве.

У генерала Деникина Скоблин принялся настойчиво уговаривать Антона Ивановича на следующий день отправиться вместе с ним на автомобиле в Брюссель, чтобы и там присутствовать на банкете местных корниловцев.

«Поезжайте со мной, Ваше Высокопревосходительство, — говорил Скоблин. — Я повезу Вас в моей машине. Если хотите, можно выехать завтра, в четверг».[11]

Капитан Григуль с изумлением слушал Скоблина: как мог он говорить о поездке в Бельгию, когда только что жаловался Шапрону на отсутствие бельгийской визы?..

Хмуро глядя на Скоблина, Антон Иванович сухо отказался от предложения. Назойливость Скоблина на этот раз показалась ему подозрительной. Скоблин отлично знал, что бывший Главнокомандующий к нему не расположен, что в течение десяти лет он избегал с ним разговаривать. И тем не менее вот уже три дня подряд Скоблин упорно, под разными предлогами пытался навязать себя в шоферы к генералу Деникину: сперва он приехал на квартиру генерала в Севр. Поблагодарив Деникина за то что он почтил своим присутствием корниловский юбилей, Скоблин тут же предложил в виде ответной любезности в тот же день лично отвезти Антона Ивановича на автомобиле к семье в Мимизан. Просьба была выражена в почтительной, но настойчивой форме. Во время разговора неожиданно для Скоблина в квартиру вошел один верный Деникину казак, человек рослый, сильный и широкоплечий, с которым Антон Иванович заранее сговорился, чтобы тот натер полы и привел помещение в порядок. На этом разговор оборвался. Получив отказ генерала, Скоблин откланялся и ушел. Из окна своей квартиры Антон Иванович заметил, что в машине Скоблина находилось два совершенно незнакомых ему субъекта...[12] Затем последовало второе предложение: доставить генерала на автомобиле, сообразно с его желанием, или обратно к семье в Мимизан, или в Бельгию на местный корниловский банкет. И, наконец, третье предложение, сделанное в присутствии полковника Трошина и капитана Григуля, — отвезти его на следующий день, 23 сентября, в Брюссель.

Только 24 сентября, узнав из газет о том, что предчуствовало бегству Скоблина и о самом бегстве Антон Иванович понял, насколько сам был близок к участи генерала Миллера, ибо неизвестно чем кончился бы первый визит к нему Скоблина со странными субъектами, сидевшими в его автомобиле, если бы не счастливая случайность: приход казака-полотера. А в том, что Скоблин замышлял недоброе против него, теперь не могло быть сомнения. Вопрос был только — почему? Почему Советское правительство готово было идти на огромный риск с похищением человека, фактически стоявшего в стороне от активной борьбы с ним?

В своих бумагах Антон Иванович никак не обмолвился по этому поводу. Не пожелал он также беседовать на эту тему с осаждавшими его газетными корреспондентами, которые сухо отметили это обстоятельство заметкой: «Генерал Деникин никого не принимает». Причин могло быть несколько. Несмотря на все изгибы судьбы, имя генерала Деникина пользовалось большим уважением в широких кругах эмиграции. К его мнению прислушивались, а его голос в отношении к коммунизму оставался непримиримым. Захват такого грозного противника, да еще с фамилией «Деникин», в принципе соответствовал желаниям советской власти. Похищение Деникина одновременно с похищением Миллера внесло бы невероятное смятение в ряды противобольшевистской эмиграции. У нее неизбежно явилось бы чувство, что Москва и за пределами СССР распоряжается судьбой своих политических противников, как у себя дома. Но, возможно, имелась и еще одна причина: Деникин уже давно скептически относился к Скоблину, и после исчезновения генерала Миллера он не допустил бы, чтобы в Общевоинском союзе Скоблин продвинулся на руководящие роли. Сам Антон Иванович и не думал вовлекаться в дела РОВСа, но с его авторитетом там считались. Он был преградой, о которую могли разбиться дальнейшие честолюбивые замыслы советского агента и провокатора Скоблина, уверенного в том, что его преступление останется тайной. Кроме того, Деникин очень многое знал. Правда, о подпольной деятельности РОВСа он знал только от Кутепова. Но в этой области даже сведения семилетней давности представляли ценность для органов советской контрразведки.

Но мысли о том, что с ним лично могло случиться, меркли перед тем, что произошло... В душе кипело невыразимо гадливое чувство отвращения к подлости человека, павшего в бездну Иуды Искариота, Азефа и других предателей, продавших свою совесть за тридцать сребренников. И уже совершенно тошнотворным казался визит Скоблина на квартиру к генералу Миллеру, только что им выданному большевикам, с сожалениями, что он не застал самого генерала, и с любезными фразами благодарности к его супруге, ничего еще не подозревавшей о постигшем ее несчастии...

До суда Плевицкая провела 14,5 месяцев в предварительном заключении в женской тюрьме «Петит Рокетт». Судебный процесс над ней, привлекший внимание всей Франции, начался 5 декабря 1938 года и длился до 14 декабря включительно. Одним из двух ее адвокатов был Максимилиан Максимилианович Филоненко, тот самый, который в августе 1917 года, будучи комиссаром Временного правительства при Ставке Верховного Главнокомандующего в Могилеве и принимая участие в «корниловском мятеже», заявил потом в беседе с журналистами:

— Я люблю и уважаю генерала Корнилова,.. но его нужно расстрелять, и я сниму шляпу перед его могилой...

После захвата власти большевиками Филоненко перебрался в Париж и получил право адвокатской практики во Франции.

Представителями гражданского иска, то есть адвокатами семьи генерала Миллера, были известный адвокат Морис Рибэ и А. Н. Стрельников, в прошлом офицер Белой армии, получивший, как и Филоненко, право адвокатской практики.

Генерал Деникин был вызван в суд, чтобы дать свидетельское показание. Его допрос был подробно описан 10 декабря 1938 года в парижской газете «Последние новости», выходившей под редакцией профессора П. Н. Милюкова: «Появление генерала А. И. Деникина вызывает сенсацию. С любопытством поднимаются головы, чтобы разглядеть бывшего Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. Генерал медленной поступью проходит через зал и занимает свидетельское место. Свое показание он дает по-русски, через переводчика, короткими и точными фразами. Достоинство, с которым он

держится, прямота и ясность ответов производит большое впечатление на суд.

На обычный вопрос о том, состоит ли свидетель в родстве или свойстве с обвиняемой, генерал А. И. Деникин отвечает:

— Бог спас!

О похищении генерала Кутепова и генерала Миллера свидетель знает «не больше других».

Председатель. Знали ли вы Скоблина?

Генерал Деникин. Знал. Скоблин с первых дней участвовал в Добровольческой армии, которой я командовал.

— Знали ли вы его в Париже?

— Встречался в военных собраниях, но никогда не разговаривал и не здоровался.

— Знали ли вы Плевицкую?

— Никогда не был знаком, не посещал ее дома, не разговаривал, ни на одном концерте ее не был. За несколько дней до похищения генерала Миллера Скоблин познакомил меня с ней на корниловском банкете.

Прокурор Флаш. Скоблин был у вас с визитом 22 сентября?

Генерал Деникин. Скоблин, капитан Григуль и полковник Трошин приехали благодарить меня за участие в корниловском банкете. В то время генерал Миллер был уже похищен.

— Не предлагал ли вам Скоблин совершить в его автомобиле путешествие в Брюссель, на корниловский праздник?

— Предлагал раньше два раза совершить поездку в его автомобиле, то было третье предложение.

— Почему вы отказались?

— Я всегда,.. вернее, с 1927 года подозревал его в большевизанстве.

— Вы его опасались или ее?

— Обоим не доверял.

Морис Рибэ напоминает суду, что генерал А. И. Деникин был начальником штаба Верховного Главнокомандующего в 1917 году.

.....

М. М. Филоненко. Вы убеждены, что Скоблин был советским агентом, но доказательств не имеете?

Генерал Деникин. Да.

— Знаете ли точно, что Плевицкая была сообщницей в похищении генерала Миллера?

— Нет.

— Думаете ли, что она знала заранее о преступлении?

— Убежден.

Стороны отказываются от дальнейших вопросов, и суд отпускает свидетеля».[13]

Плевицкая ни в чем не призналась, отрицала свою вину, утверждала, что она «чиста, как голубь». Но во время следствия совершенно запуталась в противоречиях; алиби, заранее созданное ею совместно со Скоблиным, окончательно провалилось, и совокупность улик против нее оказалась настолько подавляющей, что суд приговорил ее к 20 годам каторги.

Через несколько лет она умерла в тюрьме, так и не открыв своей тайны.

В связи с этим мрачным происшествием напрашиваются три вопроса:

1) Почему Советскому правительству понадобился 70-летний старик генерал Миллер, человек тихий и на вид бездеятельный, за 7 лет пребывания которого во главе РОВСа ничего особенного не произошло?

2) Что случилось со Скоблиным?

3) Почему Французское правительство, явно желавшее наладить отношения с Советским Союзом, терпело на своей территории организацию не только враждебную коммунистической Москве, но, созданную для подрывной работы внутри СССР?

По вполне понятным причинам ответы на первые два вопроса хранятся в засекреченных архивах Москвы, а на третий вопрос — в Париже. Но среди обывательских догадок наиболее правдоподобными кажутся следующие.

Осторожный генерал Миллер подозревал Скоблина в сношениях с большевиками, а также в сношениях с германским гестапо и, быть может, ждал лишь случая, чтобы получить в свои руки достаточно веские тому доказательства и тогда во «всеоружии» разоблачить этого скользкого агента-провокатора. Кроме того, Е. К. Миллер через иностранные разведывательные отделения мог знать имена лиц, которыми пользовались для получе-

ния сведений из СССР. В области военной разведки генерал Миллер не был новичком. Его предыдущая штабная работа проходила, между прочим, на постах русского военного агента последовательно в Брюсселе, в Гааге и в Риме. Таким образом, работа военной разведки не была ему чужда. И эти соображения, вместе взятые, могли объяснить желание Москвы заполучить его живым, чтобы заставить дать нужные сведения.

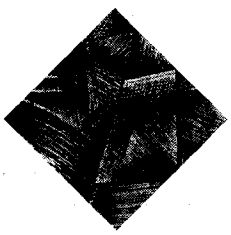
Бесследное исчезновение Скоблина осталось неразгаданным. Однако несколько лет спустя, когда во время Второй мировой войны германские войска заняли Париж, гестапо произвело обыск в канцелярии РОВСа и обнаружило весьма интересные факты. В доме № 29 на рю дю Колизэ некий Сергей Николаевич Третьяков, родственник основателя знаменитой Третьяковской галереи в Москве, купил три квартиры. Одну он сдавал Торгово-промышленному союзу, состоявшему из богатых в прошлом коммерсантов, не потерявших надежду восстановить со временем свои права на отобранные у них предприятия в России. Другую квартиру Третьяков сдавал РОВСу; а в третьей, находившейся этажом выше, жил сам. Обыск гестапо нашел в помещении РОВСа и в помещении Торгово-промышленного союза аппараты для подслушивания. Все микрофоны были соединены с квартирой Третьякова... Бывший богатый коммерсант оказался советским агентом, состоявшим на службе у большевиков уже много лет. Немцы арестовали Третьякова, увезли его в Германию, где его след простыл. Но тогда, возможно, Скоблин, исчезнувший из помещения РОВСа, не бежал на улицу, а, поднявшись этажом выше к Третьякову, и переждав там некоторое время, отправился затем в те два места, где его в последний раз видели в Париже? Любопытно также, что во время процесса Плевицкая настаивала, чтобы ее адвокат Филоненко обратился за денежной помощью к Третьякову. «Он денег должен достать! — писала из тюрьмы Плевицкая. — Денег достать можно с помощью Третьякова!»[14]

Куда же бежал Скоблин? Говорили, что в охваченную гражданской войной Испанию, в ту часть ее, которая при поддержке Москвы воевала против генерала Франко, и там его коммунисты прикончили, как уже ненужного шпиона, но человека опасного в смысле шантажа.

Что касается французской тайной полиции, то она не могла не знать, что одновременно с невинно-«гуманитарным» обществом, официально зарегистрированным во Франции еще во время генерала Кутепова,[15] в РОВСе, существовала организация преследовавшая иные цели. С одной стороны, на средства РОВСа содержались культурно-просветительные учреждения, как, например, кадетские корпуса, специальные курсы современной военной науки для бывших офицеров белых армий и так далее. С другой стороны, там функционировали «Внутренняя» и «Внешняя» линии, и их особые цели и задания не шли вразрез с целями французской разведки. Она, по-видимому, пользовалась сведениями, добытыми агентами РОВСа. По крайней мере, обмен информацией, по-видимому, существовал до похищения генерала Кутепова. Таким образом, французские разведочные власти относились скорее благожелательно к существованию РОВСа. Но благожелательность кончалась, как только в делах РОВСа происходила катастрофа вроде похищения генералов Кутепова и Миллера...

Глава XXXVII

«Я НЕ ПРИЕМЛЮ НИ ПЕТЛИ, НИ ИГА»



К началу 30-х годов книги генерала Деникина были распроданы, второго их издания не предвиделось, доход от авторского гонорара прекратился, и семейство Антона Ивановича снова попало в фазу безденежья. Генерал не обладал практической жилкой. В вопросах своего личного материального благополучия он был по-детски беспомощен. А мысль, что семья может очутиться без копейки, угнетала его. Единственным утешением (о котором, впрочем, Деникин говорил только жене) было сознание, что, не в пример многим другим, он не скопил себе состояния тогда, когда был у власти. Пришел к ней с пустым карманом и таким же бедняком расстался с ней.

Долгие, мучительные размышления о том, что предпринять, вылились в решение устраивать время от времени публичные лекции на — тему, волновавшую Деникина и его соотечественников о международном положении.

Лекции потом издавались в форме маленьких книжек-памфлетов, которые ходко распродавались и служили добавочным денежным подспорием.[1] Но в своих публичных выступлениях Антон Иванович преследовал не только материальные цели. Ему было чем поделиться со своими соотечественниками. В лекциях он затрагивал принципиальные вопросы, к которым относился чрезвычайно серьезно. Строго осуждал споры и разногласия в разных русских эмигрантских организациях, противился по-

явившемуся в некоторых кружках самодовольному убеждению, что именно они есть «соль земли», что только им предстоит строить новую Россию. На это генерал с горечью говорил, что подобные мысли — наивный вздор, что прежде всего политическим кружкам эмиграции следует очиститься от грязи, успевшей на них налипнуть, а потом дать себе отчет в том, что является их подлинной задачей и миссией.

«Мы вернемся в Россию не для того, чтобы командовать и управлять, — говорил он, — а чтобы служить России».[2]

27 лет своего пребывания за границей Антон Иванович жил верой, что обстоятельства в России изменятся, что ему все же удастся вернуться на родину и хотя бы в скромной, незначительной роли снова послужить ей. Он сравнивал рассеяние русской эмиграции по всем странам мира с еврейской диаспорой: «И в еврействе, — говорил он, — существует рознь и самоедство, редко только выносимое на страницы общей печати... Но в одном там нет розни, в одном царит нерушимое, абсолютное единение — в деле защиты своей расы».

И тут он печально констатировал факт, что «подобной концентрации сил в главном, в основном — в вопросе о защите российской нации — нет у нас».[3]

Годы, предшествовавшие Второй мировой войне, Деникин посвятил попытке создать такую «концентрацию сил» для защиты русских национальных интересов. Он предостерегал эмиграцию от увлечения немецким национал-социализмом как средством борьбы с коммунизмом. Оставаясь непримиримым к советской власти, Деникин всемерно боролся против существовавшего в некоторых кругах эмиграции «пораженчества», допускавшего всякое чужеземное нашествие, лишь бы свергнуть большевиков.

Лекции А. И. Деникина превратились в ежегодную традицию. Его публичные выступления устраивались в переполненном до отказа парижском зале Шопена на рю Дарю, и сопровождались длинными и подробными отчетами в эмигрантской печати. Чтобы дать представление о впечатлении, которое они производили на слушателей, достаточно процитировать выдержку из парижской газеты «Последние новости» о первом докладе генерала в марте 1932 года. Последующие ежегодные доклады вызывали такой же отклик и интерес.

«С 8 вечера перед входом в зал Шопена на улице Дарю толпилась публика, стремясь попасть на доклад генерала А. И. Деникина «Русский вопрос на Дальнем Востоке». Публичное выступление бывшего Главнокомандующего Добровольческой армией, в течение 12 лет уклонявшегося от всякого участия в политической жизни эмиграции, явилось по содержанию своему подлинным событием, для многих неожиданным и знаменательным».

Среди лиц, пришедших на эту лекцию и перечисленных газетой, были наиболее известные и выдающиеся имена русской эмиграции, весь ее широкий политический спектр — от крайне правых до социалистов-революционеров и меньшевиков включительно. Но подавляющим большинством были участники белого движения.

Большинство зала встает и устраивает докладчику овацию... С первых же слов речь его приковывает общее внимание. Бывший Главнокомандующий призывает своих соратников «не вмешиваться в чужие распри». Генерал Деникин не только не разделяет надежд некоторых эмигрантских кругов на японскую помощь, но открыто считает ее «вредной интересам России»... Генерал А. И. Деникин энергично, при неоднократном шумном одобрении аудитории, восстает против лжепатриотов: «Участие наше на стороне захватчиков территории недопустимо!..» Слова генерала Деникина ошеломили неожиданностью часть аудитории (ту часть ее, которая мечтала о новой интервенции). Но когда генерал Деникин сошел с эстрады, весь зал встал, провожая его долгими аплодисментами...»[4]

В своем докладе Антон Иванович высказал очень для себя знаменательную мысль: «Наше национальное сознание глубоко оскорблено примером прошлого. Вот почему слово «интервенция» вызывает, в частности во мне, глубокую горечь...»

Убедившись на собственном опыте, что «рыцарское отношение отсутствует в области международной политики», Деникин предостерегал своих слушателей от излишней доверчивости к «новым союзникам», от повторения ошибки, которой когда-то страдало его собственное правление.

По мере того как опасность для России со стороны Японии меркла по сравнению с воинствующей угрозой Германии, Деникин твердо и определенно ополчился в своих докладах против немецкого национал-социализма и его вождя Гитлера.

Наиболее ярким его выступлением на эту тему был доклад «Мировые события и русский вопрос», сделанный в декабре 1938 года. Доклад произвел глубокое впечатление на слушателей и на тех, кто читал его потом в специально выпущенной брошюре в 87 страниц. Он ясно формулировал точку зрения А. И. Деникина на роль русской эмиграции в случае войны между Германией и Советским Союзом:

«Наш долг кроме противобольшевистской борьбы и пропаганды проповедовать идею национальной России и защищать интересы России вообще. Всегда и везде, во всех странах рассеяния. Где существует свобода слова и благоприятные политические условия — явно; где их нет — прикровенно. В крайнем случае молчать, но не славословить. *Не наниматься и не продаваться.*

Мне хотелось бы сказать — не продавшимся, с ними говорить не о чем, — а тем, которые в добросовестном заблуждении собираются в поход на Украину вместе с Гитлером: если Гитлер решил идти, то он, вероятно, обойдется и без вашей помощи. Зачем же давать моральное прикрытие предприятию, если, по вашему мнению, не захватному, то, во всяком случае, чрезвычайно подозрительному. В сделках с совестью в таких вопросах двигателями служат большей частью властолюбие и корыстолюбие, иногда, впрочем, отчаяние. Отчаяние — в судьбах России. При этом для оправдания своей противонациональной работы и связей чаще всего выдвигается объяснение: это только для раскачки, а потом можно будет повернуть штыки... Такого рода заявления сделали открыто два органа, претендующие на водительство русской эмиграции... Простите меня, но это уже слишком наивно. Наивно, войдя в деловые сношения с партнером, предупреждать, что вы его обманете, и наивно рассчитывать на его безусловное доверие. Не повернете вы ваших штыков, ибо, *использовав вас в качестве агитаторов, переводчиков, тюремщиков, быть может, даже в качестве боевой силы — заключенной в клещи своих пулеметов, — этот партнер в свое время обезвредит вас, обезоружит, если не сгноит в концентрационных лагерях. И прольете вы не «чекистскую», а просто русскую кровь — свою и своих напрасно, не для освобождения России, а для вящего ее закабаления».*[5]

В тех же двух докладах в декабре 1938 года Деникин, считавший войну с Германией неизбежной, дал разбор нескольких возможностей, где, его мнению, эмиграция могла принять участие в «час войны» в «русском деле».

В главном прогнозе своем он ошибся. Ему казалось невозможным, чтобы русский народ, вооруженный во время войны, не восстал против коммунистической власти, поработившей его. В таком случае, считал он, место эмиграции там, в рядах армии и народа, сбросивших советскую власть, чтобы стать на защиту родины.

Считал он также, что Красная армия под ударами внешнего врага разложится, и в стране наступит хаос, с повторением во втором издании, под другими именами, но в той же сущности — того, что происходило в России в 1918 году. И в этом новом калейдоскопе гражданской смуты, так же, как и тогда, предполагал он, отсеется вооруженное национальное движение, в котором сольются лучшие элементы армии и народа. И если стимулом этого движения будет «свержение советской власти и защита родины», то место эмиграции в его рядах.

Но если бы этого не случилось?

«Что делать, — ставил он вопрос, — если в случае войны народ русский и армия отложат расчеты с внутренним захватчиком и встанут единодушно против внешнего [врага]?»

На этот вопрос Деникин дал следующий ответ: «Я не могу поверить, чтобы вооруженный русский народ не восстал против своих поработителей. *Но, если бы подобное случилось, мы, не меняя отнюдь своего отношения к советской власти, в этом случае, только в этом единственном, были бы бессильны вести прямую борьбу против нее.* Для нас невозможно было бы морально, ни при каких обстоятельствах, прямое участие в действиях той армии, которая ныне именуется «красной», доколе она не сбросит с себя власть коммунистов. *Но и тогда наша активность, тем или другим путем, должна будет направлена не в пользу, а против внешних захватчиков.»*[6]

Эта возможность, которую в 1938 году Деникин отвергал, стала реальностью через несколько лет. Не меняя своего отношения к советской власти, Деникин, направил свою активность против внешнего врага, против немцев. Об этом рассказ будет дальше. Кроме того, во время войны он переместил звенья своего «двуединого»

лозунга «Свержение советской власти и защита России» на «Защита России и свержение большевиков».

Таким образом, эмигрантская программа генерала Деникина фактически оставалась формулой белого движения. Но призыв его к «свержению советской власти и защите России» многим казался странным противоречием. Желание поддержать свою страну в минуты борьбы с внешним врагом, и одновременно стремиться к свержению ее правительства, такая постановка вопроса казалась нереальной. Критики Деникина указывали на то, что нельзя защищать Россию, подрывая ее силы свержением власти, так же, как и нельзя свергнуть советскую власть без участия внешней силы. Словом, «или большевицкая петля, или чужеземное иго». На этот упрек Антон Иванович отвечал:

— Я не приемлю ни петли, ни ига!

Генерал Деникин очень щепетильно относился к историческим документам, находившимся в его распоряжении. Он никогда не рассматривал их как свою личную собственность, считал, что они должны со временем перейти в исторический архив Российского государства, но только после его освобождения от большевиков. Беспокоясь за сохранность своего архива, он хотел передать его на временное хранение в какое-нибудь солидное иностранное государственное учреждение, которое на основании письменного договора гарантировало бы генералу право пользоваться всем архивным материалом для его исторических работ и в то же время строго ограничивало бы доступ к документам посторонним лицам без особого на то разрешения самого генерала Деникина. В августе 1935 года Антон Иванович подписал соглашение по этому поводу с Русским заграничным историческим архивом при Министерстве иностранных дел Чехословацкой республики и передал ему на хранение следующие документы:

1) Имевшийся у него (неполный) архив по делам Особого совещания, то есть деникинского правительства на Юге России;

2) Материалы личного архива генерала Деникина по истории русской революции и гражданской войны (включавшие 831 документ; кроме того, там были лубки и фотографии);

3) Архив (обширный, но тоже неполный) генерал-квартирмейстерской части Вооруженных сил Юга России.

В то время, когда Антон Иванович вел переговоры с чехами и фактически уже принял решение передать им хранившиеся у него бумаги, генерал Н. Н. Головин (военный историк) старался заполучить деникинский архив для Хуверовской библиотеки при Стэнфордском университете в Калифорнии. Головин был тогда агентом этой библиотеки. Он собирал для нее в Европе и переправлял в Америку русские документы, связанные с периодом гражданской войны. По-видимому, Н. Н. Головин усвоил американское искусство «продавать» свой товар, так как именно в таком духе составлены были его письма к генералу Деникину. Не упустил он и случая очернить товар своих конкурентов. В данном случае «товаром конкурентов» был Пражский архив, и, чтобы настроить против него Антона Ивановича, Головин писал: «Нет никакой гарантии против того, что чехи не передадут документы... большевикам. Чехи не постеснялись выдачей большевикам адмирала Колчака, — с Архивами стесняться будут меньше».[7]

В то время «гарантия», составленная опытными юристами, казалась абсолютно определенной, не подлежащей никакому искажению. Но она имела силу постольку, поскольку Чехословакия сохраняла свою самостоятельность. Как только эта самостоятельность пошатнулась, весь русский архив, находившийся в Праге, поставлен был под знак вопроса... Таким образом, аргумент Н. Н. Головина задним числом оказался пророческим.

В 30-х годах Антон Иванович несколько раз ездил на лекционное турне в Югославию и Чехословакию, где кроме находившихся там русских эмигрантов его с почетом и уважением принимали и слушали представители местной администрации и интеллигенции. Ездил он и в Англию. Но, пожалуй, самой памятной для него поездкой было путешествие в 1937 году в Бухарест по приглашению румынского короля. Генерал был кавалером румынского боевого ордена Святого Михаила, награда, полученная им за доблесть и боевые отличия в то время, когда он командовал в конце 1916-го и в начале 1917 года 8-м армейским корпусом, посланным на выручку румынам после того, как, объявив войну Германии, они очутились в плачевном положении. В день орденского праздника все кавалеры ордена Св. Михаила должны были, по традиции,

облачаться в особые белые накидки. Чтобы не вводить их в лишние расходы, придворное ведомство Румынии снабдило их этими белыми пелеринами бесплатно, в виде подарка. Бывшему Главнокомандующему противобольшевистскими армиями было оказано большое внимание и королем, и румынским обществом. Румынская печать отметила потом, что 7 ноября, в день, когда советский посол в Бухаресте праздновал 20-летие советской власти, король чествовал в своем дворце генерала Деникина.[8]

Мелкая подробность: белая пелерина, выданная генералу Деникину в Румынии, была переделана в феврале 1941 года в подвенечное платье для его дочери Марины.

Летние каникулы семейство Деникиных проводило в разных местностях Франции. Свои впечатления от первого пребывания в Allemont Антон Иванович описал в письме к Н. И. Астрову: «Полное одиночество; летом, впрочем, собираются к нам гости. Хороший дом, деревенская глушь, приветливый народ. Жизнь дешевле, чем в Париже, раза в полтора. Это обстоятельство позволяет вздохнуть несколько свободнее... Высота — 800 метров, кругом горы и снежные вершины, благорастворение воздухов и изобилие «подножного корма» — разнообразного, в зависимости от пояса и сезона... Сейчас на нашей высоте появляются первые «дары» — сморчки, приятные по вкусу и по воспоминаниям о прошлом и о северной русской природе. Вам должно быть понятно, что в нашей обстановке даже простейший русский укроп перестал быть только «зеленью», а стал одним из целебных средств против ностальгии...

Первый раз в жизни пришлось провести Светлый праздник в одиночестве, без заутрени, без мистики пасхальных служб, обычаев и песнопений... Одна лишь Марина, назвав гостей — деревенских девочек, беззаботно веселилась».[9]

Ностальгия, упомянутая Антоном Ивановичем, преследовала его повсюду, где бы он ни находился. Слишком был он «русским человеком», без малейшей примеси космополитизма, и работа являлась единственным средством, отвлекавшим его от тягостных мыслей. Он много читал, много о чем передумал.

Гражданская война в Испании вызывала к ней живейший интерес, и вполне естественно, что симпатии его были на стороне генерала Франко. Он от души желал ему победы, но категорически

был против участия бывших русских добровольцев в чужой гражданской войне. Многие из них обращались к нему за советом, и, отвечая им, Антон Иванович каждый раз подчеркивал свое отрицательное отношение к подобным проектам.

Несмотря на прошлые свои столкновения на Юге России с представителями французского командования, генерал Деникин полюбил Францию с ее памятниками старины, с живописно-разнообразной природой. Он с симпатией относился к тем простым жителям этой страны, с которыми постоянно приходилось встречаться в повседневной жизни. Но политика французского правительства, как и всякая «политика», чуждая его кодексу солдатской чести, приводила Деникина в уныние. Он не мог мириться с мыслью, что, в силу желания наладить отношения с Советским Союзом, прошлая «национальная» Россия вычеркнута из памяти.

В мая 1937 года комитет (состоявший из видных русских эмигрантов) по сооружению памятника русским солдатам, павшим во Франции во время войны 1914 – 1918 годов (и посланных туда по настоянию французского правительства), просил Деникины быть почетным гостем и произнести речь при открытии монумента на кладбище. В своей речи он не скрыл этого чувства:

«Сегодня открытием храма-памятника мы почтили тех русских воинов, что пали с честью на французском фронте. Они, эти павшие, — символ огромных жертв, принесенных Россией и старой русской армией во имя общего некогда дела. Бывшие наши союзники не должны забывать, что к 1917 году русская армия удерживала напор 187 вражеских дивизий, т.е. половину всех сил противников, действовавших на европейские и азиатских фронтах... Что даже в 1918 году, когда не стало русской армии, русский легион дрался здесь, на французской земле, до конца, похоронив на полях Шампани немало своих храбрецов... Не мы заключили Брест-Литовский мир... Это сделали другие... Мы не сомневаемся, что французская армия это понимает, но когда в силу современных политических обстоятельств эту быль стараются забыть или извратить, мы не можем не испытывать чувства горечи. Горечи за национальную Россию, горечи за уцелевших и выброшенных смутой на чужбину, горечи за павших в боях.

Спит мировая совесть. Пожелаем живым — увидеть ее пробуждение».[10]

Об этом кладбище, позабытом бывшими союзниками, в мае 1960 года вспомнили приехавшие в Париж Никита Хрущев и маршал Советского Союза (он же министр обороны) Родион Малиновский. Еще юношей Малиновский сам сражался в русском экспедиционном корпусе, посланном во Францию во время Первой мировой войны. Вместе с Хрущевым он посетил это кладбище и почтил память русских воинов, с честью павших далеко от родины.

После 12 лет молчания и почти отшельнической жизни А. И. Деникин решил, начиная с 1932 года, вмешаться в дела русской эмиграции. Причиной тому была угроза целости России, надвигавшаяся на нее и с востока, и с запада, где Гитлер не скрывал своих территориальных вожделений. Как и прежде, Деникин стоял вне политических группировок. Его призыв к единению раздробленной массы эмигрантов не мог, конечно, увенчаться успехом. Но голос Деникина, настаивавшего на том, что национальные интересы России находились в смертельной опасности и что недопустимо поддерживать тех, кто стремится к ее расчленению, был все же многими услышан.

Касаясь этого вопроса, С. П. Мельгунов писал: «Эту позицию разделял значительный сектор эмиграции. Авторитетный голос Деникина удержал многих от увлечения вступить на путь исторически явно ошибочный, как показало то, что произошло».

Тот же Мельгунов высказал следующее мнение о деятельности генерала в период эмиграции: «Если допустить, что личные свойства Антона Ивановича делали его положение подчас трагическим в годы гражданской войны, то эти свойства перевоплощались в величайшее благо для русской общественности в дни нашего тяжелого эмигрантского бытия, когда от всех нас требовалось большое напряжение воли, дабы не пал дух. Непоколебимая твердость и моральный авторитет бывшего вождя добровольцев служили как бы залогом нашей непримиримости к насилию, воцарившему на родине».[11] К тому, что сказал Мельгунов, можно добавить: и непримиримости к внешним врагам России.

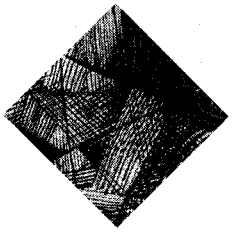
Начало Второй мировой войны не было неожиданностью для Деникина, но он никак не ожидал предшествовавшего ей соглашения между Гитлером и Сталиным.

«Кто первым нарушит договор? Кто кому воткнет в спину нож?» — это было первой мыслью Антона Ивановича после того, как он прочел в газетах об этом событии.

Другой неожиданностью для Деникина явилось молниеносное крушение французского фронта в мае 1940 года. Но тут он понял, что, временно развязав себе руки на западе, Германия устремится на восток, уверовав, что быстро разобьет Красную армию, обезглавленную сталинской чисткой, к которой немцы приложили собственную руку, сфабриковав документы, компрометировавшие советский командный состав.

Глава XXXVIII

ПОД НЕМЦАМИ — I



Во второй половине мая 1940 года, когда разгром французской армии стал очевиден, хаос разложения и паника охватили всю Францию.

Обыватели массами устремились на юг и на запад, чтобы спастись от наступления врага и отделиться от театра военных действий.

Не желая очутиться под немцами, генерал Деникин решил выбираться из Парижа.

Местечко Мимизан, на Атлантическом побережье, к северу от Биарритца, было ему знакомо. Там в 1937 году провел он лето со своей семьей. Туда, в Мимизан, Деникины и решили направить свой путь.

Участь Парижа была предрешена, и жители города волной понеслись куда глаза глядят. Поток людей захлестнул все поезда, все способы передвижения, все дороги. В самом конце мая Деникины с дочерью Мариной нагрузили своими вещами, мешками и чемоданами автомобиль, принадлежавший шоферу такси, бывшему участнику белого движения, и покинули Париж, вернее его предместье, где они тогда жили. Шофер со своей дочерью сидели спереди, трое Деникиных со старым котом, неразлучным другом семьи, и с разными мелкими вещами на коленях и под ногами сидели сзади. Большинство мешков и чемоданов было приторочено на крыше машины. Медленно и долго по запруженным дорогам двигались они на юго-запад. Было жарко, пыльно, голодно, хотелось пить. Все гостиницы набиты беженцами. И только где-то в Charantes

одна дама, француженка, узнав, что это генерал Деникин, пригласила его со спутниками заехать к себе в имение пообедать и переночевать. Наконец добрались до Мимизан.

Ланды — департамент в юго-западной Франции, между Жирондой и Нижними Пиренеями — упирается западной своей частью в Бискайский залив. На берегу тянутся бесконечные песчаные дюны. Чтобы остановить их движение внутрь страны, с конца 1780 годов начали сажать сосны, и теперь значительная часть департамента покрыта сосновым лесом. Там, в убогой обстановке, застряли Деникины на пять лет. В Мимизан провели они весь период немецкой оккупации и расстались с этим местом лишь в июне 1945 года.

Надо сказать, что вначале Деникины устроились с комфортом в хорошем доме, который им одолжили родители одной из подруг дочери Марины. Дом расположен был на дюне, на самом берегу, с чудным видом на океан. Но длилось благополучие недолго. Когда немцы заняли Бордо, Деникин понял, что в первую очередь будут заняты ими все прибрежные пункты и здания вплоть до испанской границы. Он не хотел «встречаться» с немцами и, не дожидаясь их прихода, сразу же перебрался из дома в примитивный барак в глуши, поблизости от озера Las de Mimisan. На этом озере впоследствии он проводил много времени, занимаясь рыбной ловлей. Дом на взморье действительно сразу же был реквизирован германской армией, а затем взорван ею при сооружении укреплений Атлантической стены.

Марина Деникина пробыла в Мимизан до декабря 1940 года, затем переехала в Париж и оставалась у родителей своего жениха. Венчалась она в феврале 1941 года в православной церкви в городе Бордо, но свадьба ее сопряжена была с большим огорчением для Антона Ивановича и Ксении Васильевны: единственный в сутки автобус из Мимизан в Бордо проехал мимо них, не остановившись и... на свадьбу своей дочери они не попали.

Семейная жизнь дочери в ее первом замужестве сложилась не удачно. Уже летом 1943 года она подала прошение о разводе. От этого брака родился у нее в январе 1942 года сын Михаил. С ним пробыла она у родителей один летний месяц в 1942 году, а потом жила с ребенком у своих родителей в Мимизан с середины лета 1943 года до марта или апреля следующего года, когда снова и окончательно вернулась в Париж.

В глуши, оторванной от внешнего мира, Ксения Васильевна решила записывать свои мысли и впечатления в тетради дневника. 28 таких тетрадей школьного формата покрывают это мрачное пятилетие.

Тетради Ксении Васильевны не являются дневником в обычном смысле этого слова, с ежедневной записью того, что происходит непосредственно вокруг автора, с заметками о том, что лично касается его или близких ему людей. В них главным образом комментарии автора по поводу военных и политических событий, которые доходили до Мимизан©6 по радио и газетам. Жизнь была слишком однообразна, чтобы записывать изо дня в день то, что происходило у себя дома. Тетради эти приходилось прятать от возможного немецкого обыска и даже зарывать в землю, поэтому в изложении много пропусков и пробелов. К сожалению, некоторые важные эпизоды из личной жизни совершенно не упомянуты, тем не менее дневники Ксении Васильевны представляют исключительный интерес благодаря талантливым наброскам быта, передачи личных впечатлений, разговоров, настроений и яркому описанию разнообразных встреч:

5 августа 1940 года

Поселились мы на окраине местечка, у самого леса, но далеко от моря. Квартира самая примитивная, в длинном бараке для немецких военнопленных прошлой войны; колодезь и уборная за хозяйским курятником, но электричество, слава Богу, есть... Посреди барака живут старики хозяева, а в том конце другие жильцы.

10 сентября 1940 года

Ни парижских газет, ни радио. Жизнь очень сузилась. Наш бедный аппарат раздавили в автомобиле, и не мудрено: так было всего напихано в машине. Я всю дорогу сидела скрючившись, колени к подбородку, за спиной тюк с подушкой, под ногами чемодан с книгами, на коленях корзина с котом. А без радио в такие времена очень плохо.

За хлебом уже надо стоять в очереди, говорят, скоро карточки будут... Жизнь глухого местечка входит в свою колею и течет тихонько, но с некоторой оглядкой, ибо параллельно начинает налаживаться жизнь завоевателя.

Сентябрь 1940 года

В воскресение я себя чувствовала намного лучше, и Иваныч [так Ксения Васильевна иногда величала мужа] решил меня «вывести в шумный свет». Потихоньку доползла с ним до озера и там села у кафе под соснами пить «оператив», как он говорит. Смотрели, как местные жители играли в какую-то игру, бросали деревянный шар в три стоящих штуки (не знаю, как называются) вдоль одной из стенок дощатого угла. Иваныч говорит, что это нечто вроде наших русских «городков». Играли дяди больше уже на возрасте.., и игра их очень увлекала.

27 октября 1940 года

Переехали на новую квартиру, наш старый барак уж совсем не приспособлен для зимы. Тут хоть домик каменный, хоть с отоплением тоже неважно. Зато теперь мы на большой дороге, с утра до вечера видим немцев — пешком, на вело, на мото, на легких автомобилях и на громаднейших грузовиках, да и на лошадях... Получила радио!

29 октября 1940 года

Иваныч в соседней комнате что-то стучит молотком, на мой вопрос отвечает:

— Прибиваю на стенку карты бывшей Франции и бывшей Европы.

Пятый день стоят лютые морозы. Беда... У нас было еще кило 10 картошки — померзла... Сколько у нас градусов в комнате не знаю, но думаю не больше двух или трех. Я лежу одетая в четырех шерстяных шкурах, под периной, с грелкой и руки стынут писать... Иваныч ходит как эскимос, все на себя наворотил.

30 марта 1941 года

Вчера мы съели свою последнюю коробочку сардинок, а масло из нее сберегли, чтобы заправить сегодняшнюю чечевицу. К великому возмущению кота Васьки, который всю свою жизнь считал своей кошачьей привилегией вылизывать сардиночные коробки. Бедный наш старичок научился есть серые кисловатые макароны, но при этом всегда смотрит на нас с укором... Хуже всего наше дело со штанами: не успела я вовремя мужу купить. Последние снашиваются, а пиджаков хватит.

2 мая 1941 года

Мировые события развиваются. Судьба забросила нас в глушь. Здесь живем среди маленьких людей — рабочих, крестьян, обывателей. Одиночество вдвоем. Моя болезнь часто приковывает меня неделями к кровати. Все друзья, знакомые и люди нашего образа мыслей далеко. Вот и решила записывать, что вижу, слышу и думаю. Благодаря TSF знаем о больших событиях мирового масштаба и имеем о них свое суждение; благодаря условиям своего нынешнего существования видим жизнь страны внизу, в самой народной толще и улавливаем настроения и реакции простых людей.

К тому, что сказано в отрывках из дневника, надо добавить следующее: с детства бегло владея немецким языком, Ксения Васильевна оказалась в Мимизан чуть ли не единственным человеком, который без посторонней помощи мог изъясняться с немецкими оккупационными властями. Вскоре молва об этом обежала всю округу, и к жене генерала Деникина приходило множество народу за содействием и помощью. Люди ценили щедрую и бескорыстную отзывчивость, с ними завязывались личные отношения, и сама не зная как, Ксения Васильевна оказалась доверенным человеком местной французской «интеллигенции» — врача, аптекаря, кюре. Эти люди слушали запретные радиопередачи из Лондона.

Они ненавидели немцев и не могли примириться с разгромом Франции. Одни прятали евреев, случайно попавших в это захолустье, другие в своем противлении немцам шли гораздо дальше.

22 июня 1941 года, в день германского вторжения в Россию, немцы в Париже в виде «предосторожности» арестовали множество русских эмигрантов, лояльность которых была им неизвестна или сомнительна. Аресты начались с раннего утра, когда никто из эмигрантов ничего про войну еще не знал. Решение это касалось как мужчин, так и женщин. Возраст, по-видимому, не играл роли. Во французской же провинции, в частности в департаменте Ландов, русских задерживали в возрасте до 50 лет,[1] и аресты (без объявления причин) начались на несколько дней раньше. В районе Мимизан они начались ровно за неделю до начала войны.

15 июня перед домом, где жили Деникины, остановился немецкий военный грузовик с тремя солдатами и унтер-офицером. Унтер-офицер потребовал от Ксении Васильевны ее бумаги, посмотрел на год рождения и приказал садиться в грузовик.[2]

Не подозревая о том, что происходит на улице у подъезда его дома, Антон Иванович работал сзади в своем огороде.

Когда жена ему крикнула, что ее немцы арестовали и увозят в грузовике, генерал сперва не понял, в чем дело:

— Да ты с ума сошла, — сказал он, — они, наверное, за мной...

Но это было не так. Дав краткое время на сборы, грузовик тронулся и уехал. В нем уже было несколько человек арестованных; среди них была племянница Ксении Васильевны и муж племянницы, жившие неподалеку от Мимизан. Их сына, мальчика шести лет, соседи доставили к Антону Ивановичу. Старик и мальчуган пробыли вдвоем около двух недель.

Арестованных повезли в Mont-de-Marsan, главный город департамента и поместили в реквизированном особняке, превращенном немцами в тюрьму. Дом был в саду, вокруг сада — чугунная решетка. На допрос арестованных водили в центр города в гестапо; обвинений ни в чем не предъявляли, просто держали в тюрьме и продержали там до 1 июля.

Сидя под арестом, Ксения Васильевна прислушивалась к тому, что сообщало радио, находившееся в соседнем караульном помещении, где была германская стража. Свои впечатления она набросала на клочке бумаги, а впоследствии переписала их в свой дневник:

21 июня 1941 года

По радио говорят только о «слухах» (о нападении Германии на СССР), идущих чаще всего из Швеции. Московское радио совершенно выхолостилось, даже никаких намеков нет. Корректность и абстрактность неестественные. Что думать про это нам? Огорчаться, радоваться, надеяться? Душа двоится. Конечно, вывеска мерзкая — СССР, но за вывеской-то наша родина, наша Россия, наша огромная, несуразная, непонятная, но родная и прекрасная Россия!..

23 июня 1941 года

Не миновала России чаша сия! Сшиблись два антихриста... А пока что немецкие бомбы рвут на части русских людей, прокля-

тая немецкая механика давит русские тела, и течет русская кровь... Пожалей, Боже, наш народ, пожалей и помоги!

Эпизод своего пребывания под арестом Ксения Васильевна описала следующим образом:

6 июля 1941 года

Обращались с нами прилично и все повторяли, что мы не арестованные, а интернированные. Кормили неплохо, не хуже и не лучше, чем сейчас здесь все кормятся, но сидели мы за решеткой, охраняемые часовыми, без простыней и подушек. Допрашивали 2 раза и очень настойчиво расспрашивали, кто украинец. Так как переводчицей служила я, то в украинцы никто из нашей группы не записался. Самое интересное из этой странички моей жизни — это моя беседа с часовыми. Все люди старше 40 лет, большинство мастеровые из Баварии, но были и крестьяне из Бранденбурга и Шварцвальда.., десяток с половиной людей, которые нас охраняли, по трое, сменяясь раз в сутки, все были народ симпатичный и добродушный и к нам относились не только хорошо, но и с явной симпатией, часто делились с нами своим пайкой, угощали фруктами и пивом. Беседовали мы долго и обо всем. Были настроенные очень воинственно, уверявшие нас, что с Советской Россией они покончат в 6 недель, что из Украины, включая Дон, Кубань, Кавказ и бакинскую нефть, будет устроен протекторат на манер Чешского, а в Москве будет поставлено «национальное» правительство. После разгрома России будет фюрером предложен мир еще раз, но Англия, наверное, откажется, и тогда этот злостный остров будет взят, но погибнет большинство населения. Что делать, гангрена должна быть уничтожена. И к зиме мир всюду начнет воцаряться. Новый порядок, и Германия его устроит так, что впредь не будет возможности никому начать войну... Они все нас уверяли, что Россия первая напала на них, нарушив все свои договоры. Также все дружно высказывали свое презрение к Италии.

Тюремное заключение кончилось так же неожиданно, как и началось.

Волнуясь за Антона Ивановича, за шестилетнего мальчика — сына племянницы, которую с мужем арестовали вместе с ней, Кс-

ния Васильевна написала по-немецки письмо генералу в комендатуру германских войск, расположенных в районе Биарритца. Имя его она узнала от солдат, несших караульную службу. В письме этом она сообщила свою фамилию, сказала, что арестована, вины за собой не знает, что сидит в тюрьме без предъявления ей каких бы то ни было обвинений. Письмо, отправленное через немецкого офицера — начальника караула, дошло по назначению и произвело, по-видимому, сильный переполох.

Немецкий генерал сразу же приехал в Mont-de-Marsan и лично явился в тюрьму. К нему вызвали Ксению Васильевну.

— Как вы приходитесь генералу Деникину? Родственницей? — был первый вопрос.

— Я его жена.

— Так зачем же не сказали, кто вы?

— Я думала, что ваши власти знали, кого они арестовывают, — последовал ответ.

Немецкий генерал приказал сразу же освободить жену генерала Деникина, на что она сказала, что, являясь единственной переводчицей для остальной группы заключенных, просит отложить освобождение до того момента, когда найдут ей заместителя.

— Я думаю, генерал, — закончила она, — что вы на моем месте не поступили бы иначе.

Через три дня вся группа людей, арестованных с женой генерала Деникина, была освобождена.

Причин для волнения об Антоне Ивановиче у его жены было достаточно. Ему было около семидесяти лет. За первый год немецкой оккупации он потерял в весе 25 килограммов и сильно постарел. Ум был абсолютно светл и ясен, как прежде, но общее физическое состояние постепенно сдавало. Оберегая хрупкое здоровье жены, которой постоянно недомогалось, он старался, как только мог, помогать по домашним делам: топил печку, пилил и колол дрова, мыл посуду — работал, иначе говоря, как истопник, прислуга и судомойка, а с наступлением весны, кроме того, копал, сажал, полол, растил, поливал овощи в огороде. Мучили его недавно начавшиеся приступы грудной жабы, страдал он и от воспаления предстательной железы. Тяжелая операция удаления простаты имела место приблизительно через полтора года (в декабре 1942 г.) в Бордо.

Арест жены его ошеломил. Не владея иностранными языками, связанный по рукам и ногам непривычным уходом за подброшенным шестилетним мальчиком, он чувствовал себя беспомощным и морально разбитым. Его угнетала невозможность защитить жену. Он не знал, где она, куда увезли, не знал, случайно ли она арестована и боялся того, что, возможно, немцы связали ее имя с какими-то неугодными им французами.

Стряпать он умел весьма относительно, а тут без денег и без продуктов генерал должен был ухитриться прокормить мальчика и самого себя. Однако вопрос пропитания разрешился просто: каждое утро у дверей своего домика находил Антон Иванович или кусок сала, или яйца и всегда молоко и хлеб. Чья-то заботливая рука приносила одинокому старику и одинокому мальчику пропитание. Кто это был, осталось неизвестным. Судя по царившему тогда всеобщему оскудению, можно предполагать, что жители местечка Мимизан между собой решили не дать этим чужим, но полюбившимся им людям умереть с голоду.

Судьбе угодно было отплатить генералу Деникину за его прошлую верность союзникам — куском хлеба, который в дни большой нужды приносила к его порогу рука неизвестного французского крестьянина, такого же, как и Деникин, непримиримого врага германского империализма.

Арест Ксении Васильевны, ее письмо, а затем разговор с немецким генералом — все это не прошло бесследно: немецкое «начальство» вдруг вспомнило о генерале Деникине.

Немецкое политическое управление в оккупированной Франции хорошо, конечно, знало его точку зрения по докладам Деникина в Париже до войны. Его антигерманское настроение не могло быть секретом для немцев. Недаром некоторые из докладов Деникина, написанных и изданных в виде памфлетов-брошюр: «Брест-Литовск», «Международное положение. Россия и эмиграция», «Мировые события и русский вопрос», попали впоследствии в германский «Указатель запрещенных книг на русском языке». Книги эти по приказу немецких властей, «подлежали изъятию из книжных складов, магазинов и библиотек».[3]

Тем не менее немцы решили сделать попытку использовать имя А. И. Деникина в целях германской пропаганды. Как иначе можно

объяснить себе причину визита к нему немецкого генерала?

Местная германская комендатура в Мимизан снеслась с генералом Деникиным, чтоб узнать, может ли он принять коменданта Биарритца. «Времена были такие, — говорил потом Антон Иванович, — что нужно было согласиться».

На следующий день к домику Деникина подъехал автомобиль. К Антону Ивановичу явились германский комендант Биарритца, один из штабных офицеров и переводчик, Услуги последнего не понадобились, так как Ксения Васильевна, владевшая немецким языком, взяла на себя роль переводчицы. Предлогом для визита было якобы желание «засвидетельствовать свое почтение» известному русскому генералу а настоящей целью — предложить ему перебраться из убогой обстановки французского захолустья в Германию. Комендант сообщил генералу Деникину, что его личный архив, переданный на хранение в Русский заграничный исторический архив в Праге, был перевезен немцами в Берлин. Там также собрано много ценных материалов из разных русских архивов, прежде раскиданных по всей Европе, так что генерал Деникин сможет продолжить свою научную работу историка в полном объеме. Затем, окинув беглым взглядом убогое помещение, в котором ютились Деникины, немец добавил:

— В Берлине, конечно, вы будете поставлены в другие, более благоприятные условия жизни.

Деникин обратился к жене:

— Спроси его: это приказ или предложение.?

И когда озадаченный комендант ответил, что это, разумеется, предложение, то Деникин коротко отрезал:

— Тогда я остаюсь здесь.

Немец понял, что дальнейший разговор бесполезен. Он встал, отдал честь, но перед уходом все же спросил:

— Может быть, мы здесь можем быть вам полезны?

— Благодарю вас, мне ничего не нужно.

Попытка немцев вовлечь генерала Деникина в свою орбиту не удалась.[4] Но контакт немцев с Деникиным не оборвался на этом эпизоде. Снова возник вопрос относительно расхищенного ими русского архива в Чехословакии. Выразилось это в следующем довольно лапидарном письме к генералу Деникину от немецкого майора, представителя германского военного архива

во Франции. Письмо это датировано 28 января 1942 года. Вот его текст в русском переводе с немецкого: «В бывшем чешском министерстве внутренних дел в Праге был обнаружен принадлежащий Вашему Превосходительству «депозит». Для того чтобы обеспечить ему более верную сохранность, архив был перевезен в местохранилище военных архивов. По приказу господина начальника военных архивов, я прошу у Вашего Превосходительства утверждения (согласия) на это перенесение (перевозку) и о сообщении нам условий, которыми Вы обставляете использование этого архива.

Затем я был бы весьма благодарен, если бы мог узнать местонахождение еще подобных русских архивов, так как господин начальник военных архивов придает особое значение захвату и сохранению этих редких исторических источников».

Генерал Деникин ответил на это письмо по-русски 3 февраля 1942 года:

Господину Уполномоченному Начальника Военного Архива.

Господин майор!

По поводу письма Вашего от 28 января сообщаю:

В 1935 году я сдал свои архивы на хранение в «Русский заграничный исторический архив», находившийся в ведении Министерства иностранных дел Чехословакии. Министерство обязалось выполнить следующие условия. Мои архивы подлежат передаче в Россию после свержения коммунистической власти и утверждения там режима, обеспечивающего правовой порядок, свободу личности и общественной самодеятельности. Время передачи архивов российскому правительству определяется мною. В пользовании этими архивами никто не может быть допущен без моего разрешения. За мною сохраняется право пользования этими архивами для моих научных работ. Архивы мои не могут быть отчуждены и переданы на временное хранение какому-либо иному учреждению».[5]

Приведенная выше переписка представляет интерес не только в подходе немецкого офицера к вопросу о заграничных исторических архивах и в прямолинейном, как всегда, ответе генерала Деникина. Интересна здесь история этих архивов, сданных на хранение в различные учреждения западноевропейских стран, оккупированных затем немцами, и факт перехода их из рук в руки не на

основании каких-либо контрактов или дарственных документов, а по праву силы, по воле победителя.

Передача Деникиным в 1935 году бумаг в Пражский архив сопровождалась строго формулированным договором. Эти бумаги включали не только личный архив Деникина за период революции и гражданской войны, но и архив его как государственного деятеля, как Главнокомандующего и правителя обширной территории, находившейся под властью Вооруженных сил Юга России.

И вот Деникинский архив в Праге захвачен немцами и, после разгрома Чехословакии, перевезен ими в германское «местохранилище военных архивов». Но после разгрома Германии он попадает в руки советских войск и, с «согласия» правительства Бенеша, передается Советскому Союзу.

Судя по газетным сообщениям, приезжавшая в Соединенные Штаты в мае 1966 года группа советских архивистов подтвердила, что бывший пражский архив находится теперь в Центральном архиве в Москве.

Общение с немцами не ограничилось визитом и обменом письмами насчет архива. Начиная с ноября 1941 года, обоим Деникиным — мужу и жене — пришлось время от времени лично являться в мэрию местечка Мимизан. «Допрос» в общем сводился к установлению факта, что они не переменили место жительства. Но был и более щекотливый вопрос принудительной регистрации, за невыполнение которой грозили суровыми карами.

Следуя политике сперва расчленения, а затем полного порабощения России, немцы и за границей образовали различные комитеты для каждой народности, населявшей территорию России. В своем стремлении раздробить они придумали даже такие народности, которые никогда не существовали, а под словом «русский» подразумевали не народность, а какое-то ущемленное территориальное подданство.

По приказу немцев, в целях полицейского контроля, все русские эмигранты должны были регистрироваться в одном из этих «комитетов» в зависимости от своего происхождения.

В Париже создано было три комитета: русский, украинский и кавказский. В Германии, кроме того, образованы были Северо-Кавказский национальный комитет, Туркменское и Крымско-Татарс-

кое и ряд других, среди которых красовалось управление неведомой дотоле страны — Казакии.[6]

Во французской провинции регистрация происходила в местной мэрии или в немецкой комендатуре, которая затем переправляла бумаги в Париж для распределения по соответствующим комитетам.

Во главе Парижского русского комитета — Управления по делам русской эмиграции — поставлен был немцами некий Юрий Жеребков, донской казак долго живший в Германии и ставший членом нацистской партии. Регистрация русских была под его ведением.

Деникин наотрез отказался «регистрироваться». И, как ни странно, немцы решили этот факт игнорировать и оставили упрямого старика в покое. Чем руководствовались они — осталось неизвестным. Знали ли, что слишком тверд человек, чтобы поддаться принуждению, или престиж его имени был так еще велик, что немцы решили избежать репрессий. Вернее всего, что в момент, когда они стремились придать своей захватнической войне против России характер «крестового похода против коммунизма» — засадить в тюрьму самого видного и самого подлинного из всех русских противников большевизма было бы изрядной политической гафой, очевидной даже нацистам.

«Что касается меня лично, — писал впоследствии Деникин, — то, оставаясь непримиримым в отношении большевизма и не признавая советскую власть, я считал себя всегда, считаю и ныне гражданином Российской империи, которая, как известно, включает в свои пределы и великорусские, и белорусские, малороссийские или украинские области, и Кавказ и прочее и прочее, поэтому я и моя семья от регистрации отказались. Тем не менее своим друзьям и соратникам я дал категорический совет — против рожна не переть и исполнять эту формальность».[7]

Антон Иванович тяжело переживал русские поражения в начале войны, а затем с гордостью и радостью следил за русским успехом.

«Как бы то ни было», — писал Деникин, — никакие ухищрения не могли умалить значение того факта, что красная армия дерется с некоторых пор искусно, а русский солдат самоотверженно. Одним численным превосходством объяснить успехи красной армии было нельзя. В наших глазах это явление имело объяснение простое и естественное.

Испокон века русский человек был смышлен, талантлив и нутром любил свою родину. Испокон века русский солдат был безмерно вынослив и самоотверженно храбр. Эти свойства, человеческие и воинские, — не смогли заглушить в нем 25 советских лет подавления мысли и совести, колхозного рабства, стахановского изнурения и подмены национального самосознания интернациональной догмой. И, когда стало очевидным для всех, что идет нашествие и завоевание, а не освобождение, что предвидится только замена одного ярма другим — народ, отложив расчеты с коммунизмом до более подходящего времени, поднялся за русскую землю так, как поднимались его предки во времена нашествий, шведского, польского и наполеоновского...

Под знаком *интернационала* прошла бесславная финляндская кампания и разгром немцами красной армии на путях к Москве; под лозунгом *Защита Родины* произошел разгром германских армий!»[8]

«Враг изгнан из пределов отечества, — писал Деникин в своем «послании» к добровольцам, ветеранам белого движения, 15 ноября 1944 года. — Мы — и в этой неизбежности трагизм нашего положения — не участники, а лишь свидетели событий, потрясавших родину за последние годы. Мы могли лишь следить с глубокой скорбью за страданиями нашего народа, с гордостью — за величием его подвига.

Мы испытывали боль в дни поражения армии, хотя она зовется «красной», а не российской, и радость — в дни ее побед. И теперь, когда мировая война еще не окончена, мы всей душой желаем ее победного завершения, которое обеспечит страну нашу от наглых посягательств извне».[9]

Но, гордясь достижениями и подвигами своего народа, Деникин оставался непримиримым к советской власти.

«Мы не можем, не смеем закрывать глаза на обратную сторону большевистской медали, на цену достижений — цену крови и человеческих страданий, на подавление человеческой личности, на весь звериный лик большевизма, ибо неосуждение зла есть первая ступенька к его приятию».[10]

В частном письме к своему знакомому А. И. Деникин писал: «Я лично приветствую народный подъем в деле защиты России, радуюсь победам ее над немцами, желаю окончательного их раз-

грома, но не перестаю осуждать — доньдеже есьм — большевистскую систему удушения русского народа».[11]

Кроме периодических вызовов в мэрию, Деникиных вызывали иногда в германскую комендатуру местечка Мимизан, особенно когда там менялось начальство. Антону Ивановичу лично посчастливилось избежать дальнейшего общения с германскими властями. Ксения Васильевна без него ходила в комендатуру, объясняя, кому следовало, что муж в преклонном возрасте и не говорит по-немецки. Там порой задавали ей щекотливые вопросы. Хотели знать о знакомствах и связях Деникина как во Франции, так и за границей, об источнике дохода, об исторических и литературных трудах, которыми в то время занимался генерал Деникин.

Не скрывая того, что было в прошлом, что немцам так или иначе могло быть известно, и указавши, что скромные доходы мужа от лекций, авторский гонорар его от литературной работы окончательно прекратились, Ксения Васильевна — по понятным причинам — предпочитала не посвящать немцев в то, что действительно могло их заинтересовать.

«В своем подневольном уединении во время немецкой оккупации, — писал впоследствии Антон Иванович, — мы с женой переводили на русский язык и распространяли среди русской эмиграции особенно откровенные излияния видных немецких деятелей в их прессе и радио».[12]

Они действительно подобрали «махровый» материал, основанный на подлинных официальных заявлениях и речах Гитлера, Геббельса, Розенберга и других вождей нацизма, где откровенно высказывалось не только полное презрение ко всему русскому, но и решение использовать территории в чисто германских целях.

Освещая подлинные цели нацистов, Деникин наравлял усилия как против врага внешнего — немцев, так и против коллаборантов русского происхождения, именно тех, кого Деникин презирал и считал изменниками и кто, несмотря на очевидность, продолжал проповедовать «крестовый поход».

Интересно отметить, что в то жуткое время, когда повсюду процветали доносы, обошлось без предателей. Материал, составленный Деникиным и его женой, не попал в руки гестапо.

Германские власти, к счастью, не знали, над чем работал у них под носом А. И. Деникин.

А работал он, кроме всего прочего, над сбором материала о германских зверствах, о бесчеловечном отношении немцев к русским военнопленным, о ходе войны, о России, о зарубежье, а также о том, чтобы уличить впоследствии всех «предателей русского дела». Начал он также работать над своей незаконченной автобиографией, которую думал озаглавить «Моя жизнь» и которая после смерти его появилась в печати под заголовком «Путь русского офицера». Жена генерала, когда было возможно, вела записи в своем дневнике.

На случай немецкого обыска весь компрометирующий материал — бумаги генерала, дневники его жены — прятались не в доме, а зарывались в соседнем сарае, где многие из бумаг пожелтели от сырости, а некоторые и совсем погибли. Днем прятался в духовку от немцев маленький радиоаппарат и с большими предосторожностями извлекался оттуда вечером, когда слушались запретные радиопередачи из Лондона.[13]

Несмотря на оторванность от общей жизни, сведения о немецких зверствах над евреями стали рано доходить до Деникиных. Эти сведения их глубоко возмущали. Вот отрывки из дневника Ксении Васильевны Деникиной, чьи взгляды всецело отражали и точку зрения ее мужа. Приведенные ниже выдержки помогут окончательно рассеять существовавшее в некоторых кругах мнение о том, что генерал Деникин был якобы антисемитом:

4 июня 1942 года

Восьмой приказ против евреев... Разве это борьба, разве это подобает великой нации — такое показное и мелочное издевательство!

Вот приказ немецкого начальства [и Ксения Васильевна цитирует]: хорошо теперь известные распоряжения касательно евреев: ношение на груди желтой шестиконечной звезды с надписью и так далее], глубоко оскорбительны достоинству всякого человека.

25 июля 1942 года

Был S. Он побывал в Париже... Как-то он потерял свою всегдашнюю энергию и французскую оживленность. В Париже немцы произвели массовые аресты евреев, как говорят до 80 тысяч, 17 тысяч

их было в продолжение нескольких дней заперто в «Palais des Sports». Мужчины, женщины и дети с 3 лет. Их почти не кормили. Даже воды не хватало, и люди ходили пить к пожарным кранам, где французские пожарные, реквизированные немцами для охраны узников, давали несчастным пить. Малые дети орали, было много больных, и женщины рожали, и в довершение всего из переполненных уборных, находящихся во втором этаже, текли зловонные струи на лежащих вповалку людей. Сцен отчаяния описать нельзя. S. рассказывал все это, у него был тусклый голос, руки не жестикулировали, и он минутами смолкал и молча смотрел на дорогу.

— Я не могу как-то осознать, — говорил он, — что подобные вещи происходят в наше культурное время, в нашей культурной Франции, что все это реальность, а не злой сон.

10 августа 1942 года

Заходил молодой А.... Тоже рассказывал про ужасы с арестом евреев [в Париже]. В их доме одна еврейка выбросилась из окна с 4 этажа с двумя маленькими детьми, когда пришли арестовывать. Так что взяли одного мужа, и он выл как зверь на весь квартал, когда его проводили мимо прикрытых трупов жены и детей.

Какие бы очевидцы ни рассказывали, мое нутро не может помириться с мыслью, что это правда!..

22 мая 1943 года

Радио говорит, что евреи варшавского гетто, обреченные неминуемой гибелью, взбунтовались. Польское население тайно снабдило их оружием. Не представляем себе, каково это гетто и как там можно сопротивляться, но, верно, это нечто большое, ибо уже несколько дней длится бой. Немцы стреляют из танковых пушек и бросают бомбы с авионов. Несчастные заключенные дерутся поистине с мужеством отчаяния, все равно погибать. Какой ужас, какое избиение!

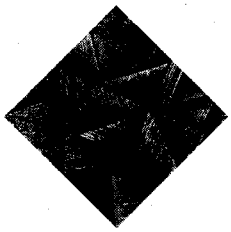
Наконец, значительно позже, когда в Мимизан появились русские военнопленные, завербованные немцами и одетые в германскую форму, один из них передал то, что видел собственными глазами.

«Из его рассказов, — пишет в своем дневнике Ксения Васильевна [31 мая 1944 года], — запала в душу ужасная картина избиения евреев. Когда немцы брали русских пленных, они при первом допросе спрашивали: «Кто жиды?», и тогда этих несчастных раздевали, клали на землю и тут же среди лагеря пороли палками, пока человек не терял сознания. Потом поливали его ведром воды и давали очухаться. Полумертвый, окровавленный человек начинал ползать; кое-какие сердобольные солдаты, с риском для собственной жизни, помогали ему пробраться в укрытие, перевязывали раны; а на другой день немецкая стража проделывала ту же операцию и до тех пор, пока еврей не умирал под палками.

Степан Иванович [имя рассказчика] говорил, что ему 28 лет, но если проживет еще 70 лет, то не забудет все же никогда ужасные крики и вопли этих забиваемых на смерть людей.

Глава XXXIX

ПОД НЕМЦАМИ — II



Уже в течение нескольких лет Антон Иванович страдал от воспаления предстательной железы. Наконец настал момент, когда понадобилось хирургическое вмешательство. Операция была сделана 5 декабря 1942 года в больнице в Бордо.

Через неделю после операции, шок от нее вызвал у Антона Ивановича первый сердечный припадок. Пробыл он в больнице около месяца, и время от времени ездила к нему из Мимизан с большими затруднениями жена.

В начале января 1943 года Антон Иванович выписался из госпиталя, вернулся к себе в Мимизан, и жизнь потекла по-прежнему.

Ксения Васильевна продолжала вести свой дневник.

7 января 1943 года

Совсем непонятно, с какой стороны в нашем захолустье немцы ждут опасности, а укрепляют все, что могут. Даже на церковную колокольню водрузили пулеметы; некоторые боковые дороги преграждены колючими рогатками, в лесу установили пушки.

16 января 1943 года

Русские успехи продолжаются. «Русские!!!» Ведь даже иностранные радио избегают этого слова. «Советские», надо говорить.

Затуманилось мировое положение до ужаса. Что решили, что думают вожди Англии и Америки? Какие уступки они принесли большевизму? И, избегнув холеры, не помрем ли все от чумы?

Мучают эти мысли, тщетно перебираем все возможности. Какой исход, как он может прийти?

21 января 1943 года

Лондонский говоритель предложил нам послушать голос «оттуда». Услышали мы русский голос с актерской дикцией и актерским пафосом, возглашавший «славу» бойцам, командирам и... «нашему гениальному полководцу Сталину».

Опять, опять... Ничего не переменилось, ничего перемениться не может. Окаянная ложь, изуверская власть, страшная тень вампира, высосавшего душу России...

Неужели эта тень падет на всю Европу, на весь мир? Мы знаем, что ошиблись, и дерутся на смерть две злые силы. Но, чтобы не умерла человеческая жизнь, ни одна из них не может победить. Они должны, как какие-то апокалиптические чудовища, пожрать друг друга. И на развалинах может подняться и расцвести новая жизнь. В это мы верим. Но... Господи, помоги моему неверию!

28 января 1943 года

Все хуже немцам. 6-я армия под Царицыном тает с каждым днем. Уже угрожает Харькову, а немцы все держатся в Тихорецкой и Майкопе.

В коммюнике с фронтов мелькают столь знакомые названия — Маныч, Ставрополь, Кавказская, названия донских и кубанских станиц, уже нашей кровью вписанных в историю. Кто думал, что в этих глухих местах дважды будет решаться судьба России.... да и судьба всего мира.

1 июля 1943 года

Переехали на новую квартиру в центре местечка. Немного жаль было расставаться с нашей окраиной. Привыкла к людям и к климату.

15 июля 1943 года

Вчера был национальный праздник... Было объявлено в газетах считать 14 июля днем праздничным, но никаких демонстраций и проявлений не разрешается. Лондон по радио просил всех фран-

цузов в знак протеста против завоевателя выйти гулять на главную улицу или площадь. Не знаю, как было в Париже и больших городах, получилась ли демонстрация, но у нас тут единственные два французских патриота, которые принарядились и выгуливали четверть часа по главной площади вокруг церкви — это были мой муж и я.

Взят Нежин. Двигаются русские по всему фронту... Следим по карте за продвижением русского фронта. Гордимся тем, как дерется русский солдат, ибо это русский человек дерется за свою родину.

Советского народа, советского патриотизма и не может быть в природе.

В начале ноября 1943 года произошло событие само по себе настолько интересное и сыгравшее такую большую роль в жизни, в чувствах и в мышлении Деникиных, настолько их взбудоражившее, что событию этому следует уделить особое внимание.

Начав с записей из дневника Ксении Васильевны, мы перейдем затем к тому, что об этом написал генерал Деникин. Ни то, ни другое никогда прежде в печати не появлялось.

7 ноября 1943 года

Ну и чудеса творятся! Всего мы ожидали, только не этого! Вновь прибывшие немецкие солдаты с лошадьми, обозом, занявшие школу и Sale des Fetes, заполнившие улицы местечка — оказались наши соотечественники, прибывшие прямо из России! Набрали их немцы из военнопленных,.. считаются «добровольцами», но к так называемой армии Власова (РОА) отношения не имеют. Они, конечно, от местного населения узнали, что тут есть русские, и приходят к нам. Приходят неловкие, несмелые, не очень знающие, как говорить с нами. Так нелепо, странно видеть этих русских людей в немецкой форме, а сказать прямо: как же это так? понимаете ли, что врагу России служите? — нельзя... Нельзя!

И мы, и они в лапах волка. Говорим обиняками, недомолвками, но, однако, они понимают: рассказывают о безвыходности положения, об ужасах плена, где из лагеря каждое утро выносили десятки трупов, как бревна, и чтоб избегнуть этой лихой смерти — выход

был всего один. Говорят и про страшную каторжную жизнь большевизма. Но это больше старшие, седые, некоторые из которых сражались в рядах нашей Белой армии. А из молодых есть такие, что не находят, что было так уж плохо. Они ведь прежней жизни не знали и судить не могут. Большинство донские и кубанские казаки, но есть и сибиряки и псковские, и астраханские, и курские, со всей России-матушки.

9 ноября 1943 года

Все встречаемся и беседуем с компатриотами. Они, большинство по крайней мере, чувствуют неловкость своего положения, многие как-то подавлены... Ставят невероятные вопросы, удивляются, что нет бедно одетых, что все так чисто живут. Ведь они еще никакой «заграницы» не видели, прямо из России их в наше местечко привезли. Очень удивлялись, что они тут на берегу океана, и когда я им на карте показала, где мы находимся, один ахнул:

— На самый край земли нас, значит, завезли!

Когда мы им рассказали, что тут, рядом, есть русские военнопленные в лагере, они приняли известие очень сдержанно, даже с неловкостью. Молодой студент вздохнул: «Да вот мы одни русские, вы другие, а они — третьи».

— А Россия одна, и русский народ должен быть один, — сказал им Антон Иванович.

11 ноября 1943 года

Приходят всё соотечественники каждый день.., очень интересуются фронтом, но свои чувства по поводу советского продвижения мало кто показывает.

Краснолицый, здоровенный черноморский моряк, оставшись последним, спросил:

— А вы как соображаете, может кто-нибудь Россию победить»

— Нет, никто Россию не победит, — ответил Антон Иванович, подчеркнув слово Россия.

— И я так думаю, — сказал моряк. — Счастливо оставаться, папаша. Может, вместе отселя в Россию поедем.

— Может статься, — улыбнулся Антон Иванович, — а может меня пустят, а вас нет, или наоборот.

— Всех пустят, чего там, народу сколько выбили и переморили, вся страна в развалинах лежит, строить-то нужно будет? Все пригодимся. У нас руки вон какие, а у вас — голова. Всякий свое принесет.

— Правильно, — обрадовался Антон Иванович, и они еще раз пожали другдругу руки.

Старик — так много боровшийся за Россию, всю жизнь только о ней думающий, и молодой парень, ушедший от злой жизни на родине, так мало грамотный... — поняли друг друга.

14 ноября 1943 года

Вчера русских солдат еще прибыло. Говорят и Бордо, и все побережье будет занято этими войсками, которых не знаю как и назвать: наши, когда они не наши, немецкие, когда они не немецкие. А наймитами звать — язык не поворачивается, да и по сущности это неправда.

В виде контраста к этим ярким впечатлениями о неожиданной встрече с русскими «оттуда» Антон Иванович Деникин составил исторический очерк, документ большой силы по своей сжатости и простоте изложения, о том, как некоторые из русских военнопленных сменили свои формы на германские.

«В последнюю войну на востоке наблюдалось явление, до сих пор в истории международных войн небывалое. Германское командование для пополнения своих рядов обратилось к формированию частей из захваченных пленных, а также из населения оккупированных областей России. Столь рискованный опыт оказался возможным в результате отрыва русского народа от власти, извратившей своей окаянной практикой самые ясные основы национального самосознания.

Очутившись в плену, русские с первого же дня попадали в невыносимые условия, неизмеримо худшие, нежели для пленных всех других воюющих держав. И не только в первое время, когда, может быть, трудно было организовать прием столь неожиданно большого числа людей, но и во все последние годы.

Их гнали по дорогам, не считаясь с расстоянием и человеческой возможностью, без пищи и питья. И когда кто-либо от чрезмерной

усталости падал или, желая утолить невыносимую жажду, наклонялся над придорожной канавой, его приканчивала стража штыком или пулею... Их держали по много суток под открытым небом во всякую погоду, иногда в снегу, в отгороженных колючей проволокой пространствах, в ожидании нехватавших транспортных средств. И тоже без всякой еды и что хуже — без воды... Ими набивали поезда, состоявшие из открытых платформ, на которых в спрессованном виде везли в стоячем положении без возможности шевельнуться по 3—4 дня. В этой дышавшей испражнениями человеческой массе, среди живых, стояли торчком и мертвые...

Мне рассказывал француз, вернувшийся из плена, и лагерь которого находился по соседству с русским, что когда к их расположению подъехал один из таких поездов, то русские военнопленные буквально закостенели, не могли двигаться. Немцы отрядили французов, которые стали переносить русских на руках и носилках. Живых клали на пол в бараках, мертвых сбрасывали в общую яму...

Русских пленных, — говорил другой француз, — легко узнать по глазам: глаза у них особенные. Должно быть, от страдания и ненависти. В русских лагерях жизнь была ужасна. Многие бараки, особенно в первое время — с прогнившими крышами. Ни одеял, ни подстилки на нарах. Грязь и зловоние. Обращались немцы с русскими пленными хуже, чем со скотом. Голод свирепствовал необычайный. В пищу давали от 100 до 200 грамм хлеба и один раз в день горячую грязную бурду с небольшим количеством картофеля, который бросали в огромный общий котел прямо из мешков, не только с шелухой, но и с землей. Иногда картошку заменяли жмыхами — отбросами сахарных заводов. Кормили продуктами, оставленными при отступлении большевиками, которые перед тем обливали их керосином. Эту тошнотворную дрянь ели. С отвращением и проклятием, но ели, чтобы не умереть с голоду. При этом, ввиду отсутствия посуды, приходилось хлебать из консервных банок, из шапок или просто пригоршнями.

Малейший протест вызывал расстрел. Бессильные люди бродили как тени. Многие доходили до такой степени истощения, что, сидя под солнечной стеной барака, не имели сил подняться, чтобы

дойти до бочки с водой, чтобы утолить жажду. Немецкая стража, собирая их для поверки, подымала и подгоняла палками.

Часто случались эпидемии дизентерии. Больным никакой помощи не оказывалось, им предоставляли медленно умирать. Каждое утро немецкие санитары в специальной одежде и масках заходили в бараки и баграми вытаскивали трупы, которые сваливали, как падаль, в общие ямы. Около каждого русского лагеря в таких «братских» могилах нашли упокоение десятки тысяч русских воинов.

На Нюрнбергском процессе был оглашен документ от февраля 1942 года, подписанный германским министром экономии, в котором говорится: «Из 3 900 000 русских пленных, бывших в наших лагерях, только 1 300 000 еще способны к труду. 500 000 умерли за последние четыре месяца прошлого года...»

Пленным всех народностей приходило на помощь их правительство и Красный Крест. Русские же ниоткуда ничего не получали, ибо московская власть в международном Красном Кресте не состояла и советские воины были брошены на произвол судьбы своим правительством, которое всех пленных огульно приказало считать дезертирами и предателями. Все они заочно лишались воинского звания, именовались «бывшими военнослужащими» и поступали на учет НКВД так же, как и их семьи, которые лишались продовольственных карточек.

Об этом известно было в лагерях, и это обстоятельство еще более отяжеляло душевное состояние военнопленных, которые не только материальной, но и моральной поддержки ниоткуда получить не могли. Они чувствовали себя в безвыходном тупике, обреченными на медленную гибель.

При таких условиях, когда немецкое командование предложило этим людям, обратившимся в живые скелеты, нормальный военный паек своих солдат, чистое жилье и человеческое отношение,.. многие согласились одеть немецкий мундир, тем более что им было объявлено, что из них будут формировать части для тыловой службы и работы.

Пусть, кто может, бросит в них камень...

Однажды в тот захолустный французский городок на берегу Атлантического океана, где я прожил годы немецкой оккупации,

прибыл русский батальон. Прибыл совершенно неожиданно и для нас, и для самих «добровольцев», которых немцы посадили в поезд в Западной России, места назначения не объявили и везли без пересадок, не выпуская со станций, до конечного пункта. Сред них были люди разного возраста, от 16 до 60 лет, разного социального положения — от рабочего до профессора, были беспартийные, комсомольцы и коммунисты.

Эти люди толпами приходили ко мне, а когда германское командование отдало распоряжение, воспрещающее «заходить на частные квартиры», пробирались впотьмах через заднюю калитку и через забор поодиночке или небольшими группами. Длилось наше общение несколько месяцев, пока батальон не перебросили на фронт, против высаживающихся англо-американцев.[1]

Говорили обо всем: о советском житье, о красноармейских порядках, о войне, об укладе жизни в чужих странах, и прежде всего, о судьбе самих посетителей. Была в ней одна общая черта, выращенная советской жизнью и условиями плена-камуфляжа. Еще перед сдачей все коммунисты и комсомольцы зарывали в окопе свои партийные и комсомольские билеты и регистрировались в качестве беспартийных. Многие офицеры, боясь особых репрессий, срывали с себя знаки офицерского достоинства и заявляли себя «бойцами». Стало известно, что семьи «без вести пропавших» продолжают получать паек, а семьи пленных преследуются, и многие, попав в плен, зарегистрировались под чужой фамилией и вымышленным местом жительства. Когда вызывали «добровольцев»-казаков, записывались казаками и ставропольцы, и нижегородцы, и плохо говорившие по-русски чуваши...

В толпе всегда мог оказаться доносчик, и потому вопросы, которые мне задавали, хотя и были часто весьма деликатными, облекались в самые безобидные формы. В этом искусстве подсоветские люди весьма преуспели... Между нами происходили разговоры вроде следующего:

— А далеко ли отсюда до испанской границы?
— Сто километров.
— И все лесом?
— Последняя треть пути безлесная.
— На границе французы?

— Нет, границу охраняют, и весьма бдительно, немцы.

Один только раз кто-то, не то по простоте, не то по умыслу, нарушил нейтральный тон наших бесед, задав мне вопрос:

— Скажите, генерал, почему вы не идете на службу к немцам? Ведь вот генерал Краснов...

— Извольте, я вам отвечу: генерал Деникин служил и служит только России. Иностранному государству не служил и служить не будет.

— Я видел, как одернули спрашивающего. Кто-то пробасил: «Ясно». И никаких разъяснений не потребовалось.

Не было ни одной группы посетителей, не проходило ни одного дня, чтобы мне не задавали с нескрываемой скорбью сакраментальный вопрос:

— Как вы думаете, вернемся мы когда-нибудь в Россию?

Видно было, что никто уже не верит в победу немцев, и у меня перед большой картой, на которой линия фронта неизменно и быстро продвигалась на запад, толпились люди, испытывавшие, видимо, двойное чувство: подсознательной гордости своей родиной и своей армией и... страха за свою судьбу.

Приходили ко мне и малыми группами сжившихся между собой друзей, и тогда разговор терял свой условный характер и становился совершенно откровенным и доверительным. Приходили старики — участники белого движения, которые ни в чем не изменились за 25 лет большевистского режима... Приходило много молодежи, мало по-настоящему образованной с превратными понятиями, но развитой больше, чем было в наше время, любознательной и ищущей. Они не скрывали от меня, что состояли в комсомоле: но, видимо, при столкновении с внешним миром, глаза их открывались, и коммунистическая труха спадала с них легко. Большинство уверяло, что поступили в комсомол только потому, что иначе «не было никакого выхода в жизни».

Приходили разновременно и два коммуниста. Один — офицер — пытался даже доказывать коммунистические «истины», явно зазубренные из краткого конспекта истории партии, и похваливался советской «счастливой жизнью». Но, уличенный в неправде, сознавался, что пока ее нет, но будет... Другой коммунист, более скромный, нерешительно оправдывался в своей принадлежности к партии.

Я спросил:

— Скажите, чем объяснить такое обстоятельство: вам известно, что, если бы немцы узнали, что вы коммунист, вас бы немедленно расстреляли. А вы не боитесь сознаться в этом?

Молчит.

— Ну, тогда я за вас отвечу. Перед своими, советскими, вы не откроетесь, потому что 25 лет вас воспитывали в атмосфере доносов, провокации и предательства. А я, вы знаете, хоть и враг большевизма, но немцам вас не выдам. В этом глубокая разница психологии вашей — красной и нашей — белой.

Из длительного общения с соотечественниками в немецких мундирах я вынес совершенно определенное впечатление, что никакого пафоса борьбы и русско-германского сотрудничества среди них в огромном большинстве нет и в помине. Просто люди попали в тупик и искали выход. В тупик, между ужасными условиями концентрационных лагерей и огульной оценкой советской властью пленных как «дезертиров» и «предателей», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так, по крайней мере, все они думали.

В концентрационном лагере верная смерть. Там Сталин угробит. А здесь, может, как-нибудь и выдыхаешься — говорили многие.

Но все, положительно все испытывали страшную тоску по родине, семье и дому. Невзирая на все тяготы советской жизни, невзирая на ожидающие их кары, многие готовы были вернуться в Россию при первой возможности. Отрицательное отношение к немцам не только высказывалось у меня, в четырех стенах, но и выносилось на улицу, в кабаки, где русские люди, братались с французами, запивали свое горе и громко, открыто поносили «бошей». Где полупьяный казак, заучивший несколько французских слов, показывая на свой мундир, говорил:

— Иси — алеман?

И потом, рванув за борт, показывая голую грудь:

— Иси — рюсь!

Надо сказать, что большинство чинов этого батальона были пленные 1941—1942 годов — времени поражения Красной армии и исключительно тяжелого режима концентрационных лагерей — и потому с несколько пониженной психикой.

В своих собеседниках я видел несчастных русских людей, зашедших в тупик, и мне было искренно жаль их. Они приходили ко мне, ища утешения. Великодушия со стороны «отца народов» я им, конечно, сулить не мог, но с полным убеждением заверял, что всякая другая русская или иностранная власть осудит, но простит. Если только... во благовремении они вырвутся из немецкого мундира...

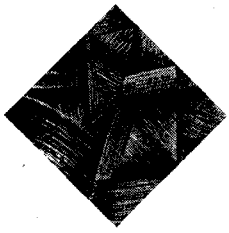
Общей была решимость, когда приблизятся союзники, перебить своих немецких офицеров и унтер-офицеров и перейти на сторону англо-американцев. В этой решимости их укрепляло еще то обстоятельство, что в расположение русских частей сбрасывались союзными аэропланами летучки с призывом не сражаться против них и переходить на их сторону и с обещанием безнаказанности.

Когда они спрашивали меня, можно ли верить союзникам, я с полной искренностью и убеждением отвечал утвердительно, потому что мне в голову не могло прийти, что будет иначе... Большинство русских батальонов при первой же встрече сдалось англичанам и американцам.»[2]

Встречи с людьми «оттуда», разговоры и общение с ними до глубины души потрясли Деникина. Он лишний раз убедился в том, что внутри советской России ничего не изменилось, что жизни человеческой, как и в начале большевизма, цена там грош; что власть, как и раньше, не признает ни права, ни справедливости, ни милости. И несмотря на свое бескомпромисно-отрицательное отношение к русским эмигрантам, коллаборировавшим с немцами, в этом новом явлении русских военнопленных в германских мундирах Деникин видел просто русских людей, попавших в великую беду, и отнесся к ним сердечно, хотя к внешней их оболочке — отрицательно. И когда через несколько лет он узнал, что этих несчастных, сдавшихся затем в плен англо-американцам, выдают силком обратно, на мучение и смерть, советам, на основании параграфа Ялтинского договора между Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным, то гневу и возмущению Деникина не было предела.

Глава XL

РАДОСТЬ И ГОРЕ



Русский отряд в немецкой форме был переброшен к северу от Мимизан. Общение с ним прекратилось. Снова для Деникина настали тусклые дни «одиночества вдвоем», и снова страницы из дневника Ксении Васильевны, как лента на экране кинематографа, включают читателя в круг их жизни.

3 февраля 1944 года

Берлин сообщает, что английская авиация бомбардировала поезд, везший англо-американских пленных, в результате более 500 из них убиты.

Конечно, такой факт мог произойти, ведь вражеская авиация естественно атакует все пути сообщения, но любопытно, что никто в это не верит. Первая реакция Антона Ивановича перед аппаратом была: «Сами убили, чтобы отомстить за бомбардировки».

17 февраля 1944 года

Англичане сбили над нашим лесом два больших немецких авиона.

27 марта 1944 года

Сейчас у нас тревога-набат в церкви, гудят обе фабрики, слышны авионы.

Дважды пролетели над нами сотни самолетов. Летели отрядами довольно низко, не обращая ни малейшего внимания на пальбу нашей ДСА... Мы и не подозревали, что немцы такую

противовоздушную защиту у нас устроили,.. но ни один авион не был задет.

Вокруг тяжелых бомбовозов вились маленькие защитники. Все население высыпало на улицы, и все стояли, задрав головы, и взволнованно обсуждали, куда или откуда летят смертоносные птицы.

31 марта 1944 года

Слушали грохот московских залпов по случаю взятия Очакова. Производит впечатление даже по радио. Кажется, это второй раз в истории русские берут Очаков. Полтораста лет тому назад, во времена Екатерины, Потемкин взял его у турок. Но тогда это была слава России. А теперь? Может быть, тоже, говорит мне Антон Иванович.

6 июня 1944 года

Высадились! На берегу Ламанша, прямо, можно сказать, в лоб немецким страшным укреплениям. То есть еще высаживаются, и парашютисты падают массами. Я слышала с 2 часов ночи, что все авионы над нами летают, и так до утра. Так что в 6 часов встала, разбудила Антона Ивановича и говорю — что-то случилось. Взялись за пост и узнали, что союзная авиация и флот разносят береговые укрепления и парашютисты падают в Нормандии. Началось... В 7 часов все местные люди про это только и говорят. В 8 часов мы уже знаем, что высаживаются в нескольких местах на пляжах... Ох, только бы удалось теперь...

3 июля 1944 года

Минск обходят и с севера, и с юга. Так долго отдыхавшая тесемочка на большой русской карте теперь передвигается каждый день.

Антон Иванович, выслушав вечером московскую сводку, вооружился молотком и передвигает булавки и гвоздики.

Как они идут хорошо и как правильно маневрируют!

И как болит старое русское солдатское сердце...

2 августа 1944 года

[Ксения Васильевна вышла на улицу поговорить с соседями. Разговор, по-видимому, был длительный, ибо заканчивается заметка следующей фразой]: «А у наших дверей меня с нетерпением ждал Антон Иванович, так как что-то выкипело на плите».

11 августа 1944 года

Вчера была нездорова и спала плохо. Утром, позднее обыкновенного, Антон Иванович разбудил меня, сказав, что американцами взят Шартр. Шартр? Но это невозможно, они же вчера были более чем за 100 километров от него! Однако пришлось сдаться на очевидность, ибо пост на всех языках подтвердил. Смелым рейдом колонна танков достигла Шартр в 75 километрах от Парижа. Все радуются...

15 августа 1944 года

Мы стояли у нашего двора целой кучкой, обсуждая события и наблюдая за возней немцев, которые все прибывали и прибывали в наше местечко. По слухам они стягивают сюда все гарнизоны маленьких соседних деревень и далеких бункеров. Как вдруг в вечерней тишине звонко и четко раздался французский военный сигнал, который мне был знаком, так как слышала его часто из Алжира и Лондона по радио. Мы все молча смотрели в сторону приближающихся звуков, мимо нас проехал камион, нагруженный плотно стоящими черными французскими военнопленными... Один негр в самой середине, подняв вверх инструмент, трубил весело и громко, а остальные, скаля зубы, задорно смеялись и кричали нам что-то. У откидной сходни грузовика флегматично сидели два немецких часовых и ели яблоки.

Через несколько дней германская оккупация Мимизан была закончена.

20 сентября 1944 года

Недалеко от нас привезли 150 немецких пленных работать по починке моста. Поместили их в бараках, где жили чернокожие французские военнопленные, и этих последних поставили их кара-

улить. Как быстро перевернулась картина! В первую же ночь эти негры самовольно произвели такой товарообмен: сняли с немцев и обулись в их хорошие сапоги, а пленникам дали свои разнокалиберные обноски. Обуты ведь они были очень печально, кто в разбитых сабо, кто в драных эскадрильях, кто в заштопанных каучуковых сапогах, а кто и в самодельных штуках, которых и обувью нельзя назвать.

22 января 1945 года

Вся мировая пресса только и говорит о советских победах...

Мы, русские, всегда знали, на что способен наш народ. Мы не удивились, но мы умилились и восхитились. И в нашем изгнании, в нашей трудной доле на чужбине почувствовали, как поднялась и наполнилась наша русская душа.

Наполнилась гордостью, но и болью и сомнением.

Что несет России и всему миру победа? Разве это во имя величия России,.. разве для будущего справедливого и лучшего жития всех людей — эта победа? А не для выполнения дьявольского плана привития человечеству изуверской доктрины, которая пришла в голову одному маньяку, а воспользовался ею другой маньяк? Воспользовался для удовлетворения своего незаурядного честолюбия, своего чудовищного властолюбия и своей бесчеловечной природы. И все русское геройство, все невероятные жертвы — лишь дань этому молоху, лишь часть этого страшного плана.

19 мая 1945 года

Поймали Розенберга. Вот кого следует выдать Советам, и пусть его судят как хотят. Этот все заслужил!

5 июня 1945 года

Вот мы и в Париже. Конец пятилетней ссылке, конец огородам, лесным прогулкам и общению с людьми маленькими, но непосредственными и настоящими. Много рук я пожала со слезами и с сознанием, что вряд ли еще их встречу.

...Трудна была наша жизнь эти пять лет. Но я не жалею их; и кусочек моей жизни, прошедший в случайной глуши Франции,

открыл мне больше ее лицо и ее душу со всеми недостатками и достоинствами, чем предыдущие 15 лет парижской жизни.

Пять лет германской оккупации, проведенных в глуши маленького французского местечка, в нищете, под надзором немецких властей, были большим этапом в жизни Деникина. Из этого испытания Антон Иванович вышел с честью. Ни на одну минуту не сдавая свою непримиримую позицию в отношении к советской власти, он не допускал сотрудничества с внешними захватчиками и врагами России. Он боролся против пораженчества среди русской эмиграции, клеймил коллаборантов и не переставал распространять среди своих соотечественников противонемецкие писания.

Деникин не мог оправдывать немецкого мундира на русских военнопленных, но, поняв трагедию того морального тупика, в котором очутились эти люди, он в душе своей не осудил их и впоследствии всеми силами старался быть их заступником.

Несмотря на ухудшение болезни сердца и на физическую усталость, духовная энергия его не иссякла. Фрагменты намеченных им за эти пять лет книг, памфлетов и статей — не доконченных и не обработанных (по причинам германской слежки во время оккупации, а затем из-за вскоре пришедшей смерти) — свидетельствуют о невероятной трудоспособности этого человека. Говорят они также об его незаурядном литературном таланте и целеустремленности, ибо, кроме семьи и небольшого круга бывших соратников, единственной и действительной любовью всей жизни Деникина была Россия, и все его помыслы были устремлены только к ней.

Даже после пяти лет войны и оккупации Париж, потускневший и погрязневший, все же был прекрасен. Но для Деникина возвращение в этот город было сопряжено с большим разочарованием.

Удручали моральные сдвиги, происшедшие среди многих из русских эмигрантов за время войны. Расстраивали и то, что произошло со многими из близких ему людей к концу войны и после освобождения Франции.

После конца войны, когда стали известны подробности того, что творилось в Аушвице, Дахау и других нацистских концлагерях, весь мир содрогнулся от ужаса. Говорили только о германских

зверствах, но о коммунистических зверствах и советских расправах с политическими врагами внутри страны предпочитали умалчивать. А таких «врагов» за одно лишь время сталинских чисток во второй половине 30-х годов было уничтожено и заморено в большевистских концлагерях свыше девяти миллионов человек!

В этот период замалчивания Деникин, один из очень немногих, продолжал открыто клеймить и то, и другое зло.

Перечисляя тех, кто от имени эмиграции старался подладиться к немцам, Деникин строго осуждал некоторых возглавителей военных организаций, которые без какого-либо опроса членов организаций в порядке единоличного решения подавали мемории немецкому командованию, прося принять во внимание их готовность «содействовать скорейшей победе [немцев] и восстановлению порядка и социальной справедливости на нашей родине».[1]

Осуждал он тех, кто, занимая видное место, престижем своего имени мог сбить с толку массу эмиграции.

Но больше всего возмущало Деникина то, что произошло в Югославии: «Под влиянием и давлением некоторых недостойных возглавителей эмиграции там проявилось досадное пораженчество. Эти люди вели себя так шумно и бестактно, что незадолго перед войной дошло до серьезных разговоров об интернировании известного числа русских эмигрантов в особые лагеря. А после оккупации Югославии немцами горечь к русским у сербов возросла еще более под влиянием некоторых обстоятельств. Дело в том, что в конце 1942 года немецкое командование приступило там к формированию «Шюцкора» (охранного корпуса) из русских эмигрантов, а позднее и военнопленных красноармейцев. Набор был добровольный и разрешался только в Балканских странах. Эмигранты из Франции, Чехии и других стран, даже из Германии, не допускались. Вероятно, их не считали достаточно благонадежными... Во главе корпуса поставлен был генерал-майор русской службы Штейфон, произведенный немцами в генерал-лейтенанты. Но, помимо того, был назначен «шеф корпуса», немецкий полковник, который и ведал всецело вопросами оперативными и организационными.

«Нет никакого сомнения, что не столько идея, сколько беспросветная нужда загоняла людей в Шюцкор.

Немцы... корпус на восток не послали.

Официальным назначением его было «усмирение восстания жидов и коммунистов». Так называли они сербское национальное движение против немецкого нашествия. Этим «усмирением» и занимались немецкие войска со влитыми в их ряды частями Шюцкора. А когда разобрались сбитые с толку русские люди, началось бегство из корпуса, к сожалению, запоздалое.

Русскому имени был там нанесен жестокий ущерб».[2]

Следует напомнить здесь, что национальным восстанием против чужеземного нашествия руководил вначале сербский патриот генерал Михайлович, и лишь впоследствии всплыло на поверхность коммунистическое партизанское движение Тито.

Чтобы дать более полную картину роли, которую русская эмиграция играла во время войны, надо отметить, что А. И. Деникину, скончавшемуся в августе 1947 года, не были тогда известны многие факты, опубликованные впоследствии. Он не знал (ибо немцы это скрывали, а сведения и слухи не дошли до захолустья, в котором он жил во время германской оккупации) что многие, очень многие русские эмигранты младшего поколения, жившие во Франции, активно участвовали в подпольной борьбе с немцами. Многие из них приняли мученический конец в германских тюрьмах и лагерях. В большинстве это были люди, попавшие в раннем детстве в эмиграцию. Но было также то поколение, которое в юности пошло добровольцами в Белую армию, ибо тогда оно отвергло большевизм, а здесь отказалось подчиниться нацизму. Некоторые вошли во французскую жизнь, но все они продолжали считать себя русскими.

Кроме сотрудничества с немцами удручало Деникина — появившееся во время войны и усилившееся к концу ее — движение среди некоторых кругов эмиграции идти на сближение с советской властью. Тоска по родине, победное движение русских войск, разгром Германии — все это взятое вместе давало какую-то надежду на патриотический подъем внутри России, на то, что армия окажется сильнее партии, что советская власть должна будет пойти на уступки.

Деникин утверждал и оказался прав, что все эти надежды ложны, что эта новая «ересь», прикрытая именами людей, пользовавшихся уважением среди эмиграции, приведет лишь к новому соблазну и конфузу.

Осуждал он группу видных парижских эмигрантов, принявшую приглашение посетить советское посольство в Париже. Возмущался поведением историка и политика Милюкова, который за долгую свою жизнь, переменив немало «ориентаций», под конец признал Октябрьскую революцию органической частью национальной истории и, оценивая высоко советское достижение, считал, что «народ не только принял советский режим, но примирился с его недостатками и оценил его преимущества». Чего Деникин не мог простить Милюкову — это его утверждения, что, «когда видишь достигнутую цель, лучше понимаешь и значение средств, которые привели к ней».

«Цель оправдывает средства» — был принцип, которого Деникин не допускал.

Но, осуждая некоторых общественных деятелей эмигрантского Парижа за их готовность идти на примирение с советской властью, за их «советскую Каноссу», Деникин признавал, что и Милюков, и другие, за время германской оккупации вели себя — с точки зрения русской — безупречно и с достоинством. Безупречно было также поведение писателя Бунина. Имя лауреата Нобелевской премии было слишком хорошо известно по всей Европе, и немцам, естественно, хотелось вовлечь его в свою орбиту в виде литературного сотрудника. Но попытка использовать имя Бунина в целях пропаганды кончилась так же неудачно, как и попытка использовать имя генерала Деникина. Искушение куском хлеба не удалось. Оба предпочли жить впроголодь.

В Париже к длинному перечню разочарований прибавилось еще одно, и, пожалуй, самое горькое и жестокое: среди близких себе людей и соратников, членов «Добровольческого союза», с кем связывало не только прошлое, но и единомыслие в исповедании «белой идеи», среди этих людей Деникин почувствовал расхождение с собой во взглядах. Они относились к нему с той же любовью, с тем же уважением, как прежде. Но это была любовь к прошлому, к героическим моментам белой борьбы, вождем которой был Деникин.

Теперь же, после блестящих побед Красной армии, когда заходил разговор о непримиримости к советскому строю, — некоторые из них молчали и даже находили какое-то оправдание Советам.

У Деникина к тому времени сложилось убеждение, с которым он прожил два оставшиеся года своей жизни и унес его с собой в могилу.

Он считал, что советская внешняя политика после конца войны, с большевистской оккупацией соседних государств, своим методом террора и порабощения восстанавливает против СССР (и против России) понемногу весь мир; что эта политика коммунистического империализма, провокационная и угрожающая в отношении к бывшим союзникам, грозит в случае военного столкновения с ними обратить в прах все, что достигнуто патриотическим подъемом и кровью русского народа. Он считал, что в случае новой войны Россия благодаря советской агрессии окажется буквально одна против всех. И потому он ожидал, если, конечно, не от эмиграции вообще, то во сяком случае от участников белого движения, что они проведут резкую грань между Россией с ее национальными интересами и советским империализмом.

«Решительно ничто жизненным интересам России не угрожало бы, — говорил он, — если бы правительство ее вело честную и действительно миролюбивую политику. Между тем большевизм толкает все державы на край пропасти и, схваченные наконец за горло, они подымутся против него. Вот тогда страна наша действительно станет перед небывалой еще в ее истории опасностью. Тогда заговорят все недруги и Советов, и... России. Тогда со всех сторон начнутся посягательства на жизненные интересы России, на целость и на само бытие ее».

«Вот почему так важно, чтобы в подлинном противобольшевистском стане... установить единомыслие в одном, по крайней мере самом важном вопросе — защита России. Только тогда голос наш получит реальную возможность рассеивать эмигрантские наваждения — подкреплять внутрироссийские противобольшевистские силы и будить мировую совесть».[3]

На подобные речи многие из когда-то близких Деникину людей молчали из уважения к нему, не желая противоречить. Он видел в этом «умалчивании» и «неосуждение» Советов, приписывал эти перемены тем же ошибочным, с его точки зрения, побуждениям ложного патриотизма, чтобы не повредить России... и чувствовал, что постепенно брешь, которая вдруг разверзлась между ним и его прежними единомышленниками, становилась все шире и шире.

Быть может, в этом, новом элементе взаимного непонимания у его бывших последователей отразилось также подсознательное чувство, что после пяти лет зверств, варварства, полного огрубения, с атомной энергией неожиданно направленной на массовое истребление неприятеля; что после всего этого, призыв к горсти русской эмиграции «будить мировую совесть» — есть дело не совсем реальное...

Но если был возможен упрек в нереальности, то упрек в том, что Деникин якобы призывал к войне против России, упрек, который делала ему потом в целях пропаганды пробольшевистская печать, был явной ложью. Деникин болел душой о России; он больше всего боялся, что коммунистическая власть в стремлении силой, обманом или «проворством рук» захватить чужое достояние зарвется до тех пределов, откуда выхода больше нет, и что тогда весь мир обрушится войной против России.

Наступившее после войны расхождение во взглядах с близкими когда-то людьми было одной из причин, побудивших Деникина решиться на отъезд в Америку. Кроме того, в Париже перестали выходить русские газеты, в которых прежде Антон Иванович мог высказывать свои взгляды, помещать статьи. Появились новые, просоветские, газеты. Во Франции 1945 года Деникину не было доступа к свободной трибуне, не было возможности открыто высказываться.

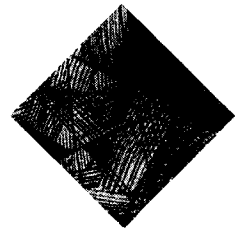
Была и еще причина: он глубоко переживал трагедию русских военнопленных, одевших немецкий мундир. По Ялтинскому договору союзники обязались насильно возвращать их в Советский Союз. Соединенные Штаты были во главе всей коалиции воюющих стран Запада, и там, за океаном, Деникин хотел лично обратиться к Американскому главному командованию и общественному мнению с призывом не допустить этого насилия.

Антон Иванович и Ксения Васильевна покинули Францию 21 ноября 1945 года и после краткого пребывания в Англии отправились в Нью-Йорк на пароходе «Quen Elisabeth», где благодаря любезности английского командования им была предоставлена каюта. Во время войны пароход этот был превращен в транспорт для перевозки войск.

7 декабря они прибыли в Нью-Йорк.

Глава XLI

ПРИЕЗД В АМЕРИКУ



Все хлопоты и формальности, связанные с переездом Деникиных на постоянное жительство в Соединенные Штаты, взял на себя один из бывших офицеров Добровольческой армии.[1] Он же предоставил своему бывшему Главнокомандующему и его супруге комнату в своей квартире и оказал им сердечное гостеприимство. Там, поблизости от Нью-Йорка, Деникины прожили до сентября 1946 года, когда, несмотря на квартирный кризис, им удалось найти скромное, маленькое помещение в окрестностях города и таким образом, как говорил Антон Иванович, «приобрести некоторую оседлость».

Первое известие о решении Деникина переехать в Соединенных Штаты было полной неожиданностью для американцев русского происхождения. Они узнали о нем из заметки в нью-йоркской газете «Новое русское слово» от 5 декабря 1945 года, где сообщалось, что «генерал Деникин покинул Францию и выехал по иммиграционной визе в Соединенные Штаты». Дальше корреспондент газеты добавлял, что отъезд Деникина вызвал в русском Париже много толков и даже некоторое беспокойство в связи с усилившимся советским влиянием во Франции.

9 декабря, через два дня после приезда Антона Ивановича в США, в той же газете была напечатана довольно обширная беседа с ним сотрудника «Нового русского слова».

«Антон Иванович Деникин почти не изменился за последние пять лет; тот же твердый, стальной взгляд, все та же осторожная

точность выражений. И политически его взгляды за эти годы не изменились: бывший Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России остался патриотом и антибольшевиком. Он по-прежнему с русским народом, но не с советской властью».

Дальше перечислялись уже известные нам факты о жизни Деникина под немцами, об аресте его жены, о визите к нему германского коменданта, об отказе регистрироваться, о распространении им среди бывших соратников противогитлеровских и противобольшевистских посланий.

На вопрос, чем вызван его отъезд из Франции, — А. И. Деникин ответил, что «во Франции стало душно», что нет свободной русской печати, что русские газеты выходят там под «прямым или косвенным советским контролем» и что, следовательно, ему, Деникину, закрыта возможность высказывать свои взгляды в печати.

Газетная статья, в высшей степени корректная в отношении Деникина, заканчивалась утверждением, что в Америке он найдет свободную трибуну и возможность защищать свои политические идеалы.[2]

В дальнейшем мы увидим, насколько это предсказание сбылось.

Приезд генерала Деникина в Америку взбудоражил местных коммунистов. Против него началась систематическая травля в пробольшевистской печати. Обвиняли его в желании организовать новый крестовый поход против Советского Союза, называли черносотенцем и врагом народа. Обвиняли в еврейских погромах на Юге России во время гражданской войны; устраивали «массовые митинги», требуя от американских иммиграционных властей немедленной высылки Деникина из Соединенных Штатов. Некоторые органы еврейской печати в Нью-Йорке, вроде «Морген журнал» и «Форвертс», тоже выступили против Деникина. В весьма нелестных выражениях винили генерала в попустительстве погромам.

«Морген журнал» в азартном потоке своих обвинений настолько увлекся и пересолил, что смешал Деникина в одну кучу с «Петлюрой, Махно и другими белогвардейскими черносотенцами».

Надо думать, что бывший социалист Петлюра (убитый в 1926 году в Париже Шаломом Шварцбардом в отместку за

еврейские погромы на Украине), и особенно полуграмотный крестьянин анархист Махно, странной волей судьбы попавший после конца гражданской войны в эмиграцию и в 1935 году похороненный в Париже, что оба они были бы очень изумлены, увидв себя в компании «белогвардейских черносотенцев».

Досталось от «Морген журнал» не только Деникину, но и «Новому русскому слову». Начиналась статья так: «В город самых бойких репортеров, в мировой центр еврейской печати, в страну, где находится, возможно, самое большое число евреев, помнящих украинские погромы, прибыл незаметно самый отъявленный из всех еще оставшихся в живых русских черносотенцев». Затем, отдав «должное» генералу Деникину, газета взялась за «Новое русское слово»: «Этот журналист, перед которым генерал Деникин излил свою душу, не был посланцем «отца» Коглина или Джеральда К. Смита, а представителем русской газеты «Новое русское слово», чей издатель — еврей В. И. Шимкин, главный редактор — еврей М. Е. Вейнбаум, а сотрудники тоже в большинстве евреи, включая нескольких известных русских евреев социалистов и русско-еврейских писателей... Возможно ли, что евреи-издатели и члены редакции «Нового русского слова» забыли все это и устроили столь дружеский прием генералу Деникину только потому, что он делит их вражду к Советской России?»[3]

За долгие годы жизни в эмиграции Антон Иванович привык, конечно, к травле в коммунистической печати, и потому новую версию на старые темы в пробольшевистских газетах он оставил без внимания. Но на травлю в еврейских газетах Деникин решил реагировать.

«Я узнал, что в вашей газете помещена статья, воздвигающая на меня необоснованные и оскорбительные обвинения», — писал он в редакции как «Морген журнал», так и «Форвертс».

«Сообщаю вам:

«1) Никаких «тайных» задач у меня не было и нет. Всю жизнь я работал и работаю на пользу русского дела — когда-то оружием, ныне словом и пером — совершенно открыто.

2) В течение последних 25 лет я выступал против пангерманизма, потом против гитлеризма в целом ряде моих книг и брошюр на публичных собраниях в разных странах, в пяти европейских сто-

лицах. Книги мои попали в число запрещенных и были изъяты Гестапо из магазинов и библиотек. Пять лет немецкой оккупации я прожил в глухой французской деревне под надзором немецкой комендатуры, не переставая все же распространять противонемецкие воззвания среди соотечественников.

Эта моя позиция, равно как и несправедливость обвинения меня газетой в «черносотенстве», известна всей русской эмиграции. К сожалению, неизвестна редакции вашей газеты».

Касаясь обвинения в «погромах», А. И. Деникин писал, что «волна антисемитских настроений пронеслась по югу России задолго до вступления Белых армий в «черту еврейской оседлости», что «командование принимало меры против еврейских погромов», и что «если бы этого не было, то судьба еврейства южной России было бы несравненно трагичнее».[4]

После встречи в Мимизан с русскими военнопленными, одевшими немецкие мундиры, Деникина непрестанно волновала их судьба. Личное общение с ними открыло ему ту глубокую драму, которую переживали в душе своей эти люди. Теперь же его мучила мысль, что в оккупированной союзниками Германии и Италии сидят в лагерях сотни тысяч человек, что им грозит выдача советской власти, которая с необыкновенным, зловещим упорством добивается этой репатриации. «Знала ли история», — говорил он, — «подобное явление, чтобы десятки, сотни тысяч людей, вывезенных из родной страны, где протекала вся их жизнь, и где, следовательно, сосредоточились все их интересы, где остались их семьи и близкие, — не только всеми силами противились бы возвращению, но одна возможность его доводила бы их до сумасшествия, до самоубийства...» Деникин считал, что «подобный торг человеческими душами не может быть оправдан никакими политическими договорами. Ибо есть нечто превыше политики — христианская мораль, достоинство, честь человека». Он указывал, что «все эти люди — мужчины, женщины, дети, старики — чувствуют себя на краю пропасти, перенесли такие лишения, страдания, что, если описать все ими пережитое, получилась бы небывало жуткая книга человеческой скорби. «Они стучатся, — говорил Деникин, — во все сердца, они шлют повсюду свое тревожное S O S, не переставая верить, что и за ними будет признано право на жизнь.»[5]

Молчать Деникин не мог и решил открыто выступить ходатаем перед американскими властями за невыдачу большевикам «власовцев», попавших в плен к англо-американцам. Вот выдержки из текста его письма от 31 января 1946 года к генералу Айзенхауэру:

«Ваше Превосходительство, в газете «Таймс» я прочел описание тех ужасов, которые творятся в лагере Дахау, находящемся под американским управлением, над несчастными русскими людьми, которых называют то «власовцами», то «дезертирами и ренегатами» и которые предпочитают смерть выдаче их советской власти.

Полагая, что Вам неизвестна подлинная история этих людей, я хочу познакомить Вас с ней».

И тут генерал Деникин вкратце изложил те факты, которые, с его слов, уже цитировались в одной из предыдущих глав.

«Я встречался, — писал он, — и беседовал во время немецкой оккупации с сотнями русских солдат и офицеров, состоявших на германской службе, среди которых были люди разного возраста и социального положения — были беспартийные, были комсомольцы и коммунисты. Поэтому я хорошо знаю их тогдашние настроения. Прежде всего, среди них совсем не было германофильства, они даже ненавидели немцев и, попав в среду французского населения, выражали эти свои чувства словами и мимикой так открыто и экспансивно, что французы стали относиться к ним с сочувствием и доверием.

Люди эти попали в тупик и искали выхода.

Они придумывали самые фантастические планы — то перехода через испанскую границу, то переправы на лодках через Ла-Манш в Англию... Общей была решимость — при приближении союзников — перебить немецкое начальство и перейти на сторону англо-американских войск или французских партизанских отрядов.

Вашему Превосходительству должно быть известно, что так именно и поступило большинство русских батальонов.

Когда война окончилась, появились в печати объявления советского генерала Голикова, заведующего репатриацией военнопленных, обещавшего, что все понято, прощено и забыто. Многие поверили, явились на сборные пункты и были отправлены в СССР. Но скоро оттуда всякими путями пришли вести о том, какая страш-

ная доля уготована всем бывшим пленным и особенно «одевшим немецкие мундиры», этих последних ждали пытки и смерть...

Так что эти несчастные люди отлично знают, что ждет их в «советском раю» и неудивительно поэтому, что собираемые в Дахау военнопленные предпочитают искать смерти на месте, и какой смерти!.. Перерезывают себе горло маленькими бритвенными лезвиями, испытывая невероятные предсмертные муки; поджигают свои бараки и, чтобы скорее сгореть живьем, сбрасывают с себя одежду; подставляют свои груди под американские штыки, и головы под их палки — только бы не попасть в большевистский застенок...

Я могу себе представить, какие чувства должны испытывать американские офицеры и солдаты — участники таких экзекуций...

Ваше Превосходительство, я знаю, что имеются «Ялтинские параграфы», но ведь существуют еще, хотя и попираемые ныне, традиции свободных демократических народов — право убежища.

Существует еще и воинская этика, не допускающая насилий даже над побежденным врагом. Существует, наконец, христианская мораль, обязывающая к справедливости и милосердию.

Я обращаюсь к Вам, Ваше Превосходительство, как солдат к солдату, и надеюсь, что голос мой будет услышан.

Генерал А. Деникин».[6]

В отсутствие генерала Айзенхауэра ответ пришел за подписью генерала Томаса Ханди, исполнявшего обязанности начальника штаба.

Он указывал на параграфы Ялтинского договора, требующие насильственной репатриации в Советский Союз всех тех, кто 1 сентября 1939 года был гражданином СССР, находился в пределах Советского Союза и принадлежал к одной из следующих категорий: 1) был захвачен в плен в германской военной форме; 2) состоял 22 июня 1941 года (или позже) в Вооруженных силах Советского Союза и не был из них уволен; 3) сотрудничал с неприятелем и добровольно оказывал ему помощь и содействие. В заключение генерал Ханди сообщал, что американская армия обязана выполнять решение, принятое правительством Соединенных Штатов.

Ответ, по существу деловой, по форме своей был вполне корректен, но с обращением «Mister», хотя чин и прошлое звание генерала Деникина были указаны в письме, которое он отправил Айзенхауэру. Вряд ли генерал Томас Ханди имел малейшее представление об истории русской гражданской войны и о личности того, кому он отвечал.[7]

Несколько лет спустя George Fisher в своей книге «Soviet Opposition to Stalin» дал ответ на вопрос, почему тогда никто в Америке не двинул пальцем, чтобы помочь власовцам.

Фишер правильно отметил, что в глазах Запада, который в тот момент яростно ненавидел Германию и наивно верил в возможность дружбы с Советами, люди, принадлежавшие к категории «власовцев», являлись предателями. И трагедия этих несчастных заключалась именно в том, что в подобных обстоятельствах не могло быть и речи о праве убежища, когда-то гордом принципе западных демократий.[8]

Глубина драмы этих людей настолько захватила Антона Ивановича, что он описал ее в чрезвычайно интересной и ценной статье, озаглавленной «Генерал Власов и власовцы». В слегка сокращенном виде она была переведена на английский язык и предложена нескольким американским журналам. Под тем или иным предлогом ни один из журналов статьи не принял. Тема для того момента была слишком «несозвучна».

Итак, еще одна надежда рухнула! Поиски «свободной трибуны» в Америке не увенчались успехом.

В конце английского текста Деникин говорил, что в Европе еще имеются лагеря, где находятся советские военнопленные, всячески противящиеся репатриации, что многие из них скрываются вне лагерей, прячась, как травленые звери, от советского розыска и союзной полиции. Он выражал надежду, что на Западе пробудится, наконец, чувство справедливости, которое и спасет их от гибели.

Со временем, но уже после смерти Деникина политические трения и разногласия, быстро нараставшие между Вашингтоном и Москвой — более, чем чувство справедливости, — действительно открыли двери в Соединенные Штаты тем, кого еще не успели выдать советским властям.

В начале 1946 года Антон Иванович сделал в Нью-Йорке два доклада.

Первый доклад «Мировая война и русская военная эмиграция» не являлся публичным выступлением. Это было закрытое, но многолюдное собрание 21 января 1946 года. Билеты на него, разосланные по особому списку, включали лишь бывших русских офицеров и участников гражданской войны, обосновавшихся в Америке. Кроме желания ознакомить известную группу лиц со своими взглядами, А. И. Деникин хотел также «войти в личное общение с уцелевшими от жизненных бурь соратниками по старой армии», от которых в течение многих лет отделяли его тысячи километров и океан.

Несмотря на плачевное материальное положение Деникина, чистый сбор с первого доклада пошел целиком в пользу Союза русских военных инвалидов во Франции.

Второй доклад (5 февраля) на тему «Пути русской эмиграции» был публичным выступлением. Это был первый заработок Антона Ивановича в Америке. Лекция принесла генералу несколько сот долларов и дала ему краткую передышку от безденежья.

Оба доклада, в сущности, были на ту же тему: о войне и о русском зарубежье. В первом ударение было на бывших офицерах в эмиграции. Второй доклад в более широком масштабе разбирал политические колебания, через которые прошла русская эмиграция в Европе за последнее десятилетие. Он тоже намечал общее направление, куда, по мнению Деникина, эмиграции следовало бы направить свой путь.

Он указал на сходство и духовную близость между «пангерманизмом» и «панкоммунизмом», между Гитлером и Сталиным с их ненавистью к западным демократиям, с их тоталитарной идеологией, полным презрением к личности и достоинству человека, с их схожими способами удушения народной жизни. Обрушился он на видных русских эмигрантов, сотрудничавших с немцами, и на тех, кто к концу войны пошел на примирение с советской властью. Он говорил, что коммунистический империализм ничего общего не имеет с национальными интересами России, выражал тревогу, что большевистская политика вмешательства во внутреннюю жизнь чужих народов подымет весь свет против России и создаст предпосылку для третьей мировой войны.

Свое двухчасовое публичное выступление А. И. Деникин закончил призывом к русской эмиграции стоять на страже национальных интересов России и все тем же призывом: «будить мировую совесть».[9]

По подсчету местных русских газет, около семисот человек пришло послушать доклад генерала Деникина.

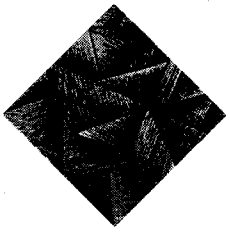
Многие, конечно, пришли из любопытства, чтобы видеть и слышать человека, имя которого неразрывно связано с периодом русской гражданской войны. Были те, которые воевали под его водительством и сохранили к нему любовь и преданность. Были другие, из левого лагеря интеллигенции, с резко отрицательным отношением к белой борьбе, но за многие последующие годы оценившие личные качества Деникина: его неподкупность, безупречную честность, прямоту и гражданское мужество. Были представители реакционных течений, винивших Деникина в том, что за время своего правления он не выставил монархического лозунга. Были и представители русской либеральной мысли, ближе всего по духу сродные Деникину. Собралось много видных представителей культурных и политических группировок русского Нью-Йорка: писатель М. А. Алданов, известный марксист, социал-демократ, историк и писатель Б. И. Николаевский, социалист-революционер и в прошлом террорист В. М. Зензинов, писатель и философ, перешедший от марксизма к церкви, Г. П. Федотов и т.д.

К началу лекции ожидалась «грандиозная массовая демонстрация». Коммунистическая печать призывала всех сочувствующих явиться на демонстрацию с протестом против «лидера погромщиков, недавно прибывшего в США генерала Деникина, который пытается мобилизовать силы реакции и поджигать третью мировую войну».

Однако к 8 часам вечера линия пикетчиков насчитывала лишь около 35 человек. Когда доклад кончился, пикетчики убрали свои плакаты и мирно разошлись по домам.[10]

Глава XLII

ПОСЛЕДНИЙ ГОД



Когда война окончилась, общественное мнение в Соединенных Штатах настойчиво стало требовать быстрой демобилизации вооруженных сил и возвращения солдат и офицеров домой, к их семьям. Американский антимилитаризм шел здесь нога в ногу с надеждой на дружеское сотрудничество в будущем с Советским Союзом.

К апрелю месяцу 1946 года количество уволенных солдат из одной лишь армии, не считая флота, морской пехоты и авиации, достигло почти семи миллионов человек. Одним словом, Вооруженные силы Соединенных Штатов таяли на глазах с невероятной быстротой.

Тем временем становилось все более очевидным, что договоры и соглашения, заключенные между союзниками во время войны, нарушались правительством Сталина. Во всех странах, прилегавших к Советскому Союзу, местные коммунистические партии при прямом или косвенном участии Москвы старались ввести коммунистическую систему управления. Главное стремление большевиков сводилось к уничтожению англо-американского влияния в странах, пострадавших от войны, и к замене его своим влиянием. Особое внимание было обращено на Германию, а также на Францию и Италию, где тренированные в Москве главари местных коммунистических партий путем забастовок, пропаганды, а иногда и террора, пытались подорвать существующий строй.

Деникин с волнением следил за этим ростом коммунистического влияния на всем огромном пространстве Европы и Азии.

Он опасался, что американская демобилизация и разоружение создадут условия, при которых правительство Сталина поставит Соединенные Штаты и Англию перед необходимостью вместо дипломатических протестов начать вооруженную борьбу.

Подобное столкновение грозило бы русскому народу неисчислимыми бедствиями. Предотвратить столкновение казалось ему почти невозможным. И потому он решил высказать власть имущим в демократических странах те меры, которые в случае войны оградили бы его страну — Россию — от раздела и чужеземного ига. И он решился на посылку записки-меморандума правительствам Англии и Соединенных Штатов.

В этом решении было что-то патетически-нереальное. Казалось бы, чего мог добиться частный человек, имя которого в Соединенных Штатах (если и не окончательно позабытое) ошибочно связывалось в глазах американской читающей публики с понятием злостной реакции и обскурантизма?

И в то же время в решении Деникина был весь пафос его готовности служить России, бороться все за ту же «великую, единую, неделимую...». Он считал нужным довести до сведения Вашингтона и Лондона мнение тех, кто, с его точки зрения, представлял интересы не СССР, а подлинной России.

Записка генерала Деникина, озаглавленная «Русский вопрос», была отправлена 11 июня 1946 года. Разбирая в ней внутреннее положение Советского Союза, Антон Иванович говорил, что в данное время третья мировая война советскому правительству не желательна, но мировая революция остается конечной целью коммунизма, а потому правительство Сталина будет стремиться «взорвать мир изнутри», или по крайней мере ослабить его в такой степени, чтобы он стал легкой добычей. Деникин указывал, что Франция и Италия после морального потрясения последних лет и Испания, только что пережившая гражданскую войну, могут легко поддаться соблазну коммунизма.

И тут Антон Иванович сосредоточился на главной теме своего меморандума.

«Если западные демократы, — писал он, — спровоцированные большевизмом, вынуждены были бы дать ему отпор, недопустимо,

чтобы противобольшевистская коалиция повторила капитальнейшую ошибку Гитлера, повлекшую разгром Германии. Война должна вестись не против России, а исключительно для свержения большевизма. Нельзя смешивать СССР с Россией, советскую власть с русским народом, палача с жертвой. Если война начнется против России, для ее раздела и балканизации (Украина, Кавказ) или для отторжения русских земель, то русский народ воспримет такую войну опять как войну Отечественную.

Такого рода западное нашествие окончилось бы также, как и предшествовавшие. Даже временный успех его был бы не концом, а началом новых бесконечных войн.

Если война будет вестись не против России и ее суверенности, если будет признана неприкосновенность исторических рубежей России и прав ее, обеспечивающих жизненные интересы империи, то вполне возможно падение большевизма при помощи народного восстания или внутреннего переворота.

Трезвые политики противобольшевистской коалиции, даже недруги России путем исторических примеров должны бы прийти к заключению, что поработить ее нельзя. Но и углубление, и использование ими временной разрухи в России, если она была вызвана внутренними потрясениями, явились бы актом безрассудной и для многих стран самоубийственной политики, обратив Европу надолго в кровавое побоище и вызвав хаос во всем мире».[1]

Препроводительные письма к записке Антона Ивановича не сохранились. Но, судя по ответу из Лондона, меморандум был послан в Англию министру иностранных дел. Ответ от 24 июня 1946 года в краткой форме сообщал, что содержание принято к сведению.

Кому деникинский меморандум был направлен в Вашингтон, неизвестно. На него нет ответа ни в архиве, ни в частных бумагах генерала.

В июне 1946 года в американских правительственных кругах все еще существовала надежда на сотрудничество с СССР. А потому возможно, что тема меморандума считалась слишком щекотливой, чтобы отвечать на нее частному лицу, да еще с таким одиозным (для советского посольства в Вашингтоне) именем, как Деникин.

Многие предпосылки деникинского послания оказались ошибочными.

Военное мышление Антона Ивановича создало в нем убеждение, что быстро нараставший кризис в международных отношениях неизбежно окончится взрывом третьей мировой войны. Он был далек от мысли, что этот конфликт примет чрезвычайно затяжной характер, с многочисленными войнами, но без решительного вооруженного столкновения между двумя главными антагонистами.

Ошибочной была предпосылка, что в случае войны народ в России поверил бы в обещания Америки и Англии. В целях пропаганды коммунисты ловко использовали тех власовцев, которых по возвращении обратно они не истребили. Эти люди с чистой совестью могли твердить направо и налево, что «союзники» их обманули, что им верить нельзя, что у Атлантической стены (воздвигнутой Гитлером) они разбрасывали русским солдатам в немецкой форме прокламации, обещавшие прощение, а вместо этого выдали в руки советской власти.

Ошибся Антон Иванович и в расчете заручиться симпатией к своим взглядам со стороны американских правительственных кругов. Он знал, что в период русской гражданской войны правительство Соединенных Штатов, несмотря на лозунг «самоопределения народностей», было против расчленения России и не спешило с признанием вновь возникших государств на ее окраинах. А потому, ратуя за целость своей родины, Антон Иванович не подозревал, что в американских настроениях произошла резкая перемена. И, конечно, не мог не предвидеть, что через несколько лет политическое мышление Америки определенно встанет на точку зрения раздела России и в 1959 году Конгресс Соединенных Штатов одобрит резолюцию № 86—90 о так называемых порабощенных нациях, где одной из задач американской внешней политики ставилось их освобождение. Несведущие (в смысле полного незнания русской истории и дела, к которому они приложили свою руку) члены 86-го американского Конгресса попались задним числом на удочку нацистской пропаганды: среди порабощенных наций перечисляются названия вроде «Казакии» и «Идель-Урала», придуманные Гитлером, Геббельсом и Розенбергом, и никогда в природе не существовавшие.

Личная жизнь Антона Ивановича постепенно стала укладываться в какие-то привычные рамки. Людей, которых он знал по своей прошлой деятельности, в Нью-Йорке было мало, всего пять-шесть человек. Из них самой близкой была графиня Софья Владимировна Панина, одна из выдающихся русских женщин предреволюционного периода. Она была известна на всю Россию своей культурно-общественной деятельностью и созданием Народного дома в Петербурге.

В 1901 году, когда Лев Николаевич Толстой перенес тяжелую болезнь, графиня Панина предоставила ему в полное распоряжение свое имение на южном берегу Крыма около Гаспры. «Живу я здесь в роскошном палаццо, — писал Толстой в своем дневнике, — в каких никогда не жил: фонтаны, разные поливаемые газоны в парке, мраморные лестницы и т.д. И кроме того, удивительная красота моря и гор».[2]

Графиня Панина смотрела на свое очень большое состояние как на средство удовлетворять духовные потребности тех, чьи материальные возможности этого не позволяли. Щедро, умно, тактично и с невероятной личной скромностью шла она навстречу культурным начинаниям своей страны.

Либеральная в своих политических взглядах, С. В. Панина примкнула к кадетской партии. Деникиных с ней сблизил период гражданской войны на Юге России. Она была выбрана Антоном Ивановичем в его завещанииодним из двух «душеприказчиков». Другим был полковник А. А. Колчинский, близкий родственник генерала Корнилова. Завещание это от 29 сентября 1942 года было составлено генералом Деникиным во время немецкой оккупации «на случай ареста и гибели» его и жены.

Через графиню Панину и других своих старых друзей Антон Иванович быстро расширил круг знакомств с американцами русского происхождения. Их привлекал в Деникине ореол легендарных первых походов, твердость, честность и гражданское мужество этого человека. Всем им, этим новым знакомым генерала, запомнились его глаза из-под густо нависших бровей: глаза большие, умные, с твердым пронизывающим взглядом и в то же время оттенком глубокой печали. Глаза человека, очень много пережившего. А после длительного общения и бесед с Антоном Ивановичем у некоторых невольно появилось чув-

ство, что было в нем нечто от протопопа Аввакума, пострадавшего в XVII веке на Руси за старую веру: бескомпромиссное убеждение в правоте своего дела, непримиримость и твердая воля к борьбе.

Новые знакомые Антона Ивановича старались так или иначе помочь наладить материальные обстоятельства генерала. Скупой на сведения о самом себе, он говорил тогда: «У меня нет здесь экономической базы». В переводе на простой язык это означало, что у него не было ни копейки за душой.

Расширить экономическую базу мог только его литературный труд. С этой целью был привлечен Николай Романов-Вреден, занимавший ответственную должность в одном из больших книгоиздательских предприятий в Нью-Йорке. В юности Вреден тоже участвовал в белом движении. Он относился с большим уважением к генералу и ценил его писательский талант. Вреден сразу же заинтересовался книгой, над которой работал тогда Деникин (автобиографией), предложил Антону Ивановичу содействие в его литературных трудах и в переводе их на английский язык.

«Понемногу начинаем приспособляться к американской жизни, — писал Антон Иванович в августе 1946 года одному из своих бывших офицеров в Париж. — Обзавелись добрыми знакомыми, среди них много сохранивших традиции добровольцев, несколько первопоходников. «Бойцы вспоминают минувшие дни»... Сейчас мы в деревне, на даче, но к сентябрю, невзирая на сильнейший квартирный кризис, нам удалось найти маленькую квартирку в окрестностях Нью-Йорка. Таким образом, приобрели некоторую оседлость.

По предложению солидного издательства пишу книгу. Вернее, работаю одновременно над двумя книгами — о прошлом и о настоящем.

Я и жена похварываем. У меня — расширение аорты, начавшееся в приснопамятные парижские дни — огорчений и разочарований».[3]

С началом весны 1946 года Деникин целые дни проводил в нью-йоркской публичной библиотеке на 42-й улице. Углубившись в чтение, с карандашом и бумагой, чтобы делать нужные пометки, сидел он за одним из больших столов в славянском отделе на втором этаже. Скромный сандвич в маленьком пакете, приготов-

ленный дома, был единственным получасовым перерывом в усидчивой и кропотливой работе по сбору и проверке материала касательно военных действий на русском фронте в Первую мировую войну. Это требовалось для книги, которая после смерти его вышла незаконченной под заглавием «Путь русского офицера».

Собирал он также материал для другой книги — «Вторая мировая война, Россия и зарубежье», над которой работал одновременно со своей автобиографией и которая тоже осталась незаконченной и необработанной. Материл этот, частью использованный в данной книге, никогда не был напечатан и хранится в виде рукописи в Русском архиве Колумбийского университета.

В 1953 году, шесть лет спустя после смерти А. И. Деникина, его незаконченная автобиография была издана на русском языке издательством имени Чехова в Нью-Йорке. Созданное на средства «Форд Фаундэшон», это издательство за краткий срок своего существования, обогатило русскую мемуарную литературу многими ценными вкладами. Преждевременно скончавшийся Вреден не успел представить «Путь русского офицера» англо-американскому читателю, и до сих пор книга эта доступна лишь читателю, владеющему русским языком. В ней А. И. Деникин описывает далекое прошлое, своих родителей, детство, школу, быт, выбор карьеры, Академию Генерального штаба, военную службу, русско-японскую войну, Первую мировую войну. Генерал Деникин хотел довести свою работу до того момента, где написанный им в 20-х годах исторический труд «Очерки русской смуты» явился бы естественным продолжением его автобиографии. Смерть Деникина оборвала рассказ на том месте, где автор подходит к описанию одного из блестящих военных эпизодов русской военной истории — Брусиловского наступления 1916 года, где сам Деникин, тогда командующий Железной дивизией, играл выдающуюся и доблестную роль. Воспоминания Антона Ивановича дают не только интересный биографический материал, но, рисуя общую картину русской военной жизни за период от 1870-х годов до 1916 года, также ключ к пониманию событий в последовавшей затем исторической драме.

Свое свободное время Антон Иванович посвятил пересмотру и редактированию дневников своей жены с мыслью (когда представится возможность) частично их опубликовать.

Закончил он в Америке свой ответ на труд генерала Н. Н. Головина «Российская контрреволюция» и назвал его «Навет на белое движение». Эта неопубликованная рукопись представляет большой интерес для всех занимающихся изучением гражданской войны на Юге России. Она дает ответы бывшего Главнокомандующего на критику его политических и стратегических решений.[4]

Вообще, трудоспособность, энергия и творческая деятельность не покидали А. И. Деникина до самой его смерти.

Время от времени, а под конец все чаще и чаще давала знать о себе его болезнь сердца.

По настоянию знакомых Антон Иванович обратился в начале 1947 года в Нью-Йорке за медицинским советом к одному доктору «из немцев». Чтобы жена могла объяснить по-немецки этому врачу суть дела, генерал составил для нее записку о состоянии своего здоровья. Эта записка на маленьком клочке бумажки сохранилась среди семейных документов Ксении Васильевны: «...Началось летом 1945 года. В слабой степени; с 1946 года в Америке усилилась. Схватки: острый комок подходит к груди 6—7 раз в сутки. Раньше прием 1/200 нитроглицерина останавливал в минуту; теперь 4—5 минут.

Затруднено дыхание: днем лучше, ночью хуже. Причина схваток: физическое усилие, лестницы, ходьба, резкий ветер, иногда без всяких причин.

Общее состояние: тяжесть во всем теле, большая слабость. После трех, четырех кварталов — утомление и пилюля»...[5]

Жизнь подходила к концу. Медленной поступью приближался он к горизонту, за которым лежала великая и неразгаданная тайна. Как верующий христианин, Антон Иванович не опасался смерти. На последнем суде он готов был с чистой совестью дать отчет во всех своих поступках, в прегрешениях вольных и невольных. Одного боялся Деникин, что не доживет до «воскресения» России, не увидит разрушения того зла, борьбе с которым он посвятил все свои силы.

К середине 1947 года грудная жаба стала для Антона Ивановича почти невыносимым мучением и «беспричинные» схватки не давали ему покоя.

Тем не менее, чтобы избежать летней жары в Нью-Йорке, Деникины решили воспользоваться приглашением одного из своих знакомых провести летние месяцы у него на ферме в штате Мичиган.

Там 20 июля случился с Антоном Ивановичем сильнейший сердечный припадок. Его сразу перевезли в ближайший город Анарбор и поместили в больницу при Мичиганском университете. Через два-три дня он почувствовал себя немного лучше и попросил жену принести ему рукопись, чтобы продолжать работу над своей автобиографией. Попутно для собственного развлечения составлял он крестословицы.

Но дни были сочтены. Вскоре повторный сердечный припадок оборвал эту жизнь, полную борьбы и веры. И, несмотря на все удары судьбы, на всю, казалось бы, безнадежность политической обстановки, генерал Деникин, как это ни странно, до последней почти минуты верил в какое-то чудо, ибо последние его слова жене были: «Вот не увижу, как Россия спасется!»

Скончался Антон Иванович 7 августа 1947 года на семьдесят пятом году жизни и после отпевания в Успенской церкви города Детройта временно погребен был с воинскими почестями американской армии в Детройте. Воинские почести были оказаны ему как бывшему Главнокомандующему одной из союзных армий Первой мировой войны.

Прах его сейчас покоится на русском кладбище Святого Владимира в местечке Джаксон штата Нью-Джерси. Но последним его желанием было, чтобы гроб с его останками со временем, когда обстановка в России изменится, был бы перевезен на родину.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

[1] *Семейные бумаги. Собственность К. В. Деникиной.*

[2] «Об умершей первой жене отца, — пишет А. И. Деникин *(Путь русского офицера. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1953. С. 21),* — в нашей семье почти не говорили: кажется, брак был неудачный. К этим скромным сведениям следует добавить, что рукой Ксении Васильевны Деникиной, вдовы генерала А. И. Деникина, на семейных бумагах мужа имеется следующая пометка: «Первая жена Ивана Ефимовича — Мария Осипова, крестьянка его родной деревни, на которой его женили 20 лет от роду, была православной. После того как его сдали в солдаты, он больше никогда ее не видал *(Семейные бумаги. Собственность К. В. Деникиной).* Генерал Деникин не помнил названия деревни и уезда в Саратовской губернии, где родился его отец, но предполагал, что деревня называлась — Ореховка.

[3] *Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 23.*

[4] *Там же. С. 24.*

[5] Вступив в 1855 году на престол после смерти своего отца, император Александр II отменил многие ограничения, существовавшие в русской Польше. Однако эти меры не могли примирить поляков с потерей национальной независимости. В 1863 году вспыхнуло восстание, целью которого являлась полная независимость Польши, причем в границах 1772 года, т.е. с включением в Польское государство Литвы и западно-русских областей. После подавле-

ния восстания русское правительство круто изменило свой либеральный режим в Польше. Название Царство Польское было уничтожено, и русская Польша стала именоваться Привисленским краем. См.: *Пушкарев С. Г. Россия в XIX веке. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1956. С. 272—274.*

[6] *Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 28.*

[7] *Там же. С. 52.*

[8] *Там же. С. 22.*

[9] *Там же. С. 26.*

[10] Деникин кончил 6 классов во Влоцлавском реальном училище и перешел в Ловическое училище на механико-техническое отделение.

[11] *Деникин А. И. С. 31—32.*

[12] См.: *Русский архив Колумбийского университета. Письмо А. И. Деникина от 30 марта 1937 г. к Станиславу Карпинскому.*

С. Карпинский — школьный товарищ по Влоцлавскому реальному училищу, затем директор Государственного банка в независимой Польше.

[13] *Деникин А. И. С. 43—45.*

[14] Для поступления в юнкерские училища не требовалось законченного среднего образования. Отсюда вытекали ограничения: окончившие юнкерское училище выпускались не офицерами, а лишь подпрапорщиками (или эстандарт-юнкерами и подхорунжими) — звание среднее между офицерским и сержантским — и не во все роды войск, а лишь в пехоту и кавалерию. Производились они в офицеры не иначе как по удостоверению непосредственного начальства. Эта система давала выпущенным из военных училищ значительное преимущество по сравнению с теми, кто окончил юнкерское училище, которое, таким образом, имело как бы характер второсортности.

[15] *Деникин А. И. Старая армия. Париж: Родник, 1929—1931. С. 129.*

[16] *Там же. С. 146.*

[17] *Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 75—76.*

[18] См.: *Русский архив Колумбийского университета*:

1) Записка П. А. Джаксона о генерале Деникине.

Полковник Джаксон, потомок обрусевших англичан, был офицером в одной бригаде с А. И. Деникиным.

2) Генерал-лейтенант Тихменев Н. М. Рукопись речи, произнесенной им 7 марта 1948 года на собрании в память генерала Деникина в зале Плейель в Париже.

[19] *Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 91.*

[20] *Русский архив Колумбийского университета. Генерал-лейтенант Тихменев. Рукопись речи...*

[21] *Деникин А. И. Старая армия. С. 76—77. Путь русского офицера. С. 102.*

[22] *Русский архив Колумбийского университета. Генерал Тихменев. Рукопись речи...*

[23] *Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 109—117.*

[24] А. И. Деникин следующим образом описывает результат конного набега генерала Мищенко в тыл японцам: «Разгромлены две транспортных дороги со складами, запасами и телеграфными линиями; уничтожено более 800 повозок с ценным грузом и уведено более 200 лошадей; взято в плен 234 японца (50 офицеров) и не менее 500 выведено из строя... Стоил нам набег 187 убитыми и ранеными». *Путь русского офицера. С. 209.*

[25] См.: *Русский архив Колумбийского университета*:

1) рукопись полковника Генерального штаба А. Колчинского «Памяти генерала Деникина»;

2) Генерал-лейтенант Тихменев. Рукопись речи...

3) Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 180, 207.

[26] *Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 243.*

[27] Владимир Михайлович Зензинов (1880—1953), бывший член боевой организации партии социалистов-революционеров, впоследствии бежавший от большевиков и последние 13 лет своей жизни проживший политическим эмигрантом в Нью-Йорке, говорил, что его товарищи по террору шли на убийство человека лишь после долгой внутренней борьбы, когда приходили к убеждению, что намеченное убийство являлось актом во имя общего блага. В своем оправдании террора Зензинов утверждал, что шли они на убийство с любовью, ибо нет больше той любви, как отдать жизнь свою за других, и что сознание греха за совершенное преступление никогда их не покидало. *В. Зензинов. Пережитое. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1953. С. 269—319.* Даже у Достоевского в самых сложных взлетах его воображения не встречается подобный психологический парадокс!

[28] В споре с народниками Лавровым и Тихомировым Г. В. Плеханов в 1884 г. писал: «Если бы у нас действительно установилось народоправление, то самодержавный народ на вопрос, нужна ли ему земля и следовало ли отобрать ее у помещиков, ответил бы: да, нужна, и отобрать ее следовало. На вопрос же, нужно ли ему начало социалистической организации, сначала ответил бы, что он не понимает, о чем его спрашивают, а затем, с большим трудом понявши, в чем дело, ответил бы: нет, мне этого не нужно». *Плеханов Г. В. Наши разногласия: Избранные философские произведения. М.: Госиздат, 1956. Т. 1. С. 325.*

[29] *Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 96.*

[30] Витте был уволен в апреле 1906 г. Столыпин был назначен на пост председателя Совета министров в июле того же года.

[31] *Алданов М. А. Современники. Берлин: Слово, 1928. С. 106—107.*

[32] За время военно-полевых судов было казнено 683 человека.

[33] *Пушкарев С. Г. Россия в XIX веке. 1801—1914. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1956. С. 428.*

Подробное описание Столыпинской земельной реформы дано в следующих трудах:

1) Russian Agriculture During the War. Yale University Press, 1930.

2) Geroid Thaquery Robinson. Rural Russia under the Old Regime. Longmans. New York: Green & Co, 1932.

3) Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М.: изд-во АН СССР, 1963.

4) George Tokmakoff: Stolypin's Agrarinn Reform: An Appranal. The Russian Review. Vol. 30. № 3. April, 1971. P. 124—138.

Глава II

[1] *Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 270.*

[2] *Там же. С. 247.*

[3] *Там же. С. 246.*

[4] Советский маршал М. Н. Тухачевский писал: «Военная школа старой армии была коренным образом реформирована после японской войны... Все это, конечно, дало хорошие результаты, но

они стали обозначаться лишь к 1908—1910 годам». См.: *Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М.: Воениздат Министерства обороны СССР, 1964. Т. 1. С. 27—28*

[5] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 21.*

[6] Типичное суточное меню солдата: утром чай с черным хлебом (в день выдавалось 3 фунта хлеба на человека), в обед — борщ или суп с s фунта мяса или рыбы и каша. На ужин — жидкая кашица, заправленная салом. См.: *Путь русского офицера. С. 120.*

[7] Во время Первой мировой войны телесные наказания были снова введены в 1915 г. *Деникин А. И. Старая армия. С. 33.*

[8] *Деникин А. И. Старая армия. С. 34—35.*

[9] *Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 118—128.*

[10] В России того времени самоубийц запрещено было хоронить на церковном кладбище.

[11] *Деникин А. И. Старая армия. С. 44—47, 50—51.*

[12] В 90-х гг. младшему офицеру платили около 50 рублей в месяц. См.: *Путь русского офицера. С. 62—63.*

[13] А. И. Деникин говорит, что Архангелогородский полк имел усиленный состав, т.е. по плану мобилизации он развертывался в два полка и запасный батальон. Офицеров, врачей и чиновников в полку было 100, солдат около 3 тысяч.

[14] *Академик Рейн Е. Из пережитого. Т. 1. Берлин: Параболи, 1935. С. 124—149.*

Через 12 дней после покушения на Столыпина Богров был повешен. На допросе он сообщил, что от цареубийства его удержало опасение еврейского погрома. Богров был еврей, служил агентом тайной полиции, был сыном известного в Киеве присяжного поверенного и владельца дома на Бибиковском бульваре. Обстоятельства, связанные с покушением на Столыпина, остались невыясненными, несмотря на то что над высшими чинами тайной полиции было назначено Сенатское расследование.

А. Мушин в книге *Дмитрий Богров и убийство Столыпина*, изданной с предисловием В. Л. Бурцева в 1914 году в Париже, стараясь доказать, что Богров не был агентом тайной полиции, писал: «До сентября 1906 г. Богров был социалистом-революционером. Вернувшись в ноябре 1906 г. из-за границы, поколебленный в своих ортодоксальных эсеровских убеждениях, он вскоре

перешел к максималистам, а потом уже, с начала 1907 г., и к анархистам. Несмотря на то, что департамент полиции не опубликовал данные расследования, А. Мушин в своей книге утверждал, что на допросе Богров якобы заявил: «Я по взглядам убежденный анархист».

[15] *Николаевский Б. Из истории февральской революции. Газета «Новое русское слово». Нью-Йорк, 5 мая 1957 г.*

Глава III

[1] Генерал Головин указывает, что готовность русских армий колебалась между 24 и 29 днями. Цитируя генерала Добровольского (бывшего начальника мобилизационного отдела главного управления Генерального штаба), генерал Головин пишет: «Окончание развертывания на границе русской армии принято считать 15/28 августа (29-й день мобилизации)». См.: *Генерал Головин. Из истории кампании 1914 г. На русском фронте. Прага: Пламя, 1926. С. 63.*

Генерал Деникин пишет, что готовность армии требовала от 20 до 30 дней. См.: *Путь русского офицера. С. 308.*

[2] Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. На русском фронте. С. 59.

[3] Генерал Владимир Александрович Сухомлинов (1848—1926). Военный министр. На нем с 1908 г. лежала ответственность по подготовке военного снабжения для армии. Сухомлинов был смещен с должности военного министра в начале 1915 г.

[4] *Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 2. Париж, 1939. С. 129—130.*

[5] *Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 331.*

[6] Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия учрежден был при императрице Екатерине Великой 26 ноября 1769 г. для награждения офицеров за особые военные подвиги и в поощрение в военном искусстве. Орден имел 4 степени. «Георгиевское оружие бриллиантами украшенное» было очень редкой наградой. Оно давалось только тогда, когда подвиг был не только личный, но и большого общего значения. Солдат за храбрость награждали Георгиевским крестом, и солдатский орден тоже имел 4 степени.

[7] *Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 338—339.*

[8] *Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 343.* Цитата брусиловской телеграммы генералу Деникину приведена полностью по следующей причине. После революции генерал Брусилов перешел на службу советской власти; Деникин вел с ней борьбу. Оказавшись во враждебных лагерях, отношения между собой они оборвали и стали непримиримыми противниками. Эти недобрые чувства отразились в воспоминаниях генерала Брусилова, написанных в Советской России.

Телеграмма Брусилова генералу Деникину цитируется также полностью в письме Деникина к матери. Это письмо сохранилось в семейных бумагах вдовы генерала, Ксении Васильевны Деникиной.

[9] *Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 351.*

[10] Строевые офицеры недолюбливали штабных, особенно тех, кто окончил Академию Генерального штаба. Они считали офицеров Генерального штаба карьеристами, и прозвище «Момент» отражало это чувство: пользуясь благоприятным моментом, делать свою личную карьеру.

[11] См.: *Полковник Леляковский А. М. Железные стрелки в боях. Русский архив Колумбийского университета.*

[12] *Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 2. Париж, 1939. С. 139.*

[13] *George Katkov. Russia 1917. The February Revolution. New York, 1967. P. 56.*

[14] Яхонтов А. И. *Секретные заседания Совета министров с 16 июля по 2 сентября 1915 г. Тяжелые дни. Т. 18. Архив русской революции. Берлин: издательство И. В. Гессен. С. 37.*

А. Н. Яхонтов — бывший помощник управляющего делами Совета министров.

[15] *Архив русской революции. Т. 18. С. 37.*

[16] *Там же. С. 98.*

[17] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 34.*

[18] *Winston S. Churchill. The World Crisis. Vol. 5. New York. P. 79.*

[19] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 29—30.*

[20] *Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1963. С. 186.*

[21] См.: *Полковник Генерального штаба Сергеевский Б. Н.*

Железные стрелки. Статья в газете «Новое русское слово» от 3 февраля 1952 г. Полковник Сергеевский был тогда в штабе 40-го корпуса.

[22] Ксения Васильевна Деникина любезно предоставила мне право использовать письма к ней своего покойного мужа без каких-либо ограничений и оговорок. — *Д. Л.*

[23] *Из письма генерала Деникина от 8 апреля 1916 г.*

[24] *Письмо генерала Деникина к невесте от 24 апреля 1916 г.*

[25] *То же от 18 мая 1916 г.*

[26] *То же от 21 мая 1916 г.*

[27] В октябре 1916 г. в Киеве генерал Деникин увидел Ксению Васильевну впервые за 6 лет.

[28] *Письмо генерала Деникина к невесте от 24 апреля 1916 г.*

[29] Земское и городское самоуправление появилось в России в результате реформ императора Александра II. Земские учреждения были введены в 1964 г., а городское самоуправление одобрено в 1870 г. В эти выборные учреждения члены избирались без различия классов. Их члены проявили большую активность в области народного образования, здравоохранения, страховки, содержания дорог и т.д. Охватив сетью почти все пространство России, земские и городские союзы способствовали экономическому развитию страны. С начала войны 1914 г. они развернули в широком масштабе (при помощи правительственных субсидий) санитарную деятельность на фронте, образовывали лазареты, госпитали, организовывали уход за ранеными, оказывали помощь беженцам, сотрудничали с правительством и с Государственной думой по расширению производства боевого снабжения внутри страны.

[30] В июне 1915 г. при Центральном военно-промышленном комитете были сформированы отделы: 1) механический, 2) металлургический, 3) химический, 4) перевозочный, 5) продовольственный, 6) по обеспечению рабочим составом, 7) вещевой, 8) по снабжению топливом, 9) финансовый, 10) врачебно-санитарный, 11) изобретений, 12) юридический, 13) авиационный.

Деятельность Военно-промышленного комитета касалась буквально всех отраслей экономической жизни страны. Целью ее было: 1) приспособить различные предприятия к изготовлению всего необходимого для армии и флота, и 2) согласовать общую деятель-

ность фабрик и заводов. Были образованы районные комитеты, объединявшие местную промышленность и торговлю. Неудивительно, что члены этой организации, как и других союзов, работавших на оборону, приобрели огромное влияние не только в экономической, но и в политической жизни страны.

Этот предмет подробно изложен в книге: *Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907—1916 гг. Под редакцией генерала А. М. Зайончковского. М.: Высш.воен.революц.совет, 1924.*

[31] *Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 378.*

[32] *Winston S. Churchill. a) The Unknown War, The Eastern Front. Charles Schribner's Sons. New York. 1931. P. 359) The World Crisis. Carles Sons. New York: 1955. Vol. III. P. 95.*

[33] 8-й армией командовал генерал Каледин, 11-й — генерал Сахаров, 7-й — генерал Щербачев, 9-й — генерал Лечицкий.

[34] *Серапинин А. Брусиловское наступление. Новое русское слово. 13 июня 1966 г.*

[35] *Полковник Генерального штаба Сергеевский Б. Н. Генерал Деникин. Журнал «Перекличка». № 58. Авг. 1956 г.*

[36] *Письмо генерала Деникина к невесте от 26 мая (ст. ст.) 1916 г.*

[37] *То же от 31 мая (ст. ст.) 1916 г.*

[38] *То же от 5 июня (ст. ст.) 1916 г.*

[39] *Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 2. С. 164.*

[40] *Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 145.*

[41] *Там же. С. 186.*

[42] Похвалив Деникина, Брусилов в своих воспоминаниях счел политически желательным тут же сделать о нем несколько ядовитых замечаний. Он писал, что Деникин всегда старался своих соседей (заставить) порядочно поработать в свою пользу, дабы облегчить данную им для своей дивизии задачу; соседи же его часто жаловались, что он хочет приписывать их боевые отличия себе. *Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 186.*

В этой оценке Деникина, как человека, Брусилов резко расходится с фактами и со свидетельствами более беспристрастных оче-

видцев. Деникин никогда не стремился приписывать себе чужие боевые заслуги, всегда и прежде всего думал об общей пользе, а не о себе. В соблюдении военной этики он был безупречен.

[43] *Махров П. С. В Белой армии генерала Деникина. Тетрадь № 2. С. 109—116.* Неопубликованная рукопись. Русский архив Колумбийского университета.

[44] *Деникин. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 170.*

[45] *Письмо генерала Деникина к невесте от 5 ноября 1916 г.*

[46] Генерал Сахаров до Румынского фронта был командующим 11-й армией, входившей в состав Юго-Западного фронта.

[47] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 17.*

[48] *Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 2. С. 166—167.*

Глава IV

[1] Толковый словарь В. Даля объясняет слово *обдор* следующим образом: «*Обдир*; обдорное сало или сдор, сдираемое с черев битой скотины; обдирка, обдор». Нет сомнения, что в данном случае А. И. Деникин, пользуясь старым народным выражением, вышедшим из употребления: повернуть к обдорам, хотел сказать — повернуть вспять. Деникин хорошо знал русский народный язык и возможно, что это архаическое выражение запомнилось ему с детских лет со слов отца, бывшего крепостного крестьянина Саратовской губернии.

[2] *Письмо генерала Деникина к невесте от 8 марта 1917 г.* Первая его часть, включая 3 перечисленных в нем параграфа, была приведена им в «Очерках русской смуты» *(Т. 1. С. 60)*, чтобы передать точно тогдашнее настроение, не преломленное сквозь призму времени.

[3] Генерал Деникин говорит, что согласно регистрации Всероссийского союза городов жертвами революции в Петрограде в февральские дни стали 1443 человека, среди них 869 воинских чинов, из них 60 офицеров. *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 47.*

[4] *Архив русской революции. Т. 6. С. 59. М. В. Родзянко. Государственная дума и февральская 1917 года революция.*

[5] *Милюков П. Н. Воспоминания. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1955. Т. 2. С. 304.*

[6] *Документы к воспоминаниям генерала Лукомского А. С. Архив русской революции. Т. 3. С. 260.*

[7] *Там же. С. 268—269.*

[8] *Там же. С. 269.*

[9] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 69.*

[10] Утром, 3 марта, у великого князя Михаила Александровича собрались члены Временного правительства, образованного накануне (2 марта) по инициативе Временного комитета Думы. Пришли также некоторые представители этого комитета. По предварительному соглашению между ними решено было ограничить беседу лишь двумя мотивированными мнениями: «за» должен был говорить П. Н. Милюков, «против» — А. Ф. Керенский. Затем решение вопроса предоставлялось великому князю. Однако на заседании под председательством М. В. Родзянко, вопреки соглашению, полился неудержимый поток речей; и все они (включая речь Родзянко) были за отказ. Единственный, кто упорно и с волнением настаивал на необходимости конституционной монархии, был кадет Милюков. Его слабо поддерживал только что вернувшийся из Пскова октябрист А. И. Гучков, которого на железнодорожной станции в Петрограде чуть не избили рабочие, когда он решил порадовать их предстоящим восшествием на престол царя Михаила. См.: *Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 317.*

Великий князь хотел иметь некоторое время на размышление. Он попросил Родзянко пойти с собой, чтобы посоветоваться с ним наедине. Вернувшись к депутации, он сказал, что отказывается от престола.

[11] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 60—62.*

[12] *Там же. С. 44.*

[13] Способствовало этому также упразднение постановлением Временного правительства от 17 апреля 1917 г. общей полиции.

Старая полиция не пользовалась любовью. Но упразднение полиции во время войны, в момент разгара народных волнений и быстрого роста преступности, явилось подлинным бедствием. К тому же созданная взамен милиция стала заполняться людьми без всякого технического опыта, часто с уголовным прошлым, ибо закон самой свободной страны в мире не препятствовал поступле-

нию в милицию людей, подвергшихся заключению в исправительных арестантских отделениях. См.: *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 139.*

[14] Статья генерала Деникина в юбилейном сборнике «Пять лет» (1921 – 1926 гг.), выпущенном по случаю празднования основания Союза русских студентов-эмигрантов в Польше. *Русский архив Колумбийского университета.*

Глава V

[1] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Гл. 7–8.*

[2] *Лемке М. 250 дней в Царской Ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916). Петербург: Гос. изд-во, 1920. С. 143, 148–149.*

Князь Друцкой-Соколинский В. А. К истории войны 1914–1918 гг. Журнал Родные перезвоны. № 158.

[3] Несмотря на эту запись А. И. Деникина, в переписке императора Николая II с женой царь называл генерала Алексеева «моим косоглазым другом», давал о нем лишь хорошие отзывы, а свое сотрудничество с Алексеевым считал работой захватывающего интереса.

[4] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 34–35.*

[5] *Там же. С. 37–38.*

[6] *Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 101.*

[7] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 54.*

[8] Эту точку зрения в довольно резкой форме высказал *С. П. Мельгунов* в своем труде *«Мартовские дни 1917 года». Гл. 6. Творимые легенды. Колебания царя.*

[9] В письме от 4 мая 1917 г. к своей невесте генерал Деникин (в ответ на ее вопрос, удалось ли ему устроиться на частной квартире) писал: «Какая там частная квартира? Я живу в том доме, рядом со штабом, в котором жил раньше бывший государь, главнокомандующий, я, секретарь и адъютанты». *Семейные бумаги К. В. Деникиной.*

Генерал П. Кондзеровский, бывший дежурный генерал при Верховном Главнокомандующем, в своих воспоминаниях *В Ставке Верховного 1914–1917* (*Париж, 1967*) писал: «Алексеев, к чести

его, наотрез отказался переехать в помещение, которое занимал раньше государь император, и остался в тех же комнатах, которые занимал до этого».

[10] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 85.*

[11] Когда бывший террорист Борис Савинков был назначен комиссаром 7-й армии, он был изумлен отсутствием инструкций, определявших его права и обязанности: «Полномочия мои (как комиссара) не были определены никакой, ни словесной, ни писаной, ни печатной инструкцией». *Савинков Б. К делу Корнилова. С. 4.*

[12] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Выпуск 2. С. 40.*

[13] *Милюков П. Н. История второй русской революции. София: Российско-Болгарское книгоизд-во, 1921—1923. Т. 1. С. 107.*

[14] *Генерал Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. Пер. с нем., под ред. А. Свечина. Высший военный редакционный совет. М: Гос. изд-во, 1924. Т. 2. С. 10, 25, 35, 86.*

[15] *Там же. С. 89.*

Глава VI

[1] *Деникин А. И. Заметки, дополнения и разъяснения к «Очеркам русской смуты». Русский архив Колумбийского университета. С. 3.* Рукопись печатается впервые.

Другим кандидатом на пост премьера был Михаил Владимирович Родзянко, председатель Государственной думы.

[2] В своих воспоминаниях П. Н. Милюков, касаясь выбора князя Е. Львова на пост премьера, писал: «Я знал князя очень мало и поверхностно. Другие знали еще меньше и поверили моему выбору на слово. Я как бы являлся ответственным лицом за выбор». *Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 299.*

В другой своей книге, *Россия на переломе (Т. 1. С. 82)*, П. Н. Милюков дал князю Львову следующую характеристику: «Гамлетовская нерешительность, прикрытая толстовским непротивленчеством и облеченная в слащаво-елейный официально-оптимистический стиль — это было прямо противоположно тому, что требовалось от революционного премьера».

Мельгунов С. П. в статье *На путях к дворцовому перевороту (Париж: Родник, 1931. С. 169)* говоря о том, что кто-то все-таки

мог неожиданно совершить (дворцовый) переворот, писал: «Предусмотрительные люди на всякий случай считали нужным сговориться, как действовать после переворота. В показаниях П. Н. Милюкова перед следственной комиссией Временного правительства этот сговор между представителями земского и городского союзов, Военно-промышленного комитета и Блока приобретает характер строго продуманной системы. В этих предварительных переговорах, — утверждал Милюков, — и было намечено то правительство, которое явилось в результате переворота 27 февраля».

[3] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Гл. 30. С. 143.*

[4] *Милюков П. Н. Россия на переломе. Париж: Частное издание, 1927. Т. 1. С. 82*

[5] *Милюков П. Н. История второй русской революции. 1921. Т. 1. Вып. 1. С. 125.*

[6] *Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. С. 125—127.*

[7] В параграфе 14 Декларации имелась следующая фраза: «В боевой обстановке начальник имеет право, под свою личную ответственностью, принимать все меры, до применения вооруженной силы включительно, против не исполняющих его приказания подчиненных». Это заявление, которым гордился Керенский, в общем контексте Декларации являлось бессмысленной иронией над потерявшим авторитет офицером.

[8] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 2. С. 47.*

[9] *Головин Н. Н. Российская контрреволюция. Журнал «Иллюстрированная Россия». Париж, 1937. Ч. 1. Кн. 1. С. 72.*

[10] Приведенные здесь выдержки из писем генерала Деникина к К. В. Чиж в печати цитируются впервые. *Семейные бумаги Деникиной.*

[11] *Милюков П. Н. Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 1. С. 57—58.*

[12] Мысль об организации офицерского союза возникла в начале апреля. Сперва и генерал Алексеев, и генерал Деникин отнеслись к ней отрицательно. Они считали нежелательным вносить в офицерский корпус принцип коллективного самоуправления, нечто вроде советов и комитетов. Опасались, что подобная организация лишь усилит трения между офицерами и солдатами. Но, видя количе-

ство нарождавшихся повсюду союзов и комитетов решили, что было бы несправедливо лишать офицеров права на профессиональную организацию, хотя бы как средства самосохранения.

[13] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 106.*

[14] *Там же. С. 109.*

[15] *Там же. С. 113—114.*

[16] *Там же. С. 10—11.*

Между А. А. Брусиловым и А. И. Деникиным после конца гражданской войны возникла полемика в печати. Генерал Деникин в *Очерках русской смуты* писал, что наивно было, например, верить заявлениям генерала Брусилова, что он с молодых лет социалист и республиканец. Брусилов на это ответил, что никогда ничего подобного не заявлял.

Утверждение генерала Деникина основано было на двух свидетельствах генерала М. В. Алексеева. Будучи Верховным Главнокомандующим, генерал Алексеев посетил Юго-Западный фронт, которым командовал Брусилов. На своей квартире в Каменец-Подольске Брусилов устроил обед в честь Алексеева, на который пригласил также сопровождавшего Алексеева, уже известного нам полковника Генерального штаба Д. Н. Тихобразова. В своих неопубликованных воспоминаниях, хранящихся в виде рукописи в *Русском архиве Колумбийского университета*, полковник Тихобразов пишет: «За обеденным столом собралось человек 12, в том числе жена Брусилова. За столом супруга Брусилова во всеуслышание... сказала: «Ведь муж мой уже 12 лет как революционер и социалист». Ее слова повисли в воздухе. Наступила неловкая тишина и молчание. Брусилов ни словом не обмолвился и только по обыкновению прищуривал свой глаз. Во всяком случае не протестовал и никакого смущения не выразил. Самодовольную улыбку генерала я перевел словами: «Смотрите, вот каков я...» Алексеев слегка нахмурился. Надо было плохо знать Верховного, чтобы подумать, что он ставил в заслугу Брусилову утверждение его супруги».

Этот эпизод, несомненно, был передан Алексеевым генералу Деникину. Кроме того, в *Дневнике* генерала М. В. Алексеева, опубликованном в *Русском историческом архиве (Прага, 1929. Сб. 1. С. 26)* на с. 26 имеется следующая заметка генерала

Алексеева: «...4 мая на соединенном заседании Главнокомандующих с членами Временного правительства, Временного комитета Государственной думы и Исполнительного комитета совета рабочих и советских депутатов Брусилов перед представителями этого последнего Совета и отрекомендовался, что он уже 12 лет революционер...».

В своих исторических трудах А. И. Деникин щепетильно базировал приводимые им факты на солидных свидетельских показаниях.

[17] Тот самый полковник Тимановский, который отличился при взятии Луцка в мае 1916 г.

Во время гражданской войны был начальником марковской дивизии.

[18] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 148—150.*

[19] *Письмо А. И. Деникина к К. В. Чиж (без даты).* Семейные бумаги К. В. Деникиной.

[20] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Гл. 17.*

[21] *Winston S. Churchill. The World Crisis. Charles Scridner's Sons. New York: Vol. 5. P. 60—61.*

[22] *Набоков В. Д. Временное правительство. Архив русской революции. Т. 1. С. 41.*

[23] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Гл. 17.*

Глава VII

[1] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 157—158.*

[2] *Там же. С. 160.*

[3] *Kerensky Alexander. Russia and History's Turning Point. New York, 1965. P. 288*

[4] *Письмо А. И. Деникина к К. В. Чиж от 28 июня 1917. Семейные бумаги К. В. Деникиной.* Печатается впервые.

[5] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 124—125.*

[6] *Там же. С. 158.*

[7] *Там же. С. 161.*

[8] *Дневник генерала Алексеева М. В. Русский исторический архив. Прага: изд. Русского заграничного исторического архива в Праге, 1929. Сб. 1. С. 21—22.*

[9] Текст этой телеграммы приведен генералом Деникиным в *Очерках русской смуты. С. 166—167.*

[10] Кроме уже перечисленных лиц на совещании в Ставке 16 июля присутствовали начальник главного управления Генерального штаба генерал Романовский, начальник Морского штаба адмирал Максимов, начальник штаба Западного фронта генерал С. Л. Марков, инженер-генерал Величко, два генерал-квартирмейстера Ставки: генерал И. П. Романовский, будущий начальник штаба генерала Деникина в Добровольческой армии (не родственник предыдущего) и полковник Плющевский-Плющик, подполковники Генерального штаба Пронин и Тихобразов, ведшие дословную запись для составления журнала заседания, полковник Барановский, начальник военного кабинета Керенского и несколько человек из свиты Керенского.

[11] *Воспоминания Генерального штаба полковника Тихобразова Д. Н. Архив Колумбийского университета.* Печатается впервые.

В своем *Дневнике* генерал М. В. Алексеев (*Русский исторический архив. Прага, 1929. С. 37*), перечисляя присутствовавших на совещании в Ставке 16 июля 1917 г., указывает, что подполковники Пронин и Тихобразов, два отличных офицера Генерального штаба, вели дословную запись для составления журнала заседания.

В одной из своих книг (*The Catastrophe. New York, 1927. P. 304*). Керенский по-иному рисует свое поведение во время доклада генерала Деникина. Он говорит, что якобы М. И. Терещенко и он (Керенский) совершенно спокойно внимали крику опаленной души офицера. Следует отметить, что в своих мемуарно-исторических писаниях А. Ф. Керенский не слишком точно придерживался фактов.

[12] *Дневник генерала М. В. Алексеева. Русский исторический архив. С. 41, 48.*

[13] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 187.*

Kerensky. The Catastrophe. P. 305.

[14] *Савинков Б. В. К делу Корнилова. Париж: Изд-во «Uncon», 1919. С. 8.*

[15] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 188.*

Глава VIII

[1] *Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. С. 244.*

Лев Троцкий (в своей «Истории Русской революции») считал, что эпизод с Черновым, описанный Милюковым, являлся лишь анекдотом и тем не менее — писал Троцкий — он с грубой точностью изобразил сущность того, что происходило во время июльских дней 1917 года. *Leon Trotsky. The History of the Russian Revolution. New York, 1936. Vol. II. P. 40.*

[2] *Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. С. 31.*

[3] Этот случай подробно описан в книге А. Ф. Керенского *Russia and History's Turning Point. С. 316—317.* Впоследствии Каринский эмигрировал из России, переехал в Соединенные Штаты и жил в Нью-Йорке.

[4] *Лукомский А. С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С. 165—167.*

Дневник генерала Н. В. Алексеева. С. 34—35.

General Basil Gourko. War and Revolution in Russia 1914—1917. New York, 1919. P. 390—391.

[5] В своем дневнике генерал Алексеев выражал мысль, что Брусилов был смещен из-за обиженного самолюбия Керенского.

Генерал Деникин, не отбрасывая возможность этого, все же считал, что смена Брусилова была вызвана катастрофой на фронте, сознанием неправильной военной политики, приведшей к развалу армии. В формировании этой политики генерал Брусилов принимал деятельное участие.

Сам Брусилов не связывал свое смещение с обстановкой на фронте. В беседе с сотрудником газеты «Русское слово» он заявил, что на Совещании в Ставке 16 июля «ни слова не было сказано о моем уходе и не было критики моих действий».

[6] Описание наружности генерала Корнилова основано на записи в тетради К. В. Деникиной. Она впервые встретила Корнилова и познакомилась с ним в Быховской тюрьме, куда (после заключения в Бердичеве) перевели и генерала Деникина.

Сведения о юности и раннем прохождении службы генерала Корнилова заимствованы из *Воспоминаний* генерала А. С. Лукомского *(Т. 1. С. 217—219).*

Общие биографические данные о генерале Корнилове:
Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Гл. 7, 32—36;
Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 334—335, 357;
Вестник Первопоходника. № 79—81. Апрель-июнь 1968. Пятидесятилетие гибели генерала Л. Корнилова 1918—1968. Издание Калифорнийского общества участников 1-го кубанского генерала Корнилова похода. Los Angeles, California.

Сведения о бегстве генерала Корнилова из австрийского плена:
General Basil Gourko. War and Revolution 1914—1917. New York, 1919. P. 390—391.

Скрылов А. И. Легендарный казак (о побеге генерал Корнилова из плена). Журнал «Родимый край». Париж: изд-во «Донское войсковое объединение», 1962. Июль-август. № 41.

Согласно А. И. Скрылову генерал Корнилов бежал из запасного лазарета в городе Кессэг 29 июля 1916 г. К организации побега он привлек пять человек: санитара лазарета — солдата австро-венгерской армии, чеха по национальности; русского военнопленного доктора Гутковского, работавшего в госпитале; своего вестового и еще двух русских военнопленных солдат. Бегство его длилось восемь дней. Из них два — по железной дороге через Будапешт, Кечкемет, Сегед, Темешвар и Караншебэш; а оттуда — шесть дней пешком, свыше 100 километров.

[7] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1.*

[8] *Савинков Б. В. К делу Корнилова. С. 5.*

[9] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 193—194. Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. С. 69.*

[10] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 134.*

[11] *Из автобиографии Б. В. Савинкова, написанной им в 1921 г. и впервые опубликованной в 1967 г. Р. Н. Гринбергом в Нью-Йорке в альманахе «Воздушные пути». Т. 5. С. 311.* Эту автобиографию правильнее было бы назвать конспектом автобиографии, так как сложная жизнь Савинкова втиснута там в две с половиной страницы.

[12] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 196—198.*

[13] *Неопубликованная рукопись генерала Деникина «Записки, дополнения и разъяснения к «Очеркам русской смуты». Русский архив Колумбийского университета.*

Глава IX

[1] *Неопубликованная рукопись генерала Деникина «Заметки, дополнения, разъяснения...» С. 16. Русский архив Колумбийского университета.*

[2] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 199.*

[3] *Там же. С. 199.*

[4] *Савинков Б. В. К делу Корнилова. С. 13.*

А. Ф. Керенский по иному рассказывал этот эпизод. Но суть дела была та же.

[5] *Савинков Б. В. К делу Корнилова. С. 4.*

Савинков здесь немного преувеличивал: численность большевиков в Петроградском Совете в тот момент была невелика. Что же касалось циммервальдовских настроений, то тут он был совершенно прав. В Совете были и участники конференции в Циммервальде, и много сочувствовавших ей.

Конференция в Циммервальде (Швейцария) была созвана в сентябре 1915 года левым крылом международного социализма. Из русских участников преобладали представители партии большевиков и левого крыла эсеров. Они получили прозвище «пораженцев», т.к. в поражении России видели возможность свержения царского режима, начала классовой борьбы и перехода к социализму.

В отличие от «пораженцев», умеренные социалисты, получившие прозвище «оборонцев», стояли на патриотической платформе и считали необходимым продолжать войну до победы над внешним врагом.

[6] *Савинков Б. В. К делу Корнилова. С. 15.*

[7] *Kerensky Alexander. Russia at History's Turning Point. P. 325. New York, 1965. P. 325.*

[8] *Милюков П. Н. Россия на переломе. Т. 1. С. 85.*

[9] *Там же. С. 85.*

[10] *Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. С. 127—128.*

[11] *Там же. С. 129,131.*

[12] *Там же. С. 148.*

[13] *1) Революционное движение в России в августе 1917 года. — Разгром корниловского мятежа. М.: изд-во АН СССР, 1959. Док. № 367. С. 364—369.*

2) Милюков П. Н. История Второй русской революции. Т. 1. С. 137–138.

[14] *Деникин А. И. Очерки русской революции. Т. 1. С. 208.*

[15] *Там же. Т. 1. С. 137.*

[16] *Там же. С. 210–211.*

В неопубликованной рукописи генерала Деникина «Записки, дополнения и разъяснения...», хранящейся в Русском архиве Колумбийского университета, упоминается (на с. 17), что среди предполагавшихся военных назначений для расчистки крупных центров Ставка намечала тогда следующих генералов: в Москву — Хагандокова, в Киев — А. М. Драгомирова, в Одессу — барона П. Н. Врангеля.

[17] *Семейные бумаги Деникиной К. В.* Фрагмент печатается впервые.

Глава X

[1] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 214.*

[2] *Революционное движение в России в августе 1917 г. — Разгром корниловского мятежа. М.: изд-во АН СССР, 1959. Док. № 446. С. 446.*

[3] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 215.*

[4] *Семейные бумаги Деникиной К. В.*

Текст этого письма никогда прежде не печатался.

[5] *Деникин. Очерки русской смуты. Гл. 36.*

[6] *Там же. Гл. 37.*

[7] *Украинцева Н. «К делу Корнилова». Журнал «Перекличка». Нью-Йорк: Отд. о-ва галлиполийцев в США. 1957. № 64. Февр.*

[8] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 227.*

[9] Поручик Клецандо — чешский офицер при штабе Юго-Западного фронта. Еще до ареста генерала Деникина, когда в Бердичеве начались уличные волнения и беспорядки, находился среди офицеров штаба, направленных умиротворить толпу уговорами. В его задачу входило беседовать с командой пленных австрийцев. Подвергся насилию со стороны русских солдат, одного из них легко ранил. Клецандо был арестован, а затем посажен в Бердичевскую тюрьму вместе с генералами.

[10] *Тетрадь записок К. В. Деникиной.* Запись велась отрывочно между 13 дек. 1921 г. и 26 июля 1922 г. в форме рассказа для малолетней дочери Марины, которая родилась 20 февраля 1919 г.

[11] Генерал Марков читал лекции в Академии Генерального штаба, и Антон Иванович иногда в шутку называл его профессором.

[12] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Гл. 37.*

Глава XI

[1] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 14—15.*

[2] *Моя беседа с А. Ф. Керенским 17 марта 1967 г. о деле Корнилова.*

В журнале «U.S. News & World Report» от 13 марта 1967 года была приведена беседа сотрудника этого журнала с Керенским, где тот сказал, что совершил ошибку по отношению к корниловскому мятежу. Суммируя затем эту беседу с американским журналистом, русская газета в Нью-Йорке «Новое русское слово» от 15 марта 1967 г. написала: «Впервые за 50 лет А. Ф. Керенский признал, что арест генерала Корнилова был фатальной ошибкой, которая открыла большевикам дорогу к захвату власти».

15 же марта я написал письмо А. Ф. Керенскому, где сообщил ему, что работаю над биографией генерала Деникина, и мне придется коснуться его (Керенского) участия в деле Корнилова. Зная его прошлую точку зрения по этому поводу, я попросил его подтвердить, что газета не исказила его взглядов.

Через два дня в ответ на мое письмо А. Ф. Керенский позвонил по телефону. Разговор длился свыше получаса. Он обрушился на газету, которая «позволила себе приписать мне выводы, которые я никогда не делал и делать не мог».

«Если я о чем-нибудь и жалею, — продолжал Керенский, — так это о том, что не приказал Корнилова расстрелять. Ведь он же незадолго до этого добился восстановления смертной казни на фронте».

Тут Керенский с азартом начал говорить о том, о чем писал раньше в связи с делом Корнилова: «Я привел в своей последней книге *(«Russia and History's Turning Point»)* бесспорные данные

о заговоре и мятеже. Какие же еще могут быть на эту тему разговоры?»

На это я ему возразил, что в деле Корнилова, он — Керенский — является заинтересованной стороной, поэтому «разговоры на эту тему не могут считаться исчерпанными».

«Вы сами не отрицаете, — сказал я, — что войска были направлены в Петроград с вашего согласия, хотя вы и не знали, что в них входила Дикая дивизия, и во главе войск был поставлен генерал Крымов».

«Вот именно!!! Я требовал, чтобы Туземная дивизия не была включена и чтобы Крымов не командовал отрядом. Мы договорились с Корниловым при посредстве Савинкова, чтобы Ставка назначила в Петроград надежные части для охраны Временного правительства. Но Дикая дивизия и Крымов были полным нарушением моего распоряжения и неповиновением приказанию Верховной власти. Он (Корнилов) и послал (Туземную дивизию и Крымова), чтобы расправиться с Временным правительством.

В о п р о с. «Александр Федорович, позвольте вас спросить. Вы, вероятно, знали, что у Львова репутация заведомого путаника. Как же смогли Вы положиться на слова такого недостоверного свидетеля и действовать на основании того, что вам сообщил Львов?»

О т в е т. «Львов, может быть, заведомый дурак, но он честный человек и говорил о Корнилове правду. Когда я сказал, что готов с Савинковым ехать в Могилев, в Ставку к Корнилову, Львов начал меня умолять этого не делать: «Ради Бога! Вас там убьют!»

«Теперь о формировании нового кабинета. Об этом не могло быть и речи! Ведь ясно было, что Корнилов хотел забрать всю власть в свои руки. А я-то бы остался при чем? Он говорил, что я буду министром юстиции. Ведь это же ерунда! Ведь он бы ввел с собой в министерство всю эту политически-безграмотную шантрапу вроде Завойко и т.д.»

«Корнилов врал! Все они врали! Единственно честным там был Деникин.

Это была большая конспирация. Много было замешано в ней видных штатских: и Милюков, и Гучков, и Путилов, и Набоков, и многие другие. Они были в курсе этого дела, и никто мне не потрудился об этом сказать!»

На мой вопрос о роли Савинкова, А. Ф. Керенский дал следующий ответ:

«Савинков, конечно, двуличничал. Но когда он понял, что движение Корнилова есть мятеж, он встал передо мною во весь фронт и просил назначить его во главе обороны Петрограда от мятежников. Я просьбу его исполнил».

Приведенная выше беседа с А. Ф. Керенским была восстановлена мною на бумаге сразу после окончания телефонного разговора с ним. Она основана на кратких записях, которые я делал на всем протяжении разговора. За смысл я ручаюсь; а фразы, выделенные мною, цитированы дословно.

[3] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 25—26.*

[4] *Там же. С. 27—28.*

[5]. *Вакар Н. Заговор Корнилова (по воспоминаниям Путилова А. И.). Последние новости. Париж, 20 января 1937. № 5780.*

[6] *Деникин А.И. Очерки русской смуты. С. 40.*

[7] *Там же. С. 41—42.*

[8] *Winston Churchill. Great Contemporaries, Boris Savinkov, Thornton Butterworth Ltd. London: 1937. P. 125—133.*

[9] *Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1956. Т. 2. С. 83.*

[10] *Там же. С. 145.*

[11] *Там же. С. 150—151.*

[12] *Там же. С. 144—145.*

[13] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 195.*

[14] *Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 164.*

[15] *Там же. С. 166—167.*

[16] *Копия протокола в Архиве Колумбийского университета.*

[17] Несерьезное впечатление, которое Б. Н. Львов производил на окружающих, хорошо описано В. Д. Набоковым и П. Н. Милюковым.

Набоков В. Д. Временное правительство. Архив русской революции. Т. 1. С. 43:

«Обер-прокурор Св. Синода В. Н. Львов... был одушевлен самыми лучшими намерениями и также поражал своей наивнос-

тью да еще каким то невероятно легкомысленным отношением к делу, — не к своему специальному делу, а к общему положению, к тем задачам, которые действительность каждый день ставила перед Временным правительством. Он выступал всегда с большим жаром и одушевлением и вызывал неизменно самое веселое настроение не только в среде правительства, но даже у чинов канцелярии».

Владимир Дмитриевич Набоков в течение первых двух месяцев после Февральской революции был управляющим делами Временного правительства, и чины канцелярии, которых он упоминает, были подчиненными ему чиновниками.

Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 344:

«Владимир Львов, долговязый детина с чертами дегенерата, легко вспыхивавший в энтузиазме и гневе и увеселявший собрание своими несуразными речами. Когда на заседаниях Временного правительства он узнал о тайных договорах между союзниками и императорским правительством, он объявил тайные договоры разбойничьими и мошенническими и требовал немедленного отказа от них. 25 июля, когда был опубликован список нового кабинета министров под председательством Керенского имя В. Н. Львова исчезло. На его пост обер-прокурора Синода был назначен А. В. Карташев.»

[18] *Львов В. Н. Керенский и Корнилов. Последние новости. Париж, 1920. № 190. 4 дек.*

[19] *Там же.*

Милюков П. Н. История Второй русской революции. Т. 1. С. 186.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 45—46.

[20] *Там же. Т. 2. С. 22.*

[21] В своих воспоминаниях Ф. А. Степун дал живое описание наружности Либера: «Щуплый, похожий на гнома, с ассирийской бородой. Вместе с другим меньшевиком — Даном — Либер обожал выступать с речами в Петроградском Совете. Многие из тех, кому их речи под конец надоедали, с досадой острили, что они опять целый день либерданили». Несуразный на вид, но честный идеалист, Либер трагично погиб в советском застенке в 1937 г. во время сталинских чисток.

[22] *Львов В. Н. Керенский и Корнилов. Последние новости. Париж, 1920. № 190. 4 декабря.*

[23] *Милюков П. Н. История Второй русской революции. С. 187.*

[24] *Львов В. Н. Последние новости. № 190. Париж, 4 декабря. 1920.*

[25] См.: Протокол допроса судебным следователем 16-го участка Петроградского окружного суда Шульцем министра-председателя А. Ф. Керенского о его переговорах с В. Н. Львовым и Л. Г. Корниловым. *Документ № 441. С. 441. Разгром корниловского мятежа. М: изд-во АН СССР, 1959.*

[26] *Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Т. 2. С. 174.*

[27] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 51.*

[28] *Керенский А. Ф. Дело Корнилова. М.: Задруга, 1918 . С. 48.*

[29] *Там же. С. 104—107.*

[30] *Разгром корниловского мятежа. М.: изд-во АН СССР, 1959. Док. № 443, от 26 авг. 1917 г.*

[31] *Милюков П. Н. История Второй русской революции. С. 212—213.*

[32] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 53.*

[33] *Керенский А. Ф. Дело Корнилова. С. 109—110.*

[34] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 52.*

[35] *Милюков П. Н. История второй русской смуты. С. 214.*

[36] В своей книге *«К делу Корнилова»* Б. В. Савинков писал: «Чувствуя, что происходящее недоразумение может вызвать события непоправимые, я посоветовал Керенскому сговориться с генералом Корниловым. Но Керенский возразил, что поздно сговариваться. Он сказал, что им уже послана телеграмма генералу Корнилову с отрешением его от должности и с приказом покинуть армию» (С. 25). Надо предполагать, что Савинков здесь ошибается в хронологии событий, т.к. телеграмма генералу Корнилову, повидимому, была отправлена после бурного заседания Временного правительства, вызвавшего отставки членов кабинета.

[37] *Leon Trotsky. The History of the Russian Revolution. Simon and Shcuster. New York, 1936. Vol. II. P. 214.*

[38] Текст воззвания к железнодорожникам и приказа по войскам Петрограда приведены П. Н. Милюковым в *Истории второй русской революции. Т. 1. С. 232.*

[39] *Там же. С. 216—217.*

Глава XII

[1] *Разгром корниловского мятежа. М.: изд-во АН СССР, 1959. Док. № 448. С. 450—451.*

[2] 28 августа Керенский назначил Савинкова на должность военного генерал-губернатора Петрограда. Тремя днями позже, 31 августа, он уволил Савинкова с этого поста. Одновременно Савинков был заочно исключен из партии социалистов-революционеров за его отказ давать объяснения по корниловскому делу в Центральном Комитете партии. «Я же отказался, — писал Савинков, — потому что в составе комитета находился Натансон, приехавший из Германии в запломбированном вагоне». *Савинков Б. В. Автобиография. Альманах «Воздушные пути». Нью-Йорк, 1967. Т. 5. С. 312.*

[3] Интересное описание движения корниловских войск к Петрограду дает генерал П. Н. Краснов. *На внутреннем фронте. Архив русской революции. Т. 1. С. 119.*

[4] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 38.*

[5] *Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 1. С. 251.*

[6] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 31.*

Передавая этот разговор, Деникин скрыл фамилию Милюкова под инициалом «М-ъ». Однако нет сомнения, что под этим инициалом подразумевался именно «Милюковъ».

[7] *Рассказ М. М. Филоненко. Газета «Русское слово». М., 1917. № 207. 10 сент. С. 3.*

Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. С. 238.

[8] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 64—65.*

[9] *Керенский А. Ф. Дело Корнилова. С. 177.*

[10] *Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 1. С. 255.*

[11] *Русский архив Колумбийского университета. Копия ленты разговора по аппарату ЮЗА генерала Алексеева с полковником Барановским. 1 сент. 1917 г. 22 часа.*

[12] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 76—77.*

[13] *Лукомский А. С. Воспоминания. С. 259—260.*

[14] *Разгром корниловского мятежа. Док. № 526. С. 511—512.*

[15] *Савинков Б. В. К делу Корнилова. С. 27.*

[16] *Украинцев Н. П. Дело Корнилова. Замечания члена чрезвычайной следств. комиссии. Новое русское слово. 28 окт. 1956.*

[17] *Станкевич В. Б. Воспоминания 1914—1919. Берлин: изд-во Ладыжникова И. П., 1920. С. 230.*

Библиография к «Делу Корнилова»:

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. Гл. 1—7.

Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 1. С. 101—107.

Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Гл. 6—9.

Милюков П. Н. Россия на переломе. С. 101—107.

Мартынов Е. И. Корнилов (попытка военного переворота). Из Военной типографии СССР, 1927.

Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова. Т. 2. С. 72—180.

Керенский А. Ф. Дело Корнилова. М., 1918.

Kerensky A. F. Prelude to Bolshevism.

Kerensky A. F. The Catastrophe.

Kerensky A. F. The Crucifixion of Liberty.

Kerensky A. F. Russia and History's Turning Point. Chapters 20—22.

Савинков Б. В. К делу Корнилова. Париж, 1919.

Major General Sir Alfred Knox. With the Russian Army 1914—1915. Ch. XXIII — Kerenski loses his Iast chance.

Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Кн. 2. Гл. 4—5.

Владимирова В. Контрреволюция в 1917 году (Корниловщина).

Владимирова В. Революция 1917 года (хроника событий). М., 1924.

Leon Trotsky. The History of the Russian Revolution. Simon and Schuster. Vol. II. Chapters IX—X.

Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М.: изд-во АН СССР, 1959.

Иванов Н. Я. Корниловщина и ее разгром. изд-во Ленингр. ун-та, 1965.

Капустин М. И. Заговор генералов. М.: Мысль, 1968.

Станкевич В. Б. Воспоминания 1914—1919. Берлин: изд-во Ладыжникова И. П., 1920.

Кроме перечисленных выше книг и статей В. Н. Львова в *Последних новостях* в ноябре и декабре 1920 г., материалом для данной заметки о деле Корнилова» послужил ряд статей в русских заграничных газетах. Статьи эти дали некоторые неизвестные до тех пор данные о выступлении генерала Корнилова:

1) В 1936 г. в *Последних новостях* печатался ряд глав из черновиков воспоминаний только что скончавшегося тогда А. И. Гучкова. Они вызвали ряд полемических ответов и разъяснений, в которых участвовали генерал Деникин, П. Н. Милюков, А. И. Путилов, генерал В. Сидорин и Н. Н. Финисов. Печатались они в той же газете осенью 1936-го и зимой 1937 г.

2) В 1949 г. А. Ф. Керенский в газете *Новое русское слово* вернулся к «Делу Корнилова». На его статью последовал ответ вдовы генерала Деникина Ксении Васильевны.

3) Наконец, в 1956 г. в ответ на книгу Федора Степуна *Бывшее и несбывшееся* последовала серия интересных полемических статей в газете *Новое русское слово*, в которых участвовали, с одной стороны — А. Ф. Керенский, с другой — Н. П. Украинцев, Б. Гурович и К. В. Деникина.

Перечень этих статей:

«Последние новости»:

1) Из воспоминаний Гучкова — август, сентябрь 1936 г.

2) Деникин А. И. Об исправлениях истории. 13, 14 ноября 1936 г.

3) Милюков П. Н. К статьям Деникина А. И. 14 ноября 1936.

4) Вакар Н. Заговор Корнилова (по воспоминаниям А. И. Путилова) 20, 24 января 1937.

5) Сидорин В. Заговор Корнилова. 26 февр. 1937 г.

6) Вакар Н. Генерал Л. Корнилов и А. Ф. Керенский (беседа с П. Н. Финисовым), 27 февр. и 6 марта 1937 г.

7) Милюков П. Н. О статье Н. П. Вакара. 6 марта 1937 г.

«Новое русское слово»:

8) Керенский А. Ф. Дело Корнилова. 16 февр. 1949 г.

Керенский А. Ф. Срыв февраля. 17, 18 февр. и 6 марта 1949 г.

9) Деникина К. В. Дело Корнилова. 15 и 16 марта 1949 г.

10) Керенский А. Ф. Дело Корнилова. 12 авг. 1956 г.

11) Гурович Б., Керенский А. Ф. О деле Корнилова. 2 сент. 1956 г.

12) Деникина К. В. На старую тему. 23 сент. 1956 г.

13) Керенский А. Ф. Дело Корнилова. 21 окт. 1956 г.

14) Украинцев Н. П. Дело Корнилова. 28 окт. 1956 г.

На английском языке Делу Корнилова было посвящено много статей, из которых самая обстоятельная была напечатана в *The Russian Revion. Vol. 29. No. 3. July 1970: The Kornilov Affair. A Reinterpretation by Harvey Asher. P. 286–300.*

Глава XIII

[1] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 98.*

[2] См.: а) *Русский архив Колумбийского университета. Вестник партии Народной свободы № 31. Петроград, 28 дек. 1917 г. (копия).*

б) *Выдержки этого письма даны Е. И. Мартыновым в «Корнилов (попытка военного переворота)». С. 166–167 Издание Военной типографии Управ. делами Нарком. воен. мор. СССР. 1927 г.*

[3] *Неопубликованные записки Деникиной К. В.*

[4] *Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 1. С. 260–261.*

[5] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 86.*

[6] См.: *Неопубликованные записки Деникиной К. В.*

[7] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 86.*

[8] *Русский архив Колумбийского университета. Неопубликованная рукопись генерала Деникина. Записки, дополнения и разъяснения... С. 42.*

[9] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 94.*

[10] *Набоков В. Д. Временное правительство. Архив русской революции. Т. 1. С. 36.*

В. Д. Набоков, отец известного писателя Владимира Набокова, был видным членом кадетской партии.

[11] *Trotsky Leon. Lenin. Capricorn Books. New York, 1962. P. 102.*

[12] *Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть. Париж: Ed. La «Renaissance», 1953. С. 228–229.*

[13] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 144.*
[14] *Там же. С. 145.*
[15] *Там же. С. 147—148.*
[16] *Там же. С. 151—155.*

Глава XIV

[1] *Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. С. 138—140.*
[2] *Там же. С. 272—277.*
[3] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. Гл. 14.*
[4] *Там же. Т. 1. Гл. 27.*
[5] *Там же. Т. 2. С. 199.*
[6] *Там же. С. 160.*
[7] *Там же. С. 133—134.*
Генерал П. Н. Краснов. На внутреннем фронте. Архив русской революции. Т. 1. С. 163.
[8] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 191.*
[9] *Деникин А. И. Заметки, дополнения и разъяснения... Неопубликованная рукопись. С. 10. Русский архив Колумбийского университета.*
[10] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 188.*

О натянутых отношениях между генералами Корниловым и Алексеевым осталось много свидетельств очевидцев, близко знавших обоих вождей белого движения.

Писал об этом в своих воспоминаниях и генерал Лукомский, и князь Григорий Н. Трубецкой, и генерал А. П. Богаевский, впоследствии донской атаман. В воспоминаниях генерала Богаевского (*Нью-Йорк: Издательство Музея белого движения Союза первопоходников, 1963)* на странице 38 имеется следующее свидетельство. Несмотря на свой возраст и положение, духовный вождь белого движения, политический руководитель и организатор его, — он (генерал Алексеев) скромно уступил первое место Корнилову, своему ученику по Академии, а затем после его смерти и Деникину. Корнилов был с ним иногда очень резок и часто несправедлив. Но Михаил Васильевич терпеливо переносил незаслуженную обиду, и мне лично пришлось только

один раз слышать от него, после одной из таких вспышек, фразу, сказанную бесконечно грустным тоном: Как тяжело работать при таких условиях...

[11] *Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 1. С. 289.*

[12] Как иллюстрацию к тому, что говорил генерал Деникин об огромных запасах, хранившихся в донских войсковых складах, и о том, что эти запасы бессовестно распродавали на сторону казачьи комитеты, можно привести выдержку из письма генерала Алексеева. 8 ноября 1917 года (т.е. до того, как Ставка была захвачена большевиками), генерал Алексеев из Новочеркасска писал генералу М. К. Дидерихсу (бывшему тогда генерал-квартирмейстером при Ставке генерал Духонина), прося его содействия, чтобы группировать военные припасы на Юго-Востоке России. В этом письме генерал Алексеев, между прочим, писал: «Дело в том, что существует в Новочеркасске артиллерийский склад... Главное артиллерийское управление в начале октября своим попечением направило в этот склад 10 000 винтовок из Петрограда и 12 800 винтовок из Москвы. Первая партия, наверно, разграблена, а о второй никаких вестей нет; надо думать, подверглась той же участи». См.: *Письмо Алексеева к Дидерихсу приведено генералом Головиным в «Российской контрреволюции 1917—1918. Кн. 5. С. 48—57.*

Начальником Главного артиллерийского управления был тогда генерал Владимир Андреевич Лехович. Предвидя попытку большевиков захватить власть, он делал все возможное, чтобы снабдить генерала Каледина необходимыми военными припасами для борьбы с ними.

[13] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 200—202.*

[14] *Записано со слов вдовы генерала Деникина.*

[15] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 210.*

[16] *История гражданской войны СССР. М.: Гос. изд-во Полит. лит., 1957. Т. 3. С. 126—127.*

[17] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 205—208.*

[18] *Там же. С. 220.*

[19] *Там же. С. 217.*

[20] *Там же. С. 220.*

Рассказ Деникина основан на свидетельстве очевидца М. П. Богаевского.

[21] *Там же. С. 222.*

[22] *Записано со слов вдовы генерала Деникина.*

[23] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 223.*

Глава XV

[1] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 224.*

[2] *Воспоминания генерала Богаевского А. П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: изд-во Музея белого движения Союза первопоходников, 1963. С. 66.*

[3] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 237—238.*

[4] *Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 2. С. 9—11.*
Богаевский А. П. Воспоминания. С. 58—59.

[5] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 230.*

[6] *Там же. С. 230—231.*

[7] *Марковцы в боях и походах за Россию. Составил подполковник Марковского пехотного полка В. Е. Павлов. Париж, 1962. Т. 1. С. 377—391.*

[8] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 94.*

[9] *Там же. С. 95.*

[10] *Там же. С. 96.*

[11] *Там же. Т. 2. С. 275.*

[12] *Там же. С. 276.*

[13] *Марковцы в боях... С. 266.*

[14] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 266.*

[15] *Там же. С. 268.*

[16] *Там же. С. 273.*

[17] *Камилин Я. Генерал Сергей Леонидович Марков. Герои и вожди России. Ростов н/Д: изд-во «Народная библиотека», 1919. С. 8. (Сер. 2).*

[18] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 293.*

[19] *Там же. С. 294—295.*

[20] *Там же. С. 295.*

[21] *Там же. С. 303.*

[22] *Там же. С. 303—304.*

Текст приказа о назначении генерала Деникина командующим Добровольческой армией:

§ 1

Неприятельским снарядом, попавшим в штаб армии, в 7 ч. 30 м. 31-го сего марта убит генерал Корнилов.

Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести ее позора.

Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине.

Бегство из неприятельского плена, августовское выступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею — известны всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца, и пусть не ослабнет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову — нашему незабвенному Вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!

§ 2

В командование армии вступил генерал Деникин.
Генерал от инфантерии Алексеев.

[23] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 299.*
[24] *Марковцы в боях... С. 203.*
[25] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 305—306.*
[26] *Там же. С. 300.*
[27] *Там же. С. 308—309.*
[28] *Марковцы в боях... С. 141.*
[30] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 311.*
[31] *Там же. С. 339.*
[32] *Там же. С. 345.*

Глава XVI

[1] *Клеванский А. Военнопленные центральных держав в царской и революционной России (1914—1918 г). Гл. из сб. «Интернационалисты в боях за власть Советов». М.: Мысль, 1965. С. 21—65.*

[2] *Зайцов А. 1918 год. Очерки по истории гражданской войны. Париж, 1934. С. 113—114.*

[2] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 337.*

[3] *Там же. Т. 3. С. 130.*

[4] Из письма генерала Алексеева к генералу Щербачеву. Цитировано А. И. Деникиным в *Очерки русской смуты. Т. 3. С. 130.*

[5] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 132.*

[6] *Там же. С. 123.*

[7] *Деникин А. И. Заметки, дополнения и разъяснения. Архив Колумбийского университета. С. 30, 66.*

[8] *Из письма генерала Тихменева Н. М. от 25 ноября 1953 г. к Деникиной К. В. Архив Колумбийского университета.*

[9] *Записано со слов Деникиной К. В.*

[10] *Генерал Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское. Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 201.*

[11] *Деникин А. И. Наветы на белое движение. Неопубликованная рукопись. Русский архив Колумбийского университета. С. 40.*

Калюгин К. П. Донской атаман П. Н. Краснов и его время: Сб. 3. Донская летопись. Белград, 1924. С. 68—162.

[12] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Архив Колумбийского университета. Т. 3. С. 154.*

Деникина А. И. Наветы на белое движение. Неопубликованная рукопись. С. 39—45.

[13] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 155.*

[14] *Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское. С. 207.*

[15] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 92.*

[16] *Зайцов А. 1918 год. Табл. № 11: Количество войск союзной интервенции в России в 1918 г.*

[17] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 115.*

[18] *Там же. С. 116.*

[19] *Там же. С. 210—212.*

[20] 1) *Статья Деникина «История».*

2) Неопубликованная рукопись Деникина «Наветы на белое движение». С. 38.

[21] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 70—71.*

[22] *Генерал Казанович Б. Поездка из Добровольческой армии в Красную Москву (май-июль 1918 г.). Архив русской революции. Т. 7. С. 184—185.*

[23] *Там же. С. 184—202.*

[24] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 79—80.*

[25] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 80.*

[26] *Интернационалисты в боях за власть Советов. М.: Мысль, 1965.*

Участие венгерских военнопленных в русской гражданской войне интересно осветил *Рудольф Л. Токес (Rudolf L. Tokes)* в своей книге *Bela Kun and the Hungarian Soviet Republic page 69 (Нью-Йорк: изд-во Frederick A. Praeger Inc, 1967)*: За время Первой мировой войны в Венгрии, общее население которой не превышало 21 миллиона, было мобилизовано 3 600 000 человек. Из них к концу 1917 г. 734 000 солдат и офицеров оказалось в плену. Ввиду того, что венгерские части были развернуты главным образом на русском фронте, большинство этих военнопленных попало в Россию. В течение весны и лета 1918 г. около 100 тысяч венгров (военнопленных) записалось в Красную армию. Причину такого большого венгерского участия в русской гражданской войне Рудольф Токес видит не только в заманчивых коммунистических лозунгах и в приманках материального свойства, которыми прельщало их к сотрудничеству с большевиками советское руководство, но и в событиях на Западном фронте. К концу лета надвигавшийся разгром центральных держав выдвигал перед венграми чрезвычайно мрачные перспективы. Не в пример полякам, чехам, словакам, сербам и хорватам они чувствовали себя в категории побежденных, со всеми вытекающими из поражения последствиями.

Глава XVII

[1] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 156—157.*

[2] *Там же. С. 151.*

[3] *Там же. Т. 4. С. 84.*

[4] *Зайцов А. 1918 год. С. 219.*

[5] *Головин Н. Н. Российская контрреволюция... Кн. 11. С. 26.*

[6] См.: *Зайцов А. 1918 год. С. 222. Головин Н. Н. Российская контрреволюция... С. 27.*

[7] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 168.*

[8] *Там же. С. 160.*

[9] *Марковцы в боях и походах за Россию. Т. 1. С. 273—274.*

[10] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 160.*

[11] *Там же. С. 199.*

[12] *Там же. С. 200.*

[13] *Там же. С. 204.*

[14] Из речи генерала Деникина на торжественном открытии Кубанской рады 1 ноября 1918 г. См.: *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 47.*

[15] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 205—206.*

[16] *Там же. С. 212.*

[17] *Там же. Т. 4. С. 46.*

[18] *Там же. Т. 3. С. 211.*

[19] Об артиллерии А. Шкуро писал: «У меня не было не только тяжелой, но и легкой». *Генерал-лейтенант Шкуро А. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес: изд-во «Сеятель», 1961. С. 134.*

[20] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 187.*

[21] *Воззвание Президиума лабинской бригады. Приведено генералом Деникиным в Очерках русской смуты. Т. 3. С. 218.*

[22] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 236.*

[23] *Там же. Т. 4. С. 111.*

[24] Вначале чинопроизводство отсутствовало в Добровольческой армии, каждый офицер имел тот чин, в котором застал его большевистский переворот. Тем временем местные власти на Украине, на Дону, на Кубани щедро награждали своих офицеров чинами, и когда эти офицеры стали прибывать в Добровольческую армию, то получались недоразумения и неприятности. Чтобы урегулировать

отношения между офицерами, добровольческое командование решило восстановить чинопроизводство.

[25] *Генерал Врангель П. Н. Записки. Сб. «Белое дело». Т. 5. Берлин: изд-во «Медный Всадник», 1928. С. 72.*

Глава XVIII

[1] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 96—97.*

[2] *Там же. С. 98.*

[3] О том, как происходило расхищение многих миллионов рублей деньгами и золотом, подробно писал К. Гинс в книге «Сибирь, Союзники и Колчак» (*Пекин, 1921)* в разделе, озаглавленном «Хищения эсеров». По сведениям генерала Деникина, золотой запас России в тот момент равнялся 1118,5 млн. золотых рублей (651,5 млн. было захвачено в Казани; 147 млн. находилось у большевиков; 320 млн. — в Париже у союзников).

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 226.

[4] *Каменев С. С. Записки о гражданской войне и военном строительстве: Избр. ст. М.: Воен. изд-во Министерства обороны СССР, 1963. С. 8.*

[5] *Генерал Болдырев В. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. С. 60—61.*

[6] *Зайцов А. 1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны. Париж: Частн. изд., 1934. С. 201.*

[7] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 156.*

[8] *Там же. С. 240.*

В заседании участвовали: от Добровольческой армии — генералы Алексеев, Деникин, Драгомиров, Лукомский, Романовский; от Кубани — Филимонов и Быч; русские политические деятели — Шульгин и Степанов. От Грузии — Гегечкори и генерал Мазниев.

[9] *Там же. С. 240—244.*

[10] *Там же. С. 84. Мельгунов С. П. Судьба императора Николая II после отречения. Париж: La Renaissance, 1961. С. 315.*

[11] Мельгунов С. П., ссылаясь на немецкого историка Курта Ягова, имевшего доступ к германскому архиву министерства иностранных дел, писал, что датский король Христиан ввиду тревож-

ных известий, касавшихся царской семьи, обратился к императору Вильгельму с предложением вмешаться в разрешение судьбы низложенного монарха и его семьи, и что Вильгельм это предложение отклонил.

[12] *Там же. С. 303.*

[13] *Из неопубликованного письма генерала Деникина А. И. от 30 мая 1939 года Наталии Лавровне Шапрон-дю-Ларе (дочери генерала Корнилова). Русский архив Колумбийского университета.*

[14] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 271.*

[15] *Там же. Т. 4. С. 90.*

[16] *Генерал Дроздовский М. Дневник. Берлин: изд-во Отто Кирхнера, 1923. С. 152.*

[17] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 134—135.*

[18] *Там же. С. 262—263.*

[19] *Там же. Т. 4. С. 45—48.*

[20] *Там же. Т. 5. С. 302.*

[21] *Там же. Т. 3. С. 133.*

[22] *Милюков П. Н. Россия на переломе. Т. 2. Париж, 1927. С. 56.*

[23] *Там же. С. 238.*

[24] *Там же. С. 117.*

Глава XIX

[1] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 37—38.*

[2] *Там же. С. 36.*

[3] *Там же. С. 36—37.*

[4] Инициатива совещания в Яссах исходила главным образом от французского посланника de Saint-Aulaire и великобританского Sir George Barclay. Но в совещании участвовали также посол Соединенных Штатов Charles Vopicka, и посол Италии Ciacinto Auritti.

[5] *Милюков П. Н. Россия на Переломе. Париж, 1927. Т. 2. С. 85.*

[6] *Деникин А. И. Заметки, дополнения и разъяснения. Неопубликованная рукопись. Русский архив Колумбийского университета.*

[7] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 7.*

[8] *Там же. Т. 4. С. 192.*

[9] *Там же. С. 194—195.*

[10] *Там же. С. 188.*

[11] Энно (Henaud), противник большевизма, своими выступлениями и обещаниями в Киеве и в Одессе, превышавшими его полномочия, в значительной степени способствовал созданию среди населения той ложной атмосферы ожидания немедленной и безоговорочной французской помощи, которая, вводя русских антибольшевиков в заблуждение, фактически повредила франко-русским отношениям.

[12] Польская бригада, сформированная в Екатеринодаре, двигалась после окончания мировой войны в Польшу и по дороге очутилась в Одессе в тот момент, когда петлюровские войска захватили этот город.

[13] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 11.*

[14] *Санников А. С. Воспоминания. Белград, 1926.* Неопубликованная рукопись генерала Санникова, любезно предоставленная автору вдовой генерала, госпожой А. И. Санниковой. Копия в Русском архиве Колумбийского Университета.

[15] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 39—40.*

[16] *Трубецкой Е. Из путевых заметок беженца. Архив русской революции. Т. 18. С. 195.*

[17] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 47.*

[18] *Там же. С. 48.*

[19] *Письмо Ленина штабу 2-й Украинской советской армии. См.: История гражданской войны в СССР. М.: Госиздат политической литературы, 1957. Т. 3. С. 350—351. О бунте французских матросов: Andrй Marty. «The Epic of the Black Sea Revolt». Workers Library Publishers Inc. New York, 1941.*

[20] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 52—53.*

[21] *Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и представителей французского командования. Издано управлением генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. Екатеринодар, 1919. С. 24.*

[22] *История гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 352—353.*

[23] *Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 2. С. 292. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 61.* Что касается перевода деникинского штаба в Севастополь, генерал в своих воспоминаниях писал: «Впоследствии, исключительно под влиянием изменившегося положения фронта, от мысли этой пришлось отказаться».

[24] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 65.*

[25] *Там же. С. 66—68.*

Там же. Т. 4. С. 39.

Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 2. С. 292.

[26] *Лукомский А. С. Там же. С. 298.*

[27] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 42.*

[28] *Там же. С. 71.*

[29] *Winston S. Churchill. The World Grisis, Harles Scribner's Sons. New York. Vol. V. P. 61.*

[30] *Там же. С. Р. 262.*

[31] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 140.* Некоторые речи Ллойд Джорджа, касавшиеся британской политики в отношении России, коробили не только русских, но и англичан, как видно из книги *C. E. Bechhofer-Roberts, In Denikin's Russia and the Caucasus 1919—1920. W. Collins Sons and Co. Ltd. London, 1921. P. 121—122.*

[32] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 158.*

[33] *Там же. С. 86.*

[34] *Churchill. The World Crisis. P. 287.*

[35] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 37, 39.*

[36] *Там же. С. 41.*

Глава XX

[1] *Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское. Архив русской революции. Т. 5. С. 230.*

В своих воспоминаниях генерал Краснов писал: «[Донская] армия имела к этому времени 1282 офицера, 31 300 бойцов на фронте, 79 пушек и 267 пулеметов, и кроме того молодую армию в составе 20 000 бойцов. Технические средства армии состояли из 68 самолетов, 14 броневых поездов, 3 броневых автомобилей».

[2] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 62.*

[3] *Там же. С. 65.*

Названные лица собрались на Съезд земских и городских самоуправлений Юга.

[4] *Там же. С. 66—67. Из доклада Карасева К. от 16 августа 1919 г.*

[5] *Там же. С. 71.*

[6] *Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское. С. 280—281.*

[7] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 72.*

[8] *Там же. С. 73.*

[9] *Там же. С. 78,80.*

[10] *Архив русской революции. Т. 10. Берлин, 1923. С. 177—321.*

Краткая биография А. В. Колчака составлена на основании протоколов допроса адмирала Колчака Чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в январе-феврале 1920 г.

[11] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 85.*

Глава XXI

[1] Генерал Кучук Улагай, мусульманин, происходил из горцев-карачаевцев Баталпашинского отдела Кубанской области. Талантливый кавалерийский начальник Улагай начал воевать в Первую мировую войну в чине поручика, командуя взводом в 18-м Северском драгунском полку. Унтер-офицером во взводе Улагая был С. М. Буденный, впоследствии командующий знаменитой Первой конной армией Советской России.

[2] *Троцкий Л. Как вооружалась революция. Высший военно-редакционный совет. Т. 2. Кн. 2. М., 1924. С. 26.*

[3] *Leon Trotsky. Stalin. Edited and translated from the Russian by Charles Malamuth. Harper and Brothers. New York. P. 273—275.*

[4] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 84.*

[5] *Там же.*

[6] *Врангель П. Н. Записки. Сб. «Белое дело». Т. 5. Берлин: изд-во «Медный всадник», 1928. С. 132.*

[7] См.: *Полковник Лагодовский Б. А. Воспоминания. В рядах лейб-гвардии конной артиллерии и в гражданской войне на Юге России. Ч. 3. 1918—1920. С. 49.* Машинопись. Экзем-

пляр на пишущей машинке: В обстреле советских позиций морскими орудиями со стороны Черного моря у Акманая приняли участие английские дредноуты «Emperor of India» и «Marlborough», французский броненосец «Waldeck Ronsseau», греческий крейсер «Генерал Аверов», несколько английских миноносцев и добровольческие корабли «Генерал Алексеев» и «Кагул». Со стороны Азовского моря большевистские позиции обстреливались крейсером «Calypso» и английским миноносцем.

[8] См.: *Vice-Admiral Sir Francis Pridham. Close of Dynasty. Published by Allan Wingate Ltd. London. May 1956 (176 p.).*

[9] *Врангель П. Н. Записки. Сб. «Белое дело». С. 159—160.*

[10] *Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 2. С. 143—144.*

[11] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 108—109.*

[12] *История гражданской войны в СССР. (Сб. документов и материалов в трех томах. 1918—1922). Т. 2. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Советская Россия, 1961. С. 383.*

[13] *См.: Директивы Главного командования Красной армией (1917—1920 гг.): Сб. документов. М.: Воен. изд-во Министерства обороны СССР, 1969. Док.: 376, 378, 380, 385. С. 413, 414, 415, 418.*

[14] *История гражданской войны в СССР. Т. 2. С. 390.*

[15] *Там же. С. 512.*

[16] *Там же. С. 386—387.*

[17] *Там же. С. 396.*

[18] *Там же. С. 437—452.*

[19] *Там же. С. 462.*

[20] *Там же. С. 548.*

[21] *Там же. С. 464—465.*

Глава XXII

[1] *Князь Трубецкой Е. Из путевых заметок беженца. Архив русской революции. Т. 18. С. 201.*

[2] *Личный архив Деникиной К. В. Письмо к ней мужа от 5 августа 1918 г.*

[3] *Записано со слов К. В. Деникиной.*

[4] *Соколов К. Н. Правление генерала Деникина. София: Российско-Болгарское изд-во, 1921. С. 85.*

[5] *Личный архив Деникиной К. В. Из неопубликованного письма генерала Деникина к жене от 8 июля 1919 г.*

[6] См.: *Шавельский Г. Воспоминания. Т. 2. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1954 . С. 327, 360.*

[7] *Соколов К. Н. Правление генерала Деникина. С. 183—184.*

[8] *Личный архив Деникиной К. В. Неопубликованное письмо генерала Деникина.*

[9] *Шавельский Г. Воспоминания. С. 360.*

[10] *Личный архив Деникиной К. В. Из неопубликованного письма генерала Деникина к жене от 29 апреля 1919 г.*

[11] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 95.*

[12] *Врангель П. Н. Записки. Сб. «Белое дело». С. 71, 110.*

[13] *Соколов К. Н. Правление генерала Деникина. С. 39—40.*

[14] *Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское. Архив русской революции. Т. 5. С. 278—279.*

[15] *Трубецкой Е. Архив русской революции. Т. 18. С. 201.*

[16] *Врангель П. Н. Записки. Сб. «Белое дело». Т. 5. С. 133.*

[17] *Шавельский Г. Воспоминания. Т. 2. С. 127—129.*

[18] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 85.*

[19] *Там же. С. 87.*

[20] Отношение в военных кругах Екатеринодара к Гришину-Алмазову было недоброжелательное, особенно со стороны генерала Лукомского, а потому интересно отметить мнение о нем генерала Деникина: «Человек далеко незаурядный, неоцененный в Сибири, недооцененный на юге, и имевший много данных для того, чтобы играть видную роль в рядах белого движения». (*Очерки русской смуты. Т. 5. С. 88—89).*

[21] *Гинс К. Сибирь. Союзники и Колчак. Т. 2. С. 234—239.*

[22] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 97.*

[23] *Соколов К. Н. Правление генерала Деникина. С. 135.*

[24] Владимир Васильевич Перфильев после окончания гражданской войны переехал на жительство в Соединенные Штаты, где в начале тридцатых годов приобрел некоторую известность как путешественник, талантливый лектор и художник.

[25] *Деникин А. И. Заметки, дополнения... Неопубликованная рукопись С. 44. Русский архив Колумбийского университета*

Глава XXIII

[1] *История гражданской войны в СССР. Т. 2. М., 1961. С. 200—202.*

[2] *Генерал Сахаров К. В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С. 79.*

[3] *Там же. С. 79—80.*

[4] *Милюков П. Н. Россия на переломе. Т. 2. С. 122.*

[5] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 220.*

[6] *Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области. Архив русской революции. Т. 3. С. 145—146.*

[7] *Соколов Б. Падение Северной области. Архив русской революции. Т. 9. С. 85—90.*

[8] В «Очерках русской смуты». *(Т. 5. С. 226)* генерал Деникин сделал по поводу Бермондта следующую заметку: По прохождению службы Бермондт был капельмейстером Приморского драгунского полка, прапорщиком одного из Забайкальских казачьих полков, корнетом Петербургского уланского полка и, после отставки, во время [первой] мировой войны — личным адъютантом командира корпуса, генерал Мищенко. Принимал участие в формировании так называемой Южной армии (формировавшейся на средства немцев во время их оккупации Украины). Именовал себя до сентября 1919 г. Бермондтом, в сентябре — Аваловым-Бермондтом, в октябре — князем Аваловым-Бермондтом...

[9] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 24.*

[10] *Leon Trotsky. Stalin. Harper & Brothers, 1946. P. 307.*

[11] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 19.*

[12] *Там же. С. 17—20.*

[13] *Гинс М. Н. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. С. 237.*

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 32.

[14] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 175.*

[15] *Копия письма генерала Деникина от 11 марта 1937 г.* к школьному товарищу Станиславу Карпинскому, директору Польского Государственного Банка. *Русский архив Колумбийского университета.*

[16] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 175—176.*

[17] *См. об этом брошюру в 14 с., написанную А. И. Деникиным и напечатанную им в 1937 г. в Париже под заглавием «Кто спас советскую власть от гибели».*

[18] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 178—179.*

[19] *Маршал Тухачевский М. Н. Избранные произведения. Т. 1. М.: Воен. изд-во Министерства обороны СССР, 1964. С. 114.*

Глава XXIV

[1] *Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 2. С. 204.*

[2] См.: *Мельгунов С. П. Антисемитизм и погромы. Сб. «Голос минувшего на чужой стороне» 1927. № 5/18.*

[3] *Письмо генерала Деникина генералу Май-Маевскому от 10 сент. 1919 г. История гражданской войны в СССР. Т. 2. С. 518—519.*

[4] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 237—238.*

[5] *Врангель П. Н. Записки. Сб. «Белое дело». Т. 5. С. 290.*

[6] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 93.*

[7] *Там же. С. 94.*

[8] *Там же. Т. 5. С. 146—147.*

[9] *Алданов М. А. Убийство Урицкого. Современники. Берлин: изд-во «Слово», 1928. С. 256.*

[10] *Аронсон Г. Из размышлений и дневников Дубнова С. М. Новое русское слово. 1957. 15 сент.*

[11] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 147.*

[12] См.: *Политический обзор областей Юга, Юга-Востока и Закавказья за период с 1 авг. по 1 сент. 1919 г. (10 окт. 1919. Ростов н/Д).*

[13] *Д-р Пасманик Д. С. Русская революция и еврейство. Париж: изд-во «Франко-русская печать», 1923. С. 178—179.*

[14] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 149.*

[15] *Там же.*

[16] *Там же. С. 150.*

[17] *Там же. Т. 4. С. 224.*

[18] *Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 2. С. 188.*

[19] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 223.*

[20] *Соколов К. Н. Правление генерала Деникина. С. 286.*

[21] *Лукомский А. С. Воспоминания. С. 150.*

[22] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 225.*

[23] *Герасименко К. В. Махно. Сб. «Историк и современник». Берлин, 1922. С. 151.*

[24] *Аршинов П. История махновского движения (1918—1921). Берлин: изд-во группы русских анархистов в Германии, 1923. С. 50.*

[25] *Там же. С. 55.*

[26] *Там же. С. 134.*

[27] *Герасименко К. В. Махно. С. 183.*

[28] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 131—132.*

[29] *Там же. С. 134.*

[30] *Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 2. Кн. 2. С. 28.*

Глава XXV

[1] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 74—76.*

[2] *Там же. С. 74.*

[3] *Не публиковавшийся ранее документ из архива русского посольства в Париже. Маклаков В. А. Hoover Library, Stanford University. California. 1918—1923.*

[4] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 84—86; Т. 5. С. 169.*

[5] *George F. Kennan. «Soviet Amerikan Relations 1917—1920». Vol. II. (The Decision to Intervene). Princeton University Press. 1958. Chapter XVIII (The Dispatch of American Forces to Russia), P. 405—429. George F. Kennan. «Russia and the West under Lenin & Stalin». Chapter 5—8. Atlantic-Little Brown, 1960.*

[6] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 184.*

[7] Эта часть письма *регента Александра к генералу Деникину от 21 ноября 1919 г.* печатается впервые. *Русский архив Колумбийского университета.*

[8] *Архив Гирса М. Н. Hoover Library. Stanford University.*

[9] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 171.*

[10] *Там же. С. 171—173.*

[11] 22 апреля 1919 г. Ленин телеграфировал советскому Главнокомандующему Вацетису и члену Революционного военного совета Аралову: «Продвижение в часть Галиции и Буковины необходимо для связи с Советской Венгрией. ...Украинская армия, безусловно, ни в каком случае не должна отвлекаться от своих главных задач: именно первая важнейшая и неотложнейшая помощь Донбассу. Вторая задача — установить прочную связь по железным дорогам с Советской Венгрией. Сообщите ваши директивы Антонову (Овсеенко) и меры проверки их выполнения». См.: *История гражданской войны в СССР. Т. 2. С. 383. Сб. док. и мат. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: изд-во Советская Россия. 1961*

[12] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 140.*

[13] *Там же. С. 253—259.*

[14] *Там же. С. 257.*

[15] *Там же. С. 142—143.*

[16] *Чубинский М. П. На Дону. Сб. «Донская летопись». Белград, 1924. С. 272.*

Слова профессора М. П. Чубинского тоже цитированы генералом Деникиным в Очерках... *Т. 5. С. 143.*

[17] *Там же. Т. 4. С. 218.*

[18] *Там же. С. 273.*

[19] *Там же. С. 206.*

[20] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 275.*

[21] *Там же. С. 199.*

[22] *Соколов К. Н. Кубанское действо. Архив русской революции. Т. 18. С. 237—253.*

[23] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. Гл. 20—22.*

Врангель П. Н. Записки. Сб. «Белое дело». Т. 5. С. 214—243;

Атаман Филимонов. Разгром Кубанской рады. Архив русской революции. Т. 5. С. 232—329.

Глава XXVI

[1] *Leon Trotski. Stalin. Chapter IX. The Civil War. Harper Brothers.*

[2] *История гражданской войны в СССР. Т. 4. С. 264. Институт марксизма-ленинизма... М., 1959.*

В сокращенном томе своих воспоминаний, изданных на английском языке под заглавием *The White Army (Jonathan Cape. London, 1930. С. 324)*, генерал Деникин утверждает, что к середине октября 1919 г. фронт его войск против Красной армии растянулся больше чем на 1700 километров вдоль линии Житомир — Киев — Чернигов — Воронеж — Царицын — Астрахань.

[3] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 230.*

[4] *История гражданской войны в СССР. С. 258.*

[5] В воспоминаниях генерал Деникин не указывает численность своей конницы в середине октября 1919 г. Но советские источники, по-видимому преувеличивая факты, говорят, что у Деникина было тогда 48 800 сабель.

[6] Все выше приведенные цифры взяты из *Истории гражданской войны... С. 258.*

[7] *Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 2. С. 201.*

[8] *Шкуро А. Г. Записки белого партизана. С. 230.*

[9] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 261—262. Донесение генерала Улагая приводится в «Записках» генерала Врангеля П. Н. Сб. «Белое дело». Т. 5. С. 255—256.*

[10] *Маршал Тухачевский М. Н. Избранные произведения. Т. 1. М.: Воен. изд-во Министерства обороны СССР, 1964 . С. 41—42.*

[11] Выдержки из рапорта командовавшего 5-м кавалерийским корпусом генерала Чекотовского. Рапорт был подан генералу Врангелю, только что вступившему в командование Добровольческой армией. Врангель П. Н. См.: *Записки. С. 254—255. Белое дело. Т. 5.*

Глава XXVII

[1] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 109—110.*

[2] *Врангель П. Н. Записки. Сб. «Белое дело». Т. 5. С. 135.*

[3] См.: *Деникин А. И. Ответ на «Воспоминания» барона Врангеля. Иллюстрированная Россия. Париж, № 22, 23 и 24 от 24 мая, 31 мая и 7 июня 1930 г.*

[4] *Деникин А. И. Ответ на «Воспоминания» генерала Врангеля. Иллюстрированная Россия. Париж, № 24, 7 июня 1930 г.*

[5] Инспиратором оппозиции к адмиралу Колчаку оказался В. С. Завойко. Тот самый, который при генерале Корнилове был в Ставке Верховного Главнокомандующего в Могилеве.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 116.

[6] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 260.*

[7] *Там же.*

[8] *Врангель П. Н. Записки. Сб. «Белое дело». Т. 5. С. 260.*

[9] *Там же. С. 261.*

«Для воздействия на генерала Деникина, — писал генерал Врангель в своих воспоминаниях, — я отправил копии своего рапорта одновременно обоим помощникам Главнокомандующего: генералам Романовскому и Лукомскому. Доверительно ознакомил я с содержанием рапорта и Н. В. Савича, прося его повлиять на Главнокомандующего».

[10] *Деникин А. И. Очерки. С. 260—261.*

[11] *Там же. С. 264.*

[12] *Врангель П. Н. Записки. Сб. «Белое дело». С. 269.*

[13] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 263—264.*

Раковский Н. В стане белых. Константинополь, 1920. С. 38—43.

[14] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. Гл. 31. Поход на власть.*

[15] *Врангель П. Н. Записки. Сб. «Белое дело». С. 283.*

[16] *Деникин А. И. Заметки, дополнения и разъяснения к «Очеркам русской смуты» от 31 мая 1930 г. Машинопись с дополнениями и вставками чернилами, сделанными рукой генерала Деникина С. 65. Русский архив Колумбийского университета.*

Глава XXVIII

[1] Эта точка зрения, в свое время очень распространенная, нашла отражение в статье полковника А. Битенбиндера «Новороссийская эвакуация». *Новое русское слово. 31 мая 1969 г.*

[2] *Соколов К. Н. Правление генерала Деникина. С. 81—82.*

[3] *Деникина К. В. Памяти генерала Романовского. Доброволец. Париж, 1937.*

[4] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 203.*

Глава XXIX

[1] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 299—304.*

[2] *Там же. С. 306.*

[3] *Письмо Н. В. Чайковского генералу Болдыреву. Приведено в книге В. Болдырева «Директория. Колчак. Интервенты. С. 545.*

Хотя Н. В. Чайковский вошел в состав правительства Н. М. Мельникова со званием члена Совета министров (т. е. министра без портфеля), на самом деле ему предназначалась функция министра политического образования (т. е. министра пропаганды).

[4] *Деникин А. И. Заметки. Дополнения и разъяснения. Русский архив Колумбийского университета. С. 53.*

[5] *Winston S. Churchill. The World Crisis. Vol. V. P. 256—259. Charles Scribner's Sons. New York, 1957.*

[6] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 310, 311.*

[7] *Там же. С. 327.*

[8] *Врангель П. Н. Записки. Сб. «Белое дело». Т. 5. С. 299. Из последнего письма генерала Врангеля генералу Деникину.*

[9] *Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 2. С. 171—172.*

[10] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 337.*

[11] *Текст письма генерала Врангеля генералу Деникину приведен полностью в книге В. фон Дрейера «Крестный путь во имя Родины». Берлин, 1921. С. 82—90.*

[12] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 326.*

[13] Не публиковавшееся ранее письмо генерале Деникина к жене от марта 1920 года. *Собственность К. В. Деникиной.*

[14] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 339.*

Генерал Я. Д. Юзефович, упомянутый в этом письме, был сначала начальником штаба генерала Врангеля, а затем командовал 5-м кавалерийским корпусом Добровольческой армии.

[15] *Шавельский Г. Воспоминания. Т. 2. С. 401—408.*

[16] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 324.*

[17] *Там же. С. 346.*

[18] См.: *там же. Гл. XVI.*

[19] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 340—342.*

[20] *Там же.*

[21] *Там же. С. 344.*

[22] Никогда еще не публиковавшееся письмо генерала Деникина от 17 марта 1920 г. к жене, находившейся тогда в русском посольстве в Константинополе. *Собственность К. В. Деникиной.*

[23] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 349.*

[24] *Полковник Лагодовский Б. А. Воспоминания. 1918—1920 гг.* С. 195—199.

Отрывок из воспоминаний Бориса Аркадьевича Лагодовского приводится с его любезного на то разрешения.

[25] *Раковский Г. Н. В стане белых. С. 224.*

[26] *История гражданской войны в СССР. Т. 4. М., 1959. С. 299.*

[27] *В «Очерках русской смуты» (т. 5. с. 351)* генерал Деникин писал, что по данным Ставки генерала Врангеля около 12 тысяч донцов и кубанцев было переведено в Крым с Кавказского побережья. Иную цифру дает бывший офицер Донской армии Максим Бугураев: «С Черноморского побережья было вывезен генералом Врангелем в Крым только около 5 тысяч донцов (в их числе и я) и около трех тысяч кубанцев». *Новое русское слово. 26 июня 1969 г.* Происходило это в двадцатых числах апреля 1920 г.

[28] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 350.*

[29] Из неопубликованного письма генерала Деникина к жене от 17 марта 1920 г. *Собственность К. В. Деникиной.*

Глава XXX

[1] В неопубликованных бумагах генерала Деникина «Заметки. Дополнения и разъяснения» на стр. 57 имеется следующая запись: «Все расформирования, полная реорганизация всех частей и штабов в Крыму сделаны были моими приказами». *Русский архив Колумбийского университета.*

[2] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 330.*

[3] *Там же. С. 353—354. Краснов В. М.* (Не родственник атамана Краснова). *Из воспоминаний от 1917—1920 гг. Архив русской революции. Т. 11. С. 165—166.*

[4] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 354—356.*

[5] *Там же. С. 354.*

[6] *Генерал П. Махров. Новороссийская трагедия. Русские новости. Париж, 1947. № 116.*

[7] Текст телеграммы приведен генералом Врангелем в «Записках...», опубликованных в сборнике *«Белое дело». Т. 5. С. 304:* «Предлагаю прибыть к вечеру 21 марта в Севастополь на заседание военного совета под председательством генерала от кавалерии Драгомирова для избрания преемника Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. Состав совета: командиры Добровольческого и Крымского корпусов, их начальники дивизий, из числа командиров бригад и полков — половина (от Крымского корпуса по боевой обстановке норма может быть меньше), коменданты крепостей, командующий флотом, его начальник штаба, начальники морских управлений, четыре старших строевых начальников флота. От Донского корпуса — генералы Сидорин, Кельчевский и шесть лиц из состава генералов и командиров полков. От штаба Главнокомандующего — начальник штаба, дежурный генерал, начальник военного управления, а также генералы Врангель, Богаевский, Улагай, Шиллинг, Покровский, Боровский, Ефимов, Юзефович и Топорков». *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 356—357.*

[8] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 357.*

[9] Все касающееся заседаний военного совета для выбора преемника генералу Деникину основано на следующих источниках:

Деникин А. И. Очерки русской смуты. С. 354—363.

Врангель П. Н. Записки. Сб. «Белое дело». Т. 5. С. 304—306; Т. 6. С. 5—12.

Махров П. Новороссийская трагедия. Русские новости. Париж, 1947. № 116.

[10] *Свидетельство участника военного совета в Севастополе генерала Ползикова. Приведено А. И. Деникиным в Очерках русской смуты. Т. 5. С. 358—363.*

В неопубликованных бумагах генерала Деникина (*Заметки, дополнения и разъяснения». С. 58*) имеется следующая заметка об истории записки Ползикова. Ползиков — человек правдивый, порядочный, с гражданским мужеством, о чем свидетельствует его записка, составленная при жизни его начальников — Врангеля и Кутепова. Ползиков знал, что его записка будет использована для

Очерков. Ввиду того, что в ней говорилось о Кутепове, записка дана была ему на прочтение. Дав свои дополнения, Кутепов ни в чем не изменил фактическую часть записки генерала Ползикова».

[11] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 304—306; Т. 6. С. 5—12.*

В дневнике П. Н. Милюкова имеется заметка о разговоре его с Деникиным по поводу назначения Врангеля. Разговор происходил в Лондоне 17 апреля 1920 г., в день приезда туда генерала Деникина. Милюков спросил генерала, как произошло назначение Врангеля. По-видимому, заметка в дневнике П. Н. Милюкова является единственным свидетельским показанием человека, который в личной беседе с генералом Деникиным затронул этот больной вопрос и получил ответ, что Деникин уже имел в виду Врангеля. *Дневник Милюкова П. Н. в Русском архиве Колумбийского университета. Отрывки из него печатались в «Новом журнале». Кн. № 67. Нью-Йорк, март 1962 г.*

[12] *Валентинов А. А. Крымская эпопея. Архив русской революции. Т. 5. С. 5—6.*

[13] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 364.*

[14] *Деникин А. И. Ответ на «Воспоминания барона Врангеля». Иллюстрированная Россия. № 24. 7 июня 1930 г.*

[15] Генерал Врангель в своих *Записках (Сб. «Белое дело». Т. 5. С. 304—305)* приводит текст Британской ноты полностью.

[16] Полковник Владимир Сергеевич Хитров занимал в начале 1920 г. должность начальника бюро русской печати при посольстве в Константинополе. Я обратился к нему с просьбой описать убийство генерала Романовского, что он любезно исполнил в письме ко мне от 27 января 1967 г. (письмо его в моем архиве). Воспоминания свидетелей об этой минуте сильно расходятся. Так, например, Ксения Васильевна Деникина утверждала потом (ее записки от июня 1927 г.), что генерала Агапеева тогда в их комнате уже не было, и выстрелов они не слышали.

[17] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 364.*

[18] *Деникин А. И. Заметки, дополнения, разъяснения. С. 60. Русский архив Колумбийского университета.*

[19] *Генерал Агапеев В. П. Убийство генерала Романовского. Сб. «Белое дело». Т. 2. С. 117—118.*

[20] *Гуль Роман. Кто убил генерала Романовского? Ст. в газете «Последние новости». № 5435. Париж, 9 февраля 1936 г.*

[21] Происхождение заметки Б. С. Куцевалова об убийстве генерала Романовского таково. В 1920—1930 гг. военный историк генерал Н. Н. Головин был европейским представителем исторического архива, основанного Гувером в Калифорнии (Hoover Institution on War, Revolution and Pease, Stanford University, Stanford, Cal). С помощью Головина Гуверовский архив приобрел чрезвычайно ценный материал, связанный с эпохой русской революции и гражданской войны. В 1932 г. генерал Головину было предложено купить для архива заметку, составленную Б. С. Куцеваловым об убийстве генерал Романовского. К Головину Куцевалов обратился через Николая Платоновича Вакара, человека честного, добросовестного, опытного журналиста. Н. П. Вакар в то время был видным сотрудником парижской газеты «Последние новости». Во время Второй мировой войны он перебрался в Соединенные Штаты, где, получив звание профессора русской культуры и литературы, читал лекции в ряде американских университетов (в Гарвардском университете, в Гарвардской летней школе, в Бостонском университете, а также в следующих колледжах: Мидлбэрри, Веллсли, Тофтс и под конец в штатном университете Огайо). Н. П. Вакар был в дружеских отношениях с Н. Н. Головиным и в то же время давно хорошо был знаком с Б. С. Куцеваловым. 17 апреля 1932 г. Вакар написал Головину, предлагая ему рукопись Куцевалова. В письме к Головину (оригинал находится в архиве Hoover Institution), ручаясь за правдивость и достоверность Куцевалова, Вакар, между прочим, писал: «Человек он (Куцевалов) положительный, добросовестный и отважный... В смысле исторической правды, записки его представляют несомненный интерес, так как человек этот лишен воображения и, стало быть, точно пишет то, свидетелем и участником чего он был. А знал он многое и умел хранить секреты. Так, например, о его причастности к убийству генерала Романовского я сам узнал теперь впервые». Рукопись Куцевалова была приобретена Головиным.

В контракте с Гарвардским университетом от 10 октября 1932 г. Б. С. Куцевалов поставил условие, что рукопись его об убийстве генерала Романовского не подлежит опубликованию в течение

десяти лет. Кроме того, в течение 15 лет запрещалось вскрывать особо приложенный к рукописи конверт с именами лиц, принимавших участие в убийстве.

В связи с работой над биографией генерала Деникина я провел осенью 1967 г. несколько недель в Гарвардском институте и обнаружил, что рукопись Б. С. Куцевалова таинственным образом исчезла из архива. Все попытки администрации ее найти оказались безрезультатны. Тогда я связался с Н. П. Вакаром, который любезно сообщил, что Б. С. Куцевалов еще жив, и дал мне его адрес. По моей просьбе Б. С. Куцевалов восстановил факты, изложенные в его пропавшей записке, прислал мне свою рукопись и дал разрешение использовать ее в моей работе.

В описании событий, связанных с убийством генерала Романовского кроме рукописи Б. С. Куцевалова были использованы следующие источники:

1. *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 364—365*;

2. *Деникин А. И. Записки, дополнения и рахъяснения. С. 59—61; Русский архив Колумбийского университета*

3. *Агапеев В. П. Убийство генерала Романовского. Сб. «Белое дело». Т. 2. С. 108—121*;

4. *Письмо генерала Агапеева по поводу убийства Романовского от 4 янв. 1954 г. в ответ на запрос К. В. Деникиной. Русский архив Колумбийского университета*

5. *Копия письма генерала Хольмана генералу Деникину от 1 мая 1930 г. Русский архив Колумбийского университета*

6. Показания об убийстве адъютанта генерала Деникина ротмистра Лаврова М. Русский архив Колумбийского университета

7. *Показания Деникиной К. В. Русский архив Колумбийского университета*

8. *Письмо полковника В. С. Хитрова (от 27 января 1967 г.)* в ответ на мой запрос. В начале 1920 г. он занимал должность начальника бюро русской печати при посольстве в Константинополе.

9. *Гуль Роман. Кто убил генерала Романовского? Последние новости. Париж, 9 февр. 1936 г. № 5435.*

Глава XXXI

[1] *Ленин о внешней политике Советского государства. М.: Госиздат, 1960. С. 226, 228, 338, 371.*

[2] *Winston S. Churchill, The World Crisis. Vol. P. 244.*

[3] *Из работы В. И. Ленина. Фраза эта цитируется в книге «Ленин о пропаганде и агитации». М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956 . С. 12.*

[4] *Врангель П. Н. Записки... Сб. «Белое дело». Т. 5. С. 257—261.*

[5] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 117—118.*

[6] *Письмо начальника штаба Кавказской армии генерала Юзефовича Я. Д. от 18 июня 1991 г. № 0964 начальнику штаба Главнокомандующего генералу И. П. Романовскому. Подлинник в Русском архиве Колумбийского университета.*

[7] *Врангель П. Н. Записки, дополнения и разъяснения. Сб. «Белое дело». Т. 5. С. 160.*

[8] *Мельгунов С. П. Ст. «Очерки генерала Деникина». Историко-литературный сборник «На чужой стороне». С. 306. Прага: изд-во «Пламя», 1924.*

Глава XXXII

[1] *Деникина К. В.* Тетрадь записок, касающихся различных эпизодов из ее жизни и жизни мужа. Запись велась отрывочно между декабрем 1921 и июлем 1922 г. *Собственность Деникиной К. В.*

[2] *Копия телеграммы в Русском архиве Колумбийского университета.*

[3] *The Times. London. April 19. 1920.*

[4] *The Hoover Institution on War. Revolution and Pease. Mr. Michel de Giers Archives. File No. 11. Letter from Sablin No. 205 of April 17. 1920*

[5] *Там же. Осведомительное письмо Саблина № 210 от 19 апреля 1920* г.

[6] *Там же. Осведомительное письмо Саблина № 215 от 21 апреля 1920 г.*

[7] *Там же. Письмо Саблина № 216 от 21 апреля 1920 г.*

[8] *Деникин А. И. Неопубликованные заметки, написанные вслед за «Заметками, дополнениями и разъяснениями к «Очеркам русской смуты». С. 66. Русский архив Колумбийского университета.*

[9] *Милюков П. Н. Дневник, находящийся в Русском архиве Колумбийского университета. Выдержки из него (включая приведенные выше) были опубликованы в Новом журнале. № 67. Нью-Йорк, Март 1962 г.*

[10] *Деникин А. И. Вышеуказанные неопубликованные заметки. С. 66.*

[11] *Эти сведения были сообщены Деникиной К. В.*

[12] *Вышеук. Гуверовский институт. Осведомительное письмо Саблина № 233 от 29 апреля 1920 г.*

[13] *Конспект речи генерала Деникина. Личные бумаги Деникиной К. В.*

[14] См.: *Милюков П. Н. Вышеуказанный дневник.*

[15] *Деникин А. И. С. 67. Вышеуказанные неопубликованные заметки.*

[16] *Там же. С. 69.*

[17] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 347—48.*

[18] *The Times. London. August. 27. 1920.*

Глава XXXIII

[1] *Деникина К. В. Тетрадь записок, касающихся различных эпизодов из ее жизни и жизни мужа. Собственность Деникиной К. В..*

[2] *Копия письма в Русском архиве Колумбийского университета.*

[3] *Копия письма в Русском архиве Колумбийского университета.*

[4] *Деникин А. И. Неопубликованные заметки... С. 71. Русский архив Колумбийского университета.*

[5] *Деникина К. В. Тетрадь записок...*

[6] *Деникин А. И. Неопубликованные заметки... С. 72—78. Русский архив Колумбийского университета.*

[7] *Hoover Institution. Mr. Michel de Giers Archives. File No. 146. letter from Prince P. P. Wolkonsky to Mr. M. N. de Giers of March 16. 1923.*

[8] *Деникин А. И. Неопубликованные заметки... С. 74.*

[9] *Деникин А. И. Неопубликованная рукопись по поводу составления «Очерков русской смуты». С. 62—65. Русский архив Колумбийского университета.*

[10] *Поход на Москву (Очерки русской смуты), под ред. Щеголева П. Е. Предисловие Л. Катаева. М.: Федерация, 1928.*

[11] *История гражданской войны в СССР. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 229.*

[12] *Агуреев К. В. Разгром белогвардейских войск Деникина. М., 1961. С. 4.*

[13] *Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 2. С. 192.*

[14] *Алексашенко А. П. Крах Деникинщины. М.: Изд. Мос. ун-та, 1966. С. 39.*

[15] История гражданской войны в СССР. Т. 4. С. 228.

[16] Каховская И. К. Дело Эйхгорна и Деникина. Воспоминания. *Сб. «Пути революции». Берлин: изд-во «Скифы», 1923. С. 191—260.*

[17] *Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 163—165.*

Глава XXXIV

[1] *Генерал Деникин. Письмо генералу Кутепову из Сопрона в Венгрии от сентября 1922 г. Русский архив Колумбийского университета.*

[2] *Генерал Деникин. Письмо редактору газеты «Возрождение». Помещено в журнал «Наше слово». Париж, май 1934 г. № 1—2.*

[3] *Генерал Деникин. Письмо генералу А. М. Драгомирову из Сопрона в Венгрии от 8 июля 1922 г. Русский архив Колумбийского университета.*

[4] Книга И. А. Бунина с этой надписью является собственностью К. В. Деникиной. По-видимому, Бунин ошибся в указании даты, т.к. Одесса была освобождена добровольцами от большевиков в августе, а не в сентябре 1919 г.

[5] *Записано со слов Деникиной К. В..*

[6] *Книга избранных стихов Ярослава Верхлицкого, перевод с чешского к. Д. Бальмонта. Прага, 1928.* Надпись Бальмонта помечена: Капбретон, 5 июня 1928 г. *Собственность Деникиной К. В.*

[7] *Слоним М. Американская книга о Марине Цветаевой. Новое русское слово. Нью-Йорк, 29 янв. 1967 г.*

[8] *Записано со слов Деникиной К. В.*

[9] *Выдержки из письма Деникина А. И. Копия в Русском архиве Колумбийского университета.*

[10] *Газета «Дни». Берлин, 22 янв. 1928 г.*

Глава XXXV

[1] *Деникин А. И. Неопубликованная рукопись, озаглавленная «Врангель», входит отдельной частью в «Заметках, дополнениях и разъяснениях к «Очеркам русской смуты». С. 96—98. Русский архив Колумбийского университета.*

[2] *Никулин Л. Мертвая зыбь. М.: Воен. изд-во Министерства обороны СССР, 1965.*

[3] *Деникин А. И. Неопубликованная рукопись «Кутепов». Русский архив Колумбийского университета.*

[4] *Деникин А. И. Рукопись «Кутепов».*

[5] *Winston S. Churchill Great Contemporaries (Лондон, 1937. Гл. о Савинкове Б.).*

[6] *Деникин А. И. Неопубликованная рукопись «Заметки, дополнения к «Очеркам русской смуты». С. 30. Русский архив Колумбийского университета.*

[7] *Мельгунов С. П. Легенды и действительность. Материалы о тресте. Журнал «Возрождение». Май-июнь 1951 г. № 15. С. 127.*

[8] *Деникин А. И. Кутепов.*

[9] *New York Times. Januare 29 tn. 1930.*

[10] *Geoffrey Baily. The Conspirators. Harper & Brothers. N.Y. 1960. Paul W. II. Soviet versus Western Intelligence 1921—1939. Quadrangle Books. Chicago, 1969.*

Среди русских газетных статей, посвященных генералу Кутепову, следует указать на статью Андрея Седых, посвященную двадцатилетию похищения генерала А. П. Кутепова. *Новое русское слово. Нью-Йорк, 27 янв. 1955 г.*

[11] *The Ciano Diaries. Doubleday & Co. Inc. New York. 1946. P. 275.*

[12] *Генерал-полковник авиации запаса Шиманов Н. Мои дополнения к роману (по поводу книги Никулина Л. В. Мертвая зыбь), Красная Звезда. 22 сент. 1965 г.*

[13] *Мельгунов С. П. Загадки в деле генерала Кутепова.* Последняя из серии статей в газете «Новое русское слово» от 3 до 11 окт. 1955 г.

[14] Кутепов А. С. *Неопубликованная рукопись. Русский архив Колумбийского университета.*

Глава XXXVI

[1] *Деникин А. И. Кутепов. Неопубликованная рукопись. С. 10. Русский архив Колумбийского университета.*

[2] *Мельгунов С. П. Первая из серии газетных статей «Загадки в деле генерала Кутепова». Новое русское слово. 3 окт. 1955 г.*

[3] *Paul W. Blackstock. World War II — Soviet Versus Western Intelligence 1921—1939. Chapter 10. The Melgunov Operations. Chicago Quadrangle Books. 1969. P. 182—192, notes on page 355.*

[4] *Мельгунов С. П. Загадки в деле Кутепова.*

[5] См. *две статьи: Письмо Оттуда и Ответ Туда,* помещенные генералом Деникиным в журнале «Борьба за Россию». № 70. Март 1928 г.

[6] *Генерал Деникин. Письмо Н. И. Астрову от 22 апр. 1930 г. Русский архив Колумбийского университета.*

[7] *Там же.*

[8] Девичья фамилия Плевицкой — Винникова. Первым браком за танцором Киевского балета Плевицким; вторым браком за офицером, поступившем потом в Красную армию, Левицким.

[9] *Журнал «Часовой». № 196 (5 сентября 1937 г.) и № 197 (5 октября 1937 г.). Брюссель. Бельгия.*

[10] У Н. В. Скоблина в Париже было двое братьев и сестра, замужем за Воробьевым. Они не имели никакого касательства к делу своего брата.

[11] *Последние новости. 10 декабря 1938 г.*

[12] *Замышлялось похищение генерала Деникина? Последние новости. 25 сент. 1937 г. № 6027.*

[13] *Записано со слов К. В. Деникиной и дочери генерала Марины Антоновны Деникиной-Chiappe.*

[14] *Последние новости. Париж, 10 дек. 1938 г.*

[15] *Письмо Н. В. Плевицкой из тюрьмы Петит Рокетт к адвокату М. М. Филоненко. Из архива М. М. Филоненко. Русский архив Колумбийского университета.*

[16] *Деникин А. И. После Кутепова. Неопубликованная рукопись. С. 120. Русский архив Колумбийского университета.*

[17] Источники, кроме вышеуказанных:

Последние новости № 6026 до № 6062 от пятницы 24 сент. до 30 окт. 1937 г.

Последние новости (процесс Плевицкой) от 6 дек. до 15 дек. 1938 г.

Журнал «Часовой». № 196 до № 201 от 5 сент. до 5 дек 1937 г. Брюссель. Бельгия. Русский архив Колумбийского университета.

Генерал Шатилов П. Н. Воспоминания. Неопубликованная рукопись. Русский архив Колумбийского университета.

Деникина К. В., Третьяков С. Н. Неопубликованная рукопись, составленная по запискам Бурышкина П. А. Русский архив Колумбийского университета

Прянишников Б. О внутренней линии. Новое русское слово. 16 июня 1950 г.

Прянишников Б. О внутренней линии. Новое русское слово. 20 окт. 1950 г.

Geoffrey Bailey. The Conspirations. Harper and Brothers. N.Y., 1960. Paul Sekret Road to World II. Soviet versus Western Intelligence. Quadrangle Books. Chicago, 1969.

Глава XXXVII

[1] Темы докладов А. И. Деникина, изданные в форме брошюр на русском и французском языках*: Русский Вопрос на Дальнем Востоке. 1932. Брест-Литовск, 1933. Международное положение. Россия и эмиграция. 1934. Кто спас Советскую власть от гибели? (о роли Пилсудского). 1937. Мировые события и русский вопрос. 1939.*

[2] *Последние новости. Париж: изд. Союза добровольцев, 11 янв. 1934 г.*

[3] *Деникин А. И. Мировые события и русский вопрос. Париж, 1939. С. 63.*

[4] *Последние новости № 4022 от 27 марта 1932 г.*

[5] *Деникин А. И. Мировые события и русский вопрос. Париж: изд. Союза добровольцев, 1939.*

[6] *Там же. С. 67 и 68.*

[7] *Генерал Головин. Письмо к генералу Деникину от 5 нояб. 1926 г. Русский архив Колумбийского университета.*

[8] *Генерал Деникин. Речь, произнесенная им в Париже на празднике кавалеров ордена Св. Георгия 26 ноября 1937 г. Русский архив Колумбийского университета.*

[9] *Генерал Деникин. Письмо Н. И. Астрову от 22 апр. 1930 г. Русский архив Колумбийского университета.*

[10] *Письмо на имя М. М. Федорова, председателя Комитета по сооружению памятника, от 27 апр. 1937 г. Русский архив Колумбийского университета.*

[11] *Генерал Деникин. Речь, произнесенная 16 мая 1937 г. на кладбище русских воинов, погибших во Франции во время войны 1914—1918. Русский архив Колумбийского университета.*

[12] *Мельгунов С. П. Гражданский подвиг А. И. Деникина. Журнал «Возрождение». Тетрадь 25-я. Янв.-февр. 1953 г.*

Глава XXXVIII

[1] Этот возраст указан К. В. Деникиной, а также А. И. Деникиным в его беседе с Андреем Седых, сотрудником газеты «Новое русское слово» от 9 дек. 1945 г. в статье, озаглавленной: «*Деникин А. И. объясняет причины своего приезда в Нью-Йорк*».

[2] Удостоверение на немецком языке, выданное К. В. Деникиной германской Feldgendarmerie (Mont de Marsan), в том, что, будучи интернированной с 15 июня по 1 июля 1941 г., она предъявила удостоверение своей личности и была отпущена на место своего жительства в Мимизан. *Собственность Деникиной К. В.*

[3] *Указатель запрещенных книг на русском языке Verzeichnis der verbotenen Bьcher in russischer Sprache.* 32 с. Издана в Париже.

[4] Деникин А. И. описал этот эпизод в своей беседе после приезда в Америку с сотрудником газеты «Новое русское слово» Андреем Седых. *Новое русское слово. Воскресение. 9 дек. 1945 г. Ст. «Деникин А. И. объясняет причины своего приезда в Нью-Йорк».* Подробности записаны здесь со слов К. В. Деникиной. К этому следует добавить, что при сложности сообщений друг с другом в период оккупации многие факты коверкались в устной передаче. Появились узоры, а иногда и легенды. Подобной участи подвергся среди русской эмиграции рассказ о немецком генерале и его визите к А. И. Деникину. Из коменданта Бирритца немец превратился в германского главнокомандующего и фельдмаршала. Называли имена фельдмаршалов фон Рундштедта и фон Манштейна.

[5] Обмен письмами находится в Русском архиве Колумбийского университета.

[6] *Мировая война. Россия и Зарубежье. Неопубликованная и незаконченная рукопись Деникина А. И. С. 133—134. Русский архив Колумбийского университета.*

[7] *Из той же рукописи.*

[8] *Там же. С. 117—118.*

[9] *Там же. Ч. 2. С. 55.*

[10] *Там же. С. 35.*

[11] *Копия письма А. И. Деникина генералу Н. Н. Стогову от 24 ноября 1944 г. Русский архив Колумбийского университета.*

[12] *Пути русской эмиграции. Текст сообщения, сделанного А. И. Деникиным в Нью-Йорке 5 февр. 1946 г. в Manhattan Center. Русский архив Колумбийского университета.*

[3] *Записано со слов Деникиной К. В.*

Глава XXXIX

[1] *А. И. Деникин. Генерал Власов и власовцы. Неопубликованная рукопись. С. 1, 13, 18. Русский архив Колумбийского университета.*

[2] *Мировая война. Россия и Зарубежье. Неопубликованная рукопись А. И. Деникина С. 142—147. Русский архив Колумбийского университета.*

Глава XL

[1] *Деникин А. И. Пути русской эмиграции. Рукопись доклада, сделанного генералом Деникиным в Нью-Йорке 5 февр. 1946 г. С. 13—14. Русский архив Колумбийского университета.*

[2] *Там же. С. 19—20.*

[3] *Там же. С. 45—46.*

Глава XLI

[1] В. П. Августинович (Монтвиль).

[2] *Андрей Седых. А. И. Деникин объясняет причины своего приезда в Нью-Йорк. Новое русское слово от 9 дек. 1945 г.*

[3] Перевод на русский язык статьи в *Морген журнал* был дан полностью в Нью-Йорке прокоммунистической газетой «Русский голос» 15 янв. 1946 г. под заглавием *Генерал Деникин и «Новое русское слово».*

[4] *Копия письма А. И. Деникина в Русском архиве Колумбийского университета.*

[5] *Из письма А. И. Деникина к сенатору Ванденбергу. Копия в Русском архиве Колумбийского университета.*

[6] *Русский архив Колумбийского университета.*

[7] *Письмо генерала Thomas T. Handy от 18 февраля 1946 года находится в Русском архиве Колумбийского университета.*

[8] *George Fisher Soviet Opposition to Stalin. Harvard Universitety Press. Cambridge. Mass. 1952.*

[9] Рукопись доклада А. И. Деникина *Пути русской эмиграции* на публичном собрании в Нью-Йорке 5 февр. 1946 г. *Архив Колумбийского университета.*

[10] *Новое русское слово. Нью-Йорк. 7 февр. 1946 г. Доклад А. И Деникина за подписью А. С.*

Глава XLI

[1] Генерал Деникин. Записка от 11 июня 1946 г. правительствам Англии и Соединенных Штатов, озаглавленная *Русский вопрос. Русский архив Колумбийского университета.*

[2] *Толстая А. Отец. Т. 2. С. 243. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1953.*

[3] *Генерал Деникин. Письмо к генералу Петру Константиновичу Писареву. Русский архив Колумбийского университета.*

[4] *Генерал Деникин. Наветы на белое движение. Неопубликованная рукопись. (Машинопись. 71 с.). Русский архив Колумбийского университета. Копия имеется и в архиве Гуверовской библиотеки в Калифорнии.*

[5] Следует отметить, что, хотя Антон Иванович связывал начало своей сердечной болезни с последним своим пребыванием в Париже в 1945 г., вдова его и дочь Марина Антоновна Chiappe настаивают, что болезнь эта началась за несколько лет до того, во время под-немецкой жизни в Мимизан.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

От автора 5

Глава I
ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ
Детство и юность. Ранние годы офицерства.
Русско-японская война. Революция 1905—1906 гг.
Политические партии. Земельная реформа Столыпина 11

Глава II
МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ
Служба в провинции. Военные кружки.
Командир полка. Последние предвоенные годы 45

Глава III
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
Начало войны. Железная бригада. Неудачи на фронте.
Железная дивизия. Личная жизнь.
Успехи на Юго-Западном фронте.
Назначение на румынский фронт.
Настроения в стране и в армии 60

Глава IV
ГОД РАСПЛАТЫ
Письма с фронта. События в Петрограде и роль Ставки.
Реакция генерала Деникина на переворот 99

Глава V
НОВЫЕ ВЕЯНИЯ
Новый начальник штаба. Генерал М. В. Алексеев. Ставка при генерале Деникине. Военный министр А. И. Гучков. «Демократизация» армии 116

Глава VI
РАЗЛОЖЕНИЕ
Князь Г. Е. Львов и П. Н. Милюков. А. Ф. Керенский. Настроения в Ставке. Назначение генерала А. А.Брусилова. Вопрос о наступлении 134

Глава VII
БОРЬБА С РАЗВАЛОМ
Командующий Западным фронтом. Моральный разгром русских войск. Совещание в Ставке 152

Глава VIII
СТАВКА НАМЕЧАЕТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
Начало июля в Петрограде. «Неограниченные полномочия» Керенского. Генерал Л. Г. Корнилов 167

Глава IX
ПЕРЕХОДНАЯ ФАЗА
Командующий Юго-Западным фронтом. Колебания Керенского. Государственное совещание в Москве. Военные приготовления Ставки 184

Глава X
«НАСТУПИЛА ДОЛГАЯ НОЧЬ БЕЗ СНА»
Разрыв с правительством. Арест генерала Деникина. Чрезвычайная следственная комиссия. Угроза самосуда 194

Глава XI
ДЕЛО КОРНИЛОВА 1 213

Глава XII
ДЕЛО КОРНИЛОВА 2 240

Глава XIII
ЗАКЛЮЧЕНИЕ В БЫХОВЕ
Письмо генерала Алексеева П. Н. Милюкову. «Быховские узники». Охрана заключенных. Октябрьский переворот. Генерал Духонин. Бегство на Дон 259

Глава XIV
НАЧАЛО БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ
Донская область. Генерал А. М. Каледин.
Алексеевская организация. Тяга на Дон. Трения.
Бедность в средствах. Цели добровольцев. Свадьба.
В советской зоне. Красные и белые. Перед уходом в степи 280

Глава XV
ПЕРВЫЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД 306

Глава XVI
ПОСЛЕ ПЕРВОГО ПОХОДА
Последствия Брест-Литовска. Отряд Дроздовского.
Психика добровольцев. Лозунги борьбы. Ксения Васильевна.
Отношения с атаманом Красновым. Чехословаки и Сибирь.
Разведки в Москве. Вооруженные силы противника 337

Глава XVII
ВТОРОЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД
Соотношение сил. Начало похода. Гибель генерала Маркова.
Екатеринодар. Начало трений на Кубани. Расширение борьбы.
Белые партизаны. Красная армия Сорокина.
Завершение Второго кубанского похода 363

Глава XVIII
ЛЕТО И ОСЕНЬ 1918 ГОДА
События в Приволжье и Сибири. Отношения с Грузией.
Убийство царской семьи. Правительственный аппарат на юге.
Смирить сотрудников. Речи декларативного характера.
Генерал Деникин и германские оккупационные власти 382

Глава XIX
НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ
Развал германской армии. Французские обещания.
Приезд союзных представителей. Совещание в Яссах.
Анархия на Украине. Колебания в союзных кругах.
Французская эпопея в Одессе и в Крыму.
Отношения с англичанами. Трения между союзниками 400

Глава XX
БОРЬБА ЗА ЕДИНСТВО КОМАНДОВАНИЯ.
ПЕРЕМЕНЫ В СИБИРИ 432

Глава XXI
ШИРОКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ
Переход военной инициативы к Деникину.
Успех генерала Деникина. Роль В. И. Селивачева.
Переполох в стане красных 444

Глава XXII
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ЮГА РОССИИ
Человек и правительство. Решение подчиниться
адмиралу Колчаку 463

Глава XXIII
«КОЛЬЦО ВОКРУГ МОСКВЫ»
Фронт адмирала Колчака. Север России.
Фронт генерала Юденича. Финляндия. Польша 486

Глава XXIV
ПОЗАДИ ДЕНИКИНСКОГО ФРОНТА
Трения с казачеством. Теневые стороны.
Черта оседлости. Крестьяне. Нестор Махно 511

Глава XXV
ВНЕШНИЕ СНОШЕНИЯ И ВНУТРЕННИЕ НЕЛАДЫ
Франция. Соединенные Штаты. Регент Александр. Англия.
Германия и Венгрия. «Самостойной Украины не признаю».
Внутреннее неустройство. Кризис на Кубани.
Генерал Станкевич и Ротмистр Брусилов.
Тревожные предчувствия 535

Глава XXVI
ПЕРЕЛОМ
Перелом военной инициативы к красным.
Соотношение сил. Неоправдавшиеся расчеты 561

Глава XXVII
ПОКУШЕНИЕ НА ВЛАСТЬ 574

Глава XXVIII
КЛЕВЕТА
Генерал И. П. Романовский. Падение авторитета.
Попытка вырвать инициативу 585

Глава XXIX
ПО НАКЛОННОЙ ПЛОСКОСТИ
Перемена курса политики. Гибель адмирала Колчака.
Осиное гнездо. Мучительное решение. Катастрофа 591

Глава XXX
МОРАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО
Последние девять дней. Константинопольская драма 614

Глава XXXI
ПОИСКИ ОТВЕТА 634

Глава XXXII
ПРЕБЫВАНИЕ В АНГЛИИ 644

Глава XXXIII
РАБОТА НАД «ОЧЕРКАМИ...»
В Бельгии. В Венгрии. Пятитомный труд 656

Глава XXXIV
«ПИСАТЕЛЬСКАЯ БРАТИЯ»
Тревога за бывших соратников.
Дружеское внимание писателей 667

Глава XXXV
НАБЛЮДЕНИЯ СО СТОРОНЫ
Эмигранты и ГПУ. Похищение генерала Кутепова 678

Глава XXXVI
СОВЕТСКИЕ АГЕНТЫ
Работа с С. П. Мельгуновым. Генерал Миллер,
Скоблин, Плевицкая. Юбилей Корниловского полка.
Похищение Миллера. Попытка похитить генерала Деникина.
Судебный процесс. Обывательские догадки 693

Глава XXXVII
«Я НЕ ПРИЕМЛЮ НИ ПЕТЛИ, НИ ИГА»
Публичные выступления. Архив. Лекционные турне.
«Спит мировая совесть» 715

Глава XXXVIII
ПОД НЕМЦАМИ-1
Мимизан. Арест жены генерала. Попытка вовлечь генерала в немецкую орбиту. Пассивное и активное противодействие. Заметки из дневника 726

Глава XXXIX
ПОД НЕМЦАМИ-2
Болезнь. Заметки из дневника.
Русские в немецких мундирах 744

Глава XL
РАДОСТЬ И ГОРЕ
Конец оккупации. Возвращение в Париж 755

Глава XLI
ПРИЕЗД В АМЕРИКУ 765

Глава XLII
ПОСЛЕДНИЙ ГОД 774

Примечания 783

ДИМИТРИЙ ЛЕХОВИЧ

ДЕНИКИН.
Жизнь русского офицера

Художественное оформление Максима Георгиева

Редактор Елена Панченко
Верстка Екатерины Жумабековой

Оригинал-макет подготовлен компьютерным центром
ГЖО «Воскресенье»
Руководитель Сергей Афанасьев

Сдано в набор 24.05.2003, подписано в печать 11.12.2003.
Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Объем 55,5 п.л.
Заказ № 2423. Тираж 3000

ВОСКРЕСЕНЬЕ™ — зарегистрированная торговая марка
ООО ИИА «Евразия+»
125993, Москва, А-40, ГСП-3, ул. Правды, 24.
Тел.: (095) 257-33-15
Факс: (095) 257-39-46

www.voskres.boom.ru

e-mail: voskres@naukanet.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП РМЭ «Марийский полиграфическо-издательский комбинат»
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112